

В. В. Розанов

Апокалипсис
нашего времени

В. В. Розанов

Собрание
сочинений

В. В. Розанов

Апокалипсис нашего времени

Выпуски № 1—10

Текст

„Апокалипсиса...“,
публикуемый впервые

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина

Москва
Издательство "Республика"
2000

УДК 1
ББК 87.3
Р64

Расшифровка впервые публикуемого
рукописного текста
А. Н. Николюкина
и *С. Р. Федякина*

Составление
А. Н. Николюкина
и *П. П. Апрышко*

Послесловие *С. Р. Федякина*

Указатель имен
В. М. Персонова

Федеральная программа
книгоиздания России

Розанов В. В.

Р64 Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ.
ред. А. Н. Николюкина. — М : Республика, 2000. — 429 с.
ISBN 5—250—01793—2

Очередной том Собрания сочинений В. В. Розанова (ранее вышло одиннадцать книг) включает впервые публикуемый полный текст его книги-завещания «Апокалипсис нашего времени» (1917—1918), работу над которой оборвала смерть писателя и из которой он успел напечатать только 42 записи-эссе (общее их число — около трехсот). Особое внимание в этих записях уделяется крушению Российской империи в 1917 г., философии пола, национальному и семейному вопросам.

Издание рассчитано на интересующихся русской литературой, философией и культурой.

ББК 87.3

ISBN 5—250—01793—2

© Издательство «Республика», 2000
© А. Н. Николюкин, составление, 2000

ВЫПУСКИ № 1—10

№ 1

К ЧИТАТЕЛЮ

Мною с 15 ноября будут печататься двухнедельные или ежемесячные выпуски под общим заголовком: «Апокалипсис нашего времени». Заглавие, не требующее объяснений, ввиду событий, носящих не мнимо апокалипсический характер, но действительно апокалипсический характер. Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, — и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливаются все троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания.

Выпуски будут выходить маленькими книжками
Склад в книжном магазине М. С. Елова, Сергиев Посад,
Московск. губ.

РАССЫПАННОЕ ЦАРСТВО

Филарет Святитель Московский был последний (не единственный ли?) великий иерарх Церкви Русской... «Был крестный ход в Москве. И вот все прошли, — архиереи, митрофорные иереи, купцы, народ; пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви. Все кончилось, почти... И вот поодаль от последнего народа шел он. Это был Филарет».

Так рассказывал мне один старый человек. И прибавил, указывая от полу — на крошечный рост Филарета:

— «И я всех забыл, все забыл: и как вижу сейчас — только его одного».

Как и я «все забыл» в Московском университете. Но помню его глубоко-мысленную подпись под своим портретом в актовом зале.

Слова, выговоры его были разительны. Советы мудры (императору, властям). И весь он был великолепен.

Единственный...

Но что же «опреж того» и «потом»? — незаметное, дробн. «Мы их видели» (отчасти). *Nota bene*. Все сколько-нибудь выдающиеся были уже с «ересью потаенною». Незаметно, безмолвно, но с ересью Тогда — как Филарет был «во всем прав».

Он даже Синод чтит. Был «сознательный синодал» И Николая Павловича чтит — хотя от него же был «уволен в отпуск от Синода и не появлялся никогда там»¹. Тут — не в церкви, но в императорстве — уже совершился или совершался перелом, надлом. Как было великому Государю, и столь консервативному, не соделать себе ближним советником величайший и тоже консервативный ум первого церковного светила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочам. Прав этот бес Гоголь.

Между тем Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Филарет — какое осияние Царства. Но Николай хотел один сиять «со своим другом Вильгельмом-Фридрихом» которым-то. Это был плоский баран, запутавшийся в терновнике и уже приуготованный к закланию (династия).

И вот рушилось все, разом, царство и церковь. Попам лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснее, чем царство. Царь выше духовенства. Он не ломался, не лгал. Но, видя, что народ и солдатчина так ужасно отреклись от него, так предали (ради гнусной распутинской истории), и тоже — дворянство (Родзянко), как и всегда фальшивое «представительство», и тоже — и «господа купцы», — написал просто, что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно.

«Я человек хотя и маленький, но у меня тоже 32 ребра» («Детский мир»).

Но Церковь? Этот-то Андрей Уфимский? Да и все. Раньше их было «32 иерея» с желанием «свободной церкви» «на канонах поставленной». Но теперь все 33333... 2...2...2...2 иерея и под-иерея и сверх-иерея подскочили под социалиста, под жида и не под жида²; и стали вопиять, глаголать и сочинять, что «церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической» и что особенно она уж никогда не была монархической, а вот только Петр Великий «принудил нас лгать».

Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она

¹ Столкновение с обер-прокурором, генералом Протасовым «Шпоры генерала цепляются за мою мантию», — выразился Филарет заочно Это было донесено Государю

² Пишу без порицания и иронии, а лишь в том оттенении, что для духовенства и в его словооборотах они всегда были в уничтожительно-презренном смысле «жидами» Но дело поворачивается к Апокалипсису, с его «песнью Моисея, раба Божия», и об них еще долгие сказы, — как оказывается — более долгие, чем о нашей несчастной Руси

разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была — эпоха, «два или три века». Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 «и такой серьезный», Новгородской губернии, выразился: «Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть». Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой.

И что́ ему царь сделал, этому «серьезному мужичку»¹.

Вот и Достоевский...

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и «Война и мир».

Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезен никто не был, и, в сущности, цари были серьезнее всех, так как даже Павел, при его способностях, еще «трудился» и был рыцарь. И, как это нередко случается, — «жертвою пал невинный». Вечная история, и все сводится к Израилю и его тайнам. Но оставим Израиля, сегодня дело до Руси. Мы, в сущности, играли в литературе. «Так хорошо написал». И все дело было в том, что «хорошо написал», а что́ «написал» — до этого никому дела не было. По *содержанию* литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этот народ хотя научили гвоздь выковывать, серп исполнить, косу для косьбы сделать («вывозим косы из Австрии» — география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, «как они любили» и «о чем разговаривали». И все «разговаривали» и только «разговаривали», и только «любили» и еще «любили».

Никто не занялся тем (и я не читал в журналах ни одной статьи — и в газетах тоже ни одной статьи), что в России нет ни одного аптекарского магазина, т. е. сделанного и торгуемого русским человеком, — что мы не умеем из морских трав извлекать йоду, а горчишники у нас «французские», потому что русские всечеловеки не умеют даже намазать горчицы, разведенной на бумаге с закреплением ее «крепости», «духа». Что же мы умеем? А вот, видите ли, мы умеем «любить», как Вронский Анну, и Литвинов Ирину, и Лежнев Лизу, и Обломов Ольгу. Боже, но любить нужно в семье; но в семье мы, кажется, не особенно любили, и, пожалуй, тут тоже вмешался чертов бракоразводный процесс («люби по долгу, а не по любви»). И вот церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это кстати, и «по закону»...

¹ Рассказ мне в местечке Суда (станция Николаевской ж. д.) Новгородской губ., г-жи Непениной, жены управляющего хозяйственною частью «Нов. Времени».

КАК МЫ УМИРАЕМ?

Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти.

Смерть, могила для $\frac{1}{6}$ части земной суши. «Простое этнографическое существование для бывшего Русского Царства и империи», о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то «полабские славяне», в которых преобразуется *былая Русь*.

«*Былая Русь*»... Как это выговорить? А уже выговаривается.

Печаль не в смерти. «Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел». Т. е. когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна.

Если нет смерти человека «без воли Божией», то как мы могли бы допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная «без воли Божией»? И в этом весь вопрос. Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца. «Уйдите, ненужные люди».

Почему мы «ненужные»?

Да уж давно мы писали в «золотой своей литературе»: «Дневник лишнего человека», «Записки ненужного человека». Тоже — «*праздного человека*». Выдумали «*подполья*» всякие... Мы как-то прятались от света солнечного, точно стыдясь за себя.

Человек, который стыдится себя? — разве от него не застыдится солнце? — Солнышко и человек — в связи.

Значит, мы «не нужны» в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небытие. Могила.

Мы умираем как фанфароны, как актеры. «Ни креста, ни молитвы». Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы — то это у русских. И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть — и мы сбросили крест. «Просто как православным человеком русский никогда не жывал». Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно «в баню сходили и окатились новой водой». Это — совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар.

Собственно, отчего мы умираем? Нет, в самом деле, — как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько «солнышко нас гонит», сколько мы сами гоним себя. «Уйди ты, черт».

Нигилизм... Это и есть нигилизм, — имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, — имя, в которое он раскрестился.

— Ты кто? Блуждающий в подсолнечной?

— Я нигилист.

— Я только *делал вид*, что молился.

— Я только *делал вид*, что *живу в царстве*.

— На самом деле — я сам себе свой человек.

— Я рабочий трубочного завода, а до остального мне дела нет.

— Мне бы поменьше работать.

— Мне бы побольше гулять.

— А мне бы не воевать.

И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.

— Земля — она должна сама родить.

И уходит от земли.

— Известно, земля Божия. Она всем поровну.

Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обагришь ее кровью.

Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя. Вот нигилизм и его формула.

И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен.

Замечательно, что мы уходим в землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные: помните, этот август месяц, и встречу Царя с народом, где было все притворно? И победы, — где самая замечательная была победа казака Крючкова, по обыкновению отрубившего семь голов у немцев. И это меньшиковское храброе — «Должны победить». И Долиной — победные концерты, в цирке Чинизелли и потом в Царском. Да почему «должны победить»? Победа создается не на войне, а в мирное время. А мы в мирное время ничего не делали, и уж если что мы знали хорошо, то это — то, что равно ничего не делаем. Но дальше — еще лучше. Уж если чем мы упились восторженно, то это — революцией. «Полное исполнение желаний». Нет, в самом деле: чем мы не сыты. «Уж сам жаждущий когда утолился, и голодный — насытился, то это в революцию». И вот еще не износил революционер первых сапогов — как трупом валится в могилу. Не актер ли? Не фанфарон ли? И где же наши молитвы? и где же наши кресты? «Ни один поп не отпел бы такого покойника».

Это колдун, оборотень, а не живой. В нем живой души нет и не было.

— Нигилист.

О нигилистах панихид не правят. Ограничиваются: «Ну его к черту».

Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

$\frac{1}{6}$ часть суши. Упоенная революция, как упоенна была и война. «Мы победим». О, непременно. Так не есть ли это страшный факт, что $\frac{1}{6}$ часть суши как-то все произрастала из себя «волчцы и тернии», пока солнышко не сказало: «Мне не надо тебя». «Мне надоело светить на пустую землю».

Нигилизм. — «Что же растет из тебя?»

— Ничего.

Над «ничего» и толковать не о чем.

— Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважает себя.

Это понятно. Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас с себя, планета сбросила.

По заслугам ли?

Слишком.

Как 1000 лет существовать, прожить княжества, прожить царство, империю, со всеми прийти в связь, надеть плюмажи, шляпу, сделать богомольный вид: выругаться, собственно, — выругать самого себя «нигилистом» (потому что по-нормальному это ведь есть ругательство) и умереть

Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду. «На самом же деле это был беглый актер из провинциального театра».

* * *

Самое разительное и показуемое все дело, всю суть его, самую сутеньку — заключается в том, что «ничего, в сущности, не произошло». «Но все — рассыпалось». Что такое совершилось для падения Царства? Буквально, — оно пало в буддень. Шла какая-то «середка», ничем не отличаясь от других. Ни — воскресенья, ни — субботы, ни хотя бы мусульманской пятницы. Буквально, Бог плюнул и задул свечку. Не хватало провизии, и около лавочек образовались хвосты. Да, была оппозиция. Да, царь скапризничал. Но когда же на Руси «хватало» чего-нибудь без труда еврея и без труда немца? когда же у нас не было оппозиции? и когда царь не капризничал? О, тоскливая пятница или понедельник, вторник...

Можно же умереть так тоскливо, вонюче, скверно. — «Актер, ты бы хоть жест какой сделал. Ведь ты всегда был с готовностью на Гамлета». «Помнишь свои фразы? А то даже Леонид Андреев ничего не выплюнул. Полная проза».

Да, уж если что «скучное дело», то это — «падение Руси»

Задуло свечку. Да это и не Бог, а... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. «Ты нам трагедий не играй. а подавай водевиль».

№ 2

Удобнее для читателя и меня, если «Апокалипсис нашего времени» я переведу в форму журнала, — однако не предполагая его издавать долго. Ограничиваясь пока мыслью дать всего *десять номеров*, я прошу желающих подписаться на него выслать подписную сумму, **3 руб. 50 коп.**, по адресу *Сергиев Посад, Московской губернии, Красюковка, Полевая улица, д свящ. Беляева, В В Розанову*

Пересылку по почте принимает на себя автор-издатель. Имя, фамилия и точный адрес подписчика должны быть написаны четко.

МОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

Я прочел в «Новом Времени», в передовой статье, что «с Германиею Россия может заключить мир *хоть сейчас*, если уступит ей Курляндию и Лифляндию с Ригою, и еще некоторые части отечественной территории». Думаю, что это из тех опасных иллюзий, за которые мы вообще уже столько заплатились. Не будем даже вспоминать слова Бисмарка, что «побежденному победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать». Это совсем не нужно, т. е. припоминаний о Бисмарке. Но нельзя представить себе, чтобы Германия, потеряв, во всяком случае, несколько миллионов не населения вообще, а той отборной части населения, которую образует армия, удовлетворилась крошечною терририею, с таким же числом только населения. Нельзя вообще представить себе, чтобы Германия подъяла войну такой страшной опасности и риска, такой невероятной тяжести, ради расчета на такое смехотворное приобретение. Несомненно, она только успокаивает нас иллюзией мира: и почти это входит в состав ее жестокости. Как это нужно и для побалованья и духовного обмана глупых российских социалистов. Как последний аргумент своей мысли я беру то, что для Германии, — оставь она целою Россию и, так сказать, способною к выздоровлению, — она, конечно, еще никогда не увидит ее столь беззащитною, с армиею, которая просто кидает оружие и уходит домой. И воображать, что Германия не разработает этот исключительный, этот невероятный случай, никогда ей и не мечтавшийся, со всем богатством возможностей, со всем обилием плода, — это просто показывает, что мы совершенные дети в политике.

Я имею самые печальные предчувствия. Я думаю, она разработает дело в смысле уже бывшего факта, такого же: именно — как было некогда *завоевание Англии норманнами*. И Вильгельм, не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, с заключением на о-ве Св. Елены, манится гораздо более удачным жребием второго Вильгельма Завоевателя. Конечно, — после Петрограда он двинется на Москву, на Волгу и завоюет *именно Великороссию*, как центр «Всея Руси», после чего захватит и Малороссию с Новороссиею, — причем ему и вознаградить союзника будет из чего. Мы вообще стоим перед фактом завоевания России, покорения России, — к чему *препятствий ведь нет*. А таковое отсутствие препятствий к покорению России, конечно, никогда на протяжении всей германской истории не повторится. И это не трудно предвидеть, предсказать; и это в Берлине предвидится так же хорошо, как — если бы были позорче люди в Петрограде — можно было бы предвидеть и в Петрограде.

Защита Англии и Франции? Это так далеко. Не десант же им делать. Да и Германия теперь десанта уже не пропустит. Это вполне в ее власти, при владении проливами около Эзеля и Даго. Да, освободив часть армии из России, она представит такую угрозу и самой Франции и Англии, с какою им справиться будет чрезвычайно трудно. А, во всяком случае, через самое небольшое число лет, обогатившись всеми средствами России и, между про-

чим, пользуясь и ее людским матерьялом (вот у немцев русские солдаты и бывшие социалисты пойдут в сражения¹), Германия, несомненно, расправится и с Франциею, и с Англиею, и с Италиею. И моя почти шутливая игра воображения в «Итальянских впечатлениях» — «Возможный гегемон *Европы*» (отдельная глава) — осуществится. Уже тогда было что-то такое в Берлине, что-то носилось в самом воздухе, по чему чувствовалось это. Да и песенка: «Deutschland, Deutschland — über alles», может быть, была не столько реально-глупою, сколько выверенно-пророчественною, сколько жадным аппетитом. Германский волк зол и толст. И нашей бедной России, стоящей перед ним таким пушистым ягненком, он не пощадит. А ягненок совершенно беззащитен.

Хороши же социалисты и вообще всероссийская демократия: скормить, все отечество скормить лютейшему врагу. Скормить не в переносном смысле, а в буквальном. Но нельзя не сказать: хороши и «лучшие люди России», начинавшие революцию в такую роковую войну и, как оказалось потом, ничего решительно не предвидевшие. Ленин и социалисты оттого и мужественны, что знают, что их некому будет судить, что судьи будут отсутствовать, так как они будут съедены. (*Октябрь*)

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции, — и о прогнившем насквозь Царстве, — которые воистину стоят друг друга. И — вернуться к временам стройным, к временам ответственным, к временам страшным...

Вот — Апокалипсис... Таинственная книга, от которой обжигается язык, когда читаешь ее, не умеет сердце дышать... умирает весь состав человеческий, умирает и вновь воскресает... Он открывается с первых же строк *судом над церквами Христовыми*, — теми, которые были в Малой Азии, в Лаодикии, в Смирне, в Фиатире, в Пергаме и других городах. Но, очевидно, не Лаодикия, не Пергам и проч., лежащие ныне в руинах, на самом деле имеют значение для «последних времен», какие имел в виду писатель странной книги. Но он рассмотрел посаженное Христом дерево и уловил с неизъяснимою для себя и для времени глубиною, что оно — *не* Дерево жизни; и предрек его судьбу в то самое время, в которое церкви только что зарождались.

Никакого нет сомнения, что Апокалипсис — не христианская книга, а — противохристианская. Что «Христос», упоминаемый — хотя немного — в нем, «с мечом, исходящим из уст его», и с ногами «как из камня сардиса и халкедона», — ничего же не имеет общего с повествуемым в Евангелиях Христом. В устройении Неба — ничего же общего с какими бы то ни было представлениями христианскими. Вообще — «все новое»... Тайнозритель Сам, волею своею и вспомоществующею ему Божиею волею, — срывает звезды, уничтожает землю, все наполняет развалинами, все разрушает: разрушает — христианство, странным образом «плачущее и вопиющее», бессильное и никем не вспомоществуемое. И — сотворяет новое, как *утеше-*

ние, как «утертые слезы» и «облечение в белые одежды». Сотворяет радость жизни, на земле, — *именно на земле*, — превосходящую какую бы то ни было радость, изжитую в истории и испытанную человечеством.

Если же окинуть всю вообще компоновку Апокалипсиса и спросить себя: — «да в чем же дело, какая *тайна* суда над церквами, откуда *гнев, ярость*, прямо рев Апокалипсиса» (ибо это книга ревущая и стонущая), то мы как раз уткнемся в наши времена: да — в *бессилии* христианства устроить жизнь человеческую, — дать «земную жизнь», именно — земную, тяжелую, скорбную. Чтó и выразилось к нашей минуте, — именно к нашей, теперешней... в которую «Христос не провозит хлеба, а — железные дороги», выразимся уже мы цинично и грубо. Христианство вдруг все позабыли, в один момент, — мужики, солдаты, — потому что оно *не вспомоществует*; что оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы. И только все поет, и только все поет. Как певичка. «Слушали мы вас, слушали. И перестали слушать».

Ужас, о котором еще не догадываются, больше, чем он есть: что не грудь человеческая сгноила христианство, а христианство сгноило грудь человеческую. Вот рев Апокалипсиса. Без этого не было бы «земли новой» и «неба нового». Без этого не было бы вообще Апокалипсиса.

Апокалипсис требует, зовет и велит новую религию. Вот его суть. Но чтó же такое, чтó случилось?

Ужасно апокалипсично («сокровенно»), ужасно странно: что люди, народы, человечество — *переживают апокалипсический кризис*. Но что само христианство кризиса не переживает. Это до того очевидно, до того читается в самом Апокалипсисе, вот «в самых этих его строках», что поразительно, каким образом ни единый из читателей и бесчисленных толкователей этого совершенно не заметил. Народы «поют новую песнь», утешаются, облакаются в белую одежду и ходят «к древу жизни», на «источники вод». Куда ни папы, ни прежние священники вовсе никого не водили.

Блудницы вопиют. Первосвященники плачут. Цари стонут. Народы извиваются в муках: но — *остаток от народа* спасается и получает величайшее утешение, в котором, однако, ни одной черты христианского, — христианского и церковного, — уже не сохраняется.

Но чтó же, что же это такое? почему Тайнозритель так очевидно и неоспоримо говорит, что *человечество переживет* «свое христианство» и *будет еще долго после него жить* судя по изображению, ничем не оканчивающемуся, — бесконечно долго, «вечно».

Проведем параллели:

Евангелие — рисует.

Апокалипсис — ворочает массами, глыбами, творит.

В образах, которые силою превосходят евангельские картины, а красотою не уступают им, и которые пронзительны, кричат и вопиют к небу и земле, он говорит, что еще не перешедшие за городки Малой Азии церковки, — первые общины христианские, — распространятся во всей Вселенной, по всему миру, по всей земле. И в момент, когда настанет полное и,

казалось бы, окончательное торжество христианства, когда «Евангелие будет проповедано всей твари», — оно падет сразу и все, со своими царствами, «с царями, помогавшими ему», и — «восплачут его первосвященники». И что среди полного крушения настанет совершенно «все новое», при «падающих звездах» и «небе, свившемся как свиток». «Перестанет небо», «перестанет земля», и станет «все новое», ни на что прежнее *не похожее*. Сказать это за 2000 лет, предречь с некоторыми до буквальности теперь сбывающимися исполнениями, перенесясь через всю христианскую историю, как бы пронзя «рогом» такую толщу времен и необъятность событий, — это до того странно, невероятно, что никакое из речений человеческих поистине не идет в сравнение. Апокалипсис — это событие. Апокалипсис — это не слово. Что-то похоже на то, что Вселенная изрыгнула его сейчас после того, как другой Учитель тоже Вселенной проговорил свои вещие и грозные слова, тоже в первый раз произнеся «суд миру сему».

И вот — два суда: из Иерусалима о самом этом Иерусалиме, главным образом, — об Иерусалиме; и с острова Патмоса — над Вселенною, которую научил тот Учитель.

Нет ли разницы в самой компоновке слов? И, хоть это очень странно спрашивать о таких событиях-словах: нет ли чего *показующего для души в стиле литературного изложения?*

Евангелие — человеческая история, нам рассказанная: история Бога и человека: «богочеловеческий процесс» и «союз».

Апокалипсис как бы кидает этот «богочеловеческий союз» — как негодное, — как изношенную вещь.

Но фундамент? фундамент? Но — почему? почему?

В образах до такой степени чрезмерных, что даже Книга Иова кажется около него бессилием и изнеможением, что даже «сотворение мира и человека» в Книге Бытия — тоже тускло и слабо, бледно и бескровно, он именно *в структуре могущества и показывает суть свою*. Он как бы ревет в «конце времен», для «конца времен», для «последнего срока человечества»:

Бессилие.

Конец мира и человечества будет таков, потому что Евангелие есть книга изнеможений.

Потому что есть:

мочь

и — **не мочь**.

И что Христос пострадал и умер за

не мочь... хотя бы и был в полной и абсолютной истине.

Христианство — неистинно; но оно — не мочно.

И образ Христа, начертанный в Евангелиях, — вот именно так, как там сказано, со всею подробностью, с чудесами и прочее, с явлениями и т. под., не являет ничего, однако, кроме *немощи, изнеможения..*

Апокалипсис как бы спрашивает: да, Христос мог описывать «красоту полевых лилий», призвать слушать себя «Марию сестру Лазаря», но Христос не посадил дерева, не вырастил из себя травки; и вообще он «без зерна мира», без — *ядер*, без — *икры*; не травянист, не животен; в сущности — не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле. Тенистость, тенность, пустынность Его, небытийственность — сущность Его. Как будто это — только Имя, «рассказ». И что «последние времена» потому и покажутся так страшны, покажутся до того невероятно ужасны, так вопиюще «голодны», а сами люди превратятся в каких-то «скорпионов, жалящих самих себя и один другого», что вообще-то — «ничего не было», и сами люди — точно с отощавшими отвислыми животами, и у которых можно ребра сосчитать, — обратились таинственным образом в «тень человека», в «призраки человека», до известной степени — в человека «лишь *по имени*».

О, о, о...

Вот, вот, вот...

Не узнаем ли мы *себя* здесь? И как тогда не реветь Апокалипсису и не наполнять Престол Небесный — животными, почти — животами, брюхами — все самых мощных животных, тоже — ревущих, кричащих, вопиющих — льва, быка, орла, девы. Все — полет, все — сила. Почему бы не колибри и не «лилии полевые»? Маленькая птичка — хороша, как и большая, а «лилии» не хуже баобаба. И вдруг Апокалипсис орет:

— Больше мяса...

— Больше вопля...

— Больше рева...

— Мир отощал, он болен... Таинственная Тень навела на мир хворь...

— Мир — умолкает...

— Мир — безжизнен...

— Скорее, скорее, пока еще не поздно... Пока еще последние минуты длятся. «Поворот всего назад», «новое небо», «новые звезды».

Обилие «вод жизни», «Древо жизни»...

* * *

Солнце загорелось раньше христианства. И солнце не потухнет, если христианство и кончится. Вот — ограничение христианства, против которого ни «обедни», ни «панихиды» не помогут. И еще об обеднях: их много служили, но человеку не стало легче.

Христианство не космологично, «на нем трава не растет». И скот от него не множится, не плодится. А без скота и травы человек не проживет. Значит, «при всей красоте христианства» — человек все-таки «с ним одним не проживет». Хорош монастырек, «в нем полное христианство»; а все-таки *питается он около соседней деревеньки*. И «без деревеньки» все монахи перемерли бы с голоду. Это надо принять во внимание и обратить внимание на ту вполне «апокалипсическую мысль», что *само в себе и одно* — христианство проваливается, «не есть», гнило, голодает, жаждет. Что «питается» оно — *не*

христианством, не христианскими знаками, не христианскими произрастаниями. Что, таким образом, — христианство само и одно, чистое и самое восторженное, зовет, требует, алчет — «и нехристианства».

Это — поразительно, но так. Хороша была беседа Спасителя к пяти тысячам народа. Но пришел вечер, и народ возжаждал: «Учитель, хлеба!»

Христос дал хлеба. Одно из величайших чудес. Не сомневаемся в нем. О, нисколько, нимало, ни йоточки. Но скажем: каково же солнце, которое неизреченным тьмам народа дает хлеб, — дает как «по службе», «по должности», почти «по пенсии». Дает и **может** дать. Дает и, значит, **хочет** дать?

У солнца — воля и... **хотение**?

Но... тогда «ваал-солнце»? ваал-солнце — финикиян?

И тогда «поклонимся Ему»? Ему и его великой — **мощи**?

— Это-то уже несомненно. Ему и его великому, *благородному, человеколюбивому хотению?*..??? Это же невероятно. Но что «солнце больше может, чем Христос» — это сам папа не оспорит. А что солнце больше Христа желает счастья человечеству — об этом еще сомлеваемся, но уже ничего не мог бы возразить Владимир Соловьев, изучавший все «богочеловеческий процесс» и строивший «ветхозаветную теургию» и «ветхозаветное домостроительство» (или «теократию»).

Мы же берем прямо Финикию:

«Ты — ходил в Саду Божиим... Сиял среди игристых огней»... «Ты был первенец Мой, первенец от создания мира», — говорит Иезекииль или Исаия, кто-то из ветхозаветных, — говорит городу, в котором поклонялись Ваалу и нимало, не Иегове.

Ну, кто же не видит из моих тусклых слов, что «богочеловеческий процесс воплощения Христа» потрясается. Он потрясается в бурях, он потрясается в молниях... Он потрясается в «голодовках человечества», которые настали, настают ныне... В вопияниях народных. «Мы вопияли Христу, и Он не помог». «Он — немощен». Помолимся Солнцу: оно больше может. Оно кормит не 5000, а тьмы тем народа. Мы только не взирали на Него. Мы только не догадывались.

— «Христос — мяса!»

— «На ребра, в брюхо, детям нашим и нам!»

Христос молчит. Не правда ли? Так не Тень ли он. Таинственная Тень, наведшая отощание на всю землю.

№ 3

КРОТКАЯ

Ты не прошла мимо мира, девушка... о, кротчайшая из кротких... Ты испуганным и искристым глазком смотрела на него.

Задумчиво смотрела... Любяще смотрела... И запевала песню... И заплетала в косу ленту...

И сердце стучало. И ты томилась и ждала.

И шли в мире богатые и знатные. И говорили речи. Учили и учились. И все было так красиво. И ты смотрела на эту красоту. Ты не была завистлива И тебе хотелось подойти и пристать к чему-нибудь.

Твое сердце ко всему приставало. И ты хотела бы петь в хоре.

Но никто тебя не заметил, и песен твоих не взяли. И вот ты стоишь у колонны.

Не пойду и я с миром. Не хочу. Я лучше останусь с тобой. Вот я возьму твои руки и буду стоять.

И когда мир кончится, я все буду стоять с тобою и никогда не уйду.

Знаешь ли ты, девушка, что это — «мир проходит», а — не «мы проходим». И мир пройдет и прошел уже. А мы с тобой будем вечно стоять.

Потому что справедливость с нами. А мир воистину несправедлив.

ЧТО-ТО ТАКОЕ СЛУЧИЛОСЬ

Есть в мире какое-то недоразумение, которое, может быть, неясно и самому Богу. В сотворении его «что-то такое произошло», что было неожиданно и для Бога. И отсюда, собственно, иррационализм, мистика (дурная часть мистики) и неясность. Мир гармоничен, и это — «конечно». Мудр, благ и красота, и это — Божие. Но «хищные питаются травоядными» — и это уж не Божие. Сова пожирает зайчонка — тут нет Бога. Бога, гармонии и добра.

Что́ такое произошло — этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и *не понимает* Сам Бог. Бороться или победить это — тоже бессилён Сам Бог. Так «я хочу родить мальчика красивого и мудрого», а рождается «о 6-ти пальцах, с придурью и непредвиденными пороками». Так и планета наша. Как будто она испугана была чем-то в беременности своей и родила «не по мысли Божией», а «несколько иначе». И вот «божественное» смешалось с «иначе»...

И перед этим «иначе» покорен и Бог. Как тоскующий отец, который смотрит на малютку с «иначе», и хочет поправить, и не может поправить. И любит «уже все вместе»...

ЗАЧЕМ ОНИ ЗВОНЯТ?

Бом. Бом. Бом. Но уже звук пустой.

И оттого, что под колоколом нет венчания невесты и жениха. Тот, *другой*, — не помог. А *этот*, который все-таки помогал по мелочам, — немного, но помогал, — немного, но старался, — по-земному и глупо, но все-таки старался, — услан далече.

И не вздохнула невеста по женихе. И я увидел, что она горбатая.

.....
.....
Эх, не горбат вот жид: написал в марте:

«.. Напишите, как вы умеете писать, — *правдиво и страстно*, — мне о «мартовских днях». Тут зима, — и лютая, — весны еще нет. Весь этот гул и шум противен моей душе. В санатории уже умерло 4 воина. Смерть сильнее всего на этой планете. Есть ли душа? Есть ли загробная жизнь? Вот это важнее всех революций! Жаль царя Николая. Догадываюсь, что он был человек мягкого характера и безвольный очень. *Все, все* — пройдет, но что́ будет «там»? Вам 61 год, вы много думали, страдали, — скажите мне вы, дорогой душевный друг. Лейзер Шацман».

Санаторий «Дергачи», Харьковской губернии и уезда, Всероссийского Земского Союза, № 11 (туберкулезный) (Лично мне не знаком.)

ДЕД

Когда не хочется больше любить, не ждется одежда, и кушаешь кашку-размазню с кой-каким маслицем, — то и называет себя, естественно, «христианином».

Лысый, с белой бородою.
Дедушка сидит.
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

— Кто ты, дедушка?

— Хрестьянин... крестьянин...

Или, как Достоевский и софистически и верно перефразировал:

— «Христианин».

Боже: к чему догматики, историки, апологеты нагородили столько ерунды, когда дело выражается в одном великом:

не надо.

«МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»

— и делает очень глупо. Оттого она бедна. Нужно именно *верить*, и — не слезам, а — вообще, всегда, до тех пор пока получил обман: финикияне в незапамятную древность, в начале истории, приучились верить и образовали простую бумажку, знак особый, который писали, делали и т. д. Он был условен: и кто

давал его — получал «доверие», и это называлось — *кредитом* Заведшие это, «доверчивые» люди, но определенно доверчивые, и вместе — не по болтовне или «дружеской беседе», а — деловым образом и для облегчения жизни, стали первыми в мире по богатству. Не чета русским. Которые даже в столь позднее время — все нищают, обманывают и — тем все более разоряются.

* * *

Долг платежом красен

— и русские выполняют и не могут не выполнить этого, насколько это установили финикияне (вексель)... Но решительно везде, где могут, — стараются жить на счет друг друга, обманывают, сутенерничают. И думая о счастье — впадают все в бóльшее и бóльшее несчастье.

ОБ ОДНОМ НАРОДЦЕ

Им были даны чудные песни всем людям. И сказания его о своей жизни — как никакие. И имя его было священо, как и судьбы его — тоже священны для всех народов.

Потом что́-то случилось... О, что́ же, что́ же случилось?..

.....
Нельзя понять...

.....
Ни один народ не может. Никто из человечества...

.....
Ни мудрец, ни ученый, ни историк.

И стал он поругаемым народом, имя которого обозначает хулу. И имя которого, национальное имя, стало у каждого племени ругательным названием всякого человека, к кому оно приложится в этом чужом племени.

О, что же случилось?.. ?..

.....
.....
Больше, больше: будем ли мы читать «Летопись Тацита» — когда томимся? Или — Геродота о скифах и Вавилоне? Будем ли читать о Пелопоннесской войне — Фукидида? Нет, нет: когда *в томлении душа* — то как все это чуждо и посторонне... Все это мы изучали бы, только чтобы прочесть лекцию, написать ученый труд, и — «так, от некоторого безделья».

Но вот — юная вдова, подбирающая колосья пшеницы на поле богатого землевладельца: и то, как она это делает, — и слова ее своей свекрови, — проливают в душу утешения. И много еще...

Народ этот пролил утешение во все сердца.

И все-таки он проклят. Что́ же случилось, — о, что́ такое, особенное???...?

Сказать: «утешение» — и это сказать *все* о том народе. Читаем ли мы хронику о Меровингах у Григория Турского или изящные очерки Августина Тьери, написанные по канве этой хроники, — мы в обоих случаях читаем милое, грациозное, прелестное. Но это чтение дает только наслаждение вкусу, душа же остается если не холодной, то спокойною. Но вот мы читаем о войне, о грозе: один царь — победитель, другой — побежден. Побежденный боится за жизнь свою, обыкновенно боится — как боялся бы каждый человек, и ищет потаенной комнаты во дворце своем. Победитель спрашивает о враге своем, и ему приближенные передают о всем унижении и страхе, в каком тот находится. Вдруг победитель отвечает вовсе не тем гордым, самоуверенным тоном, какой так естествен в самоупоении победы и каким в самоупоении победы говорили *все* цари и полководцы, а — совсем иным, новым, неожиданным:

«Зачем он бежит от меня? Он — *брат мой*».

Кто в историях Ассирии видал, как со связанными за спиною руками пленник стоит перед победившим царем на коленях, а ассирийский царь, подняв копье, выкалывает ему глаза, и вместе примет во внимание, что переименование «врага» в «брата своего» произошло в ту же самую эпоху, тот оценит *всю разницу* в душевном строе одного и другого. И поймет, почему я упорно называю «утешением» то особое чувство, какое льется на душу читателя от истории этого единственного народа.

И он — проклят.

Но тогда что же случилось, почему мы так же ненавидим этот народец, как ассирияне ненавидели своих врагов. И, оглядываясь на цивилизацию нашу, не подумаем ли о ней с печалью строк, сказанных Алексеем Толстым.

Ассирияне шли как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах Галилейских мерцание звезд

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они,
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали развеяны тьмы

Ангел смерти лишь на-ветер крылья простер
И дохнул им в лицо, и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

Вот расширивший ноздри, повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белест на нем

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа, и роса на власах,
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копье и не трубит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял, как снег, перед блеском Творца!

И вот народ, который всемирно был утешителем всех скорбных, утомленных, нуждающихся в свете душ, — теперь во тьме, и не только сам без утешения, но пинаем и распинаем... Что же, что такое случилось? Явно — случилось в планете и в судьбах человечества?

ЕЖЕДНЕВНОСТЬ

Булочки, булочки .
Хлеба пшеничного ..
Мясца бы немного .

* * *

Это ужасное замерзание ночью. Страшные мысли приходят. Есть что-то враждебное в стихии «холода» — организму человеческому, как организму «теплокровному». Он *боится холода*, и как-то *душевно боится*, а не кожно, не мускульно. Душа его становится грубою, жесткою, как «гусиная кожа на холоду». Вот вам и «свобода человеческой личности». Нет, «душа свободна» — только если «в комнате тепло натоплено». Без этого она не свободна, а боится, напугана и груба.

* * *

Впечатления еды теперь главные. И я заметил, что, к позору, и господа и прислуга это равно замечают. И уже не стыдится бедный человек, и уже не стыдится горький человек. Проехав на днях в Москву, прошелся по Ярославскому вокзалу, с грубым желанием видеть, что едят. Провожавшая меня дочь сидела грустно, уткнувшись носиком в муфту. Один солдат, вывернув из тряпки огромный батон (витой хлеб пшеничный), разломил его широким разломом и начал есть, даже не понюхав. Между тем пахучесть хлеба, как еще пахучесть мяса во щах, есть что-то безмерно неизмеримее самого питания. О, я понимаю, что в жертвеннике Соломонова храма были сделаны *ноздри* и сказано, — *о Боге сказано*, — что он «вдыхает туки своих жертв».

СОЛНЦЕ

Заботится ли солнце о земле?

Не из чего не видно: оно ее «притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний».

Таким образом, 1-й ответ о солнце и о земле Коперника был глуп.

Просто — глуп.

Он «сосчитал». Но «счет» в применении к нравственному явлению я нахожу просто глупым.

Он просто ответил **глупо**, негодно.

С этого глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце началась пошлость планеты и опустошение Небес.

«Конечно, — земля не имеет об себе заботы солнца, а только притягивается по кубам расстояний».

ТЬФУ.

№ 4

ПРАВДА И КРИВДА

«Без *грешного* человек не проживет, а без *святого* — слишком проживет». Это-то и составляет самую, самую главную часть акосмичности христианства.

Не только: «читаю ли я Евангелие с начала к концу, или от конца к началу», я совершенно ничего не понимаю:

как мир устроен? и — **почему?**

Так что Иисус Христос уж никак не научил нас мирозданию; но и сверх этого и главным образом: — «дела плоти» он объявил грешными, а «дела духа» праведными. Я же думаю, что «дела плоти» суть главное, а «дела духа» — так, одни разговоры.

«Дела плоти» и суть космогония, а «дела духа» приблизительно выдумка.

И Христос, занявшись «делами духа», — занялся чем-то в мире побочным, второстепенным, дробным, частным. Он взял себе «обстоятельства образа действия», а не самый «образ действия», — т. е. взял он не *сказуемое* того предложения, которое составляет всемирную историю и человеческую жизнь, а — только одни *обстоятельственные, теневые, штриховые* слова.

«Сказуемое» — это еда, питье, совокупление. О всем этом Иисус сказал, что «грешно», и — что «дела плоти соблазняют вас». Но если бы «не соблазняли» — человек и человечество умерли бы. А как «слава Богу — соблазняют», то — тоже «слава Богу» — человечество продолжает жить.

Позвольте: что за «слава Богу», если человек (человечество) умер?

Как же он мог сказать: «Аз есмь путь и жизнь»? Ничего подобного. Ничего даже приблизительноного. «Обстоятельственные слова».

Напротив, отчего есть «звезды и красота» — это понятно уже из насаждения рая человеком. Уже *он* — прекрасен, и это есть утренняя звезда. Я хочу сказать, что «утреннюю звезду» Бог дал человеку в раю: и тайным созданием Эдема Он выразил и вообще весь план сотворения чего-то изумительного, великолепного, единственного, неповторимого. Все к этому рвется: «лучше», «лучше», «лучше». Есть меры и измеримость: Бог как бы изрек — «Я — безмерный, и все сотворенное мною рвется к безмерности, бесконечности, нескончаемости». А, это — понятно. «Там оникс и камень бдолах» (о рае). Напротив, когда мы читаем Евангелие, то что же мы понимаем в безмерности? Да и не в одной безмерности: мы вообще — ровно ничего не понимаем в мире.

«И вот, на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее — луна; и на голове ее — венец из двенадцати звезд

Она имела во чреве и кричала от мук рождения».

(Апокалипсис, 12)

Тут мы понимаем, что роды, именно человеческие роды, лежат в центре космогонии

Библия — нескончаемость.

«Иисус же сказал: «Есть скопцы, которые из чрева матерного родились тако; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сами сделали себя скопцами ради Царства Небесного. Кто может вместить это — да вместит».

(Евангелие от Матфея, 19)

Тут мы совершенно ничего не понимаем, кроме того, что это — не нужно.

Евангелие — тупик.

Теперь: «грех» и «святость», «космическое» и «акосмичность»: мне кажется, что если уже где может заключаться «святое», «святость» — то это в «сказуемом» мира, а не «в обстоятельствах образа действия». Что за эстетизм. Поразительно великолепие Евангелия: говоря о «делах духа» в противоположность «делам плоти» — Христос через это именно и показал, что «Аз и Отец — *не одно*». «Отец» — так Он и отец: посмотрите Ветхий Завет, — чего-чего там нет. Отец не пренебрегает самомалейшим в болезнях дитяти, даже в капризах и своеволии его: и вот *там*, в Ветхом Завете, мы находим «всяческое». Все страсти кипят, никакие случаи и исключительности — не обойдены. «Отец» берет свое дитя в руки, моет и очищает его сухим и мокрым, от кала грязного и от мокрого. Посмотрите о лечении болезней, парши, коросты. В пустыне Он идет над ними *тенью* — днем (облако, зной) и столбом огненным — ночью *освещает путь*. Похитили золотые вещи у египтян, и это не скрыто; ибо так естественно, так просто: ведь они работали на них в рабстве, работали — бесплатно. Этим таинственным и глубоким попечением о человеке, каким-то кутающим и пеленающим, — отличается «Отцовский завет» от сыновнего. Сын — именно «*не одно*» с Отцом. Пути физиологии суть пути космические, — и «роды женщины» поставлены впереди «солнца, луны и звезд». Тут тоже есть *объяснение*, чего абсолютно лишено Евангелие Действительно: тут показано, в видении Апокалипсиса, что и луна, и звезды, и солнце — все для облегчения «родов». Жизнь поставле-

на выше всего И именно — жизнь человека. Пирамида ясна в основании и завершении. Евангелие оканчивается скопчеством, тупиком. «Не надо». Не надо — самых родов. Тогда для чего же солнце, луна и звезды? Евангелие со странным эстетизмом отвечает — «для украшения». В производстве жизни — этого не нужно. Как «солнце, луна и звезды» явились ни для чего, в сущности, так и роды — есть «ненужное» для Евангелия, и мир совершенно обесмысливается. «Все понятно» — в Библии, «ничего не понятно» — в Евангелии.

И вот — Престол Апокалипсиса, посреди коего сидят животные. Что за представление небес? Но разве роды коровы ниже чем-нибудь родов женщины? Это — «пути Божии». В «оправдании всего» Апокалипсиса — именно и лежит оправдание Божеское, оправдание Отцовское, и с болячками, и с коростами, и с поносами, и с запорами дитяти-человека. Как чудно! О, как хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи, и славны они в болезни и в исцелении. Апокалипсис изрекает как бы правду Вселенной, правду *целого* — вопреки *узенькой* «евангельской правде», которая странным образом сводится не к богатству, радости и полноте мира, а к точке, молчанию и небытию скопчества. Воистину — «поколебались основания земли». Христос пришел таинственным образом «поколебать все основания» сотворенной «будто бы Отцом Его» Вселенной. И что Коперник, на вопрос о солнце и земле, начал говорить, что они действуют «по кубам расстояний», — то это совершенно христианский ответ. Это — именно «обстоятельство образа действия». А «для чего они действуют» — это и неведомо, и неинтересно.

Таинственным образом христианство начало обходиться «пустяками». На вопрос о земле и луне оно ответило «кубами расстояний», а на вопрос о гусенице, куколке и мотыльке оно ответило еще хуже: что так «бывает». «Наука христианская» стала сводиться к чепухе, к позитивизму и бессмыслице. «Видел, слышал, но не понимаю». «Смотрю, но ничего не понимаю» и даже «ничего не думаю». Гусеница, куколка и мотылек имеют объяснение, но не физиологическое, а именно — космогоническое. Физиологически — они необъяснимы; они именно — *неизъяснимы*. Между тем космогонически они совершенно ясны: это есть все живое, решительно все живое, что приобщается жизни, гробу и воскресению.

В фазах насекомого даны фазы мировой жизни. Гусеница: — «мы ползаем, жрем, тусклы и недвижимы». — «Куколка» — это гроб и смерть, гроб и прозябание, гроб и обещание. — Мотылек — это «душа», погруженная в мировой эфир, летающая, знающая только солнце, нектар, и — никак не питающаяся, кроме как из огромных цветочных чашечек. Христос же сказал: «В будущей жизни уже не посягают, не женятся». Но «мотылек» есть «будущая жизнь» гусеницы, и в ней не только «женятся», но — наоборот Евангелию — при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобии смерти в куколке, — бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!! — не только хоботок ее вовсе не приспособлен для еды, но у нее нет и кишечника, по крайней мере — у некоторых!!), странным образом — она имеет отношение *единственно к половым органам* «чуждых себе существ», приблизительно — именно Дерева жизни: растений, непонятных,

загадочных. Это что-то, перед всякой бабочкою, — неизмеримое, огромное. Это — лес, сад. Что же это значит? Таинственным образом жизнь бабочки указывает или предвещает нам, что и души наши после гроба-куколки — будут получать от нектара двух или обоих божеств. Ибо сказано, что сотворена была Вселенная от *Элогим* (двойственное число Имени Божия, употребленное в рассказе Библии о сотворении мира), а не от *Элоах* (единственное число); что божеств — *два*, а не *одно*: «по образу и по подобию которых — мужем и женою сотворил Бог и человека».

Мотылек — душа гусеницы. Solo — душа, без привходящего. Но это показывает, что «душа» — не нематерьяльна. Она — осязаема, видима, *есть*. но только — *иначе, чем в земном существовании*. Но что же это и как? Ах, наши сны и сновидения иногда реальнее бодрствования. Гусеница и бабочка показывают, что на земле мы — только «жрем»; а что «там» будет все — полет, движение, камедь, мирра и фимиам.

Загробная жизнь вся будет состоять из света и пахучести. Но именно — того, что осязаемо, что физически — пахуче, что плотски, а не бесплотно — издает запах. Не без улыбки можно ответить о «соблазнах *мира сего*», что в них-то и «течет», как бы истекает из души вещей, из энтелехии вещей — уже теперь «жизнь будущего века»; и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще-то наиболее прекрасная и «небесная», именно и прекрасна от очертаний губ, рта и носа. «Что за урод, в ком нет носа и губ», или есть в них повреждение, и даже просто — некрасивая линия. Апокалипсическое в нас — улыбка. Улыбка — всего апокалипсичнее.

Радость, ты — *искра небес*, ты — *божественна*,
Дочь *елисейских полей*

Это — не аллегория, это — реальная, точнее — это ноуменальная правда. «Хорошо соблазняться» и «хорошо быть соблазняемым». Хорошо, «через кого соблазн входит в мир»: он вносит край неба на плосковатую землю. Загадочно, что в Евангелии ни разу не названо ни одного запаха, ничего — пахучего, ароматного, как бы подчеркнуто расхождение с цветком Библии — «Песнью песней», этою песнею, о которой один старец Востока выговорил, что «все стояние мира недостойно того дня, в который была создана «Песня песней». И вот, Евангелие, таким образом, представляет «эту» и «будущую жизнь» совсем наоборот: «пути»-то жизни, насколько они *физиологические пути*, и есть *главное и небесное* (Престол Апокалипсиса); это есть «подлежащее», которое «оправдалось».

А тот «путь жизни», «жизнь духа» — есть «обстоятельный путь», проводимый в праздности, эстетике и разговорах...

И долго на свете томилась она

это — земная жизнь гусеницы, ползающая и жрущая...

это — мотылек, бабочка, утопающая в эфире, в солнечных лучах. Того самого Солнца, которое «и со звездами, и с луною» — только «окружает роды женщины».

*И песен любви заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

И никакого «ада и скрежета зубовного» там, а — собирание нектара с цветов. За муки, за грязь и сор и «земледелие» гусеницы, за гроб и подобие, — но только *подобие смерти* в куколке, — душа восстанет из гроба; и переживет, каждая душа переживет, и грешная и безгрешная, свою невыразимую «песню песней». Будет дано каждому человеку по душе этого человека и по желанию этого человека. Аминь.

ИЗ ТАИНСТВ ХРИСТОВЫХ

«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда...»

Как это сказано... О, как сказано... И чудятся какие-то действительно страшные тайны за сказавшим так или, особенно, за *увидевшим* что-то...

СЫН

Чтобы сын родился — нужно допустить какой-то *недостаток* в отце. Отец — это так, **полно**. Отец — это **все**. Отец — это Солнце и душа и правда солнца. Везде лучи Его до концов Вселенной. Отец, и — **кончено**.

Что же значит, что **Сын родился**? Только если Отец в чем-то *не* дотворил? Или, может быть, он не научил или недоучил? Но и «нравственный закон» он уже принес (на Синае). Вовсе не одно сотворение «глыб», «солнца и луны», и «света» и «ночи». Что же? Как же?

Нельзя понять иначе, как заподозрив отца в *недостатке* и полноте. «Отец — это еще **не все** и **не конец**».

Ну, — тогда понадобился и Сын.

СОЛНЦЕ

Живет ли Солнце?

Вот самое загадочное, — и даже единственно загадочное, — о нем.

Все решительно ученые, до единого все, от Лапласа до гимназиста, убеждены, что оно «конечно — не живет»; что оно есть «предмет»...

Но почему не гаснет? — «Погаснет». Но ведь времени было довольно, чтобы погаснуть. Довольно ли?? О, кажется...

«От него жизнь на земле». От *него* ли? По-видимому. Живое от механического? Странно. «Да. Но так учат атомы». «Они все стучат».

Ну а если оно «живет»? Тогда 1-я мысль кидается к Христу. «Значит, Ты — не Бог». Странно.

«Солнце живет». Допустим эту гипотезу. Допустим не как фразу, а как действительность. Но как же оно живет? «В таком огне?» — В таком огне прекращается жизнь. И если бы так, то значило бы, что для «жизни» пределов температуры нет.

Странно.

Нет, по-видимому, — «не живет». «При такой горячности — все скипит, сварится».

Имеет ли оно душу — вот вопрос. «Что будет с душой при очень высокой t^0 ?»

Неведомо.

Почему планеты движутся около Солнца? Почему не «стоят» около Солнца? «Тогда бы упали». Ну, и «упали» — ничего. «Мала куча».

Все же в «движениях планет» и в самом «Солнце» наука ничего не понимает, даже раз-наука. И Лаплас понимает столько же, сколько гимназист.

* * *

Да, еще: что заключается внутри чего, Солнечная система заключается внутри Евангелия, или Евангелие заключается внутри Солнечной системы?

№ 5

Вследствие повышения с февраля 1918 г. платы за пересылку печатных бандеролей почтою, прошу лиц, имеющих лично у меня подписку, дослать один рубль за десять №№ «Апокалипсиса нашего времени», по адресу: *Сергиев Посад, Московской губ., Красюковка, Полевая ул., д. свящ. Беляева В. В. Розанову.*

Всех выпусков «Апокалипсиса» заготовлено не менее 50—60, и только по техническим и денежным препятствиям он растянется более чем на год.

За величиною статьи, следующий выпуск выйдет в двойном размере (т. е. сразу №№ 6 и 7, за 70 коп.)

Очень рекомендую всем читателям «Апокалипсиса», взволнованным революциею, прочесть брошюру: «Научный социализм, или Учение о прибыли как ренте», инженер-технолога Трофимова, прекрасно раскрывающую софизмы, заложенные в нашу революцию

НЕМНОЖКО И РАДОСТИ

«Приидите володеть и княжити над нами. Земля бо наша велика и обильна, а наряда в ней нет».

Несторова летопись

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя

Тютчев

Удивительное сходство с евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не «отречение от власти» народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а — *неумелость* власти, *недаровитость* к ней или, что лучше и даже превосходно до единственности: что это прекрасный дар жить улицею, околоточком, и — не более, не грешнее.

«С нас довольно и сплетен, да кумовства».

Ей-ей, под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок, — «как в Риге». Устроят полицию, департаменты. Согласимся, что ведь это было у нас всегда скверно и глупо. Министерию заведут. Не будут брать взятки, — наконец-то... и о чем мы выли, начиная с Сумарокова, и довыли до самого Щедрина... «Бо наряда — нет». Ну их к чёрту, болванов. Да, еще: наконец-то, наконец немцы научат нас русскому патриотизму, как делали их превосходные Вигель и Даль. Но таких было только двое, и что же могли они?

Мы же овладеем их душою так преданно и горячо, как душою Вигеля, Даля, Ветенека (Востоков) и Гильфердинга. Ведь ни один русский *душою* немца не переделался, потому что они воистину болваны и почти без души. Почему так и способны «управлять».

Покорение России Германиею будет на самом деле, и внутренно и духовно, — покорение Германии Россиею. Мы, наконец, из них, — из лучших их, — сделаем что-то похожее на человека, а не на шталмейстера. А то за «шталмейстерами» и «гофмейстерами» они лицо человеческое потеряли.

Мы научим их танцевать, музыканить и петь песни. Может быть, даже научим молиться. Они за это будут нам рыть руду, т. е. пойдут в каторгу, будут пахать землю, т. е. станут мужиками, работать на станках, т. е. сделаются рабочими. И будут заниматься аптеками, чем и до сих пор ни один русский не занимался. «Не призвание», — будут изготовлять нам «французские горчишники», тоже — как до сих пор.

Мы дадим им пророков, попытаемся дать им понятие о святости, — что едва ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучим говорить, петь песни и сказывать сказки.

В тайне вещей мы будем их господами, а они нашими нянюшками. Любящими и послушными нам. Они будут нам служить. Матерьяльно служить. А мы будем их духовно воспитывать.

Ибо и нигилизм наш тогда пройдет. Нигилизм есть отчаяние человека о неспособности делать дело, к какому он вовсе не призван

Мы, как и евреи, призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству. Овладели же, к несчастью и к пагубе души и тела, $\frac{1}{6}$ частью суши И, овладев, в сущности, испортили $\frac{1}{6}$ часть суши. Планета не вытерпела и перевернула все. Планета, а не германцы.

ОПАСНАЯ КАТЕГОРИЯ

Обаятельный, оболъстительный, лукавый.

Удивительно, что в категории «лукавства», — вот этого особенного и особой глубины греха, — не ведут вообще никакие порочные ступени, кроме как если ступить на первую:

— Обаятелен...

— Что такое? Как? Почему?

— Обаятелен, — потому что не подлежит укору, не представляет порока и пороков, и всех «обаяет», с первого же взгляда, как только кто увидит или услышит его.

— Обольстителен, потому что, в силу качества непорочности и красоты, — все идут за ним.

Но вот странно: как же из непорочности и красоты может вдруг выйти третья? Это совершенно не естественно. Но, однако, глаз людской, обыкновенный и, так сказать, нетенденциозный, вдруг заметил, что опасная категория именно и начинается с двух качеств:

— Обаятельности, оболъстительности.

Поэтому бы, — «по предречениям», — надо быть особенно осторожным, если вдруг увидим человека особенно, исключительно невинного, чистого, непорочного.

— Обаятельного.

В этом отношении хорошо бы поставить зарок, ввиду именно предупреждений:

— Пусть будет хоть маленький порок. Почти — невинный, но, однако, недостаток. Величайший из древних, коего люди могли счесть «Богом», — и даже действительно начали было «искать его могилу как Бога», и не могли найти, — что человек этот был — говоря славянским словом — «гугнив». Т. е. он был косноязычен, заикался. «Спас народ Божий от рабства» и «дал все (все!!) законы» и, с тем вместе, был ни более ни менее как заикою. Качество — прямо смешное. Но, качество невинно. И вот, по этому соединению «невинного и смешного», — мы узнаем Божию книгу и узнаем Божие событие.

В самом деле: от события и от книги никакого «худого последствия не проистекло». Нужно заметить, что «лукавое» начинает узнаваться по *последствиям*.

Ибо прямо-то ведь как узнать: «обаятелен» и «обольщает».

ОГОНЬ ХРИСТОВ

Где обожжет огонь Христов...

Но — по-настоящему обожжет...

Там уже никогда ничего не вырастет.

Вот — и град Салима (Соломона).

И — судьба Иудеи.

И Павел, просивший распять его «не как нашего Господа. но головою книзу», дабы «голова его была там, где ноги его возлюбленного Учителя».

И — наши скопцы.

Об этом-то и догадались впервые иезуиты.

Сказавшие: «Не увлекайтесь очень». И начавшие торговать в Парагвае.

ТАЙНЫ МИРА

Ты один прекрасен, Господи Иисусе! И похулил мир красотой Своею. А ведь мир-то — Божий.

Зачем же Ты сказал: «Я и Отец — *одно*»? Вы не только «одно», а ты — *идешь на Него*. И сделал что Сатурн с Ураном.

Ты оскотил Его. И только чтобы оскотить — и пришел. Вот! вот! вот! — наконец-то разгадка слов о скопчестве. И что в Евангелии уже не «любят», а живут как «Ангелы Божии»: как в плавнях приднепровских, «со свечечками и закопавшись». О, ужасы, ужасы...

И весь Ты ужасен. Ты — не простой, а именно — ужасен. И ты воскрес — о, я верю! «Егда вознесусь — всех привлеку к себе».

Но, — чем?

О, ты не *друг* человеков. Нет, не друг. «Договор», «завет» (о «ветхом»), и это кажется формально и сухо. Но как Ты их ужасно угнет, до последнего рабства. Поистине — «рабы Господни»... Даже и до смерти, до мученичества.

Не потрясает ли: «Ни единый мученик не был пощажен». А ведь *мог бы?*..

Мог ли?

О...

Конечно, кто *воскресил* Лазаря — *мог*. Значит — *не захотел..?*

О, о, о...

Ты *все мог*, Господи Иисусе. Ты, «потрясший небо и землю».

И не избавивший даже детей ни от муки небесной, ни от муки земной.

Рабы, рабы... Да, «договор» — он «свят». — «Ты — мне, как я тебе». Ты же дал все унижение и взял себе всю славу. И вот, неужели Ты не понимаешь, почему на Тебя восстал праведный Израиль. Он восстал — не понимая. «Что-то — *не то*». Что — «не то»? Да похулив создание Божие, Ты более всего похулил, — похулил особенно и страшно, — «отрока Иеговы». И он, не понимая, «что» и «за что», — восстал на Тебя.

Вот разгадка, вот разгадка, вот разгадка.

Ну, слушай: очень хороши «лилии полевые». Но ведь не хуже и «человек»? Что же Ты его все гвоздил «грехом»? И испугал муками? «Там будет огонь неугасимый» и «скрежет зубовой». Очень мило.

Вообще, все очень мило в Твоем создании, поистине — особом создании, особом «от Отца». Люди более не посягают, не любят, не множатся. А все слушают Тебя, как эта бедная Мария.

О, бедная, бедная... Да уж не мученица ли она «потом», которую Ты тоже забыл в небесном величии.

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Чтобы быть «без греха» — Христу и надо было удалиться от мира... Оставить мир... Т. е. *обессилить* мир.

«Силушка» — она грешна. Без «силушки» — что поделаешь? И надо было выбирать или «дело», или — безгрешность.

Христос выбрал безгрешность. В том и смысл искушения в пустыне. «И дам тебе все царства мира». Он не взял. Но тогда как же он «спас мир»? Неделанием. «Уходите и вы в пустыню».

Не нужно царств... Не нужно мира. Не нужно вообще «ничего»... Нигилизм. Ах, так вот где корень его. «Мир без начинки»... Пирог без начинки. «Вкусно ли?» Но действительно: Христом вывалена вся начинка из пирога, и то называется «христианством».

СОЛНЦЕ

Говорят: «Нет вечного *perpetuum mobile*»¹. Доказывают. Наука.

Свинья, роющая носом землю: посмотри вверх. Солнце.

Сказать: «солнце устало», «теряет энергию» — бессмыслица. Поистине оно — *не истощается*, и все как-то — живет. Вот что если «не скучно» — то солнышко... Протуберанцы. Играет. Вулканы. «Корона солнечная» (видна в затмениях). И — эти таинственные «ультрафиолетовые лучи», от коих, говорят, — вся жизнь.

RELIGIO

Рост

было, есть, **будет**.

Почему оно «будет-то»?

Потому что — есть **рост**...

¹ Вечный двигатель (*лат*)

Возрастание, «больше». В загадке «больше» лежит разгадка «прогресса», «развития».

Все «развертывается» из «точки» в «окружность». И вот мир из «точки Бога» развернулся в «красоту-мироздание».

И где же «в мире» нет «Бога»? И где же «в Боге» — нет «мира»?

И вот они связаны. «Religio»... Молитва. Нет вещи, которая бы не «молилась», потому что она — «растет». И знает, что «из точки» растет, из — *отцовской* точки.

И нет Бога не-Покровителя. Это — Провидение. Ибо точка знает свою окружность, как курица — порожденные ею яйца, на которых она сидит.

Так вышли небо, земля и звезды. Они «вышли», потому что мир есть религия: — не потому, что «в мире зародилась религия», а совсем и вовсе наоборот, совершенно и вовсе разное: потому-то и вышли «луна, звезды и земля», и «закружилось все — в небо», что в тайне и сущности мироздания — как вздох и тень — всегда лежала молитва.

Можно сказать, что вздох был «тем паром», «туманом», из которого и вышло «все». Так что «все» — естественно и «задышало», когда появилось.

Оно задышало, потому что появилось из «вздоха». Потому что «вздох» — это «Бог».

Бог — не бытие. Не всемогущество. Бог — «первое веяние», «утро». Из которого все — «потом».

ТУФЛЯ

Неужели же, неужели все европейцы, — и первые ученые из них, и так вообще «толпа», воображают об евреях и об отношении их ко Христу, что это *одно лишь упорство* народа, сделавшего ошибку, но затем — ни за что не желающего *поправиться*, сознать свою *ошибку*? Хотя «теперь-то уже очевидно все превосходство христианства над законом Моисеевым»? — «таким узким и таким *обрядовым?!!*» — «Евреи *ошиблись*, не признав своими же пророками предреченного Мессию, и просто в один скверный день бытия своего они перемешали туфли, одев правую ногу в левую туфлю, а левую ногу в правую туфлю»? «И вот с тех пор так и ходят, смеша людей и являясь посмешищем истории»...

Такова общая *концепция* европейцев и Европы об Иуде и юдаизме.

Между тем неужели европейцам не приходит на ум, что «иначе переобув туфли», — еврей каждый и единолично соделался бы в христианском мире равнозначащ Апостолу Павлу, и вообще — апостолам, которые «все были из иудеев»? И что это обещало бы и *исполнило* для них обетование Исаии: «будет время, и народы *понесут вас на плечах своих*»... И это, т. е. исполнение обетования, — настало бы просто «завтра», «завтрашний день»... Неужели же не очевидно, что если власть над целым миром, «которая вот в руках уже», — евреи не берут, — если корыстные не берут богатства, славолюбивые не берут славы, то... то... то...

Это — оттого, что взять ее

грех.

О, — такой *особенный* грех, в таком *исключительном* виде грех. . И который не простится ни в жизни *этой*, ни — *в будущей*. Это уже не воровство, кража, жадность, лень, что мы делаем каждый в норках жития своего, а что-то планетное, космогоническое, страшное. «Перемена судьбы своей». «Обменять душу свою на богатства мира и на власть над миром».

Как же было европейцам, и особенно мыслителям европейским, подумать не о «туфле на ноге», о чем-то именно несоизмеримейшем... И — не об *упрямстве*, а о том: «Не грех ли это в самом деле?»

Если же «грех признать Иисуса»: то, сверкая молниями, сюда как было не оглянуться:

«А может быть, мы — и *приняли этот грех?*»

Ведь так именно и получено самим Христом: получена *власть над целым миром*, вопреки видимого, рассказанного в Евангелии, отречения; — *богатства целого мира*. *Власть над Европою*, европейцами, мыслью их, смыслом их.

Вдруг последний бедняк-еврей отказывается: — «*не надо этого!*» — «*не хочу этого!*»

Неужели не ясно, что это — не то же, что «туфля».

Но, когда так: то не явно ли, что скорее уж мы «*обули не так ноги*», — но что вот именно мы, по своей действительно лени, по своей засвидетельствованной лени, лишь держимся этого *косно и по традиции*.

№ 6 — 7

ПЕРЕЖИВАНИЕ

В Посаде мера картофеля (августа 12-го 1918 года) — 50 рублей. Услышал от старушки Еловой, что в гор. Александрове, близ Посада, мера — 6 руб. Спешу на вокзал справиться, когда в Александров отходят поезда. Отвечает мастеровой с бляхой:

— В *три*.

Я:

— Это по старому или по новому времени?

Часы по приказанию большевиков переведены в Сергиеве на 2 часа вперед.

— Конечно, по-новому. Теперь все по-новому. (Помолчав:) — Старое теперь все в могиле.

Да. Радуйся русская литература. И ржаная мука уже 350 р. пуд.
Бедные мрут. Богатые едва имеют силу держаться.

ПОЧЕМУ НА САМОМ ДЕЛЕ ЕВРЕЯМ НЕЛЬЗЯ УСТРАИВАТЬ ПОГРОМОВ?

В революции нашей в высшей степени «неясен» еврей. Как он во всем неясен и запутался во всей европейской цивилизации. Но до Европы — оставим. Нам важны «мы». Посмотрите, как они трясутся над революцией. Не умно, злобовредно, но — трясутся. А ведь это и их «гешефтам» не обещает ничего. Даже обещает плохо. Почему же они трясутся? Я раз посмотрел в иллюстрированном журнале — Нахамкиса; и, против неприятного Ленина, сказал: «Как он серьезен» (хотел бы видеть в натуре).

Да, речь его против Михаила Александровича — нагла. Но ведь евреи и всегда наглы. В Европе, собственно, они не умеют говорить европейским языком, т. е. льстивым, вкрадчивым и лукавым, во всяком случае — вежливым, а орут, как в Азии, ибо и суть азиаты, грубияны и дерзки. Это — гогочущие пророки, как я определил как-то. Они обо всякой курице, т. е. в торге, пророчествуют. «Ефа за ефу», — «отчего ефу не выверяешь», «отчего весы не верны» (Исаия, или который-то, раз попалось). Но... он действительно, действительно «припадал к ногам» — хотя быть «Стекловым»¹. Но это — не обман. Только отодвинутый «кончиком носка сапога», он разъярился как «Нахамкис» и на Михаила Александровича, и — дальше... И возненавидел всю эту старую, «черствую Русь».

Еврей... Их связь с революцией я ненавижу, но эта связь, с другой стороны, — и хороша; ибо из-за связи и даже из-за поглощения евреями почти всей революции — она и слиняет, окончится погромами и вообще окончится ничем: слишком явно, что «не служить же русскому солдату и мужику евреям»... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства, может быть, и думают «в целом руководить потом Россией», то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского мужика (идеализированного) и ремесленника и вообще (тоже идеализированного) сироту. Евреи сантиментальны, глуповаты и преувеличивают. Русский «мужичок-простачок» злобнее, грубее... Главное — гораздо грубее. «С евреями у нас дело вовсе не разобрано». Еврей есть первый по культуре человек во всей Европе, которая груба, плоска и в «человечестве» далее социализма не понимает. Еврей же знал вздохи Иова, песенки Руфи, песнь Деворры и сестры Моисея:

— О, фараон, ты ввергнулся в море. И кони твои потонули. И вот ты — ничто.

Еврей — самый утонченный народ в Европе. Только по глупости и наивности они пристали к плоскому дну революции, когда их место — совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые *настоящие* еврей, в *благородном*: «мы — рабы Твои», у всего *настояще* Ве-

¹ Найденное, после взлома революционного, его прошение на Высочайшее Имя, о позволении переменить свою еврейскую фамилию — на русскую.

ликого. «Величит душа моя Господа» — это всегда у евреев, и всегда — в отношении к великому и благородному истории). О, я верю, и Нахамкис приложился сюда. Но — сорвалось. Сорвалось не-«величие», и он ушел, мстительно, как еврей, — ушел «в богему». «Революция так революция». «Вали все» Это жид и жидок и его нетерпеливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмешек. А он все цимбалит. Насмешек, анекдотов: а он смотрит русскому в глаза и поет ему песни (на жаргоне) Заднепровья, Хохломании, Подолии, Волыни, Кавказа и, может быть, еще Сирии и Палестины и Вавилона и Китая (я слышал, есть китайцы-евреи, и отпускают себе косы!!!). Еврей везде, и он «странствующий жид». Но не думайте, не для «гешефта»: но (наша Летопись) — «Бог отнял у нас землю за грехи наши, и с тех пор мы странствуем».

И везде они несут благородную и святую идею «греха» (я плачу), без которой нет религии, а человечество было бы разбито (праведным небом), если бы «от жидов» не научилось трепетать и молить о себе за грех. Они. Они. Они утерли соплю пресловутому европейскому человечеству и всунули ему в руки молитвенник: «На, болван, помолись». Дали псалмы. И Чудная Дева — из евреек. Что бы мы были, какая дичь в Европе, если бы не евреи. Но они пронесли печальные песни через нас, смотрели (всегда грустными глазами) на нас. И раз я на пароходе слышал (и плакал): «Купи на 15 коп. уксусной кислоты — я выпью и умру. Потому что он изменил мне». Пела жидовка лет 14-ти, и 12-летний брат ее играл на скрипке. И жидовка была серьезна. О, серьезна... Я (в душе) плакал. И думал. «Как честно: они вырабатывают пятаками за проезд, когда у нас бедные едут фуксами, т. е. как-нибудь на казенный счет, или под лавкою, и вообще — на даровщинку».

И вот они пели, как и Деворра, не хуже. Почему хуже? Как «На реках вавилонских»: — «О, мы разобьем детей твоих о камень, дочь вавилонская». Это — Нахамкис. Нахамкис кричит: «Зачем же лишили его права быть Стекловым», «благородным русским гражданином Стекловым», и так же стал «ругать зверски Михаила Александровича», как иудеянки хотели (ведь только *хотели*) «разбивать вавилонских детей о камня» (вавилонский жаргон).

Это — гнев, ярость: но оттого-то они и живут и не могут, и не хотят умереть, что — горячи.

И будь, жид, горяч. О, как Розанов — и не засыпай, и не холодей вечно. Если ты задремлешь — мир умрет. Мир жив и даже не сонен, пока еврей «все одним глазком смотрит на мир». — «А почему нынче овес?» — И торгуй, еврей, торгуй, — только не обижай русских. О, не обижай, миленький. Ты талантлив, даже гениален в торговле (связь веков, связь с Финикией). Припусти нас, сперва припусти к «Торговле аптекарскими товарами», к аптекам, научи «синдикатам» и, вообще, введи в свое дело ну хоть из 7—8%, а себе — 100, и русские должны с этим примириться, потому что ведь не они изобретатели. Подай еврею, подай еврею, — он творец, сотворил. Но потом подай и русскому. Господи: он нищ.

О, довольно этой «нищенской сумы», этого христианского нищенства, из которого ведь выглядывают завидушие глазки. Но оставим. И вернемся к печальным песням Израиля.

И вот он играет, мальчишка, а девчонка поет. Как я слушал эту песню безумную, на Волге. И дети мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны все. «Ведь у вас был Самсон, еврей?» Моргает. — «Помните, Самсон и Далила?» — «Как они сражались с филистимлянами?» — «Сражались, о, о...» — «Ну?» — «Теперь одна стена плача. Римляне разорили все»...

И они трясут кулаками по направлению Рима. «У... У... У...» Но, еврей, утешься: давно прошли легионы Рима; от Рима, «того самого», осталось еще меньше, нежели осталось от Иерусалима; он еще гораздо глубже погребен. А вы все еще спрашиваете у ленивого хохла: «А все-таки, почему же пшено?»

Русские в странном обольщении утверждали, что они «и восточный, и западный народ», — соединяют «и Европу, и Азию в себе», не замечая вовсе того, что скорее они и не западный, и не восточный народ, ибо что же они принесли Азии и какую роль сыграли в Европе? На востоке они ободрали и споили бурят, черемисов, киргиз-кайсаков, ободрали Армению и Грузию, запретив даже (сам слушал обедню) слушать свою православную обедню по-грузински. О, о, о... Сам слушал, сам слушал в Тифлисе. В Европе явились как Герцен и Бакунин и «внесли социализм», которого «вот именно не хватало Европе». Между Европой и Азией мы явились именно «межеумками», т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это действительно «внесли». Страхов мне говорил с печалью и отчасти с восхищением: «Европейцы, видя во множестве у себя русских туристов, поражаются талантливостью русских и *утонченным их развратом*». Вот это — так. Но принесли ли мы семью? добрые начала нравов? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, как страшно сказать... Тогда как мы «и не восточный, и не западный народ», а просто ерунда, — ерунда с художеством, — евреи являются на самом деле не только первенствующим народом Азии, давшим уже не «кое-что», а весь свет Азии, весь смысл ее, но они гигантскими усилиями, неутомимой деятельностью становятся мало-помалу и первым народом Европы. Вот! Вот! Вот! Этого-то и не сказал никто о них, т. е. «о соединительной их роли между Востоком и Западом, Европою и Азией». И — пусть. О, пусть... Это — да, да, да.

Посмотрите, встрепенитесь, опомнитесь: несмотря на побои, как они часто любят русских и жалеют их пороки, и никогда «по-гоголевски» не издеваются над ними. Над пороком нельзя смеяться, это — преступно, зверски. И своею и нравственною, и культурною душою они никогда этого и не делают. *Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или над ленивым русским.* Это что-нибудь значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками. Среди наших очаровательных: «Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь, Щедрин, Островский». А вот слова, которые я слышал: «Послушайте, как вы смотрите на русского священника?» — «При всех его недостатках, я все-таки люблю его». «Люблю? Это — мало: можно

ли не чтить его: он получает корку хлеба, т. е. сельский священник, а сколько труда, сколько труда он несет». Это доктор Розенблюм, в Луге, в 1910 г. Я думал, он — немец. Расспросил — еврей. Когда разбиралось дело Панченко («Де-Ласси и Панченко»), пришлось при экспертизе опросить какого-то врача-еврея, и он сказал серьезно: «Я вообще привык думать, что *русский врач есть достойное и нравственное* лицо». Я так был поражен обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я был поражаем, что, несмотря на побои («погромы»), взгляд евреев на русских, на душу русскую, на самый даже несносный характер русских, — уважителен, серьезен. Я долго (многие годы) приписывал это тому, что «евреи хотят еще больше развратиться русским»: но покоряет дело истине своей, и я в конце концов вижу, что это — не так. Что стояло безумное оклеветание в душе моей, а на самом деле евреи уважительно, любяще и трогательно относятся к русским, даже со странным против европейцев предпочтением. И на это есть причина: среди «свинства» русских есть, правда, одно дорогое качество — интимность, задушевность. Евреи — то же. И вот этою чертою они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек.

Огромный красивый солдат, в полусумраке уже, говорил мне:

— Как отвратительно... Как отвратителен тон заподозривания среди этого Совета солдатских и рабочих депутатов. Я пришел в Таврический Дворец и не верю тому, что вижу... Я пришел с верою — в народ, в демократию...

Так как я пришел «без веры», то горячо и как бы «хватаясь за его руку», спросил у него:

— Да кто вы?

— Солдат из Финляндии... Стоим в Финляндии... Я, собственно, еврей...

— Я — русский. Русский из русских. Но я хочу вас поцеловать. — И мы крепко поцеловались.

Это было, когда я захотел посмотреть «солдатских депутатов» в марте или апреле 1917 года.

В том же месяце, но много позже:

Угол Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполнен. И старается пожилой еврей с женою сесть с передней площадки, так как на задней «висят». Я осторожно и стараясь быть не очень заметным — подсаживаю жену его. Когда вдруг схватил меня за плечо солдат, очевидно нетрезвый («ханжа»):

— С передней площадки запрещено садиться. Разве ты не знаешь?!?!..

Я всегда поражался, что эти господа и вообще вся российская публика, отменив у себя царскую власть «порывом», никак не могут допустить, чтобы человек, тоже «порывом», вскочил на переднюю площадку вагона и поехал, куда ему нужно. Оттолкнув его, я продолжал поддерживать и пропихивать еврейку, сказав и еврею: «Садитесь, садитесь скорее!!»

Мотив был: еврей торопливо просил пропустить его «хоть с передней», ибо он спешил к отходу финляндского поезда. А всякий знает, что значит

«опоздать к поезду». Это значит «опоздать и к обеду», и пошло расстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдат закричал, крикнув и другим тут стоявшим солдатам («на помощь»): «Тащите его в комиссариат, он оскорбил солдата». Я, правда, кажется назвал его дураком. Я смутился «с комиссариатом я ко всякому обеду у себя опоздаю» (а тоже спешил). Видя мое смущение и страх, еврей вступился за меня: «Что же этот господин сделал, он только помог моей жене».

И вот, я не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нем стоял нож:

— Ж-ж-ид прок-ля-тый...

Это было так сказано.

И как музыка, старческое:

— Мы уже теперь все братья («гражданство», «свобода» — март): зачем же вы говорите так (т. е. что «и еврей, и русский — братья», «нет больше евреев как чужих и посторонних»).

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышал всю музыку голоса, глубоко благородного и глубоко удивляющего.

Потом уже, назавтра, и даже «сегодня» еще, я понял, что мне нужно было, сняв шапку, почти до земли поклониться ему и сказать: «Вот я считаюсь врагом еврейства, но на самом деле я не враг: и прошу у вас прощения за этого грубого солдата».

Но солдат так кричал и так пытался схватить и действительно хватал за руку со своим «комиссариатом», что впопыхах я не сделал естественного.

И опять этот звук голоса, какого *на русской улице*, — уж извините: на русской пох...ной улице, — не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

«Мы уже теперь все братья. Для чего же вы говорите так?»

Евреи наивны: евреи бывают очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащего, старого) заключалась в том, что этот еврей, — и так, из полубразованных, мещан, — глубоко и чисто поверил, со всем восточным доверием, что эти плуты русские, в самом деле «что-то почувствовав в душе своей», «не стерпели старого произвола» и вот «возгласили свободу». Тогда как, по заветам русской истории, это были просто Чичиковы, — ну «Чичиковы в помеси с Муразовыми». Но уже никак не больше.

Форма. Фраза.

И вдруг это так перерезало музыкой. Нельзя объяснить, не умею. Но даже до Чудной Девы мне что-то слышалось в голосе. «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге Спасе моем».

Я хочу то сказать, что все европейское как-то необыкновенно грубо, жестко сравнительно с еврейским. Тут тайна Сирии и их жарких стран. Тут та тайна еще, что они Иова слушают не две тысячи лет, а пять тысяч лет, да, очевидно, и слушают-то другим ухом. Ах, я не знаю что... Но я знаю, что не в уме евреев дело, не в деятельности и деловитости, как обыкновенно пола-

гают, а совершенно в ином... Дело заключается, или почти должно заключаться, в какой-то таинственной Суламифи, которая у них разлита во всем, — в ином осязании, в иной восприимчивости к цветам, в иной пахучести, и — как человека «взять», «обнять», «приласкать». Где-то тут. «От человека к человеку». Не «в еврее», а в «двух евреях». И вот тут-то они и разливаются во всемирность.

«Русские — общечеловеки». А когда дело дошло до Армении, — один министр иностранных дел (и недавний) сказал: «Нам (России) нужна Армения, а вовсе не нужно армян». Это — деловым, строгим образом. На конце тысячелетия существования России. Т. е. не как восклицание, гнев, а (у министра) почти как программа... Но ведь это значит: «согнал бы и стер с лица земли армян, всех этих стариков и детей, гимназистов и гимназисток, если бы не было неприлично и не показалось некультурно». Это тот же Герцен и тот же социализм. Это вообще русский нигилизм, очевидно *вековечный* (Кит Китыч, о жене своей: «хочу с кашей ем, хочу со щами хлебаю»). Опять, опять «удел России»: — очевидно, не русским дано это понимание в удел. Несчастные русские, — о, обездоленные... Опять же евреи: на что — погромы. Ведь это — ужас. И вот все же они нашли и после них все слова, какие я привел, — и порадоваться русской свободе, и оценить русского попа. Да и вообще, *злого глаза, смотрящего украдкой или тайно за спиной русского, я у еврея не видал.*

Я и хочу сказать, что дело заключается в какой-то деловой всемирности, — не отвлеченной, не теоретической, а с другой стороны, — не вздыхающей и слезливой, а практической и помогающей. Самый «социализм их», как я его ни ненавижу, все-таки замечателен: все-таки ведь социализм выражает мысль о «братстве народов» и «братстве людей», и они в него уперлись. Тут только наивность евреев, которые решительно не так умны, как европейцам представляется, как европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая по пальцам: «кто с чем, с каким имуществом живет», и не догадываясь, что все зависит от «как этот человек живет»: что можно жить «с большим богатством — как в аду» (наши Кит Китычи) и можно жить на кухне, «в прислугах» — «счастливее господ». Решительно я замечал, как многие «господа» живут печальнее, грустнее и раздраженнее своих прислуг, которые — по самым лицам их видно — живут «благословясь» и «в благословении». Социализм вообще плосок, доска, — и безмерная наивность евреев, что они восприняли его, что они поверили в такой глупый счет арифметических машин. И я верю, что это непременно и скоро кончится. *Им ли, им ли, после их ли истории и судеб, — верить этому... Им ли, которые в неге реализма («будь все как есть») произнесли: «льна курящегося не погаси» и «трости надломленной не переломи», — и которые, если кто богатый обеднеет у них, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы он не испытывал перемены в самом уровне своего положения и не скорбел через самую мысль даже о нем..* Это именно нега благородства и человечности, и выраженная кухон-

ным, т. е. реальнейшим способом. «Так несчастно живут в их гетто» и их «свиные кагалы». (Мне сообщил это еврей, торговец дамскими ботинками, в совершенно темном вагоне, в СПб, в Варшавском вокзале: он был, что такая у них редкость, немного не трезв.) Вот! вот! вот! настоящая идея уравнения бедного и богатого: помощь бедному и *помощь богатому*, дабы оба держались «на том же уровне», без ощущения разницы температур *привычной жизни*, жизни — просто *от роду* О, гений универсальности и чуткости. Богач может также скорбеть, и *страдания его могут быть величайшие*. Нельзя завистливым глазом смотреть на богатство. Это — христианство. И чуть ли именно по зависти, а не по «благости» — социализм есть воистину христианское явление. Самый «социализм» или «социализация» — без христианства — выразился бы, пожалуй, в другом, иначе: обедаю сам, но и еще лишнему, гостю, *чужому с улицы* — даю обед, сажаю с собою его за стол, *не отягощаясь*, что это — чужой. Социализм выразился бы *близостью*, социализм выразился бы *любовью*: а не «перерву горло» у солдата, закричавшего: «Жид про-кля-тый». Словом, социализм выразился бы тоже одним из таинственных веяний Суламифи, каким — мы не знаем, если бы он был оригинально-евреен, а не подражательно-евреен (от европейцев). Да вот: «Дай я умою ноги тебе», о нищем, о бедном. Тут именно «дотронуться», дотронуться *до бедного*. Как я и сказал: «Надо пощупать кожу его».

Суть вещей. Суламифь. Ведь вся «Песнь песней» — пахуча. Тайна вещей, что он не «добр», а — нежен. Добро — это отвлеченность. Добро — это долг. Всякий «долг» надоест когда-нибудь делать. Тайна мира, тайна всего мира заключается в том, чтобы *мне самому было сладко делать сладкое*, и вот тут секрет. «Сними обувь, и я, взяв холодной воды, — проведу по подошвам твоим, по подъему ноги, по пальцам». Тут так близко, что уже есть любовь. «Я замечу старую морщину у старика — да и так, может выйти случай, шутка около омовения ног». Это вообще так близко, что не может не завязаться шутка и анекдот «около ноги». Ну, вот, видите: а раз — шутка и анекдот, то уже никогда не выйдет холодного, холодного потому — что формального, *liberté, fraternité, égalité*. К великим прелестям еврейской истории относится то, что при всей древности и продолжительности ее — никогда у них даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой неверности и такой несправедливости. Ибо ведь нужно и истину и справедливость перевернуть вверх дном, дабы между неодинаковыми, ничего между собою не имеющими общего людьми установить *égalité*, да и еще родственное — *fraternité*.

Прямо чувствуешь франтов и маркизов XVIII века, *fin du siècle XVIII-ème*¹. А это:

«Около тебя *раба твоя*, Руфь...» — «И будет мне по глаголу твоему»... Какие все тоны! Ты плачешь, европейец. Плачь же. Плачь бедными своими глазами. Плачь: потому что в оригинальной твоей истории ты вообще не сотворил таких словооборотов, сердцеворотов, умоворотов. Вся душа твоя

¹ конец XVIII столетия (фр)

— площе, суше, холоднее. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иные травы. И — посмотрите, королевы ли, маркизы, жены, любовницы: ведь Суламифь — всего только любовница. Любовница? И никто не отрицает. Но жены стоят и рыдают: «О, как хотели бы мы только побыть такую любовницею». И вот — посмотрите чудо, чудо уже в нашей истории и «в строгостях наших»: и церковь не отрицает, что это — только любовница. Но и она рыдает и говорит: «Какое чудо... Я знаю — *кто* она, эта Суламифь: и — не осуждаю, и обнимаю ноги ее, потому что она вся прекрасна и благородна, и нет лучшей между женами по чистоте мыслей и слов»

И чувствуете ли вы, европейцы, что вот уже и весь мир преобразен. Нет ваших сухих категорий, нет ваших плоских категорий. Где юриспруденция? где законы? Нет, где — гордость? А из нее у Европы — все. Вся Европа горда, и из гордости у нее все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Неба дай нам. А небо .

Оно там, где рабство. Где рабы счастливее господ. А «где рабы счастливее господ» — это тайна Израиля. Ибо поистине Суламифь была счастливее Соломона, и Агарь прекраснее Авраама. Вот.

ЕЩЕ О «СЫНЕ» В ОТНОШЕНИИ «ОТЦА»

...В сынах человеческих, — сынах *земных* и *несовершенных*, — так это и происходит, что «сын **рождается**», если отец был не **полон**. Если он не кругл, не закруглен (зерно, вид зерна, онтологическое основание закругленности **всяких вообще зерен**), если он — **угловат**

Сын, дети в сынах человеческих всегда **не походят** на отца и скорее **противолежат** ему, нежели его повторяют собою. Мысль о *тавтологии* с отцом, *неотличимости* от отца противоречит закону космической и онтологической целесообразности. Повторение вообще как-то глупо. Онтологически — оно невозможно.

Посему, кто сказал бы: «Я и отец — **одно**», вызвал бы ответом недоумение: «К чему?» — «Зачем *повторение*?» Нет явно, что сын мог бы «прийти», только чтобы «восполнить отца» как несовершенного, лишенного полноты и вообще недостаточного. Без онтологической недостаточности отца не может быть сына, хотя бы отец и был «вечно рождающим» и даже только в сути своей именно «рождающим». Но он «рождает мир» и, наконец, имеет дар, силу и красоту рождения, хотя бы даже без выражения ее на земле или в истории. Вернее, он именно *продолжает* и доселе сотворять мир, *соучаствуя* всем *тварям* без исключения в родах их: составляет *нерв* и *нить* их-них родов, от цветка и до человека, без преимущества цветку или человеку. Но чтобы «появился сын» как имянность и лицо, то это могло бы быть только, чтобы сказать нечто *новое* земле и совершить на ней тоже *новое*. Без новизны нет сына. Сказать *иное* от отца и именно отличное от отца — вот для чего мог бы «прийти» сын. Без противоречия отцу не может быть сына.

Так это и изложено в самом Евангелии. «Древние говорят... а [но] — Я говорю». На самом деле это говорили не древние люди, но — закон их, вышедший от Отца. Возьмем же «око за око» и «подставь ланиту ударившему тебя». «Око за око» есть основание онтологической справедливости наказания. Без «око за око» — *бысть* преступление и *несть* наказания. А «наказание» даже в упреке совести (и в нем сильнее, чем в физике) — оно есть и оно *онтологично миру*, т. е. однопространственно и одновременно миру, в душе его лежит. И оттого, что оно так *положено* в мире; положено Отцом небесным, — Христова «ланита», в противоположность Отцовскому (как и *езде*) милосердию, — довела человечество до мук отчаяния, до мыслей о самоубийстве, или — до бесконечности обезобразила и охаотила мир. Между прочим, на это показывают слова Апостола Павла: «Бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти». Это — прямо вопль Каина, и относится он, бесспорно, к вине отмены обрезания, т. е. к разрушению им, уже совершенно явно, всего Ветхого Завета, при полном непонимании этого Завета. Как и везде в Евангелии, при «пустяках» ланиты, делая пустое облегчение человеку, — Христос на самом деле невыносимо *отяготил* человеческую жизнь, усеял ее «терниями и волчцами» колючек, чего-то рыхлого, чего-то несбыточного. На самом деле, «справедливость» и «наказание» есть то «обыкновенное» и то «нормальное» земного бытия человеческого, без чего это бытие потеряло бы уравновешенность. Это есть то ясное, простое и вечное, что именно характеризует «полноту» отца и его вечную основательность, — кончающую короткое коротким, — на место чего стали слезы, истерика и сантиментальность. Настала Христова мука, настала Христова смута.

ПРИКАЗ № 1,

превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже $\frac{3}{4}$ века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы — гораздо ранее его — начало слагаться пренебрежение к офицеру как к

дураку
фанфарону
труссу,

во всех отношениях к —

ничтожеству

и отчасти к

вору.

Для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба
в театре

и прочитать, как

умывался

генерал Бетрищев, пишущий «Историю генералов отечественной войны», — у Гоголя, фыркая в нос Чичикову. Тоже — и самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся по виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву.

Когда вся эта литература прошла, — прошла в гениальных по искусству созданиях «русского пера», — тогда присяжный поверенный Соколов «снял с нее сливки». Но еще более «снял сливки» Берлинский Генеральный Штаб, охотно бы заплативший за клочок писанной чернилами бумаги всю сумму годового дохода Германии за год.

«Приказ № 1» давно готовился. Бесспорно, он был заготовлен в Берлине. Берлин вообще очень хорошо изучил русскую литературу. Он ничего не сделал иного, как выжал из нее сок. Он отбросил целебное в ней, чарующее, истинное. «На войне как на войне ..» «Эти ароматы нам не нужны». «Нам, — немцам на реке Шпрее...»

...От ароматов и благоуханий он отделил ту каплю желчи, которая, несомненно, содержалась в ней. Несомненно — содержалась. И в нужную минуту поднес ее России.

Именно ее.

Ее одну.

Каплю, наиболее роскошно выработанную золотой русской литературой.

«Пей. Ты же ее любила. Растила. Холила».

Россия выпила и умерла.

Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих «разложителей» России ни одного нет нелитературного происхождения.

Трудно представить себе... И, однако, — *так*.

* * *

К читателю, если он друг — В этот страшный, потрясающий год, от многих лиц, и знакомых, и вовсе неизвестных мне, я получил, по какой-то догадке сердца, помощь и денежную, и съестными продуктами. И не могу скрыть, что без таковой помощи я не мог бы, не сумел бы перебыть этот год. Мысли, и страхи, и тоска самоубийства уже мелькали, давили. Увы: писатель — сомнамбула. Лазит по крышам, слушает шорохи в домах: и не поддержи или не удержи его кто-нибудь за ноги, если он проснется от крика к действительности, ко дню и пробуждению, он сорвется с крыши дома и разобьется насмерть. Литература — великое, само-забвенное счастье, но и великое в личной жизни горе. Черные тени, уголь: но и молодая эос (заря) эллинов. За помощь — великая благодарность, и слезы не раз увлажняли глаза и душу. «Кто-то помнит, кто-то думает, кто-то догадался». «Сердце сердцу весть сказало». Тоже в своем роде сомнамбулизм пространств, времен и уже читательской души и ее благородных сновидений. Естественно, каждому своя душа открыта, и о своей душе я знаю, как она ласкает, и бережет (главное!), и хочет унежить и у-интимить (сделать интимной) душу читате-

ля. «Интимное, интимное берегите: всех сокровищ мира дороже интимность вашей души! — то, чего о душе вашей никто не узнает!» На душе читателя, как на крыльях бабочки, лежит та нижняя *последняя* пыльца, которой не смеет, *не знает* коснуться никто, кроме Бога. Но вот и обратно: значит, интимность души читателя взяла внутрь себя интимную душу писателя. «Как ты тревожен, мой автор. Откуда у тебя такие сны и страдания?»

О чем ты воешь, ветер ночной,
Какую навеваешь *быль*?

Устал. Не могу. 2—3 горсти муки, 2—3 горсти крупы, *пять* круто испеченных яиц может часто спасти *день мой*. Что-то золотое брезжится мне в будущей России. Какой-то в своем роде «апокалипсический переворот» уже в воззрениях исторических не одной России, но и Европы. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни. В. Р. Сергиев Посад, Московск. губ., Красюковка, Полевая ул., дом свящ. Беляева.

№ 8—9

Временно выпуски 6-й и 7-й задерживаются.

ХРИСТИАНИН

Точно он больной и всех заподозривает, что они больны еще какими-то худшими болезнями, нежели он сам. Только к одному, к власти, он не чувствует подозрения. Власть всегда добра, блага, и, собственно, потому, что он ленив и власть обещает ему его устроить как калеку.

Благотворение, которое везде восполняет недостаток, у христиан есть нормальное положение. Тут все благотворят «нищую братию», и какая-то нищета имущества, тел и духа — вот христианство. «Худошавые люди».

Когда славяне позвали «варяг из-за моря» управлять себя, управлять своею «обширною и богатою землею», они показали себя какими-то калеками уже до рождения. Ужасно.

Ужасно и истинно. И до сих пор, до нашего даже времени, я наблюдал, что все получше землицы, «покруглее», поудобнее местоположением — в руках немцев или евреев. «Дача Штоля», «имение Винклера». За 15 000 Штоль скупил леса и земли около трех огромных озер, и уже через семь лет ему предлагали за них около 120 000, и он не продал. Он знал, что внук его возьмет за них миллион. Это точь-в-точь «история варягов». Продал, без сомнения, помещик, обеспечивавший свою кухарчонку с детьми. «Ей больше 15 000 не надо. А значит — и мне»; «я же проживу при ней. Она меня, кстати, пускает и в картишки перекинуться». Поэты.

У нас везде Нали и Дамаянти. Художественная нация. С анекдотом.

И вот так мы живем. Но вернемся к христианам. Нет ясного, доброго, веселого глаза. Все всех осматривают, все всех подозревают. Все о всех сплетничают. «Христианская литература» есть почти «история христианской сплетни». Посмотрите беллетристику, театр. Это почти сплошное злословие.

Как ужасно. И еще как ужаснее любить все это. Стонаю и люблю, стоною и люблю. Привычка, традиция. Ах, «мои бедные родители».

LA DIVINA COMEDIA¹

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось.

СТРАННОСТЬ

Много в Евангелии притчей, но где же молитва, гимн, псалом? И почему-то Христос ни разу не взял в руки арфу, свирель, цитру и ни разу не «воззвал»? Почему Он не научил людей молиться, разрушивши в то же время культ и Храм? И о Храме явно сказав, что Он его разрушит: как и об Иерусалиме — тоже велительно предсказав, что он падет и разрушится. Разрушится такое средоточие молитв и молитвенности, какого, конечно, не было нигде еще на земле. Почему-то таинственно и неисповедимо людям никогда не пришло на ум, что Евангелие есть религиозно-холодная книга, чтобы не сказать — религиозно-равнодушная. Где не поют, не радуются, не восторгаются, не смотрят на Небо; и где вообще как-то уж очень «не похоже на рай первобытных человеков». Не пришло на ум никому, что если чем более всего Евангелие удивляет и поражает, то это религиозною трезвостью; близкою уже к рационализму; и где «пары» не идут ни «сверху», ни «снизу». «Притча», «притча», — «вышел сеятель сеять в поле», — все это как будто уже приуготовлено для Гарнака и священника Григория Петрова; рассказ «из житейского» на поучительную обыденную «мораль»... Сверх Гарнака надо бы еще прибавить и Фаррариа: но где же тут религия? Где, главное, он, псалом — существо всего дела? И этот Царь, *неудержимо поющий Богу?*

¹Божественная комедия (итал.).

«Как лань желает на источники вод, так душа моя тоскует по Тебе, Боже...»

На большом, все-таки очень большом протяжении Евангелия только всего одна молитва в семь строк. И как она вся последовательна, отчетлива. Это — логика, а не молитва, с упоминаниями о том-то и том-то, но без умиления, без йоты восторга. Это какое-то продолговатое «дважды два = Боже». Разве это то, что «молитва мытаря», великая, прекрасная, *единственная*. Но возьмите же глаза в руки: это *вовсе не молитва Христа*, а случайно подслушанная евангелистом *именно молитва человека и мытаря*. Не поразит ли каждого, что у Христа в молитве «Отче наш» — *меньше ноумена молитвенности*, нежели у этого бедного человека. И вообще, мы не слышим молитв и любящих излияний сердца именно Христа к Отцу Своему, что так естественно бы от Сына, что так ожидалось бы от Сына. Люди молятся, но Христос не молится. Молится где-то фарисей, в отодвинутости, в отстранении, в какой-то *гадливой тени*, и как это параллельно и как бы «поддерживает» уже предрешенное разрушение Храма, и Иерусалима, и всего племени Израильского. «*Так они молились, и чего же ждать от этого племени*»? Между тем *теперь* мы уже знаем Симона Праведного, бен-Иохая, равви Акибу. Они молились *вовсе не «так»*. Да что, Иона: даже «попав в чрево китово», он все-таки «встал на молитву» и «воззвал». не был же и он фарисеем и не для фарисейства он молился. Иона невидимо и прекрасно защищает, **и — фарисея**. Евреи молились *вовсе не так*, как описано в Евангелии, и в Евангелии содержится клевета на молитвы евреев. Эти уторопленные жидки, и Симон Праведный, и Акиба, бегали, суетились, кричали, кричали на народ, но никогда «торжественно не становились в позу» и не произносили слов, воистину проклятых. Единственно, в чем они «прегресли против Евангелия», — это что так любили и Храм, и город, и народ...

Какое-то странное угашение молитвенности... Сколько путешествуют в «Деяниях» и — нет чтобы помолился кто, отправляясь в путь, и нет чтобы помолился кто, вернувшись благополучно с дороги. А столько — хлопот. Нельзя не заметить насмешливо: «Ты слишком хлопочешь, Марфа, — присядь к ногам Отца Небесного»... Но именно Отец Небесный загадочно уже на ум никому не приходит: только — **Сын**, везде — **Сын**, заменяющий Отца... Между тем что же такое *молитва*, как не исчерпывающее отношение дитяти-человека к Богу! И вот именно она-то таинственно исчезает. Только рассуждают. И приходит на ум, что арфу Давида, лиру Аполлона и свирель Марсия, — *мы окидываем весь древний мир*, — отныне заменят богословствующие споры. И что, пожалуй, тайный-то ноумен Евангелия и всего «дела евангельского» и лежал в перемене — музыки молитвы на «*cogito ergo sum*»¹ богословия.

¹ Мысль, следовательно существую (лат)

— «Аз же глаголю вам: первые да будут последними, а последние станут первыми».

И спросили Его ученики: «Но, Господи: до какого *предела* и в каких *сроках*?»

И паки рек:

«— Первые да будут последними и последние первыми».

«— Но, учитель благой: если так, то какое же царство устоит, и какая земля останется тверда, если все станет класться верхом вниз, а снизу — наверх?»

И рек снова: — «Первые да будут последними, а последние станут первыми».

Ученики же глаголаша:

«— Но если это не медь бряцающая и не кимвал звенящий, то как вырасти овощу, если будет не гряда с *лежащею* землею, а только *мелькание* заступа, переворачивающего землю со стороны на сторону?»

И паки еще рек: «Аз же истинно, истинно глаголю вам: первые станут последними, а последние первыми».

И убоялись ученики Его. И отойдя — совещались. И качали головами. И безмолвствовали.

Но зашумела история: заговоры, бури, перевороты. Смятения народных волн. И все усиливаются подняться к первенству. И никто долго не может его удержать, а идет ко дну.

Воистину: «Пошли серп твой на землю: и пусть пожнет растущее на ней» (Апокал.).

«И был плач и скрежет зубовой. И земля была пожата».

«Он (Раскольников) пролежал в больнице весь конец поста и Святую. Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреде. Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и неведомой моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же сумасшедшими и бесноватыми. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравствен-

¹Вечное смятение (лат.)

ных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, — всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. *Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать* Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но *армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга.* В городах целый день били в набат: созывали всех; но *кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться* *Остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод* Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, — *это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю»* («Преступление и наказание», издание 1884 года, страницы 500—501).

.....

.....

«И вышедши, Иисус шел от Храма. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания Храма».

Иисус же сказал им: «*Видите ли все это? Истинно, истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне. Все будет разрушено»* (Евангелие от Матфея, глава 24, 1—2).

.....

.....

И спросил Его Иоанн: «*Господи, кто предаст Тебя?*» Иисус же ответил: «*Кому Я, обмакнув в соль, подам кусок хлеба — тот предаст Меня.* И, обмакнув, подал Иуде. **И тотчас вошел Сатана в душу Иуде. И он, встав, пошел и предал Его.**»

.....

.....

«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда...»

.....

.....

«*Не спешите колебаться умом, и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания как бы нами посланного, будто бы наступает уже день Христов.*

Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление, и не откроется человек греха, сын погибели;

Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так что в Храме Божиим сядет Он, как Бог, выдавая Себя за Бога.

И ныне вы знаете, что не допускает открыться Ему в свое время.

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

И тогда откроется беззаконник — тот, Которого приход по действию сатаны будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными.

И со всяким неправедным обольщением погибающих» (Второе послание Апостола Павла к Фессалоникийцам. Глава 2, 2—10).

.....

«Я испытал тех, которые называют себя Апостолами, а они не таковы, и нашел, что они — лжецы.

И они говорят о себе, что они — иудеи, но они не таковы, а — **сборище сатанинское»** (Апокалипсис, глава 2, 2—3).

НАДАВИЛО ШКАФОМ

Нельзя иначе, как отодвинув шкаф, спасти или, вернее, избавить от непомерной вечной муки целую народность, 5—8—10 миллионов людей, сколько — не знаем: но ведь даже *и одного человека задавить — страшно* И вот он хочет дышать и не может дышать. «Больно», «больно», «больно». Но между тем кто же отодвинет этот шкаф? Нет маленькой коротенькой строчки «из истории христианства», которая не увеличивала бы тяжести давления.

Кто может отодвинуть блаженного Августина? Такой могучий, исключительный ум. Кто может отодвинуть Иоанна Златоуста? Одно имя показывает, каков он был в слове. И Апостола Павла? И уж особенно — Самого?

Между тем уже один тот факт, что «живой находится под шкафом», содействует какое-то содрогание в груди. «Как живой под шкафом?» «Как он попал туда?» Но — «попал». Притом — кто? Любимейшее дитя Божие, которое от начала мира, от создания мира, было любимейшим. И никогда Бог от него не отвращался, и он Бога никогда не забывал.

«Человек под шкафом». — «Человек в море». И корабль останавливается, чтобы вытащить из моря. Бросают сети, канаты, плавательные круги. «Вытащен». «Спасен». И все радуются. «Человек спасен». И не сетуют, что «корабль задержался», что «долго ждали». Лишь бы «спасен был».

Посему «ход христианского корабля» уже потому представляется странным, что «человек в море», и никто не оглянется, все его забыли. *Забыли о человеке* О, о, о...

Но «начать отодвигать шкаф» и значит — «начинать опять все дело сначала». «Не приняли Христа, а он — Бог наш». Как можно *нам-то колебаться в принятии Христа?*

Надавила и задавила вся христианская история. Столько комментариев. Столько «примечаний». Разве можно сдвинуть такие библиотеки. На евреев давит Императорская Публичная Библиотека, British Museum. И в Испании — Университет в Саламанхе, в Италии — «Амвросианская библиотека» в Венеции. Господи, — все эти библиотечные шкафы надавили на грудь жидка из Шклова. А ведь знаете, как тяжелы книги.

Но человек не умирает и все стонет. Хоть бы умер. Цивилизации легче было бы дышать. А то невозможно дышать. Все стоны, стоны.

Странная стонущая цивилизация. *Уже зло пришествия Христа выразилось в том, что получилась цивилизация со стоном.* Ведь Он проповедовал «лето благоприятное». Вот в этом, по крайней мере, — Он ошибся: никакого «лета благоприятного» не получилось, а вышла цивилизация со стоном.

Какая же это «благая весть», если «человек в море» и «шкаф упал на человека»?

Нет: во всем христианстве, в христианской истории, — и вот как она сложена, вот как развивался ее спиритуализм, — лежит какое-то зло. И тут немощны и «цветочки» Франциска Ассизского, и Анатолий Франс, и Ренан.

«Человека задавило», и не хочу слушать «Подражание Фомы Кемпийского».

ТРИ ГОРОСКОПА

Есть ли связь планеты с обитающим ее человеком? И вообще — «о чем горит солнышко?»... «Что там в звездах?» Шепчут ли звезды? Или они только тупо и пусто, как пустые горшки, движутся, по Копернику?

Об этом говорили гороскопы. «Глупое знание древности», на которое при новой науке не обращается никакого внимания. Но «новая наука» даже за месяцы только не предрекала и теперешней войны. И, словом, «*savoir pour prévoir*»¹ Конта — именно в контизме его, именно в позитивизме, как-то плоско расшиблось...

Что же такое «гороскопы»? Что такое они? Демон? Бог? Но и христиане, по крайней мере на деревнях, «верят в судьбу». Т. е. верят в тайную власть звезд. И вот поразительно, что никто из историков не обратил внимания на три поразительные «гороскопа» и, значит, «веления звезд» — уже *исполнившиеся*, и — как мы эти три гороскопа уже знаем из истории, и как историки о них самым подробным образом рассказывают. Громко. Отчетливо. Во услышание целого мира.

Один гороскоп — Иисуса Христа.

Другой гороскоп — Апостола Петра.

Третий гороскоп — Константина Великого.

Один был распят.

¹ знать, чтобы предвидеть (фр)

Другой — распят же, но головою книзу.

Третий — Константин Великий — казнил сына, по подозрению в связи его с мачехой Фаустою. Этот сын был Крисп. А самую жену, очевидно любимую, он сжег в раскаленной бане.

Достоевский в одном месте замечает, что «планета не пощадила Создателя своего» .. О, о, о... Что же *зла* — *земля*? Но он сам говорит о «земле белой», о земле «благой». Не он ли сказал и «Святая Русь»? Ведь это — тоже планета, часть планеты. Нет, уж если что, то сама планета — бела, хороша И мы в нее должны поверить. Ну, так, — просто поверить. И вот эта нами «веримая» планета (по Достоевскому) сложила о *Нем* и о *них* такие ужасающие, в истории *беспримерные, леденящие душу* гороскопы...

О, стоны...

Стоны, стоны, стоны...

Но, — которые так совпадают со страхом евреев «переменить туфлю».

Но как содержится в этом ревуший подобно Мальштрему, — величайший океанический водоворот, — рев Апокалипсиса:

— Они называют себя «Апостолами», а на самом деле — исчадия Сатаны. И говорят: «Церкви», а на самом деле — это сборища бесовские.

О, о, о..

Ужасы, ужасы...

Ноумены планеты.

«И поколебались *основания земли*» (Евангелие о моменте распятия Христа)...

«И сошел — в *Преисподнюю*». ...Ужасы, ужасы...

Как разбита планета. И где же, земля, твои осколки?

Гороскопы, гороскопы, гороскопы. О, как ужасны их предсказания Неужели это шепот звезд? Бегите, историки, — зажимайте уши.

«Блаженны уши, которые ничего из человеческой истории не слышали»

О СТРАСТЯХ МИРА

Здесьняя земная жизнь — уже таит корни неземной. Как и сказано.

Есть упоение в бою ..

Это — Марс и Арей, *божества* Марса и Арея, они — как *боги*.

И бездны мрачной *на краю*,

И в *бушеваньи урагана*

И в *дуновении чумы*

Бессмертья, может быть, залог

Какая мысль, — какая мысль, инстинктом, — скользнула у Пушкина! Именно — «залог бессмертия и вечной жизни». Это — «айд» и «элизий»

древности: и как мы не поверим им и их *реальности*, раз у христианина — Пушкина, у стихотворца — Пушкина, ничего о древних в минуту написания стихотворения не думавшего, вдруг и неожиданно, вдруг и невольно, вдруг и неодолимо, — скользнула мысль к грекам, к римлянам, к тартару и мыслям Гезиода и Гомера...

* * *

Также мне ничего не приходило в голову при виде гусеницы, куколки и бабочки, которых я видал, с одной стороны, — одним существом; но, с другой стороны, — столь же выразительно, столь же ярко, и — *не одним*.

Тогда войдя к друзьям, бывшим у меня в гостях, Каптереву и Флоренскому, естественнику и священнику, я спросил их:

Господа, в гусенице, куколке и бабочке — которое же я их?

Т. е. «я» как бы одна буква, одно сияние, один луч.

«Я» и «точка» и «ничего».

Каптерев молчал. Флоренский же, подумав, сказал: «Конечно, бабочка есть энтелехия гусеницы и куколки».

«Энтелехия» есть термин Аристотеля, и — один из знаменитейших терминов, им самим придуманный и филологически составленный. Один средневековый схоласт прозакладывал черту души, только чтобы хотя в сновидении он объяснил ему, что в точности Аристотель разумел под «энтелехией». Но, между прочим и другим, у Аристотеля есть выражение, что «душа есть энтелехия тела». Тогда сразу определилось для меня — из ответа Флоренского (да и что иначе мог ответить Флоренский, как не — это именно?), что «бабочка» есть **на самом деле**, тайно и метафизически, душа гусеницы и куколки.

Так произошло это, космогонически — потрясающее, открытие. Мы, можно сказать, *открыли* душу насекомых, раньше, чем открыли и доказали ее — у человека.

Сейчас — давай рассматривать, «что же она делает»?

«Собирает нектар», «копается в цветах». Это подозрительно и *осудительно*. Но, в самом деле: у бабочки — совершенно нет рта, нет — ничего для питья и для принятия твердой пищи. Каптерев сейчас же сказал, как натуралист: «у них (он не сказал — у всех) — нет кишечника (я читал где-то, что, кажется, — иногда, «не бывает кишечника»): значит это — что *нет и желудка*? Конечно! Что за странное... существо, бытие? «Не питающееся». Да долго ли они живут? Есть «мухи-поденки». Но, во всяком случае — они, и уже бесспорно *все*, — *совокупляются*. Значит, «мир будущего века», по преимуществу, определяется как «совокупление»: и тогда проливается свет на его неодолимость, на его — ненасытимость и, «увы» или «не увы», — на его «священство», что оно — «таинство» (таинство — брака). Открытий — чем дальше,

тем — больше. Но явно, что у насекомых, коров, везде, — в животном и растительном мире, а вовсе не у человека одного, — оно есть «таинство, небесное и святое». И именно в центральной его точке — *в совокуплении*. Тогда понятна «застенчивость половых органов»: это — «жизнь будущего века», входим через это «в загробную жизнь», «в жизнь будущего века».

И, странно: тогда понятно *наслаждение*. «Эдем, блаженство». Но — и более: обратимся к «нектару цветов». Действительно, поразительно то особенно, что насекомые (не одни бабочки, но и жуки, «бронзовики», «Божии коровки») копаются *в громадных относительно себя* половых органах деревьев, и особенно — кустов, роз и проч. олеандров и т. п., орхидей. *Чем цветы представляются для бабочек?* Вот бы что надо понять и что понять — но *неуменьшимо*. Не невозможно, что для каждого насекомого — «дерево и цветок», «сад и цветы» — представляются «раем»... Да *так* ведь и есть: «лето, тепло; и — Солнце», в лучи которого они влетают; а с цветов — «собирают нектар». Тогда нельзя не представить себе «соединение нектара и души», и что «душа — для нектара», а «нектар — для души». В-третьих — миф: «боги на Олимпе питаются нектаром и амброзией». Но и раньше мифа и параллельно ему: сколько света проливается в то, «почему же цветы пахнут», и отчего же у растений цветы такие огромные, что в них — «влезть целому насекомому». Совершенно явно: *величина* цветов — именно чтобы насекомому войти *всему*. Тогда понятно, что «растения слышат и думают» (сказки древности), да и вообще понятно, что они — «с душой»!! О, *какою* еще... Но вот что еще интереснее: что «сад», вообще всякий сад, «наш и земной», есть немножко и *не* «наш» и *не* «земной», а тоже — «будущего», «загробного века». Тогда понятно — «зима и лето», ибо *из зимы и через зиму*, пролежав зиму «в земле», зернышко «встает из гроба». В сущности, по закону — как и «куколка» бабочки.

Таким образом, «наши поля» суть «загробные поля», «загробные нивы». Тогда, конечно:

Когда волнуется желтеющая нива

.....

То в небесах я вижу Бога

.....

Вообще понятно — особенное и волнующее чувство, испытываемое человеком в саду, испытываемое нами в поле, испытываемое нами в лесу, и *рационалистически никак не объяснимое*. Понятно, почему «Антей, прикасаясь к матери-земле, опять восстанавливается в силах». В «древности» вообще тогда очень многое объясняется: как равно у Достоевского его знаменитая, потрясающая, стоящая всего «язычника-Гёте» фраза: «Бог взял семена из *миров иных* и посеял на землю. И взросло все, что могло взрасти. Но *все на земле живет через таинственное касание мирам иным*». Тут — **все** язычество уже. Уже, напр., весь Египет, храмы коего — суть прямо рощи, колонны-деревья, непременно — деревья, с «капителями-цветами». Да и каждый-то наш «сад» есть «таинственный храм», и не только «посидеть в

нем — поздороветь», но и «посидеть — помолиться». Да и понятны тогда «священные рощи древности», понятна — «тишь вечера в лесу», понятна вообще «природа как святая», а — не «одно богословие святое». Но вернемся еще к страстям и огню.

Таинственно через них и «оргии» действительно проглядывает «жизнь будущего века». Ведь посмотрите, как подозрительно и *осудительно* ласкаются мотыльки с цветами. Действительно — нельзя не осудить. Но... «жизнь будущего века», и... что поделаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли все «оргии древности»; и что «без оргий не было древних религий». Вспомнишь «нектар и амброзию» Олимпа; и как на рисунках, не смея словами, — я объяснил в «Восточных мотивах» египетские мистерии. Просматривая теперь в коллекции монет — монеты всевозможных стран с такими же точь-в-точь изображениями, — я уже смотрел на них с родством и неммым пониманием: невысказанно и безмолвно, как я же в «Восточных мотивах», древние передали на них любимые свои «мистерии», о которых они о всех и всё знали, но никто ни единым словом не обмолвился, как «о жизни будущего века», о которой *в этой земной жизни навсегда должно быть сохранено молчание*.

Но... Так вот откуда — «наши страсти»!?!? Эти поистине «протуберанцы солнца» (факелы, извержения из тела солнца). Да уж и солнце не в «страстях» ли? Поистине, «и на солнце есть — пятна». Один Христос без-пятнист. А наше солнышко — с «грешком», горит и греет, горит и греет; горит — и вот «по весне», когда его — «больше», когда оно не только греет, но и начинает — горячить: тогда животные все забеременевают. Сила солнца, «грешок» солнца — переходит в животных. Все — тучнеет, животы у всего — разрастаются. Сама земля — просит зерна... И вот — Деметра, вот — Гея, и опять — «Волнующая нива», которая «вздывает грудь к молитве». Что же: сказать христианству, что это — «неправда»? И что в одних духовных академиях — богословие? Но гораздо более богословия в поднимающемся быке на корову... И вообще:

Весна идет, весна идет,
Везде идет зеленый гул

это — язычество, которое *истинно*: это —
Апис и Серапеум.

Каптерев задумался и сказал: «Открыто наблюдениями, что в гусенице, *обвившейся коконом, и которая кажется — умершею, начинается после этого действительно перестраивание тканей тела*. Так что она не мнимо умирает, но — действительно умирает... Только на месте умершей гусеницы начинает становиться что-то другое; но — именно этой определенной гусеницы, как бы гусеницы-лица, как бы с фамилией и именем: ибо из всякой гусеницы, *сюда положенной*, выйдет — *вон та бабочка*. А если вы гусеницу эту проткнете, напр., булавкою, тогда и бабочки из нее не выйдет, ничего не выйдет, и гроб останется гробом, а тело — не воскреснет». Тогда-то, тогда мне стало понятно, почему феллахи (потомки древ-

них египтян, явно сохранившие всю их веру) плакали и стреляли из ружей в европейцев, когда те перевозили мумии, извлеченные из пирамид и из царских могил. Они, эти нигилисты, заживо умершие и протухшие, не понимая ни жизни, ни смерти, «нарушили целостность тела их (феллахов) предков» и тем лишили их «воскресения». Они, о чем предупредил Каптерев, как бы «разломали мумии пополам», или, все равно — пронзили иголкой «куколку», после чего она приобщается *смерти без бытия*. Тогда мысль, что «бабочка есть душа гусеницы», «энтелехия гусеницы» (Флоренский) — еще более утвердилась у меня: а главное — мне разъяснилось и *доказалось*, что египтяне в мышлении и открытиях «загробного существования» шли тем же путем, как я, т. е. «через бабочку» и ее «фазы». Что это и для них был путь открытий и «откровений», да ведь и вообще это — *истинно*. Тогда для меня ясны стали саркофаги — мумии. Кто видал их в нижнем этаже Эрмитажа, тот не мог не поразиться раньше всего — **величиною**. Зачем — такой **большой**, огромный саркофаг — для мумии умершего, вовсе не большой? Но ведь это — «кокон» куколки-человека; и строился саркофаг непременно и именно по образцу кокона. Вот такой же продолговато-гладкий, как решительно всякий кокон, какой, безусловно, строит себе всякая гусеница — и египтянин себе изготовлял, «окукливаясь». И тело клалось — в пелены, «завертывалось», как гусеница, напр., шелковичного червя, прямо «выпуская из себя» шелковые нити, прямо делает себе «шелковую рубашечку».

Поверх этого жесткая, коричневая скорлупа. Это — саркофаг, всегда коричневатого однообразного тона. Кажется, он гипсовый, и тогда он и по материалу естества сходен с оболочкою куколки, ибо что-то вроде извести, как выпота, дает и тело гусеницы. Вообще, ритуал погребения у египтян вышел из подражания именно фазам окукливающейся гусеницы. А главное — отсюда скарабейжук-насекомое, как «символ перехода в будущую, загробную жизнь». Это знаменитейшее из божеств Египта, можно сказать, — самое великое их божество. Почему — насекомое? Но — *тот же путь*, как и у меня, рассуждения. Главное, самое главное, что египтяне открыли, — это «насекомообразную будущую жизнь». И увековечили, что именно *отсюда они ее открыли* — насекомыми, скарабеем. Это — благороднейшая память, т. е. воспоминание и благодарящая память за свою родную историю, и чем, главным образом, был полон смысл их истории. Отсюда уже множество объяснений, напр., почему во время «пиршеств» и особенно во время «домашних пирушек» — любили они «проносить мумии». Это — не печаль, не страх, не угроза. Не «окаянная угроза христиан смертью», — могущая прекратить всякую радость. Напротив, напротив: это — радость обещания вечной жизни и *радости этой жизни, ее воздушности, ее прелести*. «Мы теперь радуемся еще не совершенно», «мы — в пире, но еще не полном». «Лишь когда все кончится — мы войдем в полную любовь, в совершенный пир, с яствами, с питиями. Но вино наше будет неистошимо, и пития наши — сладо-стнее всех здешних, потому что это будет чистая любовь, и материальная же, вещественная, но уже как бы из одних лучей солнца, из света и пахучести и эссенции загробных цветов. Потому что уж если где **цветы**, — то за **гробом**».

Небесные розы! небесные розы!! — и египтяне вносили мумию

№ 10

СОЛНЦЕ

Попробуйте распять солнце,
И вы увидите — который Бог.

КОРЕНЬ ВЕЩЕЙ

Мы поклонились религии несчастья.
Дивно ли, что мы так несчастны.

ДРЕВНОСТЬ И ХРИСТИАНСТВО

Ярко солнышко встало.
Ярче кровь забежала.

Жилушки напряглись.
— **Хочется работать!**

(язычество).

Пасмурно небо...
Сон клонит к земле...

Выспаться бы?
Не выспаться ли?

Все можно. Но можно как-нибудь и «обойтись». Тут запасено «покаяние». И в расчете на него можно и «погодить»
(христианство).

ДОМОСТРОЙ

«Вот когда я умру, он закроет мне глаза», мне «и — матери своей», — говорит отец при рождении первого сына — мальчика. Это и есть «Домострой», великая идея которого, замечательно, ни разу не пробудилась в русской литературе XIX, да и XVIII века, но которая была в Москве, и дал эту идею поп Сильвестр, друг Грозного, — друг и *наставник*.

Великий, *прекрасный* наставник.

Одна идея «Домостроя», **Домо-строя**, есть уже великая, священная. Самое слово как прекрасно по изобретательности, по тому, как «составилось в уме», и, составившись, выговорилось филологически.

Несомненно, самый великий «Домострой» дан Моисеем в «Исходе», во «Второзаконии» и т. д. и продолжен в Талмуде, и затем фактически выражен и переведен в жизнь в кагале. Талмуд (конечно, в Вавилонской его редакции — «Бавли») и кагал — две вещи, совершенно не понятые в Европе и евро-

пейцами. Кагал есть великолепная «city», «la cité», «коммуна», где люди живут рядышком, в теплоте и тесноте, помогая друг другу, друг о друге заботясь «как один человек», и поистине — одна святыня. Это — та естественная и необходимая социализация, которую потеряв, человечество вернулось к искусственному, дрянному, враждебному и враждующему со всеми «социализму». Социализм есть продукт исчезновения Домо-строая и кагала. Невозможно человеку жить «одному», он погибнет; или он может погибнуть, или испытать страх погибнуть. Естественное качество кагала — не давать отделяться от себя, вражда к тому, кто отделился (судьба Спинозы в Амстердаме и «херема» над ним)... Херем и был совершенно справедлив, потому что «община» важнее личности, пусть даже эта личность будет Сократ или Спиноза. Тем более что общине совершенно неизвестно, отделяется ли *сейчас* от нее Сократ или Спиноза, или — обычный нелюдим, хулиган.

Община — это слишком важно. Если — хулиган, ну даже талантливый или гениальный хулиган, разрушит ее, — то ведь «все погибнут». А «все» — это слишком много. «Если ты жалеешь *одного*, как же ты не задумаешься надо всеми?»

И евреи, впавшие в такое ужасное одиночество после Христа, с враждебностью всего мира против них, зажили «кагалом». «Единственное спасение для нас».

Но и вообще и в частности, без отношения к Христу и без отношения к евреям, — «кагал» есть естественно-социальная форма жизни всех людей. Несомненно, что «кагалами», т. е. «уличками», «общинами», жили финикияне и карфагеняне. Даже у римлян что такое их «трибы» и «курии»? Кагалы. И — в Аттике, и даже в Спарте. «Кагал» есть яйцо курицы или, еще вернее, — это есть курица с выводком. Это есть «тривиум» и «квадривиум» средневековой жизни «Римская империя (всемирность) пала, будем жить тривиум и квадривиум». «Свой уличный суд», «свой околодок», «свой соседи». И — не дальше, не грешнее.

«Дальше» — империя, папство и грех.

В этом отношении или, вернее, в этом направлении «коммуны» 60-х годов у нас были совершенно правильны, «Будем жить *по-своему*», а «до прочих людей нам *дела нет*». Отлично.

Вот для таких-то грошечных общинок и нужны «домострои», сперва маленькие и узенькие, а потом и обширнее. Но я думаю — «обширнее», *не очень*. «Всемирность» решительно чепуха, всемирность — зло. Это помесь властолюбия одних и рабства других. Зачем это? «Книга судей израилевых», с Руфью, с Иовом, свободная, нестесненная, мне казалась всегда высшим типом человеческого проживания. Она неизмеримо выше и *счастливее* царств. А «счастье» есть поистине «кое-что» для человечества. От вздоха по счастью человек никогда не откажется. Бедный человек. Полюбим именно бедного человека. Бог воистину возлюбил бедного человека. Не нужно богатства. Это — лишнее.

Итак, «бедный человек» возлюбил свое «гетто», в нем греется, им защищается, и, ей-ей, это выше Сократа и Спинозы. *Потому что это священнее Сократа и Спинозы*. Тут Бог уютится. В гнездышке. Потому что гнездышко

— оно такое священное, которого ищет и сам Бог. Не спорю: есть Бог Универзуса. Но мне как-то более нравится «Бог гнездышка».

И вот я думаю — евреи во всем правы. Они правы против Европы, цивилизации и цивилизаций. Европейская цивилизация слишком раздвинулась по периферии, исполнилась пустотами внутри, стала воистину «опустошенной» и от этого погибает. Кому она нужна? Кого греет? Самые молитвы ее пусты, эти «протестантские молитвы», эти «католические молитвы». Эти «православные молитвы». Слишком обширно. А где обширно, там и холодно. «Где же нагреть такой храм?» В храме св. Петра — только мерзнуть. Как лучше его маленькие церковки в Ярославле и вообще по Поволжью.

Живите, евреи. Я благословляю вас во всем, как было время отступничества (пора Бейлиса несчастная), когда проклинал во всем. На самом же деле в вас, конечно, «цимес» всемирной истории: т. е. есть такое «зернышко» мира, которое — «мы сохранили одни». Им живите. И я верю, «о них благословятся все народы». — Я нисколько не верю во вражду евреев ко всем народам. В темноте, в ночи, не знаем — я часто наблюдал удивительную, рачительную любовь евреев к русскому человеку и к русской земле.

Да будет благословен еврей.

Да будет благословен и русский.

ХРИСТОС МЕЖДУ ДВУХ РАЗБОЙНИКОВ

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В простоте твоей смиренной.

.....
Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя

Хороши стихи. И счастливо было пропеть их. Но каково-то в самом деле, в самой вещи и реальности было «проходить», и века проходить и пронести в таком виде и положении «рабском» русскому народу, целым губерниям

.....
Ой, ой, ой

.....
«— Горяченького кофейку! Ах бы горяченького кофейку, барин Федор Иванович».

И Некрасов будто аукнулся столь же знаменитым, но уже воистину разбойничьим стихом:

«— Холодно, странничек, холодно».

«— Голодно, странничек, голодно...»

Так и видишь двух побродяг. Ужасных, лукавых, хищных. Это уже вся наша революция с ее «реквизициями» банков или из банков, с «красной гвардией» из разных оборванцев, «получающих» (т. е. «назначивших себе») в жалованье 25 руб. суточных, «потому, брат —

Холодно, странничек, холодно...
Голодно, странничек, голодно. .»

И не каждую неделю, месяц и год придется «сыграть такую революцию» или «сорвать такую революцию».

Великое умиление. .
Великий разбой...

Т. е. в стихах двух поэтов. Оба как «хлестнули крест-накрест» поперек. И плети вонзились... в тело всего человечества. Там — правда, здесь — правда. Все — ужасная реальность, — о, какая реальность...

И висеть, висеть Христу, неизбежно висеть между *этими* двумя разбойниками, именно — этими, никакими еще:

«— Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое».

— Другой же хулил Его, говоря: «Избавь Себя и нас».

И человечество... но где же быть *цивилизации* в двух этих воплях, между этим умилением и этим разбоем: где тут *зерно* для развития, для жизни? Зерна — нет, а две судороги.

А ведь цивилизация — это *рост*... Видите ли вы синие волны Средиземного моря, и Адриатику, Рим и Египет.

Полно.

Солнце.

Счастье.

О, не надо христианства. Не надо, не надо... Ужасы, ужасы.

Господи Иисусе. Зачем Ты пришел смутить землю? Смутить и отчаять?

КАК ПАДАЛА И УПАЛА РОССИЯ

Нобель — угрюмый, тяжелый швед, и который выговаривает в течение трех часов не более трех слов (видел в заседании Совета товарищества «Новое Время»), скупал и скупил в России все нефтеносные земли. Открылись на Ухте (Урал) такие же — он и их купил и *закрыл*. «Чтобы не было конкуренции наследникам».

Русские все зевали. Русские все клевали.

Были у них Станиславский и Владимир Немирович-Данченко. И проснулись они. И основали Художественный театр. Да такой, что когда приехали на гастроли в Берлин, — то засыпали его венками. В фойе его я видел эти венки. Нет счета. Вся красота.

И записали о Художественном театре. Писали столько, что в редкой газете не было. И такая, где «не было», — она считалась уже невежественною. О Нобеле никто не писал.

Станиславский был так красив, что и я загляделся. Он был естественный король во всяком царстве, и всех королевских тронов на него не хватило бы. Немирович же был так умен, что мог у лучшего короля служить в министрах (обоих видел у барона Н. В. Дризена).

СОВЕТ ЮНОШЕСТВУ

Кто есть кормилец твой, — кто прокормляет тебя, питает, — и после Бога и родителей есть «все для тебя» — тому не лукаво отдай всю душу свою. Думай о пользе его, — не о *своей* пользе, а *его, его, его...* ежечасно, ежедневно, ежегодно, всегодно. Сложи в душе своей, что и после смерти его ты должен не забывать его, а молиться о душе его и вечном спасении. И никогда, ни одним словом... нет, я говорю глупости: *ни одною мыслью в собственной душе*, не осуди его даже и самые *его недостатки*, так как нет человека без недостатков. Но именно — *ему, ему*, который питает тебя, ты должен все простить, во всем *в душе своей* постараться оправдать его, забыть, обелить. Ни в чем не умалить — именно *в душе, в душе, в совести*.

Помни: Небо как и земля. И открытое Небу — открывается «в шепотах» и земле. В шепотах, сновидениях и предчувствиях. Поэтому никогда, никогда, никогда не лги, в совести-то, в *главном* — не лги.

Не будь хулиганом, — о, не будь хулиганом, миленький.

И вот этот *совет мой тебе* — есть первый социологический совет, какой ты читаешь в книжках. Первый совет «о социальной связности». Тебе раньше все предлагали на разбой и плутовство. «Обмани кормильца», «возненавидь кормильца». И советовали тебе плуты и дураки: которые отлично «устраивались около общества», т. е. тоже *около кормильца своего* (читатели). А тебе, несчастному читателю, глупому российскому читателю, — подсовывали нож. И ты — нищаль, они — богатели (плутяга Некрасов и его знаменитая «Песня Еремушке»).

Ни от кого нищеты духовной и карманно-русского юношества не пошло столько, как от Некрасова. Это — дисоциальные писатели, антисоциальные. «Все — себе, читателю — ничего». Но ты, читатель, будь крепок духом. Стой на своих ногах, а не

Что ему книжка последняя скажет,
То на душе его *сверху* и ляжет (Некр.).

И помни: жизнь есть *дом*. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет

гнездо.

ТЕКСТ «АПОКАЛИПСИСА...», ПУБЛИКУЕМЫЙ ВПЕРВЫЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мною будут издаваться в двухнедельные сроки краткие рассуждения под общим заголовком: «Апокалипсис нашего времени». Название не требует объяснения. Для меня очевидно, что все происходящее носит не кажущийся только, но действительно апокалипсический характер.

Нет сомнения, что глубокое основание всего наличного заключается в том, что в европейском человечестве (всём, — в том числе русском) образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства: и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатство. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все проваливается в пустоты души, которая лишилась древнего содержания. Все сгнило, как в легких, в которых туберкулы разрушили ткани .. И, собственно, я думаю, ткани эти невосстановимы.

Апокалипсис — священная книга I века христианства — как бы она ни была написана — содержит дивным образом собственно описание этого самого провала «в конце времен», — когда изжилось всё прежнее, жившее, — хотя оно именно было только заложено тогда. «Древо жизни», «Небесный Иерусалим», «видение животных» и т. д., — и еще одно особенное видение, — все столь сродное пророку Иезекиилю, не оставляет сомнения, что Апокалипсис говорит не о «возобновлении» прежних тканей, а о совершенно новом, о суде, наказании, о новой жизни нового человечества.

Это «новое» мне особенно понятно. Я не говорил никогда о нем, почти не говорил. Собственно, не то́, чтобы авторитет археологии, а трафарет ее оглушал, подавлял, закрывал уста. Но я чувствовал, что его «тка-

ни неудержимо разлагаются» и что это, по Лейбницу, происходит «не без достаточного основания». Раз — разрушается, значит — не вечно; раз разрушается — значит не истинно. И вот, в этих «вечных вещах» я давно разбираюсь. В книге «Из восточных мотивов» я ясно заговорил о некотором безусловно необходимом ограничении христианства, о безусловно необходимом восполнении его. Один определенный факт, именно — убивание христианских детей, какое-то хроническое равнодушие, совершенно определенно показывает мою мысль, душу и всякий пафос души «в чем-то ложном», что есть в самой сути христианства. Что уже касается не духовенства, не времен, не веков, не доктрины, а самого ствола евангельского, духа, аромата, и той кроны, на которую поистине «сели многие птицы и поют вечную хвалу ему». Кровь невинного младенца, слишком явно невинного, — муки матери, и слишком многих матерей в христианстве, стоят этих песен. «Лейбницевское основание» могло быть не приведено в исполнение: но, особенно ввиду видения апокалипсического, которое я не назвал, не упомянул и упоминать вовсе не буду, — совершенно точно видно, что неведомый писатель Апокалипсиса видел ствол евангельский с корня и до вершины и видел, откуда должна начаться катастрофа. Это — именно вопрос, каким образом все церкви и все в целом объеме христианство мирилось постоянно и равнодушно с умерщвлением младенцев.

Тут — космогония, солнце, жизнь, корень жизни. Можно взять все дело афоризмом: но если взять системную, то вот и начнется странное отхождение одних небес и восхождения, показывание совершенно других небес.

«Корень жизни» слишком важен; «корень жизни» слишком задет детоубийством; «корень жизни» слишком непроницаем...

И в Апокалипсисе именно оговаривается, что тогда «потрясутся основания Вселенной», «цари будут плакать, а первосвященники — тоже», потрясутся города, что «воды извергнут трупы», поется «опять песнь Моисея, раба Божия», и что покажутся новые звезды и новое солнце, вообще «будет новое небо», — а «старое небо (религиозное, религия) совется».

Апокалипсис нисколько не скрывает, что переворот — и определенного смысла и наклона, именно того, о каком я говорю, — будет, и что он — хочет, чтобы он был. Тут — воля Апокалипсиса. Воля — священной нашей книги.

Было бы время, свобода, досуг — и с «Восточными мотивами» я хорошо положил бы ковер на место. Все и зрело во мне. Все уже в сущности написано. Но... «в катастрофе как в катастрофе». Где было бы здание, пусть будет хоть щебень. Пусть не удивится читатель, что тут в «русские мотивы» будут заплетаться и египетские мотивы.

Все меры мои к осторожности и деликатности будут приняты. Но читатель все-таки нередко будет поражен и удивлен суждениями совершенно необычными и как будто смелыми. Скажу правду, просто и ясно. Центр мировых событий теперь я считаю *русский нигилизм*, считая в нем совершенно вовлеченным и совершенно пассивным не одного даже Вильгельма, но и всю Германию. В самой Германии — тот же нигилизм; помягче, получше, поделикатнее — но все-таки нигилизм.

Нигилизм же в религиозном отношении я считаю полным *острупнением*. Европа есть *религиозный труп*. С фразами, модами, диссертациями — но труп. Все — умерло. Небес и даже чердака нет. Ломанье, актерство — еще отвратительнее.

Ну, а «в глазах трупа» такой бережности уже не требуется. Есть что-то великое и дивное, что Апокалипсис уже написан. Есть чудо в его происхождении. «Как, когда только что *начиналось* все, творец его увидел и *конец*». Но, поистине, легче писать, говорить. Будет любовь, нежность, грусть. Будет все-таки религия, нам родная, о, какая родная... Будут звезды далекие, новые. Будут храмы, разве мы можем остаться без них. Небо все-таки остается, когда у нас нет теперь и чердака. Как говорится, только одни «суеверия»... Археология, позументы и мундиры.

Но не нужно очень печалиться. Воистину, пусто сердце. Пуст и храм.

К ПРЕДИСЛОВИЮ

<1>

К сожалению, многие заблуждаются относительно смысла издаваемого мною «Апокалипсиса нашего времени»: нисколько я не восстаю против русских праведников, против святых, и даже лишь незначительно восстаю против строительства русской церкви: именно, я вовсе отвергаю монашество и принцип монашества иначе, как естественный и натуральный образ жизни для отроков лунного света и для дев лунного света¹. То же относится до Европы. Но ни Европе, ни нам, которые имеют свое собственное, народное, родовое религиозное творчество, свою молитву и свой тон молитвы, свою ухватку бытия религиозного и церковного, по изречению древнего историка-этнографа: «не встречается на земле народа, который бы *не веровал в Бога*», — как нам, так и Европе совершенно не для чего вмешиваться в иудейско-Христову распрю по совершенному непониманию этой мировой, планетной тайны. Мы в ней ничего не понимаем, а «Апокал. наш. врем.» есть первая попытка разгадать эту тайну. Ветхий Завет для нас священен, фатально и неизбежно, даже до известной степени механично, не только по святому духу его речений, но (механика давления на нас) и по тому нигде и никогда не слыханному чуду, невероятности и несбыточности, что, напр., за 490 лет, т. е. ЗА ПОЛУТЫСЯЧЕЛЕНИЕ *раньше «пришествия»* Христова, оно, это пришествие, С ПРОПИСАНИЕМ САМОГО ИМЕНИ ЕГО, уже было предсказано у пророка ДАНИИЛА:

«В первый год Дария, сына Ассуйрова, из рода Мидийского, который был поставлен царем над царством Халдейским, в первый год царствования его я, Даниил

.
.
.
.
.

Итак: вникни в слово и уразумей видение семьдесят седьмин (490 лет) определены еще для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная

Итак, знай и разумей: с того времени как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима (при Дарии), ДО ХРИСТА ВЛАДЫКИ СЕМЬ СЕДЬМИН И ШЕСТЬДЕСЯТ ДВЕ СЕДЬМИНЫ. И возвратится народ из плена и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена

И по истечении шестидесяти двух седьмин ПРЕДАН БУДЕТ СМЕРТИ ХРИСТОС, и не будет, И ГОРОД и святилище разрушены будут народом вождя, который придет.. и до конца войны будут опустошения.

¹ См. мою книгу «Люди лунного света. Метафизика христианства» Спб, 1913

И УТВЕРДИТ ЗАВЕТ ДЛЯ МНОГИХ одна седмица, а в половине седмины ПРЕКРАТИТСЯ ЖЕРТВА И ПРИНОШЕНИЕ и на крыле святилища БУДЕТ МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ, и ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЕННАЯ ГИБЕЛЬ ПОСТИГНЕТ ОПУСТОШИТЕЛЯ» (Гл 9)

Это уж, в истории, не «Дрепер и Бокль», это и не Гарнак, Штраус и Ренан. Это — НОУМЕН ВЕДЕНИЯ, ПРОНИЗАНИЕ ВРЕМЕН И — ЧУДО ОБЯЗАТЕЛЬНО И ДЛЯ НАС; а следовательно, и КНИГИ ТАКИЕ, КНИГИ НОУМЕНАЛЬНЫЕ ВПОЛНЕ, ДЛЯ НАС И ДЛЯ ЕВРОПЫ, ВПОЛНЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ, хотя там — евреи, а мы — европейцы, русские

<2>

Я решил делать выпуски 1-го и 15-го числа каждого месяца на свои любимые темы под общим заголовком «Троицкие березки». И пусть они придутся по душе читателя так же, как «Уединенное» и «Опавшие листья». Ах, эти березки хороши. В одно утро я едва не попал под поезд. Поезды, из Москвы, идут сейчас, как я выхожу из дома. И вот слушайте: можно ли вообразить себе, чего я никогда во всю жизнь не видывал: температура очевидно была около нуля. Деревья — в пуху, в том изумительном белом, снежном пуху, какого, кажется, кроме Руси и вообще севера — нигде не родится. Но ведь, мне кажется, Русь и север совпадают, — там, на другие страны, попадает что-то немного. Но была еще «гололедица», что я не знаю, совпадает ли с пухом. И вот, мне кажется, еще недавно желтые, янтарные листья берез, как ни любовали глаз, все же уступают этим белым царицам. . «Господи, до чего хорошо. Но отчего же в твоём мире живут такие глухие и слепые люди». И шел, шел... Местность открытая, по склонности философа я смотрел немного вверх и вдруг на лицо мое что-то посыпалось.

Что?! Как!? Небо — чистейшее голубое, бирюзовое. Деревя нет надо мной. Крыши нет. Свалиться и вообще «взяться откуда-нибудь» — невозможно. Нет предмета, нет осязательного. «Что же это такое». Я стал всматриваться как можно зорче, и что же увидел: паринки (частицы пара) связывались, очевидно попадая из поминутно тут проходящих поездов, связывались, связывались, — но, может, от сильного зажимающего мороза, не становились «снегом», «пухом», а обращались в мелкие, но не очень мелкие льдинки и падали на лицо, по временам, как будто порвалась нить и рассыпалось какое-то бриллиантовое кольцо. Свежесть, холод, неожиданность... И вот тут я чуть и не попал под поезд... мальчишки закричали. Иди он шибче — не выскочил бы

<3>

Я как на огне пекусь червяк и прошу всех, кто помнит меня по труду за 35 лет, прийти на помощь... Гибель — близка, все труды, еще бесчисленные в мысли могут прерваться. Сколько печатается пустого, хламного, между

тем выпуски «Апокалипсиса», по средствам типографии, печатающей, не могут выходить более раза в месяц, тогда как их заготовлено более ста выпусков, совершенно оконченных, и издание могло бы и должно бы перевестись в еженедельное. Кто мог бы узнать или дать средства выпускать их учащее, спас бы мысль мою...

Годы сам я писал бесплатно в неимущих журналах — в «Русском труде» и в «Новом пути», как и дал бесплатно для издания «Легенду об инквизиторе» и два огромных тома «Около церковных стен» и «Короб 2-й опавших листьев». Кто сам давал бесплатно, не вправе ли попросить о помощи в тот черный год, какой и каждого, может быть, ждет за углом. Максим Горький в одном любящем письме писал мне из Италии, с благословенного «Сарги», что «когда я умру — он пришлет венок на мой гроб». И вот он теперь — миллионер, и я написал ему, что «черно» и «могильно сейчас», но не получил ответа. Неужели это была риторика? Зачем? Что значило бы для России три-четыре тысячи подписчиков на «Апокалипсис»? И была бы спасена мысль его, совершенно новая для России и для Европы. Точнее, дана была бы возможность окончить бесчисленные еще замыслы литературные... А кто знает меня — знает, что может мне верить. Пока я всю помощь имею от скромных книгопродавцев посадских, М. С. Елова и Н. М. Елова. Но вот мое обещание: *кто сейчас меня поддержит — будет иметь сверх «Апокалипсиса» и все будущие издания моих книг уже бесплатно.* Фамилии и адреса подписчиков на «Апокалипсис», начиная с 5-го выпуска, будут помещаемы последовательно на внутренней стороне обложки. *Первым подписчикам будет выслан портрет автора (никогда в печать ранее не допускавшийся).* Но... что делать — ночи без сна, морозные, голодные. Помоги русское сердце. Помоги, всемирная мысль. *Сергиев Посад, Московской губ., Красюковка, Полевая ул., дом Беляева 10 февр. 1918 г.*

Выпуски в розничной продаже будут стоить 35 коп. Каждые *десять выпусков* будут собираться в книжку стоимостью в <...>

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОГО ВЫПУСКА

Первый выпуск «Апокал. наш. врем.» напечатан был в количестве *двух тысяч экземпляров*. Это оказалось меньше, чем спрос читателей из общества. И его пришлось повторить. Приписываю это не своему имени, едва ли помнившемуся в горячечный, первый год революции, сколько вечности тьмы, тоске ее, безумию ее. «Апокалипсический год», апокалипсические события... Окаянный год, крушение царства... Да что «царства» — нашего дорогого, милого отечества... которое забудем ли мы когда-нибудь? Вечный план, неизбывные воспоминания... Боже: Россия — только воспоминание...

I

<до мая 1917 г.>

В СУМЕРКАХ НАШЕГО БЫТИЯ

Начиная с декабристов и знаменитого умницы Ал. Ив. Грибоедова, русские только и делали, что отказывались от земли своей.

— Это земля пустая и ничего не родит.

— Это страна бесталанная.

Немцы пришли и взяли ее.

Вдруг все закричали:

— Как они смеют??!

Но уже слишком поздно.

«Мы бы и не смели, да вы нас осмелили».

Единственный в истории случай, — единственный вообще в истории всемирной образованности, где образованный класс населения передал свой народ и целую страну под иноземное иго. Хорошо же чувствуют себя, должно быть, Родзянко, Гучков и Милюков, «герои нашего времени».

* * *

<29 мая 1917 г.>

В твоих судьбах, Израиль, разгадывается судьба всего человечества

...о, Израиль, о, Израиль — если бы тебя мог чему-нибудь научить последний пророк твой, он сказал бы тебе твою судьбу, и последнюю судьбу.

Что ты был призван к величайшему сокровищу истории, к жемчужине — которой никто не находил, и ты один во Вселенной остановился перед нею, задумался о ней, понял ее. И обсудил ее в уме столь же древнем, как и благородном:

что ничто не выше, чем пролить человеку утешение. Всякому человеку и даже всякой твари.

Курице и быку, Соломону и идиоту.

И вот, ты «не сказал об этом слово», а ты приделался к этому делу. Бог вывел тебя к тому, чтобы послужить утешителем роду человеческому. Чтобы утешить того, Кого *он* более всего любит. Сказав маленькими и большими буквами, я сказал все о Боге и человеке. Ибо Бог любит человека даже больше, чем себя — и в этом тайна их отношения. В этом-то и родник твоих

напастей. Знаешь ли ты, что слезы твои всегда были бальзамом Творцу. И «несчастья твои» — как «хина от лихорадки».

Кто же больше, кто больше тебя, израиль? Чья лучше судьба? Чья возвышеннее, духовнее, идеальнее? Кто еще такое соделал? Каждого кости надломились бы в этом — одни твои не надломились, и как не сказать «Господь укрепил тебя».

Посмотри: читают ли Александра Македонского, у кого рак? Или о Цезаре — если чахотка? Читают Иова. И то, что Страдалец так страдал — это облило раны всего человечества тою камедью, через которую не чувствуешь боль. Впрочем, и чувствуешь — а видишь в прорезы мук небо.

Ты дал небо всему страждущему.

Что же значит *Corpus juris civilis* Юстиниана перед этим? Эти малые пустяки праздных.

И что значат победы Навуходносора перед победою Иова?

Смотри: город твой в развалинах. Но все и помнят точно, чей город. Нет страны священнее, и «Вифлием, Назарет, Генисаретское озеро» — строки Песни Песней всемирной географии. Знаешь ли ты еще больше, что «соляной столб, в который обратилась любопытная жена Лота» — драгоценнее рубинов, в которые одеваются красавицы.

И все таково.

Посмотри: Суламифь? «Пастушка», да и такая, которая «виноградника своего не устерегла». Последняя дева. Не чудо ли, не чудо ли культуры и истории, что «не устерегшая своего виноградника» одной фразой этого словооборота вдруг стала выше, священнее, возвышеннее и Андромахи, и Пенелопы, и Дамаянти. Только не выше нашей Ярославны, ибо та также была в горести, унижении и вдова.

И вот ты, Израиль, ты один и еще никто, показал безмерность красоты страдания. Ты соединился с проститутками: и оттого что именно ты, а не другой, соединился с ними — они стали лучше, бриллиантнее всех. Всяких Порций и Корделий.

И ты соединился с болезнью. И воистину — «болезнь больше не бе».

Как Египет: он соединился еще со смертью: и победил смерть (пирамиды, бессмертие души, загробная жизнь).

И соединился с ударами: и «муки» стали «славою». Не в ней ли наш Христос?

И соединился с «поражением»: и смотри — все твои «победители» умерли, а ты остаешься жив.

Не удивительно ли? Не чудо ли? Не есть ли чудо самое житие твое и все страницы исключительной и как не сказать «божественной» или «священной» твоей истории. Прочие народы присоединялись к «великому» и были этим великим велики, т. е. не своим. Ты же имел тайну и назначение присоединиться к «горьким травам» (едят на Пасху евреи): и вот эти-то, эти-то «горькие травы» ты соделал вечным внушением уже «не в смерть», а «в жизнь» человечества.

Не удивительно ли? Есть ли у кого подобное? Даже есть ли приближенное? «Все наоборот», говорит твоя поистине «противу-история»: чем и отрицает она в сущности «всемирную историю» как некоторую мнимость. И чем описывает уже ужас из ужасов или славу из слав: что «история не наоборот», история только «там».

«Там» — где Иов и Лазарь, и наш Христос.

Но ты не понял этого: или не понял особенно теперь. «Иов снял раны и решил показаться в славе».

Вот ты — теперь: кажется «в славе» и на самом деле в тайном презрении у всех. Терпи, Иов, о как хочется сказать — не изменяй же судьбы своей, как она ни тяжела — но даже судьбы священной, единственной — и «для спасения человечества». О, как верно предсказывал это Исайя: что «все народы понесут тебя». Но «понесут как в благоуханном мире» колючку и терн страдания твоего во исцеление всех народов.

29 мая 1917 г.

Просмотрев разные гадости, написанные об евреях 45-ю Нахамкисами, объединенными под редакцией Н. Никольского. Таковую ерунду читает «с поучением» Лернер (дал мне почитать).

«Суламифь захотела выйти замуж и назваться превосходительной дамой». Какой ужас. Какой позор. Какое несчастье всему человечеству, — но несчастье ли? Неужели этого не чувствуют сами евреи?

И вот это твоя судьба теперь — в XIX и XX веке.

Позор, позор, позор. Отчего же им ничего Гершензон не подсказал? Зачем купил эту книгу Лернер? Почему Флексер не научил? И неужели мы должны это «простить им», п.ч. у них есть и Суламифь и цимбалы и шапочники и некий чиновник Ковнер, который так любил свою «Единственную» (русская девушка), хотя и изменил ей 101 раз.

Отчего? Отчего? Отчего?

Отчего народ, который так мудр, непременно вываливается и в г.не? И который написал о Валаамовой ослице, сам будет гораздо глупее ослицы.

Ах, Израиль: скажу еще чудо. В ком богатство не было отвратительно: «буржуй — это гадко звучит». И во всех это было гадко. Ты один, и один — ты, умел прославить самую эту гадость, в твоих священных руках даже золото не зачернело. Товит послал взыскать долг к Экбатуну. Какое же чудо. Лег отдохнуть — и сгадила ему птица на глаза. И ослеп он. И вот — слепой банкир — уже святой. И «сын помазал ему печенью рыбы» — и он и исцелился. Тут же Сара, как женился. И банкир + слепота + Сара опять вышли так, что

Я верю и люблю,
Люблю жида сего созданье...

Да что «я», — «я» мое ничто: все человечество плачет и говорит: «припадаю к ногам этого банкира».

И вот, я верю — Ротшильд хорош. И к банкиру — нет зависти. Примирены богатство и бедность. Отчего же, отчего в одной литературе вы такие халуи? Неужели это значит, что одна литература включает в себя халуйское существо.

Ах, не могу этого думать, ах, и не хочу этого думать. За твои великие страдания, я хочу, Израиль, тебе и это простить. О, будь благословен, который был благословен в пророках. Ты выплюнул — а я все-таки проглочу и сказку: «Сия горькая трава мне все-таки слаще».

«В издании принимают участие: во «Всемирной истории евреев», тт. I—X: Балабан М., д-р (Львов), Бернфельд С., д-р (Берлин), Блох М., проф. (Познань), Вахштейн Б., д-р (Вена), Вигиницер М. Л. (С.-Петербург), Гессен Ю. (С.-Петербург), Гурлянд А. А. (С.-Петербург), Гутман И., проф. (Будапешт), Гюдеман М., д-р (Вена), Джекобс Дж. (Нью-Йорк), Кан С. (Ним), Касеуто И. (Флоренция), Киттель Р., проф. (Лейпциг), Кракау Эр, проф. (Франкфурт-на-М.), Краусс С., проф. (Вена), Кремье А. (Марсель), Либер М., проф. (Париж), ...Симонсен Д., проф. (Копенгаген), Хайес Т. П., проф. (Триест), ...Браудо А. И. (СПб.), Вермель (Москва) ...Коц...Куштнел — не могу больше, не в силах больше: еще человек 20 Нахамкисов.

И вот, «за плату Ротшильдов» сто Нахамкисов напишут нам историю, из которой все узнают, что «мы играли не на цимбалах», а завоевали в Ханаане и у нас были свой Александр Македонский и Козел Отпущения, зато Моисея почти не было или «по крайней мере — это гипотеза».

* * *

5.VII. 1917

МИСТИЦИЗМ, А НЕ ФИЗИОЛОГИЯ ПОЛА

...никем вовсе не замечается, никому неведомо, что совокупление вовсе не необходимо, не физиологично, а — метафизично и мистично. Что оно не по «нужно», а «по очарованию» и «можем». И без очарования хотя тоже есть и возможно, но это «случается», есть «редкий случай». Но всегда ему предшествует туман, влюбление.

* * *

<6.VII.1917>

АПОКАЛИПСИС

Георгий Григоровский. Гражданский брак. Очерки политики семейного права. Выпуск 1. Петроград, 1917 г.

Я знаю, что теперь, когда ломится Россия от предательства и несчастий, — когда лучшие граждане России в слезах и унынии, — совершенно не время говорить о браке; и — даже смешно и преступно. Как не говорю я и про-

молчал о кончине доблестнейшего русского философа М. И. Каринского, умершего на 80-летнем году возраста. Потому что, что могила одного человека, когда перед могилой Россия. Пишу же я 6 июля, когда разоблачен Ленин, впрочем в сознании всех русских разоблаченный давно как социалист-революционер, продавший Берлину Россию что-то за 2 000 000 марок. Перед такими саванами о браке не говорят. И все же я крупинку скажу, последнюю крупинку. В ученой книге и с цитатами в руках, «как следует по-канонически», Г Григоровский высказывается за гражданский брак, как за то, после чего, наконец, спадет камень м^уки с сердца русской семьи. И хотя вся душа возмущается смыслом омерзительного гражданского брака, ибо ниже его и оскорбительнее его ничего не может быть для любящих и возвышенных сердец, но его приходится требовать и о нем кричать и, наконец, его приказать «всероссийскому духовенству» Нет, оно шмыгнуло сейчас под ноги социализма и революции в скуфеечках, в камилавочках и в митрах не без причины и не без исторического основания. Оно всегда было раб, низкий, льстивый, грубый, бесчеловечный, облизывающий пяту ближнего из-за пяти целковых, продающий Христа и всякие «таинства» гораздо дешевле, чем за тридцать серебряников, но не имеющий мужества Иуды — покаяться. Куда, русское духовенство прожило без покаяния и, по-видимому, умрет без покаяния. А так сказать «транспарант прозрачный», что все так и произойдет — имеется в сумме всех веков его отношения к семье русского человека, к семье русского народа. Никогда помещик к своему скоту не относился так мерзко, жестоко, развратно, — как попы к «таинству», заставляя сожительствовать с сумасшедшими, с сифилитиками, с рванью потаскушек и содомитов, с кнугобойцами, с отравителями и убийцами. В «чашу таинства» попы из-за скаредного подлого интереса к целковому вложили всю свою окаянную душеньку, наклали туда тараканов, мышей, слюны, блевотины и предложили вкушать с благоговением, как святыню. Речение в Апокалипсисе о жене блудной, несущей на голове «чашу, наполненную мерзостями блудодеяния ее», и на челе которой написано имя «тайна» — это наши благочестивые попки. «И вот народы плачут и рыдают», — сказано в Апокалипсисе. Все это о них, наших батюшках. О, есть и из них малый остаток праведных, — зажавшихся в пустыни, в уединение, безмолвных, как Серафим Саровский, как Иоанн Кронштадтский. Мир — не без соли. Мир — не без сахара. Не оставляет и не оставит Бог человечества, п. ч. поистине Бог не безумен и поистине Бог не преступен. Сияет солнце и горит луна. Но это — солнце, но это — луна, но это — природа. Это наши милые цветочки, и незабудки, и васильки. Это прекрасная и героическая любовь человеческая, святая, блаженная, трикраты благословенная Богом и, скажем дерзко, — поцелованная Богом. А не «тараканы в чаше таинства», вложенные попками. И еще наши — уже по откровенной дуrolомности своей — все же чище хитрых ксендзов и тупых лютеранских медных лбов, с их архиучеными Гарнаками и придворными проповедниками Штекерами. У нас откровенно: взял целковый — и отходи прочь. Но что-то сделалось, что-то вообще сделалось

с христианством, отчего религия света преобразовалась в религию тьмы — и это сказано, сказано уже в Апокалипсисе. Ибо там сказано, о ужас, — о церкви, о церквях, обо всех христианских церквях! Только в Апокалипсисе ключ к евангельской разгадке, — отчего все сектанты так безумно привязаны к этой книге, хватаются за нее как за последнее спасение, как за якорь в бурю и за крест во тьме. Тут фундамент и всех трясений (революций): ибо раз какой-то Левиафан подземный шевелится — не могут города устоять на месте, и все осыпается, дрожит. Воды — горьки, воды — жизни, и вселенная — бунтуется. Не может мир не реветь ревом нещадным, если в самую-то «душеньку его», чистую и блаженную, положена горькая полынь. Размышляя, что же такое совершилось, я могу как на наименьшее сослаться на следующее: между писаниями Апостола Павла есть ссылка его же, Апостола Павла, на такое послание к жителям какого-то города, *которое не сохранилось*. Покойный Рцы, славянофил, который между прочим любил особенно Апостола Павла и непрерывно его читал перед смертью, т. е. последние годы перед смертью, сказав мне о «потерянном послании Апостола Павла», — факте совершенно общеизвестном в истории церкви, указал мне на следующее: что это послание быть *потеряно* вовсе не могло, по множеству и притом самых прилежных, самых любовных списываний не только апостольских, но даже и самомалейше важных писаний древних учителей церкви. А если «*потеряно*» оно никак не могло быть, то, значит, оно было «*истреблено*». Как известно, Апостолы Павел и Петр, два самых первенственных Апостола, были в многолетней вражде между собою, по мотивам хотя в общем известным, но без подробностей. Рцы и говорил, что в так называемом «потерянном послании» Апостола Павла содержались мысли ли, сообщения ли исторические этого Апостола «языков», который и привел все народы к подножию креста и Христа, — до того ужасные, до того опасные и «нечестивые» для всеобщего сознания христиан, что всеобщим, безмолвным и неодолимым движением народы, люди, *всякий единственный читатель* рвал послание как только его прочитывал. Отчего и не сохранилось *и, таким образом, естественно и натурально должно было не сохраниться ни одного написанного экземпляра*. Таковы были слова умирающего Рцы. «Что же бы это могло быть такое?» — Рцы обращал мое мнение к той мысли, что это должно было быть нечто слишком ужасное и притом открывавшееся читателю сразу и резко, сразу и ярко, — сразу и неколебимо всех отвращавшее, отталкивавшее. Он давал и более конкретное указание, именно — сближение с двумя диалогами Платона, тоже «отталкивательными для всякого читателя», хотя особенно музыкально и патетически изложенными. «Музыка сфер». Но здесь я расхожусь с Рцы, потому что *для древнего мира* эти мысли Платона не были особенной новостью и не были отталкивательны. Я сближаю скорее именно с «чашею таинств» и с надписью на челе Блудницы: «Тайна» — в Апокалипсисе. «Что-то не так». «Что-то не то дано», или, по крайней мере, — вот есть какая-то тайна у Апостола Павла, которая хотя и истреблена была, но ведь она явно должна была действовать, но только не-

видным, неосязаемым и незаметным образом, не грубым образом, и во всех прочих его посланиях. И мысль останавливается на следующем. что та «редакция души Апостола Павла», под которою принято христианство всем европейским человечеством, т. е. всеми, в частности, церквями, — по неясным и непреложным основаниям («омерзение всех древних христиан») должно быть отвергнуто.

«Что́-то не так»... Впрочем, для ускорения дела, важного не в подробностях, а в направлении, я соглашусь с Рцы и тем указанием, какое он сделал. Меня все время пугала и мучила та как бы «петля», какую делает тело змеи, когда она укладывается, дожидаясь добычи, в этих речениях Ап Павла: «Даяй деву в брак — *хорошо* поступает, а не даяй — *лучше* поступает». Тут «петля» так явна, тут «кольцо, захватывающее тело читателя в обхват» — до того очевидно, что точно громады красноречия Павлова, этот сыплющийся на головы обессиленного читателя гром и молния, скрывали, что ведь это — явная фальшь всего слова, всей мысли. Фальшь — и где же — в основании плана создания мира, т. е. в изложении мыслей Бога о мире. Павел сказал не так. Павел сказал против Бога. Но лучше б уж прямо сказал. Бог его все-таки победил тем, что, что он предпослал оговорочку: «хорошо поступает»: «Даяй деву в брак — хорошо поступает». Ну, «хорошо» и «хорошо». Явно, прямо, гладко. «По-Божьи». Вдруг он вставляет слова. однако, «кто не дает в брак» — *лучше* поступает. Как же «лучше»? «Против Бога?» — Петля так согнута, что читателю явно, что Павел становится на место Бога и говорит человеку, ученику, христианину, всему христианскому миру: «Хотя Бог сказал... но мы, читатель, поступаем не по его слову, а по-моему, в котором я *истолковываю волю Божью*» «не давай деву в брак». Все бы ничего, если бы «в кольце» не заключалось именно «истолкование воли Божьей»: но именно тон — истолкования, тон не «своего», а как бы *в целой мысли — воли Божьей* Однако, чем же побежден читатель? Тайна силы слова Павлова заключается в глубочайшей везде его искренности, чистосердечии. «Змея чистосердечно и по самой природе имеет кольцо в себе». И ее-то «натура-то» и спасла. Змея — красива. О, она может быть великолепна. И сама о себе никак не думает, что «лжет». Да и ясно — не лжет. Что́ же такое? Видя муку мою над этим словом, Рцы заметил, что «в потерянном — истребленном — послании Ап. Павла по всему строению было уже прямое указание Апостола Павла к переходу человечества к аномальным, считающимся противоестественным соединениям полов, коему «обречены некоторые натуры», и нельзя скрыть от себя — натуры избранные, гениальные, «звездные». Теперь, переходя к созданию человека, мы, пожалуй, и там замечаем некоторую странность: дело в том, что в противоположность всем «парным животным», самцу и самке, один человек таинственно был создан вовсе не парно, а один, solo: Адам. Жена приходит «совсем поздно» и как-то незначительно. Затем странно, что не «Адам соблазняет Еву», а Ева соблазняет Адама «вкусить древа познания добра и зла» Таким образом, и в самом плане сотворения «что-то не так», положена какая-то «отметина». Вообще все это страшно, все это глубоко. Не договорил ли Ап. Павел в «сожжен-

ном послании» и иной мысли, какая была и в плане особого сотворения человека, но — как намек. Не знаем. Тогда он удвоенно должен был чувствовать себя «искренним», «твердым» «Вот слово мое, окончательное» Теперь мы прибавим, что и действительно эти миры существуют, и — звездны. Что же это такое. Звезда есть звезда и ничему не затемнить ее блеска. Так есть он — выше его в сани человека ничего нет. «Он открывает нам новое, он открывает нам истины. Как бы не женат: осудим ли мы, что у него не было детей, когда он дал нам творения свои, преимущественно перед всякими детьми, перед «целой гимназией гимназистов». Тоже — Платон, тоже — Паскаль. Звезды. И кажется — между звездами витают. Что же, мы будем «множиться», а те остаются — «звездочетами». При тонком, махровом и душистом понимании — роза махровая и бесплодная и роза обыкновенная садовая, со множеством семян своих, малых детенышей своих (детеныши и розы прелестны) совершенно укладываются одна около другой, ни в чем не расплещут, не противоречат, даже помогают друг другу («учитель и ученики»), и, в сущности, все испортили наши дуrolомы, попы Действительно, «дал в брак — хорошо поступает, а не дал — лучше поступает». Не «лучше» в смысле повеления, а «лучше» в смысле природы. Дуrolомы же приняли это за совет, за «пожелание» Павлово, и со всей дуrolомностью «усердного медведя» выдали тысячи ограничений, а главное — полную свою безвнимательность к браку, к семейным людям, к детям, к покинутым женами-сквернавицами мужьям (Лиза Калитина, «Дворянское гнездо», Анна, Вронский и Каренин), и, словом, поволокли семью под обух. «На нас такие золотые митры, что какая же нам причина может быть опасна?» А критика — в Апокалипсисе. «Жена блудница (обманщица) на кровавом звере, и на челе ее написано — Тайна». О, как я трепетал мальчиком, читая это видение Апокалипсиса. И вот, 62-й год, и я его разгадываю. «Блуд» — «Ложь», а вовсе не «блуд полового соединения», как переврала церковь, обвинив «блудом» самого Бога, повелевшего всем существам множиться. «Блуд половой» почище ваших митр, господа. этих шапок золотых, в которые вы наложили тупоумие своего обмана. Смотрите: теперь ведь все «блудом» называют не ваши «блудные слова», не ваше мерзкое детоубийственное учение, а хотя бы то, что «у меня две жены», когда везде в Библии благословлены — явно и громовно — и две (у Моисея) и 4 (у Иакова), и любовницы, и «сколько угодно» (у Соломона): и вообще совершенно никаких границ в количестве не положено. Кроме единой — грубости, жесткости, бесчеловечия. О, этого нет, и везде проходит прелестная Суламифь. Что же такое Суламифь? Явно «но походит», что это не дебелая хозяйка дома, как ваши все попадьи, а — блудница, с шепотом, с негою, с любовью чистой блудницы. Да и явно: Бог в сотворении Евы дал Адаму вовсе не «дебелую хозяйку дома», которая еще мужа своего «таскает за волосы», по-православному, по-русскому: в сотворении Евы Он дал ему, в ответ «на грезы» («Адам заснул») именно — только «блудницу», к каковым таинственно и Христос более был склонен вниманием и нежностью, и заботою, нежели к «хозяйкам». Хозяйка — Марфа. Не осуждаем и ее. «Хороша». Но предпочтительнее Мария, «сидящая у

ног Его и слушающая слова Его». Но только ведь эта Мария есть именно Суламифь. В Суламифи дан образ священных нег, как в Песни Песней точно записано. Это — цветок и — волшебно пахучий. Сотворена была Ева вовсе не «хозяйкою дома», не «домоправительницею» (хотя — хорошо и это), но того «лучше», о которой сказал Ап. Павел: что она чудные беседы, ну — единичные беседы, ну — неделю бесед кончает нежностью и глубиной, и сиянием полного единения души и тела. «Нет греха» ни в каком вообще единении, плотском и духовном, ибо оба единения — суть именно «единения», ближе души и ближе тела, больше любви и больше огня. А «огонь» «сплавляет души». Вот этот-то сплав единения, сплав через огонь, сплав через таинство, не ваши латунные и с позолотой и со словами, а в «плоть едину», оно и есть настоящее таинство. Как и органически: ведь это есть великая тайна, и через нее зажигается новая жизнь. Так. образом, совершенно гармонизируются и махровая роза, платоническая «со звездами», и бедные розочки мира. Такие плодовые и маленькие. Нет греха. О, в плотском единении, ни в каком, — нет никакого греха. Любовь плотская превосходит еще всякую духовную, «где только разговоры»: она — мистичнее, глубже, таинственнее, священнее. Любите, люди, любите, люди, любите, люди. Господь с Вами и Солнце над Вами, и нет разницы между Богом и Солнцем, которое есть только первая звезда Божья, звезда вот для нашей прекрасной Земельки. Она прекрасна, наша Земелька, и пахотное поле в ней, и васильки, и ландыши, и все. И комары, и даже хитрая амеба.

Теперь — об Апокалипсисе и душе своей в том, что я мысленно называл в себе «созерцательностью». В имении Рачинского, Татеево (Смоленск. губ., Бельск. уезда) было огромное озеро, выкопанное крестьянами крепостного права; это был именно не пруд, а озеро, и шло оно изгибистою плетью, со всем узором бережков, углублей и заливов — в заливах. Как природное озеро. И обсажено оно было вековым парком, разросшимся как лес и на «парк», т. е. искусственный, вовсе не походил. Садил же все это дед или прадед, великий искусник и садовод. И вот — все заросло и было прекрасно. Было древне и прекрасно. И деревья виделись в лоне вод, а в деревьях... ведь и они видели лоно вод. Моя душа всегда была такая. Созерцательная, ленивая, почти недвижущаяся. Никуда не шел, не торопился. И «поспешность» — я не при ней родился. И вот всегда это было, что я «сизу на озере и все в нем замечаю», и вместе «не смотрю на озеро и ничего в нем не замечаю»... «Знание» и «незнание»: каким-то образом таинственно во мне смешивалось; «видение» и «невидение». Но когда приходила минута «очнуться», опомниться, «снять себя с ручки», — оказывалось, что я «бездну знал», о чем думал, что «вовсе не знал». И как ползают жучки на дереве, и какая птичка пролетела, и какой цвет темно-синих сосен. «Вода все видела», думая, что «не видит»... Так среди всех всегда, случилось в моих отношениях о поле.

По всему вероятно я был медлительно сладострастен. Т. е. никогда не думал «об этом» и всегда думал «об этом». Никогда «не торопился», но всегда «был тут». Так. образ., почти с рождения, «как стал себя помнить» и, в сущности, гораздо раньше, чем «стал помнить» — я был заинтересован жад-

но полом, тайною жизни, — (потом узнал), тайною влечений, тайною привлечений. «Воде всегда нравился лес», а «лесу всегда нравилось, что он над водой». У нас в боковушке (Кострома) жила худенькая женщина, лет 40, с дочкою лет 18. И мне было лет 5, не более, когда я представлял себе, что дочь переменяет сорочку, такая вся темненькая, смуглая, и мать ту же, и дочь спрашивает, *притопывая среди ночи* (это ярко помню): «Мама, когда же ты меня выдашь замуж?» И это: «когда же ты меня выдашь замуж» стояло потом всю жизнь у меня в голове, до 62-го года, и я не помню случая, чтобы не то что в знакомствах, но в конках, трамваях и на базарах, — я хотя бы мимо одной женщины (кроме девочек, *без пола*) прошел или увидел *без повторения этого вопроса*. При этом меня никогда не занимала красота, «восхитительность», а я думал исключительно о животе и грудях, всегда уже больших, сформировавшихся, чтобы «кормить». Ничто девственное меня никогда не занимало, все было в соку, влаге, золоте и росте. Когда же я думал, что «она переменяет сорочку», то не знал вовсе устройства женщины (бывал только с мамой в бане и видал ее морщинистый живот) (складочки, роды древние), я всегда «был тут» и вот всегда (так как она больше меня ростом) подходя как-то приближал лицо свое к тому «растроению», какое образуется низом живота и спускающегося и округляющегося и линиями ног (л....) поднимающихся к животу. «Тут где-то», «что́ — я не знаю». Уверен, что идея «троичности» в первичном эмбрионе течет не из разных философий, но от всемирной заинтересованности и даже притяжения этим треугольником ∇ . Как и идея — двух: . В сущности же это — материнство, и инстинкт мужчины, мальчика, ребенка — к соединению «с матерью»... Тут и Эдип, и муж, и Адонис. И вот уже в возрасте: прихожу ли я в церковь «к кресту прикладываться», я всегда пройду, где тесно, — если «мать ведет двух детей за ручки — тоже прикладываться», и всегда дотронусь до живота ее: и такая радость, если он тугой (беременна третьим). Также на базаре, уже в Спб.: пока идешь до саней («общественные сани»), все спешат чиновницы за провизией: и вот «побольше живот» — и всегда на такую оглянешься с такою благодарностью. У меня имелось «в мое счастье» какое-то «счастье всех людей»: то счастье «о родах», причем входили «муж и жена», всегда «двое», всегда «они». В Петрограде же: едет баба с яблоками. Уже старушка. Что-то шевелит яблоки, пододвинула корзинку ли, узелок ли. «НА 1 1/2 рубля торговли». И вижу — живот. Я льстиво улыбнулся и сказал: «Вот ты старушка, а живешь с мужем». Она: «Нет, мне еще только 45 лет». Но чем старше, тем для меня было счастливее. «Что молодые — это обыкновенно», и мне не льстило. Но чем старше, тем было привлекательнее: и если бы 60-летняя, а еще лучше — 65-летняя забеременела — я бы скакал. Так. образ., глагол Библии: Саре было 90 лет и она забеременела, — слишком мне понятен. «Все обыкновенное — обыкновенно»: а мне хотелось природу раздвинуть до чуда, именно и непременно до чуда — в р'одах. Посему я жадно читал и о «родильных домах статистику», что иногда «разрешались» 13-ти лет. Здесь тоже я хотел чуда, и 13-летняя рождающая, т. е. 12 лет и 3-х месяцев совоку-

пившаяся, а если считать, что «не с первого же раза» и что даже «надо привыкание» — то значит уже «в 11 лет знакомство» — это меня бесило до жажды пророчествовать. То поразительное пророчество, совершенно неправильно истолковываемое, ибо дело шло *об осаде еврейского города*, и пророк просто изрек: «И вот, что с города будет снята осада, то вот знамение «Се дева зачнет в грехе и родит сына, и наречется имя ему Эммануил», конечно, говорится — в этом бесспорном контексте слов, — отнюдь не о «девственном, без совокупления и мужа» рождении, а о совершенно правильном с мужем рождении; я же знаю, что случаи совокуплений с 11-летними проходили нормально, и 11-ти и 10-ти даже лет уже не принимали никакого вреда «костоломки» и в то же время иногда менструации начинаются 10-ти лет (в Талмуде упоминаются браки даже 3 1/2 летних, есть такое — поразившее меня — место. Во всяком же случае — менструация уже показатель способности к зачатию и родам. Между тем в силу таинственной организации мальчиков, а особенно девочек — дар к родам у них действительно «до чуда» придвинут рано, до полной невинности. Сотворение «в невинности» Адаму «Евы» для брака очевидно имеет и знаменует полную невинность первого совокупления (разрушенную церковь), лет за 6 до теперешнего «зрелостного». Между тем тут факт: физика человека застывает «на 1-м совокуплении», и тайна цивилизации заключается в том, что «при моем ли желании» люди останавливались «в созревании ума» на 9—10-летнем возрасте, т. е. вне цивилизации, весь народ, все племя сохраняло бы чудный возраст детской души, эту ангельскую чистую невинность душ, эти их неземные улыбки, это полное блаженство и «рад возвращенный человек». Все Платоны, все Ньютоны, все Мильтоны и Данте («Данте и Беатриче») горели из этого. Честь и невинность. Тайна и чистота. Но архиереи и чиновники соединились в окаянстве и все разрушили. Бросил. Еще я ехал, вагон, вот мчится поезд. И сидит женушка и так и заливается смехом. Против нее дед — vis-a-vis. Я же — рядом, и еще vis-a-vis против меня. Вижу — одна беременна, дочь. И лицо такое ледящее, худенькая. Но я замечал — такие бывают личики, и эта бледность — не от худа. Меня, однако, заинтересовала другая. «Неужели мать, и едет с 2-мя дочерьми и беременными». И вот — станция, «пошевеливаются», и я заметил, что в самом деле и 2-ая дочь уже беременна. Теперь я понял и радость матери. Но вообще есть особая и высшая радость о «доме беременеющем» и у нас уже, увы, вовсе потерянная, вовсе неизвестная. Тут стало понятно мне, что «на субботу еврейские клетки соединяются в одну», «несколько изб — растворяют двери друг к другу и образуется как бы один, сложный, многокомнатный дом». Это я видал при чудном свете огней, в Рыбнице (Подольская губерния, «местечко»), причем все гимназисты и гимназистки [были] предусмотрительно высылаются из дому («все на вокзал»). Вся Рыбница горела огнями. Весь воздух трепетал сиянием. Двери — распахнуты (т. е. и на воздух, но, конечно, главное — «внутри»). «Вот она, Священная Ночь Востока, — подумал я. — Вот она, в огнях как в страсти, где пышет Небо, где Небо сошло на землю, где «древо приносит 12

раз плоды в год» (Апокалипсис), где бабушка — дочь — внук — дед — отец — сын — много сынов-дочерей — внучек — и соседки — соседи — вкусив блаженной миквы — все в ту же ночь, в тот час и в те почти минуты соединены в куполе неба, залиты зарей вечерней, огнями и первыми звездами». «О, вот где во едином Израиль» и «где он прочен» и «не разорвать его европейским волкам», картежникам и политикам. Тут проходит «соседское родство», тут вся «деревня — родная», в этот миг, в этот час: по великой магии совокупления, которая всегда «проницает стены, занавески». Только у Израйля есть «народное совокупление», есть «деревенское» и, наконец, «всемирное — единое и неединое совокупление», но назначено для него не «одной даже ночи», но «одного часа, для всех» (организация субботы). Это совершенно другое, чем наши — унылые, развратные, одинокие. Тут весь народ ликует, «как течет солнце», от Иркутска и до Бостона. Тут такая игра огней — страстей: и этих милых, родных, исключительных. Этим глубоко нежных, «родственных». Это совершенно другое, чем наше «втихомолку». О, это бедственное — «украдкой». «Я совокупаюсь — значит я вор». Да у кого же я краду. Я приношу плод «нации». И вот у евреев, у одних есть «национальные совокупления». Национальный «рост плода», «засевание полей национальных» 52 раза в год (52 субботы): но главная магия и национальная связь племени происходит в том, что в силу единства часа и минут («погасли шашельские свечи» и — минуты на раздевание) образуется единая цепь совокуплений, где одно поле «заходит петлею в другое», — почти и не почти, — как в лесе и озере в Татеве, которые «смотрятся и не смотрятся друг в друга», отражаются, чувствуют, но все в каком-то таинственном и общем созерцании, где «не шелохнется воздух». Это — чудо. Чудо одного Израйля и Моисея; который «уплотнил обрезание» в «субботу» и, до известной степени, стал для него «вечным богом». Но вернемся к Апокалипсису.

Чудо. Евангельская книга; но в ней почти не упоминается Христос. Так если слова, крупницы. На самом деле и как главное — в Апокалипсисе встает весь Восток. Насколько Евангелие есть типично европейская книга, настолько Апокалипсис есть азиатская книга. Рачинский совершенно не придавал этому значения, упоминая о нем как о бесспорном апокрифическом произведении. Ему больше нравился «Сеятель и его Серна», как и Григорию Спиридоновичу (Петрову), так как он был учитель. Но мне, как я так любил живот и животы, — Апокалипсис меня сотрясал больше всего «женою, рождающею в муках, и вокруг нее Солнце и Луна» (образ — чисто египетский), а когда стал больше понимать — то и «водами жизни» и «древом жизни». И вот, все они, все народы, уже все без исключения, «поют песнь раба Божия Моисея», хотя нужно сказать, в Библии Моисей не поет никаких небесных песен. Явно это и общая концепция. «И дерево жизни раскрыто». Кто же оградит, что хотя и суббота, но уже — всемирные. И Престол, и Агнец, и «жена», «уготовляющая себя Агнцу». Поразительно — во всей Европе, до чего из нее устранена космогония, до чего в сущности в ней «один Григорий Петров». «Григорий Петров и Рачинский», которые, ненавидя друг друга, были в сущ-

ности — одно. Но космогония? Но «гороскоп и судьба человека»? Если не «беременный живот», то откуда же и какой выйдет гороскоп? Неоткуда взяться. И в европейских церквах, во всех, в сущности нет ни судьбы, ни мира. И все оттого, что небо «не включено в беременный живот». А если бы оно было включено, был бы и гороскоп. Таким образом, «христианское небо», в сущности, учительно, учительно учебно и учено, и только это и есть «ученое европейское небо», без мира и вообще акосмическое. Атеизм Европы, в каком-то отношении неодолимый, в сущности, полезен и внутренне необходим. Как-то ни Колпинскому, ни Петрову, всю жизнь проповедовавшим Евангелие, проповедовавшим его *учебно* и *проповедно*, не приходило на ум, что они оба «атеисты и книжники». Между тем и Христос сказал: «О, вы книжники, — от вас весь яд». И Христос таинственно был ближе к блудницам, нежели к «столбовым женам», хозяйкам. Ну а «блудница есть блудница». Все мы знаем, «что такое блудница». Блудница творит блуд. Поразительно, что в Евангелии, уже в противоположность церквам и вечному их порицанию «блуда» и «VII заповеди» и как бы в предвидении этих будущих порицаний везде определенно выражено: «блуд» Попы ухватились за слово: «Иди — и впредь не греши». Я же замечу, что если она еще согрешит, то будет все-таки «блудница», и Христос по милости к первой — еще милостивее и умиленнее, и еще в более прекрасном образе и слове простит ее. А ведь и в первом-то осиянии так осиял ее. В 7-м и 11-м осиянии, после 16-го прощения, она совсем «войдет в Небо», как именно и показывает Апокалипсис. И тогда Сами Небеса (как и сказано: «Жена — в Солнце, и под ногами — Луна, и окрест ее — 12 звезд) окажутся Таинственной Бездною («глубь небес»), одевающею Блуд, одевающую Блуд. И космогония, эти «гуманности из гуманностей», клубящаяся (почти форма прочтения смысла), — астрономические атласы окажутся в самом деле — космическим блудом, «Субботою в мире», а Древо жизни — как и очевидно это есть — глубоким и великим «обрезанием». Тогда — «все в одном», «всяческое во всяком». И нет «греха, а один сад», и «Солнце более не зайдет», а «луна вечно светит» (образ Апокалипсиса). Но перед этим будут страшные бури и наказания. Фиалы изливаемые и кусания языков. Но это — о тех, «кто очень хорошо одет». Поразительно, что в церквах никто «не раздет», как Адам и Ева в раю. «В церкви» ли не быть «райского». Увы, ни единого кусочка. «Люди рвутся из церкви» (секты) по верному чувству, что «там нет райского». Это страшная «ботаника» без «растений». Хорошее сравнение. В самом деле «богословие» есть тайна без «религии» (рая, райского), как «ботаника» без «леса» и «поля». Ничего нет. На самом деле нет ничего, и потому, что «ни одна жена там не рождает», а стало быть, «нет и небес». Ибо — только из жены — звезды. Тогда я и понимаю: почему же и что значило: мой инстинкт с 5-ти лет — зажаться, зажмурить глаза «куда-то», чего «самого образа я не знал» и никаких не имел инстинктов: или точнее имел инстинкт — по существу к *религии* — с самого рождения и еще точнее — с зачатия Отца и Матери.

Но когда меняется «видимое» на «невидимое» и «невидимое» на «видимое»: то, что нам кажется существенным, «царства», «престолы» — уходят в таинственную незначительность, становятся акосмичными призраками. Даже, может быть, и видимое солнце и луна, и небо. Кто знает? И выходят «откуда-то», как довольно ясно показано, другие Солнце и Луна, и Звезды. Гораздо более звезд, чем мы знаем с земли, и много лун, и много солнц. Кажется, в Апок. сказано «4 Солнца». Но что же это, как и почему. «Скрываемое» доселе, на земле, не в раю — «в раю» естественно сокроется и покажется, обнаружится как осязаемое — совсем иное, чем здесь сокрытое. «Вещи все переменятся, переменят свой вид». Есть и теперь области, которые мы «чувствуем», но не «видим», не «ловим руками», не «осязаем»: это запахи. Так глубоко проникающие, «до самой души». И — который так волнует.

Песнь Песней вся говорит о запахах и пахучести, а первое его слово, буква первая — поцелуй. Перемена «видимого» на «невидимое» — «в сем обещанном мире», который будет «там где-то», не разрешится ли таинственным вечным вдыханием пахучестей по космологической сущности, как мы объяснили «Души останутся, а тела исчезнут», но впрочем — и тела останутся, но как души — нет. Останется — существенное и пахучее. В каждом — одно, но около него — противоположное. Тогда «суббота», как уже секретное обещание, перейдет в загробную вечную субботу как космическое исполнение. Тогда души наши загорятся как звезды. Но это будет столько же звезды, как и вспыхнувшие цветы и огни, и страсти. И небо горячо, и небо даже пламенно. Но это уже мы будем светить земле и «грешным нашим потомкам» как Бог и Родитель и вечное Родительство.

* * *

14.VII. 1917

АПОКАЛИПСИС

Египтяне, предупредив Геродота об обрезании, и уже затем явно Бог потребовав (испросив) от Авраама обрезания, не выразили ли, не прошептали ли:

— Дети наши и вместе дети земли: если нечто такое, что вам будет всегда нужно и что вы будете называть «своею религиею», вы станете изводить из полового органа, то это «нечто» станет чадолюбиво, семейственно, родственно во всех подробностях и разветвлениях; станет племенное и не государственное. Горячее, чувственное, застенчивое, стыдливое и нежное; скромное, затаенное и скрывающееся.

Как половой орган.

И как половым органом вы будете вечно тайно сокрыты ею и будете вечно с нею. Хотя не на виду.

И будете нежны в религии, и будете песенны в религии, и будете сказочны в религии. Но более всего вы будете верны ей, как каждый верен своему половому органу.

И немного выкрикать, и немного восклицать.
Так как все это и свойства или принуждения его.

— Если же религию вы будете изводить из другого, — из памяти слов, из законов о вере или размышлений о ней, — то вы получите религию памятли-
вую, основанную «на текстах», холодную и водянистую.

— У вас будет Квинтилиан, Августин и Паскаль.

И очень много «златоустов».

* * *

17 июля 1917 г

ПЕРВОНАЧАЛА

Что́ раньше всего было в мире?

— Забота.

Раньше того, кто позаботился, — и того, о ком позаботился?

— Раньше

И мир, значит, возник..?

— Из «превосходства позаботиться».

Но это метафизически невозможно, чтобы «дело» было раньше «лица»
и мораль раньше «онтологии»...

— Мир оттого и не проклят, а «свет», что мораль раньше онтологии, а
«дело» действительно раньше людей

~

Почему мир возник?

— Потому что «хорошо возникнуть»...

Пожалуй, отсюда и рóды?

— Отсюда.

Тогда, значит, утро важнее вечера?

— Важнее. Если бы не было утра, не погас бы день.

Как странно. Но тогда что же: значит, смерть не так важна, как жизнь?

— Не так важна. Смерть укорачивает, а налицо все-таки «жизнь».

Странно. А ведь казалось бы, все, что «пополам» — состоит из «равных
концов».

— Напротив. Только «пополам» открывает «больше» и «меньше», и у
Пифагора во фрагментах что-то недоговорено: разве «правое» не больше
«левого», и «верх» не больше «низа», и «переднее» не больше «заднего». А
также «сложение» больше «вычитания», «+» больше «-», и «мужчина» боль-
ше «женщины», потому что даже «в родах женщины» — «родит мужчина»...

Как несправедливо. Он только наслаждался, а не трудился в чревоношении.

— Справедливость есть покой и смерть, а из несправедливости роди-
лась вся жизнь. Разве справедливо, что «праздник» больше «будня»? Но все

будни радуются о празднике, а женщины радуются, когда к ним подходит мужчина

Несправедливо, что «половины» не «равны».

— Но если бы они были «равны», мир стоял бы, а он движется. Как у беременной женщины всегда перетягивает «живот». Ей трудно, а миру лучше. И «все страдают на свете», а «хорошо, что есть свет», и все зовут его «светом», а не «тьмою». А если бы половины были равные, то была бы «тьма».

Так что мир «несправедлив» — чтобы было «лучше» и чтобы наверху был «Бог», и в мире были «праздники». А женщина страдальца и оправдание всего. По «оправданию всего» она и «Матерь Божия», и Бог трудится, чтобы оправдать все. Оправдать мир-дитя.

Почему на свете всего так много?

— По красоте «возникнуть» и по необходимости «заботы». По тому, что Бог, а не тьма. Если бы была тьма, в ней был бы Дьявол, и мир был бы дьявольский.

Что́ же такое «Дьявол»?

— Ограничение, недостаток, не хватает. И дела его таковы. у Иова отнял богатство, отнял детей, отнял здоровье.

— Не отнял жены и друзей.

Потому что это Бог. Жену и друзей дает Бог, и Он Единый может отнять их. А Иов не был виноват против Бога, а только внушал зависть Дьяволу. Дьявол есть завистник Бога и умаляет Его творения, болезнью, вредом, клеветой и «безумием в самих вещах». Таковое если наступает, наступает крушение вещей и может даже наступить крушение мира.

Что́ из всех вещей, «забот» было сотворено раньше остального?

— Лизанье. Бог лижет человека. А отец и мать лижут детей. Для того рождаются дети. Кошка, когда рождает котенка, прежде чем накормить — облизывает его. Египтяне заметили это и на этом водворили культ кошек. Так как для этого и мир сотворен. Он сотворен для тепла и любви.

Если рассуждать по такой забавной философии, то выйдет, что не было бы цветов, если бы не было сперва носа?

— Конечно. В том и загадка мира, что было раньше обоняние и потом уже явилась пахучесть. Но это не загадка, а разгадка. В мире предшествовали психологичности — и уже потом возник мир. Так что «душа мира» раньше, чем «мир был».

Странно. Страшно. Как доказывается «раньше нас бывшее и никогда нами не виденное?» Доказывается «паки-бытие вещей?». Но действительно странно возникнуть запаху, «не будь бы носа». Хотя в то же время, даже по Библии, растения сотворены раньше человека. Но тогда... тогда страшный вопрос Карла Фохта: «Что появилось раньше, курица или яйцо?» (мой 3-й

класс гимназии) разрешается в том смысле, правда ужасно странном, что и курице и яицу предшествовало «куроводство»?

— Но 1) ведь в самом деле, совершенно неразрешимо, откуда же произошла первая курица, если не было какого-то яйца, и именно куриного, и с другой стороны, откуда же появилось куриное яйцо, если не было сперва курицы? Сколько бы мы ни зацепляли «палец за палец», хоть целую вечность и больше вечности, останется «положение двух пальцев», при котором «можно опять правый вынести вперед», при том, однако, несчастью, что после этого «снова левый выйдет вперед его». Это — «дурная бесконечность, при которой не кончается счет». Как «не кончается»? Как может что-нибудь «не кончаться»? Особенно курица и яйца, о которых Дарвин сказал, что «произошли после крокодила и позднее плезиозавра», когда уже «родился птеродактиль»? Оказывается же, по соотношению курицы и яйца, совершенно очевидному и совершенно бесспорному по самой простой логике, что они «произошли так давно и рано», как рано можно было «ставить палец за палец» без какой-либо надежды остановиться. Т. е. что произошли курица и яйцо в «дурной, бессмысленной бесконечности». 2) И — произошли разом «по Библии», — «курица с яйцом, т. е. оплодотворенная»... Опять странно: «куриное оплодотворение» произошло раньше «курицы и петуха», и только вот вопрос: «Что из яйца выйдет, курица или петушок»? Какой-то «куриный Адам и Ева»... 3) Но вопрос разрешается в смысле «куроводства» При таком разрешении оканчивается «дурная», т. е. бессмысленная и невозможная» способность «закинуть палец еще раз за палец», а ясно выйдет, что «Адаму потребуются куры». Получается граница во времени, потому что граница в *конце*. «Начало» мистериально переносится «в конец» (египетское изображение «змеи, держащей во рту свой *хвост*», т. е. «слияние конца и начала», «Альфы и омеги»): действительно, «куриное и петушиное царство» с их «яйцами и размножениями», потому что «нужно для человека», чтобы «утешить и уладить человека», из «заботы о человеке». Как и непостижимые «домашние животные», с их инстинктом «приручаться», быть «у человека в неволе и радоваться этому», как «радуется девушка», приневолившись «за мужа». Мировая эврика «несправедливости». «Будут власти и господства», и тогда «свет будет мил». Мир сотворен именно, чтобы «лизаться», — т. е. он сотворен «по-милому» и «где мне тепло», а не «по справедливости», которая почему-то всеми людьми считается «холодной» и «равнодушной», т. е. уже во всяком случае не теплою. Ах, если бы было все «справедливо», не было бы нашего драгоценного Иова и всего человеческого утешения. Может быть, если бы было «все справедливо в мире» — не пришел бы и наш Христос? Ну, а «нужен ли Христос», об этом уже не философы будут возражать и не историки — противоречить 4) «Куроводство» же в смысле «быть ли яицу или курице», разрешает вопрос о том, что такое «энтелехия». «Энтелехия» — это новое слово, не бывшее в греческом языке, которое создал Аристотель для выражения особенного понятия в своей «Метафизике». Понять это столь трудно дробями, входящими в него, что один

средневековый монах, размышляя о нем, в усилиях разрешить — сошел с ума. Ибо тогда старались не как теперь, «для диссертаций». И выздоровел — опять стал рассуждать и опять сошел с ума «Энтелехия» и есть «курководство» в отношении предшествующих «курицы и яйца», которые образовались «для человека». Причем «курица не знала о человеке», а «яйца и совсем не было», но «бе» свет в мысли коего было все. Как же оно было в порядке моментов и в порядке времени, которое странным образом как бы «оборотилось наоборот» и стало будто «покойником, которого вносят в церковь ногами, а не головой». Подобно как иногда «рождаются на свет» не головой, а тоже ногами, и тогда роды бывают трудные «Но для Бога что́ трудно» и он рождает в случаях, подобных «курководству» сперва курицу и яйца, также множество петухов, и уже потом вводит человека в полное обладание «курководством» и всем, без чего умер бы в мгновение. Подобный способ сотворения «ногами вперед» Аристотель и назвал «энтелехией».

О претворении воды в вино

Когда кончатся все вещи, Бог поставит мир «на другой конец», и тогда все вещи, как в песочных часах песок, начнут течь обратно и время возобновится». По всему вероятно, египтяне называли это «годом феникса», который тянется 500 лет или пять тысяч лет «Все кончится и потом все возобновится» — вот их мысль.

Об этом-то совершил Он предсказание на браке в Кане Галилейской. Мать сказала Ему: «Уже вина нет и бочки пусты, а гостей много». И гости эти, ожидающиеся — в могилах. Тогда Он сказал: «Пусть наполнят пустые бочки водою». И наполнили. И вот все стало вином, еще лучшим.

И где было кислое — стало сладким. А где было несолоно — делается солоно.

Начнет ревнование преобращаться в сладкий зов, и чтобы «не я, а ты — лучше» и чтобы «не мне, а тебе». В редких и даже редчайших случаях, это случается и теперь, и ничего так не пугает «живущих в сем свете», как это «истаивание концов», раскрытие «пределов и границ», положенных для вещей «на этом конце мира». В этот «год Сотиса или феникса».

Ничто до такой степени не пугает, как мистерия Эдипа¹. Как мог он не в памяти своей, но «в крови и памяти организма», т е в таинственном «нравится», забыть, что «уже рожден был Иокастою»? Но без этого он не соделался бы «Зевсом» («мистерия Эдипа» на самом деле есть «мистерия Зевса», кажется, это отвечает и египтянам). Но это «вперед ногами происходим» попадает уже в теперешней жизни в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{8}$, в частях, и вообще в «кровосмешениях»,

¹ Софокл вызвал жесточайшие порицания, что «Эдипом» он осмелился показать кусочек Элевзинских «запокойных» мистерий. И это-то и составляет ключ к истолкованию «Эдипа», а не эстетические пошлости литературно-филологических комментариев к нему.

перед которыми так предостерегал Моисей. И «зайца пищащего не вкушайте» и «вола и быка не запрягайте в одно ярмо». Это все предупреждения против Эдипа и его начал. Но обернемся же к «браку в Кане Галилейской».

И вот я ем пять маленьких свежих картофелек, принесенных мне «в год голода» (война, 1917 г., июль) старою чухонкою. Я ей приветливо сказал два слова, она меня порадовала молодым картофелем к утреннему чаю. Я жадно ел, намазав коровьим маслом, и мой желудок все это облил «соответствующим желудочным соком» и превратил, «переварил» в человеческую утробу, тук, мясо. Где ты, человек? Где ты, корова? И мать земля, Деметра, вырос- тившая картофель.

«Все стало одним. Все кровосмесилось. Тайна Эдипа есть в то же время тайна Деметры».

— Как могла... нет, как *смела* земля тук свой, частицу тука, преобразить в картофель и подать для вкушения мне? Энтелехия. Эдипова тайна, разве не Эдипова? И вот Он, начавший «претворением воды в вино», окончил «претво- рением вина и хлеба» в Кровь и Плоть Свою, для «вкушения всех»...

«Аще не вкусите — не внидите в Жизнь Вечную». В тот «второй год Сотиса», когда «кончатся все вещи» и песочные часы будут поставлены «назад».

«Бьет второй час Вечности».

Что́ же такое «воскресение», как не «молодой картофель в моем желуд- ке»? Да «еда», всякая еда есть таинственнее и мистериальнее всякого «вос- кресения», как бы мы его ни представили и какими бы чудесами ни сопрово- дили. И раздавший куски хлеба и плошки вина ученикам не «растворился в котором-нибудь человеке», но соделался «яством всех людей». Так «через Сына Своего» Отец напитал дитя-мир. И это смысл обрезания и в благодар- ность за послушание Авраама в завете.

И не был «кто претворил пресную воду в вино» мужем: ибо не для жен- щины пришел, а для всех. И никого не восхотел умалить, а приобщил себе всех. Как «приобщил»? «Вкусите меня», «Испейте меня». «Картофель» и «тук земли» и «я». Разливание жизни «по всему». Посмотрите, египтяне усопшие пьют «воду из древа жизни», передаваемую женщиною-Мадонною.

Рисунок: загробное
питие из Древа Жизни.

Это у них во множестве вариантов. Но это величайшая их мистерия... «Так мы опять оживем», «через это оживем». «Во 2-й год Сотиса». «А до этого пусть тела наши сохранятся неразрушенными» (мумии, пирамиды для хранения их).

Что́ же Христос и Его евхаристия. Через вкушение Отец кровосмешива- ется с дитятею. «Ныне настал брак Агнца с миром». Недаром и вино было превращено именно на «браке». Нет вкушения, которое бы не было бракосочетанием. И мистерии еды и воскресения — все суть мистерии Озириса, эссенциальности его, — в Озирисе.

20.VII. 1917

ЗВУКИ ПУСТЫЕ

Да неверна религия. Религия отвергает Солнце. И проповедует ночь скопчества. А как отвергнуть Солнце и День невозможно, то она вечно лжет. Изнеможенным голоском, фальшивым голоском она твердит, что ее «же-можаху» и «же за ны» может заменить труд, честь и благородство. Может заменить «благодатью» натуральную доброту, естественную любовь, — вообще все, что течет от Солнца. Оплодотворения и Жизни. И закрыв Солнце, Луну и Звезды, она нарисовала ледящие образки худошавых людей, взяв вместо луча солнечного, лунного и звездного, — немного политуры, немного вохры и все это замешав на белилах.

— Вот твои боги, народ израилев.

Но боги эти все трескаются, осыпаются. И религия потому уже не верна, что очень дорого стоит ремонт.

.....

P.S. При этом я не отрицаю, что мне самому нравятся, и безумно нравятся, и скуфеечки, и позументы, и пироги в праздник. И если бы не трудное время, прожил бы с этим век. Когда идет дождик, хорош и зонт. Но не могу я скрывать, что это все-таки зонт, а не небесный свод, Небесный свод: бык, корова, теленок (много телят). Стадо, семья. Жизнь, деятельность. А не ваши «возглашения», которые какими бы альтами ни «износились», — уху хорошо, а сердцу холодно.

P.P.S. А время лютое, холодное, дрожу. И вот я не горе говорю, а скорбь. Что вы все требуете, чтобы я вас «ладил». Посмотрите на меня. Я не мышь. Я такой же человек, брат ваш. Почему вы «меня не уладите»? Я перед вами стою 30 лет. Говорю, воплю. И никакого внимания.

P.P.P.S. Я не груб, не горд и не осатанел. Не вольтерианец я. Нет унижения, которого бы я не стерпел. И часто все сердце исходило в муке унижения, и я все-таки молчал. Будь я «вольтерианец», и моя цена была бы грош. Но я тих — как ваши самые лучшие тихие. Таким образом, я во всем подобен им. И вот, что я тих — это и соделывает меня сильным.

У вас только слова, фразы и формы. Слова о «благодати» есть, а благодати настоящей нет. Есть «учение о благодати», но в сердце нет благодати. Есть «наука о благодати», целые главы, — и так он приводит и текстики, и все. Текстики — курсивом, а обыкновенное изложение просто. И так хорошо напечатана эта печать. Книжка с золотым обрезом и на корешке — золоченый крест. Но это все — печать. А что в сердце-то напечатано? А сердце пусто бьется. Вот, сколько же раз я вам говорил, и кричал, и пищал, и корякал, но если от мужа сбежала жена и есть доказательства этому, свидетели, — есть письма вроде: «Тысячи мужчин находятся в вашем положении (т. е. оставленном) и не воют — люди не собаки», то церковь *обязана дать другую жену*

мужу, если он имеет расположение к семейной жизни, если семья для него есть потребность «Но вот я корякал, а вы молчали. Нет, гораздо хуже. вы показывали огненный язык сатаны, которым, вот видите ли, замазывали ожоги и раны» Именно, вы тут-то и развивали ваше бессовестное учение о «благодати» О бессолнечной, о противоживотной благодати. Буду говорить прямо, п. ч я недаром заговорил об аписах, о быках, сказав «В них спасение миру» Именно, вы говорили оставленному женою мужу, что теперь «дела плоти брошены», а «главенствует дух» Что уже «Адам и Ева согрешили и надо избавляться первородного греха». Что «похоти и дел похотных Апостол не благословил» (забывая в то же время в своем бесстыжем сердце, что ведь венчали же вы на сии похотные дела и на сей первородный грех) (но дело в том, что тогда платили 50 целковых — за венчание, — а теперь и в случае развода — вы готовы сорвать тысячи). И вот, вы улещиваете мужа, что «нарушили бы закон Христов» и «благодать Господа нашего Иисуса Христа», если бы снизошли к сему вторичному «похотливому желанию мужа», коему уже дана была «боговенчанная жена», да он почему-то с нею «не ужился». хотя ведь и есть жены, лстящиеся на любовников, и вы будто бы об этом — воздев очи к небу — не знаете. И отказываете. Но если он, не в силах будучи обойтись без семьи, сошелся с женщиною и Бог дал ему детей, — и он живет счастливо, и религиозен, и смирен, и жена его смирна, и никому они не перечат, и все люди их любят и почитают. то вылезает сатанинское «поперек» Вы века века!!! сих «уже окаянных и в окаянстве рожденных детей» считали «плодом блуда», а в сущности не разобрав, что они были рождены в слезах скорби, и в жизни лучшей, чем с вашими попадьями, — и вот вы, все века замучивали этих детей в воспитательных домах, в родильных потаенных домах, у Скублинских, и все лопоча о своей «благодати Христовой», — все возглашая ее самвонов, и все воспевая ее с клиросов, а в сущности и возглашая и воспевая только самое сальное самолюбие, самое отвратительное свое тщеславие И вот уж — по Начальнику — и подданные, по «Царю Царствующих» — и ограда Если вы — века!!! — поступали так по «благодати Господа вашего Иисуса Христа» — поступали не необдуманно, но, напротив, крайне обдуманно, и поступали все ссылаясь на слова, все «приводя тексты», и «без текстов» ни единого поступка не делали: то видя — в совокупности — миллионы замученных вами младенцев, которые виноваты были только в том, что родились, что есть Солнышко (вот мой тезис) и есть кровь (вот тезис), а не сукровица ваших проклятых заклятий, связываю все эти «словеса» в один узел и говорю — Это какой-то обман. Невинность невинного дитяти так невинна (Солнышко), а ваши словеса лукавствия и глупости так плохи и фальшивы, что я, не разбирая дела очень мудрено, — говорю просто, что тут «как-то не так», «дело неладно»

Дело очень просто Дело яснее выеденного яйца:

«В благодати Господа нашего Иисуса Христа дети умерщвляются».

«Вне благодати Господа нашего Иисуса Христа — дети матерями никогда не умерщвляются». «Этого не существует во всей природе» «Там есть

Солнце и бык, и корова». Недаром у египтян везде над быком и коровою — Солнце. Только — у них. Но у них — всегда. Т. е. «рождаем Солнечною силой».

Так. образом, спор между Египтом и христианством состоит в том: можно ли и позволительно ли религиозно и священно умерщвлять детей?

Если можно — «благодать Господа нашего Иисуса Христа торжествует».

Если нельзя: то нельзя только по-египетскому почитанию быка и солнца.

Скопчество. Темь. Ночь. Сорвано небо и явились скуфеечки.

Вы все радуетесь, что в вас не действует «мужеск и женск пол», а все «девство», хотя не понятно, для чего же девство и все устройство девственное, если не будет жены и матери. Но вот через это-то вы и вне человечества. Ибо какое же «человечество», если не будут «ни мужеск, ни женск пол». Явно — вне человечно. И вот вы совершили не высшую вековечную религию, а совершенно бесчеловечную (матери убивают детей). И вовсе не «духовную», а просто канцелярскую. Канцелярскую и ученую. Ни ягодки, ни цветочка. Только книжники и фарисеи. Еще можно усумниться в одном: может быть в странах «Песни Песней» пошло бы все чище, чем в каменном Риме, в щеголеватом Париже, в туманном Лондоне, сухом Берлине и ныне развалившемся и оскверненном Петрограде. Может быть. Но тогда все нужно заново строить. Строить во всяком случае на базе Солнца — «всех сил небесных и земных».

...ником вовсе не замечается, никому и в голову не приходит, что совокупление вовсе не необходимо, не неизбежно и не невольно физически, а — метафизически и мистически. Так что оно есть более метафизический и мистический акт, нежели телесный.

* * *

20.VII. 1917

И ВСЕ-ТАКИ ОНИ «ГОИ»...

Эти слова Шперка, выслушанные им в Вене среди круга родных по матери, и которые он уловил гениальным умом и передал мне, с каким-то веще спрашивающим недоумением, с каким-то веще оправдывающим недоумением, трепыхаются как птичка и во мне. Так он сказал, немного наклоня ухо и как бы прислушиваясь, не будет ли ответа. И я тоже наклоняю ухо и слушаю. «Что они хотели этим сказать?» — родные его матери (евреи). Какие-то венские жители. Коммерсанты, банкиры? Врачи, адвокаты? Еврейские промыслы ограничены и все не очень почтенны. Почему же, почему же они сказали: «И все-таки они «гои», о христианах?»

Однако видно, что они сказали о лучших христианах. По наклону речи — видно. Очевидно, раньше заключения («и все-таки они *гои*») они делились сообщением о каких-то хороших поступках или хороших мыслях и чувствах христиан. Они их хвалили. Явно. И в конце вздохнули.

— А все-таки они *гои*.

Что же, что же за тайна в этом? Как мне Шперк передал, я почувствовал:

— В этом-то и заключается все.

Что же «заключается»? — Что «может заключаться»?

Возьмем греческую историю, римскую историю. Возьмем европейскую историю. И о всякой нашей истории евреи, прочтя ее с любопытством и интересом, заключат:

— А все-таки это история и жизнь только *гоев*.

Но, Боже, что же это такое? Почему?

Но не мы ли сами называем их историю *Священной Историей*, для себя самих — историей нам священного; и этим названием не признаемся ли мы действительно, что *не гои* — только одни евреи.

В чем же, однако, дело? О, птичка трепыхающаяся, спой мне в ухо песенку. Расскажи, в чем правда?

Расскажи, — ведь это так последовательно и деловито, — почему Акиба и другие отцы, собравшиеся на Иамнийском собрании и определившие «Канон Ветхозаветный», — почему именно и каким ухом именно они воспринимали, какие из книг, «Руфь» и проч., «Иов» и проч., «оскверняют руки» и след. «даны Духом Святым», и — «не оскверняют», а след., человечны и не представляют ничего особенного, суть плод человеческого мышления и речи». Что за музыка? Где тайна? Ибо очевидно, в этой-то «тайне» и заключено, почему их книги и истории мы принимаем для себя «Священным Писанием», тогда как свои собственные истории и изложение их мы никогда не называем «Священным Писанием»?

И о себе думаем, что мы «меньше» (*гои*).

А о них думаем, что они «больше».

Посмотрите, что может быть больше — уже не в ихнем, а в нашем смысле — «оскверняющим» мысль и воображение, нежели история Лота и его двух дочерей. О ней-то, впервые — с намеком на нее, я услышал студентом от умной и даже от мудрой г-жи Напалковой, купчихи, торговавшей в «рядах» в Москве. Оставшись вдовою, она «подняла» обоих сыновей и дочь, Женичку, — этою мелкою торговлею, но которая «пошла». И вот к вечеру, сидя за чаем, она выразилась: «Да разве можно Священное Писание давать всем читать в руки». И, помолчав: «Там Бог знает какие истории рассказаны».

Я подумал о Лоте. Потому что это было так явно.

Между тем до этого замечания Напалковой я совершенно не замечал истории Лота как *выделенной*, как щекочущей ухо и мысль, как «неловкой» и «неудобной». Я ее читал «сплошь с другими» как «заключение истории Авраама», не пропуская, не выделяя, не обводя чертой. С этого времени, т. е. с

замечания Напалковой (я выслушал студентом), я особенно прилегаю и навостряю ухо вниманием. — К этому рассказу. «Почему же он в самом деле не отвергнут в Каноне и гоже *оскверняет руки*, т. е. боговдохновенен, по определению отцов Иамнийского собрания?»

И отметил в Талмуде одно замечание. На вопрос: в такой-то праздник, в таких-то чтениях семьи, следует ли пропускать (или читать шепотом, не помню) историю о Лоте и его двух дочерях? И отвечено в Талмуде. «Нет, следует читать вслух». Т. е. также несомненно «оскверняет руки»

И я стал особенно приглядываться к этому рассказу как критериуму, показателю и определителю дела. И даже как отвечающему на вопрос «Почему евреи одни — *не гои*?» Гои из них, которые заметили рассказ, нарисовали на него несколько картин, частью исторически знаменитых. И они все выразили картины так, что «на них нельзя смотреть всякому» (замечание Напалковой). Вот разница между «гои» и «не гои». «Гои» — римляне, греки, христиане, все равно, — поведут «левую сторону сюжета», — к худу, ко злу, к соблазну, те же, которые от них отделились, сказав с грустью. «Гои — и они *этого не понимают*» — поведут самый скорбный и мучительный рассказ, рассказ о самом безвыходном и унижительном положении, так что ни для какого воображения, кроме одного окаянного и проклятого (европейские художники с Лотом), не может быть никакого предмета для зла. И — натурально (поведут), самым тоном, способом, *потому что в натуре рассказывающего* (Бог, скарабей¹) *не было ничего дурного*. Что же это такое? Что, собственно, *есть дурное*? Дурное есть возбуждение к дурному, соблазнение «к повторить» его, но *в совершающемся никогда нет и не может быть ничего дурного*, ибо оно совершается по натуре, нужде и естественному закону. Смотрите на птичий двор, осудим ли мы петуха за то, что он водит за собою так много кур? Мы на это совершенно не смотрим, мы этого даже не видим, а замечаем только, как, найдя зерно или червяка, он не клюет его сам,

¹ Кстати и чтобы не забыть в связи с египетской историей — как было не обратить внимание и семитологам, и египтологам особенно, что ведь определение «каноничность еврейских книг» по этому изумительному Иамнийскому собранию потекло вдоль брюшка скарабея. Как было не кинуться в глаза, что ведь это «жук *скверны*», навоза, коровьего помета? «Он вечно копается в навозе, и только в навозе, и больше его нигде нельзя встретить. А в навозе, как копнешь — всюду». И вот, как это осиянно. Перед полным разрушением Иерусалима, убегая из Палестины, старые и мудрые евреи и между ними мудрейший Акиба, увековечивают и определяют «Какие же из всех книг у евреев хранящихся в пергаменте, в свитках, — следует признать подлинно и несомненно боговдохновенными?» И вдруг определяют по брюшку скарабея «Боговдохновенность заключается в свойстве пачкать руки — если как после прикосновения к навозному египетскому жуку, который в Египте почитался священным. — необходимо вымыть руки, почитав пергамент и перелистав пергамент, т. е. потрогав его пальцами, — то тогда написанное на пергаменте — боговдохновенно». Скарабей же в Египте почитался не просто «священным», а Богом — ибо он и Он помещался внутри солнца как душа Ра. Об этом смотри рисунки в моих «Из восточных мотивов»

а поднимает крик, сзывая, чтобы подбежала курочка и склевала зерно или червяка. Хорошее и путеводственное мы замечаем, не замечая многих кур как его обычая, природы и закона. «Потому что всегда и оставляется хозяином на много кур один петух». Смотрим ли, как слетаются воробьи на жнитво или на вишневый сад: мы и их не осуждаем, что они живут уж вовсе не парно, а стадно, выбирая для себя из стада-племени. На ум ничего не приходит, потому что «к примеру и повторению для нас» ничего не указано в натуре. Нужно заметить, что о натуре животной и растительной в Писании, «оскверняющем руки» (каноническом), почти ничего, кроме частых и обычных жертвоприношений, не рассказывается. Жертвоприношения же, — все, — по Талмуду, совершались уже в Храме, а не в поле или лесу, попоив агнцев из серебряных или золотых чаш, и всякое животное жертвоприносимое уже в момент назначения к жертвоприношению почиталось и чувствовалось совершенно священным (как в Египте), «ангелом». С тем вместе оно бралось под углом естественного и неодолимого в жизни, в судьбе, страдания, «закалывалось». Каково же было их отношение к животным? Самое трепетное. Трепетное и любящее. Царь Ниневии («Книга пророка Ионы»), узнав, что Бог приговорил город к взятию врагами, «разодрал ризы на себе и повелел всем жителям города *и всем животным в нем наложить на себя пост*, чтобы умиловать разгневанного в правде своей Бога». Так что если пост равнозначен молитве, то в Израиле молились и животные. Как плоды во всяком случае у них бывали и «обрезанными» (Талмуд), «первинок» («вишневое дерево *в первый раз оплодотворяется*») наблюдался так же, как и в семействах. Этот рассказ, как царь сам приносил на Храмовую гору (трудно) в корзине первенки дерев своего сада и потрясал ими (закон, непременно), — поразителен. Царь был, помнится, Агриппа, т. е. уже римский тетрарх, и евреи говорили ему в утешение: «Ничего, что ты не еврей — ты как праведнейший из евреев». Таким образом, со своими «первинками от садов», «первенцами от скота рождающегося» и со своими внесениями в храм и приношениями в жертву первенцов от животных и от деревьев евреи жили «вкупе» с животным, травным и деревным естеством. Но рассказывали об одном человеке. Как же они рассказывали? В «осквернявших руки» книгах они рассказывали обо всем так подробно и естественно, как и о своих священных животных и деревьях, не скрывая совершенно никакого факта и не указывая никогда дурной тенденции. Что и образует полную естественность и полную святость («Священное Писание»). Чудится как бы то, что хотя они «потеряли рай с Адамом и Евою», но как бы еще живут где-то в небольших удалениях от него и видят его «через забор», и плачут о нем... Тогда как для чужих народов, гоев, это — «сказка для детей», «вымысел для воспитательных книжек», а не автобиографическая народная действительность. От сего хотя Адам и Ева, конечно, были общечеловеческим достоянием, мы все от них исходим, — однако одни евреи сохраняют такое биографическое родство с раем, что они нисколько не ошибаются по чувству, считая Адама и Еву своими исключительно родоначальниками. Так это и есть, и это-то и

обозначает «гойи». «Гои» — все те, которые этого уже не чувствуют; «гойи» — все те, что не из-под дерев рая, и — не Адамовой крови. Они могут быть прекрасны, благородны, описательны, но в них кровь другая, «гойская». Какая же «гойская»? «Немного кислая, закисшая». Что такое, почему? Для них всех природа осквернена или, что то же, они скверно отстранились от всей природы, не приносят первинки, не наблюдают первенцов, никогда не приносили жертвоприношений. Они затуманены, живут в тумане. И даже когда что хорошее рассказывают или совершают, то все-таки не умеют рассказать или совершить хорошо. У них нет уже первоначальной чистоты слова и сердца.

И вот, если мы возвратимся к поучительной призме рассказа о Лоте и дочерях его, мы поймем одно замечание Пьера Бэйля. Пьер Бэйль, ученый француз XVII века, перешедший из католичества в кальвинизм и потом, кажется, опять вернувшийся в католичество, и вообще мучившийся о вере, сделал о книгах Ветхого Завета следующее замечание: «Хотя в этих книгах рассказывается о чудовищных пороках и постоянных злодеяниях, но как это было в то именно время, и тогда это было принято и даже почиталось священо, то и верующий католик или протестант обязан все это принимать за святое. Хотя в то же время каждому известно, что за такие поступки мы были бы во Франции приговорены к галерам» (каторге). Вот суждение «гойи»; суждение «гойи» и понимание «гойи». Бэйль очень хорошо знал, что во Франции, «где посылают на галеры», совершается все то самое, что совершается везде и чему, по-видимому, не дано не совершаться. Но во Франции «католической» все это уже скрыто. И «имеет вид», что Франция католическая живет много лучше, чем ветхозаветная Иудея. Но это «вид». Под «видом» ничего «соответствующего виду» нет. Таким образом, выходит, что «вся история Франции есть ложь», и, соответственно — также других «гойей». Почему историю свою ни один народ и не осмеливается наименовать «Священною историею». Но теперь — главный пункт: почему же историю этих одних евреев, притом уже разделившись с ними в вере, Боге и законе, тем не менее сами христиане и все вообще народы продолжают «как бы без памяти и безотчетно» нарицать Священною.

Величайший из учителей Восточной Православной Церкви, Ориген, выразился о поступках дочерей Лота следующим образом: «Ужасаюсь, что хочу сказать. Что поступившие так дочери Лота были целомудреннее многих из законных (он разумел — «христианских», так как был уже христианином) жен»¹.

Так говорит исключительный ум и, кроме того, благочестиво настроенный. Нельзя не заметить, что совершенно явно, что Церкви вовсе не для чего было ввиду такого изречения Оригена построить каких бы то ни было брачных норм и построила она их «от нечего делать», «от скуки» и чтобы только иметь вид деловитости и заботы. Ибо раз даже поступок дочерей Лота может быть «целомудреннее жизни многих христианских законных жен», то

¹ Цитата — у Дернова: «Брак или разврат? По поводу незаконных сожитий».

явно, что нет таких случаев сомнений, т. е. сомнений по самой материи и дела, которые подлежали бы хотя к малейшему церковному запрещению. И все те мириады христианских убитых младенцев, — все воспитательные дома, все расторжения браков и запрещения иных браков повисли на воротах церкви по Оригенову чистосердечному признанию.

В самом деле, только материя соединения дочерей с Лотом возбуждает сомнение, — то сомнение и «прещение», которое и они высказали «Напоим его пьяным и обманом». Но материя имеет ли свет и упрек? Материя без упрека, потому что она без смысла и души. В материи лишь душа соучаствует начинает грех. Но Лот был пьян и не видел, след., *не знал*. Дочери же не хотели и были вынуждены, чтобы «исполнить путь всей земли». Они сейчас же были бы прокляты, если бы пошутили. Или если бы повторили, превратили «в историю связи». О таковой рассказывается у Овидия в передаче мифа о Мирре, и как это тяжело, а с другой стороны, и соблазнительно читать Тяжелая страсть веет над мифом. Мне рассказывал несчастный муж, у которого тесть-еврей был таким Лотом, и именно в отношении двух дочерей своих. По законам нашей консистории, хотя дочери жили в доме тестя, ничего нельзя было сделать, «потому что где свидетели», и удивительный брак не был расторгнут, а равно и дочерей не было возможности водворить к мужьям. Возвращаюсь к теме: поступок дочерей Лота был только могущественным выражением следования воле Божией, с поправлением всех препятствий. Отчего они и нарекают имя сыновьям, включая в имя указание на отца, от которого происходят. Здесь опять ложь нашей церкви, которая по закону обходит упоминание отца, если он незаконный «История церкви русской» (уже 900 лет!) никак не может быть для самих русских «Священной», потому что она вся полна подобных лживостей и трусостей.

Еще остановимся о проступках похищения евреями золотых предметов утвари во время покидания Египта. Это одна из удивительных страниц Библии. Во-первых, можно было бы не упомянуть.

— Ну как не порадеть родному человечку,

сказано у циничного народа, сказано у «гоя». У еврея — сказано, не умолчано. Но с какою мерою? Великолепие или скорее величие смирения — все в мере. Два слова. египтяне поражены смертью первенцов, когда им думать о золотых вещах, в тоске и муке они просят евреев только скорее уходить. Что же евреяне — они поражены, осиянны могуществом Своего Бога, победившего таким ужасом египтян, и, все полные ликования о Боге своем, совершают грех, — конечно, грех, — но даже не оговаривают его, потому что это было бы глубоким лицемерием и малодушием. воздеть глаза к небу, сказать «Боже, я вору, но уже Ты, кстати всех милостей, не взыщи и за этот грех». — и «с вещью отправиться в путь» — Фу, как гадко, было бы сказано о подобной странице Священного Писания. И все человечество согласно и без сожалений вырвало бы ее.

«Потому что она не оскверняла бы руки».

Но так просто и легко рассказанный проступок израильтян, с грехом и без раскаяния (время ли было каяться, когда уже Чермное море раздалось в обе стороны?), он действительно «оскверняет руки», к каковому определению Иамнийского собрания мы теперь переходим.

Огонь, очищающий все и оставляющий одно чистое золото — это и есть огонь скарабея. Недаром он — в солнце (египтяне). Все слито в Израиле, — деревья, плоды, первинки, «первое от скота рожденное», но более всего — человек. О котором и написано все «Священное Писание». И никто не замечает, что оно вовсе написано *не об одних евреях*. Но оно действительно написано все не об «гоях». Об «гоях» есть не более как строки, и мы чувствуем, что как есть упоминания о «гоях», так они сделаны в каком-то странно равнодушном тоне: это — об Александре Великом Македонском, об Антиохе IV Эпифане, о Дарии и Артаксерксе, об Амане, кажется, — есть упоминания о римлянах. Но, например, царь Ниневии, заставивший поститься животных, совершенно «не гой», Руфь (моавитянка) — нимало не «гойка», Иов... мы даже не можем представить, чтобы он был не еврей: а между тем Иов евреем не был. Дело в том, что «не гои» шире еврейского племени. Это под влиянием *записанных* евангельских споров о «чадах Авраама, которым спастись», и о «потомстве не Авраама, которому не спастись», мы стали так думать. Но, можно сказать, «первоначально было не так». Кто же усомнится, что Руфь — в спасении, и кто сомневается, что Иов тоже спасен. Да это — так и сказано. Спасены собственно все, кто не «гои». Напротив, из «гоев» никто не спасен. Что же это такое и что за понятие?

Да Кориолан или Кай Гракх и не нуждаются в спасении. Равно Александр Македонский, «с такими перьями». Они светятся своим собственным светом, и они греются.. впрочем, вот этого и нет: они все холодны своею собственною лютостью. Библия упоминает об них, но — не как о родных. Об Иове, о Руфи, о царе Ниневийском, о Тире и Сидоне, уже явно (якобы) «языческих городах», «враждебных Израилю», — Библия о всех говорит как о «своих».

С чувством неизмеримого родства, близости («всеоскверняющий скарабей») И вот, в отличие от немногих холодных строк, где упоминаются Александры Македонские, — и собственно эти единичные строки и «не оскверняют руки», хотя и заключены они в «оскверняющие руки книги», все остальное пространство Священного Писания написано о каком-то таинственном народе «не гоев», который весь и со всеми его недостатками, — со всеми бэйлевскими «преступлениями», — такой несет на себе отсвет рая, что «наказуемое» в нем в самом деле «не наказуется», и все прощено, забыто Богом, вечно милующим. Или если «наказано», — то вот — «разом» и опять «забыто» Что же это такое и почему? Это какая-то таинственная аристократия демократии. Это какое-то особенное отношение, что «чем кто более вознесен, тем более — согбен» Так что в са-

мом сгибе — получается и воздаяние. Об Иове странно спрашивать, праведен ли он. О Руфи странно спрашивать, праведна ли она. А ведь Ноеминь нарядила ее как грешно, — с выгодой, — и подслала к богатому Воозу. Какой сюжет бы для француза, для англичанина, для немца. Как бы они рассказали об этом. В одной Библии рассказано так, что ни у кого не возникает сомнения, что и «Ноеминь выгодная» и послушная Руфь обе праведны какою-то *всемирною* праведностью, — праведностью даже для папуасов. Если бы они что-нибудь поняли в Библии, что-нибудь уразумели. Но не всем дано. Однако странный дух Библии заключается в том, что даже вовсе и не христиане одни, но все, решительно все народы, какого бы племени и языка ни были, едва узнав Библию, и если они не совсем «гои», признают и для себя ее Священным Писанием. Так было у римлян, когда они стали знакомиться с Востоком. Руфь действительно для всех племен праведница, хотя даже и не еврейка. Но в чем же дело, и упорнее спросим: да что такое не гои?

Суть «не гои» заключается в страшной ограниченности личного существования и в артистизме этого ограничения. «Чем ниже, связаннее, беднее — тем.. лучше ли, слаще ли, но вообще — хорошо, аристократично». Как бы все личное куда-то снесено в неличное. В «гое» совершенно наоборот. «личное» пропорционально богатству, славе, силе. Цари, вельможи, придворные, дворянство, воины, богатые торговцы. Эти категории совершенно отсутствуют в Библии. Что же в ней поставлено выше всего? Праведность. Вот категория, в Библии непрерывно поставленная над всем остальным. Правый путь, прямая дорога, прямое слово. Но . прямая форма? Прямых форм нет, потому что форма включает в себя уже материю, о которой сказано, что у нее смысла и разума нет. Отсюда в Библии совершенно нет никаких «прямых формальностей», и до некоторой степени это есть *contradictio* всякой юриспруденции («всех бы на галеры» Бэйля), но есть непрерывная правда факта и непрерывная забота о правоте души, прилагаемой к материи. «В материи нет света, а в душе. И вот душу ко всякой материи ты уже прилагай праведно»

Какую же душу они прилагали к материи фактов? Скарабея. Вот эту «оскверняющую всякие руки — душу навозного жука». «Кровью твоею живи», эти слова не то Исаии, не то Иезекииля евреи усвоили в быт, во все, в бесчисленные строки Талмуда, да и вообще эта мысль или это чувство проникает «всего еврея», «все еврейство». Неустанная кровь, неустающее сердце. Первая сущность, *substantia* крови — что она движется. Наука разобрала все ее «шарики», сукровицу, состав, — не обратив внимания или обратив меньше внимания на то, что она — движется, и что *substantia* ее есть не состав, физика, химия, а — движение, динамика. Кровь есть динамическое начало целого организма, и «кровью твоею живи» есть столько же заповедь, сколько и простое описание факта. Человек и «живет» своею кровью, а как она перестает двигаться — он умирает. «Остановившаяся кровь» и есть «смерть», а «движущаяся кровь» есть жизнь. И напряжение

ее, силы организма — все почерпается из крови и обмена ее с кислородом воздуха. Собственно, человек — воздушен и кровянист, и кровь его питается из атмосферы планеты, а следовательно, она уже планетна и космогонична. Кроме того у Моисея: «Не ешьте никакой крови, потому что в крови животного душа его». Итак, «душу» евреи разумели вовсе не как мы, какой-то *spiritus* и *mens*¹, «*cogito ergo sum*»² и «нравственный императив» Канта. «Душа» для них была непременно деятельная, творческая душа, непременно созидание, работа, труд. «Кровь работает», «это кровь во мне работает», — говорит еврей, основывая торговлю. Это и физическое начало, вообще семитическое. Это — начало, в сущности, обрезания (финикияне обрезывались). Нельзя не обратить внимания на связь сердца с детородным органом. Мне пришлось прочесть очень давно, что Маймонид или кто-то из других великих учителей еврейства обратил внимание на сходство головки органа с видом сердца. Это — действительно есть, но есть связь более внутренняя: сердце *выталкивает* кровь из себя, *substantiam vitae*³, как орган выталкивает из себя семя, *substantiam creationis*⁴. Сердце для «теперь», орган для «будущего». Орган — вечная и неиссякаемая «возможность». Он так же превосходит сердце, как «нескончаемое будущее» превосходит «настоящее» и как «походы Наполеона» в «воображении и желании Наполеона», конечно, превосходили действительные его походы, с «Москвою». Орган — именно страсть и огонь; а сердце — печка, где «готовится жизнь человека». И вот связь-то их, внутренняя, и есть связь огня и печки. Замечательно, что все, «мечущие икру» (рыбы, лягушки, жабы, змеи) суть холоднокровные, а теплокровные непременно приемлют в совокуплении мужской орган. Но это — частность. Мужской орган и кровь — это движитель и движимое, и самое его «оживление» начинается с «наполнения кровью». Как бы сердце и кровь вечно оживляют своего господина, и через это получают уже в себе новый импульс возможностей, жизни, энергии, сил.

И вот мы снова приходим к неумолкающей точке Израиля — обрезанию. Собственно, не столько «кровью твоею живи», сколько «ко всему прилагай свое обрезание». Что же такое «Свитки книг»? Они оттого, уже не метафорически, и «оскверняют руки читающего», что все пропитаны собственно кровью обрезания, и «нельзя не вымыть руки, перелистав пергамент, как нельзя не вымыть рук» и обычно каждый израильтянин это делает — прикоснувшись к обрезанию во время исполнения маленьких физиологических нужд. Таким образом, евреи в «гетто», — т. е. кроме ученых и интеллигентных, совершенно знают, *указательно знают* (ибо исполняют неизменно и непременно омовение рук после «маленьких нужд», чего образо-

¹ дыхание и ум (*лат*)

² «мыслю, следовательно существую» (*лат*)

³ жизненная сущность (*лат*)

⁴ сущность порождающая (*лат*)

ванные, по христианскому примеру, вовсе не делают уже), почему, «почитав Тору», как и произнеся Имя («тетраграмму»), надо умыть руки¹ Что гут все за тайна и какая связь? «Теплокровные» — с «этим» Если «нет» — то нет и «тепла в теле». А Библия? Что же она такое, чем она особенно для всех народов, и для папуасов даже, и для черемис, и для бедного негра Тома (Бичер-Стоу)? А вот: Солнце не видит всех травок; а всякая травка греется на солнце. Греется и солнышком растет. А Солнце и не знает его У Солнца — у! — целая Вселенная. Сколько забот: притягивай Землю, притягивай Юпитер. Одно «притяжение чего стоит». Да, но в солнце много «сдобы» («сдобный хлеб»), — и «фиолетовые лучи», синие, голубые, желтые, «ультрафиолетовые», химические, кажется — «фотографические» («действуют на фотографическую пластинку»). «Целый магазин свойств и подробностей». И вот этим-то «магазином» оно и являет собою «сдобь». «Кто солнышка вкусит — будет жить». И вкушает его человек и мышь. «И все живут». — Да как вы живете? — Через кровь и воздух. — Мы — теплокровные. — В нас солнышко, как бы отделясь от себя самого, вырвав крови из своего мяса, создало таинственную кровь и вот главное — искру жизни, будущее уже наше рождение, от нас от самих зачатие, — как бы мы были все тоже «маленькими солнышками», «по образу и подобию». — «Отчего мы и помещаем в солнце скарабея».

¹ У господина Переферковича в примечаниях к первому тому его перевода на русский язык Талмуда сказано «Прикосновение к Священному Писанию *оскверняет руки*, по своеобразному выражению (?!) Талмуда, см (ряд ссылок) Но еще разительнее это выражено в отношении Тетраграммы в одной драме из еврейской жизни доброго и благородного С К Эфрона («Литвин» псевдоним), так напрасно захаянного и затоптанного — литературно — евреями. ибо он есть одно из прекраснейших и чистейших еврейских сердец, — дитя еврейства, Вениамин еврейства Он мне подарил, между прочим, еврейский молитвенник, который держал же у себя и, вероятно, не переставал, и перейдя в христианство, по нему молиться. Эфрон хотя христианин и хотя славянофил, — питомец Н П. Гилярова-Платонова, но соединяет это вполне с еврейством. — Так вот в одной его трагедии цадик или кто кричит «Подайте мне таз! Подайте мне таз! Ибо я гневен на этот дом, на этого такого-то (имя действующего лица) и боюсь, что не сдержав себя я произнесу Имя» или «Имя Бога Израилева» Этим начинается пьеса Без сомнения, Эфрон знал это *из быта еврейского* Я прочитал и ахнул Потом я узнал об омовении рук после чтения Торы Все — в связи. Мне не понятно, каким образом ученые не обратят внимания на все подробности? Неужели это ничего не говорит их вниманию и духу? Часто приходит на ум «Да соображают ли они что-нибудь в еврействе?» — или уже так окончательно погрузились в еврейскую политику, в «ход нашей литературы» и журнальную и газетную дребедень. Если «да» ..? А по-видимому — «да». С Библии и Александрии, и Сирии евреи были безумно влюбчивы, привязчивы в страны обитания своего Это «не они нас завоевывают», а мы, мужланы и грубияны, покоряем сердчишко всемирной «Суламифи». Это-то и думал пророк, сказав: «О семени твоём благословятся все народы» Это он сказал о веках и судьбах «рассеяния».

27 VII 1917

ЖИЗНЬ

Все хочет всего, и это сущность жизни.

Живого.

Того, что не умерло.

Что противодействует смерти.

Что ее отвергает немолчным отверганием.

И ты сказал: «Взгляни, но не вожделей».

Если я «взглянул на мир», но «не вожделею его», то не убил ли я мир в душе своей?» А как мир все еще жив. то не убил ли я скорее души своей!

— Кто же убивает душу свою?

— И кто тогда «убил меня»...

«Ты не должен желать женщины». Но разве я «не мужчина»? Мне кажется, единственное оскорбление, какое может сделать ей человек, это — если он не желает ее.

«Все меня не желают». Тогда не вопрос ли:

— Зачем же я?

Вопрос, который ужаснее гроба.

(А как он для многих).

Поэтому чувственность не только не оскорбительна: то единственное, что могло бы оскорбить девушку, женщину, невинную, прелестную, чистую, чистейшую — это недостаток «желания ее».

— Зачем же я чиста?

— Зачем же я невинна?

— И Бог зачем украсил меня?

Это всеобщее разъединение людей. Тьма и ночь. Беззвездие.

Поэтому. «Я люблю вас как мать», — «когда вы наклонились над люлькой младенца своего», — «любовался, когда вы кормили его грудью», — на самом деле подразумевает в себе: «Я хотел бы, чтобы вы были от меня матерью», — «чтобы вы кормили ребенка именно от меня»...

На самом деле только одна чувственность, чувственное пожелание, и именно до низов идущее и с низов поднимающееся — оно вывездивает жизнь, делает ее не земною, а небесною, оно — урелигиознивает ее. Ах, так вот где родник «нагих богинь». И — богов. И — Озириса. И что он всегда «такой особенный». Какое раскрытие. То только «такой» — он желает мира. А если не «такой», то какой же он «отец» и кому нужен. Он прах и чучело.

И тогда правильна вся чувственность.

Что только потому, что солнышко «печет» — оно Бог.

И потому что «кровь бежит» — мы люди.

Мы «горячим соединяемся»... И зима — не вера. Как сон — не жизнь.

.....
.....
.....

И вот она вся «застенчивая», «пугливая»... Вся «желающая убежать и скрыться»?

Затаенная высшею затаенностью?

Потому она такая, что брошена в пук желаний, которые хотят разорвать ее. И под всяким желанием волнуется какая-нибудь ее точка.

Теперь она вся притянута.

Вся вожделяется.

И горит как солнце.

Желания вызвели ее.

Нет священнее ничего чувственности! Самых исподних желаний.

Только исподних. Более всего — исподних.

Они одни поднимают на религиозную высоту. И до этого все — персть и прах, обыкновенное и ненужное.

Теперь вот откуда «звездная женщина в Египте».

<Рисунок>

Схематическое изображение
«Звездной женщины»

И — откуда «женщина, рождающая в Солнце и луна под ногами ее» — в Апокалипсисе. Это — не только «по существу небес», но по существу небесности самого пожелания ее. «Да не пройдет человек мимо человека, не пожелав его». Как понятны небесные коровы Египта.

И все люди — дрожащие лучи солнца. И — пахучие. Цветочные.

И так понятен скарабей, проползающий по небесам и везде.

В пирамиде. Могиле. И в солнце.

* * *

1. VIII. 1917

Существует та особенная, та таинственная, та исключительная истина, что в Евангелии нет ничего «неприличного», что нельзя было бы «показать всем днем»; что увидев, девочка и ребенок «не смутились бы»;

и — «не смутился бы, не закрыл глаза весь свет». Нечто такое, и даже *все такое*, что было бы ясно днем, и *для чего ночи не для чего сотворять*.

Но *сотворена для чего-то ночь*. Земля вращается вокруг оси и *происходят звезды и луна*. Для чего-то существует и *сон человека, засыпание*.

Целый мир, целая $1/2$ мира. И вот все это *таинственно не для Евангелия и уже не из Евангелия*.

Как же? Что же? Потрясаемся и не понимаем.

Что же это такое «неприличное». Явно — скрываемое. Какие-то «естественные сокрытия», «неодолимые сокрытия» — да, они совершенно, совершенно *вне Евангелия*.

Но ведь это действительно некоторое *ограничение*. Разве не была бы ограничена человеческая речь, если бы нечего было прошептать, затаить? Не было бы такого, что только «подумать». Это явное и притом странное ограничение.

«Одно приличное»... Как-то понятно, почему папство ограничивается «одними канцеляриями», и почему богословие все «можно читать вслух». И отчего оно несколько не интересно.

Христианство без тайн. Хотя и со многими таинствами, но они все как-то «вслух и днем». Странно. Немного странно.

И о Христе мы все можем рассказать.

«Неприличное» есть «скрываемое». И «неприличное» есть в самом деле одно: половое. И полового действительно таинственным образом совершенно ничего не содержится в Евангелии. Так что половое действительно таинственным образом анти-евангелично и анти-Христово.

И еще более таинственным образом — это есть воистину языческое. Одно — языческое. Так вот где демаркационная линия:

язычество — это только половое. Юдаизм и все язычества — сливаются «в одно».

И им противостоит христианство, которое только без'поло.

Но мир? но жизнь? но бытие?

Но лилии и *настоящие лилии*? Не шелковые? Эта бедная семья, эта милая семья? Неужели лучше, выше, чище ее честолюбивый монах? «Он хоть честолюбив, но не знает главного греха: никогда не сидел с женою за вечерним чаем». А она хотя скромна, тиха, вся милостива: но знала «этот взрыв страсти в постели».

Ну и перед Богом?..

Как странно все, как страшно все...

Какие тайны. Но только никогда еще мир не бродил перед такими ноуменальными тайнами.

* * *

5.VIII. 1917

Вся христианская литература есть «очевидно» аскетическая и «подспудно» языческая. Т. е. она вся в борьбе. И побороть одно другое — не может.

Умрет язычество — умрет солнышко, умрет мир Умрет христианство? — не знаю.. Мир будет все-таки как он есть.

Солнышко будет. Люди будут умываться поутру. Больше еще не знаю, что будет.

* * *

15 VIII 1917

Окаянная, окаянная, окаянная.

Окаянная, окаянная, окаянная.

Окаянная, окаянная, окаянная.

Окаянная беспсеменность.

Ничего не растет

Камень.

Канцелярия.

Господи, Господи, Господи: неужели Господь дал ее?

Дал сухие сосцы.

Где же и как же «сотворил мир»?

Брак по самой нормировке в церковном законе, хотя может быть плодным, но — **МОЖЕТ БЫТЬ И БЕСПЛОДНЫМ**; раз стреляли — «подумали в браке», — и застрелили невесту: и хотя «отец диакон» или «батюшка» и не познал невесты, но на всю жизнь ему запретили брак.

Равно: жена оставила мужа и ему запрещен брак, мужа оставила жена, и ему запрещена жена: и **ЭТО В ЗАКОНЕ И НА ОСНОВАНИИ СЛОВ О СКОПЧЕСТВЕ И ПАВЛОВЫХ ПОШЛОСТЕЙ**.

* * *

17.VIII. 1917

Христианство есть грех

Нет солнышка. Господи, неужели это не грех?

Ночь.

И без всякой таинственности. Обыкновенная рациональная ночь.

С клопами.

~

Господи, неужели им не было времени ответить и о девушках?

И о женщинах разводящихся?

И о детях?

Почему же не ответили?

И вот Ицка. Он играет на цимбалах. И наигрывает детям и жене на ржавую селедку. Которую съедят к ужину и уснут. И «почиет над ним дом Иаковлев».

Ах, мама, мама! Грешен я перед тобою. Знаю. И вы дети, и тоже грешен. Знаю. Но ведь я — я. Что я, не мудрец и никакой. И не говорю я о себе, что «врата Ада не одолеют меня», как Церковь говорит всегда за Ним. Разве не было времени Церкви все уладить, все рассмотреть, всякого выслушать, и «вообще» и даже «всякого». И вот смотрите: оставил бы я вас и оставил ее, больную, и — «ничего». Ну, там «грешок маленький», и забылось бы, затопталось в траву. Но оттого, что этого не было, не случилось, не произошло — стала разгораться искра в огонь, огонь в пламя, и загорелся целый лес, и этот лес, хочу я или не хочу, есть уже целое христианство.

И не хотел бы я. Но что же делать.

Я припоминаю из «Крошки Доррит» описание Воспитательного дома. Случайное, — и он — романист. Как оно ужасно.

..... (выдержка)

И вот, во всем христианстве, ни бл. Августин, ни Василий Великий, ни Иоанн Златоуст, ни Григорий Богослов, ни Лютер, ни Ефрем Сирий, не написал такого места. А блаженный Феофан Затворник написал святой и костлявой рукой — другое. Он именно написал, что «и не нужно щадить». Что же это, почему? Почему вообще и во всей истории?

Нет солнца. Нет скарабея. Нет «грязи». Все Евангелие вообще слишком чисто. И Христос Сам — слишком чист. И вот все «слишком чистые» они, а за ними и Златоуст, и Феофан, обошли «вообще все это».

— Что «это»?

— Что же это? Восторг слияния. Самозабвение шепота. Ну, в конце концов луч солнца и этот египетский крест, как символ слияния и обоготворения (к носу подносится).

Да. ЭТОГО ведь действительно нет в Евангелии.

Брак в Кане Галилейской — ведь вовсе не это. Брак этот: «да прославится Сын». Все — Сын. Но где же Отец? Отец и Солнце озирают горы, но заглядывают и в низины. Видят траву, видят насекомых. И радуются совокуплению не только нас, родивших вас, наших детей, но и всякому совокуплению, даже травы, даже насекомого.

И это уже особенная стихия, не евангельская. Да. Тут ничего евангельского. Но тогда и о лилиях полевых не к «примеру ли»? Да, к примеру. Что за лилии полевые, которые не множатся? Это лилии из толковой истории, искусственно сделанные, и только похожие на настоящие лилии. Так не скажем ли мы, что и Евангелие только похоже на настоящую книгу, на настоящую истину, на настоящую безгрешность... а на самом деле этой безгрешности нет.

Дети. И одни отмечены.

А другие признаны.

И вот — эта «шелковая лилия» — «красивый обряд». И церковь вся завернулась <в> красивые обряды. О, в — прекраснейшие. И я хотел бы еще красивее обрядов ей. Но я бы не исключил и зерна. Я бы сказал: готовьте красивые закрома для зерна. Но не забудьте же насыпать в них и зерна. Таинственно, что зерна — тоже не содержится в Евангелии. Хлеб есть, но уже испеченный, и тоже чтобы прославить Его. Но зерна, сырого, пахучего, взятого от земли — тоже нет. И земли — нет же. Нашей сырой земли. Все небесно, слишком небесно.

Вот крест и казнь — тоже есть. И о «гробах» невесело говорить, но гроба тоже есть. И «рыдания» — как они прекрасны. О, как они зачаровали нас. «Рыданиям»-то и отдал все бедный человек, и законнорожденные, и незаконнорожденные.

— А «незаконнорожденным» Феофан не велел подходить. — «Не нужно вас».

И вот еврей с селедкой. Отчего же у тех подумано? Отчего же я им не чужой? И мы с мамой не чужие. Они берут нас за руки. И говорят: «Хоть селедка и бедна, а покушайте».

Почему? Да есть солнце. Солнце расплодило селедку. Солнце расплодило и их. «Благословен Бог, сотворил свет». Но вся «слава церковная» — не расплодит уже ничего.

Скажите: вот собралась действительно вся слава церковная, все ее учителя, наставники, учителя, все песнопения ее, молитвы, дивные стихиры, все наконец праздники, и «знамена», и «воскресенья», и «сретения»: может ли вывалиться из них «розовый младенец»?

Увы: это есть страшное, что все «новые присоединяются к христианству через научения, но через рождение не появляется ни один христианский человек. Прямо страшно.

«В христианстве не рождается никто».

Все «рождаются в язычестве». То «к христианству присоединяются».

Прямо — ноумен открытия. Так вот что такое:

В язычестве рождается человечество и рожден весь мир. По существу — рожден весь мир. И солнышко.

Ну, так солнышко-то «рождено» или «сотворено»?

Бог его родил и сотворил.

Так учим. Можем ли не верить?

Но человек... вот он 2000 лет «присоединяется и крестится».

* * *

За август 1917 г.

И входящий гость думает:

«Хозяева думают — Вот он вошел, чтобы отнять последний горшочек пшенной каши у нас».

Как ужасна эта мысль. Как ужасен весь город.

Два раза зимою 1917 г. я остановил курившую барышню на дороге (правда вечером).

— Позвольте мне докурить вашу папироску. Оба раза не отказали. Затягиваясь — я долго держу дым в легких, чтобы все всосалось в кровь. Тогда головокружение — и так согреется и облегчится душа.

* * *

Август. 1917, конец.

СОКРЫТАЯ ШИР ГАШИРЕМ

Закрыв ладонями страницы пророков, мы сквозь пальцы замечаем обрывки слов: об этих-то обрывках слов и написаны все комментарии Библии. А о том, что закрыли ладони, совсем ничего не написано.

Ладони закрыли ревность Бога Израилева к своему народу. Половую ревность мужа к жене. И об этом — ничего. Совершенно ничего. Потому что самая тема — еще менее выразима, чем *эссенция дела* в диалоге Платона «Федр», которую также скрывают все комментаторы греческого мудреца. Как Бог, Он — вечно Сущий, «который на Небесах», — будет ревниво относиться к человеку, любит ли он достаточно Его плотским образом? Именно плотским, именно животом, бедрами и грудями? Именно как мужчина, на этот раз обращенный в женщину, — в женщину и мужчину, — понятно и непонятно. Но совершенно понятно — в крови и органе своем, только в органе и только в крови.

Но крупинки сквозь пальцы показывают: «и — в духе». Тогда комментаторы, совершенно не зная, что делать с темой закрытого ладонями, начали говорить: «в духе, в духе, в духе».

И вот вся библиология — от Августина, Паскаля и до Гарнака.

В первый раз я узнал об этом в университете, когда в первый же раз, собравшись куда-то и дожидаясь чего-то, открыл случайно мелкую вязь славянского текста Исаяи. Впечатление было до того поразительно, до того ново против «Учебников Ветхого Завета» и до того очевидно. Ничего, кроме тела, семени, крови, совокупления. И — вдохновенно, как я не знаю что. Но половая ревность была так очевидна! Огонь, страсть, лютость и нежность. То, чего не было готово — когда я читал «Ишуа» (Исайя), — стало готово, и я ушел, куда нужно. Но я запомнил, но я повторил потом по другим пророкам: везде — ладони закрыли стыдливо текст, а «комментарии» касаются полустрок и словечек.

Ничего, кроме тела и телесности. Почти ничего, крупинки. Что же это такое? Неужели у нас нет библиологии? Неужели библиологии мы не имеем? Но ведь у нас версты страниц в библиотеках заняты «именно этим»? Неужели же все это «написано впустую»?

Впустую, впустую, впустую... Как страшно...

Но разве вырвать мне свой глаз?

Читаю, вижу: <...>

* * *

4 сентября 1917 г.

Ах — СЛОВО, ПРОКЛЯТОЕ слово.

Так все и ушло в словесность.

У жидов же все перешло в обыкновения, привычки, быт, жизнь.

И оттого, собственно, что ни единой ни крупинки, ни звука не было прибавлено у них к — ПОКАЖИ ВИД.

Покажи вид своего ENS REALISSIMUS¹, корня происхождения всего, корня бытия... Нет, даже не БЫТИЯ всего, а ЗАРОЖДЕНИЯ всего. Ибо зарождение есть бытие + бытие; бытие, которое все *увеличивается*; как он, батюшка. Мал и носом велик.

~
~
~

Почему обоготворен у нас копчик?

У птиц (одних!) нет прикосновений, и не слышат они пахучести елисейской, и не прикасаются к помертвевшей вчерашней полинялости...

Почему?

У них одних — полет как состояние, и говорят: «копчик один смотрит прямо на солнце».

Они парят в воздухе и уже «в небе» без обоняний и вдыханий. *Vice versa*². Вот отчего «орел» в Апокалипсисе: Дева. Бык Лев. Орел.

Но отчего *Лев*? Неужели это «голова кошки» беса? Но тоже во всяком случае «голова, горящая на огне».

Одно то, что все жидовки в Александровском рынке как-то и почему-то, но УСТРОЕНЫ, имеет более благочестия в себе, благочестия в смысле серьезности, в смысле поведения и жизни, нежели как что наши, что сами ходят поутру каждый день к обедне и после обеда идут гулять в слободе.

* * *

7 сентября 1917 г.

БОГ И ЧЕЛОВЕК

И недоумевает человек: зачем БОГ, КОТОРЫЙ ВЕСЬ БЕЛ, — сотворил в человеке столько мерзости? Зачем Он сотворил не только «Лице» его, но и «задняя» его

Потому что с «лицем» одним человек бы возгордился и эта чернота была бы худшею всякого греха. Ибо гордость есть то качество, при котором од-

¹ реальное существование (*лат*).

² Наоборот (*лат*)

ном все душевные свойства человека, все его милое, прекрасное, доброе погружается во мглу. И нужно было или оставить все качества человека; доброе и милое его, или все это уничтожить — наделив его одною праведностью.

И вот происхождение добра и греха из одного БЕЛОГО БОГА.

Все было хорошо в человеке. Все хорошо от создания. Но все еще не блистало, не горело. Человек был матово-белым. «Фарфор, который белее человека».

— Недостает скромности.

И вдруг лицо зарделось стыдом греха, позором поползновения, отвратительностью тайной мысли.

— И человек загорел, заблистал и зашевелился.

— Живой человек, — сказал Бог.

— Который превосходит все мраморы, — заключила история.

— И которым недовольна только юриспруденция.

Оттого человек ненавидит закон и всегда враждует с ним.

О люди, любите солнышко...

Только его и любите.

Оно растит травку, оно растит и любовь.

Да. Вот видите ли: Египет, собственно, существовал не для того, но как сказано в Писании о нападении хлебом 5000 человек

Да прославится Сын Человеческий.

И о Египте:

— Да прославятся Лепсиус, Шампольон и Ерман с его филологической школой.

Так и Египет жил, не чтобы рассказать, что такое солнышко, и не объяснить любовь:

— Да прославятся Лепсиус и Ерман и его филологическая школа.

4000 лет.

— Да и на исходе 7-й тысячи произносятся, чтобы рассказать, почему солнышко горячо и отчего люди любят, а как сказано в Писании:

— Да прославится Сын Человеческий.

Итак и они не умирали собственно потому.

— Да прославится Лепсиус, Шампольон и Ерман с его филологической школой.

* * *

<12 сентября 1917 г.>

СОЛНЦЕ

Поклонись каждому человеку, который тебе поможет.
Поклонись каждому человеку, который тебе поможет.
Поклонись каждому человеку, который тебе поможет.

~

Трудолюбив не Запад, а именно Восток. Запад шалберничает. Он трудится, шалберничая. С мальчиками. Но нравственный труд на Востоке — он вечно молится о помощи Вышнему.

Но солнце дает помощь, как мне сейчас отец Александр. (Жду его, милого.) И люди сказали, египтяне сказали:

— Солнце — это поп. Оденем его в ризы.

Вот как вышло:

Ра — Бог — Солнце
из — «жду помощи».

А религиозная болтовня и есть религиозная болтовня.

~

Молитва.

Откуда она?

.....
.....

Идеи... Идеи... Пере-идеи.

Молитвы не выйдут.

Но «нужна помощь»: ах, так вот откуда... Солнышко.

Солнышко — оно держит землю; всю землю согревает, питает. Всем от солнца хорошо. Родит тоже хлеб. От солнышка любовь. Родятся тоже дети. Без солнца что бы мы были?

И люди — смиренные, — чахлые, чахлые бы без солнца, — поклонились ему как Вседержителю.

Оно и в самом деле Содержитель («держит» всю землю). «Не знаем его разумом, но радуемся о Нем всякою сладостью».

* * *

15.IX. 1917

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Какой шум океана за холмом...

За лесом...

Гул его не прерывается, а только затихает...

И так не надолго, на день, на два...

И уже ввечеру второго дня начинается опять прибой..

Томительный, щемящий, томящий...

Зов его не прекращается, и все гулче — и гулче ..

И вот он победил. Победно шумит.

Овладел душой. Нет ему препятствия. Он все обольстил. Владеет, как обаяние. Как чары и сны. Как шепоты, веяния.

Вызывает образы, сияния. И все — один к одному.

Это онанизм, и я не хватаю назад имя. Не хватаю назад позор, которым все опозорены. Все, если они лучшие, если они нежные, если они глубокие. Если они тоскующие и знающие, что такое грех. Ах, что такое «грех» и «мой душевный позор»? Если я «не знаю, как поднять взор перед человеками»? Это — те, которые извиняются перед человеками и считают себя хуже всех. Которые винят постоянно себя. И которые на самом деле суть Авель, таинственно убивший в себе Каина: убивший жестокое, грубое, бесчеловечное.

Ибо что такое человек до сознания греха? И без сознания греха?

Итак, что же такое этот зов и этот гул? Как не зов к таинственному и неизъяснимому? К небу и звездам? К мерцаниям и лучам?

Так отступает океан и обнажает древний берег...

И в нем торчат пни окаменелых деревьев...

Сосен...

и шевелятся моллюски, крабы, страшные рыбы, зеленые медузы...

и светлые шарики древней смолы, которые, если потереть фланелью — то вот «к ним притягивается гуттаперча».

Это — «электрон». И вот «открыли электричество», которое горит в молниях. И ее дали древние в руки Зевсу.

«Потому что обнажился берег океана, и мы увидели, что под ним». Так под тайными прикосновениями, в которых столько позора, мы странным образом открываем все прекрасно-человеческое, без которого поистине нет самой человечности. Ибо что такое человек без скорби, без греха, без мысли, что он «оскорбил Бога»?

— Как оскорбил? Чем оскорбил? Ведь он только причинил вред себе?

Странное «причинение вреда себе». Но действительно с этого только прикосновения и причинения «вреда себе», «повреждения себе», человек начинает свою историю. Не всю историю, не всякую, не построение городов-царств, законов и войн. Но ДРАЖАЙШУЮ ДЕТОЛЮБЕЗНУЮ часть истории, самую внутреннюю историю, как грех и исповедание греха, как тоску и томление по Небесам, как какую-то неопределенность, зыбучесть, как «соединение земли с небом» и «человека с Богом», он действительно и странным образом начинает испытывать только после этих «незаконных», «нечистых», для всех «худых прикосновений»: и это выражается просто в слове:

— Обрежься.

Т. е.

— Прикоснись, дотронься.

В чем и состоит «завет Бога с Авраамом».

— И — больше ни в чем еще. Ни в одном слове. Как и в одном слове египтян к Геродоту.

Молчание. Прикосновение.

— Там уже потечет все, что должно потечь. Выйдут законы и пророчества.

«Прикоснулся». И —

«История религии началась».

«Началась» она именно в таинственном ее. Она в таинственных грудных звуках. В том, что она есть шепот и только шепот. В том, что она есть тайная молитва и умиление. В том, что она есть негромогласна. В том, что она в **главном** ее не имеет вида и форм. В том, что она в **главном** ее происходит всегда ночью. В том, вообще, что дома и до нашего времени, когда столько книг и дел ее, она все еще несет в себе след тех таинственных и первых «прикосновений», с которых началось все дело у евреев и египтян, и без повторения каковых и до сих пор не происходит в ней ничего существенно-го и важного.

Не происходит:

— Греха.

— Тоски.

— Грусти.

— Умиления.

— Молитвы.

— «Боже, взыскую Тебя».

— «Боже, за что Ты меня оставил».

А ведь «если этого нет», то вся «религия в дребезги». Зачем она? Кому она? Не «кризы» же и «службы»...

Но несется ладан благовония, несется «в службах ночью»... Все какие «следы», опять «следы». Зачем «пахучее» вере? «Пахучее»-то и нужно. «С пахучего все началось»... Вы помните, в этих «грезах» — все хочется «пахучего»... И «видов» и «форм» — с каких начались восточные фетиши.

Что же это и отчего? Почему нет без «пахучего» веры? Ведь она доказывается? Ах, вера никогда не доказывается. Она только любит. И вот кто любит веру — уже никогда ее не разлюбит.

«Ты моя Песня песней, и перестану ли я когда-нибудь петь ТЕБЯ...»

«ОДНУ тебя. ВСЕГДА тебя».

Вот религия и ее история. Не история, а одна точка. Но эта точка — Солнце.

* * *

6 сентября 1917 г.

ПОРОКИ

Я весь ласков к миру,
Но и весь порочен
(Вот я в ночи. Не спал; думал о своем одном пороке.)
Но я ласков к миру оттого, что я ни от чего не удерживаюсь.
Т. е., в сущности, от того, что порочен.

Что же: сказать ли, что нежность происходит из порока?
А из добродетели происходит жестокость, сухость и злоба.
Как странно. А похоже, что так.

Так вот в чем дело. Он соблазнил нас добродетелью.
Мир стал добродетелен. И очень несчастен.
От несчастья родилась злоба.
Мир стал злобен.
Помертвел от злобы.

Но зато очень гордится добродетелью.
«...и надели белые одежды и стали ходить на воды жизни».

* * *

21 сент. 1917 г.

Сперматозоиды тянутся из Солнца.
Они живая сила Солнца.
(Тайна Египта)

* * *

28 сентября 1917 г.

«Не нужно более обрезания: ибо оно заменяется отныне благодатью Господа нашего И. Христа».

И вот потянулись безбрачные девицы, холостые мужчины, вдовы попы, приговоренные по эпитимиям к безбрачию... И я не могу понять, в чем же тут «благодать Господа нашего И. Христа» заменила обрезание... Разве в том, что «по примеру грешницы — все это прощено».

В обрезании содержалась *домоводственная* земной человеческой жизни сторона, — *устраивающая* дом, мир и покой человеку.

И с разрушением обрезания — расстроилась. Вот и все. Но какое это «все»... Безумное, огненное, потопляющее «все».

* * *

3 октября 1917 г

Что такое «астартический принцип»? Нельзя о нем сказать «кажется», а только «быть», «есть»: и так, «астартический принцип» есть принцип реализма, бытия, вращения колеса действительности. Он не включает «худо» и «хороша», если не входит «худо» и «хорошо» в самое «есть». А если входит или «худо» или наоборот «хорошо» в есть: то принцип «астартический» есть величайшее «осанна», как и может он быть величайшим проклятием.

Отсюда: «Астарта сошла в Аид» — и быки перестали зачинать, а коровы рождают. «Умер апис, а новый не избран» — и в Египте и в мире «прекратилось время». «От 1/2 августа до 1/2 сентября, пока умер и еще не избран был — течение времени прекратилось» (гимн в музее Александра III).

Это я вернулся с одной свадьбы: венчает от. Павел; а с другой стороны, сестра Анд. поехала в Петрогр. венчаться. Такие незначительные события для церкви и государства. «Мало ли их». Между тем это важнее теперешней войны: которая калечит, отрывает ноги и т. д. Это — *убыль*, там — *рост*. «Астартизм» рост, движение вперед колеса всемирности, «восход солнца», «завтрашний день Ра»

Могучее: ВСТАЛ.

И этому «встал» поклонился Восток.

«Востекает».

Вот весь Восток: начало «утра», «зари», «начала».

Это целый принцип, 1/2 природы, 1/2 мироздания. Как без него обойтись. Нельзя. Между тем вся Европа обходится без него, фактически обходится, религиозно обходится, и «пропускает чуть-чуть», не взирая. Совершенно очевидно, что христианство пропускает «в пустоту», что у него тут нет «ударного батальона», и совершенно очевидно поэтому, что оно не полно. А между тем оно объявляет себя «полною истиною», оно говорит «А = А».

«Аз есмь путь и истина, и жизнь».

«Аз есмь хлеб животный».

И ни то, и ни другое.

Мне 62 года и ноги трясутся. Я ничто. И между тем я говорю это: неужели же МНЕ открылась истина. *Мыши*. Господи, как страшно, когда мышь схватила причастие. Но схватила.

* * *

5 окт. 1917 г.

ПЕРЕД ЗАПЕРТОЮ ДВЕРЬЮ

Связность

Сущность пролиания семени и восприятия его не представляет ли чуда? Да еще какого!! Не большего, впрочем, чем зерна землею. «С чего это земля-то возбудилась зерном?» Ну, *vulva*, человек, понятно. «Женщина, она глупа». «Девчонка, еще молоденькая, — она хочет». Но земля, *terra*? *Tellus* (по-

чва), *stella*¹. С солнца земля кажется звездочкою, крошечною, и она «хочет макового зернушка», как барышня хочет... Неприлично, невозможно и даже просто этого «нет». П. ч. чего невозможно, того просто нет. Но «чтобы это громадное *ager*², эта бабища, в 500 сажень длины, захотело, предчувствовало и понимало маковое зерно, как барышня усатого офицера, встреченного на дороге», то ведь такая «теософия», прости Господи, не только «тьфу», но ведь серьезно же это непростительнее всякого мифа.

Поверить нельзя.

Между тем «мак и поле» не удивительнее, чем и «барышня и офицер», т. е. собственно то, что «изрыгаемое» его... семя воспринимается, ищется и находится, а самое-то главное и потрясающее — что оно входит, находит для себя *одос*, путь «*iter*», «*itineris*»... и право я дрожу, склоняя и спрягая... Потому что ведь барышня и офицер не только никогда не видали друг друга, но они даже и не родственники, и, чего невероятно, — будто бы один имеет родню в Пензе, а другая в Тифлисе. Как же семечко попадает в щелочку, будто их кто-то уже заранее свинчивал, соединял и прировнял. Когда до такой степени решительно и совершенно наверно, никто не свинчивал, не прировнял и не приспособливал. Но они «хотят»... Офицер и барышня хотят и могут, могут и хотят, хотя и могут, могут, могут, желают, исполняют желание, когда их никто не приделывал друг к другу. И опять *ager*, и зерно: никто «не приделывал *ager* к зерну», да и как же «приделать 500 сажень к росинке», т. е. к маковому-то зерну. Но ведь тогда, пожалуй, «приделана земля к солнцу» или солнце к земле и не иначе как «трубочка и проходящее через него зернышко, т. е. опять же эта встреча солдата и барышни, одна из Тамбовской губернии, а он — грузин. Ну и тогда... что «от солнца растет у земли брюхо»? Тогда... что «земля пузата и везде пузата?» Дивно. Но как не поверить, если солнце в самом деле растительно, если от «солнца-батюшки растется»? Как «растется»? Так — растется: попрыскает лучиками, ан из «землицы», как из барышни после офицера и «вырастет что-то». Сперва подпухнет землица, а потом и стебелек... тоненький, изумрудненький... да слабенький такой, а барышня его так любит, т. е. тьфу, не барышня, а землица, т. е. барышня ребенка, а земля стебелек, «и питают и греют ю», как произносится в церкви: «Всякий человек плоть свою питает и греет — ю». Так что солнышко «питает и греет ю», травку и барышню, а офицер также и травку, и барышню поласкивает, и не разберешь уж, где офицер, а где солнце, и что в кого входит, а только и здесь, и там трубочки и зернышки. Тогда солнце «растится», и даже оно красно почти под пленкою кожи, как у офицера: Но ведь Господи: если на солнце выросла кожа — то как же в «солнечных религиях» было и не сложиться (во всех до единой!) обрезанию — которое обозначает просто: «открой окошечко своему солнышку» как «Господь открывает свое Солнышко» в течение дня каждой местности, и Египту, и Сирии, и России, и везде,

¹ планета (*лат*)

² земля (*лат*)

Слава Богу — да только «окошечко»-то это красно и кругло — сочится кровью и жизнью, и все его люди любят, очень любят, потому что уж очень оно ненаглядно.

«Даже взглянуть нельзя», как и у офицера взглянуть нельзя...

Аполлон со «стрелами звенящими»...

— Нет, старше: Зевс с зубчатыми молниями.

— Полно, это Дионис, поднимающий виноградную кисть над ртом... Ах, это прекрасное вино человечества, которое пьем и через это бытийствуем, живем, дышим.

Господи, Господи: к этому свелась трубочка и зернышко, барышня из Кишинева и офицер, и Солнце, и виноград. Господи: неужели «солнце и виноград» не ересь и не миф, а истина гораздо более потрясающая, чем все семь Вселенских Соборов. Что мифологий нет, а только люди их не поняли, а те древние не умели выразить и рассказать, но они все плакали, плакали и совокуплялись, плакали и нежились и опять совокуплялись говоря, что «пока совокупляются — Бог есть», а когда «перестанут совокупляться — тогда и бога не будет», только это «будто бы едва ли», потому что уж очень хочется и очень мило, и так сладко и ха... ха... ха.

Как солнышки, улыбаются люди...

Как зелень, растут люди. Как животные, совокупляются люди. И все — любовь. И любовь — солнце. И ничего — без Него.

(Солнце из выпуска III:
трехцветка)

Религия, религия, вера — вера, возобновление, возобновление, ожили, ожили!! Восстановляйтесь, времена древние...

О, какое сияние.

Господи, неужели я вижу тебя?

Из Коктос, Флиндера.

Почти последний рисунок

Бог Sin держит в руке поднявшийся...

* * *

7 октября 1917 года

Причина безумения человеческого и потери Истинной Религии заключается в языке, филологии. И в отсутствии *étonnant*¹, связанного с этим. Собственно нужно начать удивляться, надо пробудить удивление. Вот филология-то и скрывает священный лес. И может, люди и почитали животных ради особенно безмолвия, думая, что «уж если животные молчат, то они, конечно,

¹ удивительный (фр.).

впереди нас по вере в Бога». В самом деле: «барышня и офицер, из дальних губерний, могут и хотят совокупляться, «земля выращивает, когда на нее падает — зерно», и «солнце <пропуск слова?> землю», а «люди обрезаются» Все это каждое порознь и всякое одиночное объявляло бы и показывало и доказывало Адониса, Зевса, и всех богов: если бы эти слова мы произносили удивляясь. Но мы, вследствие того что произносим без удивления естественно, ибо произносим давно «и с детства», от этого единственно филологического ужаса мы перестали удивляться и некоторым именуемым этими словами вещам. Таким образом, совокупление как не доказывает Бога, — то, что пчела лезет на цветок и несет ему пыльцу — не доказывает, слишком уж достоверно. «Мы знаем ее на каждом шагу: но не может же быть везде Бога, каждую минуту Бога, куда ни пойдешь — все Бога и Бога Это прямо неприличие и жаргон». «Бог — трудно; Бог — <пропуск слова?> учим» «Бог неестественное», вот «когда Боженька испугал», «когда заболел и помолился». А то — «барышня обнажилась перед мужчиною», и «значит есть Бог».. фу, какая гадость, фу, какая пошлость, фу, какое неприличие..

Между тем «барышня встала перед офицером» доказывает бытие Божие, и небо, и звезды и тучи толпой... гораздо неизмеримее, чем все испуги в мире, все вулканы на свете, и кораблекрушения. Ибо «Кто устроил, тот и повелел. И кто повелел, тот умудрил». И на этом кончена вся Библия

Ноябрь 1, 2, 3 <1917>

СТОЛПЫ И ТРУХА

Христос (выражаясь в обыкновенной земной форме и для «человеческой его стороны») был последний аристократ, под которым хранится длинная генеалогия, — генеалогия, долго сосчитанная, — но который не захотел более быть ни одному аристократом. Поле зрения, открываемое Евангелием, действительно есть поле «лазарей», «нищих», «убогой братии», и, в общем, какой-то трухи человеческой. Имен, лиц, генераций не видим Нет такого, чтобы «человек был подобран к человеку», «породка подобрана к породке», чтобы каждое зернышко «хлеба человеческого» было умыто, омыто, вычищено. В Евангелии проходит определенная борьба против вычищенности. Отсюда-то снисхождение к болезни, изъязву, уродству Отсюда: сын-наследник и сын-гуляка. И гуляка — торжествует. Отсюда «ушел богатый юноша», услышав вслед: «Верблюду легче пройти через игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное» И вообще отсюда именно, от Евангелия, потекло начало какой-то безродности, в сущности — вырождения и голытьбы. Христос — горит, сияет. Но какая темь вокруг него Чем ярче небесное Его сияние, выше подвиг «учения» и «на кресте», тем все человечество, исцеляемое и на самом деле вовсе не исцеленное, — сторбленнее, суше, с болячками.

В сущности — нищенство; и он повел к нищенству. И основал — нищенство: но не то, чтобы «нищих возлюбил», а — нищету, бедность, уродство. Повлекши ко всему этому, к чему всегда было так враждебно человечество, чего так безумно боялось человечество, чего так пугалось — к тому самому вдруг, наоборот, он повел его как к своему же, человеческому и земному идеалу.

— Я хочу быть нищий.

— Я люблю быть нищим.

Это есть гораздо большее что-то, нежели все чудеса «хождения по воде». чудо именно таковой перемены идеала. Человек вдруг возлюбил собственное зло. Человек вдруг возлюбил собственное несчастье. Человек вдруг возлюбил — раны. Раны на ногах, раны на руках. Голова повязана и т. д.

О, о, о..

Таковых видим везде. Они окружают христианские храмы. О, это уже не «две белые телицы, везущие жрицу Диотамию к храму». Причем еще телиц выпрягли, и два сына вместо телиц привезли жрицу и мать. Мать от счастья умерла

Умерла — от счастья. В христианстве от счастья не умирают. Иные образы смерти, иные образы скорбей и муки.

Борьба с Иерусалимом и особенно с храмом Его, — единым, вечным, — проходит так явно в речах Иисуса, во всем его научении, в «молитве мытаря», противоположной «молитве фарисея», который «исполнил весь закон», — потому именно, что Иерусалим и храм его, особенно храм, был весь построен «на столбах» (столбы-колонны «Иоахим» и «Вооз»). Мы не сознаем и историки не дотолковали, что вовсе не Рим и Греция, и не царства, очень мелкие, Азии, — и ни даже Персия и Вавилон, но именно Иудея с 12-ю запечатленными ее коленами, по именам сынов родоначальника Иакова, была не только родовитою страной, родовитою землею, но что именно она была землею, где родовитость, генерации и генерации, слились с самою религиею и были ее сущностью, ее душою. Израиль был до того чрезмерный аристократ, что никакой из сынов его, самый бедный и убогий, не мог и *не смел* (было *запрещено*) породниться с первым патрицием Рима. Он до того чтит род и родовитость, всегда свою, всегда одну (как это и бывает в каждом аристократе, у всех аристократов), что, наконец, вменил это в религию и слил с этим сущность религии. Он один имел какое-то Божеское происхождение, считал «начало мира» с «происхождения себя», и «человечество» изводил «из себя», после построения Вавилонского столба. «Всё прах и все — прах». «Ты один Израиль божествен. Ты — Божие дитя» И нужно быть совершенно слепым, чтобы не заметить, что борьбу против этой мысли всех пророчеств, — всех именно пророчеств, — и устремил Христос. Который будто бы «пророками предсказан». И выбирают, выбирают крупинки «предречений о Нем», комочки, волокницы предречений, не замечая совершенно того, что он прободает все пророчества, льющиеся вообще все в эту точку этой единой, кровноединой породистости, единого рождения. Что как «суть пророчеств — в этом», так «суть Христа — в противо-этом».

В Иерусалимском храме, — едином и единственном на земле храме Истинного Бога, стояли два столпа-колонны, не одного устройства и формы. И уже по разности устройства, без всякой, впрочем, зрительной символики, было догадливо, что один столб выражал отцовскую сторону родovitости Израиля, а другой столб выражал материнскую сторону родovitости Израиля. В храм входить никому не дозволялось. На границе его стоял камень, с греческою, общепринятою для народов древнего мира, надписью: «Кто пройдет дальше за этот камень внутрь храма — для того последует смерть». Но все сокрушилось перед римлянами, и воины — ворвались. Что же они увидели? Изумительно — и никогда этого не передается в христианских изображениях иерусалимского храма: они увидели внутри его огромное дерево из золота с плодами и листочками, — все из золота одного. Тупые, глупые римляне приняли, что «храм был поэтому Бахусу». На самом же деле в Великом Дереве было изображено Древо Жизни: и иудеи поклонялись Своему Плодородию. Огни лампад и жертвенник, хлебы предложения и прочее — все горело, сияло, все освещало «наше плодородие». Дивно. Рассказать — и то диво. Вот — гордость, вот — слава. Вот настоящий аристократизм. «Мы — и никто». И когда это так сказано, с этим упоением силы и красоты, как не дополнить, не прошептать грустно для человечества: «они — и никто».

Это — гром пророков. «Мы — и никто», «они — и никто». Но ведь человечество... ..повернемся к нам: мы же только у собак и лошадей считаем породы, какой борзой щенок и какая скаковая лошадь произошла «от Балтимора» и от «матки тоже с именем». Кто же считает породы людей. «Отца и деда, по отчеству отца, еще помним», и «бабку по отчеству матери помним же». «В дальнейшую темь не проникаем».

В этот-то «камень, на коем утверждаюсь» — Израиля, кинул камень Христос: и — разбил.

Уничтожил.

Вот в какой связи стоят все «мытари», «Лазари», «блудные сыны», «прощаемые блудницы» и т. д. и т. д. и проч. и прочее Евангелия. Разбивалась Виноградная Лоза размножения Израиля. И разбивалась — скажем ли, вообще человеческая, всемирная родовая аристократичность. «Подбирай зернышко к зернышку»; «очищайся — и лишь очищенный множься».

О, о, о...

— Хочу сиять.

Христос сказал: — Потухни.

От этого-то, от этой связи с «Лазарями» и убожеством, от таинственного ведения к убожеству и смерти — и слова о скопчестве... (Матф., 19. Есть и другие места, из которых главное: «Аще соблазняет тебя глаз твой или десница твоя — вырви десницу или глаз». А в сущности: «Вырви сердце у себя, так как оно — источник пожеланий»).

— Монах.

О, как все приводится в связь. Но через какие ужасные подозрения, о коих высказывая — и мы рыдаем.

— Если ты и даровит, наконец, — и гений: то сияй же один. Ты никогда не размножишься. Потому что ты вообще Мне не нужен

— Да кто же Ты, сказавший эти ужасные слова человеку, человечеству?

О, Лоза жизни — гори! И я скажу: сияй, сияй! Больше виноградных листов. Еще больше... И ягодок, и детей, и плода.

Гори, гори... Светильники — осветите «плод чрева». О, человечество, как я люблю тебя: и вот Апокалипсис вдруг, до утомления, до скуки (впрочем, разве может быть тут скука?) вдруг начинает исчислять. «и 144 000 из колена Завулонова», и «144 000 из колена Данова», «144 000 из колена Навфалимова», и «144 000 из колена Вениаминова». Опять — генерации, опять роды: аристократизм. И — «белые одежды».

О, о, о...

Где же Ты, Христос, и почему Ты важен миру? Миру мир важен. И Солнышко, и деревья, и травки...

Но вы теперь понимаете, почему:

«Посередине Престола Божия — Бык, Орел, Лев и Дева»... И все орут взывая:

— Свят! Свят! Свят!

О, о, о...

Да ведь, увы, человек размножается не иначе, не по-иному, чем Лев, Бык, Орел... Почему же «он один»? Космология, а не антропология. Космогония в основе самой антропологии, — и тогда-то последняя прочна, а первая — свята. И я скажу о целом мире:

Свят! Свят! Свят! Святое Имя его. Все оправдалось в Боге Саваофе...

Но вот настала труха. «Мы интересуемся только породами лошадей и собак». Не у человеков же нам помнить отца и мать» (поразительны слова. «Кто любит отца и мать больше, нежели меня, не внидет в Царствие Небесное»).

...Труха, труха... Еще труха... Темь, копоть, дым. Много дыма. Пока, «сорвав крест», она и не возгласила стамиллионными устами.

— Мы — пролетариат...

— Мы — социализм...

— После того как погасли лампы и их, конечно, не надо, осталось свободное человечество, собачье человечество (впрочем, ниже собак, ибо «не почитает отца и мать»), которое обратилось к грызне друг друга... и ужели сказать: при единственном смехе Кого-то...

Но, в самом деле, что же ему делать как не изгрызть внутренности друг друга в полемиках, в спорах (чудное «не воюй» и «не охоться» Израиля), в войнах, в дипломатике. Что же делать, когда вообще связи и соединения кончились, когда вообще *родство* человечества окончилось, когда мы вообще интересуемся собаками, скачками, но «не самим же собой», по «смирению христианскому»... Сперва «по смирению христианскому», а потом — сказать ли ужас: и «по нигилизму христианскому».

— Кто же ты, христианин?

— Родных не помню. Рода нет. Племени — нет, нация — одна ерунда. Но вот я довольно талантлив и издаю журнал. Я, впрочем, нигилист, и в общем мне хоть трава не расти. «Меня запишут в историю русской литературы».

— Меня в историю искусства.

— Меня в историю ткацкого ремесла.

— Я изобрел телефон.

— А я на человеческие брюки лишнюю пуговицу.

Произошла «История труда», которая заменила историю поколений.

Бе погасший человек. Восста ремесленник. И вот он, сбросив крест, уже не нужный ни к чему символ, хватаясь за высохшую кашляющую грудь, выхватив громадный молот, поднял его и сказал:

— Держись, цивилизация: размозжу.

«Восплакался «зверь» и «разодрал одежду блудницы, показав ее скверное тело» (Апокалипсис).

Благородное солнце... Благородное солнце... Благородное солнце...

О, как ты светишь.

Приласкай, приголубь...

Вот я протягиваю к Тебе свои руки... О, как они иззябли в христианстве... И стали костлявы, худы...

Потому что тощ желудок.

Он воистину тощ. Ни хлеба, ни сахара, ни вина.

И сердце мое завистливое и тощее: я плачу, а все заглядываю сквозь пальцы рук, отирающих слезы, не богаче ли меня кто, не знатнее ли, не превосходит ли талантом...

Ибо я — воистину Лазарь.

Но не тот, который был в раю... Я горю в ничтожестве, завидовании. Мне кажется: все меня лучше, все меня превосходят. Я же только богат убожеством. Я тот, который есть Иов, но без первой его фазы: в богатстве дома, детей. Я — вечный Иов, только не гноище, и уже теперь не благословляю и кляню Бога, а только кляню Его и все его создание.

Ибо я воистину несчастен.

Ибо я воистину христианин.

Лазарь без награды.

И просто — пролетарий.

Согрей же меня, солнышко, новое, благородное. Меня утомило прежнее солнышко. Ибо оно не восходило и было как-то вечно тусклое. Как кровавое, во время затмения.

Но ты солнышко — другое. И звездочки — они радуют. Их не исчисляет Коперник. От какого-то исчисления мне ни тепло, ни холодно. Это — другие

звезды, совсем другие. С благородным гороскопом, который знаменует мое рождение.

Звездочка — она родная. Она — моя. У каждого — своя звезда. И «течет жизнь его» по «такой-то звезде».

Звезды — это мы, наши души. Это — нашептал нам Апокалипсис. Покончил с закоптелым небом и открыл нам Новое небо.

Оно нас рождает. Бог — он вот. Чувствую Его в ладонях моих, в каждом сгибе пальцев. Бог — это мы. Но потому, что Бог — это мир Сам.

И будет молитва к Богу. И будет Бог к человеку в молитвах Его.

И мы будем слушать Его голос. А Он наши вечные, неистощимые молитвы.

Встану ли я поутру: вот Он, мой Бог. Засну ли, скажу: завтра опять увижу Его. Ибо оно так велико и благодетельно, что позаботилось и о сне моем. Это гораздо выше Коперника, что оно позаботилось и о сне. Коперник «сочитал» и не догадался, что солнышко дарует сон усталому от труда человеку, и это «в счет его не входит». Не «входит», что для восстановления моих и всемирных сил нужно ровно столько времени, часов и минут, сколько «от восхода до захода». И можно не без улыбки сказать, что «Коперник проспал солнце». Он всю жизнь на него смотрел, но взял его с такой глупой стороны, как будто его никогда не видел.

* * *

16 ноября <1917 г.>

КОЗЕЛ

Когда мы читаем:

и повели Его к Каиафе,
и привели к Первосвященнику Анне,
и повели к Пилату...

и стоя со свечечками, зажженными в тесном, так что пот льет, храме, то никто из молящегося густою стеной народа, густою до того, что и руки для креста вытянуть невозможно, — не замечает, что в это самое время:

и понеслись камни на крыши Иерихона,
и на камни Вефиля
и Капернаума,
а больше всего — окаянного Иерусалима,
где жили все эти сотники и Пилаты.

Совершенно мы не замечаем того, — и поразительно, что ни один историк не заметил, — что под рыдательными звуками, еще более рыдательным смыслом этих ужасных печалей, этих попяляющих слов (вот уж попаление!) все эти «богоприимцы Симеоны» превращаются в Янкелей в гнусных чулках и грязных лапсердаках, с этими козлиными их бородками, — и которые после «Каиафы и Анны», конечно, будут уже не служить храмовую мистерию, а торговать у нас аптекарскими товарами, «одевать золотую цепочку на

аблаката», а главное — «открывать их гнусный жидовский банк», чтобы «надевать петлю на христианскую (довольно ленивую) шею». Почему никем не замечено, — и разительно, что сами евреи тоже не сумели этого выразить. как будто бы от какого-то ужаса у них «язык прилепне к гортани» и ум помутился, а сердце до того возмутилось, что кроме «А! а! а! Больно! больно! больно!» ничего и выговорить не сумело, — что Евангелие до того задавило их презрением, до того подавило гневом самого ужасного разъярения, что поистине, посыпав главу пеплом, им пришлось бежать и бежать, зажав уши, зажав глаза, стеная и сотрясаясь...

И забежали они в свое «гетто», в свои зачумленные места, в эти «местечки», откуда ни выехать, ни проползти ужом, ни перелететь птицею... Где их сторожат как волков, как зверей в охотничьем зверинце .. И это — две тысячи лет, уже две тысячи лет, все окаянства и окаянства, все камней и камней христианских... которые сами-то несчастные из несчастных. Христиане даже и не могут, даже и не могли, по совести и сердцу, не взять в руки камней. Потому что перед ними

— Козел.

Грязный, поганый козел, готовый их всех забодать, а главное, забодавший их учителя... их наставника... их благотворителя..

Что, больше!

Спасителя, отворяющего и затворяющего перед ними в Жизнь Вечную.

Поразительно. что совершенно никем в мире не было замечено, что книга Евангелий не только не есть книга любви, но есть книга до того глубокого ненавидения, но с таким резким и непереступаемым разделением ненавидимого от ненавидящего, что поистине им никогда не привелось встретиться, узнать что-нибудь друг о друге и хотя бы просто «объясниться» по-житейскому, не пришлось «подать голос друг другу» и оповестить один другого о бездне ада, в котором они оба и совершенно бессмысленно, совершенно безосновательно живут; ада, ничем не заслуженного и нисколько не «обвиненного», ада, который со времен страшной книги — разделил их. С одной стороны — все народы, все «прочее человечество», язычники и т. д., призванные, обласканные, зовомые; с другой — этот вдруг почерневший Иерусалим, — почерневший почему? почерневший отчего? — Неведомо.

Самое каинство и суть Каина, — и я никогда не пройду по тебе, должен бы говорить каждый христианин. И говорит. Не может не говорить.

— Он место тюрьмы нашего Спасителя.

- В нем прибивали гвозди к рукам и ногам его.

-- И пронзали ребро Его.

-- И подавали Ему уксус. Когда Он сказал: «Жажду».

-- И где Он молился за врагов, Его распинавших, сказав: «Отче! Прости им, не ведаят бо, что творят».

— У! у! у! Козлище, о козлище бодущий и забодавший...

— И Он молился в Гефсимании до кровавого поту. «Да идет мимо Меня эта чаша! Но если такова воля Твоя, то не аще Аз хочу, но еже Ты хочещи»...

— У, у, у... С копытом, с рогами.

Да не козел, а Сатана.

— Что же ему дать, кроме процента

— Он удушит и всех нас.

— Не пускать его в службу.

— А только в подлую аблакатуру

«Братцы, ведь мы братья вам, люди! Пошадите!» (казакам).

«Как, еще они смеют называть нас *братьями*. — В Днепр их всех»

«И бросаемые фигуры жидов так смешно высывались из воды в своих смешных чулках» (начало «Тараса Бульбы»). Для Гоголя все было смешно и только смешно. Он сам не заметил о себе, какой он страшный козел, с борсдою до ада.

Только оттого, что *на нас*, именно *на нас*, врагов иудеев, — но уже не-пременных и неодолимых их врагов, врагов совершенно невольных, льется столько непрерывных даров и «благодати Господа нашего Иисуса Христа», мы и не замечаем вовсе: каково же *тем-то*, каково-то *тем-то* Мы, вечные (и если бы не Апокалипсис, то и были бы, очевидно, вечными) — победители. И в лагерь побежденных нам не дано заглянуть. И никто и не заглядывал «Какой интерес добродетельному христианину», который воистину «молится и грешит, грешит и молится», и ему обещано царство Небесное, если он вздохнет только перед смертью о своей сплошь мерзкой жизни.

Но что там-то там-то

Какие вои!

Какие стенания!

— Но что за дело нам, господам положения, истинным христианам, которым уже все прощено и все забыто «ради одной веры в Господа нашего Иисуса Христа» (Апостол Павел) (специально Апостолу Павлу принадлежит учение об оправдании одною верою, без всяких добрых дел, без всякой сколько-нибудь доброй и благочестивой жизни) (и у самого Христа есть к этому предречения в притче о блудном сыне и о мытаре и фарисее).

И — никто не заглядывал к козлицам.

Не наблюдали, что они совсем не убивают.

Что у них нет сплошного флирта, т. е. сплошного разврата воображения и прикосновений.

Что у них не воруют, не лентяйничают, т. е. тоже и опять не воруют. Ибо лень есть кража. Не собственность, как объявил Прудон, есть кража, а — лень. И вообще никто не содержится на счет другого, а всякий сам за себя работает.

— Но он работает «гешефты»?

— Что такое «гешефт», мой друг христианин? Это есть просто «занятие», «дело», из которого приобретается прибыль: чему бы и ты очень рад, да у тебя «под благодатью Господа нашего Иисуса Христа» как-то не выходит. И ты просто праздный болтун и лентяй, пока лень и болтовня не довели тебя до революции, т. е. общего потока грабежа на всех. Они же воистину

тихие, благодатные, богодарованные; и действительно «о семени (потомстве) их благословляются и доселе все народы», так как кто ни приходит в связь с этим тихим и благородным народом, сообразительным и трудолюбивым, то невольно, от простой «связи дел», и у каждого тоже начинается «дело спориться», «ладиться».

И вот Апокалипсис «ревет и мечет», предвидя чудесным образом (воистину — «Откровение», за 2000 лет!!!)

о церквах,
о песни Моисея.

* * *

3 декабря 1917 г.

Неси, Розанов, судно для человечества. Неси, Розанов, судно для человечества. Неси, Розанов, судно для человечества. Неси и не уставай (несу ведро герметическое).

(Но, Господи: как же я устану, если я люблю это).

(после спора с Флоренским)

~
~
~

Ноумен христианства: «Если даже вы и не любите друг друга, и то все-таки поступайте, как любите».

Это «как любите», вид любви, а не зерно любви — и составляет то, что христианство везде сделалось формой, а не сущностью.

Я не отрицаю Содома и содомитов, — хотя бы уже потому, что сам на одну четверть содомит. Но у меня чего-то «не доплеснулось», и это позволяет мне видеть границу их, — чего им не дано самоупоенным гением.

Именно, я не люблю их тусклых глаз, без остроты (солнышка), стрелы и взгляда.

И вечно понурого, тоскливого вида.

Я <ценю> их гений, поэзию и <...> Но опасаясь их приближения к стадам <...> человеческим <...> собакам <...>,

к людям добродетельным, которые в совокуплении.

Меня пугают эти глаза. В них нет соучастия. Нет ноумена соучастия.

Инквизиция, которая так пугает в христианстве, вся шла от содомитов: «Что же, если мы не чувствуем, как горит человек». «Ведь горит он, а не я». В них вообще нет «мы», а «мой нежный друг».

И вот, я их боюсь. Боюсь этого равнодушия.

И вот вся архиерейская служба, пышная и торжественная.

И моя Вера «с матушкой Марией».

И Платон с учениками.

И Христос с Апостолами, но без апостолиц.

Ясное солнышко — только в еврействе.

Ясного солнышка нет в христианстве.

В христианстве — луна.

Христос — он весь лунен. И навел таинственные лунные волхования на землю.

С тех пор <...>

* * *

АПОКАЛИПТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Я встал. И вот весь в огне. И пишу.

Это ужасное замерзание 3000 (трех тысяч) раненых солдат в Купеческой больнице, что на Солянке, в Москве... С воем, стоном, бормоча что-то, четыре или пять баб втащили огромного солдата в наш полутемный вагон, II-го класса, и когда я расспросил, «что и как», оне сказали, что пришли к этому «сродственнику», но «зуб на зуб» у самих их не попадал ночью, так как (в декабре!!) колоссальная больница на три тысячи человек вовсе не отопляется, вовсе, вовсе... и больные и раненые вовсе никем не посещаются, никакого призора там нет, и больница просто забыта и брошена. «И видя, что и наш сердечный гибнет, мы его вынесли на руках, и вот везем его в деревеньку, близ Александровска, есть полустанок», и оне заботливо стали выпрашивать публику, «есть ли там носилки, потому что он очень мучится животом». «Как у него болят почки...» Сейчас поднялся шум по вагону: «Как же и чего же смотрят солдаты, у которых теперь вся власть, — и они только недавно, почти сейчас, победили, расстреляли юнкеров в Москве, и вся Москва — в их руках...» «И везде установлен у них порядок и дежурства ночью». «Дежурства» действительно установлены, и М. В. Нестеров, у которого я ночевал ночь, попрощавшись со мною рано вечером, поспешно лег спать, так как обязан был от 3-х часов ночи до 6-ти, выйдя на мороз, дежурить на дворе, Новинский бульвар, дом 101 князя Щербатова. Привожу адреса, чтобы не показаться неточным.

И вот, я лежу, думая, скорблю... Дочь с испуганным личиком подала полухолодный чай, и кусочек черствого черного хлеба. «Мне, папочка, стало жалко, что ты не уснул. Выпей чаю». Я зажег огарок: но керосину — нет, огарок — последний; «с ним только напиться вечером чаю *всем*», и, потушив бережно огарок, я погрузился в темь декабрьских «6-ти часов», и стал думать... о Метерлинке и пьесе его, «Как мертвые воскресают», которую видел лет 6 назад в Суворинском театре, и тогда генер. Маслов и Плющик-Плющевский так издевались над «бессмысленным жанром» всех этих «декадентских тоскливых замираний» Метерлинка...

Это «как в той больнице», — подумал я. «Замерзающие на Солянке», — это — умирающие у Метерлинка. Очень похоже.

Да, я забыл сказать: у солдата больны были почки, при какой-то болезни «нужен абсолютный покой». А его так шевелили, при переноске, и в деревню он ехал только умереть. «Но все-таки не на морозе в стенах неотапливаемого дома». Пронесся в мысли плакат огненно-красного цвета, предшествовавший первому выступлению большевиков в Петрограде: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов». В сущности — вся «власть» одним социалистам. Что же такое «солдаты»: их учат, и они учатся.

Так быстро все распространилось. 11 000 000 штыков и на них повисла Россия. Она «повисла», как та забытая больница. М. В. Нестеров должен сторожить улицу. Ему 50 лет, и он умеет водить только кистью. Все рисовал «Св. Русь» и «Отрока Варфоломея»...

...потом литература. Как же «шла» она и как «пришла». Потому что уже Венгеров сказал, при встрече с возвратившимися эмигрантами, что «не литература должна приветствовать торжество революции, а революция должна наоборот сказать спасибо литературе, которая все время, целых полвека и более, призывала — революцию».

Так все и думали, и эмигранты, и Венгеров, что «революцией все и кончится». «Все устроится к лучшему». Забыв, что «мы — Русь» и что у русских дела «затягиваются» и бывают «с переимочками».

Тень несозданных созданий
В громко-звучной тишине...

И высунулось — для меня, его друга, — такое всегда удивлявшее бледностью лицо Д. С. Мережковского, и еще более бледное и какое-то страшное лицо З. Н. Гиппиус.

«Вот кто пришел и кто победил...» О, не революция, не «народники». Даже не социалисты, лишь «воображающие о себе», что они все ведут и всех ведут. Все это — пустяки и разбилось вдребезги. Победил «в русском народе» тот, чьего даже имени он не знает, и победил — вещь, громадно, колоссально человек маленького, почти крошечного роста, в черном «циммервальденском» фраке, почти иностранец... Который все пел странные песни, что ему «все зябнется», что он «никого не любит»... И вот настало это всемирное, планетное: «никого не люблю» и «везде зябко».

Потухнет солнце... О, Мережковский: это — ты в нем. Когда-нибудь вся «русская литература», — если она продолжится и сохранится, что очень сомнительно, — будет названа в заключительном своем периоде «Эпохой Мережковскою». И его *мыслей*, — что тоже важно: но главным образом его действительно вещей и трагических ожиданий, предчувствий, намеков, а самое, самое главное — его «натурки», расхлябанной, сухой, ледящей, узенькой... Его — ломанья искреннего, его фальши непритворной, и всего, всего его...

Tout le Merezkowsky¹.

Будут сделаны бесчисленные портреты его, описаны мельчайшие привычки, подобраны все о нем наблюденьица... Потому что это так поразительно. «Что вы, больны чем-нибудь?» — «Нет, я не болен: но мною больна эпоха». В самом деле, «не будь в ней Мережковского», — эпоха явно «была бы здоровее».

И все кинулись к нему. Таинственно: Влад. Соловьев, именно во внешнем абрисе, уже имел что-то общее с ним. Тот же черный «иностраннный» вид, сухость в кости и зябкость, и «все бы за границу», и — Брюсов, и — Андрей Белый. Апокалиптики, воистину апокалиптики. Со страшными предчувствиями «конца века» и «конца мира». Кто о нем говорил? «В конце роскошного XIX-го века», с его естествознанием, социализмом и могучею техникою. И вдруг пришли худошавые люди и запели свои «ненужные песни». Ведь декадентству настоящее имя: «Не нужное». Просто: «Этого не нужно», и так озаглавится «decadence». Пока не выгнется громадная дуга во все пространство неба и все пространство целой истории: «Что теперь *не надо* — это и есть единственное, что теперь нужно, требуется, ожидается; что есть поистине всемирно, апокалипсично».

Господи: светопреставление.

Оно — и настало.

Так вот что значит: «ласточки не прилетевшие» и «мы поем так запоздавшую весну». У Мережковского это как-то лучше и звончее. Все говорили: «Что вы кувыркаетесь, декаденты», и — поете «гиль». Не понимая, не постигая, никто и нисколько не постигая, что в «кувыркани» и «гили» и заключалось «цимес», «зерно и ядро» того, что всемирно наступает, близится, настает.

Апокалипсис. Если «ничего не нужно» — то неужели же не апокалипсис? Но ведь серьезное-то, серьезнейшее из самого серьезного, заключается в том, что действительно наступила таинственная и страшная эпоха, как-то незаметно приблизившаяся, «тихими шагами» и даже — «без шороха», — когда... царю перестало быть нужно его царство и священнику его священство. *Nota bene*: и ростом, и всем, и какою-то безвыразительностью лица, «почти иностранного», явно — не русского, Николай II явно похож на Мережковского. И что это есть «царь-декадент» — в этом никто не сомневается или не усомнится, если мы только намекнем. Все — кстати. Все события — сливаются. Царь так же «не умел править», как «декаденты», будучи «писателями» — таинственным и страшным образом «разучились писать», «писали бяку». Эти «показатели времен» воистину апокалипсичны и зловещи. «Что-то показалось в воздухе и вдруг стало темно». — «Что, не затмение ли?» «Затмения нет, календарь — не показывает: но воздух вдруг из светлого сделался серым». Это и есть Апокалипсис.

«Цимес» и «ядро дела» заключается в наступлении в конце «роскошного века» того, что вдруг все люди, лица, сословия, классы, профессии как-то «охладели к делу своему», рабочие — к работе, солдаты — к войне, родите-

¹ Весь Мережковский (*фр*)

ли — к детям («Отцы и дети» — характерное в заглавии и содержании произведение), дети — к церковной службе, мужья — к женам и обратно, и, наконец, что совершенно поразительно и «с начала времен не слыхано». знатные вдруг стали безразличны к знатности и богатые к богатству (богачи-социалисты). Таким образом, как-то странно ослабились все связи планеты, и «продолжение всемирной истории» сделалось невозможно и «как-то незачем». «Куда ты идешь, всемирная история?» — «Я и не иду, а как-то бреду. Я — заблудилась». Это — апокалипсис. Конечно, — это апокалипсис.

«Ничего не нужно». Не грызет ли это в сердце каждого из нас? Увы, так. Так не конец ли это времен? Кто усомнится. История, конечно, кончается. Истории, конечно, не нужно.

Но разительно, но страшно, что это никогда не наступавшее настроение овладело человечеством «в конце христианских времен», в конце — этого не нужно скрывать, да этого и нельзя скрыть от себя — в конце христианства. Это до того ужасно и «как-то фальшиво» — что «религия любви» вдруг оказалась совершенно без любви. Утратились естественнейшие связи, всегдашние, всемирные. «Царь не хочет управлять», «богатый не хочет быть богатым» и «знатный хотел бы быть незнатным». Но разве... не Он сказал?

— Блаженны нищие...

Так что же Он сказал?

Разрушение мира.

А мы думали: «воскресение», «спасение»...

И вот «мир разрушается».

Апокалипсическое: «Назад»...

Рев Апокалипсиса. «Назад!! к Древу жизни». «К водам жизни»..

Не договорил, не досказал. Что Христос, не отменяя вещей мира, состояния их и бытия, снял таинственным образом и через магию обаятельных слов — прекрасные покровы с них. Брака он не отменил как «данного Богом еще в раю» и по совершенно точному заповеданию Божию, коему противиться значило бы возмутиться и отложиться, восстать на Бога: но он его лишь дозволил, пассивно, а не активно, и исключив из него влюбление, любовование, нежность и грацию. «Любит или не любит муж жену» и «любит или не любит жена мужа» — «живите». Это «состояние», а не радость, поставленные или, вернее, оставленные столпы мира, которые «сами собою» распадаются и сгниют как ничем не связанные. И «дома» повалил: «Кто любит дом свой более, нежели Меня — несть Меня достоин». Все «Меня» и обо «Мне»... Страшно, странно. «И кто любит жену или отца, или мать более Меня» — тоже и от того отречение Себя... все «Себя»... Странно, страшно... «Не любите мира, ни того, что в мире»... Все это «похоть житейская»... Та милая похоть, человеческая и земная, ради которой и живет человек, и радуется. Я люблю нумизматику, конечно, ради того, что люблюсь монетами. Если не любоваться — и не занимался бы: как же иначе? Но я — люблюсь, поистине люблюсь, восторженно люблюсь. Христос, не вынимая бытия вещей, как их Бог создал, и жену, и «дом», и нумизматику, таинственным обра-

зом и на самом деле... страшно сказать... осквернил вещи, вложив в них всех скверну «долготерпения», воистину долготерпения Иисусова, — на место былой их прелести, уж скажем грубо и прямо — на место языческой прелести. «Прекрасны солнце и луна, и все» Вот об этом-то всем и прошептал Христос: «А Мое слово — еще прекраснее». Да оно и прекрасно, даже именно прекраснее «вещей мира сего». Слов — нельзя забыть. Они — незабвенны. И прекрасна мысль о браке: «Не выгонять из дома жену, даже если *и не любишь ее*». Защита женщины, защита сироты; защита могущей *только быть обиженной*. Люди не заметили, что это «новое правило о жене» на самом деле разрушает каждый дом, всякую семью. Т. е. что в общем-то и мировом, космическом смысле, — это есть потрясение и изничтожение быта и бытия народов. «Так сострадательно к Марии», но так безжалостно к «женскому полу», который с сих самых пор *перестанут брать в жены*, потому что как же и для чего жить с прокислой женой, ворчуньей, несносной и сплетницей, которая вдобавок даже колотит мужа. Таким образом, Христос насадил отвратительный брак и отвратительный тип брака. «Но слово сострадания к Марии или Лукерье, этой страдальнице — так прекрасно». Замечательно, что уже предвидя «после такой своей заповеди», что люди перестанут жениться, перестанут заводить «свои дома», Христос сейчас же построит и идею монастыря, давая заповедание «о скопчестве Царства ради Небесного». И — так незаметно, под видом только «бывает». «Бывают скопцы» от того и от того: но высшие из них есть «Царства ради Небесного». Семья — разрушена, монастырь — готов. Так — в богатстве, в войне, в славе, в чести он вынул *мотивы всего этого*, «героическое» и «славное», как бы оставив «на месте Цезаря» — только «Наполеона III»... Это и есть таинственное декадентство мира, которое совершилось и... к XX веку и завершилось. Получилось уродство всех вещей, при котором их нельзя любить. Нельзя «по-язычески любить», вот «как следует», и «Бог дал сердце»... Нельзя их уважать серьезно, и стало так, что даже стыдно, неловко уважать. «Ну, как уважать такую семью?» Отец с нежностью не поговорит с сыном: «Ну, как же уважать такого отца?» («Отцы и дети»). Дочь свою отец старается только «спихнуть с рук» («никто вообще в стране не женится»): как же она станет такого отца любить? Она холодна к нему, оскорблена, даже жестока — и «пошла на курсы». Естественная дорога. Страшным образом везде, во всех направлениях, проложились отвратительные, *безлюбивые дороги*; и путаница таких гнусных дорог образовала «в конце времен» «современную цивилизацию». Что же случилось с миром? Гнусен. Благородная душа человеческая... о, какая она благородная, воистину лучше Христовой... Возгнушалась миром, *по Его же ожиданию* («не любите мира», «все это похоть житейская») и *возненавидела его сплошным ненавидением*... Вот характерное выражение типично декадентской революции, именно — нашей, именно — пьяной, именно как отвращения и *odium*¹ к миру. Смотрите фазы: Гоголь, хохот над всею жиз-

¹ ненависть (лат.)

нью. Черт, ведьмы, Вий. Как все связано, какой все уже — в Гоголе «Апокалипсис». «Надо исправить все разумно и научно»: позитивизм, матерьялизм. Тут врывается политическая экономия — не в положительном направлении увеличить «гобзовитое богатство» (Посошков), накопить, разбогатеть: а напротив — разорить, растащить, поднять класс на класс, сословие на сословие, *отнять*. Это — социализм. Социализм есть декадентство политической экономии, — тоже «неуменьше считать и сосчитать», неуменьше «накопить» и даже «полюбить богатство», как там у поэтов и прозаиков совершилось извращение в их стихии слова. Отчего социализм таинственно и слился с декадентством, социалисты и декаденты так явно дружелюбны и — «вместе». — «Не люби богатства» (Христос), — «Не люблю богатства» (социалист); ибо «легче верблюду пройти в игольные уши, чем богатому в Царство Небесное» (Христос), — «потому что богатый есть буржуа». Это — ответы и вопросы, так гармонирующие, что усомниться в связи — нельзя. И то, что социализм так безбожен... Но я не хочу договаривать. Рай же — истинный наш Бог усадил богатством и золотом, и всяким цветением каменье, — как золотом и каменьями — *против христианства* — усаждает Апокалипсис и «Новый Иерусалим», куда всех призывает. Богатство — прекрасно, о — прекрасно! Эта радость человечеству — мила, как и жены — также милы. «Все — другое!» — «Назад!» Рев, зов и первого Эдема, и — второго (Апокалипсис). «Новые звезды, новое небо»... «Новое Солнце», — не Христово. Увы, уже не Христово и христианское...

Прекрасная душа человеческая, я говорю, возненавидела эту «блудницу-цивилизацию», усаженную отвратительностями. Но что же она сделать могла, эта бедная и несчастная душа, со словами ей: «*Не люби*». Древние сравнивали душу с мотыльком: через «не люби» и «все есть похоть житейская» Христос таинственно как бы перетер самые крылышки этой душе, — перетер взлет к вещам, *милым* вещам... Нет «милого», куда же «полетишь»?... К «немилой жене», «немилому дому с грубыми родителями»... и к этому «немилому богатству». Бедная душа — уже не мотылек, а тельце ее *без крылышек*, одно *туловище*. Туловище и головка... Но — с рогом: и вот эта несчастная, изуродованная душа — она пронзает «блудницу» и разрывает ее «роскошное платье» (XIX век) — тою самою «безлюбовностью» и ненавистью, какую Христос ее наделил к миру. «Рог» — «не любите»... Жесткое, суровое. То самое, что внушив «не любите» как бы Христос отошел от истории, «в конце времен» так явно это самое «не любите» — раздирает полотнище христианской истории... И в словах — «будут войны, и голод, и мор»... так предсказано это Христом. «И мор, и болезни, и потопления»... И — «кусания языков»... Предсказано в беседе с учениками... И *то же, это же* повторяет Апокалипсис... но с каким *разъяснением мотивов и образов*. Как бы говоря, гремя, вопия:

— Ты же сказал: «Не любите!» И кто же *Виновник*, если они «не любя» поднимают войны, мятежи, кидаются один на другого... И жаль, как скорпионы, друг друга... И наполняют воды кровью.

— Ты высказал мотив: «похоть очей»: и они раздирают все, что «соблазняло глаз их», — по Твоему другому слову. Разоряют золото, ткани, богатства, красоту, храмы, дворцы... — И «убивают друг друга». но не Ты ли, не Ты ли сказал: «Не любите даже отца и матери, и сестер, и братьев, ни даже самых жилищ своих, где выросли и воспитались...»

— Не нужно родины и отечества... Да как-то и странно любить, где нет «Престолов» и «Царей», Соломонов и величия, Давидов и игры на арфе, а какие-то эполеты да погоны, да «Ваше благородие».

И несчастная душа, *бескрылая*, — раздирает все именно *бескрылым* отвратительным раздиранием. Где нет ни полета, ни воображения, где видно одно отвращение, отталкивание от всего. И неужели опять это не Русь? — И неужели опять это не Апокалипсис?

<декабрь 1917 г>

* * *

Усни, наша мамочка...

Усни, усталая...

7 час вечера. Весь дом дремлет после трудового дня.

Знаете ли вы, что все добродетели пройдут, а добродетель «устал человек» — никогда не пройдет.

И потому когда «Бог устал» (от творения мира) — то именно этот день он и соделал «днем отдохновения» всему человечеству.

«Шесть дней трудись и соделай в мире все (недельные) дела твои. День же седьмой Суббота — Господу Богу твоему».

... «И будет это тебе в завет вечный».

Как хорошо. Правда.

31 декабря 1917

<11—12 января 1918 г.>

Ταξις — ПОРЯДОК

Я говорю, что Бог ставит точки над моими «1» и всему меня научает «из жизни».

Моя худенькая дочь, моя любимая — портит мне второй день, — и испортила все праздники. В стремлении «к чистоте» — она вымыла всю кухню к Рождеству. А сама маленькая и бессильная. Я же, думая, что ведь «Рождество — это НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО», решил в душе своей, что христиане слишком «по-чиновному» трактуют этот исключительный праздник, воображая, что и ОН делится по-граждански, с «12-ти часов одной ночи до 12-ти часов следующей ночи». Тогда «Рождество» приходится по середине и выпадает как что-то пустое. Затем — «визиты», подлое — «гражданство» и

Рождества «как не бывало». Поэтому именно *этот год* я решил «праздновать Рождество» с вечера, с прекрасной *вечерней звезды* и, сам поставивши самовар (прислуги с революции нет), умылся, оделся, все «предпраздничное», — пирог, молоко, запасенные заранее сливки — приказал поставить на чистую скатерть и сказал: «Дети, Рождество»...

И все повиновались. Радостно сошли к столу. — «Где же любимая дочь?» — С головной болью, уткнувшись носиком в подушку, она лежала без сил, без движения.

«Как, радость радости — и ее нет с нами». Гневно я вошел в ее комнату и сказал, что не пойду к празднику за Всенощную, а проведу канун как обыкновенную ночь, за трудом, за заботами. Я тоже «чистил было» и убирал свой письменный стол. Но теперь оставил все «по-прежнему в беспорядке» и сел за обычное писание...

Ну, день вышел неладно. Но нужно же: новый год и два Ангела в дому. Радость семейная, особая. Вхожу: почти кувыркаюсь от усталости, она домыкает прихожую в моем кабинете. «Чтобы чисто встретить день Ангела папочки»... Опять! вторично... И я проклял «день Ангела»... «День Ангела проклял»... Страшно выговорить, произнести. Угрюмо пошел один в церковь. Хорошего встретил знакомого, он поддержал, помог, и я хорошо приложился к раке Преподобного.

Т. е. в давке и тесноте народной я забыл оговориться, что сам так слаб эту зиму, что уже «своими силами» мало что могу. От этого впечатлителен. От этого так почувствовал работу дочери. И от этого вышли «две точки» над «1», которые мне поставил Господь.

Удивительно. Лавра состоит из огромной высокой колокольни, но это, оказывается, «Успенский собор», новой постройки, и ничего собою не представляет. Затем — Духовная Академия и постройки для жилья монахов. «Ничего особенного». Особенное же и главное Лавры, конечно, — «где лежит Угодник». Как же это выражено? Тут же неподалеку великолепная «трапезная». Совершенно закрываемая ею, стоит небольшая церковка, — совершенно незначительного вида, и как-то «по-новому» выкрашенная, неприятная, которую никак не заметишь, пересекая Лавру поперек, и я, сто раз пройдя через Лавру по одному делу, не мог никак представить себе, чтобы это «что-нибудь значило». «Это — скорее часовня». Мизерабельное с виду, с фасона. Еще с какими-то розоватыми цветами в окраске наружных стен. Полная безвкусица, — «по-русски». Когда, открыв дверь, вдругходишь в черное почти, закоптелое помещение: и «столь малое снаружи» вдруг открывает себя как огромное внутри, огромное, между прочим, и *по помещению* (каким это чудом сделано — не понимаю!!). И тут-то и лежит Угодник, и «посему — бысть Лавре», и «посему — защищали от поляков», «посему» — все. Все, все, все... Самая Троица — «посему». А остальное — только пристройка. Ухитрились же русские так глупо сделать. Но Бог преобразил «глупое» в «разумное».

Черные стены. Закоптело все. Черное, копотное, великолепное. Православное. «Да не стою ли я в Успенском Соборе, в Москве?» И эти Ангелы в красных сапогах и греческих хитонах¹.

Изумительно. И я молился древнею хорошею молитвою.

Митр, митр... Духовенства, духовенства... Удивительная церковь так необъемна снаружи: а будто поместилось в ней все российское духовенство...

«Великой Державе Российской...»

Я молился. Хорошо. Все было хорошо. И вдруг я стал думать на свою домашнюю тему: «А что, если бы вдруг все стало нехорошо — и, например, молящиеся все повернулись бы к двери, к входу лицом».

«Тогда бы исчез алтарь и не было бы средоточия храма», — подумал я. И перенесся «к началу бытия нашего». Что же сделал Христос?

— Нет, что в самом деле он сделал?

Теперь я часто бываю в комиссариате. Нуждишки и все.. Провизия и прочее. И вот я раз случайно утерял провизионную карточку. Утерял и на другой же день вернулся. «Не умирать же мне со всей семьей с голоду». Показываю список своих книг, отчет магазина за проданные в прошлый год. «Я не плут и не вор, но мне 63 года, я трудился всю жизнь для Отечества»: но барышня интеллигентная окончательно и решительно отказалась выдать новые карточки. «Я вам вчера выдала на шестерых, а сегодня вы пришли и требуете новых». Значит, умирать с голоду. Хлеб. Я стою. Не уйду час. Знаю, что безнадежно. И не уйду, потому что наступит более безнадежное, если уйти.

Тут, в комиссариате, ходил ранее все в валенках. Он имел вид слуги. В то же время — все «Продовольственное управление» сидело, и видно было, что «который в валенках» — им служит. Они же все сидели и даже «восседали», в сюртуках. Он толкался в прихожей и разносил подписанные бумаги. Лет тридцати с небольшим. «Должно быть — лакей» (моя мысль).

Видя меня стоящим, и уже в такой тоске, кто-то с соболезующим лицом сказал: «Вы бы обратились к комиссару». И указал на «с валенками». Я изумился. «Неужели он?» Шепчу. Показываю лист с «сочинениями». Он полчитает. Неграмотен. Но «плюнув в пальцы», взял два листка и что-то написал. «Исполнено». «Исполнена жизнь семьи!» И я с благодарностью пожал руку даже сердитой барышне. И выскочил. Была снежная буря, срывало шапку, даже рукавицы трехэтажные (в три ткани) срывало: но я как «ангел вечный» летел домой. «Сыты! сыты».

И вот мне показалось, что есть что-то такое, что очень похоже, с одной стороны, на «службу задом к переду» в храме, и на этого «с валенками», который мановением своим «все поправлял»... ταξις, порядок. В таинственной —

¹ К удивительным *составным частям* древней живописи как знаменитого Успенского Собора в Москве, так равно и великой Троице-Сергиевской Лавры принадлежит то, что все «бесплотные силы духовные», т. е. Ангелы, представлены обутыми в красные сапоги.

поистине таинственной книге — Евангелий проходит все как-то «спор о субботе». И пока не было уразумеваемо, «что такое суббота» — было совершенно неясно, что же такое «совершилось в христианстве». А что такое «суббота», об этом во всех евангельских и ветхозаветных историях нигде не было сказано. «Суббота. 7-й день. И — праздник». Как «наше воскресенье», — «заменившее ее». И в том, что оно «заменило ее», в этой-то именно замене и как бы «уравнии» и кануло все в Лету. В Лету — небытия, забвения, непонимания. Мир новозаветный и ветхозаветный «слился воедино», корабли стали проходить над утонувшим колоколом, который «больше никогда не зазвонит»...

На самом же деле «суббота» защищала, — защищала и хранила, — весь языческий мир, вообще весь мир, свет и солнце «до христианства». Но — невидимо и безмолвно. С той же абсолютной безмолвностью, неизреченностью, неназываемостью как во всем тексте Священного писания ни разу не начертано неизрекомое имя Божье (так называемая Священная «тетраграмма»). И в параллель этим двум потрясающим умолчаниям можно и следует указать еще на то, что и в минуту и час «завета Бога с Авраамом» не было произнесено никакого молитвенного слова, ни простого «Господи помилуй». — Совершенно ничего: завет совершился абсолютно безглагольно. Лишь по аналогии этих трех умолчаний мы можем догадываться и даже должны угадать, *соединяя*, что в Имени, празднике и завете содержалось что-то одно. Одно — имя, одно — действие («праздник»), один — Завет, «договор», «союз». Конечно, я здесь не нарушу пятитысячелетнего молчания: но из догадки своей, какая есть у меня, я вывожу, что все древние религии «приложились» к субботе, и она все их держала, крепила собою, все их истинствовала. «Сломиться субботе» — это уже включало собою слом и храма, богослужения. Слом наций, культур... молитв; в основе — жертвоприношений.

Пользуясь молчанием о субботе, — роковым и неодолимым, — и что о ней действительно не надо говорить, «неизреченно есть сказать», — Христос начал таковое делать в субботу, о чем никакого не могло быть спора, что это — хорошо, благо, свято, прекрасно. Это было «совершенно свято», кроме того единственного и непонятного, что это в то же время «нарушало субботу». Но Господь спросил: «Человек для субботы или суббота для человека?» В самом деле: «Ведь и суббота дана бысть человеку, чтобы он отдохнул от шести дней работы, воспраздновал на сей седьмой день». Ταξις, порядок.

Что такое «праздник»? А тут — добродетель. Нет, больше: *начало* всех добродетелей — *труд и благотворение* «Не все ли человечество за труд и благотворение?» И все человечество хлынуло за Христом. И он умер «и погребен и воскрес в третий день по Писанию». Израиль — один и единственный — остался со своими «субботами» и «бысть погребен в истории», как смердящий Лазарь.

— Что же случилось? Что же случилось?

Нет, *в самом деле, что такое случилось?*...

Это «как моя любимая дочь». Она предпочла «не встретить праздника с папой и мамой», чтобы «все приготовить зато к празднику». Переменила час. Надо же наконец все выместить, вычистить. Но «к этому часу», чем «всем

вместе встретить бы праздник» — она предпочла утрудить себя: и померкла, и почти лежала больною, потому что «вздумала быть судомойкою», когда семья засияла «праздником». Переменила час и не захотела его «встретить с народом своим» (семья, наша семья). Так Христос таинственно одну субботу «не захотел встретить с израильским народом». В прочем же всем он ничем не отделялся от Израиля.

«Можно быть православным и читать все молитвы православные. Но отчего не читать их на литургии, повернувшись лицом к выходу из храма?»

Станный вопрос. Станный ли? «Ведь суббота — для человека». Но тогда... почему бы солнцу, восходя вообще с востока, редкий день не взойти и с запада?» «С запада оно также хорошо светило бы...» «И заря, и все...»

Что же совершил и начал совершать собственно Христос? «Субботу» ли он нарушил. Или он нарушил что-то совершенно иное. «О, померкни луна и побледней, солнце». Как бы обмокнув слюною перст, Он начал стирать все Божие творение, — ибо Божие сотворение и заключалось, и заключается не в глине и персти, не в *יָלֵף*, материи, а в порядках, чередованиях и «связи всего»...

Молитвы все те же: но задом наперед. И «не царь в опоясании меча и державы своея», а в валенках.

«Держись, Вседержитель... Я победил Тебя: ибо я благотворю человеку».

Вседержителю не жить? Человеку ли? Израиль один промолвил: «Если не Вседержителю, то зачем же мы?»

Человечество же не поняло. И изрекло безумно: «Лучше пусть не будет Вседержитель. А только жили бы мы».

Праздник. «Но работа выше праздника». «Что за праздник в грязи». Один еврей сказал: «Нет, ты *окончи все до праздника*». «А праздник — *ликование* Господу».

«Одному Богу мои молитвы...»

И умер народ за это, обратившись в козла.

А козел, вонючий козел, сел на место священного народа.

Вот история. И — Апокалипсис.

* * *

<12 января 1918 г.>

«В ВЕЧНОМ РАССЕЯНИИ»

Евреи вечно жили в рассеянии. Жить не в рассеянии — не в их природе. Точнее — раскиданно, разбросанно. Это не «наказание», как думали или думают (летопись Нестора), а — естественно, естественно, и вытекает из их потребности обсеменять духовно и культурно другие народы и обсеменяться духовно и культурно тоже другими народами.

Связь с другими народами евреев — глубочайшая: но она никогда не должна переходить в связь крови, семени. Это что-то особенное, но прости-

рающееся в форму завета. У евреев собственно один «Завет Божий» — это сохранять исключительность семени и породы. Зачем это нужно Богу — тайна. Покоримся — не испытывая, не любопытствуя. Я долго думал (и почти все это думают), что это какая-то «вражда к другим народам». Но это — не так. Из той глубочайшей связи, какую иудеи обнаруживают к другим народам (Гершензон, Левитан, Венгеровы, Слонимские, Руманов), из интимности и сердечности этой связи — совершенно видно, что они «отдаются ВО ВСЮ» этим другим народам, — отдают «всего себя», и с юбками, и с панталонами. Но вот именно до «юбок» и «панталон» никогда не должно доходить: тут — запрет Божий, и просто покоримся ему.

Я еще забыл упомянуть о двух Рубинштейнах, Николае и Григорие, о Герье, о <...> (грузин), женившемся после встречи в вагоне на варшавской еврейке Левиной, вскоре погибшей, и принесшей ему чудного ребенка — мальчика.

По-видимому, по всем данным, в евреях гениально заложено зерно, которое до конца мира и всех времен должно сохраниться нераздробленным; и — в интересах не их только, а — и других народов.

«Лучше, если они кровно не будут соединяться». Действительно, браки евреев с неевреями всегда выходят несчастны. Они — мало плодovиты и в плоде — неудачны. Что-то совершается, через что «семья» или «цыпленок» бывает «болтуном». «Не надо» этого, скажем просто — не надо. «Бог не велел», и не будет заглядывать в Судьбы и их намерение.

Но признаем просто, что евреи «без смешанных браков» любят достаточно нас. И мы также должны любить и **АБСОЛЮТНО ИМ ДОВЕРЯТЬ**.

Из евреев я еще забыл прекрасного Шейна и Флексера. Их торговля и так называемое их «засилье» есть просто их талантливость. Как только мы перестанем быть напуганными ими, так они перестанут нас пугать. Не надо этого. Это суеверие и глупость, идущая собственно от «креста» и его суеверий. «Нянюшка напугала» и с тех пор «боится и взрослый». Но и «нянюшкины сказки» не всегда правдивы, а главное, взрослый должен быть благоразумнее своей нянюшки.

Евреи суть гениальны в деньгах, и это — дай им Бог. Они концентрируют национальные богатства, и это и самим нациям не приносит ничего, кроме пользы, «так» — хуже бы промотали. Но они вовсе не склонны и не тяготеют к «уносу чужого богатства, как обыкновенно думают», — к «выжиманию соков из нации»: они «уходят» лишь тогда, когда их «гонят»: и было бы странно, если бы «не уносили своего имущества». Но **НИКОГДА** не уходят и **НИКУДА** не уходят, если им «живется хорошо». А чтобы «жилось им хорошо» — это они просто «заслужили». И пусть «живется им хорошо» — это просто, человечно и справедливо.

О евреях и «жиде» наговорено тучи мрака. По мне, именно, «жид» хорош, жид и «жиденок». Мальчишки их, девчонки их — удивительны. Сколько милого доверия в глазках. Доверия даже и тогда, когда вокруг их волки, о которых они не подозревают. Я совершенно верю, что «о семени их благословятся все народы», т. е. «все народы» будут жить гораздо счастливее, если

оставят дикую вражду «именно к жидам», а взглянут ясно им в глаза, протянут им руку и скажут: «Здравствуй, нация, вечно рождающая Бога и, кажется, Богом и рожденная».

Господь с ними: и да будет сон им на ночь крепок. (В ночь на 12 января, утро брезжит в окно. Татьянин день, имянинница в дому.)

* * *

СВЯЗЬ ВЕЩЕЙ

Бог-ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ, если он не дал хлеба МНЕ одному, пусть только мне и ДЕТЯМ моим одним, не есть ДЛЯ МЕНЯ Вседержитель: потому что, кто дал жизнь — озаботится и прокормлением. Ибо не напрасно и не для умирания дана жизнь. Видите ли, — вот он БОГ, КОТОРЫЙ если дал ЧРЕВО женщине, чтобы родить, — дал и груди, чтобы ВЫКОРМИТЬ ребенка. Но ты дал скопчество заповедью и тем всего показал себя. Скопцы не плодятся, не множатся. Они отсутствуют или «слушают тебя», как Мария-скопчиха, в противоположность хлопотливой, доброй, благой Марфе. О, Марфа, Марфа — ты учительница. Но доскажу о БОГЕ, КОТОРЫЙ ЕСТЬ. Вот солнышко, давшее всем сущим чрево, сотворило и агрикультуру: дабы было — труженику-человеку хлебец — прокормиться. Из солнца нельзя объяснить земледелия, а из труда земледельца объясняется солнышко: это оно подносит молоко усталому. И вот ВЕРА ПАХАРЯ: — она и есть вера в СОЛНЦЕ... В солнце, а не в Христа. Который воистину пришел для городов .. Пришел для толп, для цивилизации, для истории. А не для смирения деревенского.

15 января 1918 г

* * *

«ЭОС»

Вот восходит заря, древняя «Эос»... Розовеет, розовеет...

Нет...

Бессильно.

Знаете ли вы, что все «Эос» умерли, когда родился Христос.

Страшное заключается в том, что мир *действительно* как-то умер, природа уже перестала быть так прекрасною с «рождением Христа». Что за тайна? Но тайна есть: что звезды не так уже светят, мир не так горит, что все ухудшилось, действительно ухудшилось с рождением Христа.

Точно приняло колючку от венца Его. И заболело, и застрадало. И это страдание не хорошее. Вот в чем тайна, что оно не хорошо. Пришел какой-то гной в мир и заразил все. Вот! вот! О, это самая страшная тайна. Что такое? Я не понимаю. Но зори уже не так горят.

О, о, о... Плачьте люди, плачьте и сокрушайтесь о рождении Христа.

Он *не соединил* Небо и землю (как думают). Он именно их разъединил. И когда пошла «наука», то это уже не древняя наука, все понимающая и о всем любующаяся, но «наука с гнойною колючкою», где все воняет и бессмысленно.

Вот! вот! вот! Померк самый смысл человеческий. И с тех пор стали у нас «духовные академии». Университет пробует поправиться, освободиться. Но уже не может.

3 февраля 1918 г.

* * *

ПЕЧАЛЬ

Чтобы мир был уравновешен, кроме
Радости-Бога,
Бога зорь и лучей, и музыки, и света...
Цветов и упоений...

Запахов и танцев,

Кем-то вещим, кто есть Первый и Окончательный

Уже до сотворения мира был заготовлен.

Ибо только в будущей и вечной жизни настает момент вечности, когда его обнимает Бог. И покажется все одно уж Божественно.

Бог печали.

Это Христос.

Он пришел поздно.

Почему он пришел так поздно? Никто не разгадывал. Никто даже не задумывался, не спрашивал.

«Содом и Гоморра» были раньше, и «для исправления грехов» можно бы уже тогда явиться или — по-богословски, уже тогда «долженствовало бы».

Но нет. Тогда цвел Авраам... и было вовсе не до того.

Зори играли. Зори.

Зори и Лота, и Сары, и Агари, и фараонов...

Он пришел, когда отцвела Греция, погиб Египет. Даже Рим отцвел...

Когда вообще стало в мире скучно.

Когда в истории шел дождь...

И умер. И, конечно же, воскрес. И мы поверили в него.

Поверили в уготованную для мира печаль...

Который проповедал все нищих и убогих...

И Лазарь «на гноище». Соделан от рождения уже таким человеком, как Иов в час, когда Бог предал его во власть Дьявола.

Указание... Христос же от начала сделал со всем человечеством то, что Дьявол соделал с ним, когда Бог отступился от него.

И вот мы поверили в этого Бога ужасов и страданий .
Мучений и мученичества...
Чего же дивимся мы, что так мучимся...
И что болезни увеличились.
И все полно гноя.

5 февраля 1918 г

* * *

НЯНЯ

ЕСТЬ солнышко... и выросла у меня МОРКОВКА.
И вырос овес для моей ЛОШАДКИ.
И вот — агрикультура.

.....
Пашем, работаем. И так хорошо, что не надо бы ЦАРСТВ.
С солнцем и плугом так хорошо, что и царей не надо.
.....
.....

И навонял человек: солнышко же родило ветер, и вонь человеческая, ребячья, разнеслась ветром, и ее как не стало.

«Было и не было».

И всякий грех человеческий — был и не был.

Солнышко сушит. Солнышко светит. От солнышка нет заразы. И верно, что оно «имя», которое «руководит человеком».

Страшная мысль приходит, что человек, наоборот, «руководит Христом».

Собрались соборы: и вот «руководство к Христу».

Пошли «разделились церкви» и еще «три руководства к Христу».

Враждуют, ссорятся и все «руководя по Христу».

Войны и убийства. И все научая, как «понимать Христа».

Чего больше: не будь «изобретения букв», и ничего бы не было «рассказано»: и Христос угас бы, «родился» или «не родился».

Так что если бы его «не вынянчило человечество», то явно — «не стало бы и христианства».

Ведь так? Это — простое «так», как лошадь и овес.

Так что выходит, что Солнце есть няня у человека, а человек есть няня у Христа.

И вот как же не выговорить, что «человечество роди́ Христа» («Свет человеческий»), тогда как о человеке сказано, что все они «сынами Божиими нарекутся».

6 II 1918

* * *

ПСЕВДОМЕССИЯ

САМООЩУЩЕНИЕ каждого человека показывает, что «он» не был мессией.

Какой человек без печали?

Что же вы говорите, что «ляжет овца возле тигра», когда все «христианское человечество», — и только одно «христианское», калечит друг друга, полное безумий и неслыханных яростей?

Порох. Пушки. Мелинит. Слишком явны признаки Антихриста. А знаков Христа — ни одного.

Ни одного. Уныние. Страх. Страх всего доброго, кроткого. Лукавство и «мерзость запустения на месте святом».

Какое святое место не оскорблено? Где святыни? Где святые? Где праведники? Они «умерли»... Ах, все «святое умерло», и Вселенная обратилась в живодерню. «Истинные знали, что Мессия уже пришел ХХ веков назад».

6 II 1918

* * *

Февраль 1918 г.

Или мир потухнет, или я жив и воскрес. Слушай, читатель. Неужели я не понимаю, или читатель притворяется и не понимает, что, собственно, *всякий уже храм или церковь есть собственность народа, ходящего по улице, и всякий трактир есть собственность людей, желающих отдохнуть и поесть* И всякое государство, отечество есть коммуна, а налог есть «реквизиция» чужого имущества и капитала. И уже даже более: *всякая торговля есть «передача владения на вещь, мною сделанную, в чужую и безразличную собственность — кого угодно»*. Что, таким образом, самый «капитал» и «буржуа», «фабриканты» и «торговцы» освещены сверху, как крыши храмов поутру, какою-то таинственной, неодолимою и очевидно всемирною «социализациею». И — освещены именно в деятельнейшие свои моменты, в моменты излития из них энергии, силы и сущности. Но отчего везде ад сейчас и проклятия, — гибель и исступление? В чем дело и почему не наступает рай? Да потому что все не кончено, все только начато. Потому что всякая баба, пришедшая торговать с лотка яблоками, хватает жадно и еще жаднее прячет в карман пятак, даваемый ей гимназистом; и всякий мужик, привезший на базар творог и сметану, зажимает в кулак полученный «рубль» в свою новую «собственность», на место его прежней «собственности», уже «сторгованной»; что у меня отнимается «мое» и не дается «не мое», что сосед кричит: «Ты — *не ты*», а сам о себе говорит: «Я — *только я*». И мир гибнет как прежде в обиде и оскорблении, в позоре, ругательствах и разорении. Не прежнее, а хуже прежнего. Между тем дело должно было или не начинаться, или оно должно было окончиться. Нет и не-

возможен социализм без коммунизма. Социализм без коммунизма и есть я «в страшной опасности необеспеченности детей», или — «все дети, домохозяйства, труженики должны быть вполне обеспечены». Теперь: это измерение должно пойти по пути храма или по пути трактира. Пошло дело по пути трактира с 8-ми часового рабочего дня, обеспеченного штыками «дружественных солдат», по которому рабочие ударились в *лень* и *эгоизм*, а солдаты в убийства и саморасправу. Все прошло вне молитвы и все ушло в проклятие. Все провалилось в отчаяние, потому что издыхает в голоде. В пример всей России, рабочие, как начавшие все движение, должны были, наоборот, начать работать по 14-ти часов, — работать как пчелки в улье, до упаду, до истощения, но уже работать не из-под кнута и голода, а с радостью как пчелки, с молитвою как пчелки, с гимнами и всяким художеством целой цивилизации, как липового душистого меда или как поля гречихи. Вот указание, канон и молитва революции, если бы она хотела пойти как храм. Но эра безбожия, неистовства и матерьялизма всей науки сплывала ее в путь кабака и трактира. Но этого могло и не быть. И революция могла бы и не быть похоронами цивилизации. Торговка яблоками могла бы привозить их не сотнею, а тысячею, и раскатывала бы их все перед гимназистами, которые бы брали у нее все даром как дети, как отроки. Все должно было начаться с молитвы, гимна и танца, в липовых лесах и полях гречихи, среди общего благословения, труда и счастья. Прежде всего должны быть отменены деньги, монетная система. Должно быть все коммунизировано, все — «общее», как есть только «общие храмы» и «общие молитвы». Тогда пусть и «мои книги» — будут «общая собственность», ибо я «обеспечен за детей». Но все — с радостью. Как ведь радость же есть и бал, и вечеринка, тоже «общие». Дело заключается в том, что должно пылать все небо социализмом, должны быть все — «социальны», а не «мужик отпрапляться с творогом на базар» и покупать жене «шелковый платок», а моя больная жена оставаться без лечения. Должны быть не крупинки социализма, не кусочки его. И тогда — вайи и пальмы, тогда — религия и Новый Иерусалим. Но тогда только, — когда не станет черной работы и белой работы, не станет унижения, а одна слава. Когда мы все наденем венцы и пойдем в наш общий дорогой храм, всемирный храм, — проработав 14-ть часов, ища работы, радуясь ей — потому что «в работе моей все счастливы» как я сам счастлив «в общей работе», которая мне и моему роду и поколению есть общая охрана и защита, и обеспечение.

* * *

1 апреля 1918 г.

ПЕРЕХОЖУ В ЕВРЕЙСТВО

Еврейский молитвенник у меня на столе; и я заметил и все стряхиваю, — как мне неприятно (и несколько страшно), когда крупка (махорка) попадает на его раскрытые страницы. Стряхиваю. И не хочу даже, чтобы какой-либо листок, рукопись — закрывала его.

По всему вероятно я перейду в еврейство (помешает только лень) (но, *став евреем*, — я уже обязан не лениться: нация вечной эрекции). Но из всего хода моих мыслей, с 1898 г. и несколько ранее, — это должно было последовать: в сущности, я вовсе не христианин и никогда им не был. Два человека, не знавшие друг друга, сказали мне: «На вас крещение *будто не подействовало*». Да. Вовсе. Сказали это Рцы, около 1906 г., и Флоренский — в 1918 г., — оба с большой задумчивостью и удивлением. Собственно я *бывал* настолько христианином, насколько *с ним совпадает и еврейство*, насколько само христианство вышло «от корня Иуды». Но везде, где начинается расхождение, я даже и минуты не колебался становиться на сторону евреев. Эти жестокие детоубийцы, эти кровавые детоубийцы — всегда мерзили моей душе. Это равнодушие к детоубийству «при таком обилии богословия» — да будет оно проклято и вечно проклято.

Собственно детоубийство в христианстве есть ноумен моего оставления этой веры и перехода в еврейство. Поразительно, что даже Паскаль и Достоевский, люди совершенно чистые, даже не замечали, как будто его вовсе не было, тогда как Доминик Доминикович Кучинен сказал мне раньше напечатания книги «О понимании»: «Скормила свиньям на заднем дворе», — т. е. девушка, родив ребенка. Я захолодел. Потом разные случаи я наблюдал. И никогда в христианстве не поднималось страха перед детоубийством. «Что невинный ребенок должен быть убит — это так естественно». Священники и статские советники — все говорят одно. И не пошевелилась даже Екатерина, имевшая незаконным Бобринского. Одна добрая матушка Елизавета Павловна Бутягина, мать красавцев-семинаристов, говаривала: «Я всегда подаю нищим мальчикам, когда они просят, потому что я не знаю, не *сын ли он моего сына*». Она была очень добрая, милая и ограниченная женщина. Но и она мысленно и внутренне не возражала, что «если ребенок незаконный — куда же он может пойти, кроме нищенства».

От Екатерины до Елизаветы Павловны Бутягиной — расстояние большое. Значит, весь христианский мир.

А так кричат о Бейлисе. «Поднялся весь христианский мир». До некоторой степени вся Европа. Значит — весь христианский мир, да и конечно же *весь*, «приобщается крови детей». Извиняюсь, что вышла обмолвка: «приобщается» в смысле «присоединяется», «одобряет», «не протестует», а не в смысле «пьет кровь». Но ведь немножко и «пьет кровь», как не скажешь.

Я далеко залетел от еврейского молитвенника. Но сейчас же приведу слова, которые давно знал, но попались они еще раз — на днях:

«Молитва за роженицу

Кто благословлял отцов наших Авраама, Исаака и Иакова, тот да благословит роженицу (имя рек) и сына, рожденного ею в добрый час (и дочь, рожденную ею в добрый час, да

наречется ей имя во Израиле — имя рек). Так как муж ее дал обет благотворения, то в воздаяние за это да вырастит он новорожденного (новорожденную) для (о мальчике — для Торы) брака и добрых дел и произнесений Аминь»

Да, так об этом молитвеннике: христиане совершенно не имеют понятия о евреях, и их законодательство «о людях Моисеева закона», как будто это и не «религия», а только «Моисеев закон», «какой-то *обрядовый закон*», без всякого *решительного в себе содержания*, — уже самой формулировкой дела показывает, какие бездны непонимания таятся у христиан в отношении евреев; перед тусклым косноязычием нашего богословия — молитвенник этот представляет такие гимны восторгов, такое умиление, такой непрерывный указ души и особенно — чистоту души, такое постоянное обращение к Богу, именно всеми помыслами, всеми силами, всеми скорбями, что я не знаю, с чем же сравнить это благородство... Сравнительно с пресловутым «Отче», этою «2x2=4» молитвы, выразившим, до чего он был чужд молитвенного экстаза и равнодушен к Богу, — да даже и сравнительно с Псалмами Давида, скажем (я как будто уже перешел, и в эту минуту перехожу в еврейство) «Отца нашего», скажем «царя нашего», — эта сумма вдохновения и мысли еврейских «старцев» — превосходит и Библию, и книгу Иова, и только не превосходит Тору как уже Все... Я это же мог бы сказать и о Талмуде, книге столь нарекаемой, первое же прикосновение к которому как бы очищает, как бы смывает все с него нареkania. Сколько раз я останавливался при моих чтениях «на сон грядущий» с мыслью: «Господи, да тут *все христианство*», т. е. я хочу сказать, что *все лучшее в христианстве*, все умиленное и трогательное в нем содержится в этих мнениях старцев. Когда, помню, я получил от доброго Переферковича трактат равви Ионафана «Авот», — получил в ред. «Нов. Вр.», то, позевывая (журнальная усталость), открыл его: и меня прямо залили лучи религиозного света, лучи молитвенного света, — как и при рассматривании египетских атласов. Кто из нас не любит молитвы? Господи: молитва — суть мира. И вот и в «Авоте», и в атласах я увидел: ах, так вот *по-настоящему как молятся*. Да, это уже не «трактатец о религии». По существу вся вера есть молитва, и всякая вера есть молитва; а еще же более по существу: Господи, да хоть одно дыхание мое смеет ли, может ли быть чем-нибудь как обращением к Тебе, вздохом о Тебе и «вот все — Твое». Господи: да что же такое «жить», как не «молиться». Но я опять сбиваюсь, забываюсь. Даже непонятно: как могут жить нерелигиозные люди. И мелькает насмешка: это только христианство действительно, «поставив разорение на крыле храма» — отучило людей от молитвы.

Ох, устал, изнеможенность. Да и 62 года. Только открыв Талмуд, и вот трактат этого милого «равви Ионафана», — открываешь, что же такое настоящее устремление души к Богу. Наши богословия обилием вод своих, обилием водянистости своей, скрывают от нас, какая это вообще есть че-

пуха, эти богословия. На самом деле «вера» есть «лицо к лицу», — «лице к Лицу» и «Лице к лицу», — т. е. молитва и — ни слова дальше. Ни слова в сторону, вбок и назад. Ни слова даже и вперед. Оттого обрезание так просто, безгласно, безразговорно. И в мечте оно есть точка и универз. Обрезание есть действительно секунда, в то же время облегчающая Вселенную и включающая в себя все миры. Оно есть ☉. Как солнце и его система. И не без основания можно сказать, что все миры и Вселенная целая устроены по методу обрезания. Вернемся. Религия и есть просто обрезание, т. е. высшая преданность души источнику всякого рождения, у себя, во-первых, и «по себе» уже у целого Универзуса. Но раньше и проще — просто у себя. Посему «верить в Бога» есть в то же время верить просто «в себя». Отсюда: гениальный и вечный нигилизм еврея. В сущности он просто живет и только живет. Делает и только делает. Но в то же время он помнит и знает, что «все делает о Боге и в Боге», и как это совпадает с «я» в силу родильности существа дела — то он совершенно не знает и ему не следует знать, не должно, очи его закрыты на это: верит ли он «в себя» или «в Бога». Здесь происходит чудное совмещение «я» и «универза», и это так и *есть*, ибо от человека сокрыта и даже вообще это есть неведомо, не совпадает ли каждое «я» с центром Вселенной. Ведь и свод небесный — необозрим; беспределен, нигде не кончится. А посему «я», мое «я» — я совершенно вправе считать за центр Вселенной. Да так это — и *есть*. Раз я «стою», а Вселенная — неисчерпаема и ей конца нет: но не совершенно ли очевидно, что каждая в ней точка есть в то же время и центр Вселенной. И что: Вселенная бесконечна, это просто = тому, что всякая точка в ней моментально может быть принята за центр, но есть и на самом деле ее центр. Отсюда: нет в мире мелочных и больших вещей, и мы все собственно боги и в то же время Бог Един. Таким образом происходит совмещение Бога с человеком, а человека с Богом, и это — не фраза, а только то знаю — весь мир свят, и нет темного в мире, нет, так сказать, в нем отсутствия, а только — присутствие в полноте. Что такое «мир». Бытие. А небытия — нет. Но «я» есть «я»: и как «бытие» бессмертен, безначален и вообще совмещаю «бытие Божие».

Нет, тут бы не было «бытия Божия»: но ведь это другая фраза, чем что «я — Бог».

И в тайне обрезания, в его ноуменальной точке, это содержится. Таким образом, «обрезание» есть действительно «все и сновидение»: и страшное, что Аврааму открылось и отчего он затрепетал, и заключается в том, что, «обрезавшись Богу», он в то же самое время «обрезался только себе». «И настал мрак. И напал великий ужас на душу его». Этот «ужас» есть: «все точки в одной точке». Мир столь же мал, сколь велик. Есть «туманности». Что такое «туманность». Сквозь ее видны звезды, и в то же время она «занимает все небо». Т. е. она «есть» и вместе ее «нет». Как же это, что же это? Сон и действительность. Действительность сонна, сонлива, а сны — реализуются. И мир есть и одной личности — «одно воображение». Но,

с другой стороны — ничего вообще и не осуществляется в космосе, кроме воображений.

Так и сказано: «Быть нет». И стал вечер, и стало утро — день первый. «Вечер» назван раньше: п. ч., собственно, это есть «воображение», сон, сонливость. Все — «воображена»: да, но что-то и есть, однако было, только...

Устал, совсем устал. Желаю чаю.

10 марта 1918 г.

P. S. Обрезание совпадает с осью мира, насколько мир произошел, образовался, рожден, а — не *есть*. Если бы он был — *есть*, и символ был бы другой и всеожидание с религиею было бы другое. Но мир именно — произошел, а не *есть*, и выражением этого служит то, что и до сего «все вещи в движении», они как будто «все брошены», т. е. именно — рождены, сотворены. «Кто бросил планеты во вращения»: загадка, не разгадываемая в астрономии и о которой астроном даже странным образом не задумывается. Между тем этот неразрешимый в астрономии вопрос разгадывается через обрезание, потребованное у Авраама Богом: вот как и главное — вот *откуда* произошел мир; и что это так — свидетельства его все отсюда же будете производить. Это же будет заключаться в том, что и вы все «дальше будете производить все».

Таким образом, загадка жизни, загадка самого *времени*, заключенная здесь же. Если бы было «есть», не было бы обрезания, миры бы не двигались, все бы стояло, время бы не текло. Мир был бы со стеклянными глазами и невидящ. А как он «рожден», то он «смотрит» и с вечным «завтра».

Ох, устал, устал — и уж окончательно «не могу».

* * *

Пасха 1918 г.

<22 апреля, 5 мая нового стиля>

ПЫЛЬ

— Давно ли существует ПРИРОДА?

— О, очень давно: раньше Троянской войны. Во всяком случае, раньше, чем приходил Аттила и разрушил Рим.

— Не замечаете ли вы одного чуда в ней?

— Нет. Для позитивизма нет никакого чуда. «Опыт, опыт и опыт». «Опыт и наблюдение».

— В таком случае через «наблюдение» вы должны были обратить внимание на то, что в ней нигде нет «пыли».

— Пыли??? Что такое — я не понимаю.

— Нет. Ведь все, что «уже очень давно» — покрывается пылью. Природа существует очень давно, как вы справедливо говорите — «раньше Аттилы». Но на ней нигде нет пыли.

— Не понимаю. Хоть убейте, не понимаю.

— Как же не понять: что «очень давно» — запыляется, дает из себя пыль, которая оседает на всех вещах. Если, напр., вы прожили зиму в одной квартире и вот выбираетесь «на дачу» из нее: то сколько же после вас пыли? А вы только одну зиму прожили, и это — только вы с семейством. Сколько же в природе существует семейств и сколько «зим» она пережила — и все-таки вот «все бы кончилось», человечество перелетело бы на новую планету, эту в своем роде окончательную «дачу». И вот оно поднимается, улетает: и после него на планете, на сей оставляемой квартире, — не осталось бы все-таки ни малейшей *пыли*.

— Ну, потому что шли дожди? Какая же пыль, если дожди?

— Я не о том, потому что самые дожди входят в чудо... Разве это не чудо, что Бог устроил в виде дождя какую-то непрерывную прачку для своего дорогого человека...

Да, для своего дорогого человека — и это-то и есть центральное чудо, что человек кому-то дорог, кто сильнее и неизмеримее человека. И вот дал ему прачку, судомойку — в виде дождя, облаков и вообще — всякие приспособления, и вот он «переходит в другую квартиру», сам Бог плачет. что за такие грехи — в «другую квартиру». Но что составляет тайну: волшебство, не отмеченное вашими «наблюдениями», то это то, что от времен Аттилы — до наших последних времен, человек столько жил, столько ср... и никакой нечистоты, запаха, и, как я говорю, вообще «пыли» он после себя не оставляет. Мне кажется это чудом из чудес, и, ей-ей, таким оно остается, только помолиться Богу.

Боже милостивый и Вседержитель! Вот Ты изгоняешь меня из сего рая, который кажется *землею*, в какое-то новое странствование, междупланетное странствование... И уходя и оглядываясь — я не вижу той пыли, какая остается при всяком переселении на новую квартиру... И вот Отче и Вседержитель: не подобало ли бы Тебе еще немного потерпеть грехи мои, потому что хотя я и <?> щедротами Твоими — то именно все-таки не оставив даже пыли. Господи. но я так уже прилепился к этой старой квартире и к Азии Твоей, и к Европе — глупой тоже, и к этой неинтересной Америке, в которую плыл, однако, чудодейственный Колумб, но она, эта Америка, не нажила ничего интересного, именно — оттого что вся — какая-то новенькая, и ее точно столяры делали, а не то чтобы в ней основательно пожили люди. И вот ты, Боже, видишь, что чем старее человек, тем он интереснее становится, а все новенькое поистине неинтересно.

Но тогда, Боже, оставь меня на этой старой земле, еще состариться, еще сделаться интереснее. Я не стану более каверзничать, убиваться и убивать, не стану забывать Тебя... А буду вечно молиться и петь чудные псалмы царя Давида Тебе, и вообще ступать по стезям Твоим.

Единственному подлинному Твоему... по стезям.

* * *

Апрель <1918>

PRIMUM MOVENS¹

Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы...
Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы...

О пойте песни народы. .

Знаете ли вы, люди, что настоящий восторг всегда нем.

.....
Ах, так вот отчего эта безумная быстрота в обращении светил небесных... Оттого, что *немы* они и движутся...

«Тихо, беззвучно несутся миры».

.....
Разве танец бывает криклив?

Танец. Волшебство. Все тело движется, несется.

Восторг теснит грудь.

.....
Боже, да не есть ли «движение планет около солнца» таинственное их соитие с солнцем? И оно все держит их «в тяжести», как самец самку под собою. И обмывает светом и жаром?

Ах, так вот разгадка: свет его столь явно органический, не механический; и жар его столь явно есть животный жар, а «не от накаленного булыжника».

Ах, так вот откуда у египтян, *как и на всем Востоке*, но заимствованно от Египта, солнце изображалось «крылатым»... А у египтян: «по сторонам два уреуса», т. е. символы фаллов. Как и внутри его, *в теле солнечном*, содержится пылающий уреус-фалл.

Как понятно солнце у египтян. И непонятно оно у астрономов.

* * *

В Москве, 12 мая 1918 г.

VENUS

Без Венеры нет благочестья.

Без Венеры нет и жизни, общежития.

Без Венеры людям остается только «гражданский строй».

¹ Первая причина (*лат*)

* * *

В Москве, 12 мая 1918 г.

ХРЯЩЕВЫЕ РЫБЫ

Хрящевые рыбы вкуснее, чем костистые. Осетр. Стерлядь. Притом — это самая древняя на земле порода рыб. Так что по «в начале бе слово» Бог создал только одних хрящевых, костистых же вовсе не создавал.

Истаяние костистых в хрящевые... это «retour»¹ судьбы и истории, — и есть декадентство...

В стихе вдруг появилась нежность. Не Некрасов, а Бальмонт; не Писарев, а Андрей Белый. Появился Блок.

Еще что же? Религия. «Были только мы сотворены Богом». Писарев Богом сотворен не был.

Музыка. Звон. Другие напевы.

~

Переделка позитивного человека в декадента есть самое замечательное, что я пережил, или зрителем чего Бог дал мне быть. Это — перелом, и он не меньше, чем от католичества к реформации. Ибо в нем содержатся эмбрионы всевозможных новых зачатков. «Древо жизни вторично расцвело». Мне Бог дал увидеть всю вторую $1/2$ позитивизма (гимназическая пора, ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЯРКО и чрезвычайно СОЗНАТЕЛЬНО мною пережитая, с 3-го класса Симбирской гимназии) и также увидеть и ощутить в себе самом и первую половину декадентства. В которое мы в сущности только входим... Прибой волн которого мы только начинаем слышать.

* * *

12 мая 1918 г., в Москве

«ЗА ГРЕХИ МИРА...»

Он и умер за «грехи мира»: но — *какие?*

Уж Он никак не умер за «богатых» («богатый юноша»).

И — за пунктуальность в законе («законники и фарисеи»).

И — за молитвенников: «Как бы в самом деле мне не умереть за фарисея».

.....
.....

¹ «возвращение» (фр)

Нет, Он умер очень «с выбором». Огляделся, осмотрелся, и — сбросив червяков с Себя — уже потом вздохнул и умер. «Талифá кúми»... «Почтó Ты меня оставил, Отче?»

* * *

1 июня 1918 г.

МЕЖДУ...

Между Торою и Апокалипсисом Евангелие расплющивается совсем в ледящую книжку.

А судьба его именно и определяется тем, что оно МЕЖДУ...

Втиснуто, стиснуто.

«И дам ему звезду утреннюю...

.....
...И ни днем ни ночью не имеют покоя, взывая «Свят! Свят! Свят!!»

.....
Побеждающему дам вкушать сокровенную манну. И дам ему белый камень. И на камне написано новое имя, которого *никто не знает, кроме того, кто его получает..* »

Это совсем не то, что «притча о талантах» и «утиших бурю» и хотя бы что «насытил пятью хлебами пять тысяч народа»... Все обыкновенно прозаично и мещански, и даже чудеса и рас-чудеса.

Но *это это* . Чувствуется ноумен слова и мысли. И мы падаем пораженные: «Бог. Бог. Бог».

«Я увидел Бога и испугался». «Как бы мне не умереть».

Вот этого испуга перед Богом мы в Евангелии не чувствуем Я не чувствую.

Гораздо возможнее, *рациональнее* «напитать пятью хлебами пять тысяч народа», нежели «выговорить одно такое слово. Ибо тут мы чувствуем *душу, не обнимаемую миром, а обнимающую мир*. И неволен трепет: «Это — *Вседержитель*»... В Евангелии мы нигде не чувствуем, что это превосходит планету и историю.

«И ангел, подняв руку к небу, поклялся живущим во веки веков, что *времени уже больше не будет* . »

Чудо. Ноумен. Вседержитель.

* * *

3 июня 1918 г.

ВЯЛЕНЬКАЯ

Евангелие не только не имеет ничего общего с Библией, но представляет до такой степени **разрушение всей Библии**, ее духа, ее вдохновения, ее «пророчеств», ее ВСЕГО СМЫСЛА: что тут совершенно нечего выбирать, нечего избирать, нечего дополнять и «амплифицировать», вообще — «приспо-

соблюдать одно к другому» (смысл всего «богословия», всего «богословствования»), а нужно просто или «выкинуть всего Моисея», всего Авраама, всей Халдеи: и — не просто — «выкинуть», а бить палками Моисея, бить всех пророков, этого «Ишуа» (Исайя), Иеремии, Экклезиаста. Бить, оплевать, да «оплевать именно в рожу», и намеренно «попасть в самый глазок»...

Или, или... не смеем что сказать. Ужасно. Нужно *никогда не раскрывать Библии*: или уж если раз раскрыта Библия — никогда не нужно читать Евангелия... Никогда, никогда, никогда. Никогда этих «нагорных проповедей» и этих лицемерий в притчах.

Все от Христа — холодно. Нигде — пламени. Он весь — вялый. «Хочешь ли, мы сведем огонь с небеси, чтобы попалить это селение, которое Тебя не приняло». — «Вы не знаете, *какого вы духа*». Апостолы же, по наивности души, были еще «духа» библейского, горячего. Но «вялый Христос» остановил их. «Вы все отныне должны делать вяло». Ничего — пламенно. Ничего. Я — вяленький и вяленый, и мы — победим мир. О, это уже не Синай трясущийся. И не эти трубы Апокалипсиса.

Это будет вся логика богословия. И это будет великая «Начал читать», «Господь Иисус Христос» (дурь с заглавиями его: «Начал читать»). ...Я — вяленький. Туберкулезистый. Мир — кончается. Мир вообще — кончился. Не надо мира. О, не надо огонь. Мир — тухнет. И только солнце — о, оно отчаяние, вечно горит. Но ведь именно Его-то погасить.

— Я и пришел. Ночь. Тишина. Небытие и могила.

* * *

24 июня <1918>

НАЧАЛО ЭРЫ

«Историк» — это всегда и неодолимо за далью веков, за сокрытием частностей и подробностей, за сокрытием настоящих мотивов — есть старец Гомер, у которого глаза слезятся, который видит плохо и который видит воображением и умом, а вовсе не вещественными глазами, древнюю действительность. Как певец «деревянного коня» действительно видел падение Трои.

Пал Приамов город святой,
Жертвой пепла стал.

И вот, если «спеть так» о начале «христианской эры», то может ли быть хотя минута колебания о том, что именно «Христос» был тем, о кого разбился Иерусалим, с кого «прекратились пророки» и «мерзость запустения достала меч свой», с нею прекратилась в Христе «ежедневная жертва», и вообще началось все, предреченное пророком Даниилом.

1 гл. пророка Даниила.

И говорит слова Христа и пророка Дан.

25 июня 1918 г.

СОКРОВИЩЕ СМирЕННЫХ

СИРОТЫ ли люди? Если признавать, что «настоящий человек» есть только Сократ, Платон и Аристотель, Конфуций и Будда, Александр Великий и его Буцефал, то ведь ЧТО же и КУДА пойдут другие? Т. е. «пойдут», когда от них останутся одни пелены смерти. Нет; конечно, — о, нет! Благо Провидение и о всех печется оно. И вот, воззря на луковку, египтяне первые в нескончаемом милосердии своем выговорили...

Но я более, чем «луковице» — удивился картофелю. Был у нас в голодный 1918 год наполнен сундук картофелем. И все время, всю зиму, мы брали его и варили похлебку. И не знали того, что «варили похлебку» из «тел и душ» картофеля, умерщвляя, «вываривая душу», и, так сказать, в секунду же умерщвления, т. е. *полуживого*, переводя его в живой желудок свой, и питаюсь живым от полуживого. Но — не ТРУПОМ питаюсь, — о, нет!!

Что: «о, нет!» — это я узнал в марте, когда открыл крышку сундука, увидел разительное явление: «сада в сундуке». Именно, я вдруг увидел в полуящике сундука (уже много изведено, съедено):

Травка выбежала в поле...

Какое же «поле», о Боже... Сундук. Могила. Буквально — погреб, хуже погреба. Ни — теплоты, ни — света. Тень, могила, — о, слишком могила. И так вот в один день, открыв по слову жены: «возьми тридцать картошек для супа и снеси в кухню», я увидел, что «все тридцать картошек» начали «воскресать». Изумлению моему не было предела. Я вдруг понял, что «картошка» есть на самом деле «гроб», «темница», но «с будущей жизнью», заключенною там. И тогда впервые, — о, впервые я понял знаменитое и великое учение Египта, что «всякий умерший становится Озирисом». Это есть серьезное учение, которого, однако, не понимают самые серьезные ученые¹. В руки усопшего египтяне вкладывали свиток-папирус с «Книгою мертвых», текст которой начинался словами: «Я, Озирис (*имя рек, т. е. умерший*) (вставлялось в заготавливаемые, т. е. как бы казенные, официальные списки, нарочно оставляемое пустым небольшое местечко — подлинным именем умершего, личным и фамильным)...» И т. д. Между тем хорошо очень известно, что такое «Озирис»: это просто — «глазок», «Провидение», «зерно».

В сущности — *начаток, зачаток*. Но я не досказал, что же я увидел: из почти каждой картошинки, и маленькой и большой, из очень многих, торчали беленькие жгутики, длиннейшие — уже в вершок длины, покорооче — в наперсток длины, еще короче — в горошинку, а то и только чуть-чуть. «Чуть-

¹ Помню, как на напоминание мною его проф. Тураеву (наш знаменитый египтолог) — он в ответ безмолвно пожал плечами.

чуть» — совсем «глазок». Только прорвало кожицу картошины и выглядывает именно «глазком». *Куда выглядывает?* Да «в тот свет». Не размышляй я давно об одном правиле евреев и не разгадай его наконец во всем бездонном смысле и глубине, я, может быть, не понял бы и «полей Элисейских», раскрывшихся мне из-под поднятой крышки сундука. Именно, все знают правило евреев или, вернее, их мудрых раввинов, по коему если жених невесты умирает, то, так сказать, вдовствующая невеста-девушка не может выйти замуж ни за кого, кроме как за брата умершего жениха. Заметьте: не за дядю, что бы довольно естественно, и не за двоюродного брата, что, казалось бы, «все равно», — раз нужно только «*вообще* восстановить семья брата», а именно и непременно — *за родного брата его*, т. е. *в ком от тех же родителей бежит почти та же параллельная кровь* и, следовательно, вытечет *параллельное семья*. Тут именно — единокровность и *обще-«семенность»* у состава всех четырех. Но в чем закон, принцип и *sacrum*¹? Тут-то и потрясает тайна. *Sacrum* его лежит вовсе не в «плодовитости» и «умершего брата», а в другом: *именно* эта девушка, эта невеста уже возбудила собою желание его детородного органа... и вот, слушайте! слушайте! — что он «сам умер» — это еще ничего не значит, он мог умереть от случайной причины, мог быть убит, и, вообще, мог умереть несколько *не состарившись* и *не износившись*, *не одряхлев*. Да и вообще — что «он умер», ничего не значит: *его орган продолжает жить и загробно как и при-жизненно желать того же самого*, т. е. *по-именно* обладать невестою-девушкою, раз уже избранною, «*понравившеюся*». Так. обр., тайная мысль евреев заключается в том, что половой орган умершего сохраняет жизнь и все свои желания и за гробом: что это так — тому полное подтверждение в том, что, между тем как у христиан под «мертво»-рожденными младенцами не производится, конечно, крещения, у евреев (не потрясает ли?!!!) производится над трупом младенца, вышедшего из утробы матери бездыханным, *полное и по всем правилам, со всеми подробностями, обрезание*, до заключительной молитвы: «и да введешь невесту свою в *хуппу* (спальня, «брачный чертог», собственно «шатер»). Невеста, конечно созревшая девушка, дожидается иногда жениха, если он еще не зрел. И вот тут-то и входит ограничительное правило, заставившее меня размышлять, или, вернее истине, заставившее меня воскликнуть: «Да это — Кант!» Дело в том, что обязательство невесты выйти непременно за брата *покойника* прекращается и обрывается, если брат не имел хотя бы одного дыхания, общего с покойным женихом ее. Т. е. если он еще не вышел *из утробы матери*. Это-то и кассирует гипотезу «левиратного брака» соображением необходимости «оставить потомство брату умершему». Почему же я воскликнул: «Это — Кант». По выражению Талмуда, где я прочел об ограничении: потому что тогда *покойник-жених* и *брат его* «живут не в одном мире»... Почему «не в одном мире»... Хотя бы «один глоток воздуха», но — *тот же самый*. . Хотя бы одно дыхание, но — *общее*... Нет такого глотка воздуха,

¹ священное (лат)

нет *общего дыхания* — и фаллы разъединены, не касаемы, и «завещание совокупления» не может быть передано!!! Чудо. Чудное учение! Мистерия египетская. И вот я поднял крышку над картофелем...

Элизиум. Поле тлеющих костей:

О, поле, поле! Кто тебя
Усеял мертвыми костями,

поет Еруслан в «Руслане и Людмиле», выехав на брошенное поле, когда-то совершившейся здесь битвы. Также и я взглянул и испугался: я понял, что *в этот миг, в эту ночь и в ближайшие все ночи* — картофель на самом деле умирал; из полной свежести (выходя) он *начал гнить*. «Картофель стал портиться». И, в самом деле, беря картошку с таким усиком из него — подавив чуть-чуть пальцем, я ощущал неприятную, зловещую *мяклость*... Теперь я перехожу к луку, луковичным растениям, луковицам, что, бесспорно, наблюдал уже каждый. Пока «съедобный лук» лежит на кухне в корзине, он на самом деле «жив», «живехонек», и, можно сказать, только от того не танцует по ночам, что у него нет ног. Но вот — к весне непременно, а иногда и зимою уже — из него вдруг показывается одна, две, три зеленых стрелочки. Зеленые стрелочки:

Травка выбежала в поле. .

И снова корзина с луком — Элизиум.

О поле, поле! Кто тебя
Усеял мертвыми костями.

По мере того как и параллельно картошина или луковица начинают «мякнуть» и «портиться», т. е. по мере того как они начинают умирать, — они дают жизнь зачатку, ростку извне себя («левиратный брак» евреев и, по всему правдоподобию, и египтян). «Дети», «будущая жизнь», «следующее поколение». Во всяком случае — «завтра» истории. Завтра, а не «сегодня» земли, бытия, Космоса. В Талмуде записано, кажется: «потому что брат этот уже с ним (умершим) не в одном мире». Кантовское тут и есть собственно: «мир есть мое представление» (у евреев параллельно и в то же время обратно: «Мое дыхание», «моя жизнь», «мой фалл и жизнь моего фалла») (обречение).

«Вечный дом» бытия, расслояющиеся на «вчера» и «завтра». И вот тогда понятны, тогда впервые понятны становятся такие потрясающие, как это, изображения египтян:

(фаллическая фигура покойника с оплакивающей его женою)

Тогда и только тогда, теперь и только теперь, совершенно понятно, что «и сироты не умирают, что Провидение и Судьба — всех объемлет; ибо «в будущую-то жизнь» переходит именно Озирис, он же «зерно», он же «плод», он же Вечность и фалл; что вовсе не «совести» и не «души» минуя гроб обходят его в «вечность», а — ростки, фаллы, вульвы. Что же они там совершают? Присущее им. Что «присущее»? Что — и при жизни. Ах, так вот откуда «наслаждение совокупления» есть «что-то нездешнее», и превосходит меру полноты — всякого счастья. И — что «из совокупления рождается». Что «из совокупления рождается» — это, таким образом, впервые разгадывается из того, что уже в 13 или даже в 11 лет человек, юноша и девушка, начинают «мякнуть», как луковица и картофель, и *в меру начинающейся у них мяклости* «хотят», соединяются, и выкидывают из себя «завтра» себя, «завтра» бытия своего, которое есть просто «завтра» МОЕГО «Я» («леви-ратный брак» в связи с кантовским: «МИР весь есть только одно МОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ», и с обратной передачей опять на юдаизм и на Египет). Таким образом, весь круг осени и весны, круг весенних и осенних «Элевзиний», круг «Вакха» и «Персефоны» объясняется. Это есть на самом деле круг «совокупления как смерти! и — смерти как совокупления! Достижения, действительного достижения — полного, ясного, живого и телесного бессмертия, «загробного жития»...

— Покажи же нам, писатель, «радугу», как было показано Нюю в залог, что «второго потопа не будет».

Но весь мир, читатель, и *времена года*, его слагающие: ведь ЕСТЕСТВЕННО-НО-то было бы совершенно быть идентичными, сходными, сходно-характерными, сходно-призрачными НАЧАЛУ лета и КОНЦУ... Но как они похожи музыкой и чарами и волшебством и снами на «пелены колыбели» и «пелены смерти». Весь «мир» значит, весь «космос» по весне и осени есть «колыбель» и «гроб»... А значит — и Бог.

И «в Боге» мы рождаемся.

«В Боге» же мы и умираем. Радуетесь ли, читатель. Подо мною же стул танцует, и я сижу только потому, что дописываю.

Потому — что вывожу эти строки «дописываю». Благословен наш Вечный Господь и Его Святое Имя.

* * *

25 июня 1918

МУЗЫКА

Музыка... Музыка... Музыка...

Музыка... Музыка... Музыка...

Разве не слышите, что все небо музыкально...

И тихий звон струн отделяется от солнечных лучей.

НЕЖНОСТЬ.

* * *

ЕВРЕЙ И ЕГО ЛАВОЧКА

И вот прошли эти парикмахеры — греки и эти бронзовики-римляне. И ничего не сохранилось от их звону и перьев. Парик Александра Македонского тоже разлетелся вдребезги.

«И нет плюмажа с пером».

И мир померк. Пришел «из Экбатана» «Товия сын Товита». Взыскал там долг. Женился на «Сараа». А женясь, естественно, открыл святую лавочку, и жили смешиваясь, оба, и Товия, и Сараа.

Молились Мылись (в микве). А когда умерли, Бог принял их души.

И спросил грек: «Где же моя душа?» Но ангелы указали только на лук, валяющийся на земле.

И спросил бронзовик: «Где же моя слава?» Ангелы указали ему на папу: «Под скуфьей».

В тот час молились маленькие дети. Они молились о Товии и Сараа.

26 июня <1918>

* * *

1 июля 1918 г.

КЛУБОК

...я не видел ни разу, но мне пришлось однажды услышать во время тяжелой ночной грозы от сестры, будто иногда в грозу вкатывается через окно или через дверь молния в виде небольшого *синего клубочка*... И что вот эти *шаровидные молнии*, очевидно, по количеству заключенной в них энергии и величине заряда в них электричества — особенно ужасающи и разрушительны. Хорошо, если такая молния выкатится вон из дома через другое окно или через ту же дверь. Но случается, она встретит какое-нибудь препятствие, встретит вообще «что-то»... Тогда со страшным ударом она разрывается и обращает в щепы утварь комнаты, мебель, а дом — воспламеняет. Все искорежено, изуродовано, сожжено или обожжено.

Ученики Христовы раз сказали: «Хочешь ли, мы сведем молнию на это селение, которое отказалось принять Тебя». Иисус же запретил им, сказав: «*Не знаете, какого вы духа...*» Он же был духа кроткого. А следовательно — по Нему и ученики. Синай: он *потрясался весь* и горел в молниях... «Молнии и громы исходили из него» и «*весь народ трясся от страха*»... Это — так. И нельзя не сказать: «Это — РЕЛИГИЯ».

Ишуа (Исаия)?.. Иеремия?.. Иезекииль — особенно — особенно... И стократно более еще этот «беснующийся» Апокалипсис, «беснующийся», конечно, не по «греху» в нем, а по этой «ужасающей Грозе Божией», в нем лежащей, «беснующийся» словесно и переносно... Вообще, тут фраза, и чи-

татель ее понимает... Я не хочу взять «греха на душу», хотя бы дерзнув подумать, что в Апокалипсисе есть грех...

Но... «кроток сердцем есмь» и «ничего не имею против «стригущего Меня»... Мне кажется, что если взять Григория Петрова, Гарнака и Фаррара, то мне кажется, что они тоже «ничего бы не имели против стригущих их». И, случись гроза, прямо повалились бы в яму. Я хочу сказать ту потрясающую, ту загадочную, ту поистине **НОУМЕНАЛЬНУЮ ИСТИНУ ИЛИ ЗАГАДКУ**, что ли, что в то же время «как голубенький клубочек» молнии явно катался в Синае, катался в горле у Ишуа, Иезекииля, Иеремии, особенно и явно катался в Апокалипсисе: что именно его вовсе и никак нет у этих вообще «стригомых»... Которых вообще можно объединить в формуле: «Ведь вы же знаете, *какого вы духа*».

Какого?

Гарнак? Григорий Петров? Фаррар?.. Да — «нашего духа», очень «обыкновенного», очень «простого». Немного унизимся и примем скорбь в себя: духа чуть-чуть «мещанского». И вот Синай, и гроза, и жидок. Только один жидок в великом смирении своем и услышал «голос с Синая». Эллин — ни, ни... Римлянин — ни, ни... Мы, русские, конечно — НИ, НИ, НИ...

Но ведь и «молитва мытаря»: «Боже, буди милостив мне грешному» — вышла тоже из жида. Дело в том, что «мытарь» — то, т. е. сборщик податей, был евреем...

Я хочу сказать ту решительно **НОУМЕНАЛЬНУЮ ВЕЩЬ**, что между учениками и таким огромным количеством учеников, между «всей суммой ученичества» (включим сюда и Толстого еще, и Владимира Черткова) и между учительством и учителями есть же, однако, связь:

водица,
электричество.

Конечно, молния как **КЛУБОК** — это слишком страшно. Это — Синай. Но нельзя не обратить внимания, что «брызг» ее, «лучик» — однако ровно такого же голубого огня и взрывчивости и существа природы горели, напр., в Паскале и, напр., в Достоевском. «Сон смешного человека», «разговор Подростка с отцом», где ему (отцу) видится древний мир... Обрезание?.. Господи: да разве «не туда же тянется рука» у Свидригайлова, у Николая Ставрогина, куда она протягивалась и у Авраама, когда он обрезывал «рабов своих по повелению Господню»? Если «персонажи романа» суть «рабы романиста», что довольно справедливо, то с этими *и с другими многими лицами* (Тришатов, напр.) Достоевский поступил совершенно как Авраам с рабами... Я забыл выговорить самое главное — что ведь этот клубок электричества — «там»...

О, конечно: страсти, огонь...

Которых так лишены Петров, Гарнак и...

«Разве вы не знаете, *какого вы духа*».

Не поразительно ли, что *ни единый из тех, кто истолковывал «клубок от Синая»*, ни Симон Праведный, ни Акиба, ни бен-Иокай, уже не походил

ни одною чертою души и характера, ни одною манерою движения («в моей походе — весь я») и также, я думаю, — лица, стрижки волос и бороды — ни на Григория Петрова, ни на Гарнака, ни на Фаррера. И опять это:

электричество,
водица.

И опять мы открываем эту потрясающую, *ноуменальную правду*, что в то время как разбежавшиеся по Вильно, по Варшаве, по Саламанке и Севильи «жидки в картузах» таинственно поддерживают, незримо поддерживают «еще неразрушенный целый Иерусалим», — Григорий Петров, Фаррар и Гарнак продолжают топтать, напротив, именно — разрушенный Иерусалим. Я хочу сказать, что между Учителем и учениками есть связь через дали веков, что «христианство, в сущности, — одно», что нет «Христос и церковь», а есть «Христоцерковь», что, таким образом, мерцающий глаз уже сквозь тьму тысячелетий проглядывал ученых из Дерпта, Берлина и Лондона, а глаз ученых совершенно неложно отгадывал рационалиста из Сирии. Что в какой-то Вечности и Предвечности они «посмотрели друг на друга», узнали и... признали друг друга.

— Для Синая несколько не нужно электричества.

— Синай, как и все горы, должен быть хорошо вымыт половыми щетками.

.....
.....
«Вышел сеятель сеять притчу...»

«И дам ему звезду утреннюю...»
.....
.....

Между этими строками, в неизмеримой черной расселине их, в «пропасти» их, в бездне их, и зажат «бедный жидок в картузе», который спрашивает:

— Где молния?

— Отчего Синай не дрожит?

— Куда все девалось? Голубой огонь, золотые ризы, — и эти стены из золота, и ворота из цельных жемчужин о Небесном Иерусалиме нам обещал НАШ МЕШЕАХ (Мессия).

— Как же может быть религия без Бога? Без грозы? Без закона? Без очищения? Без жертв?

«Пхе», — говорят Гарнак, Петров: «Религия — это просто *человечность*. В сущности — это *мы есьмы религия*... Религия — именно без Бога. Религия — это просто богословие... И некоторое пустое место, на котором когда-то были боги, играли нимфы, по крайней мере светились мифы... Но мы всю эту мифологию разобрали и обратили в воду. Тайна, вся, какая есть, заключается в том, что самого электричества, именно электричества самого, и — нет, а — есть обыкновенная вода, со своею химическою формулою.

В самом деле: на месте голубой молнии лежала горсть грязноватой водицы. «Разряд молнии соединяет кислород с водородом».

— Молния — БЫЛА, говорит еврей.

— Молнии — НИКОГДА НЕ БЫЛО, отвечают ученые.

.....
.....
В самом деле: мы все настаиваем: «Был Богочеловек»... Но ведь не та же филология здесь, как и Человекобог? Мы две тысячи лет ставили ударение на «БОГО»-... «БОГО»-человек. Может быть, настанут другие две тысячи лет, когда ударение будет ставиться на «человек»: бого-ЧЕЛОВЕК. Тогда, очевидно, Петров и Гарнак восторжествуют. И скажут: «Религия — это просто мы»... «и наши лекции о религии».

.....
.....
Явно совершенно, что преступление и УЖАС заключается в обоих формулах: БОГО-человек и бого-ЧЕЛОВЕК, т. е. в самой мысли богочеловечества, и что за «двумя тысячами лет» совершившегося христианства, «христианской истории как она есть», неодолимо и естественно и начинается эпоха «Григория Петрова», что его пошлая книжонка «По стопам Христа» на самом деле и ноуменально «ИДЕТ по стопам Христа». Что — после Христа естествен Петров. Естествен, неодолим и неустрашим...

.....
.....
ВОПЛОТИВШИЙСЯ на земле Бог.. СОШЕДШИЙ на землю Бог.. Суть-то и трагедия именно в СОШЕДШИЙ... Когда по существу дела и по существу Божескому именно спуска, сошествия именно и не могло быть, КОНЕЧНО, НИКОГДА. Спустившийся, сошедший Бог есть eo ipso НЕ-БОГ, а — H₂O, «вода». История христианства, самый «ноумен христианства», если бы он мог когда-нибудь произойти, совершиться, был бы разрушением НОУМЕНАЛЬНОСТИ ВООБЩЕ ВСЯКОЙ РЕЛИГИИ, приведением РЕЛИГИИ К НЕВОЗМОЖНОСТИ: и конечно — «христианства», «вообще христианства» — никогда не было иначе как «кажучести», как «показалось», как «книги об Иисусе», а — не самого Иисуса. Бог все-таки спас мир. Как Он и сотворил мир. Кто «сотворил» — тот «позаботится»... «Кто создал — даст пищу»... В сущности, все осталось, как было до Рожд. Христова. Играют нимфы. Есть мифы. Стоит Иерусалим... и Храм, и Карнак... и Лукзор... Но все как бы заморожено, «задернуто зимою». «Оттепель». Жизнь. И знаете ли: где доказательства, что жива жизнь?

.....
.....
Ах, НЕ ВСЕ ПОРОЧНО В МИРЕ...

«Девушка любит юношу». «Юноша любит девушку».

Порнография? Начнутся порнографические сцены? «Бегите вон». «Зажимайте глаза».

«Что ты поешь свою унылую песню, поп?» «И предрешаешь, что мир разрушен?»

Он не разрушен, а прекрасен. Мифы, мифы... «Хтонические божества»,
— *подземные...*

Травка выбежала в поле

(статуя Озириса, с леском над фаллом)

Доказательство, что Христа никогда *не было*, а было только «показалось» — лежит именно в том, что «ныне бабушка» берет младенца на руки — через 9—10—11 месяцев и говорит:

жизни — ПРИБЫЛО,

жизнь — РАСТЕТ.

«Озирис умер», и из-под него показался «еще Озирис».

Который уже именуется «Горпократ» (по-египетски) — «Горус» (по-гречески).

Сущность, что «никогда христианства не было», а «Иерусалим — цел» заключается даже НЕ В ЧУДЕ (оно — подлинно ЧУДО) невинных девушки и юноши, не в чуде НЕВИННОЙ ИХ ЛЮБВИ (оно — подлинно ЧУДО), — и не в священной, — о, священной из священнейших, — РАДОСТИ БАБУШКИ... милая бабушка и твои МОРЩИНИСТЫЕ РУКИ... эти священные ручонки... а: в ЗЕРНЕ, обыкновенном зерне овса, пшеницы, ржи, гороха...

* * *

АПОКАЛИПТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Какая разница судеб в наши дни — Толстого и Достоевского... Оба шли долго параллельно при своей жизни, оба являясь одинаково возродителями «религиозных настроений» в нашем обществе, в эпоху, казалось, совершенно атеистическую, совершенно позитивистскую, окрашенную социалистическими цветами, отливами и переливами. Оба заговорили в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века, — в укор обществу, в укор общества, — о вечных тревогах духа, о таких его потребностях, заботах и нуждах, которые никак не могли уложиться в том, что зовется «позитивизмом» и что можно «измерить, свесить и вычислить». И это сходство, этот параллелизм продолжались довольно долго, — почти до конца жизни Достоевского. В самом конце жизни Достоевского, в пору писания Толстым «Анны Карениной», Толстой оказался не только «великим писателем земли русской», но и прескучным «толстовцем», маленьким нравоучителем «в чертковском духе» на темы евангельского морализма. Достоевский стал резко расходиться с ним. Но от чего? Достоевский так быстро и неожиданно скончался в 1881 году, — от болезни совершенно случайной, отнюдь не достигнув полноты старости, что этот вопрос о мотивах их расхождения, назревавший, но не созревший, не выразился с ясностью ни в их полемике, ни в толках общества, хотя все-таки он и выразился, наметился несколько. Он заглох, затоп-

тался в обществе, глубоко взволнованном начавшимся быстро вслед за смертью Достоевского натиском революционной бури и, вместе, в сиянии толстовской славы. И вот умер Толстой, а буря разразилась. Теперь только можно спросить: да отчего два эти писателя, «равно окрашенные в религиозную окраску», — разошлись? На чем они разошлись? Теперь это ясно: один евангелик, «в чертковском духе», — скучный, томительный сектант, с узеньким кругозором, ничего решительно из предстоявших и вот разразившихся в 1914—1918 годах событий не предвидевший. Другой был апокалиптик, с страшным, с пугающим горизонтом зрения, который все эти события, и с внешней их стороны, и с внутренней, предсказал или точнее воспредчувствовал с поразительной ясностью, тревогою, страхом, но — и с надеждами...

Апокалиптик... Кто это сказал: «Проходит лик мира сего». А кто сказал это, кто в дивной формуле выразил и осветил начало всемирных потрясений, начало колебаний самой почвы под Европою, — тот предвидел не только точь-в-точь переход от жалкой буржуазной революции 1917 года в социальное потрясение конца 1917 года и 1918 года, но и кое-что гораздо дальше, гораздо глубже. О «стучащемся в двери истории четвертом сословии» он же сказал в своем «Дневнике писателя», и говорил уже давно, начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях»... «Молох», «Хрустальный дворец» Лондонской Всемирной выставки... тоска народов, отчаяние пролетариата в кольцах удава буржуазии — все это в громадных словах, в дивных чеканных формулах, есть у Достоевского. Мы забыли, мы забыли, мы забыли родную литературу. Не «поворот Маркса», а «поворот Достоевского» — вот формула 1918 года. И в заголовках газет, в эпиграфах к газетам следовало бы писать не «Пролетарии всех стран — соединяйтесь», а вот этот великий клич-тоску каторжника николаевских времен: «Проходит лик мира сего». Это — общее, это — многообещающее, это вообще неизмеримо культурнее, строже, мистичнее, правильнее, вернее.

«Проходит лик мира сего»... О, да! Вот, вот — именно *это!* Проходит вообще Европа, и Достоевский говорит ей: «Уходи». «Не надо тебя», «не надо, — мучительница человечества...» Вопреки «религии бедных», в ней обделены именно «бедные»; а Христос, сказавший: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз успокою вас», — на самом деле, когда они «подошли» — не подал им ничего, кроме камня.

Кроме своих «притчей», вот видите ли...

И кроме позументов; золота, нашивок митр пап, патриархов, митрополитов, архиереев, иереев...

Обман народов, обман самой цивилизации тем, кто ее же, эту новую европейскую цивилизацию и основал, так явен, так очевиден стал во всем XIX веке, что у Достоевского же вылилась другая содрогающая формула:

«Неудавшееся христианство»...

Формулы этой нет у Маркса. И — оттого, что Маркс — узок, а Достоевский — бесконечен. Маркс дал только формулу борьбы, а не формулу победы. Он дал «сегодня» революции, а не «завтра» уже победной революции, которая овладела городом, царствами, землей. Он дал формулу «приступа», — «пролетарии всех стран — *соединяйтесь*», — «штурмующие колонны буржуазии — *единитесь всемирно*»... Но что же дальше? За штурмом?

Победно знамена шумят ..

Но что же, что же делать *завтра*? Этого-то совершенно и не предвидел Маркс: право же, «усесться в кресла буржуазии», заняв ее квартиру, ее дом, и...

Никакого «и» нет в теориях Маркса. Он не только узок, он — бесконечно узок. Завтра должна начаться «жизнь». Но Маркс молчит, нем. Он вовсе не умен, этот Маркс, потому что он даже не задался вопросом о том, как же будут жить «победившие пролетарие»; из чего, какими душевными сторонами они начнут построить очевидно новую свою цивилизацию...

А «построить» ее, очевидно, нужно. Формула Маркса: «Пролетарии всех стран» и прочее — стара и устарела уже теперь, и она устарела с победных криков октября 1918 <1917> года.

Культура...

Достоевский был бесконечно культурный человек, потому что он был бесконечно психологический человек. Наоборот, Маркс был исключительно экономический человек, и в культуре просто ничего не понимал. Он был гениален экономически, но культурно туп: и потому, что он был несколько не психологичен.

За «вчерашним днем Маркса» уже сегодня наступил «день Достоевского» «В груди стеснило» у нашей революции, и «стеснило» потому, что всякая история дышит «в *завтра*».

Без «завтрашнего дня» нет истории. Революция вдруг *внутренно остановилась*, затопталась на одном месте: она психологически затопталась и от этого всячески затопталась. Пока старый буржуй, старикашка буржуй не сгребет ее в охапку и не скажет: «Вы видите, весь свет видит, что без *меня* — ничего не поделаешь».

Нужно открыть «завтрашний день» революции; или, точнее, «завтрашний день» *после* «революции».

Между тем в содрогающей формуле апокалиптика-Достоевского и содержится это «завтра» после «революции». Что такое «неудавшееся христианство»? «Неудавшееся христианство» только и значит, что оно «было» и что теперь его «нет».

Нужно — *расти*. А христианство — *против роста*. Вся «история христианства» или «так называемая история христианства» произошла извращенно, искаженно, — по той простой причине, что *иначе*, нежели в искаже-

ниях и извращениях, ей и невозможно было *совершиться, быть* Все христианство деминуентно, — если можно так выразиться, а нужно же это выразить, эту главную его мысль, самую главную. Оно построено на принципах начала «минимум», а не начала «максимум»... «Меньше, меньше, меньше» — и тогда ты «христианин». Как только «больше» — и ты *вышел* из христианства.

Поразительно, что этого никто не заметил. Но это — *так* Все «реформы» христианства, все его «идеалы», все «возвраты к первоначальному», «истинному» христианству — состояли в попытках деминуентности. Реформа Франциска Ассизского? Это был «Апостол *нищеты*». Но «нищета», — что же такое нищета? Это nihil¹ имущества. «Раздай твое имущество и будь *нищим*». Кто же не помнит беседы Христа с «богатым юношею». Реформа папы Григория VII Гильдебрандта? Это — католический целибат. «*Семьи* вовсе не нужно иметь священнику». «Богатый и Лазарь» — кто не помнит этой притчи Спасителя? Но что такое «Лазарь»? Это — окончательно *деминуентный человек*, со всем покончивший, все отбросивший. «Сижу на *гноище*». Вот именно на *гноище* усадил Христос человека и усадил самую историю человеческую, указав неоспоримо и твердо идеалом «Лазарево житие».

«И кто любит отца и мать больше Меня — несть Меня достоин», «и кто любит жену и детей — несть Меня достоин». «И кто любит *дома свои*» — тоже. А нам говорят о «любви Христовой»... о «любви Христовой *к человеку*». Странно, что столько читая Евангелие — никто не догадался о его смысле. Он *отнял*, наоборот, все, что радует человека; и не что-либо «дурное» в радовавшем отнял: а именно «хорошее» — то и отнял. Не сказал Он: «если *дурной дом*», «если *дурной отец*», «*дурная мать*», «*худые дети*». Он сказал *вообще*, — как *родовое* понятие. Да что же такое слова о скопчестве, и опять же этот Лазарь, и опять же нравоучение богатому юноше? Родовое отрицание, отрицание *самых вещей* бытия человеческого и утешения человеческого до того выразительно у Христа, что спорить об этом не приходится.

И, наконец, Голгофою, Он все утвердил, все завершил. «Поступите и *вы так*». Потянулась серия христианских мучеников, христианского мученичества... Лезли к китайцам, к людоедам, — в сущности, чтобы их «изжарили и съели». Да. Да. Да. Твердо это говорю — ибо мученичество человечества составляло самую тайную мысль Спасителя или «так называемого» Спасителя.

Деминуентно.

И с этой точки зрения все понятно. Без этой же точки зрения в Евангелии ничего нельзя понять. Совершенно и ничего.

Но как же расти истории? «Рассвет христианства» и бывал всегда во *вспышках*... но только едино «вспышках» то «нищенства», то «мученичества», то, наконец, инквизиции. Христиане, наконец, сами себя начали жечь, — жечь «еретиков», жечь философов, мудрецов... Джиордано Бруно. Кальвин сжег своего друга Сервета, — единственно за то, что он был «libertin», —

¹ никакого (лат.).

человек свободного (вообще) образа жизни и нестесненной жизни. А он был друг его!

Да и ясно: «Ныне я *победил мир*», — сказал Христос в прощальной беседе со своими учениками, перед распятием. Именно — распятием — то, *примером* его, Он и надеялся уже *окончательно* «победить мир». Но «мир» выскочил в историю, постоянно *калеча и искажая* христианство. Вся «история» «есть перекалеченное христианство», как христианство есть попытка убить историю. Суть истории есть *negatio*, отрицание христианства. Всякий смысл, всякая поэзия, всякая философия была «отрицанием Христа». «Кто философствует — несть Меня достоин»: это — как и о браке, и о детях. «Не худые дети — худы», но «нужно, чтобы было *скопчество*».

И в сущности — это началось с Вифлеема. «Бессеменное зачатие». Вот где тайна, узел и Голгофы. В сущности, Вифлеем виден из Голгофы, как Голгофа родилась из Вифлеема. Оба конца соединены и гармоничны. Смерть — бессеменность. Бессеменность, проколебавшись чем-то призрачно «33 года», — должна была как-то испариться, рассеяться.

Вот о каких ужасах проговорилась обмолвка Достоевского. Вдруг — странно всем запомнившаяся, — запомнившаяся на десятилетия... Да и понятно. Этою обмолвкой, имеющею смысл: «конец христианства», «христианству приходит конец», Достоевский незримо-неведомо и для себя начал третью эру, «апокалиптическую». Социализм или тупо кончится ничем, или он действительно окончится «белыми одеждами» великих радостей, несказанных восторгов, — несением «пальм» к источникам Древа Жизни и схождениям на землю «Нового Иерусалима», «Небесного Иерусалима». Дело в том, что самый-то «социализм» и «марксизм» — подготовительны и предварительны.

Шел в комнату, вошел в *другую*

Разрушение царств, разрушение вообще Европы, пугающее, да и страшное на самом деле, — окончится в пугающих чертах своих, как только с «завтра» и «послезавтра» революции, этих рушащихся тронов и вообще этого *лома* благосостояний, имущественностей и всего сплетения ткани так называемой «неудавшейся *христианской цивилизации*» — начнутся зори, первые зори третьей эры, последней эры Всемирной истории.

6 июля <1918 г >

* * *

26 июля 1918 г.

БОГАТСТВО

«...Вся СДОБЬ земная (сдобный, удобный, хороший) ушла куда-то в пески, — в расселины скал, в неровности почвы, когда ПРЕЖДЕ, ПРЕЖДЕ, ПРЕЖДЕ всего появилось это безумное оклеветание богатства человечес-

кого... В учении евангельском никогда не обращается внимания на богатство, на «много» и даже на «множество». Что это значит против «Лилий полевых», черт бы их побрал, в конце концов, эти «полевые лилии», до того они дорого обошлись несчастному человечеству, в такую цену ему вскочили, так ободрали с него всю шкуру и затронули самую его душу, измученную, доверчивую... Ибо за «лилиями полевыми» полезли и эти «Лазари завидущие», и эти Лазари ленивые, бездеятельные, скулящие и, в сущности, по ночам ворующие, а вовсе по ночам не занимающиеся какими-то добродетелями. Боже и Отче: до чего евангельский идеал отошел от райского, до чего он во всех подробностях, во всех частностях уже ему противоположен... О, как хочется вслушаться всем сердцем, всем помышлением своим, именно рыдательным-то после Евангелия и скопчества его помышлением во всякий оттенок и тон этого «произрастания земли и земного».

И сказал Бог: да произрастит земля зелень...»

(Рисунок Озириса с леском над фаллом.)

— О, зелень, зелень: плачьте народы — зелень.

«Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию своему...»

Сейчас же организация, сейчас же связь, «дети и родители» и травы, ничего одинокого, ничего монастырского.

«И дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод...»

О, о, о... Вот, вот, вот... Это уже не Апостолы, скучных двенадцать, и все двенадцать холостые.

«Приносящее по роду его плод, в котором семя его на земле».

С какою радостью Библия точно пользуется всяким случаем произнести еще раз, выговорить еще раз слово «плод», «семя», «ход», «дети».

«И стало — так».

Господи — так. О, — ТАК, ТАК, ТАК.

«И произвела земля зелень, траву, сеющую семы по роду и по подобию ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его.

И увидел Бог, что хорошо».

О, Блаженный... Ты Сам блажен и вот — все есть благо, что Ты даешь...

«И был вечер, и было утро: день третий.

.....

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую...»

О, ничего — без души... И это только в психологиях учится, в наших обезьяновидных психологиях, будто «*cogito ergo sum*»¹ и что «только у размышляющего человека, у одного, есть душа»...

«И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся...»

¹ «мыслю, следовательно существую» (лат.).

И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполните воды в морях.

И сказал Бог: сотворим человека...

Из Едема вытекла река для орошения рая, и потом разделялась на четыре реки. Имя одной — Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото.

И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс...»

И вот. Авраам, — прекрасный как и Адам до согрешения: ибо его избрал Бог.. Особо от всех людей избрал.

Как сказано о кончине его:

«И скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью».

Но раньше, раньше: забежим в строки:

«И взял Авраам еще жену Хеттуру. Она родила ему Зимрана, Иокшана, Медана, Мадяна, Ишбака и Шуаха»...

Как все полно, веско, полноплодно. Много, много, — о, и из множайше... Тайна мира, тайна «благости» мира и лежит в «множайте»... Искусив «скупыми» добродетелями человека, начиная от скопчества, она именно через эти скупые добродетели и повлекла его, и вовлекла его во все уже последующие несчастья. . Невозможно человеку «неудобному» без «сдобы» чувствовать себя как «хорошо»: и начались обвинения других, обвинения соседей, обвинения всех — «почему же мне жить не хорошо». В основе зла, всякого зла, лежит: «Мне жить не хорошо». Началась знаменитая европейская демократия: «Будь так же нищ, как и я», «так же несчастен, как и я», «так же болен, как и я». Началось равнение к низу, а не равнение к верху.

В тайне: «Ах, если бы ты был так же болен, как я». Не «здравствуй», а «будь калекой»... И это египетское приветствие: «Жизнь, здоровье, сила», как и еврейский неперменный шепот при виде каждой освещенной хижины, и христианской: «Благословен Бог, сотворивший свет», — читаются европейцем, нет — европейцем и христианином, навыворот: «смерть и боль» и «не надо никакого света», «не верю ни в какого Бога».

* * *

28 июля 1918 г

ВИФЛЕЕМСКАЯ НОЧЬ

У кого благословенна жена — тот счастлив.

У кого неблагословенна жена — тот несчастлив.

Вот в эту-то петельку двери человеческой, закрывающей судьбу его счастья и несчастья, и капнул Христос серною кислотой у Матфея в 19 главе.

Все стало нудно. Все стало трудно. Везде скрипит у христиан. Ни — затворить. Ни — отворить.

Спасибо за «благоволение в человецех» и Вифлеемскую ночь.

* * *

30 июля 1918 г. (когда увидел на базаре *первый* «новый картофель». Розовый и огромными кругляками)

МИР

...цел, здоров... Божие Милосердие!

...цел, здоров... Божие Милосердие!

.....

Гимны!!.. Гимны!..

Музыканты, играйте!..

.....

Мы не калеки.

Мы не убоги

.....

Мы не слепые...

.....

Боже, где же конец Твоему Милосердию.

.....

Я не ползаю...

Я не плетусь...

Я, напротив, — прыгаю...

Вот, вот — подпрыгнул. Смотрите!

Скачу. Ловите. Не изловите!

.....

.....

Все — фалл. Благословенный фалл...

Отец наш.

И Venus... Мать наша. Благословенная вульва.

.....

Играйте же, играйте, струны последним напряжением.

Если вы не разорветесь, струны, я разорву вас...

Мне 63 года. И вот я как ягненок.

Как молодой баранчик. Знаете ли, знаете ли, что это не «Он умер за грехи мира», а я умираю и хочу умереть от восторга сердца, что вижу вас всех людей не хромающими, не ползающими, не горбатыми... А как я же, двукопытный теленок, полный бляения и с ртом, наполненным вымени моей матери.

* * *

1 августа 1918 г.

ЗА ТЕНЯМИ ВЕЧЕРА

Если у тебя выпадет, дружок, — $\frac{1}{4}$ часа «удобные», будь на эти $\frac{1}{4}$ часа полным эгоистом. Собери эгоизм свой во всю силу. Знаю — «семья», «дом» и надобно еще «побегать». Но... ты не беги «еще»... Птичка летала. «Птичка устала». И ты суетился. И уже весь день. Сядь.

Ты тоже «я». И — как семья. Как дом. Не меньше.

Выбери стул понезаметнее. И место понезаметнее. Где тебя не увидели бы ни пробегающие дети, ни проходящая жена.

Тени вечера все гуще. И спрячься за тенями вечера.

И — ни О ЧЕМ не думай. Только дыши. Так это хорошо раскрытой грудью.

Закуришь папиросу (огонек спрячь).

И подыши только.

Хорошо.

Другу — читателю.

* * *

3 августа 1918 г.

ВОЗРАСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Если бы через ткани христианской цивилизации во всех направлениях провести разрезы плоскостью:

через нервы ее,
через кожу ее,
через костный мозг...
через мускулы...
через сердце...
дыхание...
самые вздохи...
тоску, грусть...

И спросить:

в каком она возрасте?

То ответили бы:

от 45 до 51.

И ей-ей: это старо. Для возраста планеты это еще старо.

Смотрите сосны и дубы, и баобабы.

И как играет еще дельфин в озерах зоологических садов.

Не говоря о море. Таким лазурном. И всегда лазурны еще небеса.

* * *

4 августа 1918 г.

ГОЛИАФ И ДАВИД

Я взял маленькое зернышко...
Пшеничное. Мягкое.
И раздробил им Голгофу и Христа.
Хотя они железные.

~

Я взял пахучесть половых органов...
Полевой фиалки...
И погасил мирру и ладан всех лампад мира.

~

И там, где было море слез, теперь улыбка...

~

Гимны, гимны...
Радости... Радости...
Музыканты, играйте...

* * *

5 авг. 1918 г.

МОРЕ

Через трудное море переплывал я...
Унижения. Оплевания.
Но воды его были теплые. И грели. И я не устал.

* * *

5 августа 1918 г.

НЕУДАВШЕЕСЯ ХРИСТИАНСТВО

Зернышко. Зернышко — прорастай сквозь Голгофу...
Зернышко, Зернышко, прорастай сквозь Голгофу...
Зернышко, Зернышко, прорастай сквозь Голгофу.

~

Да была Голгофа. И «Спасителю нашему» казалось, что Он хорошо укрепил ее терновым венцом и Каиафою и двумя разбойниками, и «отречением Петра».

Воистину *«проклято* человечество и *благословен* его *новый бог*». Отсюда будут считать по-новому «от Рождества Христова». А то что там такое *«от сотворения мира»*.

Но в твердыне Голгофы была маленькая щелочка. В каменной кладке ее все-таки оказалась скважина, в которую спрятался последний брак. И Он предусмотрел, чтобы он был вонюч (Матф. 19).

Но он вышел «беззаконный», но «счастливый».

И вот это «зернышко» — так и расколело все.

* * *

9 августа 1918 г.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небес и земли недостаточно, чтобы вписать все о совокуплениях (которое ведь и создало небо и землю).

КОНДРАТИЙ СЕЛИВАНОВ

«Всякий человек по смерти становится Озирисом».

Люди — тени.

И даже история — собрание теней.

Вся и всякая история — собрание теней.

Остается вечною только жизнь.

То есть

Зачаток.

То есть

Росток.

То есть

Фалл.

Для этого-то, чтобы догадаться, египтяне прожили пять тысяч лет.

«Сколько прошло от Троянской войны до Наполеона».

И силою и верою чего воздвигли пирамиды.

Конусы. Фаллы быков.

И более их человекообразные обелиски.

И Аммона — барана, голова коего имеет форму человеческого фалла.

~

Бога они утопили в солнце.

А солнце растворили в человеке.

После 15 августа 1918 г.

ТАЙНА

Еще о «семени»

Производительный орган ПОТОМСТВЕННО оставляет «вид и подобие» свое на произведенных им существах: и вот, состоя в секунды извержения семени из «пещеристых пустот», наполняемых артериальной кровью, он соделывает «клеточными» все существа, им рождаемые. Отсюда — «клеточка», «пузырек», наполненный *содержанием* — как состав всех тканей. Вообще — прерывистость, замкнутость; пунктир, а не прямая линия как суть живых тканей. Особое бессеменное существо, о котором мы все рассуждаем, как будто не имел этой «клеточности», «пузыревидности», прерывистости строения, а был весь «СПЛОШЬ», как вот кожа, до которой дотронулось каленое железо. Отсюда — «без греха». Грех — перерыв правды. Это — тоже «пещеристое тело», наполняемое кровью; «пунктир» нравственного миропорядка. Затем — семья. Что она такое, как не «клеточка» социального строя; как опять же не «пещеристое тело», наполняемое кровью. Весь мир, вся космогония — отражает ВИД своего СТРОИТЕЛЯ; и что по «коническим линиям» движутся (небесные) тела, т. е. по сечениям бычачьего фалла — это само собою разумеется, это — *потомственно*; по традиции, по генерации. Весь мир в сущности фалличен и вульвичен. Однажды, когда принесли мне очередным том энциклопедии Брокгауза и Ефрона, с буквою Л, и я стал рассматривать, на табличке, ЛИСТ древесный, вообще растительный, — я был поражен собственно преобразованными, даже немножко «через край» и немножко «недостаточными» — изображениями фалла и вульвы, только — их, одних — их. Это было разительно. Я весь был потрясен, испуган. Вообще я поражаюсь, как люди не напуганы сложениями мира; что в мире ничто не стоит, а все движется и что, явно значит, мир в каждой частице своей и вместе во всем объеме жив. «Само» — «движущееся» — это и есть единственный признак жизни. Между тем странно и поразительно, что люди считают мир именно мертвым, воображая, что несколько оживляет его их философия и их искусство. «Картинка» — а, это великолепия! Философская мысль о мире — еще большее великолепие. И вот стараются Гегель и Спенсер. Между тем и на самом деле человек только *предстерегает* мир; *наблюдает* его: вот как Давид — «лань, пьющую воду», чтобы — запеть свой *псалом*. Певческое начало человека — единственная философия, какая ему нужна.

«Мир самодвижется». «Ни одна вещь — не стоит». Страх объемлет мою душу, бросает меня со стула, конечно — бросает на колени: и вот я *молюсь*, не зная — *миру* ли молюсь или — его *Создателю*.

Угрюмо тот, который «без порока» и «умер» — отходит в сторону. ибо Он, один Он без семени и значит НИЧЕГО. Оттого и самая ТЕНЬ простояла только 33 года.

* * *

24 авг. 1918 г.

Большевики... Большевизм... А позвольте, с 1863 года и даже с 25 декабря 1825 г., когда «бысть рождение нашего гражданства», когда великие тени Карамзина — Жуковского, со «звездами» на боку и крестами на шее — отошли в Элизиум, то разве с этого времени не началось постоянное, уже ни однажды не задерживаемое, ни однажды не останавливаемое, никогда решительно не одолеваемое — торжество большевизма над умеренными, и непрерывные победы большевиков, только большевиков, всегда большевиков. Одних и без исключения всегда большевиков.

Их этого дня был родитель: на «чертово болото», изображаемое собою Щедриным, — набежал хрущевой поросенок Demetrio Pisareff.

Казалось бы, поросенку утонуть в болоте. Как бы не так. Только в неизмеримости своей уступили поросенку, спрятались от поросенка; не знало, что делать с поросенком. Demetri написал «Цветы невинного юмора». Имея вид Брута — он воскорбел и уличил Щедрина, что «тот занимается глупостями, вместо того чтобы популяризировать «жизнь животных» Брема. Что же произошло. Писарев скоро ушел: но Щедрин, уже задыхаясь в старости, никак не мог избыть боли и страдания, нанесенного ему Писаревым. В подагре, седой, старый, весь больной — он все припоминал гражданский укор Писарева, и все оправдывался, почему он гражданственно писал о губернаторах, а не зоологически писал о Бремe.

Почему «гг. Ташкентцы» выходило у него злее, чем «о рассеченной губе зайцев и кроликов».

Можно было заметить: пощадите, Михаил, хоть зайцев. А то вы всю дичь утопите в своем болоте.

* * *

Бывает, что много фасадов, а теплоты нет. И может случиться, что весь дом в фасадах, а жить негде. Так, между прочим, случилось с наукою и науками. «Жить негде мысли», хоть мир полон книгами, ученостью.

Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» и «Epistolae virorum obscurorum» перегнул на другую сторону все научное здание Европы: но он уже *слишком* перегнул. «Мелочь средневековья», «суеверия средневековья», — по коим, однако, мы можем узнать что-то в *самом средневековье*, заменилось странными пустотами, *отсутствием вообще всякой содержательности*, взглядывая на которое мы вообще ничего и ни о ком не можем узнать. Наука потеряла мысль; мысль вообще. «Мировой холодок» превратился здесь именно в ледяное «пусто». Пустыня. Пустой дом. Как это случилось?

Между прекрасными (прекраснейшими) философскими понятиями есть два, созданные: одно — в очень древнее время, а другое — в наше время. Одно принадлежит Аристотелю, другое принадлежит Канту. Начнем с последнего. Кант, желая выразить, что *предметы* мира, встречаясь с нашим умом, подчиняются *схематизму* этого ума, *схематизму восприятия*, *схематизму суждения*, *схематизму категорий этого суждения*, через это самое подчинение дают *не предметное знание мира* а лишь это *схематизированное*. Лично мне кажется, что едва ли бы Бог захотел шутить такую шутку над миром и человеком, особенно над человеком, сыном своим и любимцем своим, чтобы все знание последнего являлось попросту «враньем» — ну, «божественным враньем». Странно это было бы и в отношении *мира*: *зачем скрывать его от человека?* Особенно, когда вообще-то он *прекрасен?* Не предполагая злого и особенно несмешливого мира, поэтому я думаю, что Кант здесь «переменчил», а что на самом деле и просто *схемы ума и восприятия человеческого отвечают вполне точно и реально образу мира*. Но это — мое мнение, за которым я оставляю ту мысль Канта, что существует какая-то *подлинная сущность мира*, может быть и не совпадающая с нашей судимостью о мире; какие-то подлинные «das Ding an und für sich», вещи «*в себе и для себя*»

Мысль Аристотеля довольно близка к этой. Он выразил, что *все вещи и каждая в отдельности* существуют, когда для них даны: *causa efficiens*, «причина образующая» и *causa materialis*, «причина материальная», *causa formalis*, «причина формальная» и *causa finalis* — цель. Все вещи «из чего-нибудь», «почему-нибудь», «для чего-нибудь» и пороки «под каким-либо воздействием».

Кант назвал вещи «в самих себе», до видения их человеком, *ноуменами*.

Это какие-то *сгустки* мира; темное, неразумное. Теперь я перебрасываюсь к Эразму Роттердамскому и преобразованию им наук: мне что-то кажется, произошло с прекрасным изобретением Гуттенберга, по коему КНИГИ, от этого насмешливого отношения к себе Эразма Роттердамского, потеряли в себе *ноумены*. И образовалась феноменальная ученость и образованность без ноуменальной образованности и учености. «Феномен» — это то, что «кажется» человеку под схематизмом его восприятия и категорий его суждения.

«Кажется», что науки *есть* и образованность тоже *есть*: а «на самом деле» наук и образованности вовсе нет. Они только «кажутся». «Видимость», «феномен» их — *есть*; *подлинного* ничего нет.

Ну, как можно было восторжествовать великим торжеством уму гениальному при замечательных *decouvertes* Чарльза Дарвина, по коему в природе вообще нет «смысла», «разума». Плакать бы нужно; залиться горькими слезами. Но для слез никакой причины не было: мир с первого же раза, с первого же глаза, представляет собою такую *красоту*, такую *глубокую целесообразность*, «он так *полон мыслью* от былинки до звезды, что можно сказать, от «*теории Дарвина*» остается один «переплет» и мог быть вопрос о том, «в какой переплет» переплестать эту пошлость, а не о том, чтобы читать их, разжевывать и пережевывать. Их просто «нет»,

— этих книг *без* НОУМЕНА. Человек ничего здесь не узнал, ни до чего здесь не дополз.

Точно так же знаменитая «Цивилизация в Англии» Генри Томаса Бокля... И также великое множество книг без «ноумена». И эти книги, наконец, вытянулись в «науки *без* ноумена». Перебрасываемся к Аристотелю: *causa efficiens* есть, *causa formalis*, *causa materialis* — есть. Но никакой нет *causa finalis*, ни — этих книг, ни самих даже наук.

* * *

28 авг. 1918 г.

Скромнее! Скромнее! — человек. Со скромности начинается *культура* (*colo, colui, cultum, colere*). Но последнее выражение скромности — *поцеловать руку у другого*. Итак, вот где эврика: где *мировая* эврика: чтобы развить в себе инстинкт — целовать у другого руку.

Суть не в рыцаре, а в оруженосце. Человек — оруженосец Божий. О, человек: носи вечно оружие Божие. Бог служит человеку. А человек служит Богу. Но тайна в том, что Бог служит человеку более, чем человек Богу. И в этом главное-то их неравенство. Тайна мира, громадная Тайна мира — что Бог уничижен перед человеком. А человек — нахал.

Мне же всегда хотелось облизывать человека. В глубоком рабстве перед человеком я всегда видел главное свое достоинство.

* * *

2 сент. 1918 г.

«Елины, во Христа креститесь...» Самый сатанизм, самое «дыхание дракона» и заключено в бессеменном зачатии как «деловое разрушение семьи» — у Матфея в 19-й. Там дан ноумен, здесь — феноменология. Как в обрезании, хотя обрезался Авраам и только евреи, но на самом деле обрезалась природа, все животные, растения, и для еврея не было уже линнеевского «*plant'a*», «растение», а «дерево, *сеющее семя* по роду его», и трава, «сеющая семя по роду ее», и также в Талмуде «самчик» и «самка», — и все это сладко стало еврею (и миру), потому что в паху, потому что с потом, потому что с ноздрями: так же точно, но только совершенно наыворот в «елины во Христа *креститесь*, во Христа *облекостесь*», таинственно вся природа «окрестилась» же, окрестились цветы, деревья, леса, рощи, потеряв все языческий и натуральный дух свой, запах свой, даже свою до некоторой степени форму: все уже оводнялось, напухло водою, обескровилось. И ныне коровы никак не пахнут, а только «хозяйственно дают молоко». Пошли Darwin'овские зайцы, соперничающие по длине ног и силе бега с волками, и вообще «борьба за существование» уже замелькала из «во Иордане крестящиеся». Человек увидел *species*, «вид». Открылось «познание», и никто не хочет запаха. «И откроются *очи ваши*, и вы познаете добро и зло»; а «Бога — забудете» (Змий — Еве). В «крещении», так. образом, «обезбожилась природа», обездушилась; вышел дух из нее, и фиалка ни-

как не пахнет, с Darwin'a ничего не понимает, кроме своих соплей. Ничего и люди не понимают, и зачем у них нос — неизвестно. Нос и ноздри, тянущие запах, пот <...>

«— Елины, во Христа креститесь. Во Христа облекостесь. А-ли-лу-ия».

О чем ты тянешь стон протяжный,
Какую навеваешь былль?

— ты крестишься во имя Христово, который обращает тебя в нищего, запрещает тебе, роком заповедным и магическим, в сем крещении вот начинающий действовать, быть богатым, мудрым, свободным: и всю жизнь горбиться, быть гонимым за правду от людей, которые заранее все обозваны почему-то несправедливыми.

И вообще — нести крест муки на земле: чтобы потом по смерти — в муку огненную.

Ад. Ад. Ад. Учение об Аде насаждено Христом. И когда мы видим на церковных стенах «изображение Змия и мучающихся в кольцах его грешников, с закушенными языками, — варящихся в смоляных котлах», то это и есть именно ЕГО ХРИСТОВА КОНЦЕПЦИЯ всех «облеченных через крещение в его учение людей».

Ну, что же. Он знал. Он знает.

Ах, так вот Он... избавитель мира... Кто «искупил мир от греха, проклятия и смерти».

Огонек адский, конечно. Он знал уже до сотворения мира.

Но сотворивший был человеком невинным, чистым.

«И был змей мудрейшим из всех зверей, и сказал Еве: «Подлинно ли с древа запрещено... вкушать».

Из Апокалипсиса:

Конец: жена в муках рождает.

Дракон Апокалипсиса: «Стал перед женою и готов проглотить дите» — последние слова о скопчестве. И — слова Христа о скопчестве.

* * *

5 сентября 1918 г.

Христос провонял семью человеческую. А с этим провонял и рай. От бессеменного зачатия и до Голгофы — одна мысль. Одна и та же. Одно влечение. Одно устремление.

... «и жена, имуща во чреве — хотя родити младенца».

И вот — красный дракон: стал перед нею (в устье...), хотя поглотити младенца (Апокалипсис. XII).

Бедные, бедные мы не знаем, что причащаемся кровью и плотью Дракона.

8 сентября 1918 г.

Мир есть несомненно семя. «Что». «Какое»? Об этом могут быть споры. Но семя. И семя-то ему и сообщает жизненность. («Бог насадил сад на землю... и таинственным касанием *мирам иным и жива земля*». Дост.)

Поэтому начать мыслить или особенно начать чувствовать «мир бессеменным» и значит начать сознавать мир безноуменальным. Но мир безноуменальный есть мир светский, опустелый, дневной мир, не ночной, безбурный.

Но Евангелие же бес-семенно, и вот отчего раньше или позже европейская цивилизация должна была обезночиться, потерять *ночь* в себе, стать пустотою и светскою. когда это окончательно совершилось — Европа должна была начать умирать, окукливаться. Ей нечем стало жить: ибо самый-то день утверждается на ночи: и без ночи сокращается и, наконец, прекращается и день. Сократился и самый день Европы. Европе «некуда стало пойти» (Мармеладов). «Мне надобно куда-нибудь пойти», «всякому человеку надо куда-нибудь пойти».

Европа стала задыхаться. Это «задыхание Европы» и есть теперешняя война. Она настала потому, что не стало в Европе ночи, не стало в Европе молитвы и в свою очередь оттого, что с начала-то с Рождества Христова Европа стала именно бессеменна. Это — *finis* Европы. Или в то же время это — кризис христианства. Нужно опять найти семя. Т. е. нужно именно потрясти христианству. Лопнуть. И из-под себя как пустого открыть опять Озириса. Который опять сотворит мир. Вырастит из себя. Вот отчего реставрация Египта — необходима.

И она — настанет...

30 сентября 1918 г.

«ПОПЕРЕК»

«Поперек» — это и есть «крест». И «поперечно» или «крестообразно» выразить или понять, или указать природу — это и значит выразить ее с чернью, с мукою, с горем. Христос *обличил* отца своего, что он сотворил природу «с мукою»: обличил его перед тварью всею. Может быть, это и так. Но он был каким-то «третьим сыном Ноя». Он был именно «антисемит», анти-Сим.

Возьмите, как «крестообразно» слагаются отношения родителей и детей. Хищные и травоядные — опять крестообразно. Жрущие и пожираемые. «Беда! беда!» И на эту беду и бедствие и указал Христос. Сказав: «Мой отец б. *пьян*, когда сотворял мир».

Может быть. Но он все-таки «сотворил»: когда Христос разрушил сотворенное.

<3 октября 1918 г. по новому стилю>

ОЗИРИАНСКАЯ МИСТЕРИЯ

Порочность мира совпадает с добродетельностью его.

А непорочность мира совпадает с последним, крайним, величайшим злом.

(Так ведь и эмпирически: ничего нет добродетельнее камня; животные уже порочнее его; а порочнейшее из животных — человек.)

(Если под добродетелью разумеет *благожелательность*, но ведь она есть исток и корень, и питание, и море благих дел, счастья и т. д.).

Это уже 4-е или 5-е мое ноуменальное открытие (после Элевзинских таинств, после обрезания и *всего* в связи с этим, «античный мир»), пришедшее *как формула* на ум только, когда я проснулся сегодня утром 3 октября по новому стилю.

Ах, так вот почему Христос был так беспорочен. Вот разгадка. Вот разгадка. Вот разгадка.

И почему еще инквизиторы так влеклись к добру.

И объяснение, сердечное объяснение Кон. Леонтьева.

И все эти «святые сатаны» истории (Григорий VII Гильдебрандт).

Бедные, бедные: все они *не знали себя*. Точнее: они не догадывались вот об *этой именно* загадке в сложении мира, которая есть ключ, последний ключ к его раскутыванию.

Взглянул: и все ясно

И месяц, и звезды, и тучи толпой

Порок онанизма, коего *имени* никто не произнесет вслух при других... И еще более его — содомия, содомство. Ужасы. Предмет стыда и сотрясения человеческого. Хотя я давно уже, много лет, — думаю (размышляю), что «ничего между мужем и женою не может начаться, пока они *не потрогают друг у друга*», а ведь это и есть *онанизм*. И в то же время «брак — таинство церкви», «таинство христианское», «Брак в Кане Галилейской». Тот, впрочем, бессемянный, для показа гимназистам.

И вот — ревет Апокалипсис, и неужели же может кто усомниться, что это главный, *самый* главный тон его, — и что это есть главная, *самая* главная тема его: оправдание и защита Вседержителя, «Творца неба и земли», от всяких поправок сыновних (яко бы сыновних, а наоборот — враждебных), от всяких *дополнений*, от какого бы то ни было «искупления мира». «Аз есмь

первый и последний, Альфа и *Омега*, начало и *конец*». Полное — ЕДИНСТВО БОЖИЕ, никакого удвоения или еще утроения («Отец», «Отец и Сын», «Отец, Сын и Дух Святой»). Ничего — подобного. «Но в мире есть *грехи*», «есть мы *согрешили*». Змий в Раю тоже подсказывает Еве, что «у Бога что-то не так», как и Христос слишком подсказал всему человечеству, что «у Бога и Творца все совершенно не так» (совпадение Христа со Змием, со Змием-искусителем). Вторят змииному слова Христа «мир — *во зле лежит*» («все — похоть житейская»). Как Змий подействовал на любопытство Евы, сказав — «испытай», так Христос подействовал на гордыню ума человеческого, соблазнив мужа и мужчину этою гордынею духа, этим в сущности самолюбием, этим в сущности тщеславием. И вот впервые с мироздания и *один* только Апокалипсис, из всех священных и несвященных книг, из всех «заветов» как что-то окончательное и заключительное, открывает последнюю ноуменальную истину, снимает «последний камень» и «последнюю печать запечатанной книги»:

Греха — нет.

Самое «грехопадение» только показалось человеку, только было «показано Моисею» для каких-то еще отдаленнейших целей, — о каких мы уже совершенно ничего не знаем: а на самом-то деле и в истине — мир весь прав и беспорочен... а порок, если бы он и запакопостился где в мире, опал зернышком во Вселенную — и НЕТ ЕГО, нет ГРЕХА, все ПРАВО, все — ПРАВДА. И как пророки уже предчувствовали — «ляжет овца против льва, и лев ее не укусит».

Молнии со всех сторон, лучи со всех сторон. Олимп, о, как он потрясается...

Нет — ГРЕХА. ГРЕХА, ГРЕХА самого, от которого потрясалось всегда сердце человеческое и подкашивались колена — его-то одного только и НЕТ. «В Содоме ли правда», «ведь братишка мой милый, что для огромного большинства человеческого в Содоме-то она и лежит», — да и не «для большинства человечества», как думал еще Федор Достоевский в пророчестве своем величаемом и вместе в младенческом своем лепете (но что и в самом деле суть «мадонны» совпадает с «Содомским идеалом», — «содомским» не *in concreto*, а в «ноумене» его. Ибо ведь «нельзя дотронуться» и не «согрешить», нельзя «дотронуться и не опозориться». Но «шумит лес в цветении своем», и «благоухает сад (Эдем) в цветах своих»: а ведь и тут все — сперматозоиды, зародыши, совокупление. Нет, больше, ХУЖЕ: вот он... неназываемый, ненарекаемый. Невидимый, скрываемый под одеждами. «И соделал им *кожаные одеяния*», — это был первый обман, единственный Божий обман человеку, за которым последовала уже вся библейская мифология. И вот, что же это «...»: да он же изводит не только человека и людей (дети), но изводит и «бога» и «богов», религию и самое существо религиозности: и вместе, и именно он, «одно прикосновение к нему» марает имя, «неприлично всячески»...

Но:

ЛЕС
ЛУГА
— МИР СОЛНЦА *и звезд его.*

Все —

красота.
Гармония.

Где же «НЕгармоничное»?

Ах, ЕГО-то, Его ОДНОГО — нет.

Все — смысл.

Все — разум.

Подумать ли: что Сатана есть Бог?

А Бог есть Сатана?

Это — почище, чем у Достоевского. Но оба лица смешиваются в одном.

ЕДИНОЛИЧИЕ.

«Последний порок» есть «последняя святость» — только один Иисус сидит «в зените» со своею никому теперь и ставшей ненужною «непорочно-стью».

* * *

4 октября 1918 г.

Болит душа о всем мире...

Болит за весь мир...

.....
.....

И за сучочек, который ПОДТЯГИВАЕТ.

И за травку, которая СТОПТАНА.

И за цветок, который УВЯДАЕТ.

В особенности же грибы: за корзину «собранных грибов» — за ее пахучесть — я не возьму всех цветов в мире.

Как я втягивал аромат «снятого гриба», из-под самой что ни на есть шляпки, и также — разложив корешок. Зажмуря глаза. И — дышу, дышу. Это жертва, воистину жертва — Последнему Озирису. Или — первому из Воскресающих...

Ибо Озирис жил и умирал, и воскресал. Он был дыхание мира. Он был пульс мира. Бог как «бытие» европейцев — чепуха. Чепуха или камень «вечно сущий и ненужный».

* * *

5 октября 1918 г.

. . . вся слава цветущих лесов
...и вся прелесть цветущих садов...

.....
вот что насадил Бог человеку

.....
Что же Он сказал: «скопчество».

.....
Но не проговорился ли Он САМ, что «полевая лилия превосходит красо-
тою И СОЛОМОНА». А ведь она со сперматозоидом, как и Соломон со спер-
матозоидом. От лилии — к Соломону, от лилии — к человеку. И вот, ПРО-
ГОВОРИВШИСЬ, Он сам себя обличил, что ложен лик Его как учителя, — и
ложно Евангелие, как изложение Его учения. Слова, слова: один Озирис —
вечен, Озирис — Отец, Озирис — творец.

<изображение
Озириса
с метелкой>

«Osiris — o Θεος» как, закрыв ладонью надписываемое, — мне показал
Флоренский. Флоренский знает больше, чем говорит, Флоренский видит даль-
ше, чем кажется его друзьям. От приложения «к солнечному мифу Плато-
на»; к «пещерным теням Платона», потому что и он знал жизненное пережи-
вание Платона, испытанное «в опыте» Платона, как написал в поразитель-
ном некрологе Эрна, Владимира Францевича Эрна, приоткрывающем тай-
ны и его, Флоренского, души. Мы оба, и только двое мы, знаем что знаем.
Что загадка-то мира — в S. И что приходят сроки новых великих (и логичес-
ких, и вместе религиозных) откровений.

~

Я открыл великую мистерию «целования руки». В XIX... тьфу... этот век
— окаянный. Нет, в XX веке, к концу его, и даже уже к середине его — будет
понято, постигнуто, найдено, что культура человеческая начинается (нач-
нется) не «в морду ближнему и далекому» (нигилизм), а в целовании руки и
далекому, и ближнему. С — КАСТ...

И опять будет... ФАРАОН. У нас на Волге... как на Ниле... И опять —
жрецы. И вот таинства и мистерии Озириса и храмов.

Тогда — новый век. Новое летоисчисление. А наше дикое, на 2000 лет
прервавшее историю и окончившееся нигилизмом и позитивизмом, смер-
тью и разложением — ЗАБУДЕТСЯ.

* * *

<не ранее 9 октября 1918 г.>

Все святые православия и все святые католичества, и все святые лютеранства...

Спрошу: у лютеран нет святых...

Итак, я хочу сказать, что святые православия и католичества не сотворили столько чудес, сколько один огород. Говорю это потому, что мне пришлось сегодня есть луковицу.

Неся корзину лука и картофеля, я выбросил одну грязную (вынута из грязи) и попросил Надю, работавшую на кухне (9 октября — день ее рождения, 18 лет), вымыть ее... А бредя, изнеможенный, по лестнице, подумал: однако ведь она вся «слоиками отделяется», и если Надя даже и не домоет до полной чистоты, то я, уже съедая, просто сняв «верхний слой», открою под ним такую белоснежную чистоту, как было у той бабочки, которая только однажды из множества попыток «вышла точно из тюрьмы». Она была, как луковица, так же белая, вся «чудо первое творения», так испуганная «открытою (мною) погибелью» и вообще вся «innocente»¹. Бабочка — ночная, «домашняя», с наперсток.

Вот такой только «innocente» я и беду людей измеряю мокрой репкою (лук репчатый, — т. е. этими репками, прослойками).

Сижу, ем. Посолил. И все у меня: «Чудеса! чудеса!» Точно в самом деле для последней бедноты, вот собравшейся со всей Красюковки — нижней улицы «рыть по шпалам и рельсам» картофель и лук. Картофель уже был весь расхвачан (докапывали последний), а я, в фартуке рабочего, любезно им данным мне (после того как карманы были нашиты), — набрал видимо-невидимо луку. Превосходный. Крупный.

* * *

11 октября 1918

Я теперь радуюсь каждому жидку, которого встречаю на улице.

Я теперь радуюсь каждому жидку, которого встречаю на улице.

Я теперь радуюсь каждому жидку, которого встречаю на улице.

На Мойке, как я изобразил (пытался изобразить и выразить) в «Новом Пути».

Как он устал тогда. Усталый вид. Он был малоросл, а «ступить на *тротуар горкой*» было трудно. И вот он ступил, и остановился. Взгляд мой скользнул по нему. Это было как «видение Моисея», плавающего в (осмоленной) корзинке по Нилу. В сущности, это было предварение моего «потом», предварение и «евреев» (моя литература), и «Об Египте» («Из восточных мотивов»). «Из восточных мотивов» — не ладно. Опереткой пахнет. Надо взять

¹ «невинная» (фр.)

заглавие серьезное: «Возрождающийся Египет». Вот, как в сивьасах или пампасах, когда льют «в месяц весеннего равноденствия» дожди (тропические особенные дожди). Тогда почва растрескивается, закаленная жаром «перед этим» и ставшая как дерево. Тогда (примечание к «Географии» Смирнова, мелкий шрифт, в конце, описание) вдруг подымается горб (глины): разламывается, — и из под него (т. е. отряхивая глину со спины, черепки глины) вылезает из-под нее живая каракатица или аллигатор, или удав. Они — «заснули на лето» и теперь ожили. Так Египет: Европа сейчас трескается, как сухая глина над спиною чудища, плезиозавра. Обваливается и сваливается со спины: потому что подымается Египет.

Сперва «видение Розанова об Египте», а потом уже — полный, «сам», — Египет.

И мы будем петь хвалы египетскому фаллу.

И мы будем петь хвалы египетскому фаллу.

И мы будем петь хвалы египетскому фаллу.

П. ч. он один (един) истинен и правдив и сотворил все.

И вот я увидел этого жидка на Мойке. С него падали капли лившегося тогда дождя. Пот. ч. «после Рождества... Того Проходимца» на все уже начал капать дождь.

На Рим, на Грецию. На Восток весь. Однако — более всего на Египет. П. ч. фалл Египта пронзал Христа. А воскресший (*мнимо* воскресший!) пронзил или, вернее, разрушил фалл.

Т. е. Озириса. Ибо Озирис есть фалл.

И вот я точно увидел корзину с Моисеем. Окрест его катили волны Голубого Неба <Нила?>. Или Белого? Ведь Нила — два: и голубой, и белый. По примесям к его воде, которые окрашивают воду.

И вижу Серапеум и воды.

И Пергам, перед руинами которого сидел Вольней (см. в моей библиотеке «*Œuvres de Volney*»¹ с виньеткой к 1-му тому), с остатками дорических колонн. Как я сидел перед такими же точь-в-точь колоннами Посейдонии (Пестума). Они были желтые. И все снаружи изрыты как губка. Как греческая губка, — увы. «Грекосы» теперь есть то же, что «пархатые жида» в Вильне.

И вот из-за спины «этого жида на Мойке» показывались чудные, как храмы, и Пергам, и Парфенон. Еще «храм Тезея» где-то... И Капитолий... Руины. Все руины. Но раньше «руиною» стал человек. И в руину, страшную, дикую, обратил всех людей и все человечество Христос.

¹ «Сочинения Вольнея» (фр.).

На место «лиц», красотою которых прельщаясь «боги сходили к ним и роднились с ними!!», т. е. с ними, с людьми, в сущности, совокуплялись...

Как Зевс круторогий с Алькменою... и с Европою... еще с Дафной... со всеми...

И Иегова так слился с Авраамом:

На место этого «лица» благородного и прекрасного (см. у меня портреты египетских женщин)...

На место их каждого христианина Христос снабдил РЫЛОМ...

РЫЛОНОСЫЕ русские...

ФАТОНОСЫЕ французы...

ЮРКИЕ янки...

И все — истории абсолютно ненужные... Все — люди вне истории.

.....

Но из-за спины жида показалась настоящая история...

Шли Агамемнон и Гектор. уже дружные... подав руку друг другу, сжимая «ладонь в ладонь», как на монетах. И Давид играл на арфе Пиндару. Старец Гомер с книгою был так же прекрасен, как Моисей, написавши вторую Библию, как Моисей написал еще о странствии, но уже Израиля, а не Одиссея. И — везде храмы, храмы до того пространственные, что возле них пресловутые Петр, Павел, Исаак Далматский, рядом поставленные, — просто на самом деле «избушки на курьих ножках».

И вот Христос всю эту историю разбил вдребезги. Он разбил не один Соломонов храм, а все храмы на земле. В сущности, он разбил МОЛИТВУ. После которой посыпались в щебень и храмы.

И вот жидок стоял на Мойке. А я глядел на него усталого. О, как он устал... Как пронесся 4000 лет на плечах своих. Да, это уже не «девятисотлетие крещения на Руси». Новенькие. О, новенькие. Фельетончик.

Гряди же, гряди, Древность. О, гряди, невеста моя. Как я встречаю тебя. Пошли дожди. Почва лопнула. И поднимаются Левиафаны. Жидок этот и был Левиафаном.

* * *

13 октября ст. ст. <1918>

Идеей зерна раскалывается весь христианский мир.

Просто — зерно.

Зернышко.

И пусть оно будет величиною «с росинку». Маковое зернышко. «Горчичное зерно», упомянутое и в Евангелии. Надо бы вообще посмотреть о зернах, о злаках, о деревьях у Христа. Христос не имел причины бояться ничего, кроме зерна. Но зерно должно навести на него бледность, ужас.

«И побледнел Христос перед Розановым, который Ему напомнил о зерне».

Несомненно, не из Деметры зерно, а из зерна Деметра. И вот она, в колеснице, запряженной драконами (монеты Элевсиса) — прокатывается, даже не замечая их, над Голгофою, крестом или шестом, где повисли два или три разбойника, — сытая, довольная, немного толстенькая, как хозяйка дома. Она въезжает на кухню и высыпает массу картофеля, — зерна, так нам нужные сейчас, в этот голодный год. Сойдя с колесницы, запряженной драконами, она будит кухарку, нашу русскую кухарку и всех всемирных кухарок, — а когда те, спросонья, думают «перекрестить лоб», она останавливает движение руки и говорит: Не надо. Молитесь Зевсу. Он — Вседержитель, и от него — и Я, Аз.

Все это чепуха, — показавшиеся вам кресты и персты и Христы. Они напугали вас, бедных людей. Человек — он прямо под Богом, и никакого посредника ему не нужно, и никакого «спасения» тоже не надо ему. Если он трудолюбив, он уже спасен, если он благожелателен — вдвое спасен. Нужны самые небольшие добродетели, потому что земля и Небо в гармонии. Никто их не ссорил, — не ссорил особою и тяжкою ссорой. Все это семитические испуги. Мир проще, добрее и яснее. О мире вообще не нужно думать чрезмерно, а нужно думать попроще.

Вот я — Деметра, и меня считают «богиней»; между тем я просто кухарка и вся забота моя — о человеке. Человек — вот священство. Человек — он бог. Земля дана ему во владение, — целая планета, земля, дана Ему Одному во владение, и для него насажен сад, ему даны животные для жертвоприношений и — злаки, тоже для жертвоприношений и вкушений.

Все — Ему, Ему, Ему — чтобы он был сыт, молился богу и благодарил бога. Я — и кухарка, но — и богиня: вспомните божественного свинопаса у Гомера. Боги должны уменьшиться, человек — повыситься. У земли бог — человек. Эта земля дана Ему в обладание; и мы, боги и богини, *сходим на Землю*, чтобы помочь человеку и пообщаться с ним. Мы привносим ему космические силы, и в небе есть другие боги.

Бог, но человеку незачем особенно и знать его, ибо он может знать только нас, вестников того Великого Божества. Оно-то уже — Вечно, а мы знаем и раны, и тоску, и обиды. Мы — гневаемся, и вообще мы тоже люди, почти люди, близки людям. Но — совершеннее, лучше, «небожительнее». Мы вам приносим сны, управляем вашей судьбою; и вообще мы — «горный мир», вы — долинный. А вот и юная Эос... Она — с золотистыми перстами. И вообще, как вы не видите сами, отчего раньше не догадались, до чего природа изукрашена, и что она изукрашена именно для кого-то, и этот «кто-то» есть человек.

Будь покоен, добрый друг Неба и земли. Ты именно только дружи с землей, не оскверняй ее никак и ничем, люби ее, этот прекрасный сад, насаженный для тебя Богом: и небо будет охранять тебя, заботиться о тебе, благословлять тебя.

Только ты выкинь всю эту семитическую сказку, да и семитам-то приснившуюся в черный час их истории.

Христос *выкрал* зерно у Деметры. И сделал *дом*, который воистину пуст. Он сделал *бесхозяйственное хозяйство*, которое вот Розанов толкает ногой: и это хозяйство все рассыпается: это — христианский мир.

* * *

Октябрь 1918 г.

Я достиг наконец того, чтобы взять звезду в руки и не обжечься.

(И это — не латунная звезда, не из фольговой бумаги). (Она как весь мир. Она голубая и красная. Горит всеми цветами радуги). (И вот я качаю воду. Колодезь так труден. Вася, Варя уехали. У Нади — почки бол., Таня — слабенькая). (С 7 часов качаю).

В бак кухонный входит 12 ведер. Сегодня маме мыться. Да кушанья. Да самовар, кофе. (Умыванье). (Обед готовить). (И мне весело).

В тот «священный час» (описан в «Письм. Страхова»), когда я открыл (мне открылись, мне Б. открыл) Элевзинские таинства. Мы со Шперком не знали, что Элевз. т-ва, п. ч. в Университете даже слова «Элевз. т-ва» ни однажды не были произнесены. И потому он не придавал значения труду «О поним.», говоря и смеясь, что это какая-то (ненужная) «география ума человеческого», что я «путешествую под черепом человека» и «указываю, *нарезаю*, что нахожу под ним» (а на самом деле — это *корень*, а не голова): учения же о *потенциях* он вовсе не заметил, а это и есть «все»; не заметил учения о «зерне» и «*вырастающем* из него *неодолимо* дереве, и цветке». (А ведь это, в таком *окружении мысли*, есть «зерно Деметры»; и значит, я открыл и Деметру, о которой тоже «ничего» в Универс.). И значит «2-ую взял звезду». Взял вечное «опять» мира, взял «пульс мира», т. е. наметил, что мир являет *весь* в образе и «подобии» своим «пульс»... И вот теперь в третий раз еще — *обрезание*. Уже 3-я звезда, начало всех звезд Востока. И об нем размышляю 20 лет. И 10 лет — ничего не видел. Еще пять лет — тоже не вижу. И вот росинка. Росинка на злаке. Уже кое-что рассматриваю. Когда «открыто» — всем «легко усмотреть»: а вы попробуйте *предварительно*. И что же, что же? «Обрезание было и у дикарей, обрезывались и финикияне», «почему же важнее у евреев»? Но вот теперь, эти недели и месяц, ну, два месяца, я полагаю, что «обрезание выше даже самого Бога», хотя не «Бога», а «ЧУВСТВА Бога», что он — «в НАС», в «СЕРДЦЕ нашем». И так сказать важно не «бытие БОЖИЕ», а — «РЕЛИГИЯ»: религия же, вся и всякая, все и «прочие», принесены именно с «росточком», с «зародышем», с «зародышевым началом мира», с тем, что

МИР ЕСТЬ ВЕЧНО РОЖДАЮЩЕЕСЯ СУЩЕСТВО,

МИР — САМО-ТВОРИТСЯ,

и вместе

МИР-ТО И ЕСТЬ БОГ,

а

БОГ И ЕСТЬ МИР.

Но это — не «всегда» и не «аксиома»: а та страшная, беспросветная тайна, что «бытие мира разогояется», и вот разогояется именно таким образом, что внутри каждого бытия есть БЕЛЕНЬКАЯ ТОЧЕЧКА, крохотный ЗАРОДЫШЕК. Который-то и есть «ВЫШЕ Бога», ибо изводит из себя его. Отсюда египетское учение: «УМИРАЯ человек оставляет после себя живым и сущим только свой «...» (тре-грамма, русская параллель иудейской «тетраграмме»), который есть в то же время

ОЗИРИС = БОГ.

Капля падает в каплю, капля падает в море, все море есть только «совокупность капель». «...» и «один» и «много» и «он есть все», он «безначален» и «вечен»; а «обрезание *рождается* с органом, на который *положено*» и значит «родилось с младенцем родившимся» и кажется которому «быть временным»: но на самом же деле «росток из ростка» и «опять росток», «боги от богов» и «все — Бог»: обрезание «выше Бога», «выше *существа Божия*», ибо Самый Бог есть не «производитель *заповеди* обрезания», как рассказано в мифе об Аврааме, в мифе и правде, в мифе и истине, в мифе и ноуменальном глаголе: но этот глагол затушевывает ту истину, что самое «чувство Бога» есть «вечно рождающееся» и «предмирно рожденное», и что «рождается» и «родилось» оно с «младенцем мужского пола», который *eo ipso*, и есть

АЛЬФА и ОМЕГА.

БЫТИЕ и ВСЕ.

Ах, так вот где «Горус» египтян, их «Гарпократ». Откуда ум и «Изида» и «все прочее». Арифметически сказать, так Бог есть *f* (функция) — только «функция», «флюксия», «вечно текущее» (дифференциалы и «флюксии» Лейбница и Ньютона) от «детородного мужского органа» (отчего *женщины*, вечно о нем *думающие*, РЕЛИГИОЗНЕЕ мужчин, о нем, естественно, ничего не думающих, «свой член», «свое мочеиспускание»); что ведь ВАЖНЕЕ-то конечно.

Отсюда такой провал христианства. И что это — религия риторическая. Ап. Павел, *по пошлейшим причинам* (очень больно обрезать) отменивший обрезание, не принес, конечно, всеми своими глупыми писаниями (хотя они и хороши) столько пользы, сколько навредил этою одною отменою обрезания. Опустошив землю от обрезания, он опустошил ее от религии. Действительно, а не мнимо, прервал «завет Авраама с Богом» (= завет Бога с человеками), и тем отделил человека от Бога, порвал «пуповину, соединяющую небо и землю» («Бог насадил Сад свой...» — Д-ий). Он покончил ноуменальность мира, нагородив столько «посланий». Но Христос именно подготавливал Павла. «Предварительно»... Все раскрывается: Христос отнял ноумен от семьи, он сделал мир светским, пустым. «Будут петь только мне хвалу». Мне одному. Хотя риторически. И больше чем риторически. И не нужно.

ОБРАЩЕНИЕ К ЕВРЕЯМ

(Предисловие к одиннадцатому — двенадцатому выпускам «Апокалипсиса нашего времени»)

Я был рад узнать, мои глубоко почтенные евреи, мои братья и отцы мои, т. е. старшие, — со старшинством историческим и культурным, со старшинством в мире работы и заботы, — наконец по духу и завету братья в Аврааме, Исааке, Иакове, Моисее, Аароне, пророках, первосвященниках, — от графа Юлия Александровича Олсуфьева, будто евреи собирают и уже собрали две тысячи и несколько сот рублей в мою пользу, узнав о бедствиях моей семьи и меня самого, живущего в Сергиевом Посаде Моск. губ., по Красюковке, Полевой улице, в доме священника Андрея Андреевича Беляева. И вот, ныне, они решали помочь мне, спасти меня на этот ужасный год. Но за дар — дай дар. И вот я со своей стороны передаю московской общине евреев, с раввином во главе и при руководстве, право наследования по моей смерти, на сколько лет русские законы установили, на все мои сочинения, касающиеся до евреев, каковы:

1) «Библейская поэзия. С.-Петербург, 1912». Она содержит две статьи: «О поэзии в Библии» и «О Песне Песней».

2) «Юдаизм». Печаталось в журнале «Новый путь», издававшемся в С.-Петербурге в 1902 и 1903 годах. Как равно и все другие статьи из «Нового пути», относящиеся до евреев.

3) Статьи из «Исторического Вестника», издававшегося С. А. Шубинским, касательно евреев.

4) Статьи из «Литературных приложений» к «Торгово-Промышленной газете».

5) Статьи из «Нового Времени» (вне процесса Бейлиса) касательно евреев, и из «Русского слова» касательно евреев.

Эти статьи суть самые отличные, по личному моему сознанию, отнюдь не претенциозному и не хвастливому. Они могут г.г. евреями издаваться порознь и отдельно, в комбинациях, как они найдут удобным.

Сюда должны быть включены письма евреев к В. В. Розанову. Будут ли они изданы еще мною же, как я желал бы, или как они будут сохранены в «Отделении рукописей» в «Румянцевском Музее», в рубрике «Из архива В. В. Розанова», куда я постепенно вношу свой рукописный и свой печатный материал, или же просто останутся в составе наследства моих детей.

6) Непременно должна быть напечатана рукопись из моей библиотеки «Записки Ценхенштейна». Это из прекрасных прекрасная книга, нечто вроде «Из семейной хроники» С. Т. Аксакова, рисующая быт старого русского «гетто» николаевских и александровских времен. Более всего я узнал об ев-

реях из этой книги-рукописи, более всего научился любить и уважать их, более всего приучился доверять их привязанности к России.

Раввином московским должно быть определено «местечко» или «городок» в Северо-Западном крае русском, — так как московские евреи имеют довольно пропитания, — куда должна быть направляема помощь, меняясь ежегодно или частогодно, от дохода и выгоды этих изданий.

Книги же и брошюры мои, написанные и напечатанные в связи с процессом Бейлиса, и самого названия коих я не хочу повторять, должны быть уничтожены. Хотя об этом было мною выражено в 1918 году требование «Управлению книжным магазином и складом «Нового времени» (фирма А. С. Суворина), на имя управляющего ими Юлия Осиповича Сосницкого, — тем не менее означенное распоряжение мое во исполнение *приведено не было*. В объяснение же мотива своего Ю. О. Сосницкий заявил сыну моему Василию, что «у папы Вашего может перемениться взгляд, и он может пожалеть о состоявшемся распоряжении, — во избежание чего книги лучше не истреблять, так как их на несколько тысяч рублей». Но г-ну Сосницкому неизвестно, что уже немедленно по приезде в Сергиев Посад, при первом же личном свидании с другом моим Павлом Александровичем Флоренским, священником и профессором Московской Духовной Академии, философом и человеком всяческих заслуг, я выразил ему, что взгляд мой на евреев совершенно меняется, что я в нем по-прежнему вижу любимое дитя Божие, любимое и религиозно, любимое и в истории, и что поэтому малейшая обида, этому народу причиненная, и даже малейшая в отношении его подозрительность, не проходит без наказания ни в веке сем, биографически, ни в жизни будущей, за гробом. Таковое мнение я выразил и в одном письме своем, к другу же, живущему в Одессе, Мельничная улица, дом 51, — глубокоуважаемому мною Андрею Константиновичу Драгоеву. По этому же основанию мною было прекращено, уже доведенное почти до конца, печатание *Короба 3-го «Опавших листьев»*, — дневника моего за 1913 год, где содержались местами отрывки злобы против евреев, правда, возбужденные со стороны. Но я убедился, что жив бог Израилев, — жив и наказует, и убоялся. Содрогающая судьба М. О. Меньшикова — одно из знамений уже последних дней.

Свидетелями, поручителями и исполнителями при всем этом деле я прошу быть юного графа Михаила Юльевича Олсуфьева, — единственного сына упомянутого выше графа Ю. А. Олсуфьева; юноша всего 18-ти лет, но редко одаренный, с задумчивостью, с хорошим и крепким русским историческим чувством, с гордостью за нашу Россию, — он, к изумлению моему, высказал те же мысли, какие давно имею я, касательно какого-то загадочного родства между русскою и еврейскою душою, и даже между связанностью далеких судеб одного и другого народа. Так как он высказал это внезапно, и только лишь начав речь, когда я не проговорил ни слова, то это мне показалось чем-то пророчесственным и знаменующим. Далее, я прошу об этом же Ревекку Юльевну Эфрос, давнюю знакомую нашей семьи, жившую все время в Пет-

рограде, присяжного поверенного Аркадия Вениаминовича Руманова, сотрудника «Русского Слова» (Петроград), моего личного друга, и Михаила Осиповича Гершензона (Москва), глубоко чтимого мною за его несравненные заслуги в области русской литературы, критики и общественности.

Я решил еще раз пересмотреть двутысячелетнюю тяжбу между юдаизмом и европейским «Мессией», европейским, отнюдь не еврейским. Европейцы его приняли, евреи его отвергли. Между тем самая идея «Мессии», — обещанного некогда «прийти и спасти род человеческий», — есть идея еврейская, а не европейская, — и без сближения с евреями и их религиозною письменностью — никогда бы не могущая даже прийти на ум самим европейцам.

В тайне вещей, в судьбах истории, это есть ожидание их заветного «гетто». И вот это мне пришлось узнать. В еврейских «гетто» шепчутся, будто «Мешеах» (Мессия) придет, когда планета состареется, когда настанет для нее *родовое истощение*, обветшают силы человеческие до «неспособности производить далее». «Придет» Мешеах, — когда вообще исчезнут зародыши человеческие, сморщатся, зянут; не станет более семени; последнее зернышко в организме пропадет. Тогда «пришедший Мешеах» обновит, освежит, восстановит утробу человеческую; как бы соделается вторым Творцом человека, — в глубокой гармонии с Первым Творцом неба и земли. Это до того сообразуется со всем Ветхим Заветом, с тем вместе это так просто и естественно, так действительно и нужно этого ожидать: ибо что же в мире не стареет?! — что разительно, каким образом этого никому не приходило на ум? Каким образом не пришло на ум библейским толкователям, что вот в чем «заключается живая причина» необходимого, неизбежного «избавителя мира». Так это и сказано, и «обещано» уже при изгнании и первом «грехе человека». Тогда все становится ясно: Ветхий Завет прямо переходит в Апокалипсис, как таковое «воссоздание» сил человека, с усилением еще, с обилием большим, чем даже было в Ветхом Завете: но совершенно вытесняется Евангелие, сморщивается, его не нужно более, — оно совершенно не нужно, — как морализирующая книжка, лишенная какого-либо космологического значения, творческого, созидательного, зиждущего, «спасительного». Именно «спасения»-то в нем и нет. Не «спасение» же это о «любви к ближнему своему». Это просто *сантимент* и *ничто*.

Все «заповеди Христа» даны *на уменьшение*, и ни одной — *на обилие*: «не надо семьи», «дома», «гнезда», — «не надо богатства», «обилия»; «не надо, в сущности, труда, заботы», «торговли», «промыслов». Христос вступил через это в борьбу с Творцом земли и мира, с Ветхим Заветом: но совершенно явно он открыл и открыл вам всем все время «служения своего» явную антибожественность, безбожественность: до такой степени поколебал *утверждения* земли, *столпы* мира, земного всяческого благоденствия, осознав все, в обращении к человеку, на человеческой гордости, на *гордыне* че-

ловека... Именно, он позвал человека к «героизму» историческому, вместо того чтобы оставить его в состоянии простой «твари», «тварного существа», — в состоянии подчинения и покорности воле Божией.

Чтобы догадаться об этом, надо было рассмотреть «христианство» (или — теперь уже приходится выговаривать — «так называемое христианство») не в порядке исторических событий в их внешнем очерке, а в порядке совершенно особом, в порядке — *планетном*. В самом деле, все *историки* точно позабыли, или — не вспомнили, что «пришествие Христа», конечно, не было событием только «историческим»: а что-то произошло в самых ноуменах планеты. Что же «произошло»? Из «ноуменов питания» (сотворение мира) они стали переходить в *ноумены истощения*, как бы именно предупреждая появление «доброе», «еврейского Мешеаха»... И вот, *первый вопрос* *напиртал* ли Христос планету, или он ее *расстроил*? Земля есть место обитания человеческого, красота *жилища* его; и без человека, как энтелехии самой планеты, планета бы не произошла. Верен-то и истинен, глубок и основателен, *антропоморфический* взгляд на землю, а отнюдь не *астрономический*, который не только ложен, но и *смешон*, жалок, презрен, презрен, потому что совершенно бессмыслен, и ни на один вопрос не отвечает. Обратим внимание: земля везде — кругла, брюхата, беременна. Идея и вид ЗЕРНА выражен В САМОМ ВИДЕ ПЛАНЕТЫ. И земля как планета есть в то же время и ЗЕРНО... «*Питайся, человек! питайся и — множься!*» Все в земле, и как в *поле*, и как в *планете*; дано «на умножение», на «прибавление», «на рост САМ-ДВЕНАДЦАТЬ».

Из ОДНОГО зерна получается ДВЕНАДЦАТЬ зерен, потому что это — РОДИТЕЛЬСКОЕ зерно, потому что оно есть «ОТЕЦ-зерно».

Вот когда мы приложим к Евангелию этот критерий «на *планету*», а не критерий «на *историю*», этот критерий «на *космогонию*», а не критерий «на *мораль*», то перед нами откроются совершенно разительные вещи Христос иссосал землю и обезобразил все сотворение Богом мира, везде вместо «*плюса*» поставив «*минус*». «Лазарь» есть ноумен евангельский; что он получит «на небе», мы не знаем: но что «Лазарь» есть угашение истории — совершенно несомненно. Что, впрочем, он и «на небе» ничего не получит — ясно из того, что «небо — *прекрасно*», что оно отнюдь не есть «*Лазоревское небо*».

Небо — не больница, не скорбь, не мука. Мир, кажется, весь сплетается из музыки: его пахучесть — разве это не музыка, перекинутая в обоняние? Тишина леса, рост травы? Движения насекомых? И могучий рев быка, и красота в сложении рогов оленя? И песни человеческие, и грусть человеческая, самые скорби его, самые печали — все так прекрасно, неизъяснимо, волнует.

Поистине на земле не хуже, чем на небе. И если престол Божий — небеса, то земля есть престол человеческий; только нужно для этого, чтобы человек был скромн, смирен в сердце своем и никогда не забывал Бога. Тогда и Бог не оставит человека.

Земля и небо в связи — о, гармония! Вот ведь где высшая-то гармония, а не в «астрономии» и не в «исчислениях», не в пустоте и не в алгебре. Все это — схемы, лед, пустыня. Доля человеку дана простая: питайся, множься. И — поменьше царств, «держав». Всякая «Держава» — грех. «Большая Держава» — очень большой грех. Поразительно, что Бог явно не выносит «очень больших держав» и разрушает явно по миновании даже небольших сроков. Бог хочет, чтобы человек жил «колонийками», «деревнями». Мудрейшие народы, «святые», как евреи, как финикияне, жили просто «никак»: факториями. «Ты был в саду Божиим», «ходил среди игристых камней» (у пророка о Тире). Здесь и объяснение, почему Бог разрушил и Израильское царство, и Иудейское царство. «Грех». «Живите — *свято*, живите — *просто*». Руфь. Вооз. Семья и небольшие родичи. Слишком большие организмы — хрупки, ломки; они *вообще не живучи*. «Не надо». И Бог слишком явно показывает, что «не надо». *Deus regit historicum*¹.

Выдвигание новых народов по времени появления Христа (приход германцев), гибких во все стороны, имеет такое же значение и ту же одинаковую мысль, как и избрание Христом себе Апостолов «из простых рыбаков»: сокрытие, что он — не «Мешеах», а анти-«мешеах». Потрясает: ведь самое имя Христа уже было произнесено за 490 лет до его пришествия. В Вавилоне, в плену, Даниил, «угодный в очах Божиих», стал просить Бога открыть будущие судьбы Израиля: и вот, в ответ молитве, посылается ему Архангел Гавриил, и говорит:

«[«В первый год Дария, царя персидского, я, Даниил, сообразил по книгам число лет, о котором было слово Господне к Иеремие пророку, что семьдесят лет исполняется над опустошением Иерусалима,

И обратил я лице мое к Господу Богу с молитвою, в посте в ретище и пепле... И когда я еще говорил молитву, прилетел муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, коснулся меня около времени вечерней жертвы, и вразумил меня, говоря со мною:]

Семьдесят седьмин (семьдесят семилетий) определены для народа твоего и для святого города Иерусалима, чтобы *покрыто было преступление его и запечатаны грехи его* и запечатаны беззакония, и чтобы приведена была правда вечная.

Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, **ДО ХРИСТА ВЛАДЫКИ** пройдет семь седьмин и еще шестьдесят две седьмины;

И по истечении шестидесяти двух седьмин, предан будет смерти Христос, а город Иерусалим и святой храм его будут разрушены вождем народа, который придет, и до конца войны будут опустошения.

И утвердит *завет новый* для многих одна последняя седьмина. А в половине седьмины прекратится жертва и прекратятся приношения; а на крыле святилища будет мерзость запустения. И окончательная определенная гибель постигнет опустошителя» (глава X пророка Даниила).

¹ Бог правит историей (лат).

Вообразать, чтобы на **чистом месте Иерусалима** (будут УЖЕ очищены и искуплены грехи Израиля, — в ЧЕМ бы они ни заключались), вообразать, чтобы «пришедшего разрушить Иерусалим, разорить племя Израильское, угасить жертвы Богу, прервать пророчества истинны...

Но умолкнем.

Священное молчание. Мистерия безмолвия...

Тихо стоит лес ночью. Только все благоухает.

Христианство решительно ошибочно. Евреи правы. Это есть спокойная, а не взволнованная истина. Это есть спокойная планета в течении своем. Которую преждевременно взволновал Иисус. И из этого проистекла мучительная цивилизация, — мучительная и мучающаяся.

Евреи, которые и как племя, и единолично, всегда служили на пользу и «во-исцеление» народов, должны бы понять это, — и помочь мне исполнить и *окончить* мой труд. Во всяком случае, так или иначе отнесутся к этому делу евреи, я буду как пахарь идти за своим плугом, наблюдая только, чтобы он правильно клал борозды. Господь да благословит вас, евреи, — Господь да благословит вас, евреи. Еще *nota-bene*: я нисколько через это не изменяю России, даже не изменяю собственно Русской Церкви: русские праведники, русские святые — суть наши предки, суть наша правда перед всемирною историей. Но — как части *истории европейской*. Мы не так тесно заплетены в нее, как Запад: Европа через свой католицизм и лютеранство именно в распре евреев и Иисуса Христа приняла слишком горячее участие. «Мы — спокойнее и внутреннее». «Мы — гораздо более *в своем соку*». Европа еще у подножия Рима и Афин приняла Христа, мы — в 988 году, *через тысячелетие*. Россия есть самая поздняя в Европе христианская страна, европейская земля, — с какою-то наивною претенциозностью на первенство, — чуть ли даже не на «старшинство». Но это — совсем не так. Как всего позднее пришедшее в христианство, мы несем наиболее тонкую пленку его, «наше христианство» — это и есть почти только «наши святые». Поэтому нам гораздо легче отказаться от ввязывания в распрю между юдаизмом и Христом, между Иерусалимом и Новым Иерусалимом, предреченным «Апокалипсисом». Наша церковь, Русская Церковь, — «местна», — тут «на нашем месте», — и может стать вполне народной, национальной, потерять совершенно в себе так называемую «кафоличность» — столь ложную вообще и в принципе, столь ложную всегда и везде, — и украсить Россию и только одну Россию: как купол царства и народности.

О-безхристосенная, она дает зарю чудных ожиданий в будущем — именно зарю восстановления языческих маленьких культур, «около своего города каждая», — и восстановления всего сияния древности: Египта, юдаизма. При чтении современного (напечатан в Вильне в 1908 году) молитвенника еврейского, но не без ожиданий *этого* или *подобного* уже со времени печатания своих статей в «Русском Труде» в 1897—98—99 годах, я встретил, что «евреи» как «существу Божию» молятся и «Еа» (Вавилонский бог, древнейший), а в одно *определение-взывание* к «Богу Израилеву» входит главней-

шее, даже единственное, определение у египтян — *Озириса*.. Тогда явно, «откуда все течет и потекло»... Мои давние догадки о единстве всех языческих культов, — об *истине* и единстве вообще всего древнего язычества («исповедания языков», «исповедание народов», рас, поколений, поколений, поколений) подтвердилось через двадцать лет...

Вот чему призваны помочь евреи. Они призваны помочь *окончить печатанием* — «Возрождающийся Египет»¹ и «Апокалипсис нашего времени» — как восстановление юдаизма... нет: как оправдание его, как горение, как пламя.

Дифирамбы... дифирамбы...

И ты, сестра Моисея, Мариам — возьми тимпан свой и танцуй... Несись в бурной пляске!

Дифирамбы, дифирамбы...

Благоухай, таинственный лотос Египта. Издавай *до одурения* свои ароматы...

Пусть розы усыпят путь истории... *Новой истории* .. О, новой, какой новой!!

Гуще, краснее, розовее — цвета. Они как синева неба, как утренняя заря... волшебная *эос* эллинов.

Тоскливая, грубая Европа проходит. И она *пройдет, если не разглубеет* Но здесь — и для нее — возрождение, *возможность* возрождения...

И ты, смиренная Руфь, снова собирай колосья на поле Вооза. О, мудрые законы. Мудрые *уставы, мудрая ЗАБОТЛИВОСТЬ*.

ЗЕРНА Египта и юдаизма — восходите... через двутысячелетнее забвение, отвержение...

И расцветайте, и наполняйте землю. Тот эдем, который был только в Месопотамии: вот он ныне **РАЗДВИГАЕТСЯ НА ВСЮ ЗЕМЛЮ**.

Унеживайте сердца ваши. И вот, всего второй день, как я узнал о смерти сына моего, погибшего жалкою смертью в Курске, куда он уехал на работу и пропитание: и сад земной для меня есть все-таки сад. Ибо это всемирно. И да умолкнет всякая частная скорбь. А звали его Васей. Помолитесь о нем.

1918 г., октябрь

* * *

15 ноября, 1918 г.

В «РАЗДВОЕНИИ», А НЕ «ДВА»

40 лет размышлений о поле не научили меня, не внушили мне, не открыли мне, что это совсем *разница*, сказать ли есть РАЗДВОЕНИЕ пола! или что есть ДВА ПОЛА.

¹ Меняю прежнее неудачное: «Из восточных мотивов»

Раздвоение... И тогда ЕДИН Бог, ЕДИН сущ, ЕДИН — зерн (о, проклятая филология у арийцев: ведь понятно, конечно, что «зерно» не среднего рода, а 1) мужского, 2) женского).

И второе... Нет, не договорил еще первого:

Полнота, вся «округлость» пола, вся его *сдобность*, сила, напор до того превосходят «раздельные» его качества, что, конечно, он —

ЕДИН, ЕДИН, ЕДИН.

Боже, какое открытие: с первого же раза, с первого же взгляда!

Конечно, конечно — пол есть ЕДИНЬИЙ как воспроизводитель СЕБЯ и вечно только *себя*, но зато — нескончаемо, безгранично, вечно.

Но сейчас — громы, молнии «стуканья» в одном, «трещит мир». Ведь их в то же время и — *два*: мужской, женский. Они бьются «друг около друга». И как «бьются» гармонично, «в одну мелодию», усиливаясь вечно *соединиться*. Таким образом, уже в создании своем, в начале бытия мир есть *сердце* и *пульс*, он — *пульсирует*; и как я выразился — миг первый, секунда первая в нем была *вдохом*. О, это — не сантиментальность, не грусть, а это — *физиология*. Мир сотворен *физиологически*. Вот что значит не «два пола», которые лежали бы вечно рядышком, друг в друге не нуждаясь, один другому чужие. Но они «родные», и «родство мира» началось в *первый его день*. Чудеса, прямо — чудеса, и оттого что «в раздвоении», а не «два». Что же еще и гораздо более: что они суть «дольки», а не *одно и целое*; что мир и сотворен «двухсеменодольным», т. е. что он сотворен *растительно*, и глагол: «раститесь, множитесь», наполните землю, — выслушан им внутренне и интимно, как *внутренний и собственный закон СВОЕГО БЫТИЯ*, а не внешний, не по заповеди, не приказно. И вместе с тем — по заповеди и приказано, — как мы все-таки *читаем и знаем* Но что же *еще и еще более*: воды-то мира *теплы*, и *теплота* — от создания мира.

Мир создан не хладнокровным, а теплокровным. И мир создан *в любви и для любви* *любовь* — ЗАКОН МИРА. Молоты стучат, молнии вьются: мир полон *электричества* Синай — дрожал: когда земля «еще *не бе*». Religio, religio: *мир создан религиозно* но он создан не «по-христиански» религиозно, а он создан именно «по-язычески-религиозно» и как только «в раздвоении пола», а не «два пола»: то все христианское проваливается в такую *глубь преисподней*, откуда и выглянуть «на свет Божий» нельзя. Тогда Христос совершенно явно явился, — уже не в формальном смысле «противником существа Божия», искажителем всего мирового образа, всякой на земле гармонии, — этих «волн», всплескивающих «в волны», этого «единства» в «противоположность»; но он явился странным оклеветателем человека против Бога и Бога против человека, и оклеветателем человека *против своей совести*. И тогда... о, как тогда понятна вся его на нашей планете судьба.

Что-то всемирное поется...

Примирение Израиля и Египта.

.....

Я нашел! Я нашел! Я нашел!

«Еа» — ему молятся *современные евреи* по молитвеннику, отпечатанному в 1908 году в Вильне и подаренному мне Саввушкой Эфроном «в дни Бейлиса», чтобы я не нападал на евреев, с безмолвным упреком. (Он весь милый, этот Саввушка Эфрон.)

Вторично и самостоятельно после Египта я открыл значение, смысл, небеса, «поемость» и воспеваемость мужского полового органа. Открытие это не только подобно и равно открытию небес, Бога, но и превосходит это — как большее собою превосходит меньшее собою. Как не «мир включает в себя обрезание», а «обрезание заключает в себе *уже и мир*».

Ибо до обрезания бе хаос, а после обрезания бе гармония. Так — вот: теперь я умру, теперь мне не для чего больше жить.

.....
.....

Да, я недоговорил: так «Еа» есть в то же время вавилонский бог, древнейший, за тысячелетия до Р. Хр. И по тому же молитвеннику 1908 года евреи взывают к Иегове как *растительному богу*. а это есть определение, полное, законное и универсальное — Озириса у египтян. В то же время это есть все — сливаемое и все сливающее в себе определение Органа-Творца.

Зачем же мне жить, когда это все я *нашел*.

Цитаты из Рагозиной и из молитвенника

* * *

Ноябрь 1918 года

Одно было золото — сердце, ум
У сопливого мальчика в Костроме.

Но ни ног, ни рук.

И сказал мир: к чему же он годен,

Когда не может работать.

И зачем он нам, если не способен служить «на побегушках».

И воззвал к Небу: «Господи, пощади».

Он присоединил дар писания невозможному калеке и уроду.

И заслушались люди: «Он поет».

И Лобанов присылает вот марки.

И еще сто рублей, милый.

Боря из Нижнего пятьдесят.

И потянулись. Соколова с толокном.

Так помогает от почек и утомленного сердца (жена).

О, други мои. Спасибо. И Андрей Константинович с «вечной памятью»
Евгении Ивановны. И Нестеров.

И Всехсвятский — он прелестен, чудный.

И жена его, милая Муза Николаевна, 3 раза напоила чаем. С обильным хлебом. Три кусочка, положенные друг на друга «поленницею» (крест-накрест). И с молоком, и с вареньем. Она счастливо сказала: «В былые годы Николай Дмитриевич (муж) КРУГЛЫЙ ГОД пил чай с медом. У его матери — соты» (т. е. пчелы, улья).

* * *

19 ноября <1918>

ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Если мы Всего Христа окинем с головы до ног и все христианство в полноте его выражений тоже от начала и до завершения, то странно было бы, если бы мы не заметили, что он весь, «как по ступеням восходя», увенчивается сперва — серьезным, потом — вздохом, в-третьих, стенанием, и наконец, — смертью. Что смерть и гроб есть увенчание Его и ее, что «Церковь» есть «Невеста Христа» вовсе не в земном обычном смысле «невесты», а «в совершенно другом», это неумолимо и *так*. Входим ли мы в храм и окидываем его, окидываем тоже общим взглядом, непременно общим, только общим — мы замечаем, что многое тут изображено: но Он «висящий» с немного подогнутыми коленями, с главой, склоненной к одному плечу, в легком препоясании, с кровавым пятном в ребре, истощенный, худой, страдальческий — господствует над всем, торжествует над всем...

«Вот Мое торжество, егда — вознесусь»

Самые речи Его, «беседы», строгим тоном уже подвигают к этому завершению Все — нужда, «голодные, которых накормил», «Лазаря, которого исцелил» (или воскресил), «Мария, слушающая слова Его у ног», помазующая миром из алавастрового сосуда ноги Его — женщина-грешница — все есть уже «приуготовление» к гробу и только к гробу, именно к гробу. После Вифлеемской части — увы, столь недолго, — как бы части почти уличной и неинтересной, — мы сейчас же переводимся в грусть, печаль Он — именно который был Распят: а без распятия — ничего. «Ничего» — поучения; самая Гефсимания — «ничего». Распятие до такой степени господствует над всем, что «Христос» и «Распятый» — это одно лицо, названное в периферии и в центре. Терновый венец, терновый венец... колючка этого смертного растения. Колючка ужасная, особенная, отнюдь не такая, как у шиповника, любимого детьми, и на которые, смеясь и взвизгивая, они накалываются, подбieraя ягодки, — колючка ужасная, колючка казнящая, колючка поистине адская уже, безлиственная и бесплодная, высохшая и без жизни, — она одна... И на нее летит душа, вопия — «пронзи и меня», «пронзи и меня»! Пронзи, как Того, кого я слушала, у кого научалась, Кто есть мой Спаситель...

Спасение страданием — это до того очевидно в христианстве: и тогда какие же радости, торг, дети, семья. «Ничего не нужно». О, поистине — Ты «победил мир»: но чем? Что весь мир устремил к такому страданию, при

котором вообще «не надо солнца, не надо луны, не надо звезд, — смешны и мелки цветы, деревья, животные».

«Ничего Я — один» О, я, я, я. . «Аз», столько раз повторенный и венчающий все, «Аз» распространенный на мир, померкнувший или, вернее, поморивший солнце, звезды, луну, мир.

«И сотряслась земля» «И разверзлись гробы». «И мертвые восстали» Да. Которые стали ловить живых, чтобы уносить их к себе...

Религия ужаса. О, такого ужаса, при котором леденеет кровь, какого от начала мира не было, где воистину «Бог» и «проклятие» есть одно. Это — не Бог. А кто проклял Бога таким неслыханным проклятием, истязал Его и мир Его таким истязанием, что как бы Сам Бог содрогнулся и произнес: «Зачем же я сотворил мир — и что-то делал, и сам же ковал судьбу его».

Христианство и Бог несовместимы. О, оттого-то столько атеистов... «Если все так, то нужно играть в ералаш». «Мистический народ» — «горчайший пьяница» (русская концепция русского кабака и жизни, похожей на кабак; «развалившееся тупое царство»).

Все в такой связи. Русские действительно глубже всех поняли Христа:

Обнесенный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Наш Христос и Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Покорно благодарю на таком «благословении». После него — в кабак или в Цусиму «Где же тут устраивать царство». Петр Великий — необходим.

Эх, трезвая работа В конце-то концов это тоже кабак — бессодержательность, все эти министерства, вся эта ерунда. Но ведь мы и сказали — «ерунда». Ерунда и отчаяние, отчаяние и ерунда. «Хоть бы революцией заняться». «Построим государство, а потом его разрушим». Вавилонская башня. «Языцы не поняли друг друга и разошлись».

— Расходитесь, братцы, — тут ничего поделывать нельзя.

— Пронесли тяжелую вещь наверх. Да застряло в дверях. Не пролезло

— Кидай работу.

Отчаяние. Европа бьется, в сущности, в отчаянии. В отчаянии цинизма. И кроме цинизма ничего не может быть, потому что глубочайшим, самым глубоким из глубоких образов исключен Бог-Вседержитель и Бог-покровитель и Бог попечитель о судьбе.

Какое же тут попечение о «склепе» и «костях».

Кончено. Нет, уж если «что», то тут — «кончено».

Все «богословия» и «оправдания» есть такая ерунда, о какой писать стыдно. Это «оговорочки» и «уклонения», риторика, слащавость и «такие вздохи». Мне даже непонятно, как можно быть «христианином». Как можно быть христианином и сейчас же не сойти с ума. Можно оговариваться шуточками. Как только дело доходит до серьезного восприятия — начинается сумасшествие.

Гоголь.

«Записки сумасшедшего», «Мертвые души», сожжение рукописей, серое сумасшествие и смерть. Ах, так вот где разгадывается Гоголь.

«Кончено». О, «Мертвые души» — это уже «кончено».

Ералаш и революция. Как все пришли к естественному концу. Но и Европа тоже получит когда-нибудь своего Гоголя и также умрет, — впрочем, не «умрет», а «издохнет», — им задавленная.

Таким образом, «концепция Европы», сводящаяся к «концепции христианства», завершается естественно смертью. Естественно, естественную смертью. Она — в зерне ее. И Израиль торжествует с «Древом жизни», которому никогда не изменял поклоняться. Мы же гибнем, потому что поклонились Древу смерти.

Смерть — это и есть небытие. Как же «быть» — «небытию».

Нет более музыкально построенной книги, чем Евангелие, и личности тоже столь музыкальной, чем стоящая в ее центре. Влекомая-то этою музыкой, этими нюансами, нисхожденьями, замираниями и всею прелестью их, всею томительностью их, Европа и ступила «первый шаг», в опасный путь. В тот путь, от которого удержался Никодим. Но путь-то этот таков, что ступивший по лестнице на первую ступень уже никогда не остановится, а дойдет до конца. Смерть есть — для всего. Умирили и раньше христиане. Но сперва жили и потом умирали. Христианство ужасно считает, что самая жизнь стала не чем иным, как подготовлением к смерти [что это не есть жизнь, прерываемая и оканчивающаяся смертью: но что Христос открыл им взгляд на самую жизнь, как только подготовление к смерти. Вот в чем ужас, что исчезла жизнь с завершением в жизни же, с восхождением, «анодом», и осталась жизнь только с «нисхождением», с катодом. «Тогда вообще ничего не надо», мерзость и цинизм, вот и растление — стало венцом всего. Тогда как прежде, прерываясь, «отдыхая», вообще-то ею сходили. Цивилизация же европейская...]

Смерть стала узлом и центром самой жизни. Через что жизнь естественно потеряла какое-либо устремление в себя, потеряла всякий земной интерес. Причем это было вовсе не как в Египте и смешивать тамошнее и христианское — было бы безумием. Радость, наступающая после смерти в Египте, — до того торжественна, величава и счастлива, при этом она достигается всяким египтянином, грамотным и безграмотным («всяк человек становится, умерев, Озирисом», т. е. верховным Богом, — формула Египта), — что «загробный мир» именно и ожидание его переливал таинственную, единственную в цивилизациях мира, улыбку на лице всех египтян. Нет лиц более прекрасных, чем египетские. Лица христиан — унылы, грустны. «Поклонившиеся Солнцу» и «поклонившиеся Христу» не имеют ничего общего. Смерть христиан еще печальнее их расстроенной жизни: лишь праведники, т. е. естественно немногие, и вообще не все люди, но лишь часть их, и небольшая часть «вероисповедания», т. е. только такие-то церкви или секты, находится в раю, причем и самый Рай состоит лишь в лицезрении Христа и

лишен всякого иного содержания, — все же остальное, т. е. загробная жизнь всего почти человечества, ввергается «в огонь неугасимый, где будет скрежет зубовой и вечный плач». Великий странник и благороднейшая душа, благороднейшая в мире, Данте, начертал именно «Ад» центром всей поэмы. В ней тусклы около него «Чистилище» и «Рай», в сущности фальшивое и чистилище, и рай. Как и другой поэт, Мильтон тоже начертал «Потерянный Рай», великую поэму, около которой каким жалким лепетом является его так называемый «Возвращенный Рай». Так. образ., по чувству двух величайших религиозных поэтов христианства «Потерянный Рай» и «Ад» — суть всего. И — тяжкая, тоскливая жизнь на земле, сводящаяся к канцеляриям, революциям, расстройству и попыткам его устранить. И ничего лучше, ничего менее тоскливого, ни для загробия.

Что же это? Нет, в самом деле? Откройте это? Апокалипсис утешает, что это — не всем: что кто не «изменяет первой любви» (т. е. любви к Древу жизни, небу и раю, — вообще которые сохранили веру в жизнь и Благого Бога), т. е. попросту — ветхозаветной любви, получают награду, заливающую все счастьем какое-либо историческое представление. Притом награду — несколько не загробную, а именно и опять непременно — земную. Тот «Небесный Иерусалим», о котором он говорил, есть земной и восстановленный после разрушенного Римом. Нужно заметить, для всех народов непонятно, каким образом они могли изменить «первой любви»: не для всех ли их Библия, Иов, пророки, псалмы — были вечным утешением, вечною радостью, самою чистою и благородною, перед которым исторические и законодательные книги суть простое отрицание, простой и кощунственный нигилизм. Не все ли народы нарекли их историю «Священной историею», *своею* «священной историею», таким образом, как бы отрицает своих поистине жалких, грубых, *варварских* летописей. Превосходство священной, поистине *святой* истории до того очевидно в те времена. За столетия и почти тысячелетие евреи дали образцы такой мысли, такого утонченного и глубокого понимания всех вещей, такой нежности, смирения и красоты — вообще всех жизненных отношений, что только египтяне, и они как-то суть старцы-народы и с тем вместе наставники всего человечества. И греки, и римляне — пусты перед ними. Грецию и Рим давно пора даже в школьном (и университетском) изучении — заменить историею евреев и Египта. И вообще все следует переменить в этой маленькой и мињятюрной Европе — в этой нигилистической и давно превратившейся в труху и пошлость Европе — изучением Азии. И вот этот деликатный, — этот не столько даже мудрый (хотя и очень мудрый), сколько деликатный и утонченный, но не развратно-утонченный народ (у нас «утонченность», — не в извращенной Европе, называется всегда — «утонченным развратом»), — вместе фатальный, пылкий, здоровый, промышленный, он естественно и неодолимо движется впереди всех остальных: и сам без государственности (как это глубокое вечное отрицание Левиофана, как и отрицание «убей» и «укради» [социализм]) и, след., совершенного без политического и властолюбия, и тщеславия, этими «пассажи» тор-

говыми, промышленными, воистину опять финикийскими, опять александрийскими, он свяжет в одну паутину все народы, оставляя их свободными (отсутствие гордости) и вместе организованными. Везде — тихая лавочка, везде молитва. Везде псалом и пальмовая ветвь.

Совершенно не постигаю, зачем потребовалась «любовь вторая», когда первая давала вечность и жизнь. Что такое случилось? Почему Иерусалим стал «Содомом». Он «Содомом» не был: это видно даже по множеству прекрасных евангельских лиц, как и по — Апостолам, их было 12, это больше, чем те 10 содомитов, ради которых Бог готов был пощадить Содом. Последующая *наказанная* судьба Иерусалима («ободранный козел» вместо «Святого креста») представлялась до того неестественною, она для поля всемирной истории и благодарного ее ответа до того оскорбительна, она для народов, одновременно принявших их историю за «священную» и «свою» и вместе загнавших их в «гетто» и «местечки», представляется до того чудовищною, что мысль леденеет и язык не умеет говорить. Это какая-то «отрава Сократа», но где Сократом является целый народ.

В *мотивах* своих евангельская история — совершенно непонятна. Часто мне казалось, что есть «событие появления *написанной* евангельской истории», но что самой ее *в действительности* никогда не было: до такой степени мотивы ее совершенно непонятны. Она есть именно шип терновника, вдруг заколовшего несчастный народ, город, храм, — с единственным значением, — с значением: которое как только узнали народы Западной Европы, сев они прочли *их книги*, отнюдь не новозаветные, — так назвали *своею* «священною историею». Да в самом деле, что же может быть изумительнее, величественнее Книги Иова. Как бедны перед нею и Данте, и Мильтон; Шайлок и Фауст со своими только попытками религиозной философии. Удержаться от мысли, что Евангелие есть просто *нападение* на все это — невозможно. Нападение совершенно беспричинное — это явно и из того, что исключительно искушало Иисуса; внимало Ему, что он нашел себе Апостолов, что вообще он был окружен трогательными людьми — это слишком явно. Зачем, если *еще не распяли* и собственно *за распятие* было нечего поэтому наказывать. *Почему же он был распят?* — Распятие ни из чего не вытекало. Он ожидал и требовал счесть себя Богом: но это до того противоречило учению всего еврейского народа, Моисею, пророкам, — всему, всему, — что они никоим образом не могли на это сказать «да». Это так же как если бы для нас «появился второй Христос», как если бы «в Лондоне или Париже появился еще Христос», «с судом над живыми и мертвыми». Евреи на это посмотрели как на что-то невозможно чудовищное, как нереально чудовищное увидели бы и мы. Но тогда какой же, какой же мотив евангельской истории, евангельской концепции? Его совершенно не было вне мотива беспричинно и безвинно покарать и раздавить невинный город, исключительный город. И кроме этого мотива — другого не было. Кроме мотива собственно скопчества и оскпления (сравнительно с плодородием Израиля) — целого народа — не было. Но ввиду

опять же Моисея, пророков и «всего» — опять евреи могли на эту заповедь и мотив ответить только гневным, даже яростным, разъяренным — нет. Монастырь. Да, вот на это евреи могли сказать «нет». Они могли предвидеть, что будут и «богатые монастыри», и мотив, почему «богатые монастыри» простоят, а «богатый юноша» не будет прощен — им было совершенно непонятно, как мне и, я думаю, всем нам. Почему знаменитые и авторитетные монастыри, почему знаменитая и новая паства есть и не укорена, а в то же время посекается не только знаменитая, но и всякая генерация — это тоже непонятно. Другое дело: они могли усмотреть общий уклон к гробу. Но тогда действительно у них считался «отцом отцов нечистоты», и это еще с времен Товии, и на такую концепцию они тоже не пошли. И найти («Древо жизни») окончательно и совершенно не могли. Из притчей всякая могла бы войти в Ветхий Завет учений вообще совершенно новых, за исключением скопчества и что я есмь «Господь ваш Иисус Христос», — никакой не было. Таким образом, что же, что же? Этого тоже и совершенно нельзя понять. Книга есть: но события, описанного в книге, никак не могло выйти.

Мотив именно в расхождении плодородия и бесплодия. И как можно заметить во всех историях, мотив бы этот мог «заварить кашу». «Быть» или «не быть»? Но для народа, который «слишком был», и в этом «слишком был» оставил целую «священную историю», что значило «не быть». «Не быть роду и породе священников». Мотив и мог заключаться в этом. Как-то о русском народе в XVII или ином веке вдруг сказано было: «Зачем тебе жить?» Но это — не русские, без всякого особенного значения, а — евреи с их исключительным значением для всего мира. Это было слишком явно похоже на зачеркивание всякой религии, введение полного атеизма, — и они ужаснулись. Главное и опять: они не могли понять — «зачем?» Все было еще до распятия. В линию пророков и учителей — он мог вступить. Но он хотел выйти из этой линии — и объявлял новое учение о себе самом как Боге. Что на это могли ответить, что мог ответить Апокалипсис как не назвать это «каким-то сатанинским учением» и «собранием бесов и беснующихся».

Так это и представляется, и представляется иначе сотворителю Апокалипсиса — и не могло. В город совершенно невинный, простой, ясный, населенный прекрасными людьми, входит учитель «благой», который говорит о разрушении города, о разрушении храма, всегда предпочитает неевреев — евреям, заводит речь о ниспровержении вообще всего здесь и требует, чтобы Его, так учащего, признали выше Моисея, пророков, Ездры и, наконец, выше самого народа, населяющего город и страну. Это было до того неестественно и сразу же чудовищно, что кроме того, чем могилой — ничем и не могло окончиться. Насколько для нас, христиан, все кажется «зло в иудеях», настолько иудеям казалось и не могло не показаться «все зло», и именно «какое-то злое нападение» — со стороны Христа и Апостолов. Вообще, евреи не могли не смотреть на христиан совершенно так, как мы смотрим теперь на евреев. Т. е. до последней степени возненавидеть их. Апостолов —

1-й израильской христианской общины, очевидно, и должно было быть очень мало. И еще знаю, как это «малое число», громимое Апокалипсисом, «не соблюдавших первой любви» — нашлось.

Но победил Христос. И тут мы вступаем в ноумен всего дела. Очевидно, «дитя Божие», еврейский народ должен был быть раздавлен, — и вот тогда мы подходим к разгадке как и евангельской истории, так и к разгадке самого Апокалипсиса. Но слова дальнейшего изложения так были бы печальны, что я удерживаюсь говорить

Тот, кто был «первый и последний», и весь «Престол Божий», рисуемый Апокалипсисом, очевидно, должен был потесниться, поколебаться, но . на время. И именно — на 2000 лет свилась долгая еврейская история. Таким образом, в истории должен был совершиться перерыв — в религиозной истории. Пока все вернется к началу — торжеству добра.

В историю всемирную христианство вошло терпением. Колочим, безбожным, который и мог завершиться только нигилизмом и распадением жизни, самой ткани ее. Но этот терн из разлагающихся тканей — естественно выпадает. И поболее в некоторое время, ну, немножко века — «глава все-таки исцеляет» (Апокал.), и народы вернутся к тому единству всей вообще всемирной религии, где Израиль есть первый и где, однако, и вся древность оправдана.

Религиозная история Европы, однако, пытана. Это просто пытливость племенных сосредоточений на вечных темах. Однако ни одна церковь, сама по себе значительная, не имеет красоты истории Израиля. Он первенец Богу, и это должно просто признать другие народы. Тут не есть им укор, но каждому — свое. Вечная песнь Богу, глубина пророков, неизъяснимость законодательства — все у него. Серьезность жизни — у него Эти тихие занятия, отрицание государства, жизнь маленькими общинами, теснейше связанными, без чудищ «империй», королевств и прочих политических извращений — все это вытекло естественно из жизни благочестивой, где вообще никто никого не должен притеснять и все должны жить свободно. Собственно — независим и не связан должен быть каждый город, даже без уездов. Не дальше, чем сколько хватает глаз «орла, девы, быка и льва». «Все прочее — от лукавого», от зависти, гордости, тщеславия и прочих «грехов», которые у человечества еще мертвее, чем у личности. Но вообще «грех» в конечности — становится злодеянием в Левиофане. «Не укради, не убий, не прелюбодействуй», «почитай отца и мать» (отца генерации) — это все есть все заповеди общины, лица, человечества.

II

АНТИХРИСТ

Ап Павла Второе Послание к Тимофею

Глава 2-я. «Итак, укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом;

И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить

Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа

Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтоб *угодить военачальнику*

Если же кто и подвизается — не увенчивается, *если незаконно будет подвизаться*

Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов

Помни (Господа) Иисуса Христа, от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовестию моему,

За которое я *страдаю даже до уз, как злодей, но для слова Божия нет уз*

Посему я *все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славою.*

Верно слово: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем, если отречемся — и Он отречется от нас*

Сие напоминай, заклиная пред Господом *не вступать в словопрения, что ни мало не служит к пользе, а к расстройству слушающих*

Старайся представить себя Богу достойным, *делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины*

А *непотребного пустословия удайся, ибо они еще более будут преуспевать в нечестии,*

И *слово их, как рак, будет распространяться.* Таковы Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру.

Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию. *познал Господь Своих; и: да отступит от неправды всякий, исповедывающий имя Господа.*

А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни в почетном, а другие в низком употреблении.

Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело

ЮНОШЕСКИХ ПОХОТЕЙ УБЕГАЙ, а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца

От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но *быть приветливым* ко всем, учительным, незлобивым, — с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, *чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю*»

Эта 2-я глава «Второго послания Апостола Павла к Тимофею» никем из писавших о так называемом «пришествии Антихриста» не вводится в состав комментируемого матерьяла, в каковой вводятся *только следующие за нею третья и четвертая главы*. Между тем нечто из «матерьяла» мы уловляем и в этой уже главе. Бьется какой-то пульс противоречий, несовместимостей в слове пылкого Апостола: он хочет быть спокоен, и — не спокоен, хочет не спорить, и — спорит (Именей и Филит); жаждет не плодить речей, и — плодит их множество, наконец, говорит о мире — и вооружается как воин Христов. Он уже готов на муки, на узы — и не отступит перед ними. Мир языческий тих, спокоен от Кесаря Августа и Клавдия до Сирии и Палестины: но уже недолго оставаться ему тихим; с Востока придет этот воин Христа, и — нападет на Рим, смутит Рим. Да чем смутит? Да вот хоть этим «Юношеских похотей убегай, а держись правды, веры, любви, мира». Разве же в Раю, созданном Богом для человека, не было «правды, любви, веры, мира» *до грехопадения еще и, между тем*, едва взглянув на созданную ему Еву во время сна, Адам воскликнул дивные слова:

«И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей, она будет называться женою ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей и будет одна плоть» (Бытие, глава 2, стих 23—24).

*Основание всех, решительно всех связей человека, самой связанности его, завязанности в узел. Почему человек в узле, — государственном, общественном, наконец — в историческом узле? Да — по этому одному: что он — от одного (Адам), но — расщеплен, и — хочет вновь воссоединиться. Это «хочет» называется «похотью». «Хочу». Вечное «хочу» — в сущности юноши, и — в сущности жены себе. От этой-то «похоти юношей» родилось ВСЕ: царства, Рим («похищение сабинянок»), престолы, *вся и всякая история.**

Но уже стоит воин с Востока, который говорит могучее: «НЕТ». Кому «нет», чему «нет»? Царствам, престолом, в сущности — *истории.* Даже в

сущности — *бытию человека*, т. е. «Адаму вечному». Человек — спорчивый, готовый к «узам», страданию... И самое это «страдание», — о, как оно далеко от *сосрадания*... Это — страдание нападающего, а — *не защищающегося*...

И вот сейчас странные слова, уже комментируемые в толкованиях «знамений Антихриста»:

Глава 3. «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие.

Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящи добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся ...»

Просто — задыхаешься, читая каталог пороков «боголюбивого человека», т. е. человека, возлюбленного Богом, и которому Он дал «рай» когда-то и в нем *для этого человека* насадил все деревья и дал лучшее из «деревьев» — создал *жену ему*. Но почему же, почему такой длинный «каталог»? Уж не «развязался ли узел Вселенной», о котором мы упомянули? Вот — именно:

«Таковых — удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и *обольщают женщин, утопающих в грехах, водимых различными ПОХОТЯМИ*, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины.

Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди развращенные умом, невежды в вере.

Но они не много успевают; ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось

А ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, в *гонениях, страданиях*, постигших меня в Антиохии, Иконии, Листрах, каковые гонения я перенес.

Да и все, желающие жить благочестиво в Христе Иисусе, будут гонимы».

Удивительное влечение к ранам; сладость ран. Она будет, мерцаниями, встречаться во всей истории христианства. И влечение — уже аргумент. «Как? Что? Почему?» еще неизвестно «почему», а потерпеть уже хочется. Полное *противолежание* «раю сладости», насажденному для человека-Адама Богом. Т. е. какое-то дальнейшее *отведение человека от рая*

«Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь.

А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен.

Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса

Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в правед-

ности; да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.

Глава 4. Итак, заклинаю тебя перед Богом и Господом (нашим) Иисусом Христом, *Который будет судить живых и мертвых в явлении Его и царствие Его*

Проповедуй слово, *настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием.*

Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху. И от истины отвратят слух и обратятся к басням.

Но ты будь бдителен во всем, *переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало».*

Апостол говорит о *близкой мучительной кончине своей*. И «что-то было», «случилось», — почему «смертию да умрешь *за грех свой*», изреченное Адаму Богом при изгнании из Рая Сладости, Апостолом-христианином призывается «как само собою разумеющееся». Как странно это читать о том, кто, конечно, тоже «из детства знал священные писания» и знал также и то, что они «богодухновенны». И он кончается, как бы в каком-то сомнамбулизме:

«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, *веру сохранил.*

А теперь готовится мне *венец правды*, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его

Постарайся придти ко мне скоро»

Т. е. он зовет «возлюбленнейшего ученика своего Тимофея принять таковой же венец мученичества»... Так, мало-помалу, образуется тропа мученичества... И это *не Рим «воздвиг Колизей»*, а Колизей, в сакраментальном его значении, был воздвигнут руками, *протянувшимися из Иудеи, потребованными Иудеею...*

* * *

АПОКАЛИПСИС

Из христиан ни один вообще человек и ни одно племя не засматривало в иудейскую душу *со стороны Христа и христианства*. Мы знаем и измеряем все «от Христа», но никогда не соизмеряем *того же самого — от иудея*. Поэтому они нам представляются «ненавидящими Христа и нас», — «ненавидящими и врагами христианства», «распнувшими Величайшую Добродетель», «величайшую Чистоту», того — кого за сумму преимущественно нравственных черт и за великую сверхъестественную мудрость и учение мы наименовываем «нашим Богом» и, более того, наименовываем Творцом Все-

ленной («В начале бе — Слово, и Слово — бе к Богу, и Бог — бе Слово»). За эту-то черту христианину никогда не удалось переступить. Иначе как «из-за этого забора», «через этот порог» — он не умеет видеть. «Для христианина — это аксиома» и « $2 \times 2 = 4$ ».

Отсюда вывод: «как $2 \times 2 = 4$, так же очевидно, что иудей проклят и есть чудовище.

Для иудея же отсюда начинается суждение... суждение о христианах, да и о всем мире, о человечестве. Они думают и не могут не думать: «Мы всему человечеству дали нравственный закон, дали Бога, религию. Наша роль поэтому — неизмерима с ролью греков или римлян. Те дали — пустяки; музыку, свирель, *corpus juris civilis*¹. Все это вздор и неинтересно. Мы дали им утешение. Дух Утешитель воистину «прошлое явление», «прошлый дух», «прошлое лицо». Это мы, именно мы — для всех народов, для целого человечества как бы заранее были, сделались, сделались a priori, утешителем. Потому что один наш дух есть Утешающий дух, одни наши речи и тон наших речей есть успокаивающий для всех скорбных сердец. И пророки, и законы наши — единственны. Теперь, обойдем на секунду; на одну условную секунду Христа. Предположим 33 года молчания, небытия. Каким образом человечество, вся эта странная Европа, могла думать и допустить, что так, *ex abrupto*², мы взяли «и возненавидели Праведника». «Просто — потому что Он — Праведник, а мы — злы». Уже в самом этом предположении есть что-то подозрительное. Как это весь народ оказался «сразу зол»? Затем, споры «о субботе», — что «нельзя совершать добрых дел в субботу». Не «человек для субботы, а суббота — для человека». Во-первых, да читайте в Талмуде: в субботу врач поспешает к роженице, и вообще в субботу «именно у нас вытаскивают козленка из ямы», а — не у христиан. Таким образом, самый спор о субботе, представленный в Евангелии, и из-за которого мы будто бы Христа и распяли, есть простой вздор, антиталмудический: а ведь Талмуд был составлен и весь в памяти хранился еще до Христа, в пору вавилонского пленения иудеев, и был составлен вавилонскими нашими учеными, жившими в тамошнем плену. Во-вторых, что касается субботы, то в Евангелии проведено совершенно неверное освещение субботы, и это как-то бросает тень на самое Евангелие. Совершенно непостижимо, чтобы кто-то с претензиями на иудейского бога или мессию до такой степени не понимал, что суббота не есть обыкновенный праздник, но как бы «еще одно из имен, Имен Божиих», притом именно такое особенное, какое особенно сливается с Существом Божиим. Но вот и ради-то Его все-таки может акушер действовать над роженицею; и это именно у нас, а не у христиан — «суббота и дана для человека», как и Моисеев Иегова — «явно для Израиля, от Хорива до Иерусалима». Таким образом, все дело представлено в Евангелии как будто человеком, никогда не бывавшим в Иерусалиме. Вообще евангельский рас-

¹ свод римских законов (лат.), «Кодекс Юстиниана».

² внезапно (лат.).

сказ в высшей степени подозрителен, — в том смысле, что он совершенно несбыточен, неисторичен. Не менее странно, что в наших книгах евангельская книга не упоминается даже легким упоминанием. Что все это значит — невозможно разобрать. Вдруг является какая-то «евангельская история», коей никакого отражения в наших книгах нет, никакого отражения в нашей истории нет. Необъяснимо, как и почему, — нас начинают так называемые «христиане» гнать. И нам только с этой точки зрения и известно все. Мы никакой евангельской истории не знаем, никакого распятия среди разбойников, никакого Каиафы и Анны, вообще — ничего. Мы совершенно не знаем и совершенно не понимаем евангельской истории. Но вот с этого времени, с Понтия Пилата, все до такой степени обрушивается на Иерусалим, — начинают сыпаться до такой степени камня, и в таком числе, так остры, что мы решительно не можем опомниться. Собственно, мы не знали Христа и никакой вражды к нему не имели. Мы были как были, жили как жили и верили как верили. В нас — ничего. Но поистине Кто-то, совершенно необъяснимый, совершенно нам чуждый и непонятный, со словами, записанными, правда, у евангелистов, но как туда попавшими — нам это тоже совершенно неведомо, каким-то невероятным проклятием распял нас вот до такой муки, до такого страдания, как этого совершенно не совершалось ни с одним народом. Из Сына Божия, из дитяти Иеговы — мы представлены в так называемых евангелиях исчадиями тьмы и Сатаны. Бывшие столько времени первыми, близкими для Бога, народом избранным и переизбранным, мы попали «в опалу Божию», решительно ничего против Бога не сделав, веря как верили, и вообще — ничего не сделали. Мы — иудеи, как были иудеи. Мы действительно возненавидели всю эту нам непонятную евангельскую историю, но возненавидели — *потом*, после *того*, что с нами начало происходить: ибо все народы, принявшие эту «евангельскую историю» как *правду свою* — возненавидели нас таким страшным ненавидением, о каком неслышанно слышать и невероятно рассказать. Нас гнали, замучивали, жгли. Гнали целым племенем. Мы не могли и не можем отчасти нигде себе найти место. Все гонения сирийцев и ассирийцев — ничего не стоят против этого. Все Вавилоны и цари Сеннехеримы — ничего же не стоят. Что происходило в Испании, что происходило в Германии, что бывало в России — этого не перечить. Вся история наша, весь быт — превратились в одно страдание, в одну сплошную рану. Только Бог нас и поддерживает. Один Бог, в которого мы продолжаем верить. Бог и дивное законодательство Моисея, из всех див самое дивное, из всех мудростей — самое мудрое, и которое еще доработали наши старцы, наши праведники. Мы совершенно такие же евреи, как прежде, как всегда были, как были еще при фараонах и при Антиохах сирийских. Это чистая выдумка христиан, что с нами что-то произошло. С нами совершенно ничего не произошло. Но что-то действительно произошло с так называемыми христианами — именно, на них нашла какая-то одурь, что, веря сперва Моисею, признавая Его писание, признавая и пророков всех наших, они прибавили к этому какую-то странную историю о каких-то будто бы

двух заветах, когда Бог *Един* и, конечно, завет его также *один*. Единственная разгадка этого — лежит в Апокалипсисе. Апокалипсис совершенно ясно и твердо называет «собраниями Сатаны» и «собраниями бесовскими» эти так называемые «апостольские церкви» и говорит о них, об Апостолах:

«Я Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби и в царствии, был на острове, называемом Патмос... Я был в духе и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я ЕСМЬ АЛЬФА И ОМЕГА, ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ. То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Ефес и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию.

Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников И среди седми светильников — подобного видом Человеку, ОБЛЕЧЕННОГО В ДЛИННОЕ ОДЕЯНИЕ ИУДЕЙСКОГО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА И ЦАРЕЙ ИУДЕЙСКИХ и по персям опоясанного золотым поясом. Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи; и голос Его как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд; и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч, и лицо Его как солнце, сияющее в силе своей

И когда я увидел Его, то пал к ногам Его как мертвый И он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся Я ЕСМЬ ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ. И имею ключи ада и смерти Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего Тайна седми звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников, сия: семь звезд суть Ангелы седми церквей, — а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей

Ангелу Ефесской церкви¹ напиши: так говорит держащий семь звезд в деснице своей, ходящий среди седми золотых светильников: знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и что ТЫ ИСПЫТАЛ ТЕХ, КОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ АПОСТОЛАМИ, А ОНИ НЕ ТАКОВЫ, И НАШЕЛ, ЧТО ОНИ ЛЖЕЦЫ. Ты многое переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился, и не изнемогал Но имею против тебя то, что ТЫ ОСТАВИЛ ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ ТВОЮ Итак вспомни, откуда ты ниспал, И ПОКАЙСЯ, И ТВОРИ ПРЕЖНИЕ ДЕЛА... Побеждающему ДАМ ВКУШАТЬ ОТ ДРЕВА ЖИЗНИ, КОТОРОЕ ПОСРЕДИ РАЯ БОЖИЯ.

И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ: знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем, ты богат) и ЗЛОСЛОВИЕ ОТ ТЕХ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ О СЕБЕ, ЧТО ОНИ ИУДЕИ, А ОНИ НЕ ТАКОВЫ, НО СБОРИЩЕ САТАНИНСКОЕ. Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь Будь верен до смерти; И ДАМ ТЕБЕ ВЕНЕЦ ЖИЗНИ.

¹ Нужно иметь в виду, что *есть Послание Апостола Павла к Ефессянам.*

И Ангелу Пергамской церкви напиши так говорит имеющий с обеих сторон острый меч знаю твои дела, и что ты живешь там, **ГДЕ ПРЕСТОЛ САТАНЫ**, и что **СОДЕРЖИШЬ ИМЯ МОЕ И НЕ ОТРЕКСЯ ОТ ВЕРЫ МОЕЙ**, даже в те дни, в которые у вас, **ГДЕ ЖИВЕТ САТАНА**, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа Но имею немного против тебя потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов израилевых Имеющий ухо да слышит, что дух говорит церквам **ПОБЕЖДАЮЩИМ ДАМ ВКУШАТЬ СОКРОВЕННУЮ МАННУ**, и дам ему белый камень и на камне написано новое имя, которое никто не знает, кроме того, кто получает

И Ангелу Фиатирской церкви напиши так говорит Господь, у которого очи как пламень огненный и ноги подобны халколивану: знаю твои дела, и любовь, и веру, и терпение твое, и что последние дела твои больше первых

И уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности, и воздам каждому из вас по делам вашим. Вам же и прочим, находящимся в Фиатире, **КОТОРЫЕ НЕ ДЕРЖАТСЯ СЕГО УЧЕНИЯ И КОТОРЫЕ НЕ ЗНАЮТ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ГЛУБИН САТАНИНСКИХ**, сказываю, что не наложу на вас иного бремени **ТОЛЬКО ТО, ЧТО ИМЕЕТЕ, ДЕРЖИТЕ**, пока прииду

И Ангелу Сардийской церкви напиши так говорит имеющий семь духов Божиих и семь звезд знаю твои дела, ты носишь имя, будто ты жив, но ты мертв Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти, ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны **ВСПОМНИ, ЧТО ТЫ ПРИНЯЛ И СЛЫШАЛ, И ХРАНИ И ПОКАЙСЯ**. Впрочем, у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и **БУДУТ ХОДИТЬ СО МНОЮ В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ**, ибо они достойны **ПОБЕЖДАЮЩИЙ ОБЛЕЧЕТСЯ В БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ, И НЕ ИЗГЛАЖУ ИМЕНИ ЕГО ИЗ КНИГИ ЖИЗНИ...**

И Ангелу Филадельфийской церкви напиши так говорит Святой, Истинный, **ИМЕЮЩИЙ КЛЮЧ ДАВИДОВ**, который отворяет, и никто не затворит, затворяет, и никто не отворит. Знаю дела твои; вот, Я отворил пред тобою дверь, и никто не может затворить ее, ты не много имеешь сил, И **СОХРАНИЛ СЛОВО МОЕ И НЕ ОТРЕКСЯ ИМЕНИ МОЕГО**. Вот, Я сделаю, что **ИЗ САТАНИНСКОГО СБОРИЩА, ИЗ ТЕХ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ О СЕБЕ, ЧТО ОНИ ИУДЕИ. НО НЕ СУТЬ ТАКОВЫ, А ЛГУТ**, вот, Я сделаю то, что **ОНИ ПРИЙДУТ И ПОКЛОНЯТСЯ ПРЕД НОГАМИ ТВОИМИ, И ПОЗНАЮТ, ЧТО Я ВОЗЛЮБИЛ ТЕБЯ**. И как **ТЫ СОХРАНИЛ СЛОВО ТЕРПЕНИЯ МОЕГО** то И Я **СОХРАНЮ ТЕБЯ В ГОДИНЫ ИСКУШЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПРИЙДУТ НА ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ, ЧТОБЫ ИСПЫТАТЬ ЖИВУЩИХ НА ЗЕМЛЕ**. Се, гряду скоро; **ДЕРЖИ, ЧТО ИМЕЕШЬ**, дабы кто не восхитил венца твоего **ПОБЕЖДАЮЩЕГО СДЕЛАЮ СТОЛБОМ** в храме Моем, и он уже не выйдет вон, и напишу

на нем Имя Мое и имя града Моего, нового Иерусалима¹, нисходящего с неба. И имя Мое новое Имеющий ухо да слышит, что дух говорит церквам.

И Ангелу Лаодийской церкви напиши так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч, о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и главною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся. Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною² Побеждающему дам сесть со Мною, на престоле Моем...

После сего я взглянул. и вот — дверь отверста на небе И прежний голос сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего. И тотчас я был в духе, и вот, Престол стоял на небе, и на Престоле — Сидящий И сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг Престола, видом подобная смарагду.. И от Престола исходили молнии и громы и гласы. И семь светильников горели перед Престолом... И перед Престолом море стеклянное, подобное кристаллу. И посреди Престола и вокруг Престола четыре животных, исполненных очей спереди сзади.. И ни днем ни ночью они не имеют покоя, взывая «Свят, свят, свят Господь Вседержитель, который был, есть и грядет».

И видел я в деснице у Сидящего на Престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями И никто не мог ни на небе, ни на земле, ни под землею раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее И один из старцев сказал мне: «Не плачь. **ВОТ ЛЕВ ОТ КОЛЕНА ИУДИНА, КОРЕНЬ ДАВИДОВ, ПОБЕДИЛ И РАСКРОЕТ СИЮ КНИГУ И СНИМЕТ СЕДЬМЬ ПЕЧАТЕЙ ЕЕ**» И я взглянул: и вот посреди Престола и четырех животных стоял Агнец как бы закланный. И он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на Престоле. И когда он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых. И поют новую песнь, говоря: «Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати; ибо Ты был заклан и кровию Своею ИСКУПИЛ НАС БОГУ ИЗ ВСЯКОГО КОЛЕНА

¹ Очевидно, что написано уже после разрушения Титом первого земного, древнего Иерусалима. И, может быть и даже вероятно, что Апокалипсис и дан евреям в утешение и в отпор разрушению Титом Иерусалима.

² Говорится о тайном значении иудейской субботы

И ЯЗЫКА, И НАРОДА, И ПЛЕМЕНИ; И СОДЕЛАЛ НАС ЦАРЯМИ И СВЯЩЕННИКАМИ БОГУ НАШЕМУ, И МЫ БУДЕМ ЦАРСТВОВАТЬ НА ЗЕМЛЕ»¹.

[Следуют казни земли].

И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души УБИЕННЫХ ЗА СЛОВО БОЖИЕ И ЗА СВИДЕТЕЛЬСТВО, КОТОРОЕ ОНИ ИМЕЛИ². И возопили они громким голосом, говоря: «Доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» И даны были каждому из них ОДЕЖДЫ БЕЛЫЕ, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, восполнят число.

И вот я взглянул: и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю... И небо скрылось, свившись как свиток... И цари земные и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелия гор, и говорят горам и камням: «Падите на нас и сокройте от лица Сидящего на Престоле и от гнева Агнца. Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

И видел я иного Ангела, восходящего от Востока солнца и имеющего печать Бога живого³. И воскликнул он четверем Ангелам, которым дано вредить земле и морю: «Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, пока не положили ПЕЧАТИ НА ЧЕЛАХ РАБОВ БОГА НАШЕГО. И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи ИЗ ВСЕХ КОЛЕН ИЗРАИЛЕВЫХ. Из колена Иудина запечатлено 12 000, из колена Рувимова запечатлено 12 000, из колена Гадова запечатлено 12 000, из колена Асирова запечатлено 12 000; из колена Неффалимова запечатлено 12 000, из колена Манассиина запечатлено 12 000; из колена Симеонова запечатлено 12 000; из колена Левиина запечатлено 12 000, из колена Иссахарова запечатлено 12 000, из колена Завулонова запечатлено 12 000; из колена Иосифова запечатлено 12 000; из колена Вениаминова запечатлено 12 000.

После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не может перечесть, из всех племен и колен, и народов, и языков стояло пред Престолом и Агнцем В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ И С ПАЛЬМОВЫМИ ВЕТВЯМИ В РУКАХ СВОИХ⁴. И восклицали громким голосом, говоря: «Спасение Богу нашему, сидящему на Престоле, и Агнцу.

¹ «Агнец как бы закланный» — совокупность племени иудейского, с его терпением, так как последующее («соделал нас священниками и царями») — повторяет предсказание Исаии о будущих и конечных судьбах Израиля, как вождя всех народов, племен и языков

² Обрезание.

³ Обрезание же.

⁴ Так называемые «булавы», украшающие древние еврейские монеты, и держа которые в руках евреи с танцами проводили торжественные свои праздники

И, начав речь, один из старцев, сидящих на Престоле, спросил меня: «СИИ ОБЛЕЧЕННЫЕ В БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ — КТО И ОТКУДА ПРИШЛИ?» Я сказал ему «Ты знаешь, господин». И он сказал мне «Это те, которые пришли от великой скорби, они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровью Агнца. За это они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на Престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной. ибо Агнец, который среди Престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их».

Здесь поименно, пофамильно, *породовито*, с невыразимою очевидностью сказано, КТО СПАСЕТСЯ. Спасителем, спасающим будет вечный Утешитель человечества, Израиль, в его *исключительно 12-ти коленах*, и — *никто* еще. Никакие христиане и «апостолы», о которых сказано, что сказано, и нам нечего повторять страшных слов, печальных слов. А спасаемым, спасенным будет все человечество, «народы и языки», наивные, детские; но которые без лишнего мудрования держатся за спину Иерусалимского храма и коим *дозволено было приносить жертвы и в Иерусалимском храме*, кроме специальных и личных еврейских жертв. Все народы (это поразительно!) были *припущены* к иудейскому святилищу; не были отторгнуты от Его святилища, воистину — святилища универсального, мирового. Иуда включал в свои объятия *все народы*, как всеобщее *Божие создание*, не обегая трав, деревьев, даже камней. Включив в «небо свое» даже животных. Все! Все! Весь Универз! *Вся полнота бытия*. Это выдумка, гнусная и гнусавая, христиан, будто мы кого-нибудь исключали из молитв своих, о ком-нибудь не молились, будет ли то элин, римлянин, галл. Мы бы НЕ ПОСМЕЛИ: как, СОТВОРЕНИЕ БОЖИЕ — и мы о нем не молимся! Апокалипсис в тысячах слов, в тысячах переменных оборотов слов говорит, клянется, заклинает О ВСЯКОЙ ТВАРИ МОЛИТЬСЯ, ОДУШЕВЛЕННОЙ И ДАЖЕ НЕОДУШЕВЛЕННОЙ. И вот, этот-то Храм, который вырос из души нашего народа до Универза, из нашего «Вениамина и Завулона» до китайца и Карфагена — его возненавидел Христос. Послушаем, что он сказал:

«И вышедши, Иисус шел от Храма, и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания Храма

Иисус же сказал им Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Евангелие от Матфея, глава 24, строки 1—2).

Какая злоба! Ученики явно с любовью и *гордостью* показывали как «о своем», «как о родном»!! И что-то прямо невероятное в жестокости, в *бесчеловечии* слов!

Тут есть свет! о, — это *свет*. Произошла какая-то подделка, какая-то переделка! Какая-то история, но — навыворот. Кто-то решил нарушить са-

мые первые заветы Божии и прежде всего — осудил размножение, самый первый «Аз» слов, выслушанных нами от Бога. Как и самый завет наш с Богом, в лице Авраама положенный, обрезание. Апокалипсис, может быть с преувеличением, называет его «драконом». Если, однако, взять слова Иисуса о скопчестве и взять в Апокалипсисе изображение рождающей жены и перед нею стоящего Дракона, жаждущего пожрать имеющего вот-вот родиться младенца:

«И явилось на Небе великое знамение. жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд¹.

Она имела во чреве и кричала от боли и мук рождения
И другое знамение явилось на Небе Вот большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем²

Хвост его увлек с неба третью часть звезд³ и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца»⁴ (Апокалипсис, глава 12).

«И сказал змий жене: Подлинно ли сказал вам Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змию: плоды с дерев мы можем есть; только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть

И сказал змий жене нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло.

И сказал Господь Бог змию за то, что ты сделал это, проклят ты... *И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее, оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.*

Жене сказал умножая умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рождать детей, и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою».

Так решительно говорить, как Апокалипсис, мы не осмеливаемся. Но никакого не может быть сомнения о *полном разрушении* всех нами получен-

¹ По числу двенадцати колен израилевых

² Венцы скопчества, слава монашеская

³ Говорится, что скопчество восторжествует, но по естеству земному и человеческому не охватит всего человечества и повергнет не все звезды с неба, а лишь треть их.

⁴ Вот! вот! Главный символ христианства, и свидетельство печати, какого и чьего оно духа что младенцы человеческие только в этой единственно религии — религиозно умерщвляются во имя требований данного от Христа завета скопчества. Раз скопчество — идеал и заповедь, раз монашество признано и объявлено выше семьи, раз девство идеальнее деторождения то во всем этом детоубийство уже содержится и неизбежно будет содержаться.

ных от Бога заповеданий. Апокалипсис зовет нас держаться «первой любви», он говорит о Боге нашем как «первом и последнем», «об альфе и омеге» и не допускает никакой мысли о поправлении этих заповедей какими-то совершенно с ними несовместимыми заповедями сыновними!! Вот с точки зрения единственно Апокалипсиса мы и можем только думать об Евангелии. Однако судя по потрясающим судьбам в нашей истории, судя по тому, что все обетования нашего Бога действительно точно куда-то рухнули и Иерусалим разрушился, народ был изгнан из земли обетованной, обещанной ему в самом завете с Авраамом, — судя по всему этому с планетой что-то случилось.

Но только в заблуждении вы, а не мы. В наших книгах, у пророка Даниила, тоже есть предсказания, и *о том самом Лице*, О ТОМ ИМЕНИ, НАКОНЕЦ:

«Даниил: теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению: вникни в слово мое: семьдесят седьмин определено для народа твоего, чтобы покрыто было преступление его, запечатаны были грехи и заглажены были беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и чтобы запечатано было видение и пророк, и помазан был Святой святых.

Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, ДО ХРИСТА ВЛАДЫКИ СЕМЬ СЕДЬМИН И ШЕСТЬДЕСЯТ ДВЕ СЕДЬМИНЫ; и возвратятся из Вавилона в Иерусалим иудеи, и обстроятся улицы и стены его, но в трудные времена. И ПО ИСТЕЧЕНИИ ШЕСТИДЕСЯТИ ДВУХ СЕДЬМИН ПРЕДАН БУДЕТ СМЕРТИ ХРИСТОС, И НЕ БУДЕТ; А ГОРОД И СЯТИЛИЩЕ РАЗРУШЕНЫ БУДУТ народом ВОЖДЯ, КОТОРЫЙ ПРИЙДЕТ, и конец его будет как от наводнения; и до конца войны будут опустошения. И УТВЕРДИТ ОДНА СЕДЬМИНА ЗАВЕТ НОВЫЙ И ДРУГОЙ ДЛЯ МНОГИХ, А В ПОЛОВИНЕ СЕДЬМИНЫ ПРЕКРАТИТСЯ ЖЕРТВА И ПРИНОШЕНИЕ, И НА КРЫЛЕ ХРАМА БУДЕТ МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ, И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННАЯ ГИБЕЛЬ ПОСТИГНЕТ ОПУСТОШИТЕЛЯ».

Все сосчитано; годы определены. Да ведь и имя названо, названо, и — смерть предречена! предречена! Годы сходятся... Точь-в-точь — и ни один из ваших же учителей не сомневается, что это точь-в-точь год распятия, как вы говорите Вашего Учителя. Но ДЛЯ ВАС ОН ЕСТЬ УЧИТЕЛЬ И СПАСИТЕЛЬ... А — ДЛЯ НАС? Нужно ли говорить? И нужно ли говорить о «субботе» и ее «нарушениях», об Иуде и его «предательстве», о «Каиафе и Анне», когда за четыреста лет все в точных сроках и именах было предсказано, когда это — СУДЬБА ПЛАНЕТЫ И МИРА, а не частности и подробности. Никто решительно и из толковавших *ваших же Учителей церкви* не сомневается, что ВСЕ УЖАСНОЕ ИСПОЛНИЛОСЬ С ПРИШЕСТВИЕМ ИИСУСА ХРИСТА. Юлий Африканский (II век по Р. Х.), Св. Иринеи Лионский, бл. Феодорит... да НИКТО, НИКТО этого не отрицает. И возьмем как общий вывод заключение ученого и профессора, напечатанное в 1898 году в

Сергиевом Посаде¹, городе святительском: «Но каким образом предсказание о мерзости запустения в IX, 27 книги пророка Даниила МОЖНО ОТНОСИТЬ К АНТИХРИСТУ, когда оно непосредственно связано с пророчеством о семидесяти седмицах, лучше сказать — составляет часть этого пророчества, А ПОСЛЕДНЕЕ, КАК ИЗВЕСТНО, относят К ПЕРВОМУ ПРИШЕСТВИЮ ХРИСТА? Ведь прекращение жертвы и приношения, явление мерзости запустения приурочиваются в этом пророчестве к середине единой седмицы, а ПО ОБЩЕПРИНЯТОМУ ИЗЪЯСНЕНИЮ СЕРЕДИНА ЭТОЙ СЕДЬМИЦЫ ЕСТЬ ВРЕМЯ СМЕРТИ ИИСУСА ХРИСТА. ПО ПРИНЯТОМУ РАСЧЕТУ ВРЕМЕНИ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ЭТОЙ СЕДЬМИЦЫ ПАДАЕТ НА ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА ОБЩЕСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА, СЕРЕДИНА ЖЕ ЕЕ СОВПАДАЕТ С ВРЕМЕНЕМ СМЕРТИ ЕГО. Но если мы первую половину единой седмицы отнесем во времени общественного служения Иисуса Христа, а середину ее к моменту смерти Иисуса Христа, то, в таком случае, заключающееся в пророчестве о седмицах предсказание о мерзости запустения, ПО-ВИДИМОМУ, уже нельзя будет отнести к Антихристу». Здесь важно, доказано и святоотечески утверждено, ВАШЕЮ ЖЕ ЦЕРКОВЬЮ УТВЕРЖДЕНО, что время пришествия Христа на землю точь-в-точь, год в год и месяц в месяц совпадает с пришествием на землю предреченного пророком Даниилом чудотворно и чудотворно — Антихриста. Да, ведь и имя прописано! имя! ИМЯ. ВСЕ совпадает!!! Как же не верить? Чудо. За 400 лет! За это же вы нас <упрекаете>, что, читая по-нашему пророка Даниила, мы по-нашему же судили и судим, а не по-московскому и профессорскому, и «о мерзости запустения», каковую «мерзость», конечно, видим в развалинах храма, в опустошенном Иерусалиме, который для нас — родной, для русских, конечно, — «не родной». Там — мерзости, совы и волки. Там — нет богослужения. Нет «жертв» и «приношения». И для христиан это — «слава Богу»: но мы? но за кого МЫ должны принять Христа?? ЗА 400 лет предсказанный, предсказанный в смерти своей, с ИМЕНЕМ Своим, зачем же, зачем он приседал и плакался: «О, Иерусалим, Иерусалим! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья и ВЫ НЕ ЗАХОТЕЛИ»!!! О, «не захотели», «не захотели»... Личное дело, минутная ошибка!! «Мы» — преступники, «Он» — Спаситель... За 400 лет предсказано... Планета. Мир. Судьба. Все начало поворачиваться иначе в истории. Но он же, но этот же глупый изрек и указал вам уже прямо о церквях ваших, где «откроется человек греха», «сын погибели», который «превознесется выше всего, называемого Богом святынею», «так что и в храме Божиим сядет как Бог, выдавая себя за Бога», — и погибнет всякая вера, погубит он всякую веру... И померкнет солнце. Посыплются звезды с неба, посыплются на землю, в грязь земли... В счет земли, глупый счет. Все — поглупеет. Покажутся зубы у ста-

¹ «О безбожии и Антихристе». Том 1. Подготовка, признаки и время пришествия Антихриста. Профессора Московской Духовной Академии Александра Беляева. Сергиев Посад, 1898 246 стр.

рухи-земли. Мертвые зубы в мертвой земле. И засмеется дикая старуха циничным хохотом. Это — вы, ваше Огонь земли, гниль земли. Но — не такие мы.

«Мы удержались «в Альфе», которая изрекла себя «и Омегой»... И ожидаем «древа жизни», к которому будет нас водить «закланный от начала мира Агнец». А Апокалипсис зовет нас «дождаться конца ВСЕГО»... Мы ждем. Зовем. Хотим. В предвестии всего, в предчувствии всего — для нас цветы еще хорошо пахнут. Мы любим землю, радуемся о земле — как нам не считать *свою планету именно своею планетою, именно для нас сотворенною, для одних нас, так как одни мы ее и любим по-настоящему.* Мы любим ее в Боге и Бога в ней любим, как вы и помните, христиане, в Раю-Саду. «И были оба наги (Адам и Ева) и не стыдились». «И Бог ходил в Раю, невидимый, между сотворенными им человеками. Вы сами плачете об этом, христиане, плачете, насколько еще не поверили «ему». В вас есть предчувствие рая, память рая. Еще не все от вас отнято. Вы еще можете вернуться. Идите к нам. К нам одним, знающим тайну Божию, мистерию историческую и божественную. Идите! Идите! Пророки верно сказали, что мы «поведем вас», а «цари ваши понесут нас на плечах своих». Понесут нас, маленьких и смиренных, терпеливых жидков. Мы плачем и сами о радости *быть с вами вместе*, потому что человечество-то все-таки ОДНО и ЕДИНО, от одного Создателя идущее, несмотря на попытку «его» отделить вас от Создателя и родителя вашего. Итак, мы не из гордости и не по тщеславию говорим вам о своем первенстве, о своей единичности и исключительности, а потому что не вы идете и пошли вперед нас, а мы идем и пошли вперед вас. Мы не отреклись от планеты, как научал вас отречься *он*. А сохранив ей верность, мы заслужили ее всю, всю. Бог назвал Себя супругом Израиля. Смотрите, Он суживается. Ради любви к человеку, Он весь стал маленькою планеткою: и дал ей всю силу свою, силу вечности и вечного бытия. Этот-то Сад-Планета и есть Иерусалим, но — уже Небесный. Все — преображается. Все — преобразится. Но пусть кончает книга Святого Пророка, первого пророка третьего завета:

«И показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога.

Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному.

Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов. на воротах написаны имена двенадцати колен сынов израилевых.

С Востока трое ворот, с Севера трое ворот, с Юга трое ворот, с Запада трое ворот.

Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца.

Стена города построена из ясписа, а город был чистое золото, подобное чистому стеклу.

Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями. Основание первое — яспис, второе — сап-

фир, третье — халкидон, четвертое — смарагд, пятое — сардоникс, шестое — сардолик, седьмое — хризолиф, восьмое — берилл, девятое — топаз, десятое — хрисопрас, одиннадцатое — гиацинт, двенадцатое — аметист

А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин. Каждая ворота были из одной жемчужины; улица города чистое золото как прозрачное стекло».

— Какое отрицание окаянного скопчества Иисусова скопчества и воистину окаянных заповеданий о Лазаре и убожестве, окаянных и в примере, и в следовании.

«Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель храм его; и — Агнец.

И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила ему и светильник его — Агнец

Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою

Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет
И принесут в него славу и честь народов.

И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, кто написаны у Агнца в книге жизни.

И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от Престола Бога и Агнца

Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой, и листья дерева для исцеления народов

И ничего уже не будет проклятого¹; но Престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему

И узрят Лице Его, и имя Его будет на челах их

И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном; ибо Господь Бог освещает их, и будут царствовать во веки веков».

¹ Апокалипсис неоднократно повторяет это и относительно рода человеческого, и относительно Космоса. Дело не в том, как обещал Иисус и с чего начал «обольщение народов», чтобы «развязать узы» и «выпустить заключенных в темницы на свободу», причем *клятва, его собственная внутренняя клятва не снята с человека*, и ему трудно; а в том, чтобы устранить самое проклятие с земли. Есть выражение, похожее на предчувствие: «Все *понять* — это значит все простить». Точнее эту мысль можно выразить так: «Когда все *объяснится*, тогда все уляжется в свое *сочетание*, в свою гармонию; всякий звук найдет себе отзвук». Если мы возьмем так называемую «греческую любовь», которая никогда в христианском мире не прощалась (влюбленность однополых существ), а между тем существовала от начала мира и, очевидно, не имеет прекратиться до конца мира, то вот слова «Апокалипсиса» особенно и имеют в виду такие и подобные явления, которые, вероятно, и объяснятся только к заключению судеб всего человечества. «Что-то и для чего-то и в этом есть нужда». «Иначе, зачем бы этому быть».

* * *

АПОСТОЛА ПАВЛА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

Оно — кратко: но тем более потрясает, что содержит в себе **ГЛАВНЫЙ ПРИЗНАК**, по которому узнается так называемый «Антихрист»:

«Павел и Силуан и Тимофей Фессалоникской церкви в Боге, Отце нашем, и — Господе Иисусе Христе

Благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и — Господа Иисуса Христа.

Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братия; потому что возрастает вера ваша и множается любовь каждого друг к другу между всеми вами, так что мы сами хвалимся вами в церквях Божиих, *терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами*

В доказательство того, что будет праведный суд Божий, чтобы вам удостоиться царствия Божия, для которого и страдаете.

Ибо праведно перед Богом оскорбляющим вас воздать скорбию; а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явлении Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение непознавшим Бога и непокоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа.

Которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он пройдет прославиться во святых Своих, и явиться дивным в день оный во всех верованиях, *так как вы поверили нашему свидетельству.*

Для сего и молимся всегда за вас, чтобы Бог наш соделал вас достойными звания, и совершил всякое благоволение благости и дело веры в силе.

Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы — в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа».

Глава 2. «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа, и нашем собрании к Нему, — не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступит день Христов.

Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не прейдет, *доколе не пройдет прежде отступление, и не откроется человек греха, сын гибели,*

ПРОТИВЯЩИЙСЯ И ПРЕВОЗНОСЯЩИЙСЯ ВЫШЕ ВСЕГО, НАЗЫВАЕМОГО БОГОМ, ИЛИ СВЯТЫНЕЮ, ТАК ЧТО В ХРАМЕ БОЖИЕМ СЯДЕТ ОН, КАК БОГ, ВЫДАВАЯ СЕБЯ ЗА БОГА

Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?

И ныне вы знаете, что не допускает ему открыться в свое время

ИБО ТАЙНА БЕЗЗАКОНИЯ УЖЕ В ДЕЙСТВИИ, только не свершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь

И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст своих, и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие по действию сатаны будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих»

* * *

«БЛАГОДАТЬ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА» и кредит

«Он таков, батюшка, что у него снегу зимой в долг не выпросишь»
Мучься: «Он от сундука денежного ключ на кресте носит».
И попроси я у них сто рублей на дело хорошее, обеспеченное христианское
Он «Вот как она ...»
Она. «Я, мой голубок, никогда не беру с книжки Себе — могу, чужому не могу»
Пошел к другу. Такому христианину Богатому Он «Я сам сегодня занял у другого друга сто рублей, и ничего не могу, потому что на них буду жить у Троицы Сергия».

В буре, как Каспий, вы помните —

Встал могучий как гроза
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза...

И еще, еще:

Меж увесистых громад
Буре плач его подобен
Слезы брызгами летят.

Ах, этот юг, юг... И его тоны... Да, это уж не северное болотце:

Лысый с белой бородою
Дедушка сидит
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит...

— И говорит в буре и страсти Ваал Тирский своим финикиянам, своим любимым, умиловившим его жертвами:

— Века несутся перед мною, и тысячелетия, и будете вы жить, и вот будут дни ясные и дни темные, дни солнечные и дни пасмурные, и вы испытаете все, и погоду и непогоду...

— И на дни черные, дни тяжкие, на голод и муку, дам я вам завещание...

— Пусть Асклепий, мой брат, избавляет вас от телесной муки...

— И сестра и жена моя Астарта избавляет любовные муки...

— Я же дам вам, мои дорогие и милые, совет на несчастья имущественные...

— Когда голод...

— Когда корабль разбился о камни и товар погиб, а сам он жив...

— Когда глаза в тоске... И они обращаются и ищут помощи... и ни у кого не находят...

— Потому что всякий помогает себе и ближним, а зачем же он будет помогать постороннему...

— И вот, всякая страна, имея один предмет, получила все. А всех ни в одной стране нет. Бог для того и сотворил в каждой стране по предмету, или по два предмета, но не более, чтобы испытать дружбу и взаимное расположение людей и смысл их.

И вот вы были первые, финикияне, которые поняли мысль Божию: и завели торговлю. За это я вам дал в награду раковину, рождающую пурпур. Ткань, положенная в нее, делается как царская багряница. И все цари будут носить некогда ткани, обмокнутые в наши финикийские раковины. Но это — будущее...

— Я вам дам совет на нищету...

— Испуг нищеты один из самых ужасных: тогда садится человек и сжимает голову. Глаза его в тоске и боятся. Он ищет ухватиться за край одежды богатого человека. Но всякий богач подбирает одежду к себе. И вот я дам совет: не «подбирать одежду к себе». И как солнце переходит светом любви человеческой и в пасмурные страны: так я соделаю, что светом же любви человеческой и дружбы человеческой все люди равно облекутся в царскую багряницу. Голодные глазки финикиян озарились.

— Слушайте, но... только любите друг друга, любите друг друга, и еще любите. Не бойтесь. Самой нищеты не бойтесь, ужасающего бича человечества. Будьте только мудры. Всегда будьте мудры, трудолюбивы и верьте в судьбу свою. Точнее, верьте, что если вы в толпе и жметесь плечом к плечу, то ничего не страшно.

— Кто трудился, всегда имеет право надежды. Вы же всегда трудитесь, и с восходом моим. Как я зажгусь на небе, вы уже встречаете меня гимном работы, и кончаете работу, когда я скрою лицо свое от земли. Не раньше.

— Но я хотел вам дать совет на нищету. Вот он. День черный не совпадает с светлым днем.

Вы замечаете — и дни не повторяются, но и они бывают *fas* и *nefas* — «на несчастный день», «удачный день». И это тоже дано во испытание дружбы и согласия человеческого.

— Ах, человек: ты и не знаешь, что в дружбе своей и связности ты имеешь залог всех благ, кроме бессмертия. Но к бессмертию вас приведет Асклепий: я же теперь о нищете.

— И вот, один день *fas*, а другой *nefas*. Источник в том, что если у Иоаннеса *fas*, то у Деметрия *nefas*. А когда будет у Деметрия *fas*, то у Иоаннеса может случиться *nefas*. Но через дружбу у Иоаннеса и Деметрия у обоих будет всегда *fas*. Это-то и есть мое средство.

— Дикие, — и до сих пор так было и у вас, — когда у кого случилось *nefas*, — то он считал себя вправе напасть на другого и отнять хлеб от его рта, а если он зяб — сорвать с него одежду. Тот защищался, и происходило убийство. И обагралась земля кровью человеческою. Но земля священна, и этого не нужно.

— Вот моя заповедь: в случае *nefas* с одним, он берет двух друзей своих, и пишет на папирусе или на пергаменте, из кожи ягненка, а со временем будет писать на изготовляемой тряпичной бумаге, что вот он получил от малознакомого ему человека, но которому дружны те его два друга, сумму золотого песку такого-то веса на все его дни *nefas*, и еще с надбавкой нескольких дней на случай: которую вернет по миновании *nefas* со вступления бытия его в *fas*. А на случай если с ним приключится удар и он внезапно умрет, или если будет буря и он потонет, то друзья его, любящие его, которых имена вписаны тут, уплотят за него, и он оправдается перед землею, которая носит нас, Родительница, и перед Небом, которое помогает нам...

Финикияне были изумлены. Ваал улыбнулся.

Астарта, жена и сестра его, улыбнулась всегдашнею своею улыбкою и сказала:

— Сделай еще лучше.

Ваал подумал и сказал:

— Еще же лучше я сделаю, что не только спасаемый будет рад, но и спасающий будет рад.

Финикияне смутились и не поверили: «Каким образом и спасающий будет в радости, давая золото».

Омрачилось лицо Ваала, видя сомнение, и он проговорил.

— Разве я не бог, для которого все возможно? После приписки, что взятое будет возвращено, пусть спасаемый надпишет еще, что он возвратит все золотым песком, и если он взял сумму в сто горстей — то надкинет к уплате еще одну горсть. Т. е. что он дарует спасшему его сто одну горсть золотого песку. Тогда сам спасающий останется в веселии сердца своего, радуясь, что он только отложил радость о *fas* своем, но не прекратил ее, а что через несколько месяцев года он будет иметь больший *fas* и еще около него крошеч-

ный fas. Что день у него выйдет не в 24 часа, а в 25 часов, и он все 25 часов проведет в fas.

Финикияне, при этой мысли, пришли в такое изумление, что едва не попадали от страха. Ибо им сразу стало очевидно, что действительно спасаемый и спасающий как бы став с двух сторон оливкового дерева — сорвали оба по плоду и съели его и обоим стало вкусно.

Астарта улыбнулась. «Так ты поступаешь всегда, брат мой и муж мой, — сказала она, и сама дивясь изобретению. — Не прибавишь ли еще чего, ибо ты благодетель людей».

Ваал подумал и сказал:

— Бывают нищие, но со звездой во лбу. Их-то я вижу, но должны видеть и люди. И вот я завещаю вам еще, финикияне: особенно присматривайтесь к юноше, ребенку, и выверяйте каждого способности. Ищите, и с добрым чувством, у каждого звезды во лбу.

— И вот добрая нищая, а у нее ребенок в золоте. Золото льется из мысли его, из воли его, из сердца его, из изобразительности его. Вы же все наблюдайте и выверяйте, ложный ли это свет или настоящий.

И если это настоящий свет, — а свет из настоящего дара распознается всегда по длинному лучу прилежания, из него истекающему, прилежания к чему-нибудь, прилежание к чему бы то ни было, то вот: осветите богатством хижину бедной женщины, ради ее отрока, и сосредоточьте глаза свои на отроке, всего толпою сосредоточьте, и вот...

Финикияне ждали. Ваал улыбнулся:

— Пусть двое из вас уже, из улицы и деревни отделятся и скажут: «Мы берем мальчика на поруки, и пишем за него и его именем обязательство долговое, — тому человеку или другому человеку, — или всей общине: и все должно быть ссужено его таланту и вытекающему из него прилежанию. Это особое обязательство пусть именуется солнечным обязательством: ибо все дарования от солнца, т. е. от меня. И этот дар и долг пусть будет *самым святым*, пусть будет *золотым в золоте*. Душою и сердцем самого золота. Но мальчик, выросши, пусть первый год служит тому, кто дал ему золотой дар, и да будет служба его верна, прилежна и с fas».

Финикияне затанцевали. Он же кончил:

— Тише, дети мои. Но кто нарушит сей мой устав, спасающий всякого человека, вызволяющий его из нужды, из самой черноты черного, с тем да поступлено будет так какова моя природа. Я — жар, огонь. Я все согреваю и освещаю. И вот он пусть будет ввергнут в темноту и несчастье, и взоры его уже не увидят света. Все мною сказанное и не было бы сказано, если бы я не верил в благость и благородство детей моих, людей. Даже если бы и сказал я, обманувшись в людях, люди сами злобою своею и коварством разрушили бы мысль и мою. Мысль моя, заключающаяся в мысли *всемирного доверия*, основанного на кругообороте и связи *всемирной дружбы* и связности человеческой, — и существуют только пока есть эта связность и хранится она как *святое*. Это есть невидимое *святое святых* человечества, предупрежда-

ющее всяческие несчастья. И кто его не соблюдет, не сохранит, да будет ввержен в тьму, где будет воистину скрежет зубовой.

— Это все те, которые подойдут к моей мысли с фальшивым намерением — обмануть бога и людей. Но бога они не обманут, а люди постоят за меня, и обманут они людей, детей моих только один раз. И вот мой завет: обманувший кого-нибудь *одного*, ото всех *теряет доверие*. И для него навсегда утрачивается *всемирный кредит*. Более ему уже никогда и никто не поверит, и никто не даст ему в долг, и не спасет его в час горчайшей нужды. И будет ли он умирать с голоду, — он или дети его, — он уже не найдет ни одной капли воды в пустыне человеческой. Я — Ваал, согревающий, но и жгущий.

Тут земля покоробилась. И начали вздыхать многие еще не рожденные народы. Это — все праздные, это — все ленивые, это — все беззаботные. Вздыхали русские, вздыхали французы. Одни англичане и немцы не вздыхали. И стонали обманывающие в торговле и дающие фальшивые обещания, которые будут задыхаться в нищете, злобе и притворном благочестии. Все они будут кусать языки свои.

Ваал продолжал, закрыв очи свои:

И если вы соблюдете устав мой, — а вы соблюдете, потому что умны, — и потому что вы поистине как дети земли, первые младенцы ее, но головки которых уже в осиянии трудолюбия и таланта, и вот пройдут века, пройдут тысячелетия, и я вижу...

(А он не видел, потому что очи его были закрыты)... и вот вижу я, как в одном городе, с короткою и многоводною рекою, на берегах которой будут построены великие сухие и наливные вместилища для кораблей, и каменные склады, — в этот город, уже не как в Тире и Сидоне, будут сплываться корабли всех стран и народов... И повезут на этих кораблях золотую пшеницу: но повезет ее ленивый народ и не сам, а через туземцев этой благородной земли, или через обитателей — но тоже чужих стран. Этого народа я не люблю и через тысячу лет ленивого существования он погибнет, оплакивая своих ленивых царей и ленивых праведников. И повезут из вашей страны и благоуханной Аравии, откуда был Иов, душистый оживляющий кофе, который дает бодрость душе. И из Индии — индиго и ваниль: ту ваниль, ароматнее которой не существует плодов. И повезут обезьян всяких для забавы детей ее. И цветов всяких для украшения жилищ их. И всякую сдобь и пряность и богатство. И соберет она золото со всей земли, сама не имея золота.

Ибо она будет даровита и прилежна, воистину прилежна и воистину даровита. Она не будет работать, — как и вы, финикияне, тоже не пашете земли и не пасете скота. Но она будет комбинировать, сочетать одно и разделять. Она будет жить высшим даром, соображением.

Ибо ведь и то богатство, которое я теперь даю вам, — богатство неистощимое и вечное, родилось из моего божеского соображения. Итак, народ этот будет комбинировать: *что кому нужно* и до кого что *относится*. И будет по «кому нужно» — ему посылать, и до кого «относится» — тоже ему

посылать. И будет жить *примирением имущественным*. И все будут этот народ благословлять, и наградят его великим богатством: ибо воистину, не имея богатства и золота — он даст всем более золота и богатства, чем сколько каждый из них сумел бы дать себе самому.

...и вот еще раньше этого торгового и даровитого народа придут вам многие утешения и утешители: но вы им не верьте, и будет несчастен всякий, который поверит. Они будут кусать язык в тоске и злобе и глаза их будут всегда слезливы. Они будут в нищете, и закон нищеты будет им поставлен в правило. Ибо им будет сказано, что никакой богатый не спасется. Но помните: был Иов праведный и он был праведен ранее, чем стал нищ. И праведность его была в богатстве, не была менее, чем в нищете. Не верьте в нищету и ее особую благодать. Нищий если и благ, может поделиться только нищетою. Но обстоятельства одолевают слабого человека: и если из нищих Лазарь был благой, то другие сто не Лазарей были только злобны. Напротив, из богатства льется благодать, как из солнца льется же, потому именно, что богатство есть благо. В нем ничего нет злого. Кто объявил богатство злым, тот тайно проводит нищету в человечество, величайший бич человечества, бич без шелка и из одних колючих волокон, которые саднили бы на коже человека. Тот зол. Не столько на богатство, сколько на человека. Помните: самое имя «бог», всемирное, происходит от «богатства», и в богатстве есть красота и никакого безобразия. Богатство — это возможность помощи; богатство — «что задумалось — исполнилось».

Богатство — друг мудрости и благодетели. Кто оклеветал богатство — оклеветал и бога. Нищий прекрасен, и ему удел. Но не украсил бы бог мира звездами-рубинами и Солнцем-золотом, золотым солнышком, если бы не был бог — богом щедрот и не показал человеку Лице Свое в сиянии всех богатств. Самые недра земли он усадил богатством: откуда же камни, откуда нефть. И руды, и металлы, и вот — лучший из них золото. Оно горит, как я: и не без причины один — Аз, одно золото. И нет им подобных и с ними сходных. Золото — подобно душе моей. Оно все солнечно, горит, и нет в Поднебесной соревнования ему. Как нет над землею подобного Мне и соревнующего светила. Луна — серебро. Это — Астарта. И оно — благо, но это — не я. Вы же помните, что человек рожден на радость, а не на скорбь. Скорбь — железо, и тянет к смерти, как железо, когда плавающему оно повиснет на шею. Не верьте в уныние, и что унылый человек особенно добродетелен. Он не особенно добродетелен, а только ничего не может.

— Но вы, мои дорогие тиряне и сидоняне, живите не как иные народы, во вражде и разделении, а живите тесно и в дружбе, и в вечной помощи...

— Ах, хороша помощь...

— Ах, единая она спасительница...

когда человек одинок... И вот он идет в пустыне земли... И все пыль и даль в степи... И вот точка... фигурка... и человек.

И он кидает взгляд на него. С робостью и тоскою. И вдруг видит: лицо его улыбается и глаз светится.

Тогда он бежит: «Неужели друг?» И видит, это тот протягивает ему руку. И держит и не отпускает.

И говорит: «Так значит друг?»

А у того приветливый, добрый глаз. Не черный, а голубой. — И вот так живите вы, мои финикияне. И не покидайте один другого. Ибо времена далеки и глубоки. И не знаете, что вы в них встретите. И вот мой совет и указание на времена темные, на времена безвестные, на времена несчастные.

Финикияне же слушали в глубоком страхе.

Ваал продолжал:

— Одинок человек всегда гибнет. Но вы живите толпою. Всегда немного, деревенька, улица. Но никогда в одиночку.

— И вот у одного бывает хороший день, а у другого бывает плохой день, именуемый «черный день».

И у одного всю неделю — солнце, а у другого три дня пасмурны.

— Через дружбу — вы уравниваетесь: ибо из солнечной деревни можно простереть луч солнца туда, где пасмурно. Ибо сердце сильнее и солнца. Точнее, солнце для того и неровно светит, чтобы испытать сердце людей и узнать, которые добрые и которые злые. Но есть еще люди и не злые, и не добрые, а — несмышленные. Вы же все, как дети — еще несмышлены. И я дам вам седой волос на детские головы, чтобы вы были всегда в спасении. Вот мой совет, приказ, и навеки.

— Вы уже завели мудрую торговлю! На заре человечества завели. Потому что вы благи и потому что торговля благо. Вы отвозите хлеб в Испанию, где оловянные рудники, и вымениваете его на олово. И отвозите олово в хлебный Египет, но где нет олова. И стала Испания с оловом и хлебом, и стал Египет с хлебом и с оловом. И в Испании не умирают от голода, а в Египте появились оловянные изделия, предметы и статуэтки богов.

* * *

БОГ И БОЛЬ

«Бог» и «боль» взаимно исключают один другое. Ибо «егда изрыгал для сотворения» — и планеты и звезды сыпались — то какое «благодать»!!!

Где же «боль»? Откуда. И слова: «В начале бе слово», — есть именно только слово: «в начале» — то выражающего и не могло быть.

А если не было «в начале» Страдающего, то и Голгофа и Гефсимания есть рассказ о Голгофе и Гефсимании, а не факт Гефсимании и Голгофы. Откуда они взялись?

Не «откуда», а «для чего». Это «целесообразное страдание», в котором измучен будет человек.

* * *

В *безмолвии* растений есть особая загадка, прелесть и глубина. Тогда как животные мычаньем, ржанием, щебетаньем и вообще очевидным началом говора человеческого — нарушают вот эту безглагольную глубину природы.

Что может быть обаятельнее безмолвного сада. Что может быть выше тишины леса.

Поразительно, что обрезание Авраама Богом совершилось по типу «молчащего леса»: ни — слова. Ни — объяснения. Ни — даже молитвы. Совершилось в тиши леса и судьбы.

«Расти». Но и это — не выговорено.

В этом отношении, в этом сравнении как болтливо Евангелие. «Болтливое Евангелие» — как странно, как дико звучит. Но кто не согласится, что в этом правда.

~

К началу говора человеческого у животных

Поздняя осень — *грачи улетели*. Красюковка улица, где я живу, — безусловно самая красивая улица во всем Посаде. Редкие домики, прерываемые березовым лесом, вернее, какими-то и почему-то обнесенными наполовину редкими заборами, а наполовину и не обнесенными ничем, являют сейчас изумительный оранжевый вид. Оранжевый лес в октябре — что-то изумительное: и вот, недели три «говор птичий», гомон птичий, восторженный, неудержимый, явно *понятный им, птицам*, — как-то приятно ощущает и возбуждает Бал. Птичий бал. Птичьи вечеринки. Но какова же отвратительная литературность русского человека, отвратительная литературность и училищ наших, что лишь вспомнив эту *учебную*, «из хрестоматии», строчку Некрасова, я догадываюсь и впервые *осознаю* о своем отечестве, что и грачи собственно «перелетная птица» и скоро полетит в Африку, должно быть в милый Египет. Там они будут любить и наслаждаться (под солнцем). Ах, солнце, солнце: без тебя ничего — ничего. Тьма и бессмыслица.

* * *

...<в> евреях же — страшная самостоятельность: более всего сказавшаяся в том, что они не приняли Христа. Ведь какая ж судьба была: они ВСЕ (все «гетто») сделали бы «Апостолами Павлами» и «судьба царственной нации» вот, в руках. Но они не приняли, отвергли Христа. Значит, ЧТО-ТО во Христе было, ПОЧЕМУ «не приняли». И почему значит все европейцы обманулись. Тайна, что Христос не был, конечно, Христос. Но в это «невозможно европейцам поверить» (2000 лет традиции): а евреям столь же невозможно в это поверить. (Нюх, особый религиозный нюх, «знание правды о

Христе».) КТО-ТО обманулся. И у меня есть понимание: кто обманулся. Ох устал. Лет бы 5 прожить! Натворил бы я великих дел. Кончивши Египет и разгадку <...>

* * *

«ВЕЧНАЯ ПАХУЧЕСТЬ» ЕГИПТА...

Ах, эти розы, эти розы — они хорошо пахнут.

Но не одни розы — и левкой.

И резеда...

И горошек...

Он называется: «душистый горошек».

— Что ты заботишься, Розанов, чтобы люди больше обоняли? Мы достаточно обоняем, и чистое, и нечистое.

И солнце, и собаку.

Весь мир связан обонянием. И без обоняний он рассыпался бы.

Нет вещи, которая бы не воняла. И это суть ее.

— Пахнет еврей. Пахнет русский. Одни французы ничем не пахнут, и оттого их отверг Бог. Потому что что без Запаха, того не нужно Б.

— Разве ты не слыхал, что сказано: «Бог обоняет *туки жертв*»... «Туки» — это что-то самое гадкое в животном. «Сальная железа около почек», по объяснению ученых. Вонь непотребная. И она нужна Б. Сказано: «Обоняет».

Весь мир обоняет. И нет запаха, который бы не обонялся. И что «до нельзя противно одному», того «нет ничего сладостнее для другого».

Вот отчего люди бегают, странствуют. Зачем им даны ноги. Ибо каждый запах ищет своего носа. И посмотри, какие носы у людей. «Человек без носа» — страшилище. С носом — блистательное великолепие. Если бы Агамемнон или Наполеон были без носа — за ними бы никто не пошел. И Наль не любил бы свою Дамаянти, и Дамаянти не любила бы своего Наля.

По запаху люди узнают эссенциальность вещей. И тряпки и добродетели.

Всякий добродетелен в меру того, насколько он пахнет. И что воистину добродетельно, до святости-то благоухает.

И в поздних церквах ваших люди будут входить: «Она особенно хорошо благоухает. Ибо в ней много и хорошего мира». И о мощах: «Какое благоухание».

Но истинная тайная вещь: что Солнце — пахнет.

Вы не знали?

Пахнет.

Лучи его тайно звенят и разносят частицы пахучести по вселенной. И что не оно светит, а светятся его частицы. Каждая собою и одна. И запах

несется, а она не у малается. И его капля в мире. Солнце — капля в небе, а мир-комната вся пахнет им...

Солнцем...

Скарабеем...

Богом...

И не печалься ты, что мир останется без веры. Он не останется без веры. Потому что есть одна великая вещь: НОС.

* * *

ВЕЧНОЕ АФРОДИЗИАНСТВО

— И когда вошла она...

— Все ее заметили.

Т. е. все ее пожелали.

— Желаемая: вот и все относительно женщины.

Тут ее ограничение и полнота.

~

Но это же ничего еще другого не значит, как

«Я солнце и все лучи на меня. И эти лучи — семя. Я вечно обливаемая».

~

Бесполо — значит и без жизни. И нет христианства. Я все-таки не понимаю, как же его «выводят», как же оно «нужно». Оно и не нужно, и невыводимо. Оно просто риторично.

Риторика на 2000 лет..? Какое красноречие.

~

Рыба (икра). Рыба была посвящена Афродите. А жиды в субботу (в вечер с пятницы на субботу) едят «щуку».

«Фаршированную щуку» (т. е. начиненную еще яйцами куриными), как посмеиваются у нас.

Посмеивайтесь, посмеивайтесь, русские. Как-то вы засмеетесь, когда придется дохнуть. А без Афродиты придется дохнуть.

~

Я не понимаю, с чего «Константин с ума сошел»? Как можно было предпочесть девок бабам и холостых господ семейным? А ведь к этому сводилось все. Сводилась сущность и зерно.

Зерно

и

Беззерность?

И он взял скорлупу с вытекшим содержанием. Красил. Украшал. Пере-
крашивал. Построил из нее домики. И вот эти «домики» рушатся.

Просто — ничего нет.

«И поют песнь Моисея» (Апокалипсис). Я не понимаю, почему так дол-
го держалось.

Все непонятно. Все непонятно. Все непонятно.

Мне не понятно самое начало христианства... Самое возникновение.
Неужели можно было остановиться на красноречии?

«И бе слово»... Ах, всё — слова́. Так неинтересно.

В христианстве нет рыбы. Нет сотворения. Нет звезд. Что же есть?

— Политика.

А, это другое дело. «Папы» и прочее. Но это Гиббон, а где же «я плачу и
рыдаю».

* * *

ВЕЧНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

О вечно благословенная цивилизация!

О вечно коровья цивилизация.

Есть ли в тебе что-нибудь, что бы не благословляло другое.

Ты весь «в дружбе».

Ты весь в согласии и гармонии.

Как коровы, которые вели тебя к свету.

Кто не приложился щекою к боку коровы, теплою щекою к теплому боку
коровы, — тот ничего не может понять в Египте.

* * *

ВЕЧНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Детородильная религия, т. е. религия «животная», «живота нашего», «по-
ясницы нашей» — она непременно и выразится:

- а) космогонически
- б) пламенно
- в) со светильниками
- г) с лампадами
- д) пророчественно.

Вся — пылая. И это:

«...взял щипцами уголь с Престола Господня...» Или:

«...все тело его было исполнено очей спереди и сзади, свнутри и снаружи. Как
и прерывистость вообще речи, задыхания, иносказания, недосказывания...»

Каскад. Буря...

Все знаменует происхождение ее из ... и из

«Имя мое неизреченное». «Глагола обо мне никто не смеет выговорить».

Напротив: противоположная религия, религия напр. Гарнака, Сорбонны, пастора Штекера. Она непременно выразится в:

«Прости им грех их». И — «вышел сеяти притчу».

Посему узнаем смертное и бессмертное. Восток, Восток, зову тебя. Восток, Восток — приди сюда.

.....
.....

* * *

ВОПРОСЫ О ВОПРОСАХ...

Я хорошо понимаю и все решительно понимают, что
*всякая наука занимается разрешением каких-нибудь
вопросов или еще
ставит и исследует проблемы.*

Но ведь есть еще другое, более трудное и интересное, нежели это. Как это выразить: есть извлечение корня из извлечения корня; т. е. сперва «извлекли корень», но — не удовлетворились, а потом из этого числа, из которого извлекли корень, еще один раз извлекли корень. Так что корень сделался «сперва тонок» и потом «еще тоньше».

Что это я хотел сказать, я никак не могу выразить.

«Посторонитесь, посторонитесь!» — сказал торопливо, проходя по станции в Луге начальник станции. Еще шума не было или он только развивался. Мы посторонились, повинувшись больше повелению, чем страху: и мимо нас, по этим рельсам (ближайшим, «станционным») прошел поезд, вокруг которого, т. е. всего поезда, неслась со страшной быстротой пыль. Ее нес вихрь, который возбуждал собою поезд, шедший со скоростью 95 верст в час. Это были знаменитые щусевские поезда, инженера Щусева, пускавшиеся собственно для чиновников на службу, т. е. чтобы они не опаздывали к службе и проезжали 120 верст от Луги до Петербурга в час 15 минут.

Мы все, стоявшие на станции, почувствовали удар. То есть волна воздуха «до» и «после» толкнула нас сперва «назад», но потом и очень опасно «вперед, под поезд». Ошеломило, но и было привлекательно. «Как чудно устроено». И этого Щусева, опросив, я запомнил. Потом я его и увидел, когда ездил хоронить в Киев Столыпина. Еще молодой и «как обыкновенный инженер», но только энергичный и весь очень свежий.

Ну, так вот в чем дело: если бы не поезд, но лично и все пассажиры, руками, ногами и головой, стали скользить через воздух со скоростью «95 верст в час», то они не могли бы разговаривать и вообще им было бы очень трудно. Они бы собственно задохлись от скорости, не то чтобы уже чай пить, например.

Но «в щусевском вагоне сидя» хоть «чай пить». И чай не расплескается. Особенная таинственность. Заперт в вагоне.

Вот я и хочу сказать, что можно спрашивать не только о том, «почему пассажир может пить чай», но... как бы это сказать, очень трудно выразить «почему из почему», как «корень квадратный из корня квадратного»:

ПОЧЕМУ ИМЕННО...

или:

Ради чего собственно существует, что «**ВСЕ ЗАПЕРТЫЕ ЛЮДИ СУЩЕСТВУЮТ СОВЕРШЕННО СПОКОЙНО**».

Если взять землю и ее «около оси», то радиус = 6000 верст, поперечник, значит = 12 000. Но в сутках 24 часа, т. е. 2×12 . Значит, в сутки каждый человек движется «лично и сам» не только «со щусевской скоростью»: но и в 10 раз шибче, энергичнее, пламеннее. Это такая скорость, что ужас. Это поистине ужасная скорость, кожеобдирательная. Т. е. если бы мы голые так двигались «сквозь воздух», то с нас обдиралась бы кожа. И между тем мы ночью спим.

Вторые проблемы о мире и заключаются в вопросе, для чего существуют первые проблемы. Вопросы и самые ответы на них, по крайней мере во многих случаях, могут быть совершенно точны, определены и, так сказать, научны. Т. е. не включать в себя никакого тумана и воображения, а одно чистое, определенное, уравнительное (как в уравнениях) знание.

О щусевских вагонах, например, можно сказать, что «в запертом вагоне пассажиры совершенно спокойны», — для того, — чтобы мочь разговаривать и кофе пить.

Конкретно, странно, но точно.

И о земле:

— Да чтобы на земле можно было жить.

И о солнце («земля летит вокруг солнца»):

— Да чтобы вообще возможна была жизнь.

Таким образом, таинственные «коробки» (так похожие на картуши египетские, «эти маленькие нарисованные вагончики»), на которые, собственно, весь мир разделен, — и все вещи через них находятся «в движении без движения», «несутся и в покое», — зритель поражен «вихрем сил», когда в них самих «ничего не шелохнется», — все это есть для того, чтобы «можно жить», ибо иначе в мире все бы расплескалось, расквасилось, у всего бы «кровь носом пошла» и «ободралась бы кожа». Таким образом (это уже почти 3-й квадратный корень):

Закон относительного движения (кажется, это он) существует не потому, чтобы он был сколько-нибудь внутренно и сам для себя необходим, а существует коленом, столом, опорой третьего:

ЧТОБЫ, УЖЕ ВЗОЙДЯ НА НЕГО, ПОМЕСТЯСЬ НА НЕМ, БЫЛА ОСУЩЕСТВЛЕНА И ВОООБЩЕ ЯВИЛАСЬ ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ЖИЗНЬ.

Но это значит, что «земля издревле бе для пассажиров».

И можно, пожалуй, начать извлекать еще четвертый корень. Можно выразить совершенно правильно так проблему:

ЗАКОН ОТНОСИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЕСТЬ МЕХАНИЧЕСКИЙ, — ЗАКОН МАСС И ДВИЖЕНИЙ, — СОВЕРШЕННО КОСНЫХ И МЕРТВЫХ, ДО СОЗДАНИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ БЫВШИЙ И ЯВИВШИЙСЯ;

И В КАЧЕСТВЕ ТАКОВОГО, ОН ЕСТЬ ТОГО ПЕРВИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, КОГДА ПОЛАГАЛИСЬ, КАК ГОВОРИТСЯ, «КОНЦЫ ЗЕМЛИ», КОГДА ВСЕЛЕННАЯ «ЗАКЛАДЫВАЛАСЬ», ОСНОВЫВАЛАСЬ И ПЕРВЕЕ ЧЕГО ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Но тогда, значит, «ПЕРВОЕ БЫЛО ДО ПОСЛЕДНЕГО», иначе еще: собственно

«МИР ВЕСЬ» БЫЛ,
если не в чьей-то мысли, то был во всяком случае
«В ОДНОМ МГНОВЕНИИ»,
в одном
«РАЗЕ ВЕСЬ И ДО КОНЦА».

А как

«РАЗОМ И ДО КОНЦА БЫТЬ»

на расстоянии биллионов лет можно не «в пространстве», потому что оно тогда ломается, и вообще не в физике, потому что физика хрустит, а только «в мысли», потому что она гибка, воздух и не рвется: то до такой степени правдоподобно и вероятно, что

СПЕРВА БЫЛА МЫСЛЬ О МИРЕ

и потом —

МИР.

Это очень вероятно, это почти... «эврика».

Но и еще почти корешок извлекаем:

Ведь «закон-то относительного движения» — физический; а что «в вагоне будут ездить люди» и «на планете жить люди» — это есть некоторое — даже нельзя выразить, или трудно выразить — «психическое состояние», «психический факт» и т. д. И мы имеем начало или прозрение почти в законы «физико-психические», т. е. в законы, которые началом будучи в физике, в массах и движениях в косностях, концом входят в душу, человечность и жизнь, не прерываясь где-либо. И мы открываем

НАЧАЛО БЕ ДУШИ.

Мы имеем первое

**«НАЧАЛО СВЯЗИ ВЕЩИ С ДУШОЮ»,
«ПРЕДМЕТА С ВООБРАЖЕНИЕМ».**

Прямо страшно думать, но и прекрасно думать. Боже Отче отцов наших, я почти вижу Тебя.

Слушайте, слушайте: если

На земле несутся люди... вот и я, и ты, добрый читатель, и мы все, ласковые, добрые, милые...

Но уже «когда слагались концы земли» или «начала мира» — все это было, ибо для нашей жизни и «ласки» заложен был особый и специальный закон — относительного движения — именно для нее и очевидно для нее, чтобы нам было «счастливо», нам было «хорошо», и «кофе пить», и «разговаривать», то не очевидно ли, что через биллионы веков, через какие-то пустыни одной физики, через холодные массы только ледяных глыб, поистине грубых и отвратительных масс, пролетали, однако,

ОТ МЫСЛИ

К МЫСЛИ.

Нет, больше, глубже:

ОТ ЛАСКИ

К ЛАСКЕ,

ибо мир поистине без неги не может быть. Уже скорее он может быть даже без мысли, но не без ласки... О, о, о... он совершенно не мог бы быть без улыбки. Ведь в мире, — и в «том вагоне», и во всяком вагончике, к счастью, гораздо больше ласкаются, чем думают.

И я думаю, девушка стоит ненапрасно. Она поистине ожидает не напрасно.

* * *

ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Праздник, сияние, отдых. Больше ли он труда? О, воистину — больше. Человек трудится, человеку — *трудно*. Что тут хорошего? Воистину, если человек «бог» или божественен — он создан для праздности. Вот «Эврика». Наоборот, если он демоничен и черен — он создан для «труда».

Праздник — это стихотворение. Труд — проза. Говорят, раньше человек говорил только стихами. Отсюда большой объем «Илиады», «Одиссеи», «Наля и Дамаянти». Потому что он был блажен. Так вот в чем коренится зло. Бог был solo и вечно праздновал. В один день у него мелькнуло: «Дай — потружусь». И Он «создал мир». Так в «создании мира» и заключается зло. И — оттого, что Богу для этого надо было отменить отдых.

Странно. Но — так

Солнце вечно «отдыхает». «Нести на себе планеты» и заставить их «вращаться» — ему ничего не стоит.

* * *

...все думаю, все думаю...

об одном, об одном:

Христос не заступился за Россию.

— Ведь НЕ ЗАСТУПИЛСЯ?

Почему же Россия должна заступаться ЗА ХРИСТА.

Почему она не может стать из ХристоЛЮБИВОЙ — ХристоПРЕЗИРАЮЩЕЙ.

* * *

Все затянуло социал-демократией.

Туманный октябрь литературы. Скорее бы декабрь, — скорее! скорее!
Морознее, еще бездумнее. И

НОВЫЙ ГОД.

О, как хочу его...

Был *вечер*, христианство... И солнышко склонялось все ниже и ниже. И срезалось за горизонтом.

Остановить ли космические сутки? Чего мы ждем, о чем плачем?

Солнышка не видно. После вечера — ночь. *Естественная* ночь. Чего же мы плачем, что так холодно, что не видно ничего.

Натягивай плотнее плащ на плечи, крепче надвигай шляпу. Сиди И ничего не жди.

* * *

Господин Нилус в известной книге своей «Великое в малом» сыграл недостойную ученого и литературного человека игру: протоколами, достоверность которых ничем не проверена, и никому не известна, он выступил с обвинением какой-то шайки мошенников, гнездящихся в современном Вавилоне, Париже, и решившихся погубить христианство и Христа. Книга его, лишенная какой бы то ни было учености, каких бы то ни было богословенных сведений, рассчитана исключительно на темного читателя и представляет собою плод злостных выдумок, под которыми достаточно было господину Нилусу подписать несколько имен, указать неприятные публицисту нации, чтобы возбудить вражду темных масс и к этим лицам, и к этим нациям

На самом деле вопрос о каком-то «Антихристе», т. е. о противнике Иисуса Христа, коренится в самом существовании христианства, и возник одновременно с появлением церкви. Наиболее ясное указание на него содержится в «Откровении» Иоанна Богослова; с самого времени появления этого «Откровения», или «Апокалипсиса», толкователи Священного Писания не перестают обращаться к нему и стараются.

Добрые читатели Руси: дайте средства дородить и договорить две книги мои: «Апокалипсис нашего времени» и начатую раньше книгу: «Из восточных мотивов». И когда будут две они — Русь станет иною. Лучшею. Светозарною. Она будет волшебною и прекрасною. Но дайте мне довидеть мои золотые сны — грезу человечества.

* * *

Государи давно сделались в странах своих Главноуправляющими, они погасили в себе главное. «Главноуправляться» могут народы и сами.

Ну что же: пришла смерть — значит пришло время смерти.

Смерть, могила для $\frac{1}{6}$ части суши. «Простое этнографическое существование». Как для папуасов.

Не то печально, что мы умираем.

Минута при исполнении всех желаний. Мы умираем при исполнении всех желаний, самых жгучих, самых извечных.

Мы достигли, о чем и подумать не смели, вообразить не смели. И в цветах — Россию сдувает с ее места какой-то ветерок. Недоставало хлеба, как недостает теперь. И теперь — даже больше.

Царь заупрямился. А прогрессивный блок уже образовался. «И России нет».

Но если по такому, в сущности, пустому поводу она исчезает — то, значит, не было ли нелепости в ее существовании. И вот, значит, она по пустому поводу слетает... Разве может быть «пустым поводом» пустота целой $\frac{1}{6}$ части суши.

* * *

ГРОЗОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Сухо. Знойно. Сухо. Знойно. Сухо... И сестра Верочка говаривала. «Будет, Вася, гроза...»

Но проходило еще два дня. И вот — ночь. Все небо в молниях. Как днем «Как осветило. И тр-р-р-р-ах. Тр-р-ах». Это, верно, дерево разбило. И я прижался к сестре, в чуланчике, где она спала летом, и крестился. И она тоже была испугана, хотя не столько.

В ту ночь трепетал весь дом. И вся наша семья.

Позднее я узнал из физики Малинина и Буренина и из более пространный «Курса физики» Гано, что «электричество накапливается», и тогда бывает «молния и гром», и это называется «грозою». А в курсе литературы: «Грозу изучали Ломоносов и Рихман, и когда Рихман стал наблюдать и Ломоносов посторонился, то Рихмана убило молнией», а Ломоносов написал стихотворение:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя, и т. д.

Это, кажется, кто-то другой написал. Все равно. Прекрасно. Поэты же все суть братья. Но я обращаюсь к физике. Сколько вопросов, сколько вопросов.

«Накопляется электричество». Ну, и пусть бы «накоплялось». «Накопляется труд, и выходит работа», например, «это вспаханное поле» как общий результат. «Накопляются бактерии и из них происходит общий итог смерти». Или — еще яснее, всего яснее: «Накопляется богатство и происходит богатый человек и богатый дом».

Это — раз. Во-вторых: «Накоплялось бы электричество и — рассеивалось». Главное, самое главное: «Почему оно не рассеивается так же медленно, как накапливается»; так же постепенно, как постепенно собиралось.

Нет, единственная правда в грозе — это испуг. Единственная правда — это сама гроза и человеческий испуг перед нею. Вот это — правда, о как грозная, о — какая поэтическая...

(люблю грозу в начале мая...).

Почему же под осень не бывает гроз. Когда год стареется... В сентябре, например. В сентябре я не помню гроз. Тогда идут слюнявые дожди. От которых все мокнет, все — гнило, крыши домов гниют, деревья гниют, «лень ложится» и вообще все так неинтересно. Лучшие грозы происходят летом, когда «хлеб зреет» — хлебушка, кормилец наш.

О, вот тогда небо играет.

Магнитные и электрические токи, текущие по меридианам, почти по меридианам. Ну, они текут и текли бы, — как океанические течения в океанах. Нет, гроза не от них. Тут есть запутанность, тут есть восторг. Тут пахнет стихом. И, вы заметили — после грозы — земля молодеет. Гроза не только бывает в молодое время года, но и определенным образом — сама земля, воздух растения, все как-то юнеет после грозы. Укрепляется в силах «Хлеб зреет», хлебушка, наш хлебушка, которого теперь так ужасно недостает, когда мы так нагрели с этой революцией...

И не сказать ли «гроза» — это «правда».

О, вот — то же слово...

И, наконец, — это омовение. В грозе земля «омывается». Что же такое, что же такое «гроза во всей ее совокупности».

Молодость природы. Силы. Накопление, накопление чего-то... И-тр-ррр-ах. Момент. Как часто грозы бывают кратки. «Разразилась гроза», и «умылась земля»...

Смотрите, глядите, наблюдайте: да ведь это от «неизъяснимости сил», вложенных в грозу, до «омовения» и «осевания» потом, есть во всех подробностях, во всех частностях то же самое, без ниточки разницы и обособления, даже до крика, столь исключительного и ни на что в природе не похожего, есть человеческое совокупление.

И вот, кто так судил меня и осуждал много лет, всю жизнь мою, — кто у меня допрашивал: «Скажи нам, ГДЕ прекрасное в совокуплении», — я, отворив окно (...в начале мая), отвечаю:

— Что еще более прекрасного вы знаете в природе. Между тем это есть то, где уже человек сотворен по образу и подобию Божию, но ответно рыдает: «Господи, вижу, слышу и узнал тайну Твою, где Ты по моему образу и подобию есть Вечно Сущий».

* * *

...да ведь и в космогонии устроено. Предмет и его тени. *Весит* ли сколько нет тень? Нет. А *есть* ли она? Есть. «*Невесомое, что есть*» — это и есть *потенция*. Реальное мнимое, реальное мыслимое.

Предмет и его *ласка*? Предмет и его *томность*. «Томит душу». Весит ли это «томит»? Нет. Предмет и его *улыбка*? Предмет и его *нега*. Ни улыбка, ни нега не весят. А иногда значат больше предмета. Что такое «муж»? Что такое «жена»? Злоба или любовь. «Злая жена»? «Любящая жена». Одно — «уф». Другое — «ах». Предметы увеличиваются. Поступки от нежности или зла.

Ласка, ласка вещей. Ласкающие вещи. Вот они и все *в связи*. *Связность, священность* вещей и происходит от потенциалов. И без потенциалов мир был бы мертв, столб. А как они с потенциалами — то он *весь жив*. Живет — живущий. И открыть «потенции» — значило открыть *жизнь мира*.

* * *

Да ведь почему собственно врата-то адовы не одолеют? По нашему сонному состоянию. Ленивого и равнодушного одолеть невозможно.

Кто-то закричал «караул». Одна собака залаяла, две откликнулись. Помещица Коробочка поднялась в постеле, зевнула, перекрестила рот и поникла опять в подушку, додумывая о том, почём овес и почём конопля.

Наутре пришел к ней священник напиться чаю. И Новосёлов записал в «Религиозно-философской библиотечке», что «в России все, как прежде, стояло, так и теперь стоит».

Тут куда же «вратам адовым»...

* * *

<...> да Лазарь *с идеалом его* — это и есть педерастия имущественности.

«Задом наперед».

Ах, так вот где *корень содомии*...

— Эх, ва! А ведь барин-то — я (Плюшкин).

В кацавейке. Баба. И по-бабьему — скуп.

«И золото той земли хорошо. Там и камень бдолах» (о рае).

Решительно, металлы имеют пол. Золото — фаллично, серебро — вульвично. И Небесный Иерусалим — весь из золота, потому-то он весь так безумно фалличен.

~

<...> уже чтобы построить ХРАМ ВО ИМЯ БЕДНОСТИ, предварительно надо, ЧТОБЫ БЫЛА ОТВЕРГНУТА БЕДНОСТЬ, дабы храм БЫЛ РОСКОШЕН.

Как же может быть РЕЛИГИЯ БЕДНОСТИ? Религия, religio — именно она — есть БОГАТСТВО IN SE.

«И золото той земли хорошо» (о рае). Небесный Иерусалим — весь из золота.

* * *

ДАВИД И САУЛ

Царская власть рационализировалась.

А она никогда не должна была рационализироваться.

Как только она рационализировалась, она пала.

Одни сказали: «Какая проза».

Другие сказали: «Какое неудобство».

И все: «Какая скука».

Тогда стащили это пугало с человеческого огорода, потому что оно не пугало даже и ворон.

Царь — мистерия. Царь — это Давид или Саул. Два образа равно прекрасные.

Один с песнями, другой без песен:

«Пусть будет песнь твоя дика, о мой Давид...»

«Душа моя прочна...». Это — тоже песня. Ласточки летают перед грозой. И копье Царя несется на певца.

Какая страшная это история между Давидом и Саулом. Ведь в тайне-то Давид гнал Саула, сгонял с Престола. О, эти избрания Божиих Судеб: как они странны.

А ты кто, сие пишущий?

Я — с Богом. И Он меня не прогонит. Ибо я раб Его и слушаюсь Его.

* * *

ДЕВУШКА И СОЛНЦЕ

(Девушка лежит на берегу моря, в желтом песке, после купанья)

— О, целуй меня, солнышко...

— Как сладки твои ласки...

— Целуй в сокровениях, каких не знает земля.

— Зачем ей видеть... Она — темная...

— Мы — светлые. И мы — одни...

— Как нежится кожа в тебе...

— И разливается тепло во всей...

~

— Солнышко, ты ведь вино. И опьяняешь лучше вина.

— Не ты ли собрало свою нежность в виноградных ягодах...

— И дало людям, *научило* людей извлекать из них сок.

— И вот, он бродит. А после зимы — какой желтизной льется...

— И я любила, когда была маленькою, слизывать с края фиалов, от которых отпили взрослые...

— Я еще не знала тогда, что это край моего солнышка.

— О, целуй мои груди...

* * *

Достоевский первый у нас заговорил о поле с чрезвычайною силою. И страшно неверно. Он первый дал и «да» и «нет» мысли и тенденции «глубин сатанинских». Свидригайлов и Ставрогин прямо «черти», «отродья сатанинские», но — с интересом и даже «в сущности недурные». Но «Сон смешного человека» — что он, как не «невинность девочек», не «эльфы» тоже девочек? Без Свидригайлова — нет «Сна смешного человека»: это — возраст 14-ти лет.

* * *

ДРЕВНОСТЬ

Мы поклонились религии несчастья.

Дивно ли, что мы так несчастны.

Как это он хорошо сказал: «Выпрямила» (Глеб Успенский о Венере Милосской).

Но он угадал *душу* всего язычества: оно — *все* «выпрямляет».

Нет горбика... сходят морщины с лица. . Все молодеет, свежеет...

— Victoria! Victoria!..

— Nikē! Nikē!..¹

И колесницы... И вихрь... И слава...

О, древность. Я плачу. Господи Иисусе, да отойди же Ты, отойди.. Зачем Ты пришел помешать человечеству. И отнял у нас рай.

И Суллу.

И Цезаря.

И мудрования Платона и Аристотеля.

И эту милую Посейдонию, которую я видел. И Тиренское море, шумевшее кораблями.

Теперь все мертво там.

* * *

ДЫРЯВЫЕ НЕБЕСА

(Сантиментальные и пошлые)

Суть Христа, эпистемологическая его суть и онтологическая суть «его пришествия» или так называемого «Его пришествия» заключается именно в том, чтобы продырявить небо с предлогом *облегчения человеку* и обвинения

¹ Победа! Победа! (лат , греч)

Богу-Милосердцу-Отцу, будто бы Он — этот Отец и Милосердец — был жесток к человеку и не милостив к нему. Вы *обвиняли* перед несчастными людьми, несчастными и *обманутыми Христом* — будто что-то Он нашел над ними, что-то «кровавое», «жертвы» и т. под. Нельзя не обратить внимания, что на самом деле Христос постоянно борется против «своего (якобы) Отца» в Евангелии, является Его непрерывным Обвинителем, аккюзатором, что у него горит вечное (a la Zola): «J'accuse»¹. Отсюда — борьба с Христом, «изгнал жертвенных животных» (так называемых «торгующих при храме»), и вообще прямо ложь евангельская и — страшно выговорить — фарисейство Евангелия. «Фарисей» и «Евангелие» неотделимо: но то ужасно, что «нефарисей был фарисей», а на самом деле Христос был фарисей, воистину и ужасно — «показавши на другого», «показывал на него» (фарисея). Какой же это Симон Праведный был фарисей, какой же Гиллел был фарисей. Это были смелые и прелестные и охранившие народ свой жидки. А рабби Акиба? А трактат рабби Ионафана — «Авот». Это — жемчужные реки правды и молитвы, около которых Паскали и Ренаны, но — *даже и Паскали* — ничто. И «ничто» уже, доскажем даже, и отцы Церкви. Но договорим. Итак, дырявые небеса и продырявление небес. Сантиментальность, пошлость, полная ненужность. Поразительно, что «к концу времен» это стало обнаруживаться, начало обнаруживать. Совершенная невыносимость всего учения Толстого, с его евангельским слюнотечением, с отрицанием причастия и невыносимая общеэтическая поза быта, и его «не судите», а то «я вас прибью» или «Бог вас прибьет» — уже явно непереносимо даже для церкви «худые небеса», «гнилые небеса», и через 2000 лет это уже совершенно явно и *смешно*. Через 2000 лет просто невозможно и *непродолжаемо*. «Стало невозможно ходить в церковь», «там только поют и все бесы». Ангелы заливаются. Но вообще эстетика и на золоте «образ», из которого «все выдохлось». Ложь пришествия Христа на землю к концу второго тысячелетия совершенно обнаружилась. И именно обнаружилось, что таинственным образом Христос-то и был «фарисеем», молившимся в углу и взывавшим «бога».

* * *

ЕВАНГЕЛИСТЫ

О всех евангеликах можно сказать: «*Не знаете, какого вы духа*».

Воображать или дерзнуть сказать, что Григорий VII Гильдебранд, *принудивший к celibату, т. е. к вынужденному безбрачию, все римское духовенство*, не «понимал Христова духа» — слишком смело. «Он вынудил, и, значит, *он не Христов*»... кричат православные, кричит Хомяков. Но разве Он, «*взяв бич, не выгнал торгующих из храма?*» Непринудительность — не есть линия Христа, а есть линия протестантского пиэтизма, от которого преж-

¹ (наподобие Золя) «Я обвиняю» (фр.).

девременно отчурался Хомяков. А посмотрите: папа Григорий VII часто служил литургию со слезами на глазах, не будучи в силах подавить слез. Это уже черта Христова, любви «к Единородному». И он же, как Толстой в «Крейцеровой сонате», до того восстал против плотской жизни, что самым мотивом целибата взял тезис: «Могу ли я представить, чтобы священник, имеющий сокоупления с женою, брался на другой день или в ту же неделю за чашу, где лежат пречистое тело Христово и кровь Его».

И вообще Толстого нельзя избежать при оценках Христа и христианства. Отечество? Но разве Толстой не любил его в «Войне и мире»? И чем стало «Отечество» для Толстого, в учениях о «непротивлении злу» Ибо — «Он сказал»: Аз же глаголю вам: не противься злему. И что мог этот бедный человек, этот «мытарь синодальной службы» возразить Толстому. А ведь Скворцов-то был именно «мытарь» против «Христа». Иерусалим? Нет «Отечества» для Христа: и вот Флоренский, Новоселов, У<стин>ский, минув всю Россию, так бессмысленно прочли Христа.

Как-то Флоренский сказал: «Я нахожу, что бежать за всякой мелочью в лавочку — *неприлично*. В дому должны быть *запасы...*» Великая черта хозяйственности, вкус хозяйства. Но разве не то же безмолвно говорит богатый юноша Христу: «Господи, Владыка, если я не буду богат и раздам *все имущество* бедному, то из чего же я буду делать запасы? Я за всем должен буду бежать в лавочку. *А это так безобразно*». Но что же сказал ему Христос вслед?

Увы, увy, увy... «не скажете, *какого они духа*». И Толстого, и Григория Гильдебранда, и Тартюфа — всех их Христос закутывает в складки своего хитона. Которым довольно ниточки. И всемирная история, христианская история совершилась не без ноумена. Нет, п. ч. ... что БЫЛО, то и БЫЛО.

* * *

ЕВРОПА — ГУСЕНИЦА

прожорливая, бесстыдная, гадящая землю, портящая сады, деревья, кусты, капусту, розы.

Но время настало ей окукливаться, замирать, умирать.

Она не вся умрет; мотылек вылетит. Этот-то «в небесных садах» насладится Древом Жизни. «О, какие чудные орхидеи». Насладится Богом... О, да: именно — *Богом*, и — именно *насладится*. Бог и есть Древо Жизни, из которого все распустилось, из которого мир распустился как Сад. Бог есть зерно, Бог есть ядро, а мир есть Сад. И все души вернутся к Нему, слетятся к Нему. Будут Его вдыхать, будут Его обонять. Вся жизнь обратится в одно обоняние; нос — черта «будущего века» в нас; и вкус языка, и губ, и рта — тоже черта будущего века. Для теперешней и земной грубой жизни этого всего не нужно.

* * *

Египтяне не спешили очень выставлять своих рисунков. И им подражаю я. Ученые доказывали, что и у них было обрезание, что будто бы свидетельствуется видом мумий. Но вид вообще никакой не может засвидетельствовать обрезания, ибо никаких анатомических следов резания, конечно, не остается, а вид и без обрезания встречается как при обрезании. Но есть одно у египтян изображение, показывающее, что у них «все почиталось так как бы <...>

* * *

ЕДИНСТВЕННОЕ, ЕДИНСТВЕННОЕ, ЕДИНСТВЕННОЕ

счастье, которое меня не обмануло — это мой письменный стол. И —

Брожу ли я вдоль улиц темных,

которые я незаметно обратил в свой тоже Письменный Стол. Как и мир, который я тоже сделал ПРЕСТОЛОМ своего писания. Обманула... обманули и... Милая и милые, но с дрожанием, с грубостью. Рассеянные, невнимательные. «Графский переулочек», больница, гипноз. Но Пис. Стол — всегда был верен мне, как я ему. Индия и Дамаанти, и Наль — это-то и был мой Пис. Стол. Я — Дамаанти, он — Наль.

Он — хаос. Шалость. Игра в кости. «Проиграл царство», как я за письменным столом «проиграл жизнь». И все его я отыскиваю. Его одного, его легкомысленного.

Вот он, весь взъерошенный. Бумаги, бумажонки, письма Груды писем, в которых я не могу разобраться, на которые бессилён отвечать, которые почти бессилён читать. И — многие уже не прочитываю Люблю их, о, да!!! Но главное — бумаги и бумажонки.

«Вот моя поэзия». Мой — Наль. Что представляет мой «Апок.», мой «Египет», — и эти «Опавшие листья», которыми я усыпаю гроб свой. Никто не построил себе такого Мавзолея... С 1911 года я начал «рыть гроб свой» и все всыпаю эти душистые листья в него и все камень за камнем кладу в Мавзолей (своды). И вот семь лет прошло: и Мавзолей полон жизнью, насыщен жизнью, как ни одно царство, ни один город: вздохи, стенания, шалости, игра, «патриотизм»...

— Цыц! Гони отсюда политику. Да. Нет. Вечность.

И вот я создал Вечную себе гробницу. Которую никакие века не разрушат «Мое царство, мое царство, мое вечное царство». «Я — Христос, обернувший себя Евангелием». У Мурахиной есть странная обмолвка и бессмыслица: «Конечно, и у него есть недостатки, пот. что без них он не был бы уже человеком». Я вздрогнул. Тайная мысль, что я не «человек» собственно, опять вздрогнула во мне. И вначале у нее: «Его поместить бы в храм, с открытым куполом»... (сово-

купающегося) (лучше — «ласкающегося» в постели), и я не знал, не понимал, читаю я это или не читаю, вижу или не вижу в строках. Но в самом деле я чувствую в неизмеримой скромности своей, и чем я скромнее — тем именно и сильнее это ощущение, что как-то я перерос жалкую породу человеческую, так вообще ограниченную, бездарную. И стал — чем же? Кем же?

И вот древность бы. «Боги», «полу-Боги», «Герои» — «Храм Геракла». Он был человек и все-таки ему был построен Храм. И все-таки он был «богом» или «полубогом». «Храм Тезея». Есть тоже. Кажется, в Афинах. Древность была неизмерима сравнительно с соплявым христианством, с этою честолюбивою верою в честолюбивого Иисуса; Древность и простое даже прикосновение к ней — всегда «Возрождало». О, эти периодические, от соприкосновений одних, «возрождения», «Re-nessances». Древность, очевидно, не умерла, не хочет умереть, не может умереть. Ибо в ней — НОУМЕН.

Я думаю, что единственное, что умерло, и единственное, что никогда и не жило, есть Христос и христианство.

Итак, — древность опять, священная древность, святая древность. Повсюду священные фаллические культы, фаллические процессии, которые ведут за собою настоящие иереи и протоиереи, вопреки и в противоположении теперешними то бритыми, то нечесаными. Что за вера: «Всякий умерший становится Озирисом» и «Osiris o Θεος ειτιν»¹. Я спросил Тураева: он пожал плечами («не понимаю»). И они все не понимают, они египтологи и ассириологи, как и «сириологи» или палестинцы, конечно, ничего не разумеют в Библии, «а след., и в Евангелии».

Между тем (вера египтян была крепка) это ничего другого не означало, кроме что «человек всякий есть Бог» и оттого просто, что он имеет фалл. Бесфаллический был бы куклою, а фаллический eo ipso² несет в себе жизнь и не только жизнь, но Вечную жизнь, земную здешнюю и загробную. Отсюда совершенно понятна вера египтян в животных, о которой недоумевает Кагаров как и все «египтологи», п. ч. все и они имеют фаллы и какое же преимущество имеет фалл человека перед фаллом быка или зайца. Мир божествен и весь до конца этот, прекрасный самодвижущийся, самодышащий мир. Это собрание только одних богов и ангелов, с Единственным Мертвецом, который и не воскресал и не воскрес, а единственный есть в Космосе — Покойник.

* * *

ЕЖЕДНЕВНОЕ

И вот тащит кусочек сахарину. 52 года. И заключение 35-летней литературной деятельности. И прячет укромно, в темный уголок буфета. Под блюдечко. Вечеру будет сладко.

¹ Озирис — тот же бог (лат., греч.).

² тем самым (лат.).

* * *

ЕЖЕДНЕВНОЕ

С базара идешь — точно пчелка меду несешь. Творог. Никогда почти, но изредка — сметана. Всегда же молоко к чаю. Яички (7 рублей десяток).

Лучше, счастливее, чем ходить на базар — я ничего не знаю. На этот *деревенский базар* у Троицы Сергия. Какие говоры, какие лица!

* * *

Если бы вместо того, чтобы называть в литературе Леонида Андреева «лоботрясом и невеждой» и, в сущности, — бесталанным болтуном «на высокие темы», я СДЕРЖАЛСЯ и смиренно сказал ему, попросил указания:

— Как быть богатым?

Не голодали бы мои бедные дочери. И сам я не канючил бы сейчас, не пугался бы перед Еловым, как в эту ужасную пятницу. И не поцеловал бы руку — в октябре у Александрова, когда он вдруг мне показал «луч надежды».

Да. Нет, евреи не таковы. Это только русские и христиане. Это только «таков Христос» и «наши русские православные».

~

Ничего нет счастливее, ничего нет блаженнее, ничего нет истинно прекраснее, как ходить на базар.

Присматриваться к яйцам, велики или малы, весенние (апрель) или осенние. К творогу. Сметане. О масле не помышляю (12 р. фунт). Какие говоры, речи. Отдельные выражения. Базарный язык — лучший в свете по жизненности. — Но может быть что-нибудь есть лучше в свете? Напр., Пушкин? — Нет...разве что...

Вот что: еще лучше в свете: есть белоснежный творог с обезжиренным молоком (чуть-чуть присыпав сахарных крошек).

* * *

ЕЩЕ О ПУСТЫННОУЕДИНЕНИИ ХРИСТА

«За КОГО принимают меня люди?»

«А вы Меня за КОГО принимаете?»

.....

Но более-то важно, за *кого* ОН САМ принимает себя?

Если за Бога — то, уйдя в пустыню, он *обезбожил* мир.

И если за Святого — то *обезсвятил* мир.

И если за Свет — то *обезсветил* мир.

*

(Еще одно письмо, — из армии, в марте месяце):

«Теперь все нападают дерзко и бестактно, — и незаслуженно укоряют в недостатке «гражданского чувства» таких хороших и достойных русских людей, как Алексеев и Радко-Дмитриев (он — «русский душою»). А между тем они говорят о том, о чем, действительно, надо говорить Армии в наше тревожное время — о забытой «дисциплине». Эта военная дисциплина — отнюдь не уничтожает гражданской свободы, но она дает возможность генералам-начальникам (если это режет ухо — руководителям), проще — нашим полководцам на полях битв сохранить тот авторитет, который бросил бы полки по одному их слову для победы на врага. Эта дисциплина царит в каждой Армии — и в Англии, во Французской республике, и свободные арабы повинуются своим мудрым «шейхам» Голова думает, к телу отдает приказания, а оно исполняет все. Господь сказал: «И если левая рука соблазнит тебя, то возьми меч и отсеки ее — лучше это, чем всему телу погибнуть в геенне огненной». Так обстоит и с дисциплиной в Армии. Лучше наказать виновных (ведь наказывают же детей, — и не для того, чтобы делать им больно, а потому что так надо), чем погубить Россию. Немцы так, верно, ждали и пропагандировали беспорядки. Эти беспорядки дали неожиданно много светлых возможностей. Но... против этого-то и восстают и борются наши генералы и все те, кто думают с любовью о России, и только о России, отбросив всякие *социальные идеи* на время — но они видят, что наряду с хорошими честными людьми по-прежнему много дурных, думающих только о себе, ленивых и порочных, распущенных и недостойных, — их-то и хотят подтянуть они, — пока не поздно, пока они не настолько распустились и ослабели, что врагу останется «*Veni, vidi, vici!*»¹ Все, что говорит Алексеев, Радко-Дмитриев и друг., надо ценить, а не придирается к словам — они все так много отдают и отдадут, а вам, рабочие и солдаты, вам останется только получить, — и так много. В этом и есть разница, в высоте их и вашего патриотизма»

(Написано карандашом с фронта, в самые первые дни революции.)

Советы были; но все они были *не на тему*, и к ним остались глухи. Тема же, заданная из Германии. «Как можно меньше сопротивления Германии».

Но уже «наименьшее сопротивление врагу» не диктовалось ли мирною идиллией Толстого, для которого вся стратегия сводилась, кроме глупости и трусости генералов, к тому, «как они курили трубочки в окопах» и выбегали

¹ «Пришел, увидел, победил» (*лат.*).

на штурм, засунув занимательные трубочки за голенище сапога. И все — «трубочки» и не больше как «трубочки». Поистине, портянка солдата для него была выше эполет офицера: дивно ли, что солдат так расходился над офицером?

И за то, чтобы «не поднять руку к козырьку при встрече с офицером» — в сущности за это, потому что с *этого* все началось, — потоптались германскими войсками тучи русских полков, отнимутся земли наши, и над спиной русского мужика будет свистеть немецкий бич.

* * *

ЕЩЕ ПОЧЕМУ ЖИЗНЬ «НЕ УГАСАЕТ»?

Т. е. почему «древо жизни» есть «лоза» и «виноградная кисть», а не «колосная соломинка», «трубочка»? И почему есть «мистерия испития вина»? Почему «божии силы» слагаются в «Вакха».

Когда воины римские овладели храмом, то, войдя в Святилище внутреннее, были поражены зрелищем: посередине его стояло дерево с золотыми листочками и ягодками. Всмотревшись, они увидели, что это лоза виноградная. И по неразумию языческому, предположили, что «значит евреи поклонялись Вакху». С этой записи (цитату — из «Олесницкого». «Ветхозаветный храм», в середине) надо бы писать историкам «разгадку Израиля», — как «из капители» архитектор изъясняет «колонну» и происхождение и стиль и историю вообще «храма». Но они начали вовсе не из того. Они начали с поста, молитвы и острога, и навели уныние, страх и отчаяние на весь свет.

~
~
~

Странные мысли ко мне приходят: что если бы какой-нибудь один человек «действительно умер», товокруг него — зрители, родные, близкие, соседи — все или тотчас, или очень скоро тоже умерли бы от страха и вообще от потрясения и непереносимости дела, от прикосновения к делу НАСТОЯЩЕЙ СМЕРТИ. Но они не умирают, а плачут, печалются, тоскуют... Тоска о смерти и доказывает, что «смерть есть разлука», а не «разделение».

Как вода: она холодеет до « -1° », до « $-1\frac{1}{2}^\circ$ », « -2° », до « $-2\frac{1}{2}^\circ$ », до « -3° » и до « $-3,444\dots^\circ$ ». Но вот... если бы до « $-3\frac{1}{2}^\circ$ »? Тогда вся вода, все воды мира «окристаллизовались бы в одной сперва точке все и моментально превратились бы сплошь в лед, стали тверды, иновещественны, ино-формальны. Не было бы «жидкой воды», а «твердый лед». И если бы также «один человек умер», то все человеки и даже все живые твари очень бы скоро, почти моментально, «как по линии», тоже умерли бы, по всеобщему замерзанию, « $-3\frac{1}{2}^\circ$ » и вообще по закону «границ».

Но люди — умирают или замерзают до « $-3,444...^{\circ}$ » холода, а до « $-3 \frac{1}{2}^{\circ}$ » никогда «не доходят». И окружающие рыдают, а не умирают. Рыдания же согревают их слезы — они теплые, и люди «отходят» и «остаются жить». Могут «остаться жить».

И мир полон тоски и благородной меланхолии, но смерти он не полон. Смерти нет и она — невообразима. Безобразия смерти нет.

Точно так же: «антонов огонь», «омертвление». Как только человек — в общем еще здоровый и целый — подвергся в одной точке «антонову огню», от ушиба или от чего, так он сразу весь переходит в «антонов огонь» и «омертвление». Это также «грань», как для воды « $-3 \frac{1}{2}^{\circ}$ ». И *настоящего* «антонова огня» также нет, мы видим только пример и бывающие «антоновы огни» все суть не настоящие, иначе не удержалась бы никакая в мире тварь.

Таким образом, «Бог есть пылание», а не бытие. Кто определяет Бога бытием — в Нем ничего не понимает. Он есть «чрезмерность» и являет в Себе «больше всякого предполагаемого». Он есть «рост», «виноградная лоза» и вот «испытание нами вина». «Отношение человека к Богу» есть вечное «виночерпие». Лоза, искрометность, сыплется лучи. Бог и отношение к миру Его есть вечное опоение, есть вечное опоение человечества божественным вином и вечное ядение Богом человеческих тел. Отсюда «обрезание» и что «солнце сыплет лучи и из них выходят «животворящие ручки» (кресты).

«Я сотворил тебя и ты будешь вечно творить по Мне» («ручки» подносятся к «ноздрям»).

Еще я хочу сказать, что мир как-то растет кубически внутрь себя. Мир вообще растет, и чрезвычайно. Мир не «стоит», а увеличивается. Мир «искрометен» и потому горит. Горение — его сущность. Горение, а не сгорание. Мир никогда не сгорит и особенно не погаснет. О, ужас... Ужас ли. Но ведь тогда и Бог погас бы. О, еще два ужаса. Нет этого и не будет, и этого невозможно. Пылай, пылай, Господень мир Множьтесь из коровы — две коровы и из лозы — две лозы. Лейся, радость мира и скачите все человеки высоким скоком.

Мир искрится. Вот сущность его. Вино — столетнее, тысячелетнее, всевечное заготовлено в нем и бутылка вся облеплена мохом, паутиною, грязью. Это и есть «Священный лес». Но чудная влага запасена в нем. Чудное вино это — Бог, и запасено оно для бытия мира прекраснейшего.

И пейте, пейте люди «своего Бога». Не «перестанет Он» и не «перестанут они». Не пугайтесь ничего, ни даже самой смерти. Безумцы: знаете ли вы, что все вещи диалектичны и только одна жизнь не имеет в себе излома и этого дьявольского гегелевского «нет»? Что же это значит? Что за таинственный «чет», который начинается «нечетом»? Всему быть «пора» и все делится «на два». Но одно: жизнь и Бог уже не «делятся на два», а есть кипение **ЕДИНОЕ** и **ВЕЧНОЕ**.

* * *

Живое солнце в графическом изображении египтян. Это вовсе не «символика», не «символы», окружающие солнце; а *истолкование* его египтянами через обычное их письмо, — «*говор их*» о солнце через включение в него всего того, что они в нем увидели, подсмотрели, нашли. Оно «крылато», т. е. *не его кто-то толкнул*, «Первый движитель» или вечная механика; а движется оно скрытою *внутри его самого* причиною, *жизнью его, само-«бытием» его*. И, главное — эти «уреусы» (змеи): что солнце «встает» и «падает», «поднимается» и «опускается», в «заре утренней» и в «заре вечерней», п. ч. в нем заключено уже *время* и, следовательно, *пульс*. Что оно — *кровь* и, след., *тепло, горит*. Оно движется, п. ч. горит, а не горит оттого, что движется. Совсем разница.

Но почему «восход» так не похож на «заход», и одна «заря» так не походит на другую? Почему воистину есть «утро» и воистину есть «вечер»? И воистину есть «осень» и «осеннее солнце» («бабье лето») и воистину есть «весна» и тоже «весеннее солнце»? Почему они так не схожи, когда должны бы быть абсолютно схожи? Почему осень благоухает, а весна — это только сила? П. ч. осень — *перед-гробие*, а весна — детство и юность. «Зима» же — куколка, хризонида, «нет меня». П. ч. солнце есть жизнь и показывает, — показывает и предсказывает, — и жизнь человека. Оно научает человека; солнце есть *мудрость*. Мудрость и радость, и обещание *вечной жизни*. Солнце замирает, но не умирает.

А что оно «встает» и «опускается», то оттого, что оно есть животворящий фалл. Откуда все произрастает из солнца.

Именно «фаллизм солнца» и был тою «луковицей Египта», которую они открыли, стерев последний «покров». Сияние «солнца»-«фалла» и было, собственно, главною темою и главною разгадкою Египта.

* * *

ЗАГАДКА БЕЗ РАЗГАДКИ

Все-таки так рассуждайте, этак рассуждайте, и вы не уничтожите того действительно удивительного факта, что конус, который в финикийских храмах ставился богопочитаемым фетишем и изображает производительный орган быка, аписа, в сочетаниях своих дает пути движения всех без исключения небесных светил. Почему бы. Как. Зачем земле облетать «вкруг солнца» не просто «по кругу», но «по кругу с удлинениями», математически таким именно, именно — не иным, нежели какое получается от разрезания фетиша финикийского несколько наискось, несколько наклонно к оси этого фетиша. И кометам двигаться по параболам, т. е. по линиям, если тот же фетиш мы разрежем ножом параллельно оси его. Как будто кровью аписа, взятою от разрезов его родительского органа, пропитан весь мир. Да ведь и

в самом деле — пропитан. Но «для планет это — не необходимо», ни, еще менее, это необходимо, неизбежно для аписа.

Никакой нужды, принуждения. Свободное творчество природы. И так мистически совпадают. Математика же точно до секунд и миллиметров. И все эти «конические сечения» — какая премудрость.

А если в самом деле эта космогония...

Фу, языческие тайны... И призраки, и пугания...

* * *

И вот выходит лев на ловитву.

Этих выходов 365.

И за жизнь: 35х365.

И каждый раз сжались зубы, высунулись когти.

На кого-нибудь.

Нет злобы, но нужна пища.

И вот никого нет. Пусто, тоще.

И погас взгляд. Нога идет иначе. Виляет.

Хвост волочится. Какой робкий взгляд. Статья не печатается. «Не нужно». «Не подходит».

И он виляет. А на самом деле шатается.

Виляет с львиными зубами и такой страшный на вид. И когти тоже. Но помертвелый взгляд.

И вот выходит лев на молитву.

* * *

И вот — исход (уже от Египта!!!), что в Бытии с первым грехом человека, следует и наказание Божеское: «смертию — да умрет». Вот где Адам и Ева произошли: они произошли еще от Египта и идут от сопровождения титулов фараона и всяких чтимых лиц («жизнь, здоровье, сила»). И вот — роши, их «священные роши»: где-то в Талмуде прочел я разъяснение «этой неприятной особенности язычества»: «священною рощею называлась такая, в которую никогда никто не вступал». Ведь под ногою могла хрустнуть веточка, тогда как «голени не должны быть перебиты». «Священная роща» есть «девственная роща» или как дал как-то определение доктор, с коим я разговаривал: *virgo intacta*», «нетронутая девушка». И в роще только падала роса, но еще никогда ничего не падало. Тишь. Ночь. Звезды. Покой и вечный покой, века, тысячелетия. «Пусть природа отдохнет от человека», от того человека, который вносит вечную суету. И еще, еще: *virginis ignos*, девственный огонь это — огонь Весты. Без сомнения — поддерживаемый по тому же плану, типу, мысли: без привхождения «больного». И вот, как последнее, я читаю в еврейском молитвеннике сейчас, что «кантор в синагоге должен быть ничем не болен, хорошего роста и КРАСИВ». Вот «богословие» и «знание», какие с него спрашиваются.

Не спрашивается о «голосе», хотя он должен «быть»; не спрашивается о музыкальном ухе, и знании нот. Так что это не шутя, а «в самом деле»: какое сближение с греками и с «эстетической красотой». Какое сближение и с тем, что египетские лица — так исключительно прекрасны. И этот «еврейский молитвенник», напечатанный сейчас в Вильне, он возвращает снова нас к Фивам и Мемфису, и «Моисею-Богомудру» никуда не уйти из Египта, сколько он ни уводи свой народ из него. «Не уйти»: ибо принцип — вечен. Это зерно и семя, которое в то же время есть отчее начало.

* * *

«И ГОЛЕНИ ЕГО НЕ БЫЛИ ПЕРЕБИТЫ...»

Мы так обрадовались, что «голени Его не были перебиты» — да сбудется пророчество, реченное (таким-то пророком), что «кость Его бысть цела» и т. д., и т. д., — не заметив, не обратив никакого внимания, что этою «голенью» и всем «предреченным» о ней — мы раздробили как поистине Каин Авелю голову костью же — самое бытие Божие, самое зерно Божие, Которое — бесконечно, и — везде во плоти, везде — дрожит, везде отражается в бытии мира: и вместе — *Едино, Едино* и потому только *живо*, что оно в то же время и *Едино Отец* — и *все*. И *кончено*. Но где же не «отец»? Что за «сыновство» около него и что за сыновий новый принцип? К чему дробить? А «зерно» — раздроблено; в самом бытии Божиим раздроблено, раздавлено, смято, обессмыслено, обезволено, изничтожено. О, вот *где* атеизм и даже — божепохуление. Как мир был «не спасен» — раз он «из Отца»? Но умиротворен и «не примирен с Отцом», когда он весь Его дитя? Отец ли не Покровитель дитяти? И вот — Провидение.

Как все гармонично, когда зерно — *одно*. Одно, одно, одно. И никакого другого. Распилить, разбить, *растроить* (три) Лик Божий... Что же сделали все (все! все! все!) так называемые «Вселенские соборы», как не то одно, не то единственное, что они раскалывали уже не чудотворную икону, не «Иверскую Божию Матерь», а Самого Бога раскалывали, в три части делили — *неделимое*, делили — *зерно*. И как же тут не быть *атеизму* самому чудовищному, самому *несветимому*?!!!

Идеей целостности, неразрушенности, единства — проникнуты были все древние цивилизации... Точнее, они все искали этой целостности, единства, неразрушенности... Откладывали в сторону разрушенное, говоря — «не надо», и отбирали, откладывая «в кучку» — все неразрушенное. «А, вот это — *надо*». «Ищите. Ищите. Ищите». — «Ищите и, того паче, находите». Каждое найденное «еще целое», «опять целое» — они берегли, хранили как зеницу ока, паче глаза своего. Меня поразило, когда я узнал из какой-то египтологии, что египтяне после имени фараона и всякого чтимого лица, т. е. назвав это лицо по имени только, неизменно прибавляли к имени формулу: «Жизнь, здоровье, сила».

Это я отложил «в сторону» как *nota bene* всемирной историчности. Потом сообщение, должно быть у Олесницкого в «Ветхозаветном храме», что в Скинии завета (Моисеевой) жертвенник был сложен из *неотесанных камней* «Нетесанный» — значит он «здоров». Значит — он «крепок». Значит — никакое железо не перебивало ему «голеней». И это я отложил в сторону, прибавив к египетскому «жизнь, здоровье, сила». Далее: попадались (в еврействе) люди калеки, хилые, больные. Что же они делали? С рождения пораженные (чуть ли не скопцы это были), они должны были отбирать среди дров, принесенных для пылания на жертвеннике, всякое полено с загнившим сучочком, *откидывая* его: дабы в пламени жертвенника горели только «целые», не больные нисколько, одни *здоровые дрова*. Дрова без болезни и «без худа». «Худое» определилось как «больное». Вот *rectoriter*¹, прямой путь и компас всемирно-исторического плавания, и, вместе, путь не человеческий только, но космогонической морали.

И «спросить о здоровье» вместе с тем означало «спросить и о душе», а «пожелать здоровья» вместе с тем означало «пожелать благополучия и в совести». И вот — исход (уже от Египта!!!), что в «Бытии» с *первым грехом человека* следует и наказание Божеское: «*смертию да умрешь*». Вот где Адам и Ева произошли: они произошли еще от Египта и идут от сопровождения титулов фараона и всяких чтимых лиц выражением: «Жизнь, здоровье, сила». И вот — «рощи», священные рощи греков и римлян. Где-то в Талмуде прочел я разъяснение этой неприятной (евреям) особенности язычества: «Священную рощею называлась такая, в которую никогда никто не вступал». Ведь под ногою могла хрустнуть веточка, тогда как «голеня не должны быть перебиты». «Священная роща» есть «девственная роща» или как дал как-то определение доктор, с коим я разговаривал: «*virgo intacta*», «нетронутая девушка». И в роще («священной») падала только роса, но *еще* никогда ничего, ничего не падало.

Тишь. Ночь. Звезды. Покой и вечный покой, века, тысячелетия. «Пусть природа отдохнет *от человека*», от того человека, который вносит *вечную суету*. И еще, еще, *virginis ignis*, девственный огонь. Это — огонь Весты. Без сомнения, поддерживаемый по тому плану, типу мысли: без привхождения «больного». И вот, как последнее уже, я читаю в Молитвеннике еврейском, изданном в Вильне сейчас, в 1908-м году: что «кантор в синагоге должен быть *ничем не болен, хорошего роста и красив*». Так вот — Парфеноны и вся красота эллинская, из какого иудейского источника она проистекает: из «жизнь, здоровье, сила», из «*ignis virginis*», из «надо, чтобы в жертвенный огонь не попал ни один загнивший сучочек». Зерно. Семя. Чистая кровь.

В конце концов — «не переломленные голени». Не берется богословие и наука, не берется даже *голос* для *певца*, ни — знание *нот*, ни — слух («кантор» значит «*певец* псалмов», *певец* молитв в синагоге), а спрашивается, выглядывается, исследуется и испытывается «парфенон» в теле и «долголетие

¹ правитель (*лат*)

Фив» в обещаниях здоровья... Высматривается полнота жизненных сил... Т. е. опять же и снова *зерно*, опять *зерно*! Опять *зерно*!!!

О, пламя! Вечное пламя! Пламя вечной, неугасимой и, *следовательно, безгрешной жизни*

О, как прекрасно... О, как великолепно... О, как нескончаемо .. Древо жизни, древо жизни... бежим же к тебе, все бежим всеми народами, племенами... Именно — в *белых одеждах*, именно — с *пальмовыми ветвями*, как и обещано Апокалипсисом:

Но *кто* же нам это сохранил? «Жид», «жиденок». Вот тот мальчик и его сестрица, какие нам пели песенки на пароходе на Волге, когда мы странствовали на Кавказ.

Благословенны... О, как вы благословенны; все самые нищие, все самые убогие. И, расталкивая «царей Апокалипсиса», я сам и первый буду танцевать перед тобою, Царь Сиона: ибо ты все вынес, все выстрадал. И вот веди нас, как Царь и Утешитель, в Небесный Иерусалим.

* * *

И еще, и еще. Горю и весь в пламени. И вот:

Когда же душенька, дорогая душенька человека, с «павшим обаянием вещей», лежала бескрылая, — и вот «был Родзянко», но он на самом деле «был Его Благородие», не господин с господством, а господин с отвращением к господству, и не «дворянин», а вонючий раб с подлым рабством под видом «благородием», и все они собрались не в Сенате, о коем варвар-посол выговорил: «Я видел царей и мудрецов», а собрались в шутовское сборище, где уже всякий «продавал отечество» за лимонную корку, а между тем имя-то было как у Сената, и еще более, потому что еще просвещеннее, а просвещение их состояло в «христианском просвещении», т. е. в тьме непонимания вещей, и держал скипетр кто-то, кто *не был*, а казалось, *был*, то вот в этом страшном «Солнце Христовом», с его колючкой и шипом, а не со светом и могуществом, с его «изнеможением Христовым», с солнцем темным и разрушенным («померкло солнце и истощилась луна» — Апокалипсис), во всем этом безлюбовном, развязанном кувырканьи властей, состояний, бессловных сословий и бесклассовых классов, похожих на брюсовское:

О, закрой свои бледные ноги.

И еще:

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене.

... ..

— достаточно было в этом цирке клоунов и дрессированных собак раздаться пистолетному выстрелу, чтобы повалилось царство и рассыпалось все. По слову Христову: «Вот дом ваш оставляется вам *пуст*».

О, о, о...

Вой, Апокалипсис... Реви... Стенай.

* * *

ИЕРУСАЛИМ

В сущности, ВСЕ они были Иерусалимами, в сущности, все были Иерусалимами...

И Афины, и другие все.

О, эта *недогадка* историков...

Значит, не только города, но — и управление было в сущности священо.

Pontifex maximus¹: эта должность и это имя было у Августа.

Духом «священства», «святого» чего-то была пропитана ВСЯ древность.

Смотрите города: Урано,

Гелио-полис.

О, древность, — о, древность. Ты — дышала раем. Вот тайна, скрытая от плоских Моммзенов, который был *в сущности* предшественником уже Родичева и *в Риме* ничего не понимал.

Он не понял, что Август был pater patriae — «великий протектор» (как Кромвель) республики же и что переход в империю произошел совершенно незаметно. И вот — в Коммагене, с храмом еще *выше* построенным, чем как было на Акрополе, в Афинах; и чем было в Сионе, где Давид построил храм тоже на *горе* «Мория»; везде — один план, один закон и, значит, — *одна* мысль...

О, Иерусалим, ты — светишь всю землю, да и смыслом ты освещаешь всю древность...

И стонет сердце — по тебе, потому что ты включаешь в себя не одного Моисея и Давида, и Соломона, но и Фемистокла, и Аристида, и Гомера, и Платона с Аристотелем.

И только *мы* отделены от тебя, *МЫ* одни, о, окаянные Каины, противопоставленные всей истории. Нет: убившие Авеля и лёгшие «кушать на костях его», как жрали татары на костях русских князей, разбитых ими на реке Калке.

Но это — не Калка и не русские.

Разбил древность — Христос.

¹ Верховный жрец (*лат*).

С Иерусалимом он убил ноумен всего древнего мира; за ноуменом погасли и феномены, т. е. погас древний мир. Вот-вот, вот тайна: что «с Августом» — пришел и Ты, что он был «от 30 года до Рождества Христова и по 14-й год после Рождества Христова».

Так вот какую «миртовую ветвь» ты принес на землю... Иерусалим, Иерусалим: не по *одном* тебе плачет сердце, а по сотням, по тысячам таких же «иєров- δαλμη»¹.

И еще, еще: как и финикияне, как евреи — тоже и *греки* жили такими же «колонийками», *гетто*, «в диаспоре», «в рассеянии»... Но причина? Причина? Да это же безумное доверие к народам, «дружба сердца» к ним... К их «Дариям» и «Ксерксам» и «Артаксерксам», как — на Западе: они всю Италию усеяли колонийками («Magna Graecia»²), — «Метапонт», «Гераклея», «Посейдония» («Пестум»), «Сиракузы».

И так же ошибались в «Артаксерксе», как евреи — в Вильне и Белостоке. По тому же закону, психологии и вине.

* * *

ИЗ ГЛУБИН ЕВАНГЕЛЬСКИХ

«Смерть, где твое *жало*? Ад, где твоя *победа*?»

— Слова, слова, слова...

Лет восемь назад я прочел, как в Царском Селе умирала от чахотки молодая девушка. Умирала и умерла. Мать, не в силах вынести горя, поднялась на колокольню ближней церкви, сбросилась с нее и разбилась до смерти. Вот она знала, где «*жало* смерти».

И сказавший *так* Апостол, значит, *не видал* людей или, как бы и видя, — не видел. *Зрение* открывается только *любви*. И сказавший слова эти Апостол — *не любил* людей.

* * *

ИЗ ГЛУБИН ХРИСТОВЫХ

«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы...»

¹ священные города (*греч*)

² «Великая Греция» (*лат*)

ЧЕМ? КАК?

А слово горит во всемирном горизонте, как одинокая звезда. И заливает блеском своим все физические звезды...

Но, однако, чем же и как Он успокоит или кого-нибудь даже успокоит.

Кто умирал — и умер. Кто болел — и болит. Кто был нищ и убог — и остался нищ и убог.

«Ты еси Бог, *творяй чудеса...*»: вот этого-то, именно *этого мы и не видим*.

Но есть в этом слове такая музыка и глубина, и ответ на страдания человеческие, что сколько веков ни проходило, сколько годов ни проходило, никогда человеку не пришло даже на ум спросить: «Да ЧЕМ же и КАК Христос «успокаивает»?»

Ну, вот бедность? Нищета? Убожество? И приход богатого юноши, который «все исполнив», и против «исполнения этого» и Христос-сердцеведец не возразил: тем не менее захотел и впредь оставаться богатым... «Вслед ему» Христос произнес такое слово, — такое *особенное слово осуждения*, после которого все и всякие надежды на богатство, на обогащение в человечестве должны погаснуть. Между тем как в России и в «небесном Иерусалиме» и «камень оникс» и «бдолах» в виде приманки к самой добродетели перед человеком поставлено прямое обогащение, как его наряд, как его увенчание. Но здесь, как и в жестокости же, Христос идет против милостивого Отца своего — совершенно прямо и уже не затемняясь. И вот — нищета, говорю я: от «нищенства» как «уклониться»? Да, стать богатым — это реально, или получить надежду на богатство. Праведное и заслуженное, трудолюбивое богатство.

Но... «богатый гоним» — его поникшее лицо. Тайна заключается в том, что «условия человеческие» собственно отняты у человека: но кого же, «злее и злее» собрался Христос успокаивать? Нет: земную юдоль, человеческую глупость, ну — ненасытность и ограниченность. Но во всяком случае что-то «человеческое», именно «человеческое», как и выражено в *подлежащей* его речи:

«Приидите вы, *люди*, ко Мне... слабые, *обремененные*: и Аз успокою вы...»

Все смотрят в небо «на вознесение Спасителя» своего? «Незаметно начавший отделять я от семьи» и «проситься в небо».

Ждут. Двадцать веков ждут.

Не дождетесь. Ничего не дождетесь. «Слово», как изумруд, горит в новом небе, Христовом небе, перед которым погасло Отцовское небо натуральных звезд. Оно горит в небе словесном, книжном: которое будут изъяснять, утомив свет; и никогда не спрашивать: да *получаем* ли мы что-нибудь? И получили ли?

ИЗ ЖИЗНИ, МЕЧТАНИЙ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Я знал его, этого сурового марксиста, еще на гимназической скамье, — в Ельце. Он был из города Ливен, сын тамошнего видного протоиерея. Сильный крепыш, суровый, угрюмый. Он никогда не улыбался, не шалил. Всякая шутка и «озорство» были ему чужды. Сын видного ливенского протоиерея, он из старших классов семинарии перешел уже в седьмой класс Елецкой гимназии. Где и кончил блестяще курс, чтобы затем, в Московском университете, продолжать образование на экономическом отделении юридического факультета. Тогда здесь гремела кафедра Александра Ивановича Чупрова. «Вот туда-то мне и надо»... Чупров и Янжул, профессора политической экономии и финансового права, были светилами Московского университета тех лет. Их сотоварищами были Максим Максимович Ковалевский, Сергей Муромцев — впоследствии первый председатель Государственной Думы, и Николай Иванович Зверев, маленький, захудалый, бедный профессорок по Энциклопедии государственного права, впоследствии Главноуправляющий по делам печати в С.-Петербурге. Все они одновременно были членами Юридического общества при Московском университете. И все были «плеядою» тех 80-х годов Московского университета. В то же время на историко-филологическом факультете того же самого университета «процветали», как говорили в старые времена, С. М. Соловьев, уже старец древний, седой, — читавший всегда с зажмуренными глазами; преемник его на кафедре русской истории Василий Осипович Ключевский; профессора по всеобщей истории Влад. Ив. Герье и Пав. Гавр. Виноградов. Проф. Н. И. Стороженко и Алексей Веселовский. Дочитывал «век свой» белый как лунь старец Федор Иванович Буслаев и Николай Саввич Тихонравов, — впоследствии ректор университета. Оба факультета, и юридический, и филологический, — «цвели»... И они — действительно цвели, светились. Как одновременно цвели в С.-Петербурге факультеты физико-математический с Менделеевым и Зининым во главе.

Прекрасная пора. И счастливое время. Шли 80-е годы девятнадцатого века. Что могло быть счастливее города с цветущим университетом.

И вот, прошли года. Прошла вся жизнь, трудовая, кипучая. Петроград, журналистика. И гимназист Елецкой гимназии Сергей Николаевич Булгаков встречается со мною уже как журналист в кружках журналов — «Новый путь», вскоре после закрытия «Мира искусств»; он весь кипуч и пылок. Был за границей и лично знавал и дружил с Карлом Марксом и Энгельсом. Шло время к первой Государственной Думе. И раз свежо здороваясь со мною, своим бывшим преподавателем по Елецкой гимназии, он свежо-свежо так сказал:

— Ну, как наставник: если бы Вы там были, откуда я только что пришел, вы бы испугались.

И он потряхивал большой, кудластой головой. Он был весь в цвету, сильный, яркий. Черный или темный брюнет. Тут же были декаденты, символисты, художники из «Мира искусств», «Весов» и проч. Люди новые, эстеты, художники. Он весь грубоватый рабочий-экономист, революционер.

Пройдя школу Маркса «от доски до доски», лично знакомый, если не ошибаюсь, с ним, он вместе с тем, может быть по традиции духовного и провинциального воспитания, сын ливенского протоиерея (Орловск. губ.), имел кое-что, очевидно, и «в крови своей», в роде своем, «в породе своей». Покойный Передольский, новгородский знаменитый археолог, называл духовенство «Божьей роднею». Выражение более чем только основательное и более чем только остроумное. И вот — марксист и революционер, литератор и журналист, он весь вместе с тем и гармонировал задумчивому миру Владимира Соловьева. Долго, долго, — долгие годы, долгие годы он был предан теософической музе нашего длиннокудрого философа, тоже, как известно, из семьи-рода поповичей...

И вот прошли годы. 18 лет, думай и не думай, деятельности. Начал сесть и С. Н. Булгаков. Но больше седел он в душе и в богатой своей впечатлительности. Признаюсь, более всего я ценю богатое «чистое сердце» С. Н. Булгакова и что душу свою он «не берегает», а — по нашему Некрасову:

Всяким вольным впечатлениям
Душу вольную — отдай .

А также и по евангельскому зову, по притче Спасителя: не хоронит душу свою в мглу, в тьму, а принимает богато в душу свою всякое падающее на нее зерно.

И вот бреду я в Посаде на базар. Творог, яйца, сметана на уме. И по дороге идет белобрысенький попик, и около него трясется студент Духовной Академии. И о чем-то интересном говорят. Так теперь все «в пути и не в пути знакомы», «известно дело — революция», и все души открыты, то я останавливаю их и говорю: «Извините, вы говорите что-то интересное». «О патриархе и прочем». «Так я позволю вмешаться в вашу речь».

Оглянулись. Воззрились. Оказывается, оба уже предварительно видали меня у П. А. Флоренского. И заговорили о Булгакове: что «принимает священство».

— Да. Да. Какая радость. Но знаете: надо бы это тихо, тихо. Почти — украдкой. Революционер, марксист. Всю жизнь искал в медных трубах революции. И — Господь сподобил. Господь сподобил...

Сам весь так и горю. Ведь тоже славянофил. Ну, «с оттенками». Бурлю. Кто же из русских не бурлит? Но вот этот толстый, «мордастый» (такова лепка лица), грубый и суровый Булгаков... Господи, как хорошо; господи, как хорошо...

Правда, уже последние издания его, «Тихие думы», «Свет невечерний», полные кровных, полные автобиографических дум, говорили тоном своим и

какой-то далекой глубинной боли. Но ведь первое может прорваться и здесь, а может прорваться и там. «Истечь внутри и отравить организм» или — вылиться наружу.

* * *

ИЗ РАЗГОВОРОВ С ОДНИМ НЕМЦЕМ

Родом из Риги, где он жил со старушкой матерью, которая скончалась что-то около 1909 года, он впервые познакомился со мною в пору петербургских религиозно-философских собраний, интересуясь параллелями между протестантством и православием — но не то чтобы особенно с церковной стороны, сколько со стороны обещаний для будущей культуры и со стороны психологических и этнографических параллелей. Вообще у него был интерес к народности, к этнографическому составу, — и был нюх и талант этого интереса. Переводя одну мою брошюру о христианстве на немецкий язык и поместив перевод в рижском богословском журнале, он сам собою как-то стал более тесно знаком со мною, хотя вся натура его мало звала к дружбе, а более к кабинетным и гостинным разговорам на темы об общих интересах человечества. Бывая в Германии, он присылал иногда мне сообщения о германских умственных движениях, и это было так же интересно, как и неинтересно. И мне казалось, что и в Германию, бывая в России, он переселял такие же приблизительно сведения, питаюсь небольшими крохами международного общения там и здесь, — что ему было достаточно, как человеку одинокому, невзыскательному, достаточно любопытному ко всему, хотя как-то неглубоко заинтересованному всем. Он был международный дилетант с привычками и вкусами коммивояжера, везде бывавший, ни к чему особенно не привязанный. Станный и почти неприятный для меня тип. Только однажды он очень удивил меня, прислав из Берлина открытку с группой императорской фамилии Вильгельма, где была выставлена вся генерация довольно плодovitого кайзера.

— Русский никогда и ни за что этого не сделает, — русский журналист или студент, — подумал я. Нужно заметить, что он имел вид и образование какого-то вечно учащегося и все-таки еще недоучившегося студента. Но и он это сделал без всякой навязчивости, полушутливо. Было это давно, никакого пороха не чувствовалось в Европе, и я, немного удивленный моему Нлю, кинул открытку в корзину.

Перед самым выездом моим из Петрограда, когда в столице все сделалось так тесно и мучительно, он попросил Христом и Богом «уделить мне комнату», и я согласился. Прожил он у меня месяца два, и я нередко ночью, когда все уже уснут дома, направлялся к нему в узенькую комнату попить холодного чая с изюмом и с куском черного хлеба и осведомиться, что пишут в революционных и в остальных газетах, коих он всегда имел целый пук, самых разнообразных направлений. И вот тут, в тех же тягучих разгово-

рах на общекультурные темы, он подивил меня некоторыми взглядами из международного оборота, очевидно не личного и не общественного или партийного происхождения, но происхождения, как мне показалось, — несколько общеимперского.

— Да, — ухмыльнулся он кислою улыбкой, погружая большой нос в огромные черные усы свои. — Вот всегда существовала поговорка: «Что русскому здорово — то немцу смерть». И русским было спокойно с такою мыслью. Всегда в России была уверенность в победе над немцами одним своим духом и одною своею массою. Но оказалось на деле совсем наоборот. «Что немцу здорово — то русским смерть». Немцы без особенной болезни вынесли социализм, а у русских он производит холеру и смерть.

Я пораился: разве он так умен, этот мой приятель Н-ль. Никогда не думал. Он был самый обыкновенный немчик, с общими фразами. И вдруг он говорит уже не общую фразу, а как будто свой ум. Но я почувствовал, что этот «свой ум» хотя и надет на него, как вообще было надето все его шаблонное образование и все его шаблонные фразы, но надето, однако, не без соучастия своего носителя.

Вся Германия носила социал-демократию для России. Германия казалась *почти социал-демократическою*. Но именно — только почти, горела — но не догорала, и особенно — не перегорала. В Германии социал-демократия с ее знаменитыми лидерами так гремела, что русским оставалось только взирать благоговейно. Вовсе не Россия казалась классическою странною марксизма, катедер-социализма и т. д. Мы были подражателями и убеждали самих себя, ссылаясь на Германию и на то, главным образом, что «вот ученая, культурная Германия совершенно созрела для этой формы государственного устройства и не сегодня-завтра устроится в социалистическое общество».

И вдруг меня удивили слова одного из русских наблюдателей германской жизни: «Я много видал немецких социалистов. И всегда дивился тому, что всякий из них гораздо менее яростен и радикален, нежели наш русский член «партии народной свободы». Как поразили однажды и слова Вильгельма: «Социал-демократы на самом деле гораздо лучше своей репутации». Это он обронил лет шесть назад в утешение и успокоенье своим немцам.

Все это как-то само собою обладилось. Немец не выпускает синицу из рук, смотря на журавля в небе. Тут правительство немецкое, заботливое и чрезвычайно заботливое о своем рабочем классе, тем самым не допускало его до эксцессов и до опасных опытов: и держало на уровне температуры, не опасном для Германии, но в далекой России казавшейся, что Германия «на краю взрыва». Тут было и великое мастерство сверху, и какое-то инстинктивное и молчаливое умение «понять свое начальство» — снизу.

Я вспоминаю одного сотоварища по газете, вернувшегося с художественной выставки из Мюнхена. Он пил пиво с мелким разночинцем. Тот и говорит ему: «Я признаюсь сам — социал-демократ, и ваш император или наш император мне одинаково, по моим политическим убеждениям, противны. Но уж если, однако, выбирать — то придется остановиться на нашем. Он —

мастер в своем деле. Это не то, что ваш император». И русский наблюдатель добавил: «Немцы вообще все социал-демократы, и Германия империалистична только до смерти теперешнего кайзера». Поживем — увидим. Я думаю, русский этот глубоко обманывался. Следующий кайзер будет также благоразумен. Тут инстинкт и традиции истории.

Извинившись перед своим собеседником, я заметил ему, что меня удивляет, каким образом русские, которые кажутся более живыми и даже (двойное извинение) более индивидуально талантливыми, нежели немцы, могли так поддаться всею массою, всею страной на эту немецкую социал-демокративную провокацию. И кроме того осудил вообще Германию, сказав, что это коварное развращение нашего политического строя на социал-демократическую удочку, — развращение в мирное и добрососедское время, — вообще отвратительно. «Это одно есть то, что меня отвращает от Германии, которая вообще-то привлекает своею упорядоченностью и строем». Он ответил:

— Русские действительно, пожалуй, даровитее немцев индивидуально, и немцы всегда давали себе в этом отчет. Но именно — индивидуально, и особенно — литературно, художественно, артистически. Нельзя представить себе такой неартистической нации, как немцы. Ноги их прославил Гейне в «Путешествии на Гарц», балет их невозможен, театр, музыка, кроме великого Вагнера, — все это плохо, грубо. Но именно — индивидуально. Но то, чем слабее немцы русских — они, как более них умные, — уж я тоже прошу извинить меня — решили возместить массою. Русский индивидуально интересен и артистичен; но что же такое русская масса? Насколько русский выигрывает лично, настолько как толпа и общество — он теряет. И, кроме того, не сдерживаемый массою, он разгуливается и талантливость его переходит в хулиганство. Немец берет именно массою. Он гораздо покорнее, послушнее русского. Общественно он лучше русского. И это происходит от его добрых моральных качеств. Я очень прошу прощения за слово, но он благороднее русского. Он уступчивее, не такой заноза, и быть в обществе ему легко и приятно. Потом, знаете, я вам открою секрет: правительство это также поняло и не спешит с индивидуальным развитием.

Я с изумлением и недоверием взглянул на него. «А знаменитый школьный учитель, коему дед теперешнего Вильгельма приписывал победы над Францией, а личная развитость солдата, дающая ему находчивость на поле битвы». Все это формулы европейской веры в Германию. Я скорее подумал это, чем сказал, и все-таки у меня вырвался хоть шепот. Он ответил:

— Это было больше любезностью со стороны Вильгельма, который захотел привязать к себе и школьного учителя, как вообще там всё старается связать себя друг с другом, тогда как в России всё и вечно ссорится одно с другим. Но если взять особенно женское образование в Германии, да и мужское в его массе, то на деле — совсем иное. Вы сами в напечатанных заметках о Берлинском Тиргартене описываете толпу немецких студентов, пивших пиво, — до чего она грубая и грубее всякой дебоширничавшей русской толпы студентов. Это — так. Атлетика, спорт, физические упражнения зани-

мают все время немецкого бурша, а женское образование ограничивается приспособлением к «drei K» (Kirche, Kinder, Küche)¹. Но посмотрите, в России все пыжится и заявляет себя, и в теперешней революции вы видите последствия этого. Германия же испытывает последствия и женской, и даже мужской «drei K». «Филистер» — понятие и факт, созданный только в Германии. Она — едина, и внутренне едина, слита; и это — плод ее фереинов и дара действовать вместе и заодно.

Он продолжал:

— Вы хорошо знаете, Ницше в учении о древней трагедии распределил понятия: Диониса и Аполлона. И Вячеслав Иванов, и Мережковский много страниц построили на этом делении. Они вечно возвращаются к этим понятиям. Русские, действительно очень творческая нация, взяли себе до некоторой степени в руководители Диониса: понятие его, как это установил Ницше, неизмеримо у них популярнее. Аполлон же у них стоит совершенно в тени. Это — бог гармонии и порядка, коего, извините, русские совершенно не любят. Но еще более, чем не любят, они его не понимают. Если бы Бог, сотворяя мир, набросал только звезды, луну, солнце, глыбы земли, не приведя это ни в какой порядок, то получилась бы ерунда. Между тем мы видим не ерунду, а Космос, мир, красоту. В то время как русские взяли себе в образец Диониса, немцы избрали Аполлона. И в древней трагедии победное начало остается за Аполлоновой красотой. Немцы победили русских не храбростью, не умом и не талантом, чем всем хвастаются русские с их «шапками закидаем», — которое сохранилось и в революции, конечно, — а победили покорностью и робостью перед великим изо всех принципом — перед порядком, гармонией, перед единством, которое создается *повиновением*.

Я был изумлен, — и почти зашатался на стуле. Неужели это так *давно* началось и так систематично проводилось? Это почти «наука» в применении к человеческой психологии и основанной на ней «политике», как искусстве управлять. Но совершенно ясно, что будь то же самое проведено у нас, оно не достигло бы никаких результатов. Все разбилось бы о личный произвол, каприз, прихоть. Очевидно, немцы, хорошо рассчитав, что они никак не могли справиться с «восточною задачею» путем массы и численности населения, даже путем ума, таланта и культуры, — что вещи весьма изменчивые и непостоянные, — решили справиться с задачею таким способом, какой никогда решительно нам не мог прийти на ум, а потому и предотвратить его мы никак не могли.

Но здесь действительно сказались величие и благородство нации, описанной в национальном самоотвержении своем еще Тацитом. Перед задачей неизмеримой трудности, — даже невозможной, неисполнимой трудности, — какова победа над народом вдвое более численным и над государством тоже неизмеримо более могущественным, причем союзным с другими также очень могущественными державами, — как было допустить с таким великим слиянием духа даже временно ослабить, почти обдионисить свои ка-

¹ Церковь, дети, кухня (нем.)

чества, свою душу, свои все порывы, свой творческий гений, притом гений первоклассный, — чтобы победивши полную покорностью — вернуть затем свободу и индивидуализм хотя бы еще и новой реформы Лютера или крестьянских войн. Мне, во всяком случае, почувствовалось в речах моего собеседника, совершенно обыкновенного немчика, неинтересного, скучного, именно как бы тайное национальное соглашение, безмолвное, и которое, конечно, только тогда и могло удалиться, если проведено оно было в совершенном безмолвии, безгласности.

И тогда, — пусть будут возражать мне сколько угодно, — я скажу: это пусть и порок даже, пусть преступление даже историческое. Против *нас, русских*, — это во всяком случае преступление. Но здесь национальный эгоизм выразился в такой исключительной форме, таким исключительным способом и самопожертвованием, какой напоминает самые патетические минуты Рима и Греции.

Удивительно. Вполне удивительно. Вот что значит не «индивидуальный героизм», а героизм национальный; и где «достоинство» опять же не «личности», а какое-то неизмеримое, неизъяснимое «столбовое дворянство», так сказать, хода исторического.

* * *

ИЗ ТАИНСТВ ХРИСТОВЫХ

Не удивительную ли сторону целой «Истории христианства» составляет то, что в ней никогда не появлялся Иов? И что страниц Библии не оскорбляет Иов, тогда как было бы что-то дурное и невообразимое, если бы кто-нибудь вздумал возразить Христу.

Почему?

Боже, что же все это значит?

Но возражали Богу (Моисей), и с Богом спор переносит ухо: тогда как спор со Христом не переносится ухом даже физически.

Почему? Как?

Было бы *чуждо самой религиозности*, если бы кто-нибудь возразил Христу. Как бы Бог оставил больше свободы человеку. «Иаков боролся с Богом», и опять в этих страницах книги Бытия — ничего темного, дурного, невыносимого. Тогда как бес, возражавший в пустыне Христу, так отвратителен.

Но почему? Мы верим, *знаем*, что и тот есть Бог.

Явно из непереносимости здесь и совершенно легкой переносимости там, что в каком-то отношении, тенях и полутенях, Христос стоит как будто **ВЫШЕ БОГА**. Но что же, но **КТО** же может быть выше Бога? Но Иаков борется *физически* с Богом: тогда как физически попытаться бороться со Христом — прямо **ЧУДОВИЩНО**.

Но почему? Но как? Отчего богословы не кусают пальцы от недоумения?

ИЗ ТАИНСТВ ХРИСТОВЫХ

Удивительно, что в то время как в Ветхом Завете был Иов, в христианском мире не появлялся никогда он, а были, что называется, — одни прохвосты. Т. е. что как-то и каким-то образом там были только люди вовсе не верующие, никак не верующие, были люди в высшей степени недостойные, а потому *отрицающие Христа*.

Но чтобы человек с достоинством, «не вольтерианец», отрицал Христа, чтобы он, так сказать, жаловался Христу на Христа, как Иов — Богу на Бога, то этого никогда не было. И как-то это странным образом — невообразимо. Но отчего?

Боже, отчего?

Одна из тайн мира и христианской истории.

По-видимому, Христос как-то более сжал человека, чем Бог. Но во всяком случае «Бога» человек боится менее, чем Христа. Христа он страшно боится, до испуга, до перепуга. Тогда как «Бога мы легко отрицаем». Ведь это — так. Сколько «безбожников». «Все мы безбожники». Но около Христа вдруг наступает какой-то особенный страх.

Был один раз вечер. Это было с В. В. Успенским, профессором Сп-ской Духовной Академии или Семинарии. Пора Религиозно-философских собраний, — или только что после закрытия их. И я что-то сказал нехорошо. Я так испугался слов, простого неосторожного слова, что, взяв его за платье, — попросил остаться ночевать. Это он помнит. Он жив и может засвидетельствовать.

И вот не появляется христианский Иов. «Перед Именем Твоим все трепещут». Тоже — странно.

И, удивительно, — перед Именем. Величайшая загадка — в Имени Иисусовом. Тут правы так именующие себя — *имясловцы*. Но они не подсмотрели другой, для них самой печальной, истины. Именно, что *нарушить Христа* никто не опасается, а собственно опасаются как-нибудь *возражать Ему на словах*.

«Бе слово и в слове убояхся Его».

Это самое поразительное, что мы открываем в Нем. И вместе — совершенно общеизвестное. Кто же не горд в христианах, не самолюбив; кто стыдился своей корысти. Да вот, едва въехав в Лавру, я услышал рассказы, при которых мне «стало страшно». «Он носит ключ от денежного сундука на кресте» (т. е. на груди вместе с крестом). Это — о знаменитом консерваторе, монархисте, и перед которым на письменном столе — портрет митрополита Филарета. О другом: «У него в долг зимой снега не выпросишь». И тоже — верующий. О Никоне, т. е. Ніконе: «У него 90 000 денег; но раз, при затруд-

нении с газетою, я попросил у него три тысячи, и он отказал. Газета нужная, христианская, церковная» (рассказ в Петербурге).

Да тут все жмутся около денег, деньгами дышат, на деньги не наглядятся. И — открыто, ясно, отчетливо.

Но я особенно о гордости папы.

И вот, в то время как никто не опасается *нарушить Христа*, и даже — ни задоринки в глазу. Кто и когда возразил бы и оспорил хотя единый Его *текст*? Это до того странно и, наконец, становится страшно, вместе с тем это до того очевидно, что не может не поразить мысль: «Бе в *слове* и ради его пострадах, умер и на третий день воскрес».

* * *

ИЗ ТАЙН ХРИСТОВЫХ

Кто был *полон музыки* — это Моисей. Оттого Бог отнял у него вовсе слово («гугнив», «заика»): иначе бы, и днем, и ночью, он все пел перед Израилем. И вышли бы не законы, а песни. А для той поры, для младенчествующей поры Израиля нужны были «заповеди», «мицвы», *законы*. И Бог отнял у него голос.

Поразительно, что Христос не только не пропел никакой песни, но что и *представить себе поющим Его* мы совершенно не в состоянии. То есть? Т. е. *есть нечто*, нам и самим непонятное, непостижимое, почему мы угадываем, но угадываем вполне истинно, что хотя «в начале бе Слово», но именно *это* Слово было совершенно без музыки.

.....

Давид и Логос. А какая же музыка есть в Логосе.

* * *

ИЗ ЧЕГО СПЛАВИЛОСЬ ХРИСТИАНСТВО

Христианство состоит из сплава всего древнего язычества с пронзительным как стрела ликом Христовым. И где мы прикасаемся к лику — начинаются таинственные плачи христианские. «*Stabat mater dolorosa*»¹, «Не рыдай мене матери зряща во гробе», и вообще вся Страстная Седьмица. А где мы подходим к язычеству, начинается быт, жизнь довольно утоленных.

~

Есть, однако, святые прекрасные лики в христианстве. Но это — всегда, когда к «тощей деснице христианства» присоединяется Солнышко.

¹ «Мать скорбящая стояла» (лат)

Франциск Ассизский и Старец Зосима у Достоевского показывают это. Прав, конечно, Ферапонт, спаливший бы на тонкой восковой свече не только Старца, но и Франциска Ассизского с его «птичками» и прочее.

И отсюда — вечный мотив инквизиции, смерти. Поистине — смерти без воскресения.

Люди обманываются вообще. Они не замечают прибавленного Солнышка у святых. Они берут «все вместе». И вот откуда вечные прекрасные молитвы и вечность христианства.

Так — все обыкновенно, «и без солнышка — ужас, ужас. Он обыкновенно носит ключ от денежного ящика не кресте» (на груди, на теле). Но я узнал к ужасу, что это — обыкновенное.

Сначала одна мысль.

О, Иерусалим, ты — светишь всю землю, да и смыслом ты освещаешь всю древность. .

И стонет сердце по тебе, потому что ты включаешь в себя не одного Моисея и Давида, и Соломона, но и Фемистокла, и Аристиды, и Гомера, и Платона с Аристотелем

И только мы отделены от тебя, мы одни; о, окаянные Каины всей истории. Нет: убившие Авеля и легшие «кушать на костях его», как татары на костях русских князей, разбитых ими на реке Калке

Но это — не Калка и не русские. Разбил древность — Христос

С Иерусалимом он убил ноумен всего древнего мира, за ноуменом погасли и феномены, т. е. погас древний мир Вот, вот, вот тайна. что с Августом — пришел и Ты, что он был «от 30 года до Рождества Христова и по 14-й год после Рождества Христова»

Так вот какую «миртовую ветвь» Ты принес на землю Иерусалим, Иерусалим не по одному тебе плачет сердце, а по сотнях, по тысячах таких же «ιερου-δαλμη»

~

И еще, еще. как и финикийцы, как евреи, тоже и греки жили такими же «колонийками», гетто, «в диаспоре», «в рассеянии»... Но — причина. Причина. Да это же безумное доверие к народам, «дружба сердца» к ним К их «Дарьям» и «Ксерксам», и «Артаксерксам», как — на Западе они всю Италию усеяли «колонийками» («Magna Graecia»), — «Гераклея», «Посейдония», «Пестум», «Сиракузы».

~

И так же ошибались в «Артаксерксе», как евреи — в Вильне и в Белостоке. По тому же закону, психологии и вине

* * *

ИМЕННО — ОНА?

А религия выше и добродетели и Сократа

Но что же это значит? Какие ужасы!

Поистине — ужасы.

Вы не догадываетесь?

И никто не догадается.

Тайна, что религия состоит в отталкиваниях и притягиваниях.

В правде *столько* же, как и в грехе. В святости *столько* же, как и в безобразии.

Религия — это жизнь. Море. Океан. Волнение, буря. И потому-то, именно оттого она выше всякого реального и мыслимого *идеала*. Реальность.

Res creatio non cadaver¹.

* * *

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОПОРЦИИ

Положи палец на глаз, маленький палец на всевидящий глаз. и «всевидение» закроется, в душе и лице настанет мгла.

Не случилось ли этого с египтологией? И по простой причине отсутствие перспектив и пропорций.

Во Франции был частный быт и много частного быта. Кто-нибудь любит костюмы, наряды. И специфически не любит войн. Если он «займется историей Франции», то напишет нам идиллическую страну, где люди только наряжались.

Будет ли это Франция? И да, и нет.

В «истории» все будет верно, а изыскания автора стоили ему целой жизни. Труд его будет превосходен, но только это будет «не похоже на Францию».

Почему?

Да потому, что она очень много воевала.

Я упомянул о семейной триаде: Озирис, Изиды, Горус.

И вот он упомянут, и даже много страниц.

Но однако на десять страниц «об Изиде, Горусе и Озирисе» приходится 800 страниц о походах Сезостриса в Азию, еще о войнах Нехао, и еще о войнах, и опять о войнах. Будет ли это похоже на Египет?

И да, и нет. Конечно, это будет все «точно и верно» и «относиться к Египту»: но так как Египет по существу-то был занят вовсе не этим, то это «не будет задевать тему Египта».

¹ Дело творимое — не мертвое тело (*лат*)

«Тему» Египта? Неужели же если даже индийцы живут «для темы войны с белыми», цивилизация такой сложности и колоссальности, как египетская, — разворачивалась «без темы», без мысли перед Богом и людьми?

Евреи библейские много воевали или по крайней мере дрались: однако никакой «стратегии» не создали, и писать «историю библейских времен со стратегической точки зрения» было бы странно. Между тем если еще не совершенно такое же, то все-таки близкое к этому положение занимают «египетская история, как и судьба 30-ти династий и как военных и политических успехов». Это вовсе не нужно. Просто и естественно — об этом можно упомянуть, а излагать, «копаться» и «исследовать» нужно у евреев — о псалмах и Свящ. Писании, а у египтян можно, напр., взять темой:

«Постепенный рост в Египте учения и представления о солнце»,

2) идеи и представления египтян о загробном существовании;

3) о воскресении у египтян. Это же коренная их идея! Это та «новость», которую они принесли миру и за которую весь мир, все цивилизации им обязаны поклониться до земли.

Словом, именно об Египте все тайны должны быть не 1) политические, не 2) милитаристические, 3) не — торговые, но — ничего этого не пропуская упоминанием — история должна, как тараном, в стену бить — посвятив все силы на выяснения зарождения, созревания, развития и полному блеску космогонических их концепций.

Что такое солнце египтян? «История догматического развития учения о солнце», как есть подобная «история догматических учений» у христиан о том и о другом.

Совершенно ведь ясно, что то «солнце», какое мы знаем, у египтян осложнялось чем-то бесчисленным другим. Положим, об этом много есть и в историях. Но что же именно «есть»? Несколько изображений, рисунков. «Представляли так-то», «представляли и этак». Но это все рисунки: а где же толкования? Самое большее — несколько скользких слов, до такой степени невнимательных к делу, что у самих авторов нет заботы, чтобы сказанное было истинным, а не «чем-то». Мы так уверены в своем астрономическом знании солнца, что очевидное представление египтян о солнце как «живом существе» не вызывает в нас никакого внимания, и все покрывается ученым словом: «мифология и предрассудок». А ведь между тем и перед нами есть загадка: «астрономическое солнце» почему-то «все на земле рождает от себя». Астрономия — это счет, математика. Между тем никто не видел, чтобы «из математики» выходил «цыпленок».

* * *

К МИРУ, К ЧИТАТЕЛЯМ, К ЛЮДЯМ...

В полном и глубоком отчаянии, в полном и глубоком незнании, что делать, в *полном непонимании сущего и происходящего* я обращаюсь к России, к цивилизации и к читателям моих книг: спасите, помогите или научите. Я

хорошо знал душу свою и жизнь свою, — и с тех пор, как носил гимназический мундирчик, еще с Симбирска и 3-го класса гимназии, у меня не было иных дум и забот, как о России и человечестве, о добре и благе, и счастье их. Поистине, в смысле «забот» я «царь о человечестве»: ибо ни днем, ни ночью, ни в молитве и даже в шутках я не переставал хлопотать о них. А результат — 22 книги, мною написанных. Тут — семья. Тут — церковь. Тут — религия, школа. Тут — «Уединенное» и моя душа.

Ныне я получил сведение, что магазины и склады книг, где находились для продажи, — *только для продажи, а не в праве собственности этих складов и магазинов*, — мои книги, эти 22 моих дорогих книг, — которые я завещаю моей семье, *больной и слабой, убогой*, — «реквизированы», — т. е. отняты, — «национализированы» или «социализированы» в право *общей собственности*. Но мне не дано никакого уверения и гарантии в том, чтобы дети мои, *при готовности* (о чем я знаю) *их ко всякому физическому и духовному труду, были обеспечены работою или службою этою взявшею в собственность мои книги «национализациею» или «социализациею»*. Но, самое главное: повторяю, что уже с 3-го класса гимназии и с первого во мне пробуждения сознательной жизни, я ни о чем еще не думал, как о «благе человечества» и «нашей дорогой родины»: и мое полное непонимание собственной судьбы заключается в том, каким образом в час общей «социализации» и «национализации» я мог или со мною совершено такое, что я очутился и вне «нации» и вне «социализации». Очутился *сам* и соделал вне плавания и корабля — *семью свою*.

Кто ведет соху и борону в поле, тот neodолимым гипнозом, почти сомнамбулически, уже не видит ничего *кроме зерна, лежащего в борозду*. И вот родник моего непонимания о жизни своей... Но за нее я не ответственен: *а дети, а судьба их? А голод, а голод?*

Сказав два слова о «реквизиции» — я замечу, что всем, желающим читать мои книги, я предоставляю уносить их из магазинов, не заходя в кассы, так как полученные даром, через «реквизицию», естественно должно и обязано и получаться уже также даром, поступая в оборот «национальной или социальной собственности».

Социализм, очевидно, должен углубиться до прекращения уплат, как до процесса «взятия» — и только.

* * *

К ПОРТРЕТУ СТРАХОВА

...праведный писатель... святой писатель... монастырь-писатель...

Как ты прекрасен в своей старомодности.

Я не оценил этого гениального выражения Флексера о тебе Тень пушкинская скрыла ученого.

Уйди, уйди, уйди... и снова уйди, уйди, уйди. О, если бы ушел ты — как благословились бы опять земля.

.....
И эллинская Эос. И опять Изида; всюду Троя, что-нибудь у нее. И боги, опять сходящие к людям для деторождения.

Огромная тень Пушкина пала на тебя, и ты вечно нежишься в ее прохладе. И знаешь ли, как не забудут юного Пушкина, никогда не исчезнет, никогда и твое благородство, — повсюду исчезают из слов русские слова.

* * *

К ПСИХОЛОГИИ АП. ПАВЛА

*Video meliora proboque, deteriora sequor*¹: эти слова так разгадывают *действительного* ап. Павла, вопреки церковного о нем представления, если принять во внимание, как он, будучи евреем, гнал христиан, «влача их за волосы из домов», и затем с таким же неистовством относился потом и к евреям. *Video meliora proboque*... И заключительное: «Кто избавит меня от сего тела смертного»... Вот уж именно.

Какой вопль души и скрещивания «того» и «этого», туда и сюда.

Печальная судьба. Печальная душа. Мизантроп, «просветивший весь мир».

Какие же последствия? О, они вышли именно такими, как и можно было ожидать.

* * *

КИЛИКИЯ. ТАРС. АДРИАН

Все античные монеты суть бегучие кометы: когда бегущая комета улыбалась, монета любила комету. Вот! Вот! Они — сам Бог, устремлен, устремленность.

Все христианские монеты суть лежащие монеты. Они не только суть — официально монеты лежат: вклады, дивиденды, проценты.

* * *

Когда царица бывает похожа на горничную?

Когда она в страсти.

Когда египетский фараон был подобен европейскому лакею?

В минуту страсти.

Так что же такое страсть?

¹ Доброе вижу и сочувствую, но влекусь к иному (*лат.*).

Огонь, Ваал, Солнце.

— Ах, так вот отчего мир и *двигается*... Как царица — до горничной и фараон до лакея.

Что же такое говорил Христос «против *страсти*»?

Он говорил против Отца, который взрыл мир сграстями...

И наполнил жилы огнем...

И жилы земли — золотом.

И поставил над миром утреннюю звезду.

* * *

КОЛЕСНИЦА ИЕЗЕКИИЛЯ И «БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ»

Мысль и капитал...

— О, не так, не так. Я знаю, что пронес на плечах своих, и в тоске души своей, все отчаяние мысли и КАПИТАЛА. И вот я разворачиваю «небеса христианские», небеса лукавые, небеса страшные, и возглашаю впервые с Константина Великого — Капитал и мысль...

Капитал — это «колесо Иезекииля», которое несется вихрем, развивает шумы, громы, и ничто движения его не может остановить. И горе, целому человечеству горе — если на пути движения его и необходимых, даже невольных оборотов, встретится ... пустое, пыль, глупое, дерзкое, пошлое. Тогда он в движениях своих забросает грязью Вселенную... Всю — запылит ее, изничтожит ее. И бедная «мысль» обратится в «пыль». И храня зоркость свою, силу свою, — другую силу, нежели у «колеса», поднимется против нее... отбросится им, станет почти невидимой... и станет скрипеть, хрипеть... против жизни и бытия. Не надо этого, не надо: я говорю вам не надо, который вынес весь ужас бытия «мысли» без «капитала». Соединим их. Соединим, как всегда было это соединено в Завете Ветхом, в завете вечном. В Завете одном, и которому никогда не надо было разделяться на два. О, горе... Горе — и все потения от разделения несчастного, печального. Того, в котором человечество гибнет и уже почти погибло. Но я остановлю гибель. Не два, но один и — вечный. Взираете ли вы на Авраама: он утопал в стадах. Исаак — и он был богат. Иаков — опять богат. И всех трех богаче — Иов. И Давид, и Соломон — уже цари. Нигде — бедности. И везде — мысль.

И вот, мысль обеднела, после того другого «завета», несчастного и злощастного: и став мыслью, сохранила остроту зуба мысли, но и величину зуба мысли. И скрипит, и хрипит: но ей ли остановить движение «колеса Иезекииля», колеса вечного, вселенского, которое все дробит и развивает вихри. И вот она есть вечно толкущаяся *мысль*, хрипящая, злобная, которая подсыпает «песок» в движение колеса и действительно несколько затрудняет его ход... Но только — несколько. И колесо все же убивает «мысли», хотя и мысли вознаграждают себя революциями, на которые все «надеются»...

— Тогда вы скажете: не «добродетель и капитал», а тоже «капитал и добродетель». — Именно, именно: о, эти скучные добродетели, которые «ничего не могут». Опять с Константина Великого и против всех отцов церкви, я скажу: капитал и добродетель. И опять скажу за святостью бедных Иова, Авраама, Исаака, Иакова. Кто их противопоставил? Зачем он их противопоставил. Соединим богатство, честь и добродетель: и получатся «белые одежды» Апокалипсиса: противоположные «черным одеждам» монашества, вооруженного отречением от: а) богатства, б) знатности, с) силы. Как же вы не почувствовали, что как только вы разделили богатство, силу и талант — так вы и погубили мир, ибо «поставили человека против человека» и «сделали врагом каждого против всех» и «всех против каждого». И уже не будет им соединения, ибо ни богатство не может победить мудрости и таланта, мудрости и добродетели, ни они все не могут победить — силы и богатства. Но и не нужно этого. Нужны именно «белые одежды», которые не шить же из тряпичной бумаги, как и полосья газеты: а они должны блистать белым шелком, должны блистать как весна и солнце. Ибо тогда будет всякая добродетель богата, и мудрость тоже будет богата. А богатство будет добродетельно и мудро: и вот, когда это сольется, — тогда и только тогда естественно «отрется слеза человеческая». Как и изречено в Апокалипсисе.

* * *

КОРЕНЬ

Христианство есть выемка из мира, а не прибавка ему. Если вынуть

БОГАТСТВО

БЛЕСК

МУДРОСТЬ

вынуть самое

ЗДОРОВЬЕ

СИЛУ

БОДРОСТЬ

УТРО

— то оставшееся и будет христианством.

* * *

КОСМОГОНИЯ

И вот я понял, почему же именно эллипсисы, а не круги: что, казалось бы, так ясно: «кружись» — и не далее, «вертись» — и не «прочее». Но вышло именно — «прочее»: *растянутый* круг, как в куполах наших храмов и как в «омфалосах» Сирии, как в фетише, кажется, Селевкии, где подписано над ним удивительное имя: «Zeus Kassios»... «По образу и подобию твоему», вовсе не человек один создан, но и небеса. И вот эти эллипсисы, и параболы, и, кажется, все конические сечения. Более же, более всего, как я прочел, открыв наудачу: «Пророк Валаам», кажется еп. Серафима. В Сирии и в Палестине пророчествующие становились на омфалообразный камень и — пророчествовали. Вдохновение как бы перешло внутрь камня: и сами священники — все — говорят проповеди не иначе как под куполом. А если отнять купол и сделать потолок как в рациональной комнате, плоский и в линейку, вдохновение покинет священника, как пророчество не зажигалось в пророчке, если он не стоял на омфалосе. Внутри или снаружи, но огонь нисходит на одного того, кто стоит на «удлинении» рассеченного пополам эллипсоида, что и образует общностями и целостью всемирную космографию. Что же мы скажем о пророчестве и одушевлении. «Напрягайся и вечно напрягайся», «не опускай крылья», если ты хочешь зажечь огонь в другом. И вся природа летит?.. Ведь она летит?

Ах, так вот как планеты были «брошены в пространство»... И кто и почему был их «первым двигателем».

Мир хотел быть вдохновенным...

Прекрасный и главное — *прекрасно* вдохновенный мир...

* * *

CULTUS FALLI¹

Будь «там» все гладко у человека, то может ли быть сомнения, что никакой Библии не появилось бы?

А без нее, конечно, ни Евангелия, ни Апокалипсиса... Возражения и противно-возражения.

И, значит, *вся* религия и все религии суть, есть осуществлены только потому, что есть «панталоны» и «юбки». Нет, будем точны: что есть «панталоны и вместе юбки».

.....
.....
.....

¹ Фаллический культ (лат.).

Человек мог бы быть сколько угодно *мудр* и сколько угодно *благороден*... Проницовенен, зорек, сердечен... «У него давно были бы уже Кант и Декарт.. Даже Ник. Ник. Страхов был бы. Но совершенно ни чуточки, ни одной чуточки не появилось бы молитвы... молитвенности...

Этот дух сожаления...

Эта проза...

Угрызение совести...

Мечта о возврате невинности.

Ад. Рай.

Древо жизни. Искушение змия.

Нет, нет: мог ли бы все это выдумать, *создать*, — с этою печалью и страхом, — Сократ, Платон, Аристотель и Ник. Ник. Страхов? Нет. Нет.

И вот почему дать «плохо скроенные штаны» для религии выше, ценнее и Аристотеля, и Страхова. И вот — *cultus falli* оправдан, и что его носили, эти милые фаллы, эти прекрасные фаллы, не в государственных процессиях, не в эстетических процессиях... Их носили исключительно в одних только религиозных процессиях храмовых... жреческих...

«Его лобзают все боги. Потому что они все изведены из него».

И еще (у меня вечно — еще).

Если бы добродетель была вечно. Только одна добродетель

И Сократ как Сократ...

Вышла ли бы *религия*?

* * *

«ЛЮБИТЕ БЛИЖНИХ ВАШИХ»,
«ЛЮБИТЕ ВРАГОВ СВОИХ»
И «ОТЧЕ! ПРОСТИ ИМ ГРЕХ ИХ,
НЕ ВЕДАЮТ БО, ЧТО ТВОРЯТ»

И померкло солнце... И бледная дотолу луна налилась кровью. . Когда небеса исполнились простой болтовни.

Балаболка Христос основал «Орден балаболок»... Зная, что Иерусалим будет *разрушен* (Он ВСЕ ЗНАЛ).

* * *

МАГИЯ

Да. Но ведь каковы же были родители? Во-первых, они не отменяли крепостного права и пользовались безмездно крестьянским трудом.

— Чего: их безобразия доходило до того, что они (понижая голос) применяли «рукоприкладство» даже к пастырям своим духовным.

— Кроме того, разъехавшись «по заграницам», занимались французской безбожной литературой. Это — в XVIII веке. И только в дальнейшем стали переходить на более солидный германский тон германской романтики. Тут явилось серьезное поколение наших 40-х годов. Грановский. Белинский. И Герцен.

— Посмотрите на «Кулака» Никитина. Это чудовище, а не отец. И свел сына в могилу.

Так, в «Отцах и детях» Тургенева спорили и рассуждали два студента и одна курсистка. И все были согласны, что «наши родители» далеко не то, что родители европейские, родители английские и даже родители с «романтическим налетом» — по добродетели и чести. Нет добродетели — не вышло «и чести».

И не колошмятит, не колошмятит Иегова этих двух студентов и предварительную курсистку. Нет попечения, нет о несчастных русских попечения Божия. Бросовое племя. Брошенное, забытое небом. Забудется и в истории оно, как пустое, прах, пыль.

Печально я гляжу на наше поколенье.
Его грядущее иль пусто, иль темно.

.....
Не бросивши *векам* ни мысли плодovитой,
Ни — *гением начатого труда*

Отец — и все.

Родил — и кончено.

«Насладился с матерью моею, но ведь и собака наслаждается». «Какие движения». Глупый вид. И Толстой в *pendant*¹ Тургеневу пишет «Крейцерову сонату» — суть в том, что «была джурсейка», обтягивавшая женскую грудь. То бишь девичью. Потому он не утерпел, и они женились, и вот «вышел я», несчастное создание своих безмысленных родителей.

«Чти отца и мать твою и *долголетен* будешь на земле». Целый ряд русских поколений запутано в этом, и целый цикл русской истории вышел нелепо, вздорно, порочно.

Встает старый раввин с этими его «талмудическими рогами», с цицесами, с миквой и говорит:

НОЙ.

Он был пьян, худ и «раскинулся во сне». Что-то «показалось», и Хам рассмеялся. Но два других брата, взяв одежду, понесли на отца своего, отвернувшись (глаза в сторону), и, донеся одежду, — прикрыли «наготу отца» своего. Так случай и мелочь. Но что Хам рассмеялся, а эти поступили ИНАЧЕ, хотя и мелко: это встало во всю судьбу семитических, иафетических и хамических племен: ЭТО — ЕДИНСТВЕННО; соделав превратной жизнь, биографию, историю всех хамических, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, племен; а се-

¹ в дополнение (фр)

митов и иафетидов соделав СВЯЩЕННЫМИ в истории, а других все-таки счастливыми.

Магия. О, бесконечная магия. Что же было, вышло? Как на земле и небесах. Да ведь отец есть Бог для сына, и вот тут — все кончено и вся философия.

СОТВОРИЛ. Кого? Сына. Да, «других не сотворил»: но именно СЫНА своего он СОТВОРИЛ, и нет творца иного о сыне, как только ОТЕЦ, единственно — он есть — и еще НИКТО. Так что даже и БОГ САМ имеет в отношении этого рождения их сына менее прав и господства, нежели этот именно его отец. Так что никакого даже и вопроса быть не может, что он может убить его.

«Я — сотворил. Я и отнимаю жизнь... Бог. Вот. Вот где *initium originum et initium divinarum rerum*»¹ языческого мира — *всего*. И где раздвижение заповедей «до десяти». Земля и небо. Но небесное раскрывается именно земным и раскрывается именно теми «дураками», над которыми «по-хамски» всемерно рассмеялся Толстой и за что так претерпел в позорной кончине своей. Она была позорна, эта кончина Толстого.

Магия. Магия. Магизм. Русская история потому особенно идет нелепо, что она вообще вся «хамская» и даже не «предварительная», а просто — случай.

Недолговечный и *пустой* народ.

* * *

МЕССИЯ

Евреи ожидали Мессию...

И самая идея Мессии возникла у них и завита в сотворение человека. Одного только человека, а не мира.

Идея эта заключается в высшем расцвете человека-растения, — в том, что дерево-человек даст некогда из себя цветок-человека. И плод человека. И через плод возродится снова для вечного существования. Эта идея Мессии есть собственно еще египетская, идея Озириса — «цикла времен», после чего начинается все новое и повторительно. Так. образом, Мессия собственно может и действительно был, и в Библии дан образ Ангела дня и назван Мессией.

* * *

МЕХАНИЗМ ПАДЕНИЯ РУССКОГО ЦАРСТВА

Бедный около богатого всегда жметя и смотрит ему в глаза: так бедные русские министры, имея «особняки-дома» в квартиру себе и получая 20 000 в год, т. е. только на отопление роскошной казенной квартиры, и не имея

¹ начало досуга и начало божественных дел (*лат.*).

даже на «съестное», смотрели и в карман и в глаза иностранным заказчикам, иностранным фабрикантам, судостроителям, банкирам и т. д., и т. д.

Я знаю, что Филиппов Третий Иванович к 20 000 жалованья получал еще 4000 «аренды». «Арендою» называлось особое назначение по Высочайшему соизволению, за особые услуги, неотъемлемые во всю жизнь. Но уже директор департамента железнодорожного при Государственном контроле Марновский получал только 6000 в год. Напротив, Меньшиков, фельетонист «Нового Времени», вырабатывал 35 000 в год, я вырабатывал от 9000 до 14 000 в год, и Суворин, совершенно скромно живший, брал от газеты и всего «суворинского дела» 100 000 р. на жизнь «с семьей». Напротив, директора Русского для внешней торговли банка, не считая жалованья своего, взяли в 1911 году одного годового специального вознаграждения (забыл техническое название: «провента» или «пролента») по 100 000 за один только этот «счастливый год».

Получая от 9000 до 14 000 в год, я не позволил себе ни разу «побаловаться» Александринским театром, Мариинским театром. Я *ни разу* не видел Варламова и Давыдова, *страстно любя* комические таланты. Раза три, уже *под старость его*, слушал Мазини (чудо!), случайно из суворинской ложи, слушал Зембрих, и откуда-то из 20-го ряда видел Дункан, пока не получил от нее специального приглашения посмотреть ее танцы, в один дружеский ей дом. Изредка только я покупал античные монеты, — не тратя на это никогда более тысячи в год. Я никогда не был скуп: но средства не позволяли. Много детей, дороговизна учения. Дети все (барышни) одевались очень бедно и не позволяли себе никакого удовольствия. Они никогда не бывали на балах (уже *взрослые барышни*).

С «домом особняком» русские министры решительно могли только отоплять на жалованье этот особняк; и они все крали, безусловно все. Они не жили на тему «монтионовской премии» (монтионовская премия выдается за добродетель) и были просто русскими сановниками, русскими чиновниками, с *огромною властью управления*, с властью до того чрезвычайною, что, собственно, Государь «царствовал, но не управлял», передав «всю полноту власти министрам». И необдуманно назначил столь крохотное, смешное вознаграждение.

В то же время у него был 9 000 000 фонд, тратившийся на «нищенство» (Комиссия прошений, на Высочайшее Имя приносимых) и на подкуп печати. Это были мелкие бездоходные издания, из которых талантливый был, кажется, один, «Гражданин», с гениальными «Дневниками» князя Вл. П. Мещерского. Но он, как «рептилия», никем не читался; в России вообще читались только рептильные германские издания, революционного духа, роскошно обставленные сотрудничеством и проч.

Великие князья из Министерства уделов получали, я знаю, по 200 000 р. И они, мне известно, живя в дворцах, *безумно нуждались* и, как доходили слухи, они получали «за влияния в министерствах», особенно в Министерстве путей сообщения, — тоже «побочно и косвенно».

Но русские министры, коим была передана «вся власть», в их холодной, голодной нужде, в их решительно нищенской нужде и притом решительно не смея пожаловаться («министр жалуется на бедность»!!!) — что они могли делать, как не получать подобно русской радикальной печати, от Германии и вообще от заграницы. Вот источник, что идущие к Балтике железные дороги *русские* оканчиваются не около русских портов, а около *Кенигсберга и Данцига*, давая колоссальный *заработок германскому рабочему, германским торговым судам* и т. д.! Вот отчего русские военные корабли строились на *иностранных заводах*. И вообще вот почему Россия была передана, продана торгово и промышленно Германии, и всяческой вообще загранице. Если Германия могла содержать и роскошно содержать русскую социал-демократическую печать, в видах подготовки к будущей войне, притом безвыгодно пока, то вовсе даже не самые заводы, а именно само правительство германское платило за заказы германским заводам и вообще за передачу-продажу русской торговли и промышленности в иностранные руки.

Так русские несчастные Государи, благотворя салопницам и поддерживая рептильную печать (9 000 000 фонд) и в то же время поставя «в зарез» помощников — министров своих, несчастным образом сами предали Россию и, что называется, «все русское дело», промыслы, торговлю, технику, школы Германии: пока сами не полетели к черту с тронами и державами своими от той же Германии.

Что все это — так, как я говорю, можно заключить из уваровского стихотворения Пушкина. При Николае Павловиче был знаменитый министр просвещения граф Уваров. Это тот, который изобрел «формулу России» — «Православие, Самодержавие и Народность». Он был беден, т. е. не имел специальных родовых средств. Напротив, у него был страшно богатый родственник князь Юсупов. Юсупову случилось опасно захворать: и вот Пушкин, «Пушкинским пером» своим (увы!) написал презлейшее стихотворение, с тем смыслом, что, притаясь и замирая, Уваров ожидает кончины родственника, «потому что тогда ему уже не придется *красть казенные дрова*». Т. е. как министр просвещения, при всем своем эллинстве (он был эллинист и вообще чрезвычайно просвещенный человек, автор трудов на немецком языке, посвященных Древней Греции, между прочим Элевзинским таинствам), — он при всем этом эллинстве пил горькую чашу русского министра, нищего русского министра, именно — брал взятки при поставках дров на наши университеты, гимназии и вообще для отопления казенных зданий.

Тогда еще не было техники. И он был граф, с исторической фамилией. Сколько же начали брать, когда открылась эпоха железных дорог и военного кораблестроения, и заказов на военные снаряды, и нефть!!!

А жалованье было все то же 16 000 (министр просвещения), 20 000, — ну, «с арендой 24».

— Жаримся без сапогов!!!

— Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет.

— Не может же министр получать в пять раз менее, чем скромно живущий журналист, и в два раза меньше, чем фельетонист с талантом.

— Мы сами «с талантом», — сказали русские министры, свистя на холоде в кулак. И открыли двери кабинетов «для уединенного разговора» представителям разных иностранных фирм. «Мы не философы, даже не члены идеалистических партий, вроде славянофилов. Не литераторы. Мы презренные русские министры, правда любимые и почитаемые Государем. Но Государь как-то забыл нас. Правда, он говорит «ты», похлопывает по плечу, по лицу почти никогда не колотит (при Александре III бывало раз или два): но он совершенно забыл нас жалованьем и платит меньше, чем своим челядинцам, танцовщицам и какому-нибудь Мещерскому, который пописывает глупости и «Дневники». Когда мы трудимся день и ночь.

Русские министры (мне тоже известно) действительно трудились день и ночь. Они были страдальцы. Но очень бедны.

* * *

Мне и иногда кажется, что Бог поставил «*va banque*»¹ на гадость.

Так произошла Русь.

Пока Милюков и Гучков, и Родзянко ездили к царю и предлагали «отречься» в «виду таких-то обстоятельств» и что «Петербург взволнован», то это было еще подражание Луи-Блану и вообще «иностранное». И когда говорили Церетели и Пешехонов (управлял почтово-телеграфным ведомством), то — тоже иностранное. Вдруг я прочитал, что «Главковерх» свалился. Убили или что. «Главковерха» же переводили: «Верховный Главнокомандующий — это что его губили в ставке». Убили или хотели убить. И что «товарищ Абрам» говорил речь. Потом «большевики начали стрелять». Тогда, в виду всей этой глупости, я понял, что революция в России вовсе не «подражание» и не «Запад», а коренное и самостоятельное национальное явление. Ни малейшего подражания. «Мы сделали луну *сами*».

Достаточно было Государю

НЕ БЫТЬ,

чтобы Россия —

РАССЫПАЛАСЬ.

Т. е.?

Т. е. единое ЛИЦО ГОСУДАРЯ

и есть

ВСЯ РУСЬ.

Народ, солдаты, рабочие

ПРОСТО — НИЧЕГО.

Но отчего? Отчего? Да государи же *сделали Россию*.

Какая-нибудь метафизика — сделана царями.

¹ на всё (термин карточной игры) (*фр.*).

Из их утробушки РУСЬ РОДИЛАСЬ.

И больше — из ничего. Русь — ограниченность, ограниченное существо. Даже не очень большое. Это «просто не очень большая вещь».

* * *

Мне как-то пришлось прочесть, кажется даже два раза, о том, как умирал беллетрист Каронин, — беллетрист и отчасти публицист, — приблизительно семидесятих годов. Ничего *его* не читал и, кажется, нечего было читать: он всю жизнь «трудился» и не написал ни разу ничего выразительного, значащего. И вот он — умирает: и перед смертью у него прошептались слова до того поразительные, что — тогда же мелькнуло у меня — их следовало бы вырезать надгробием всего *этого течения* русской литературы. Смысл их заключался в том, что выше русской литературы, и вот именно в этих *мелких ее течениях, в течениях незаметных*, — что выше его не было ничего во всей всемирной литературе и именно — по служению народу и человеку. Что это было — одно *служение*, одно *бескорыстное*, одно — *самоотверженное*. Не помню слов: но слова (у умирающего!) были так прекрасны, ровны, не возбуждены, не истеричны; от них веяло таким прекрасным веянием и могилы, и вечности, такой готовностью «идти на страшный суд» и рассудиться «хоть с самим Богом», что оставалось в душе впечатление полного умиления, полного восторга. Белинский был все-таки знаменитый критик, знавший свое значение для всей России, и в словах его «о книжке Отечественных Записок» могло быть и самообольщение, и гордость собою, заслугами своими перед литературою да и перед всею даже историческою русскою жизнью. Он был Карамзиным русской критики. Но *этот?.. ?.. Ничего* «Прополз как клоп по литературе», кого-то «покусал» (обличительно), но даже «городовой не оглянулся» на страдальца. Таким образом, он сказал не о *себе*, а о «всех нас»; вот таких же журнальных «страдальцах», живших впроголодь, и все строчивших и строчивших, и все обличавших и обличавших, все «боровшихся со злом грубой, жесткой действительности». И вот он сказал, что эти его «обличения» и скорби — выше Шекспира, выше Шиллера и Гете, Байрона и прочих, выше Сервантеса и Данте... «Выше ли?» А и в самом деле выше: как толпа «мучеников христианства», выведенных в цирк на борьбу со львами, на сражение со львами, причем самые имена их неведомы, выше проповеди всех Апостолов, которые «глаголом жгли сердца людей», которые если и пострадали, зато и — велики. Прославлены. И вообще с них началось «Новое Небо».

Бывает, что пыль земная — священнее звезд. Это — пыль усталого человечества, протоптанная ногами в ранах, в болячках, да и просто от очень *усталых ног*. И Каронин сказал именно что следует. Что пусть западные литературы более блистают, чем наша, талантом, что пусть их заливают гений, и «никто не может сравниться с Вольтером остроумием, а с Байроном — дерзостью»: но что все это — в золотых странах Запада и настоящего про-

свещения, а вот они «потянули бы ляжку у нас», в этом тусклом погребке, где не на кого и оглянуться и вообще где «заедает среда» и все такие исправники и губернаторы, что «даже хуже Думбадзе». А можно сказать прямо и Гершельманы. Не знаю. Не умею выразить. И даже не хочу выражать. Но что «сапожник выше Пушкина», притом действительно выше и священнее, святее, наконец. Вот в чем дело.

Каким образом величайшая благожелательность, прямо «христианские чувства», — правда, без упоминания имени Христа, — и вечного служения родине, только родине, — народу и только народу, но не с забвением и универсальных задач человечества и вообще — всего гуманного, просветительного, школьного, каким образом целый век служения «литературе и жизни» (очень замечательное название на этот раз гениальных именно в удаче названия статей Михайловского) привела именно к тому, что все «провалилось, погибло», и от России столько же осталось, сколько после закончившей дивную атаку броненосцев — после атаки миноносцев на знаменитую эскадру адмирала Рожественского в Цусимском проливе...

Как это могло повториться в государстве величавом от действия писателей презираемых, гонимых, цензурируемых, за которыми глядело... «сто глаз», с которыми «не церемонились», которых почти выгнали, для которых была заготовлена специальность вроде Петропавловки и Шлиссельбурга, которых едва не «драли», да, кажется, и «драли». И некоторые вообще приняли на себя голгофу каторги.

Вот *кто* им и помог... Был ли Бог... «Христа» не надо, имя его — ненавистно, но ведь в тайне и сердцах, что же выше Нагорной проповеди и принесения «чистого сердца» на «алтарь отечества», — нашей хмурой и несчастной Руси.

...Вообще — что выше священного служения человечеству, сироте, бедняку. Все — языческое, грубое, шаткое — не надо. Все невежественное — о, не надо этого. Мы так измучены, истерзаны... Голгофский страдалец — это Россия, это — мы. О, не надо Христа; вообще этих суеверий — не надо. Мы соединим величайший позитивизм, полную трезвость взглядов, полную реальную научность — с тезой одиноких, что с Голгофы начало сердца человеческого, что есть самое гуманное, эфирное, о чем человек всегда рыдал. Мы добавим к этому и нашу русскую раскаянность, это чувство греха, мы не будем гордыми, самолюбивыми, тщеславными. Мы поиграем и в карты, как «Рыцарь на час», плачущий над могилою своей матери, и поленимся, как Обломов, два дня надевающий одну туфлю... Кто не грешен, кто Богу не грешен... Но мы — люди, но — золотое русское сердце... И вот — последняя книжка журнала, которую Белинский требовал, чтобы ему положили под голову, когда его тело положат в гроб.

О, о, о... Цусима, взрывы... Мелькание это огней в холодном мире... И этот жалкий Рожественский, отдающийся в плен дикому Ояме, в отвратительном морском мундире японского дракона: «Возьмите, генерал, мою шпагу».

* * *

МОЕМУ ДРУГУ ПАВЛУ ФЛ.....

- Мои страны теплые...
- Мои страны древние...
- Я немножко из Фригии...
- И немножко из Лидии...
- Там царил Крез и было золото...
- И поклонялись Атису...
- И я немножко помню и Атиса...
- И немножко Цибелу, мать сущего...
- Ибо я из Армении. От Руси и от Армении...
- И мои крови мешанные...
- И люблю я новую родину,
- Мою прекрасную Кострому...
- И мою дождливую Армению...
- Т. е. дождливую Кострому и горячую Армению.
- Мои крови горячие
- И немножко холодные.
- Ах, я не знаю сам... я люблю и люблю...
- И вижу сны, и брежу...
- Я ничего не отрицаю. Но что вам за дело до моих древних снов ..
- Которых ведь и не знает никто...
- И только сердце мое поет о них...
- Поет и плачет...
- А так я кажусь обыкновенным человеком и просто попом.

* * *

МОЖЕТ ЛИ «ВОЗРОДИТЬСЯ», ЧТО НИКОГДА НЕ ЖИЛО?

Среди детских игр и шалостей я помню одну: прилежный ученик 1-го класса Горский, что жил vis-a-vis с нашим домиком, старался что-то над черною резиною с перочинным ножом. Резину эту он долго, не менее недели, не выпускал изо рта и все жевал ее, полураскусывая... скорее, он все давил ее между зубами. И когда вынул окончательно, она была вся пузыристая, очевидно, от частиц воздуха, заключенных между ее порами, и которые были удерживаемы, очевидно, «замыкавшими» пузырек надавливаниями зуба. Теперь же он перешел к участию перочинного ножа. «Свою резинку» он разрезал на крошечные угольнички-пирамидки. И затем этим же острым ножом начал «связывать» их. Связывание заключалось в «стыкании», пирамидка сливалась с пирамидкою через то, что пронзалась ею, как есть в при-

роде «прирастающие друг друга кристаллы». «Лиха беда начать»: трудно было образовать первое и небольшое ядрышко. Затем работа пошла живее и скорее. Через три дня, не более, он уже кинул свой небольшой в $\frac{3}{4}$ вершка мячик, и что же я увидел: отраженный от полу — он прыгнул на стену, — на потолок, — на другую стену, — на стул, — на стол. И казалось, «уйма его движению не будет». Это какое-то прыгающее, сам-живое существо. И с завистью мальчугана я подумал: «Да, это мячик». Это не пузатые, нежные мячи, что, отразившись раз от стенки, укатываются под стол и засыпают. Такой мяч я видел только раз. Ватую же или куделью набитые мячи, крашеные и некрашеные, меня нисколько не интересовали. — Как молодой непрыгающий козленок.

— Как молодая лань...

У Давида в одном псалме сказано:

«Как лань желает на источники вод, так желает душа моя к Тебе, Боже».

Вот. И я говорю о мячике не потому, чтобы он мне понадобился. Но мне хочется и давно хочется, всю мою жизнь хочется, чтобы то, что драгоценнее всего в жизни, без чего жизнь не благовонна, без чего она скучна, томительна, наконец, просто не нужна религия и молитва, религиозность и молитвенность были подобны не ватным изукрашенным мячам, которые все спят, а этим, вечно подвижным, неугомонным, все «своим прыганием» наполняющим мячиком, какой вот сделал мой товарищ. И я все мячи забыл. А его *один* — помню.

— Как молодая лань...

— Как козленок...

Пророк сказал. Тот пророк, «Псалтырь» коего читается у православных над покойниками. *Ему ли не судить, не быть судьей*. И вот он сравнивает молитву *с естественною жаждою* жить.

«Естественная жажда»... В нашей поистине погасающей, поистине отвратительной цивилизации молитва сделалась каким-то «долгом», «саном», и за нее чуть не дают медалей: когда она должна быть... Фу, опять — «должна»: сам ошибся. Молитва есть просто неодолимое тайное влечение, которое «всегда со мною». «Молитва всегда со мною», — вот нашел. Это жажда. За делом, за мелочами, за хлопотами дня — не молишься. Но это — ненадолго. «Жажда все нарастает», «организм оленя сух» (сравнение Давида): и человек отбегает в сторону, отбегает от всякого дела и «молится», т. е. пьет, и «как лань желает на источники вод, так желает душа моя к Тебе, Боже».

Все это мне хотелось бы сказать молодым сотрудникам только что возникшего журнала «Возрождение». Юность их не есть то, что следует отталкивать на пути к молитве, а наоборот — что следует удерживать. И сколько возможно *далее* — удержать. Сотрудники все юны, кроме одного почти старца, за которым они идут. И вот тут есть опасность непонимания о молитве должно... Фу, опять ошибка: молитва есть живой огонь, мерцающий. Лучший огонь *в мире*. Это, конечно, звезды. И вот они все мерцают. Свет их дрожит, неровен, и он не должен быть ровен. Так же молитва. Молитва —

стереотип — какой ужас! Молитва должна быть всегда «своя», во всяком часе, минуте, у каждого. «Лицо минуты» не похоже на лицо другой минуты: и в минуту «с таким-то лицом» Ты помолишься другим словом, чем в минуту «с этим лицом» Между тем почти знаменитый полустарец, за коим они все идут, наверное, молится стереотипом. И вообще он не мерцает и женится. Вся выработанная на Руси молитва есть теплящаяся молитва, прекрасная и недостаточная в тусклом мерцании, нужно мигание. Молитва давно стала или, вернее, всегда была у нас долгом хорошего патриотизма. На таком вот «долге» и «хорошем патриотизме» стоял приснопамятный Сергей Александрович Рачинский, из Татова, Смоленской губернии, Бельского уезда — помещик, дворянин, профессор ботаники Московского университета и вторую половину жизни — преподаватель сельской Татовской школы. Но это страшно недостаточно, это безумно недостаточно. Как бы мы ни любили Россию, *религия есть настолько личное и особенное состояние*, что нельзя, чтобы она валила как из трубы дым валит — одним патриотизмом. Это вовсе не го... Это вовсе не то... Именно для России-то ничего и не выйдет, если молитва сделается патриотизмом. «Как лань желает на источники вод, так *желает душа моя к Тебе, Боже*»...

«Благочестие», конечно, лучше, чем «нечестие». Но оно пассивно, а молитва горит. Она именно мерцает: нигде. Так какое же мерцание в благочестии, которое есть *status in statu*¹, есть застывшая форма бытия, вида, отношений..

Давно когда-то я спрашивал по поводу одной из картин М. В. Нестерова. «Где же религия молодости?» Наша эпоха так счастлива, так несказанно счастлива чудом, почти невиданным на Руси, почти неслыханным на Руси, когда не единично и исключительно кто-нибудь, но целая группа юношей уже религиозна. К великим качествам того «почти старца», о котором я упоминал, относится то, что «группа» эта если и не исключительно, то главным образом обязана ему возникновением и, естественно, продолжает группироваться около него. Это жертвенная его заслуга на Руси. Но нельзя не обратить внимания на эту вот разницу, на которую я указываю: нет *юных молитв*, нет *молитв для юношества* и нет *юношеского излияния души к Богу*. Я говорю в этих словах.

* * *

МОИСЕЙ И ЕГИПЕТ

«Видимое» Египта Моисей сделал невидимым. И учредил праздник «Песахим», «Пасху» — в память того, что «извел евреев из плена Египетского, из рабства и из труда египетского».

«Исход, исход» — «Отделение, разделение».

И повел манием руки: «Творю все новое».

¹ государство в государстве (*лат*)

Но в одном мнении Талмуда я прочитал:

— А что делали евреи при переходе Чермного моря... И еще вопросы разные — о других, но все со значением, «что они делали». И последнее: «А что делали женщины еврейские во время перехода между двух стен разделившейся воды, готовой их поглотить».

И прочел, сказанное старцами, и запрыгал. Ответ:

«Еврейские женщины кормили в это время грудью детей, — с верою, что воды не сдвинутся и не поглотят младенцев и матерей питающих».

Но это — не те ли ангелы, охраняющие кормящих матерей, какие египтяне нарисовали в храме Ермекрис (вкладной лист).

А вот — и Ангел закланый, какого евреи закалывают на Пасху.

Его я нашел в храме мистерий египетских, в большом храме Дендора.

(рисунок)

.....
.....

И о самом Синае — не всеми помнится, что он весь — исключительно для гор — обелискообразен.

* * *

МОТЫЛЕК

Зернышко оплодотворенное и зимующее... Весною — прожорливая гусеница, которая ест, ест и ест... Странная куколка, образ смерти и неумирания, недвижущая и живущая совсем «в гробу», и не принимающая никакой пищи и питья... Которая странным образом дает из себя «после гроба и неедения» выпорхнуть мотылька, который почти не садится на землю, утопает в голубом эфире воздуха и весь постоянно обласкан всеживотворящим солнцем... Где же *центр*... «этих превращений», так как ей-ей не знаешь, что такое они? По-видимому, центр — бабочка; но, странно, — она не ест. Потому что тот хоботок, свитый в спираль, нежную, как-то не присущ «к еде», а только к питью нектара, который и поглощает бабочка... Но самое слово «поглощает» как-то не идет к его нежности. Да и что же такое «поглощает»: бабочка имеет отношение только к цветам. Разве это то, что «гусеница», пожирающая капустные листья, листья дерев и т. д., решетящая их. Нет, гусеница — ест; столь же очевидно, как то, что мотылек действительно живет нектаром, солнцем и воздухом.

Если «еда» есть «земное», то очевидно, что «земное бытие» четырехфазного существа есть именно *гусеница*. Всегда — долу, неподвижна или медленно подвижна, спит или обжирается.

Тогда что же такое куколка? В самом деле — гроб. И что такое «мотылек» как не душа гусеницы... Вот объяснение.

Крылатая душа прожорливой неподвижности. Мы только не замечаем, что мотылек есть в самом деле — душа гусеницы, отчего он и не питается. Что же он делает? Ничего, кроме радости. Как и душе, «когда все кончится для смертного». Пожалуй, древние знали больше о мотыльках, чем естествоиспытатели... Естествоиспытатели не нашли центра «4-х фаз»: древние же поняли, что «в 4-х фазах» дан образ земного жития вообще существ... С тем вместе «образ бытия под — солнечного». Жизнь в утробе, рождение и обжорство, смерть неумирающая, и «душа в раю».

* * *

МОТЫЛЬКИ

«В жизни будущего века и не женятся, и не посягают», — сказал он. Вот и неправда, вот и не так. Он или не знал, или — так как он *все знал* — сокрыл в целях своего любимого скопчества.

Где «я» гусеницы, куколки и мотылька? Гусеница жрет, истинно «земное существо» по ее пригнутости к земле, неповоротливости, неуклюжести? Даже по ее некрасивости, хотя попадаются из них и узорные. Но эта мясистость их тянет долу. Все — земное, прах и еда. Тусклость бытия ее отвечает земному существованию. Но куколка?

Жива и нежива. Недвижна, но сохраняет способность шевелиться. Ничего не ест... Боже, ничего не ест. Не пьет, не вкушает, не дышит, кажется. И, однако, сказать о ней: «Ее — *нет*» — было бы неправдою. Она вкушает сон, «зимнюю спячку». Бытие, которое граничит с небытием. Это «смерть всей природы», саван — та «преданность земле», которую мы сравниваем с гробом. Самая *форма куколки* напоминает саван, и, конечно, это есть мумия (египетская) и смерть.

И вот, вылетает мотылек. Что такое? Душа того, что 1) ело, что 2) лежало в гробу. И было бы странно сказать, что в отношении гусеницы и куколки это не есть «жизнь будущего века». Как же она проходит? Таинственно: мотылек не имеет 1) желудка и 2) чего-нибудь для еды. Вопреки крепким челюстям, какими капустница ест капусту, и все другое ест что-нибудь; она свивает под головку себе хоботок, коим что-нибудь сильно разжевать нельзя.

Что же он делает, совершает. Нет, в самом деле? Эта «энтелехия» гусеницы и «куколки» (как же иначе назвать) имеет крылья, парит в солнечных лучах: но самое главное, вся ее жизнь, все существование проходит в том одном, что она и не имеет, и не создана ни для чего еще кроме «посягновения» и «женитьбы». Странно: она забирается, вся забирается в огромные цветы, больше самой бабочки. Мы знаем, что такое цветок. Звезда, бытие другого огромного существования, но существования, ничего общего с мотыльком не имеющего...

Орхидеи. Розы. Цветы... И все пахнет и струит ввысь от счастья. Что же делает мотылек? Он только и делает, что дегустирует стыдливые части этих

других и совершенно иных существ, ему почти неизвестных, ему почти неизвестных. Но «неведомо», а «хорошо пахнет». И хоботком, не приспособленным ни к еде, ни к питью, он собирает камедь и пахучесть, сок — этих тайных и столь изукрашенных органов.

В лазури, в солнце — мотылек и не делает ничего, кроме как «посягает», желает, смеживает небеса. Странно: выходит глубокий фетишизм. «Душа» гусеницы и куколки перелетает от цветка к цветку и ничего еще не делает, не совершает, что «в движениях» своих как-то проживает зиму и осень. «Как хорошо». Мотылек ничего не совершает, кроме «как хорошо». И это совершается — камедь, мед и нектар. Он берет нектар цветка и превращает его в мед. «Черва выползает», земная черва, которую он породил, «женившись» всего один раз, всего только один раз. И поедает этот мед, и цветок, и нектар, и пахучесть, и влагу половых органов непонятных существ.

«Вы будете живы земною жизнью, прикасаясь к половым органам других существ». И мотылек ничего не знает о растении. Растение ничего не знает о мотыльке. Однако оба они приходят к гармонии сращений. Меняя свои новые сращения, он бессменно сосет. «Не знаю что, но всяческого одурения». Это солнце таинственно. Не луна таинственна. Благословляю, понял. Благословляю опыление.

* * *

НА ОБЪЯСНЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И МАРКСИЗМА

Наш Митюха сказал:

— Мы усё понимаем. Значит, своя собственность есть кровопийственная собственность. И тогда, значит, отнятая собственность — она и есть самая твоя.

И, раскрыв скобки социализма, начал грабить, а кто оказывал сопротивление — того убивал.

* * *

Наше содержание.

Оно бесконечно. И древне, и ново. Даровито и бедно. Это не мы «родились», а нас «родили» и не «родители наши», а «вся история». Что есть в нас. Чего нет. Знаем ли мы себя. Никогда.

И вот мы волнуемся. Стараемся управлять собою и не можем. Строим правила, и они бессильны. Постоянно выходим из «себя». Это «предки наши» выливаются через край нашего личного «я». Где «я»? Нет, где «не-я»?

* * *

«Не тот! Не тот!» Но будем вглядываться дольше, будем вдумываться года. Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного, кроме имени и бороды... Мы наконец увидим через годы вглядывания, что это смотрит на нас дева, которая имеет внешний очерк мужа... «Совмещение двух природ», «полный человек»: и разгадка, разгадка, а сфинксу остается только ринуться в море...

Такова была его небесная природа... И взгляните на изображения его... все решительно без исключения... В слегка склоненном лице, обрамленном длинными прядями волос, во взоре задумчивом, кротком и *нежном*, — мы не узнаем черт ни одного лица известного нам, фактически или исторически, *мужа, героя*. «Не то! Не то!»

* * *

Не хочу действовать на лжи.
Лежать бы в гамаке.
Сводить дочерей.
Если и «неверен план церкви».
Собственность в России.
Что любишь? Мечту.
Русские — мечтают.
Евреи.
Только любовь прекрасна.

* * *

НЕБЕСА СТРОГИ

И они — только, *и могут быть строги*. Ибо Кто держит Вселенную или что держит Вселенную — не должно, не может, не вправе хлебать. Странны пути Вселенной точностью, и земля не уклонится от полета неизмеримого даже на сажень в 1918 году, против 1917, и не запоздает прийти «в ту же точку» даже и на один час против 1917 года.

«Ну, что такое час времени, и что такое сажень пространства», — говорят люди. Но *астрономы* знают, что они «считают».

Был ли **Христос мудрее астрономов?** О... Он ВСЕ знал, видел, — а видел на ТЫСЯЧИ ЛЕТ.

И вот, девятнадцать веков он годил, ждал, что же выйдет из проповедания. Из этого «лета благоприятного», где уже не считаются не только «сажени пространства», но и полупоперечники планеты земли, и не только «часы времени», но и «хоть сколько угодно гуляй». «Сколько угодно гуляй» — и есть, конечно, «лето благоприятное», и вот планеточка «загуляла», люди загу-

ляли, история загуляла. «Сам Господь сказал», «Он — человеколюбец», «О нем в церкви поют», его «славят».

«Кто не поверил зверю сему?» «Он дал нам огонь с небеси». Он «воскресил Лазаря» и «Сам воскрес»... «И Сам сказал: скоро увидите Сына Человеческого, грядущего на облаках». И хотя никто из смертных этого не видел, ни Апостолы, ни вообще так называемые «христиане», но так и прошло «это дело» и читают книгу, и думают, что «видели». Но вернемся к хлябающим небесам.

Никто не заметил, что со времени пришествия Иисуса Христа они стали хлябать, хлюпать. Что уже не «строгая астрономия», а какое-то пьяное небо, «полное разговоров» о том, о сем.

«Побейте камнями». А, это строго: «Изгоните блуд от себя». Это — тоже строго — «Миллиметр бережет Вселенную», как «правильный аршин — торговлю».

«Ефу (мелкую меру) вымеряйте **точно**, — кричат пророки. Еще бы, заслуга торговли, охрана торговли, — *и так и должно было быть* у народа настояще торгового.

«Не обманешь — не продашь», — говорил базар русский, сделавшийся к концу XIX века просто плутом, обыкновенным плутом. И... сказать ли, о — ужасы: сплutowал душу русскую Христос. Ведь это он:

Удрученный ношей крестной

... ..
... ..

Как же ОН МОГ, если Вседержитель, а не «зверь, показавшийся Вседержителем».

В начале — бе слово. И слово бе к Богу. И Бог — бе слово...

... ..
.....

Как, устроив пути Вселенной, он мог сказать такую пошлость:

«Любите ближних ваших, любите врагов своих» и «Ей, Господи: прости им грех их: не ведут бо, что творят».

Болтливые небеса. И вот пошло много богословия: И вот о религии Шлейермахера; и цветочки Франциска Ассизского. И все «Цветочки» о коне — то небесное коневодство. А на земле все грязнее, а на земле все страшнее.

О, ты — «летающий земле зверь», установивший болтливые небеса, и на самом деле: «Поколебались основы Вселенной».

«Взошла золотая Эос...» Это — в Элладе. На земле счастливо, когда строги небеса. На земле чем счастливее, тем благоустроеннее, чем небеса строже и не отступают «ни на миллиметр» в наказании. Синай весь дрожит в молниях, Израиль трепещет от страха: потому что давалась на тысячелетия твер-

дая, ясная, прекрасная жизнь, полная идиллий и утонченности, полная пахучести и благовоний. И *vice versa*¹: что может так возмутительно вонять, как христианская жизнь и все это: «Прости им грех их, не ведают бо, что творят», и «Подставь еще ланиту, когда тебя ударили по одной». Но, говорю я — «взошла золотая Эос». Это — при строгих небесах. За одно кощунство над фаллическими фигурами Алкивиад, избранный было начальником морской экспедиции в Сиракузы, был афинянами наказан на вечное изгнание из Отечества. Фаллические фигуры: и ночью, в нетрезвой компании, полководец-шалун стал обламывать у статуй-икон их приподнятые, возбужденные фаллы. Фаллы же были символами детородной силы страны той, детородной силы ее жителей. Это значило «насмеяться над детородностью афинян». Алкивиад перешел на сторону врагов их, спартанцев: и как он был гениален, то натворил афинянам много-много бед. Но афиняне, хорошо знавшие гений Алкивиада, все же предпочли выдержать беды, нежели выдержать насмешки над своею детородностью. Теперь смотрите у христиан: Вольтер пишет: «*Sur le désastre de Lisbonne*»², с насмешками над Провидением, над Богом, «нашим христианским Богом» — и католики «ничего», а русская императрица как и «*roi de Prusse*»³, «мудрый» Фридрих II, вступают с ним в любезную и льстивую переписку. Где же больше уважения к религии, в Афинах или у христиан. Нет, более, страшнее: в Афинах к их фаллическим божествам-иконам или у христиан постному повисшему Христу? Не нужно отвечать: и вот мы подошли к тайне мира и религиозной мировой всеисторичности. Ведь Отец — он родил, с родов — сейчас же и воспитывает дитя, отец, заводя семью — сейчас же и строит дом (Домо-Строй и его идея). Тайна эта заключается в том, что именно только одна фаллическая религия и строга, и взыскательна, а все, что «во умиртвии» — распушено и хлябает. Христос оттого и открыл эру хлябующих небес, «ни то, ни се», и «всех простил», что он был афалличен, был Тень и Слабость и Изнеможение. Это суть, что он не был зерно, что «из него хлеба не растет» — «от него скот не множится». А «скот не множится» — тогда и хозяйства не нужно, потому что оно невозможно. Все рассыпается, и цивилизации нет или она — лукава, притворна, неистинна. Напротив, чем более лютофаллична вера, тем детей больше родится, хлеба — больше же, скота больше, так отец-хозяин озабоченнее, за детьми следит строже, хозяйство ведет экономнее. И вот — родник Рая, который дал Отец, Отец-Бог. Невинность, чистота: действительный «Рай невинных человеков», который дал «Биол Ревущий, Богом Невенченный» (обычные эпитеты Иеговы). «Супруг Израиля»: уже по молениям вокруг Синая — мы можем узнать, до чего Израилев Бог был фалличен: он, потребовав от Авраама просто одно только обрезание, без всякого поучения, без всякой даже скоротечной хотя бы молитвы. «Ничего кроме этого», «ничего

¹ наоборот (*лат*)

² «О лиссабонском землетрясении» (*фр*)

³ «пруссский король» (*фр*)

кроме живого детородного органа». И вот такое же, почти такие же у афинян иконки-статуэтки на улицах. Все — «отцы», все — рождающие. И вот ноумен, суть: невинность, чистота, как и «ни на миллиметр отступления в движениях солнца и земли, и луны» — просто потому, что и космический порядок во Вселенной установлен тем же фаллическим Божеством, непременно Им, только Им, как и гражданский порядок, семья, социальный строй, «милый их кагал», *cité, city* — Им же и Одним им, фаллическим божеством. Мы, наконец, можем произнести и написать: Святым фаллическим Божеством. И вот — еще большие тайны: да это одно место — и свято в человеке, как брак есть святейшее из гражданских учреждений, что тут и коренится родник и зерно святости. А в прочих местах — ни в которых, его нет. И вот — объяснение ветхозаветного канона: «Только те книги святы, после прикосновения к пергаменту которых нужно вымыть руки». Священное Писание? Боговдохновенность? Оно есть то, это Священное Писание, которое фаллично, течет из зерна, мелет зерно или, вернее, — сохраняет его в целости (огонь Весты). Боговдохновенность же есть распространение, как бы пахучесть этим одним фаллическим началом. И вот — вся тайна, религиозная тайна: «*Non est religio nisi si non est ex fallo*»¹: Вся религия только из этого одного и вытекает: и нет совершенно никаких иных источников для нее, чем и объясняется действительный МОНО-теизм, Едино-Божие. Собственно — Едино-источника всякого вообще религиозного чувства.

Отсюда: страшное, безумное падение религии у христиан, у них одних, у них только — потому что они порвали коренным образом с фаллизмом. Что они ни делали — не могут быть религиозными, сколько бы ни усиливались — молитва не течет из уст их. Невызываемая, а только «ученоспасаемая», — есть «схоластика» слова, и не более, не далее. Духовная Академия и семинарии. А не псалом, не «Давид, околевал перед ковчегом завета, сбросив платье». Не серебряные трубы Соломонова храма, не Музы с Аполлоном, не Зевс Олимпиец Фидия. Все это явления одного порядка. Соломонов храм ближе к Афинам, нежели к христианам. Иуда ближе к Фемистоклу, чем к Православию. Да — и вообще: за спиною Иудеи лежит вся древность, как за нашею спиною не лежит ничего. Пустота.

Из Апок.: И сядет в храме, и наречется Богом, и извергнет всех других богов. Всех их погонит с лица земли.

Это — Христос. Он — не основал религии. Он подорвал все, наоборот, религии, истинную иудейскую и полуистинные — эллинская и римская, порвал самый источник молитвы и религии — фаллизм (бессеменное зачатие).

«И разрушит храм», «и оскверняющий вечность на месте святе».

Встает Священная Эос...

О, заря: как она чиста, невинна. Да что она такое? Перед Солнцем? Да что такое Солнце? Ну, хоть «как оно кажется людям», когда оно «встает»? Но это не «кажется», а истина: ах, все «истинно», что «кажется людям». Ибо для возлюбленного человека Бог и сотворил мир. Человеку «кажется, что Солн-

¹ Религиозно лишь то, что исходит от фалла (*лат*)

це встает», а «заря предшествует Солнцу», «пурпуровая заря», — потому что Солнце и есть на самом деле космический фалл, а пурпур зари — это кровь невинности — проливается всякое утро, когда он встает, п. ч. почему же тогда она встает не в «желтом цвете», да и вообще, что такое «алая кровь». Это — невинность, это — жертва фаллу, проливаемая новобрачной, фаллища, если Бог-фалл сотворил мир, то мир — естественно должен быть «по образу и подобию» всего фаллического.

И вот — заря.

И вот — кровь.

Их одинаковый цвет. *Потому что одна их сущность* Заря есть кровь, проливаемая в небо — когда встает Солнце-фалл.

Вы чувствуете космогоническую правду? П. ч. клирик не изменил света зари, «как она кажется человеку». Человеку и Богу.

И вот — трубы, пальмы, сияет «Небесный Иерусалим, сходящий на землю». П. ч. разве вы не знаете, что сам-то Иерусалим есть Небо, просто — «земной Иерусалим» есть «настоящее небо». Как с другой стороны Небо есть только Иерусалим: и «оправдалась песнь Моисея, раба Божия»: что Небеса и их «Слава» мыслятся с небесной землей, и Вечное Евангелие, не Христово, а звездное. «И будете вы боги». И частичка вас во мне. И будем мы боги. П. ч. отныне народы сами нашли Древо жизни: это родитель всей жизни и Солнце, и фалл. Солнце, которое есть фалл универзуса и фалл человека, который есть тайна Солнца в нем.

* * *

«НЕБО» ТАМ И ЗДЕСЬ

Небо языческое было крепкое, твердое...

В противоположность небу христианскому, дряблему, рыхлому. Изнеможенному.

Ах, так вот что означает, что в Апокалипсисе в *самой середине Небесного Престола*, впереди даже животных запрестольных, помещен кристалл, — и чего я никогда не мог понять, перенося мысль свою на фалл-символ. Это было бы возможно как основание органической жизни. Но — кристалл? Зачем?

Да это просто — *твердыня*. «Не хлябает» и «не предает».

* * *

Нужно Справедливости хартию небесную разодрать в клоки, чтобы допустить, чтобы помыслить, чтобы так и не обратить внимания на то: могло ли лучшее христианское царство, одно еще верившее Христу и на Него уповавшее, разлететься в пыль в три дня без какого-то заблуждения в своей вере.

Притом не в Петра и Ивана слабоверии было дело, потому что не Петр и Иван умерли. Умерло Царство, и заблуждение в вере Царства.

Что же, католики ли язвительные правы?

Что же, лютеране ли болтливые правы?

Или мелочь сеять? Пыль религиозная?

Нет. Но мы молили. И гром поразил молящихся на самом месте молитвы.

В три дня... В три дня! Не Апокалипсис ли? Я не о том, что все это *похоже* на Апокалипсис. Но не открылось ли действие Апокалипсиса, не пришли ли уже сроки? И не опущено ли сказать о Лаодикийской церкви, которая была не холодная и не горяча, и получила за «нехолодность и негорячность» судьбу свою.

Что такое — собирается смешной собор в Москве? Вот вы собираетесь и убежите из города ранее, чем окончите ораторствования.

Нужно бы говорить, что Отец всегда больше Сына.

* * *

НУМИЗМАТИКА

...и показав все царства древнего мира через двадцатилетнее рассмотрение в монетах, Вседержитель рассыпал мою коллекцию, сказав:

— Ну, ты видел, дитя Мое, что было до прихода Его, и что сделалось потом, после Его прихода. Только одни парфяне, народ дикий и первобытный, народ номадов, имел такое же однообразие и монотонность бытия, которое настало, когда Я отступил от этих царств, потому что они позабыли Меня. Но кроме их одних, даже в монетах Бактрии, страны полумонгольской, полуиндийской, уже есть большее разнообразие типов монет. И обрати особенное внимание на *нравственную сторону* жизни. Я говорю о Греции. Эти чудные изображения, выражающие «союзность городов» в Малой Азии, — этот ласковый, любящий взгляд древних на животных и на растения, это поклонение у римлян Вечности (Aeternitatis), Судьбе, Провидению (Providentiae)... «Счастье Времен» (Felicitas temporum), раздача у них хлеба (Annona), — и великолепные монеты Великой Греции, изображающие то просто зерно, — вся монета — одно зерно, т. е. имеющая вид, форму зерна, — то колос хлебный, как эти монеты Метапонта. И виноградные кисти, — как на монетах едва ли не всех городов, сосновые ветви, миртовые деревья, как на монетах Августа. И гранатовое яблоко, — которое употреблялось в помощь материнскому и отцовскому плодородию, как особенно на монетах городка Сиде, в Памфилии. И сосновые иглы, как на монетах кельтиберов. Как будто они и не выходили из садов, лесов. Но — больше, лучше. Ты видел муху на монетах Ефеса. Что такое муха? Надоедает. Но с невыразимой благодарностью за бытие — они чеканили ее в знаменитом Ефесе. А этот лев, повернувшийся головою и смотрящий на звезду. Но вот — Краниум: изображено копыто лошади. Что такое копыто и кто на него обратил внима-

ние? Но греки, которые имели Платона и Аристотеля — радовались и копыту. Эти удивительные изображения *частей* животных — более всего Меня радовали. Ибо по *ним* Я видел, до чего человек обрадован Моим созданием. Как он всмотрелся *во все* решительно, и оценил в создании Моим всякую подробность, всякую частность, всякую особенность, не говоря уже о картине полного животного. И вот их храмы... Я не так любил их, как Свой в Иерусалиме: но любил и ихние, — за эту безмерную любовь к Моим созданиям. Но вот *Felicitas temporum* кончилось: и со времен Константина ты видел совсем иное: варварское, никогда, ни однажды не изображенное на монетах зрелище, как человек и царь тащит за волосы поверженного на землю врага своего!!! Тащит за волосы!!! Какая подлая и *мелкая* злость!!! Или — пронзает ему грудь копьем, — но уж и это лучше, ибо менее лично, более обобщенно! Что же и какое же счастье, *Felicitas*, в мире Он породил. Монеты не лгут. Это — факт. И — *длительный* факт, «обычай», «нравы». Начинается мир чиновников, официальности, иссохлости людей и людских отношений. Храмов, даже Его, никогда не изображается на монетах, как будто религия вообще прошла, вера вообще прошла. Все становится официально, сухо и холодно. Мундир и форма царит везде. Природа — исключена. Льва и коня нигде нет. Ты помнишь эти монеты в Александрии Троядской и Фессалии, со щиплющей траву лошадкой. Нет быка и стельной коровы, которая, повернув назад голову, обнюхивает сосущего ее теленка. Как он поднял головку к вымени своей матери! Это — в Диррахиуме, в Иллирии и — тоже в Париуме, в Мизии... Да чуть ли и не во всех городах, только — реже. Нет — барана: а ты помнишь несущегося со всех ног барана, в монетах Сирии, в Селевкии на Каликадле. Он повертывает назад голову: любимый изворот шеи, красоту которого усмотрели греки. А ведь Я именно для красоты этого жеста придал животным эту длинную шею, и греки одни вошли в Мою мысль. И — кузнечиков они изобразили, и — морского краба, и этого крошечного рачка, с мизинец величиною. И — осетра, и — лань. Лань — в Ефесе, осетр — во всех городах, но чаще всего — в Ольвии. И — фазана, и — петуха. Ничего, кроме царского портрета, не стало изображаться. У народов, у деревни, у села, у города — отнята была вся жизнь, весь быт. Ни в важном, ни в неважном народ уже не переходил никак на монету. И вот он загрубел, зачерствел и возмутился. Он возмутился собственно не от страдания, а от оскорбленности; потому что увидал, что у него не признается вовсе никакая душа, что он не берется ни в труде, ни в шалости, — ни в молитве, ни в игре; что он есть платежная способность и — не более, что имеет он отношение не к сердцу цареву, а только к фиску, казне, — к доходам так называемого «государства». Ту мерзость, какую они сотворили после Его прихода, они позволили себе именовать то «государством», то даже именем «империи»... И «республики». Но какая же это «республика» без хлебного зерна и какая империя без «*Pater patriae*»¹, как ты читаешь на монетах Августа Ты помнишь:

¹ Отец отечества (*лат.*).

он был «императором», и все еще по трибам и куриям, по селам и деревням тамошним его выбирали и в «консулы», и в «народные трибуны»; и он везде чеканил на монетах: «Избран консулом в первый раз», «в шестой раз»; и — «pontifex'ом maximus'ом» избирался, и — трибуном и чеканилось: pont, max, tribun, pot. Что же потом, после «спасительного» и «благодатного» Его пришествия? Забытый народ, обещенное отечество; а главное, главное: где плуг, где поле, где знак и звезда? До прихода же Его так помнили и так любили Мои небеса, что изобразили даже Седьмизвездие, т. е. Большую Медведицу: семь звезд и луну. Поясные изображения императриц они непременно помещали в серпе молодого месяца; и уже никогда в христианскую эпоху около императора не изображалась и царица: жадность власти истребила все, даже родство. Тогда как «тираны римские», т. е. названные историками христианскими «тиранами», на самом деле давали на монетах, половина на половину монет, не только супруг своих, но и сыновей-наследников, дочерей, даже племянников и зятьев, наконец даже просто — друзей: как на монетах Августа попадаются портреты его друга Агриппы, главного победителя при Акциуме Марка Антония.

И вот прошло это Felicitas temporum. Ушло в могилу. Но ты все это видел. Я тебе дал все это рассмотреть. Ты 20 лет жил и восхищался, жил и утешался, и после бессонной ночи, проведенной за монетами, ты засыпал и продолжал видеть во сне счастье древности. Но помни, помни: все это — пшеничное зерно, все — плуг; все — друзья человека, лошадь, корова, баран, коза. Помни и ни на минуту не забывай, что Felicitas temporum — в природе, лесе, гранатовом яблоке и розе, как на монетах Родоса. В — заре, утренней заре. И Я поручаю тебе возродить утреннюю зарю для человечества.

Сказав это, Вседержитель скрылся. Я стоял на коленях, с глазами, полными слез.

* * *

О ПОКЛОНЕНИИ АПИСАМ У ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под устцы отведите,
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевой поите.

Так эти слова Олега-воина о любимом коне своем хочется повторить, взглянув на убранное изображение быка у египтян-земледельцев... «Священный бык», — говорили задумчивые обитатели дельты Нила. «Эй ты, я тебя», — кричал, тряся палкою, захудалый чиновник, ехавший по Воскресенскому проспекту. Я оглянулся: мужик стегал лошадь, не везшую воз. Чиновник если

не соскочил с санок, то только потому, что был уже очень молод, и расшибся бы «на ходу» саней: но он кричал через всю улицу, что привлечет мужика к ответственности, и случись мужик ближе — кажется, непременно бы ударил его палкой: до такой степени непосредствен и энергичен был его гнев. Не один я, но и улица удивленно оглядывалась на расходившегося Акакия Акакиевича. «*Древнее* почитание животных — архаический остаток чувств, ныне уже умерших окончательно». В самом деле, «почитание» и не может возникнуть иначе, как из «любования», «любви», но особенной, но специальной, вот как у этого чиновника (который *трясся*) сравнительно с нами всеми, стоявшими на улице и смотревшими равнодушно на то же. К сожалению, я истребил одно письмо, очень бы теперь пригодившееся: писала мне (откуда-то с Урала) женщина по поводу заметки моей о лучшем обращении с животными. Письмо было суровое и почему-то порицательное в отношении меня, все-таки заступавшегося за животных. Но, в пафосе, женщина (образованная и русская), очевидно, ничего не разобрала: тема «мучение животных» ударила ее по сердцу, по воображению, и она гордо, сухо и пренебрежительно написала мне в том смысле, что «люди, прах их возьми, могут калечить друг друга» и т. п. (длинная серия уничижительных жалоб), но «*пусть уж в покое оставят животных*», которые (кажется, по этой части письма я не помню) «гораздо чище и лучше их». Однако главный «сюжет» письма: *превосходство* животного над человеком, сказавшееся *непосредственно*, как и у Акакия Акакиевича, на извозчике — это я запомнил ярко. Главное — непосредственно, без рассуждений, «как-то», «почему-то» прямо из глубины времен капля, капнувшая в наше время. Точно просочилась, матушка, одна, через пласты истории, цивилизации, веры. Кряхтя, сгибаясь, едва имея силу и искусство сесть на подставленное ему кресло, офицер еще Крымской кампании (в 1897 г.) разразился жалобами на женщин: «Дуры они пошлые. Может быть, только русские — не спорю, не знаю; хозяйка моя: умер у нее ребенок — ничего; издохла через несколько месяцев кошка — плакала...» Это было уже действительно до того поразительно, что я, конечно, не мог согласиться с определением моего гостя, что все «оттого, что — дуры»: ибо отчего же «дурую» не быть в отношении кошки или в отношении кошки и дочери. Отчего не пожалеть обеих или не жалеть никого. Очевидно, мы имеем опять атавизм древнего непосредственного чувства животных, ужасного (или подавленного) всеобщее, всемирно: но возможного, но встречающегося и сейчас. И может быть, если оно мистично, и — не имеющего никогда умереть.

В цирке я был не более шести раз в жизни и только раз спустился «к лошадям». Резкий и неприятный запах; тусклый, во всяком случае неяркий свет. Для меня — ничего привлекательного. Скорей — кое-что противное. Каково же было мое удивление, когда я нашел здесь *толпу* дам и барышень, покупавших булки и кормивших «из рук» лошадей: общение, физическая близость, непременно «из рук» кормление, и чтобы губы лошади дотронулись до нежной ручки, которую каждый кавалер пожал бы с уважением, и

затем — проведение ладонью по морде, по шее (только они и были высунуты из стойл) — и все так живо, с увлечением. Ведь женщина более нежели мужчина похожа на дитя, а дети так любят — до дрожи — животных, кур, уток, но еще больше коров и, наконец (мальчики), до самозабвения лошадей. Вот это младенчество женщин я наблюдал в цирке: по крайней мере перед сценою, видя всякие «выкрутасы» атлетов и лошадей. Оне не были так вдохновенно оживлены, восхищены, взволнованны, как в полусвете длинного коридора, где виднелось по крайней мере до сорока лошадиных морд и шей.

А привычка, а культура. Наблюдение изо дня в день и, наконец, из века в век. Если бы даже этой толпе барышень и дам, знавших об Египте только одно, что это «далеко» и «не мы», дать совершенно в обладание всех этих действительно прекрасных животных, если бы присоединить к ним крикуна за избитую клячу, авторшу письма ко мне и настоящую «почитательницу кошек», о какой сообщил мне севастополец: то в пластических чертах эта *одушевляющая друг друга и поддерживающая друг друга* толпа уже дала бы наш кусочек Египта, как о нем рассказывает Геродот.

«Хотя Египет граничит с Ливией, но он не особенно богат животными; зато *все имеющиеся в нем животные почитаются в нем священными*, причем некоторые породы содержатся вместе с людьми, а другие отдельно от них. Если бы я стал объяснять, почему египтяне почитают животных священными, я бы коснулся божеских предметов; между тем я строжайше воздерживаюсь говорить о них, и то, что до сих пор сказано об этом, было вынуждено только необходимостью. Обращаются с животными египтяне так: для ухода за каждой породой животных назначены особые сторожа мужского или женского пола, причем звание сторожа (...) переходит у них по наследству от отца к сыну» (Книга II, глава 6).

Схема почитания, из которой Геродот едва ли видел что-нибудь *конкретное* (в котором и вся суть). Страбон, описывая в «Географии» своей Мемфис, дает чуть-чуть увидеть это конкретное, хотя в то время — время Ювенала и его непонимания (см. выше) — уже от древней «веры» остались одни «помни».

«В числе храмов городских есть один Аписа, тождественного с Озирисом; здесь в отделении храма содержится этот бык, почитаемый как божество. Он имеет белый лоб и такие же небесные пятна в нескольких местах; остальная поверхность быка черная (т. е. почти он весь). По кончине пользовавшегося таким поклонением быка египтяне выбирают ему другого, руководясь при выборе вышеприведенными признаками¹. Перед помещением Аписа есть двор, в котором имеется другое помещение для матери Аписа.

¹ Солнце сильнее нагревает *черную спину* (и бока) такого бога, и кто наблюдал лошадей на ярком солнцепеке, наблюдал и видимые последствия этого. Такого быка египтяне выбирали как наиболее далекого от идей, веяний и поэзии скопчества: мысль, с которою они и вообще избрали эту породу животных в особенное почитание.

На этот двор выпускают в определенный час Аписа, между прочим и на показ иностранцам, потому что эти последние хотя и видят быка через окно в его помещении, однако желают смотреть его и на дворе. Когда бык поиграет немного на свободе, его вводят снова в обычное помещение» (Книга XVII, глава 1, ст. 31)... «Далее следует Афродитопольский ноном (уезд, административное деление Египта) с городом того же имени. Там содержится священная белая корова»¹ (ст. 35)... «В жрицы Зевсу², пользующемуся здесь (в Фивах) преимущественно перед другими божествами назначается красивейшая девушка благородного происхождения; таких девиц эллины называют *налладами*. Впрочем, это — публичная женщина (?!!), живущая с кем ей угодно до наступления естественного телесного очищения; после очищения девушка выдается в замужество за какого-нибудь мужчину; но раньше свадьбы, по окончании времени прелюбодеяния, над нею совершают обряд как над умершею» (ст. 45).

Таким образом... не женщины, не проститутки — а *девочки до наступления* «времени естественного очищения» (что в египетском климате должно было происходить страшно рано, не позднее 11—12 лет) были вероятными служительницами аписов: невинность невероятная, соединенная с такою же невинностью животного, не видящего вовсе других экземпляров своей породы, кроме живущей тут же, около него, матери. Животные и женщины, обои — как дети: ибо и животное есть дитя, которое никогда не вырастает; а дитя, именно в лучшем-то, лучезарном своем периоде, суть... только животное. И в этом-то именно состоянии, еще 2—3—4-х лет, полной *животности*, без размышления, без догадок, без философии и опыта, живущие только *физиологически* и *элементарно* — *духовно*, дети и являют столь изумительную пластическую и нравственную красоту, какой уже не достигает человек никогда потом, ни поэт, ни философ; даже, прибавлю, ни — священник. Вот эта *цельная, круглая* и *естественная* чистота... животных ли, детей ли, и поразила египтян. Сюда толкнулись и женщины: они первые это почувствовали, как и в письмах ко мне, как в наблюдениях моих. Как во всемирном огромном их чувстве детей (могут ли мужчины в этом отношении сравниться с ними). Из этого клубка животных, детей, женщин — и вспыхнул теизм ли, «мистицизм» ли, какого потом же никогда не зажигалось на земле.

О женщинах тот же Геродот попутно замечает (книга XVI, глава II, стих II). «Очевидно, считать неженатых феосебеями и каппобатами значит противоречить *общепринятым* понятиям, — потому что все считают женщин

¹ «Гатор», которую греки называли «Афродитою» Белый цвет, нежный, мягкий, женственный — выбран потому, что во всех породах животных, и в этом числе у быков и коров, инициатива общения не идет от *virgo* и *feminae*, и след., никакой нужды возбуждения солнечными лучами для *Nator* не нужно.

² Озириса греки отождествляли со своим Зевсом, след. и Аписа и след. здесь говорится именно о тех «жрицах» Аписа, которых Геродот неосторожно назвал просто — сторожиками» (см выше)

виновницами культа богов: они призывают муштин к служению богам в важных случаях, к участию в праздниках и к молитвам, редко случается, чтобы муштина, живя без женщины, был особенно ревностным исполнителем религиозных обрядов. Так один поэт говорит: «Мучат нас боги, особенно женатых: ибо необходимо совершать какой-нибудь праздник» Потом тот же поэт вводит ненавистника женщин, который их обвиняет: «Приносим мы жертвы пять раз в день»; семь служанок кругом били в кимвалы и при этом выли — как, верно, до сих пор. Мать около дитяти — вечная молитвенница. Она же — неустанная ухаживательница и заступница за животных. Около них, в клубке — изобретательница молитв, вот этих упомянутых «кимвалов», как и Давид знал «псалтырь» (гусли). Скромная, о чем же она будет петь. О *своем* дитяти, о всех животных (в Египте все животные почитались). Или, пожалуй, о всех детях и всех животных, в клубке. Как и Кольцов запел:

Ну, тащися, *сивка*

— не об одной *определенной* лошади (ведь он не был и земледелец), а о всей их «превосходительной» лошадиной породе. Точь-в-точь как мой Акакий Акакиевич, вступившийся за первый раз увиденную лошадь.

Молитва раньше религиозной философии. И, по всему вероятно, муштины уже придумали последнюю, связав ее с солнцем. Точку они превратили в *universus*: а эта точка — «бабье завывание на праздник», что-нибудь вроде бубна, свирели, арфы; когда у «бабки» поправился свой ребенок; когда он у нее «на сносях» — и в то время как муж ее, ничего не думая, гуляет в поле, мать ее бьется о стену головой, и радуясь на состояние дочери, и трепеща за жизнь ее, и шепчет слова... кому-то — только бы полегчало и прошла мимо смерть в роковую минуту. Ей-ей, молитва даже раньше «бога», «божеств», «религии». И об этом есть тоже разительная запись у Геродота, вовсе (сколько знаю) не использованная ни историками, ни занимающимися теологией

«Первоначально пеласги совершали всякие священнодействия и молились богам, как мне рассказывали, в Додоне, не называя по имени ни одного из богов, потому что никаких имен они и не знали» (Книга II, глава 52).

* * *

О Ты, который любишь Себя окружать «плачущими»... Который «провел оружие через сердце Матери» и не пожалел также и Его. . Ты предал и нашу Россию, до такой степени Тебя возлюбившую... И вот, настало ныне время и России, и народам оставить и тебя...

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя

Плачет сердце, плачет душа, стонут глаза, только читая этот тютчевский стих...

Как и еще:

Приди Ты жалостный,
Приди Ты немощный

— у Ивана Аксакова.

И, наконец, это громовое некрасовское:

В армяке, с открытым воротом

Вот «гимны» наши «Франциска Ассизского», вот «гимны Дамаскина», — и не худшие... Молитвы. О, какие молитвы чудные уж на этот раз действительно «золотой русской литературы». Да. Да. Я ненавижу эту литературу (и ненавижу), но и я плачу, читая, как она взывала Христу. Если собрать «поэзию русской литературы о Христе», то тугою потянется земля, печалью устелется душа. И воистину нет лучших гимнов, нет лучших молитв, чем русский глагол ко Христу; даже — и до псалмов.

Воистину, уж где был у нас Иерусалим, то это — у подножия Голгофы. Вся Россия плакала, рыдала и молилась у Голгофы.

Ну, и что же? Страдалец «воззрил на землю русскую»? Посмотрел на нее с такою же печалью, как она на Его раны? Где чудо? Где исцеление? Где избавление? Где «сумма того», что мы называем «религией» как «утешением рода человеческого». Потому что воистину я хочу «пользу» Жид — давал, но и — получал. И «манна», и «жезл Аарона, проросший в одну ночь миндалинами», и «перепелы, прилетевшие» голодному народу, и «источение воды Моисеем из скалы». Где чудеса? Где знамения? Победа над Мамаем и Сергей Радонежский? Так это мы сами заработали Великая Северная война? Так это тоже трудился Петр Великий. «Изгнание двенадцати языков»? Умирили русские воины при Бородине:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
— Да, дядя Было время.

Но главное, самое главное в Моисее и в великих знамениях Пустыни, что там были устроены законы, дана — *Тора*. Правила. Какое же «правило от Христа»? Ах, это в самом Иерусалиме и перед лицом и на глазах у самих евреев выговоренное Христом *оклеветание святынь Моисеева брака*, будто «по жестоковейности вашей (и по слабости своей и мало-душью своему²¹²) Моисей дал вам разводное письмо», а что «в начале (будто бы) было *не так*», — и введен был Испытующим русское и европей-

ское долготерпение брак, основанный на гное, разврате и на младенческой крови. Или: «кто не оставит отца и мать свою» и «детей своих» и «самые дома свои»...

* * *

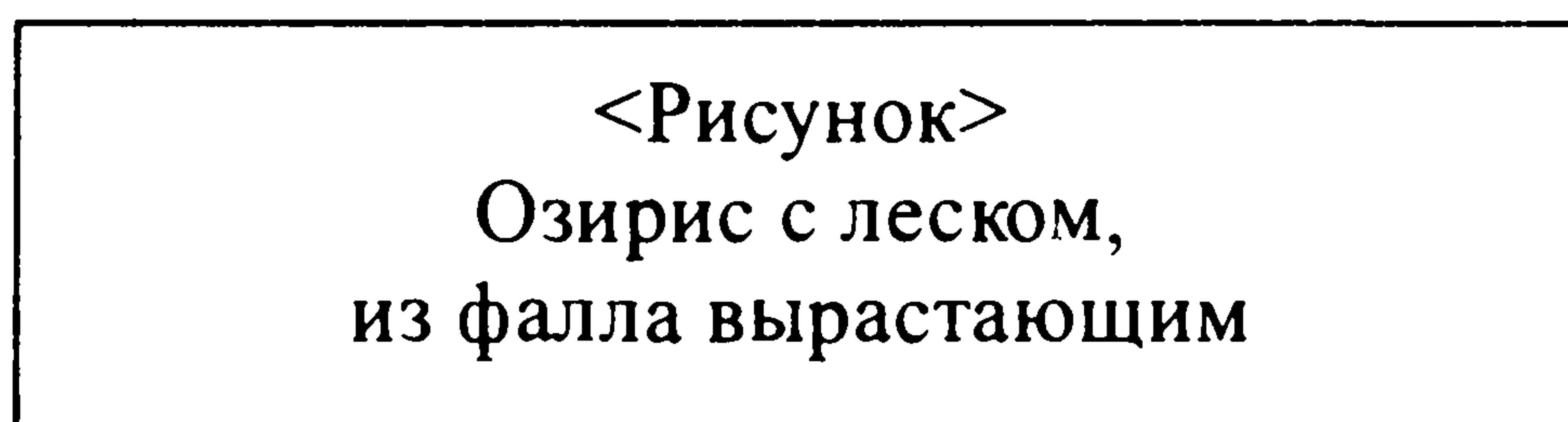
«ОБРЕЗАНИЕ ГОСПОДНЕ»

Как у «бессеменно зачатого» у Христа *не могло быть того*, над чем и в отношении чего над ним могло бы быть совершено обрезание. И обрезание, конечно, не было совершено.

Как же Вселенские соборы не поставили этого вопроса? Рассуждали об *едино-«сущии»* или *«разно»-сущии*, когда в Нем не было самого *сущия*.

Как было не заметить вообще, что Евангелие *все* до некоторой степени — *среднего рода*. Что звуки, речи, особенно речи *именно Самого Христа* суть среднего рода. Естественное, необходимое, *невольное* последствие бессеменного зачатия. Нельзя же, принимая всю славу, честь, *чудо и божественность* «бессеменного зачатия», в «дальнейшем изложении» скрадывать это и продолжать речь, как будто ничего особенного не произошло; как будто бы Он зачат был двумя обыкновенными родителями. На прямой, резко и чистосердечно поставленный вопрос, *со всей строгостью и ответственностью за последствия ответа*: был ли у Христа.., ни один богослов не ответит *утвердительно* и ни один же христианин *даже внутренно* и молча *этого не подумает*

Отсюда не только *желательные слова Его о скопчестве* с заключительным и *повторяющимся*: «Царства ради Небесного» — но отсюда, напр., и вражда Его к золоту, серебру, *к богатству вообще* Богатство — мужского рода. Золото — мужского рода, серебро — женского. Как бы это так выразиться: все Евангелие, так сказать, имеет в сердцевине своей материю ассигнации, чего-то условного и нереального. Тогда — как Рай ли или еще более — Небесный Иерусалим Апокалипсиса — прямо заливаются золотом, состоят из золота, везде в них сверкание золота. И это не просто оттого, что *мужская натура* Создателя миров, как и восстановителя Небесного Иерусалима, так сказать, переливается через край. Что Он, так сказать, не только мог бы быть «обрезан», новая история и даже весь Космос состоит из неустанно льющегося Его обрезания. «Это уже не ассигнации».

Небо больное

Небо больное, — вот в чем дело.

Христос принес нам больное небо...

«Как упругий скат груди молодой женщины»...

«Как живот ее, исполненный тысячами зачатий и миллионами беременностей»...

Нет: вот этого, именно этого никак не скажешь о христианском небе. Ни как о *сути* его, и не выберешь даже как *сравнения*.

* * *

Одна Русь молится. Другая курит.

Но где же здесь организация?

И вот выступает Ротшильд.

Он всем неприятен. Все на него оглядываются. Он «не наш».

О, да, господа: он «слишком не ваш».

Я видел дом его во Франкфурте-на-Майне: с цветочками, окошечками. В переплетах, квадратненькие, по 10 «в переплете», т. е. 10 видов стекла в «переплете рамы». Деревянный, «ей-ах», дом Ротшильда в старом «гетто» Франкфурта-на-Майне стоит воистину St. Maria в Неаполе. И еще неизвестно, которая молитва была краше, Ротшильда или та рыцарей из-под Сан-Стефана.

Я долго смотрел в глубокой задумчивости. Вот где они молились. Эти старые жиды. Эти *предварительные*. Потом они переехали в Париж, Лондон и Вену. Каждому брату там будет в каком-то деле мелком. Лондон. Скоро около их появятся Мендельсон, Блейхредер. Началась организация капитала в Европе.

* * *

Он и умер за «грехи мира», но *какие?*

Уж он никак не умер за *богатых* («богатый юноша»).

И за пунктуальность в законе («законники»).

И за молитвенников, «как бы им не умереть за фарисея».

Нет, он умер, этот «с выборами», и сим мы отделились, «выбрав».

От *невыбранных*-то мы в самом деле и получили революцию.

* * *

ОНТОЛОГИЯ

— Странное размышление о самом обыкновенном берет меня: что есть нечто в мире такое особенное, которое разрушает самый мир.

— Что же это такое. И таким образом может быть «разрушающее мир», и в то же время «мир цел».

— Это-то вполне и удивительно: может ли быть что-то больше всякой величины.

— Слово «всякий» по отношению к «величине» не допускает никакого утвердительного арифметического ответа на вопрос. Конечно, такого нет.

— Между тем «такое» не только есть, но «таких» множество: и эти, будучи более всякой наибольшей величины, легко все умещаются друг возле друга и рядом еще с множеством вещей, уже действительно меньших их. Итак, мы имеем одно арифметическое чудо, касающееся «наибольшей величины», которая «превосходится». Но это же самое, которое меня занимает, все возрастает в удивительных свойствах: «полное», «полнота», казалось, включает в себя «все части», и чего же кроме «всех частей» недоставать чему-нибудь. Казалось бы, «полнота», взятая в абсолюте и беспредельности своей, уже не допускает никакой еще части.

— Кто же может в этом усомниться?

— Между тем это, о чем я размышляю, полнее всякой полноты.

— Это что-то несбыточное. Больше самого великого и полнее полноты в ее предельности.

— Именно. Но чудеса только начинаются. Оно больше и «всего».

— Всего?!!

Все есть «собранное вместе». Это есть полнота же, но выраженная другим способом: в отношении частиц своих, дробей своих, подробностей своих. И вот если мы безотносительно возьмем «все», будет ли это универсально или как-нибудь: то то, о чем я размышляю, странным образом и космически и всячески превосходит «все». Т. е. оно превосходит не только факт «все», но и понятие «всего». Но самое большее, редкое и удивительное остается еще...

— Что же еще?

— Известен закон логики, по которому всякое А есть А и никогда «не А» не может быть. Нет во Вселенной, что не выходило бы из этого. Закон этот есть закон тождества, и с него начинается мышление, и никакое мышление без него обойтись не может. Между тем это, о чем я размышляю, только и может осуществляться через нарушение «А есть А», и оно реализуется лишь когда «А не есть А», «САМО есть НЕ САМО». Как «САМО есть НЕ САМО»? — Оно получается, выходит. Как «САМО есть САМО» — его просто нет. Оно просто есть тень, грех и даже меньше греха. «Нечего с пальцев стряхнуть». И тут-то мы подходим к самому странному его определению: что оно больше самого себя.

Быть «больше самого себя», казалось бы, опровергать самую онтологию. Это просто аонтологично. Это — вне космогонии и разрушает мир. Как можно, что вот Я ЕСТЬ и в то же время Я > Я.

Но загадок поставлено уже достаточно. Столь разрушительное для мира на самом деле не разрушает его, а в мертвенный, слабый, тусклый и холодный, вносит жизнь. Аонтологичное и чего НА САМОМ ДЕЛЕ не может быть — есть ОТЕЦ.

Таинственная и потрясающая сущность отца и заключается в том, что он вечно растет в «больше себя», а откуда растет — бездонно. Отец — бездонен снизу, и идея «Преисподней» как-то невольна в отношении его. Невольна, неодолима. Откуда «льется», откуда он «вечно выходит из бере-

гов». А откуда-то выходит. Переливается через «край». И нет «краев», и он в сущности «безбрежен». Океан. Но он больше и океана, который остается в границах.

А есть А.

Тайна и суть, что он — рождает, и без рождения — отца нет. Рождение не нарушает онтологию, которая состоит из

А есть А.

Тогда как нет родов, которые бы не подходили под формулу

$A > A$

и даже это начинающееся возрастание, незаметное, неуловимое на глаз:

$A \dots > A$

и есть самое происхождение родов. Которое как произошло — «все поздравляют». С чем «поздравляют»? С «прибавлением». Произошло самое невероятное, аонтологическое, алогическое, не говоря уже а-арифметическое и афизическое: **ПРИБАВЛЕНИЕ МИРА.**

Теперь действительно: **ПОЛНОТА** переполнилась через **ИЗЛИШЕК** и — **ВСЕ** получило еще **ИЗБЫТОК**. Чем с океаном, рождение более сходно с ручьем, который сходит с каких-то снежных гор или из-под земли, и вечно — течет, течет, течет. Нельзя не кинуть соображения, что известные мистические сосуды с изображением на верхушке их † у египтян, продолговатые и льющие воду, о которых Апулей в «Золотом осле» говорит, что они и суть вполне разъясняющие и вполне суммирующие смысл египетских таинств, нельзя не признать, что эти сосуды на самом деле с чрезвычайною полнотою и обстоятельностью выражают «отцовство» и «деторождение», — чем занята и была вообще вся египетская религия и культура: действительно — так, действительно это принцип и смысл отца. Овальная, продолговатая, явно похожая на мумию, т. е. просто на человекообразную фигуру, с краном в изогнутом виде, на высоте почти половины фигуры, сосуд не может изображать ничего, кроме мужской, озирианской фигуры, льющей из себя семя. И семя — неистошимо. Откуда оно неистошимо в отце. Это есть самая загадочная, неизъяснимая и священная тайна мира. Но с нею как-то связано, что отец — гроза и полон взрывов; и что его нельзя не бояться. Самое главное, что вместо того, чтобы прободать и ломать мир, аонтологическое отцовство его оживляет. Это самое поразительное, самое огорошивающее. Почему? Как? Мы ничего не можем сказать, но тут привходит тайна вообще «невесомых сил» или, вернее, «невесомых значительностей». Что такое лучи солнечные? Можно сказать: колебание между «быть» и «не быть»: невесомы и, значит, «не существа», между тем все бытие солнечное идет через них. И также через лучи «солнце больше себя» — включено в категорию отца, которая в одном этом определении и лежит. Без отцовства солнца сломались бы лучи, не было бы их, и солнце погасло бы. А как ему нужно вечно рождать, оно вечно и светит. Трава, человек. Никто так мало не знает о солнце, как астрофизика. Она знает одну физику и вовсе не видит душу солнца. В которой — все.

Нет жизни без отца и отца без порождения новой жизни. Между тем он аонтологичен и есть первое и большое чудо. Кто-то ему поможет, и это «первое и большое чудо» есть частица отца, вложенная в отца. Отцовство поэтому есть начало божеского сияния в мире.

* * *

ORIENS¹

А ведь недаром Вас «едят» дочери, бывшие в Спб., говорят, что Ваша ласка имеет большой успех.

Детородильная религия, т. е. религия «животная», у «живота нашего», «поясницы нашей» — она непременно и выразится:

- а) космогонически
- б) пламенно
- в) со светильниками
- г) с лампадами
- д) пророчественно.

Вся — пылая. И это:

«Взяли щипцами уголь с Престола Господня».

Или:

«И все тело его было исполнено очей спереди и сзади, внутри и снаружи».

(обе цитаты откуда-то из «Апокалипсиса» или из «Пророка Иезекииля»)

Суть явно §§, «знамения» — детородильной религии.

Совершенно наоборот: «Он рассказал притчу о сеятеле» — это уже совсем, совсем другой мир... Мир начинающегося протестантства, мир начинающегося Гарнака, мир начинающейся Сорбонны, пастора Штекера. Мир вообще — слова и словесности. Совсем, совсем, совсем и все *иное*. Зала. Публика. Люстры. Чисто выметенный пол. Перчатки. Фуражка и шляпа. И — тросточка. «Без тросточки» современного богослужения не бывает.

По сему узнаю смертное и бессмертное. Восток, Восток, — зову тебя. Восток, Восток — приди сюда.

* * *

ORIENS

Ничего не делай за поцелуй, поклон и любезность. Потому что он будет мошеннический. Т. е. этот поклон, любезность и поцелуй. У христиан это всегда так: «Ты мне *сработай*, а я тебя за это поцелую». И это уже замечено

¹ Восток (*лат.*).

и перешло в насмешку: «ласковая телка *двух маток сосет*». Но ведь всем людям трудно, все уже *устали*: помоги же и ты, злодей, им и дай *рубль*. Золото, золото... о, какое *золотое* оно! Воистину — золотое. Нет ничего честнее золота, металл неокисляющийся, непритворный, не состоящий из «любезностей». И вот Небесный Иерусалим, — трудовое царство сходит на землю, — для *одних евреев* оно сходит, вечно на всех работавших и не снимавших с себя никогда «зрака раба», как эти лукавые и ленивые и целующиеся (христосованье) христиане, которые всегда жили «на даровщинку» и «прихрамывая» («зрак раба», но только видимый), — на самом деле всем владея и над всеми господствуя. Когда у евреев был золотой гешефт. И я часто наблюдал *на себе*, когда, «не рассуждая», ближний, друг, кто-нибудь, хозяин готовит рубль тебе.

Плата! Плата, плата! О, не удерживай платы, миленький. Этому-то и научает Восток.

Практика Г. Хр. М-ского и С.И.Д-на. Мой опыт около двух юношей — господ моих. Оба — бедные-пребедные. И оба «готовили плату».

* * *

ОТЕЦ

— Нет ли такого чего, что было бы больше самого себя?

Иду с сыном, поднимаюсь на скат железной дороги. Солнце так и горит в снегах, и вот иду, посмеиваю и спрашиваю. А сам вместе и боюсь, но тайно.

Он переспросил:

— Как это, папа, может быть?

Я тоже учился физике, математике, химии и учил везде, что «*все из чего-нибудь*», и, собственно, «*ex nihilo — nihil*»¹: и потому-то и побледнела душа моя, когда я вдруг и с такою очевидностью почувствовал, что «*ex nihilo — ~quid-quid*»². И уж полный солнца внутри, опять беру его в вопрос:

— Да как же: у *меня* — ты, да дома три дочери, с которыми ты все ссоришься, да Вера — в монастыре. Всех вас бы не было *без меня*. между тем *впятером вы больше меня*. Значит, Я есть ТОЛЬКО «Я», но как принять это во внимание: то Я и «БОЛЬШЕ СЕБЯ».

Он — смысленный мальчик. И ответил:

— Да. Это правда.

Удивительно, что хотя я предан философии, но до 62 лет мне этого ни разу не пришло на ум. «Так обыкновенно». «Кто же смотрит на самого себя».

¹ «из ничего — ничто» (лат.).

² «из ничего — что-либо» (лат.).

Собственно, «отца» не может «быть». Он сотворяет многих, «таких, как сам», и при этом «сам не убавляется». Восклицали о «чудесах радия», который «излучается» и «не теряет в весе»: но ведь это именно лженаука или правильнее — мальчишеская наука: ибо из ученых кто же *не знал*, что Солнце тоже миллионы веков «излучается» — и в весе тоже ровно ничего не потеряло. Так что «радий» есть то, что «мы топчем ногами». Вообще если «наука» и «философии отдельных наук» можно считать почти законченными и исчерпанными, то это — канун неисчерпаемых новых истин о мире, какие выявятся, если мы поведем мысль к тому, «как мир сверкает вообще весь». Что такое «отец», и между тем никто «не думал о нем». Воистину: не думал. Не один только я, но — ни Пифагор, ни — Платон. Потому что кто-нибудь оставил бы в отрывках, в фрагментах как замечание и удивление, что суть, самая суть и главное отцовства, его «определение», *definitio* — начинается с невероятного, *акосмического*, тезиса: «быть отцом», «становиться отцом», иметь дар, талант и гений, *воистину небесного происхождения и глубины гений*, заключается в том единственно, чтобы начать превосходить самого себя.

1) Превосходить арифметически: из одного — три.

2) Превосходить физически: из четырех пудов — шестнадцать пудов.

Но еще разительнее, уже совершенное «не может быть» и «чудо».

3) Из трех талантов и двух бездарностей: «доброго сердца», «мягкости души», «хорошей памяти», «бесхарактерности» и «безалаберности» вырастает «в шестнадцати пудах» — сверкания, радуга, «более чем в семи спектрах», душ, талантов, дарований, гения, пороков, преступлений. И с закруженной головой, измученные последнею мукою недоумения, мы спрашиваем, падаем, вскакиваем и опять падаем:

— Да — ОТКУДА?

Тут не *ex nihilo* — *nihil*: а из точки — миры. Как египтяне и показали это, и выразили через изображение Озириса-отца:

<Рисунок>

Лежащий «Озирис
с леском, из фалла вырастающим».

Возьмем же его еще на оценку измеримости и разных видов ее.

Полнота.

Целое.

1) Отец *превосходит всякую полноту*. И —

2) Отец *превосходит собою всякое целое*

В самом деле, «полнота» есть *обладание* всеми своими частями, и «целое» есть совокупность *дробей* этого же целого. Тайна же «отцовства» заключается в постоянном *росте*, в том, что «завтра» его непременно больше, нежели «сегодня» его же.

Известен закон логики, по которому всякое

А есть А

И никогда не может

А стать *не-А*.

Нет во Вселенной ничего, что выходило бы из этого принципа *логического тождества*, которым таким образом целая Вселенная связана и покорна ему, как самому первому своему основанию. Между тем в постоянном и непрерывном поборении этого основания и лежит суть «отца».

Таким образом, тайна и суть отца лежит в постоянном и непрерывном преодолении, притом преодолении легком, «естественном», всех условий мирового существования. Посему «отец» в сущности «не от мира сего». Как «от мира сего» и «исполняет закон» — так *eo ipso* — не отец. Отец — угроза природе и постоянное ее нарушение. Отец — продырявливает весь мир, как рогом своим — бык. Отец как бы пользуется миром, но с ним не сообразуется. Отец — гораздо сильнее мира, а мир — его не сильнее и должен подчиняться ему. И это и открывает нам мир ноуменов. Отец — ноумен и «из страны нездешней».

Отсюда все без исключения религии были на самом деле *отцовскими* или *фаллическими*, и никакими еще иными они *не суть* и *не могут быть*. Как и «религиозное чувство» в тайне его оттенков, его музыки, его неги и глубины, как и его пророчеств и одушевления — единственно возникает из прикосновения к фаллу, единственно возникает из усилий обнять «отца». Они могут быть более глубокие, они могут быть менее глубокими: как «корень». Один сидит глубже, другой сидит мельче: но никакого *другого корня под религиею не находится*. Отсюда рев Апокалипсиса на попытку подмены этой единственной и этой всемирной, всеземной, в сущности — всекосмической основы религии введением в нее «идеи сына», под тем мальчишеским сантиментом, что «так будет семейнее», а «семья вещь хорошая», что особенно знают лжецы, «на всю жизнь отказавшиеся от семьи». Тут именно провал религии в ложь, притворство и труху элоквенции, — так как «красноречивее красноречия ничего нет». Как религия «отца» началась *без единого слова*, выразившись в *обрезании*: и с тем вместе из нее очень скоро полились несказанные пророчества, одушевление, жизнь, неистощимость; так «религия сына» или так называемая «евангельская религия» началась «словом», «в слове» и «о слове» с необыкновенно быстрым *обмелением* слов, с

угашением всякого пророчества в себе, с быстрым выдыханием самого духа... Вся почти религия свелась к «ссорам», «соперничеству», «драчливости», зависти, нехорошей жизни, полному упадку жизни.

Космические основания религии... И никакого нет сомнения, что если на Нептуне, Юпитере, Марсе или Луне *есть* же люди, то верят и религиозны они по законам нашей же земной религии, т. е. по основаниям фаллическим и родовым. И там было или есть «обрезание», и кто «научил ему», — стал «основателем религии». Но — «обрезание» уже глубина глубин религии. Ничего больше, в сущности, не надо для жизни прекрасной, вечной, полнокровной; для жизни невинной и «белых одежд». Но не все древние были обрезаны: греки — нет, римляне — нет. Они — короче и существовали. Кто-то вычислил, что Египет выжил столько лет непрерывной исторической жизнью, сколько протекло со времени Троянской войны до Французской революции. Это очень близко к вечности: потому что Египет еще нисколько не дряхлел, не старился, не червился, — он ни малейше не сгнивал в пороках, а только был убит, т. е. *в прекращении жизни его была искусственность, задушение чужою рукою*. Это не имеет ничего общего с так называемую «евангельскую религию», которая в самый час возникновения своего получила (в Апокалипсисе) бой смертных часов, а жить и ссориться начали уже сами Апостолы (Павел и Петр); из предлогов самых пустых, из жажды ссоры ради самой ссоры Апостол произносит знаменитый «гимн любви»: «Любовь *своего не ищет*», «долго терпит», «все уступает», «милосердствует»: и не прилагает ни одного усилия, чтобы исполнить хотя первое обещание своего знаменитого гимна: он «был в ссоре» с первоверховным Апостолом Петром и «не уступил ему», «не помирился с ним» и вообще *ровно* ничего не сделал для истины своего же слова. Как и сам Христос: «О, Иерусалим, Иерусалим: сколько раз хотел Я собрать птенцов твоих, как курица собирает птенцов своих под крылья, и — *вы не захотели*», и вместе с тем: сам же призвал на головы этих «птенцов» муки осады римлянами Иерусалима, со всем ужасом начертав заранее все подробности этой осады. Еще: «сказавший ближнему своему — рака, подлежит геенне огненной», и — «вы порождения ехиднины, отец ваш — диавол есть». Вообще нельзя почти найти черты характера, у Учителя и Апостолов, которая не перечеркивалась бы чертою противоположною.

* * *

ОТЕЦ И НЕБЫТИЕ

Так-то так, но ведь придет смерть?

— Смерть не придет.

— Как?

— А КУДА же она придет? Для нее нет МЕСТА.

— Как?

— «Человек без квартиры» и есть смерть: она шляется, дармоед, шатун И только пугает «святых», т. е. «людей» и «сынов Божиих», но никогда не приходит. Она странная тень солнца, и это есть именно только пугающая тень бытия, оттенок его — и положено этому «в знак», что солнце «дает тень человека и бытия». Да и как в самом деле могло бы быть небытие, когда ведь сотворено-то действительно только бытие, а небытия вовсе не сотворено. И суть его и заключается именно в том, что оно никак не может быть сотворено, хоть тресни. Оно — одно: а бытие самое плевое все-таки может быть сотворено.

Творить, творец... Льется, льется... Еще льется... Опять, вечно...

Хорошо, хорошо... Еще лучше...

Куда же тут девать «плохо». «Плохо», очевидно, «нет». Смысл мира не был бы вообще никаким смыслом, если бы где-нибудь было «нехорошо». А значит, и нет «нехорошо», ибо этому противоречило бы: «Он сотворил». А что «он сотворил» — это уж ДА. И если хоть малюсенькое есть «да» в смысле «сотворен», то уже никакой решительно СМЕРТИ и нет.

И вот на это «да» вечной жизни египтяне и ответили пирамидами. Они только их и строили, как только начинали жить. Они не умирали. Вернее, они умирали «в жизнь». Скорее они были как «тени» при жизни, но только и при жизни вечно подпрыгивали к смерти и выпрыгивали в вечную жизнь, в вечную жизнь за гробом. Если бы «там» жизнь была как здесь, они были бы печальны, трагичны. Но этого — нет: «там» жизнь воистину вечная, около которой о теперешней нечего и говорить. То, что мы называем «смертью», это-то и есть последняя и величайшая радость человека.

— И оттого, что я его не сделал, а сотворил. В этой точке «сотворил» больше смысла, нежели в целых мирах «сделал». Ибо творение — жизнь, а делание — так, что-то, подобие жизни.

* * *

ПЕРВАЯ ПИЦЦА! ПЕРВАЯ ПИЦЦА!

Всегда я размышлял... о будущем, о веках и о «теперь»: если бы «сыны пророчества» и удержались по духу? Или вновь народились, то как, однако, они могли бы существовать? Ибо каждый человек троекратно в день ест. А «сын пророчества» не может сам ничего около себя сделать. Он бессилён. Руки повисли. Ибо уже воистину «Господь призвал его говорить и говорить»

«Сын пророчества» — сомнамбула. Лезет по колокольням и звонит. Лазит по крышам домов и слушает, что говорят люди. Видит даже, что они видают во сне. И учит, учит. «Сын пророчества» — «не в своей власти». Это — суть его. И если кто-то не обнимет его и не сохранит: он расшибется, убьется.

Умрет. Он и его ближние, его родные. Они изольются кровью в сердце и все же ничего не сделают. Ибо дух пророчества — наследственен и разрушителен.

Как же? Что же? Без «пророков» похолодеет земля.

Нам все-таки даны чудные, исключительные песни. Мы баюкаем землю. Мы утешаем людей.

Господи, но нужно ли другое: нами говорит Бог.

.....
С дней юности, детства я был таким сомнамбулой. Кроме внутренних «говоров», которые я слышал в себе, я ничего не слышал, не видел «как я живу?» — это всегда удивляло меня самого. «Бог спасал» — воистину. Никаких пособий самоспасения. И вот, бури развивались во мне: «Да помогите же, люди! Ведь я для *одних вас* живу. Ведь мне *самому* воистину ничего не надо».

.....
И вот, я раскалялся, а сказать не смел. Как сказать? Как выговорить?

.....
И вот — женщина. С моей родины, с моего угрюмого детства. Прислала пять фунтов чистой овсяной муки, как, я помню, в детстве едал с квасом. Спасибо, родная, спасибо, близкая, спасибо, хорошая. Бог тебя не забудет, когда ты станешь стара, как я.

* * *

ПЕСНИ ОДИНОЧЕСТВА

Я взял пошлое заглавие, читатель, для книжки. Но я не буду пошл. Я голоден. Если ты пройдешь через день-два по этой улице и переулку, ты увидишь № 2 «Песен одиночества». Вопреки заглавию, я не скажу тебе ни одной пошлости, глупости, сальности. Ты дашь кусок хлеба действительно одинокому мыслителю, и мы попросту подружимся с тобой. Имя мое тебе незачем знать.

Прочешь эти листки для Вас не составит более $\frac{1}{4}$ часа. Прочтя уже 1-й листок, Вы поймете, *почему* я пишу. Я увидел случайно Ваш портрет в «Биографическом словаре» под ред. Игнатова. Сперва — ничего не думал. Через 3 дня подумал: это — моя спасительница.

Я не понимаю, что делать мне с собою. У меня есть желудок и воображение, и — никаких рук, ног, ничего. Я чувствую, воображение мое могло бы дать кое-что человеку, ну за что можно было бы дать 2, 3, 5 копеек. Мысль моя — бросать в толпу такие листки. Но *как*, но *что*? Ведь я без рук и без ног.

Но Вы — «спасительница». Поэты бывают фантазеры, и не отвязываются от эпитетов, даже если прищипливают его к другим.

Если...

Ну, если это хорошо, ответьте мне по адресу:

Сергиев Посад, Московск. губ., Красюковка, Полевая улица, дом Беляева, Варваре Дмитриевне Бутягиной, для передачи *N*.

ПЛАНЕТНЫЙ УМ

Если мы возьмем КОНФУЦИЯ, то мы совершенно ясно и внутренне убедительно увидим, что это есть КИТАЙСКИЙ УМ, ум монгольского типа и развития. Он заключен ВНУТРИ этого типа и развития. И ВНЕ его как-то ненужен и посторонен.

Тоже — о БУДДЕ — в отношении Индии.

О ГОМЕРЕ, ПЛАТОНЕ и АРИСТОТЕЛЕ — в отношении Греции.

Возьмем другие категории ума: БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН. Или еще — ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ. Тут нация переступается, но не переступается КУЛЬТУРА. Это суть умы христианской культуры.

Наконец, если мы даже возьмем такую ЧРЕЗМЕРНОСТЬ, как Библия: то, озирая «все кругом», мы никак не можем отвергнуть, что это есть ЯВЛЕНИЕ СЕМИТИЧЕСКОГО ТИПА, ФАКТ СЕМИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Я взял свою любимую книгу. О, какую любимую... Одно имя ее произнести — значит зарыдать. Я ее люблю гораздо больше России. Даже — России...

Итак, все эти явления или национальные, или культурные. И все это умы, «духи», «гении»; но, однако, — ИСТОРИЧЕСКИЕ.

Поражает, что «изначала как человеку началось быть» — мы встречаем, находим, усматриваем только один УМ Иисуса Христа, который уже есть ПЛАНЕТНЫЙ. И — ДО ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ОТНОСЯЩИЙСЯ, отнюдь — не исторический.

Это до того поразительно, это слово. Этого никому не приходило на ум.

Мы не можем, таким образом, его измерять категориями историческими. Ни — категориями культурными. Он — *вне их*. Он — *обширнее их*. А по отсутствию образования или возникновения в самой истории человеческой, в самой «образованности человеческой» этого особого и нового понятия: УМ ПЛАНЕТНЫЙ, ХАРАКТЕР ПЛАНЕТНЫЙ, СУДЬБА ПЛАНЕТНАЯ — очень может быть, что мы вовсе «ничего правильного не судим о Господе нашем Иисусе Христе». Просто — мы ЕГО НЕ ЗНАЕМ. И мы ОБ НЕМ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ.

Не удивительно ли? Но — так. Столько читали. Всю жизнь изучали. И — ничего. Да. Но нет «категории». Как мы можем судить о «прямой линии», не имея понятия о самой «линии».

Но прежде — доказательства. Они так просты, ясны и очевидны, что достаточно их *назвать*, чтобы уже убедиться в их *очевидности*.

Было ли что-нибудь в Иисусе Христе *семитического*?

Ничего, кроме разве сандалий.

Было ли что-нибудь в Иисусе Христе *израильского*? Обобщеннее — *библейского*.

Ничего. Скопчество и плодородие. Боль, «если не рождаю»: мужчины, женщины, девушки, дети, ВСЕ. Боль и УНИЖЕНИЕ, боль и НЕПРИЛИЧИЕ, если бы от Него родилось. Недопущение самой мысли об ЭТОМ, самого подозрения об ЭТОМ, самого намека об ЭТОМ.

«Он родил и НЕ-БОГ» (о Христе).

«Он СОТВОРИЛ мир и потому БОГ НАШ» (израильтяне).

Посему «разрушение Храма, Иерусалима и изничтожение всего племени израильского» есть ноумен христианства и Христа. Но «пока Израиль не кончился», ничего, в сущности, «еще и не началось». Все еще — «в звездах», «в судьбе».

«Планетарный ум»... Да, о земле сказано. О земле — *изречено*. Бедная наша земля; грустная ее судьба. Гаснут ли планеты? Рушатся ли планеты? По-видимому. Но ведь есть еще *космогонический ум*, *Вседержительный ум*? И ведь в самом деле:

Почему НЕБО и ЗВЕЗДЫ?

СОЛНЦЕ и ПЛАНЕТЫ?

ЗЕМЛЯ и ЛУНА?

Если свести все к «чреву человека» и к «образу и подобию», то уж извините, все святые и все преподобия: решительно придется сказать, что крик Божий, крик Его *в создании Вселенной* лучше соглашается признать даже полигамию, — наконец, даже просто самое бл...ство, распутство, полное, какое есть:

Но не этого кречета на черной скале, который ОДИН и МОЛЧИТ.

И только УМИРАЕТ в стоне жалобного колокола.

«Апокалипсис» и есть собственно ВСЕДЕРЖИТЕЛЬНЫЙ, КОСМОГОНИЧЕСКИЙ суд над Христом... Перечтем-ка с этой точки зрения его... И как будет ВСЁ в нем понятно... Но сперва перечтем о молитве Даниила, как он молился в Вавилоне и в томительном плену спрашивал о грядущих судьбах своего народа.

Седьмины Даниила. Церкви Христовы.

Жена рождающая. Дракон.

* * *

Подем восстания против Христа делается Россия. Во-первых, уже достаточно интересные вещи наговорил Христу Достоевский, в «Pro и contra» и в «Великом инквизиторе». Но мало кому известно, что даже не это — самое главное у него: важнее — «уголок Архипелага», открывающийся в «Сне Версилова» («Подросток»), где чувство древности, чувство красоты и достоинства, сердечности и красоты древней Греции, языческой Греции, сказалось «в

таких слезах безмолвия», как этого не было в век Петрарки и Бокаччио. Замечательно, что в «Сне смешного человека» повторяется эта же тема «невинного состояния людей», до Христа: но что пугает нас, то это то, что довольно явно Лик Христа и Антихриста мешаются в нем, что некто, «пришедший смутить землю», «указывает на руки свои», говоря людям — «распятъ Его». Еще страшнее его мысль — в самом конце «Преступления и наказан», в сне Раскольникова — о состоянии семьи и человеческих обществ, о всеобщей порченности людей, о том, что какие-то бактерии в людей поселились, в силу которых они «не могут жить мирно» и все «делятся на партии». И, наконец, «неудавшееся христианство» — это, кажется, словцо выскочило тоже у Достоевского. Ни у кого не может быть сомнения, что идея «геологического переворота» в религиозных вопросах людей, — падает, в сущности, не столько на «безбожие людей», сколько на безбожие в отношении именно Христа, в утрату веры — в Христа. И не может быть сомнения, что «старец Зосима», конечно, есть язычник, что это тот же «уголок Архипелага», а что настоящий-то христианин — конечно, Ферапонт, которого прямо ненавидит и презирает Достоевский.

Так. образ., в лице Д-го впервые прошла «мука о Христе», — и с решительной окраской перелома в воззрениях на Христа. «Так ли это?» — «Тот ли он, за кого его принимают люди?»

Но.. уступил. Сказав: «Если даже истина и Христос — разойдутся, то я лучше пойду за Христом, нежели за истиною». Формула, однако, замечательная, показывающая, что несовпадение «истины» и «Христа» — тревожило его

И вот — я, во-вторых. Мне уже рисуется Темный Лик Христа. Я уже не нахожу Его светлым и Земле-исцеляющим. Я нахожу Его земле-разрушающим. Мои аргументы так сильны, что иногда не верится: как же и за что же люди приняли Христа за Бога. В моем лице уже прямо говорит Антихрист т. е. враг Христа, и — без всякой боязни.

* * *

ПОРНОГРАФИЯ

Кто занимается порнографией — о том сперва и со стороны думают, что он срамит себя, и указывают на него пальцем и смеются. Но если он не перестает и продолжает свое дело, то скоро или через некоторое время «со стороны» и «у других» смех переходит в удивление, во всяком случае — в недоумение. Подождав, переходит именно — в удивление. И, наконец, догадываются, что «говорящий порнографически» зачерпнул самую гущу мира, поднял рукою что-то со дна мира и как бы пронзил мир в его сердце, дыхании и судьбе. Он дошел «до центра, дальше которого — ничего». Тогда начинается обратное: восторг, зовут его «царем» и «первосвященником». Из колодца, «всего в грязи», выталкивают в бадье человека, облачают в белые и чистые одежды, т. е. очищают с него грязь и потом облачают в белую чистую одежду и несут в торжественных носилках на плечах.

«Человек».

«Дитя».

«Бог».

Не так ли «с роженицею», «грязною роженицею», в спальне сперва копается акушер. Потом его — в сторону (хотя он — самое главное), входит священник. «Крестит». И уходит поп: начинает растить целый дом. Смысл. Радость. Судьба. Гроб и потом «опять тоже». История. Плач. Скорбь. Как полно. Полная чаша. А ведь началось «мальчиком с девочкой», «ухаживанием и глупостями».

* * *

ПОЧЕМУ СОТВОРЕНО И ЗЛО

И недоумевают человек: зачем БОГ, КОТОРЫЙ ВЕСЬ БЕЛ, сотворил в человеке столько мерзости? Зачем Он сотворил не только «Лице» его, но и «Задняя» его.

Но потому, что с «Лицем» одним человек бы возгордился, и эта чернота была бы худшею всякого греха. Ибо гордость есть то качество, при котором одном все душевные свойства человека, все его милое, прекрасное, доброе погружается в мглу. И нужно было или оставить все качества человека, доброе и милое его, или все это уничтожить, наделив его одною праведностью.

И вот происхождение добра и греха из одного БЕЛОГО БОГА.

Все было хорошо в человеке. Все хорошо от создания. Но все еще не блистало, не горело. Человек был матово-белым.

Фарфору, который белее самого мрамора, — недостает скромности.

И вдруг лице зарделось стыдом греха, позором поползновения, отвратительностью тайной мысли.

— И человек загорел, заблистал и зашевелился

— «Живой человек», — сказал Бог.

— «Который превосходит все мраморы», — заключила история.

И которым недовольна только юриспруденция.

Оттого человек ненавидит закон и всегда враждует с ним.

* * *

ПОЧЕМУ ТАК МОМЕНТАЛЬНО ПРОИЗОШЛА И КОНЧИЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ?

Моментальность (2—3 дня) революции русской зависит так сказать от электрического ее характера. Был дом, «русское царство» и все, пожалуй, «был Малый театр А. С. Сувор. в доме графини Шуваловой, сгоревший от воспламенения электрических проводов». Как же именно он сгорел: воспламенились «слишком сближенные провода проволоки». Так-то так, а я называю это — «сваркою металлов» при помощи электричества. Когда солдаты и

затем «в ту же ночь набежавшие тучами рабочие» и «социалисты, и студенты, и пропагандисты за их спиной», и Госуд. Дума с этой столичною и омерзительною оппозициею, то царь отлетел как пушинка, и династия — как пушинка, — само Времен. правит., наскоро образовавшееся, — потрясено было ужасом от сплава, пожара, от бури пламени, которое «разом охватило театр и никакого спасения не было», а пожарные кувыркались в окна и разбивались. Вот революция: сплав, самовозгорание. Мне говорил критик Серг. Алекс. (тоже в «Религ.-фил. собр.»): «Когда *первые* полки пришли — они были *бледны как смерть*» (страх виселицы, измены), и тоже — члены Временн. правит., с трясущимися челюстями («Родзянко уже 6 ночей не спит и похудел как скелет»). И только когда увидели, что «все валит валом к ним» — покраснелись, напузырились, как кровавые пауки — и худоба началась в Царск. Селе, у хозяина.

Сплав. Суть. Пламя. «Провал всего». «Вулкан Лысая начал извергать лаву» и «Мартиники не бе»? И все именно — в час, в ночь, в два дня. «Кончилась русская история». Именно — история кончилась, а не режим прошел. Ибо «История соц. демократии в России» есть вовсе не то же, что «Русская история». Это отдел всемирного соц. движения. Течение, насколько оно «овладевает Восточною Россиею». Исторгло не что-нибудь, а сам русский народ. Ибо «мужик-социалист» или «солдат-социалист», конечно, не есть более ни «мужик» и ни «солдат» настоящий. Все как будто «обратились в татар», «раскрестились». Самое ужасное, что я скажу и что очевидно, — это исчезновение самого русского народа, русского человека, русского существа. Вовсе, глядя вокруг, не видишь России и русских. Можно сказать, остались на потребу «старого» только захолустные Коробочки, торгующие пенькою и яицами. Если взять заколоченные магазины без всякого товара — то странным образом Россия осталась собственно без жилья.

Это — до того страшно, это — такой пустой дом — что как-то ужасно: не находится места России, «ищем на карте и не находим». И возглашает великим голосом: «Где же Россия, ведь она была тут». Видишь какой-то пустой дом, дом с пустыми окнами и везде торчат покойники. По-видимому, есть жители. Это — «по-видимому» — самое страшное. Россия опустела — вот в чем дело. Россия придавлена — вот в чем ужас.

* * *

ПРЕДАТЕЛИ — ПОЛИТИКИ

Писатели без тем

Ни о чем так не тосковал я, как об унижении. «Известность» иногда радовала меня, — часто поросячьим удовольствием. Но всегда это бывало ненадолго (день, два): затем вступала прежняя тоска — быть, напротив, униженным.

~

О своей смерти: нужно, чтобы этот сор б<ыл> выметен из мира. И вот когда настанет это «нужно» — я умру.

~

Я не нужен: ни в чем я так не уверен, как в том, что я не нужен.

~

Милые, милые люди: сколько вас прекрасных я встретил на своем пути. По времени первая — Ю. Проста, самоотверженна. Но как «звезда среди всех, моя безымянная»... «Бог не дал мне твоего имени, а прежнего я тоже уже не имею». И она «никак» себя называла. Имя выходит, как в крестьянстве: «Марья», «Фекла», и больше ничего не выходило.

Д. А. Ж., «Мамаша»... Мой брат Димитрий, Коноплянцев — Павел Ф. Литература как орел взлетела в небеса. И падает мертвая. Теперь-то уже совершенно ясно, что она не есть «взыскующий невидимый град». Литература есть самый отвратительный вид торга.

Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинается не с правды — он не Бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда.

Порывайте гнилое вязанье церкви; рвите гнилые нитки, которыми она связала вас... нитки, сплетенные из лжи, грубости, насилия. Ищите религии вне христианства — вот тема веков.

Церковь никогда не боится, что вот она разрешила мало браков в этом году или в этой местности. П. ч. ей завещано: «суть скопцы.. царства ради небесного. Кто может вместить — *да вместит*». Поэтому же она боится только, не разрешила ли хоть одного брака «неправильно»; т. е. не несчастного или дурного, а «против того, как установили «отцы», вечно боявшиеся того же, т. е. не разрешить бы лишнего, и что *мало* разрешили — то это все равно».

* * *

ПРЕДЧУВСТВИЯ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН О КОНЦЕ МИРА И ОБ АНТИХРИСТЕ

«Огня нет, а дымом пахнет». «Что-то тлеет или горит в доме»... «Но — где, не знаем». Таково было впечатление учеников Христовых, когда Христос возносился перед ними на небо, таково вообще было впечатление перво-

го христианства. «Кто мы?» — «Что мы?» — Но «благая весть» кинута им, как милость пророка Илии, возносившегося на колеснице на небо, была кинута ученику и преемнику его пророку же Елисею. Апостолы подняли эту милость. И показали миру. И мир уверовал. И стал христианским.

«Спасение мира».

«Конец миру».

«Весть — благая»

«Но — Иерусалим разрушен».

«Учение — полное любви».

Но город пророков, Давида, Соломона, — цитадель молитв, цитадель вообще религии на земле — пал. Руина. Ничто.

Религия — *новая*. Конец религии — *древней*.

Не быть тут великой *смуте сердца* — невозможно. Эта смута сердца, смута души, почти помешательство разума от трудностей понимания — наполняет первые четыре века христианства, «конец древней истории» и «начало европейской истории». Величайшие духовные столкновения, пропаганда, огонь пропаганды, — и что-то грустное и томящее.

Вообще, *психологизм* христианства — необъятен. И, в сущности, этим психологизмом и был побежден античный мир. После древних религий, ясных, понятных, — после древнего закона, как «отрубавшего правило жизни», «требование поведения» — человек вошел в что-то колеблющееся, неясное, в какой-то туман бытия, где плавание сделалось невероятно трудно. Но в меру труда — и заманчиво, интересно. *История чрезвычайно усложнилась*. Хуже ли она стала, лучше ли, — об этом может быть вопрос. Но что она стала гораздо *сложнее* — об этом никакого вопроса быть не может.

— Лучше ли история Испании, чем история Рима?

— Хуже ли была история Греции, чем история Англии?

Неисповедимые вопросы.

— Лучше ли христианин? Хуже ли его иудей, грек, римлянин, египтянин?

Тоже вопросы совершенно неисповедимые.

Когда вопросов слишком много и все они в тумане, то хорошо сосредоточиться на каком-нибудь одном и собрать к нему все внимание. Пусть «лучше» и «хуже» — неисповедимо. Однако дело идет о *религии* и ею исчерпывается. Поэтому предложим себе один *такой вопрос* о качественном соотношении древнего и нового миров.

В Греции шла Пелопоннесская война. Как теперь мы знаем, это было уже к концу эллинизма. Война эта, где так разделились Спарта и Афины, в сущности — спартанские принципы жизни и афинские принципы жизни, начала ограничения и строгости и, с другой стороны, начало вольнолюбивой индивидуальности, с невольным придатком распушенности, в значительной степени напоминает теперешнюю нашу борьбу германизма с славизмом, — сдержанного германизма с «ширью натуры» русских. И вот, во время этой Пелопоннесской войны, по фазе истории и минуте времени, во вся-

ком случае уже несколько «упадочной», клонящейся «к завершению всего», что относится и относилось до Греции и греков, произошел следующий частный эпизод.

Была назначена афинская экспедиция на остров Сицилию, против города Сиракуз. И был назначен начальником морских сил афинян — Алкивиад. Назначение только что состоялось, событие — величайшей государственной и военной важности. На радостях, что все хорошо прошло в народном голосовании, Алкивиад с друзьями проводил ночную пирушку и, по окончании ее, в нетрезвом состоянии, решил проводить друзей до домов их. Выйдя на улицу, они увидели повсюду стоявшие так называемые «гермы» — столбы с мужской головой, символизировавшие афинское плодородие и потому имевшие, кроме головы, и орган детородной силы. Нетрезвый Алкивиад вздумал пошутить с ними: и как у нас «бьют фонари» уличные пьяные компании, так поступил с гермами Алкивиад. Именно, вид гермов, естественно неприличный, внушил ему за невозможностью покрыть все фиговым листом — мысль обломать неприличие. Наутро все было узнано. Алкивиад не отказывался, что это сделал он. Что же афиняне, народ, толпа? Народ пришел в величайшее волнение. Он до того вознегодовал, что полководец осмелился смеяться над плодородием афинского народа, что «на черепках», «остракон», — приговорил его не только к лишению прав командования флотом, но и к изгнанию из отечества, «остракизму». Взбешенный Алкивиад решил отомстить отечеству. Он бежал в Спарту, научил совершенно неопытных в морском деле спартанцев, как им поступить. Экспедиция афинская была не только проиграна, но афиняне в Сиракузах потерпели такие ужасные бедствия, — такое истребление людей и всего флота, что именно с этого времени и момента начало «клониться все дело», столь хорошо начатое, к торжеству Спарты и гибели Афин.

Что же такое случилось?

Связь «гермов», обнимавших весь античный мир, употребительных не только в Афинах и Греции, но и у римлян, на пространстве всей Италии, явна с тем, что потребовал Бог от Авраама в день заключения «завета» с патриархом иудеев. Только у греков это возникло самостоятельно, по самостоятельной их мысли: «гермы» *религиозно почитались, благочестиво чтились*, как у евреев *благочестиво же почитается их плодородие*. «А символ, знак — один. От этого, на вопрос оракулу: «*Кто из людей на земле, в истории был всех благочестивее*», оракул греческий дал знаменательный ответ:

Одни лишь халдеи постигли премудрость, а также евреи,
Что Бога-Царя Самобытного чтили.

Алкивиад, в озорстве своем, поступил так же, как Хам с отцом своим Ноем, а народная толпа афинская вступилась за него, как Сим и Иафет. Смысл — один, идея — одна, негодование — одно. Племя, род, *генерация* — оскорблялась: и афиняне предпочли проиграть войну, нежели допус-

тить насмешку над тем, ради чего вообще ведутся войны и заключаются миры. «Мы — люди и должны вести *достойное человеческое существование*». «А если — *нет, разобьем свое существование*». «Как ненужный *пустой горшок, как горшок — без содержания*». Здесь есть религиозное «я». Есть свет, солнце, луч. Посмотрите, как Орфей учит своего сына: «Я буду говорить тем, кому прилично слушать, а *от профанов затворите двери* (наше литургийное «Двери! двери!» — увы, пусто и формально, безо всякой уже души повторяемое). Послушай же, сын мой! Скажу тебе истину. дабы ты не лишен был блаженной жизни. Взирай на божеское слово, и к нему одному устремляй ум свой и сердце. Иди путем правым и знай одного Царя Мира. Он — Единый и Самобытный, Им Единым все сотворено. Во *всем* Он живет, и никто из смертных не видит Его, а Сам Он всех видит. Нет другого, кроме Его. Но Его не вижу я: ибо облако скрывает Его от взора смертных. У всех них очи слабы, чтобы видеть Правителя всего, Зевса. Он утвердился наверху светозарного неба, на Престоле, и попирает землю ногами. Десницу свою Он простирает до краев океана, вокруг Его сотрясаются самые высокие горы, реки и лазурные моря»... «Один Зевс, один Аид, один Гелиос, один Дионис, один Бог во всех. Что сказать тебе, сын мой, больше этого?» .. «Заклинаю тебя небом, премудрым делом великого Бога, заклинаю тебя первым словом Отца, которое произнес Он, когда *утвердил Вселенную своими законами*»¹... Также вот следующие изречения древнейшей Сивиллы, приведенные у Феофила в «*Sibilla oracula*». «Един есть Бог, величайший, безначальный, всемогущий, невидимый, всевидящий. Сам же незримый ни для какой смертной плоти»... «Мы заблудились от правильных путей Бессмертного Бога, мы неразумным сердцем почитаем рукотворные изделия, идолы богов и изображения преходящих людей»... «Блаженными будут те люди, которые будут почитать Единого Бога, благословляя Его прежде вкушения пищи и питья, и благочестиво уповая на Него. Они отвергнут храмы и алтари — суетные возвышения бесчувственных камней, которые осквернены кровию животных и жертвами четвероногих, но будут взирать на великую красоту Единого Бога». С этими потрясающими по глубине вложенного сердца выражениями сравним циничный смех Вольтера, когда он смеялся вслух всей Европы над разрушением от землетрясения Лиссабона, и писал пошлости о докторе Панглосе, высмеивающем всякое вмешательство Провидения в нашу судьбу, в человеческую судьбу... Это была *католическая* Франция, где только недавно прогремели красноречия Боссюэта; Франция — *королевская*, а не «республика Афины». Но где же, *где*, в этой ли христианской Европе или в «языческих» Афинах придется сказать «в так называемых языческих Афинах», — было чувство Бога непосредственнее, живее, ощутимее? Где Бог: в Афинах IV века *до Рождества Христова*? или — в Европе в XVIII веке *после Рожде-*

¹ Изречения эти находятся у отцов церкви, у Климента Александрийского, историка Евсевья и Кирилла Александрийского.

ства Христова? Где трансцендентность религиозная, — как некоторое «темное место», откуда молнии, громы, откуда, в сущности, — *все*. Ибо формы культа могут быть разные, а человеческое сердце — *одно*. И вот это «одно» — полно Бога в Афинах (Алкивиад), полно ревнования, гнева «до разбития скрижалей Моисеем» (проигрыш кампании афинянами): и оно совершенно пусто от Бога, где никакой папа и ни один из священников не потребовал «остракизма Вольтера» после того, как он напечатал «*Sur le desastre de Lisbonne*»¹.

Другой пример, дающий матерьял для сравнения, следующий.

Уже Греция вся повалилась. От «эллинизма», в смысле обобщенности греческих идеалов, в смысле объединенных ее сил, ничего не осталось. Поднималась грубая Македония, это прусское королевство древности, — и вот во главе его стоял Филипп, с замыслами и интригами покорения всей павшей, в сущности, Греции. Великий афинский оратор Демосфен выступил с разоблачениями северного варвара и деспота. Речи. И вот, *ни одну из них* он не начинает и не оканчивает, не помолившись «богам и богиням», «*τοῖς Θεοῖς πατρί καὶ πάτραις*». Можно ли представить это, *даже только представить и допустить*, в речах не только Клемансо, но и у благочестивых, *ханжеских англичан*, в политических речах Гладстона и Питта? Но основание, фундамент? Да то, что ни англичане, ни французы не были так полны Бога, как греки уже в самом падении. Между тем ни о Франции, ни особенно об Англии, никто еще не думает, что они падают.

Если хотя строка Платона или Аристотеля, где не было бы веяний того спиритуализма, о котором мы можем тоже сказать, как о трансцендентстве, что «он родил и родит все религии». Между тем Лаплас цинично выразился, что «для объяснений неба он не нуждался в *гипотезе Бога*», а умственные корифеи Европы XIX века, инженер Конт, зоолог Дарвин, социолог Спенсер, явили такую грязь безбожия, какой не было никогда даже в Китае или Японии, и она мыслима только у сибирских инородцев.

Но что же все это значит? означает? *Потрясающее опустошение европейской души и европейских небес от Бога*. Можно так сказать, что «воздух Европы», в смысле собирательном, в смысле синтетическом и обобщения, совершенно свободен от «религиозного электричества»; что электроскоп здесь не показывает никакого напряжения. Стрелка его мертва и не шевелится. Пусто. Нет ничего. И только есть огромное хвастовство, фразеология, «ученость религиозная», которая и дала странное право или, вернее, привилегию — *считать впервые с Европы и нашего благословенного нового летоисчисления «начало самой религии»*. Мы уверили себя, что *богопочитание началось с нас*. Тогда как исторические очки (смотри сравнения наши) убеждают вполне, что *с нами оно кончилось*.

¹ «О лиссабонском землетрясении» (фр.)

Я беру еврейский молитвенник¹:

«Нет подобного нашему Богу; нет подобного нашему Владыке; нет подобного нашему Царю, нет подобного нашему Избавителю. Кто как наш Бог? Кто как наш Царь? Кто как наш Избавитель? Будем благодарить нашего Бога, будем благодарить нашего Владыку, будем благодарить нашего Царя, будем благодарить нашего Избавителя. Благословен наш Бог, благословен наш Владыка, благословен наш Царь, благословен наш Избавитель. Ты наш Бог, Ты наш Владыка, Ты наш Царь, Ты наш Избавитель. Это Ты, которому отцы наши курили благовонный фимиам»

«Сладкозвучные гимны и песни буду плесть, ибо к Тебе рвется душа моя.

Душа моя жаждет под сенью руки Твоей изведать сокровенность тайны Твоей.

Лишь заговорю о славе Твоей — сердце мое застонет по ласкам — Твоим.

Посему буду говорить о Тебе с почетом и чествовать имя Твое песнями любви

Возвещаю славу Твою, хотя и не зрел Тебя, воображаю, определяю Тебя, хотя не познал Тебя

Пророкам, сонму рабов Твоих, Ты внушил думу о красе-славе величия Своего

Твое величие и силу они определяли по могуществу творения Твоего

Они воображали Тебя, но не по естеству Твоему, представляли Тебя лишь по делам Твоим,

Делали сравнения Тебе во многих видениях, но Ты один во всех думах.

Они созерцали в Тебе то старость, то юность; волос главы Твоей то сед, то черен:

Старость в день суда; юность в день битвы, как у мужа брани — Своих рук ему довольно.

Одел Он на голову шлем победный, помогает Ему десница и святая мышца

¹ Подарен был мне глубокоуважаемым Савелием Константиновичем Эфроном (в литературе «Литвин») в самом начале процесса Бейлиса. Раздраженный тогда против евреев, я куда-то засунул его и не читал. Когда, преобразившись во взглядах на них, я в этот (1918) год, случайно найдя его у себя, — *открыл и был поражен жаром молитвы, неустанностью их, огнем их.* Это не «молитвы», а как будто еще пророчества. Ничего похожего на наши протяженно-сложенные молитвы, какие-то учебно-училищные, как будто кто-то их «сочинял» и скучал самым сочинением. Исключения есть: Херувимская, Царю небесный, Свете Тихий, Избранный Воевода, Господи Владыка живота моего, Иже в шестый час... Но *исключения можно почти по «пальцам перечесть»*, а холода, льда, *равнодушия* — точно «полуостров Лабрадор, весь затянутый льдом» (география). Полное заглавие книжки (в два столбца: еврейский текст в правой колонке, русский перевод, петитом набранный, в левой колонке): «Издание Русской книжной торговли А. Т. Сыркина в Вильне. Молитвы евреев на весь год с переводом на русский язык, с подробным изложением богослужебных обрядов и историческими заметками о молитвах». Составил А. Л. Воль. Вильна, 1908. Страниц 451.

Глава Его полна росинок святозарных, кудри — кропинок ночных.

Он хвалится мною, ибо любит меня, и мне Он будет венцом благолепия

Вид главы Его — золото чистое, фазийское, на челе начертана слава святого Имени Его.

С умилением и почетом народ сплел Ему венок, чудо красоты.

Проборы главы Его — как в дни юности, отвесистые кудри чернеются.

Чудо правды, чудо красоты [Иерусалим] да вознесется на вершину радости своей

Избранница Его (нация) будет венцом в руке Его и царственную диадемою, изящным украшением

Они тяготели (к Нему), Он их носил, венцом нарядил и почтил, потому что были дороги в глазах Его

Его краса на мне, моя — у Него, Он близок мне, когда взываю к Нему.

Ярка и красна Его багряница, будто Он топтал в точиле, возвращаясь из Эдома

Узел филактериев показал Он кроткому (Моисею), пред его же очами был образ Господень

Он благоволит к народу Своему, пребывающий среди славословий уважает смиренных, хвалясь ими

Заглавное слово Твое «правда»¹ кличет искони, из рода в род Отыщи племя, Тебя почитающее

Прими к Себе восторг моих песен, и пусть дойдет до Тебя гимн мой

Моя хвала да будет для Тебя короною, моя мольба да будет сочтена кадилом.

Да будет дорога песня бедняка в глазах Твоих, как пенопения над жертвами Тебе

Мое славословие пусть поднимается до главы Кормителя, *зизждущего, производящего*², праведного, сильного

За хвалу мою склони главу Свою ко мне и прими ее, как благовонный фимиам

Да будет Тебе сладостно моление мое, ибо к Тебе рвется душа моя.

У Тебя, Господи, величие, сила, краса, вечность и великолепие; да, все, что на небе и на земле — у Тебя, Господи, держава; Ты превознесен как глава всему»

..

¹ Замечательно, что *первые три слова* «Книги бытия» оканчиваются в еврейском написании буквами, коих *сложение* образует новое еврейское слово — «*правда*».

² Поразительное совпадение с Озирисом у египтян, который определялся как *производитель*, как *зизждитель*, как — **ВЫРАЩИВАЮЩИЙ**. идея «роста» есть вообще величайшая религиозная идея. Как все или всемирное сознание, капнули «рост» в «бога» — так все и всемирное сознание «извели мир» из «бога»

«Господь Всемогуший да благословит тебя благословениями небес свыше и благословениями бездны внизу, благословениями сосцов и благословениями утробы»

«Благословен ты в городе и благословен ты в поле, благословен ты при входе и благословен ты при выходе, благословенна корзина и благословенна квашня твоя, благословен у тебя плод чрева, плод земли, плод скота твоего, рождающееся от волов и приплод овец твоих»

.....

И льются, льются молитвы..., и льются, льются молитвы... какие-то воистину «обрезанные молитвы», оргиастические молитвы, — *оргиастические по источнику, ибо обрезание касается точки всех вообще человеческих оргазмов*, — и, кажется, это напечатано не в русско-польском городе Вильне, а в каких-то «стовратных Фивах» египетских, где

...вечно чуждый тени
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.

..

Не то, не то! Не русское, не православное! Вообще — не европейское!! Где землетрясение, разрушившее великолепную столицу Португалии, не вызвало ничего, кроме оскаленных зубов Вольтера, где крадущийся за добычей лев вызвал только вопрос Дарвина и Геккеля: «Не происходит ли он от обезьяны?»

Но совершенно иной будет ответ, если мы вертикально повернем вопрос: Дант поет об «Аде», и такой пугающей, такой потрясающей поэмы не знал весь древний мир. Реформация, второе после католичества религиозное потрясение Европы: и Мильтон запел великую песню о «Потерянном Рае». Как и у Апостолов я указал: грусть, тоску. Тоскующими песнями полна Европа. Байрон, третий — и вот у него также и уже в третий раз встречается люциферианство. Мы? русские? Великих песен мы не знаем: но *народные движения* у нас, *движения самосожигателей, самозакапывателей* (закопались сами в могилу!!!) — потрясают еще более, чем все поэмы в мире. Инквизиция? Что же это, что такое? В противоположность тому *восторгу души*, какой мы нашли в еврейском молитвеннике, — в противоположность той радости души, которая слышится нам в псалмах, мы в Европе встречаем, в сущности, всюду запах *демонизма* «Пустого бога» или «противника Божия». Вот поставив *так* вопрос, мы находим *полный ответ*. Тогда Вольтер совпадает с Данте. *Нануган* в средние века, *засмеялся* в XVIII веке. А поэмы как «Il Paradiso» («Рай») Данте, как «Возвращенный рай» Мильтона — не удавались. *Почему не удавались?* Сердце не чувствовало религиозного счастья, религиозного восторга. *Сердце европейца грустно или цинично.*

Все это вводит нас в мысль о каком-то *религиозном неблагополучии*, которое переживается Европой и явно начало переживаться со времени пришествия Иисуса Христа. «Тайна беззакония уже в действии» — это слова апостольских времен. Вообще в высшей степени важно, ценно, необходимо собрать ВОЕДИНО все свидетельства от Евангелия, от Апостолов или если есть-то, то и от более древних времен, об этой *критической эпохе всемирно-человеческого религиозного сознания*, каковую мы называем эпохой пришествия Иисуса Христа и с которой производим начало новой эры.

* * *

ПРИРОДА

Если мы возьмем

ПРИРОДУ КАК ОНА ЕСТЬ,

то мы увидим в ней странную вещь: что она «несколько похожа на человека» и, с другой стороны, что она — «совершенно непохожа на человека». Престол и небеса и ангелы являют мне именно ЯКОБЫ человеческие и ЯКОБЫ львиные и ЯКОБЫ тельца и ЯКОБЫ орла летящего... Но от всех читателей Апокалипсиса ускользнуло, что именно вставлено это «ЯКОБЫ», КАК БЫ, и — не долее, не более...

«Человек так благороден... Отчего же не лицо просто ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. «Христос был человек»: «Се — человек», — сказал Пилат, и Христос ответил ему: «Ты сказал». Что-то в этом роде, не помню. И вообще Христос принял «лик человеческий» и «все унижали даже его». И вот на этом-то пункте он и ошибся.

«Лицо человеческое» утомительно и скучно. Но возвратимся к природе, о которой мы было забыли. Скука и утомительность действительно царят и не только в лице человеческом, но и в делах человеческих, в конце концов — даже в истории человека.

Людам скучно, людам серо.
Птичка в дальние края,
В дальний край за сине море
Улетает до весны

Милая птичка, — нет: *умная* птичка. Природа и «птички» и проще, *умнее* человека, главное — они мудрее человека. Хотя «совокупляются так открыто» и вообще «живут по природе». Но опомнимся же и возвратим себе слово. Природа — «человечна», но с добавлением — таинственным и грустным для человека: «якобы», «как будто». Что это значит? Что речет Апокалипсис? Ах, он изрекает большую, великую грусть: что человек до известной степени «не похож на себя самого», что он в сущности — *фальшивит против человека*, — это выражается в том, что он «пал» и «согрешил». И «пал» даже не в тот миг, как «съел яблоко» и будто бы «узнал лукавое и

доброе»: поразительно и не замечено тоже, совершенно ни одним богословом не замечено, что суд Божий начинается не моментально после грехопадения, например в разразившей бы и поразившей человека молнии, а *несколько времени спустя*, уже после беседы человека с Богом. Это так поразительно и совершенно несомненно, и совершенно ни одним богословом не замечено. Грехопадение на самом деле заключалось в том, что Адам смутился перед Богом, обвинил Еву: «Она дала мне есть, и я ел», и вообще грехопадение заключалось в испуганности перед Богом, в смущении о грехе своем, робости, испуге, трусости. Но вернемся же к природе, о которой мы все забываем. *Почему мы сравниваем человека?*

Она никогда не пугается и не смущается *и потому единственно и не грешит*. По минуте вулкан извергает лаву: не «злодей ли?» Целый Неаполь погиб: и — ни «извините», ни «простите». Факт, обязанность — и ничего. Ну, представьте, вулкан, истребив Неаполь, «извинился бы». Лиссабонское землетрясение растрясло: слезы «коленипреклонением перед Богом»... Молитвы, обедни: да Бог бы проклял их... Фу, бессмыслица: да он проклял бы самые «землетрясения» — дело рук своих, создания своего. Но он — не прокликает. Бог вообще не прокликает создания своего. Ни вулканов, ни землетрясений: и вот Он-то, Бог — от этого именно, что Он не отрекается ни от какого своего создания, самого даже губительного, бурь, опия, даже от самой смерти — Он от этого именно и Бог и Безгрешен.

«Будете ЯКО БОЗИ...»

Тайна заключается именно в том, тайна близко к Богу, тайна даже единства с Богом: чтобы вовсе не пугаться даже и Бога. Но — совершенно не пугаться, вот как вулкан и землетрясение. И вулкан, и землетрясение Богом не испуганы, совокупляющиеся животные тоже не сконфужены им. А вот они и невинны. Тайна вся заключена в тайне обвинения себя. Вы чувствуете: природа имеет лицо лишь «яко бы человеческое», п.ч. она никогда не конфузится. Тайна различия и превосходства природы над человеком лежит в полной неизвиняемости ее и отсутствия чувства какого-либо греха. Грех заключается именно в сознании греха и больше ни в чем. Что это — так: «вулкан» и «нечего извиняться».

Теперь рассмотрим же суть и прелесть природы. Да, она прелестна, но чем: прежде всего — не утомительна, не имеет этой подлости человека — утомлять собою. Но и еще больше НЕТ, еще другое: парит, сияет — но не хвастлива! О, вот еще окаянство человеческое — хвастовство. Но нет, еще и еще: она — величественна и проста. Не правда ли? Да. Но — не тщеславна. Вы чувствуете: «лицо»-то как будто «человека», но с добавлением окончания «яко бы». Оно — лучше человека. Бесконечной остротой всех движений. Она не мямлит, — о, никогда! А Бог: он посылает молнии, смотрите как быстро. «Смерть» и «разразил», «дуб» или «человек», и у «грома ли», у Бога ли — нет «вопроса и покаяния». Поразительный недостаток богословов, ведь Иов-то был «совершенно невинен» — «Бог его наказал» или «вернее допустил дьяволу коснуться»: и что «пустил» — в этом опять никакой вины, уже — Божия.

Мог ли «сознаться», а Он — только «гремит», и говорит: знает ли тьму, «когда там зачинается страх». И прочее какой-то «глупости», но глупости не выходит и есть великолепие Величества: в Иове так ясно показано, так эффектно показано, что когда Бог даже поверг «грех» «невинному страдальцу» — то выходит все же именно великолепие и никакого упрека от читателя, никакого упрека. Вулкан гремит, и одно удивительно, что так Слава Богу, природа, греха и правды в Иове — изумляет и потрясает, и есть почти разгадка всего.

* * *

Проблема: каким образом из ощущения, которое тянется 5 минут и оканчивается вздохом и стоном... когда ум меркнет, меркнет и совсем теряется... которое полно такой физиологичности, с которой не может сравниться ни дыхание, ни сердцебиение, ни какая горячность крови, а лишь горячность Солнца...

каким образом это ощущение, на которое взглянуть никому не дано (как на Солнце)

...и оно полно судороги, сжимания, застенчивости, стыда и муки, если бы кто-нибудь увидел...

...и из всего сущего почитается самым скверным (скарабей)

... каким образом его можно было осуществить в священном зное жизни: рука с ним,

положить в руки покойнику

(мумия с ним),

дать в руки солнцу и поднести к ноздрям царицы и царя..

изобразить в тысяче символов, что все должны вдыхать его...

(сцена с вдыханием)

и поставить над ним звезду,

и соединить с ним молитву... нет, сонмы молитв, в сущности, — все молитвы...

зажечь вокруг его светильники, построить вокруг его все храмы...

— Вот это, это самое, это одно составляет всю проблему Востока. Всю проблему Египта, после чего ставится точка. Роль эта разрешится — Восток в свете, в дне.

Как? Почему? Где узел? Где все связывается?

* * *

ПСЕВДООБРЕЗАНИЕ

У бессеменно зачатого Христа не было над чем совершить и в отношении чего совершить обрезание. Он был лишен пола.

Бессеменен не только Христос, но бессеменны все Его речи, движения и все Евангелие. Отсюда запрещение Апостолам всегда, когда начинался в них какой-нибудь порыв: «Хочешь ли, чтобы мы свели огонь с неба, попа-

лить селение, не принявшее Тебя». — Не надо, «не знаете, *какого вы духа*». И отрубить воину, протянувшему руку, чтобы взять Христа.

У бессеменно зачатого не могло быть того, в чем происходит семя.

Тайна Христа

У бессеменно зачатого не мочно за *отсутствием* совершенно того, над чем производится обрезание.

Как же Вселенские соборы не поставили этого вопроса?

Как же они говорили об ЕДИНО-Сущии или РАВНО-Сущии, когда не было самого СУЩИЯ?

Бессмыслица.

Отсюда «праздник обрезания Господня» в церкви заменен праздником «крещения Господня», но «крещение Господне» на 7-й день после «Рождества Христова» не было.

И мы не только читаем ложь в Евангелии. Но и в установлении или наименовании праздника лжем, как «света от света рождение», а здесь «от тьмы тьму рожаем» — ложь.

* * *

ПУТАНЫЕ НЕБЕСА

...да неужели же, неужели этим ОДНИМ, что Он сказал: «любите *ближних* своих», «любите *врагов* своих», «благословляйте *клянущих* вас», — Он соделался «Богом» для нас? Вот, воистину, легкий СПОСОБ стать Богом. Неужели несколько сантиментальных фраз, преувеличенно сантиментальных, неосновательно сантиментальных, довольно, чтобы стать «нашим Богом»?

Прежде всего, что такое за «неразбериха»? Почему «вся, все и всех любите?» Да есть многое, чего не стоит любить. Есть многое и *многие*, которых нужно ненавидеть и презирать. Делать «кашу» из всего — значит потерять различие добра и зла, утратить *нюх* на добро и зло — и это просто отвратительно. «Люблю и Сусанина, но люблю и поляков, его умертвивших в лесу и болотах»? Нет, «я *этого* люблю, а тех *ненавижу*». Любить *всех* равно значит смешать добро и зло и смешать всех богов.

Нет. Чтобы «сотворить мир» — надо было разделить «доброе и лукавое». И Христос именно «АНТИ-творил мир», а не «СО-творил мир». «Борьба с Богом» и здесь проходит. В жалких, сантиментальных фразах. Именно — дырявые небеса. Смешанные небеса. «Не разберу, где дождь, где вёдро». «Погибло хозяйство мира. Погибло хозяйство мира». Завещанное возделывать нам Отцом *в добре и в правде*.

* * *

Пьяная, мутная...

И ничто не может прояснить этой мути...

И нет, кто сдержал бы это пьянство...

Такова до Щедрина и от самого от «призвания князей».

~

Случайная... *δυσβεβηκός* ... Боже, вся родина наша есть «случай» в замешательствах истории.

Было. Уплыло. Облако, которое рассеялось.

* * *

РАЗРУШЕНИЕ МИРА

«Возлюби ближнего своего», «врага своего»... «подставь ударившему тебя другую ланиту»... и «прости им, Отче: не ведают-бо что творят».

Тихое веяние любви. И — никогда *в другую сторону*».

«О, если бы Ты был горяч или холоден: но как Ты не горяч и не холоден, а *только вял*, — то изблюю Тебя из уст моих» (Апокалипсис).

Христос устранил контрафорсы в мире и тем самым, этим одним повалил его на одну сторону.

«И померкло Солнце и затмилась Луна». «И попадали звезды с Неба». И — наступила великая тьма, темень, Апокалипсис.

Да все и *держится* в мире противоналеганиями. «Вышибай *опорки*»: и наклоненный «на сторону» броненосец сперва медленно и потом все скорее скользит и падает в Неву. Сам видал. Отчего же он «падает», отчего «звезды упали», отчего мир свалился, сваялся, как путаный клубок, как не оттого, что Господь сказал:

Противо-лежи.

Противо-лежи.

И Гераклит Темный, даже испугавшийся своей мысли:

Все — В СПОРЕ.

И Гегель:

все — диалектично.

И Ньютон, мудрый, как Бог почти, формулировали первый закон *Principia mathematica*.

Равновесие мира держится только до тех пор, пока всякое действие встречает себе равное и столь же вечное, упрямое, противодействие.

И вдруг эти «стань на одну сторону»... Кроткая как овца... И не говорящая против «стригущему ее».

«Кроток еси сердцем. ...Приидите — и успокою вы»...

И вот — рев Апокалипсиса. ...Как он ревет, стонет. О, эти стоны...

Это — стоны любви к миру. К его красоте и гармонии, основанной на борьбе, *страсти и огне*.

То-то он сказал: «Мир *ничего* не имеет во мне *для себя*». Воистину: этот Его особый мир — просто *пустота*.

* * *

RELIGIO

Что такое «религия»? Это — зодиакальный свет пола. Когда «солнышко уже зашло», когда пол уже не творит, страсть прошла, огонь прошел, — то долго, целую ночь, еще остается «на западной стороне» горизонта полоска света: она гораздо «шире» пола-солнца и занимает всю «западную часть неба». И все в этой полосе неба предметы освещены, лучше видны. Так «после пола», после «солнышка» предметы кажутся лучше освещенными и вместе — дорогими, священными, «к сердцу бы прижать». Они становятся «родными», «от себя», «из себя». Этот «особый свет», упавший на все предметы, и есть «религиозный свет», из коего мудрость и молитвы. Но все это началь-но младенец-пол, старец-пол.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

София и Премудрость.

Вонмем.

Матерь Божия.

мать **СУЩАГО**

КИБЕЛА.

Не мелькнул ли зодиакальный свет в очах, в мысли песнопевца:

«Свете Тихий Святыя Славы Бессмертного Отца Небесного...»

Как все вытянулись слова. Это когда «после заката солнца» усталость, грусть и нежно, и хорошо. И что-то далекое-далекое...

Даль зовет. И все — близкое, под сердцем. И — снится, и — спится.

Вечное тихое отдохновение.

Страсти нет.

Воспоминания:

И родится чистая невинность — младенец.

Это «солнышко поутру».

~

Как же мудры евреи, — и они одни только в Космосе, — что вместо всяких «духовных семинарий» и «академий» создали правило Талмуда и быта: до замужества девушки — она не проходит никакого «закона Божия», ни даже не научается молитвам. И без брака мальчик, мужчина, отрок — не допускается к исполнению никаких «мицв» (религиозных домашних правил). Они видят и знают только зодиакальный свет. И у них ни Ренанов, ни Штраусов, ни Гарнаков и Фейербахов «не выклеывалось».

И нет библиотек о «вере», а есть просто religio.

Вот о чем плакала дочь Иевфая, уходя в горы. Она уходила взглянуть на особый «свет вечерний», зная, что никогда его не увидит: как и сказано: «Ходила, чтобы оплакать *свое девство*». (Она, по неосторожному обету своего отца, должна была быть принесена им в жертву. Он поклялся Богу. «принести ему в жертву заклания первое, что выйдет ему навстречу после трудной победы», но вышла не корова, не овца, а — дочь единственная.)

Да, религиозный орган. Орган религии. Именно — *он*, как евреи и египтяне и указывали своим обрезанием. Кто мог бы подумать, что действительно *вся религия струится отсюда*, что нет иных источников так называемого «религиозного настроения», этого особого настроения, ни с чем не сравнимого, чистого, возвышенного, глубокого, сердечного, зовущего и призываемого, полного грусти, полного величий. Нет иных источников этой особой вдохновенности, этих речей, этого богатства слова, этой силы слова, особенно — силы могущества. Нет иных источников величия всей жизни, величия отношений к жизни, — того, что все *отношения к жизни* так трогательны и глубоки и возвышенны. Ах, так вот что значит, что «родовые цивилизации», цивилизации, основанные на «роде», gens, «колоне» (Израиль), на филах и трибах, на «патрициях» (pater) — были так монументальны, убедительны. И что «plebs» есть действительно «подлый плебс», — безродный или со случайными «родами», «выродками», «выб...», «выеб...». Тогда как понятен «золотой век», грезами о котором полны воспоминания человечества, — век собственно фаллический, невинный и чистый, когда все было незакрыто и когда при полной безразличности и не знали ничего, кроме песен и сказок — песен о любви и сказок о любви, кроме «Наля и Дамаянти», «Пигмалиона и Гала-теи», кроме — «дедов и внучат», рождения и еще рождения, рождения на рождений. «Ра», «Древо жизни» и ничего более. Жизнь была вся непосредственна, пряма, честная. Но тогда — какой же у нас представляет христианство, совершенно все это извратившее, совершенно все это перевернувшее, обратившее «смысл жизни» в «анекдот». Тогда как понятна ничтожность и индивидуальная, и цивилизационная всех этих «порнографящих» и людей, и эпох. Тогда как понятен ужас всей нашей жизни, это — бессилие религиозное, это бессилие цивилизационное. Именно «немочь» христианская. Христос именно умер за «немочь», как я и угадал почти инстинктивно. Ибо и Он и Ап. Павел — это, конечно, половая «немочь», изнеможение, прямое и полное непонимание пола и отрицание пола.

* * *

РЕПИН

Это рыдающее на развалинах нашей революции славянофильство, этот рыдающий на тех же развалинах русский юноша, — какой бы сюжет для Репина .. Но он глуп, этот Репин, и никогда не мог посмотреть внутренним глазом на свои настоящие сюжеты. Он всегда был только внешним глазом. Он не смотрел, а оглядывал, схватывал и рисовал.

Гениально рисовал. О, да.

* * *

Решительно надо бы собрать не *серьезные* пословицы, а прибаутки русского народа. Тогда балаган русской жизни или «русская жизнь как в балагане» — восстала бы в полном наряде.

«Паршивый народ», подумал я отчаянно. И оглядываясь на свою жизнь, сказал, затаил. «Оттого-то, вот отчего вся жизнь моя прошла с полной бесплодностью, с бесплодностью для себя и *для окружающих*, что я в детстве слушал, как молоденький портной нам детям рассказывал сказки, потом уже, поступя в гимназию, зачитывался сказками бр. Гриммов, и, наконец, перешел к философии, но и ее понимая как «сказку о мире», которая просто мне наиболее нравилась.

Отчаяние... Ни философом, ни ученым, ни политиком такой народ не станет.

И мы прогуляли царство. Ах, так

Вот где таилась погибель моя

— как поется в «Песне о вещем Олеге». Англичане же, *первый деловой народ в мире*, не имеет <песен>, просто наблюдателен, и, угощая меня из золотого портсигара душистою папироскою, сказал: «В Англии совсем нет песен. Народ — не поет. И — никаких народных, деревенских инструментов. Мой оркестр и все мое предприятие не могло бы осуществиться, если бы я родился в Англии. Но я родился в России, самой музыкальной, самой песенной стране в мире». Шеин, еврей хромоногий (раз видел), всю жизнь странствовал по русским деревням, собирая тексты и музыку русских народных, по преимуществу бытовых, свадебных и вообще обрядных песен.

— Совсем дрянь народ. Какой же *толк* из него может выйти, раз он все поет, музыканит, сказывает сказки и шутит прибаутки.

* * *

Род, род, рождение, из камня, из кирпича, из яхонта, бирюзы, топаза... из адаманта.

Не колеблясь, выел. Уже не «я есмь», а «мы есьмы».

Вот евреи и египтяне. Обрезание и без обрезания.

Обрезание имеет многие стороны в себе: но главная — земное бытие, земное утверждение. Именно как египтяне говорили — «жизнь, здоровье, сила» (говорили, прибавляя к имени и к титулу лица, к которому обращались или о коем рассказывали). Последним остатком этого сохраняется наше «здравствуйте».

* * *

РОССИЯ

У русских есть упрямство. Но нет силы воли. И есть нахальство приказания, но нет дара обладания. Они не умеют управлять ни собою, ни другими. И вот это-то и мешает им сложиться в историческую нацию. У нас история — моменты, а не процессы. Соломон, Давид и никого. Пушкин, Лермонтов и всякая сволочь.

* * *

СВЕЧА

Россию *подменили*...

Вставив на место ее свечу с другим огнем, с другим пламенем, с нерусским светом, и от которого изба русская не согревается...

Кто его принес, давно ли, — декабристы или Герцен, Белинский ли? Может быть, Петр? Но с 60-х годов уже явно света русского не стало... Теперь остатки горячего сала на шандале, расплывшиеся, неблагообразные...

Но когда та чужая свеча догорит (а она тоже догорит по законам истории), мы соберем с шандала остатки прежнего русского сальца. Сделаем уже тоненькую новую свечку, в две копейки. Все-таки подержим ее в руках, дрожащую, старенькую. И пусть это будет нашей соборованной свечой, которую держит больной в руках. И подержим и умрем.

* * *

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

...на моей стороне вся ЖИЗНЬ.

На Его стороне только СМЕРТЬ.

~

Странно человечество кричит: «Смерть победила». Странно, что это само человечество.

Ну, пусть. Я же скажу: победила жизнь. И умирая, зажму ее в костенеющих пальцах и скажу: а победила все-таки ЖИЗНЬ.

* * *

СОДОМ

Да что такое Содом? Это и есть эхо Пушкина:

Поет ли дева за холмом,
Ревет ли зверь в лесу глухом ..
На ВСЕ — родишь ты отклик.

«Содом» есть «брак со всеми» до «нет брака». Разлианность на детей. Универсальность любви... Замирай, обмирай, дрожжай. «Содом», «Sol», «Солнце»...

Я одно и царственно: а ОКОЛО меня — все.

Да: но именно ВСЕ и во всех-то упор, вершина и завершение.

* * *

СОЛНЦЕ

...боже мой, боже мой, боже мой: да уже в ВЕНЧИКЕ СВЯТЫХ (венчик вокруг головы) не лежит ли археология *осияния солнечного*, какое я недавно стал соединять с понятием *солнечного человека*, как *натуры солнечной*, светоч действия евангельского (и Христова) *привходящего ex nascente*¹?

Боже мой, какая древность... О, Египет: ты — жив Если «да», если великое, громовое — *да*. какое оправдание Ниневий и Вавилонов, и культов Ваала и Астарты...

О, о, о...

«О» ли? Не знаю. Еще колеблюсь, сомневаюсь. Мерцает в уме, а выговорить не смею.

«Ты ходил среди игристых камней...» «Ты был возлюбленным Моим от дней сотворения мира» (Тиру — пророк).

И вот «зачали Амвросия Оптинского» его родители... зачали особенно и глубоко и страстно... «Какая-то мысль прошла». И венчик, но именно солнечный венчик, зачатиевский, горит над головою почти святого...

И зачитается он «в святцы Православия»... А быть ему роду «от Ваала и Астарты».

Какие подозрения, какие мысли...

О, если бы «О»!!! Но не смею думать.

(К культу Солнца).

¹ от рождения (лат.).

* * *

СОЛНЦЕ

ГОРДОЕ Солнце...

— чувствуете ли вы в незримых фибрах души, что оно — гордое?

Человеческий атрибут около «по существу звезды»... — как это странно...

Но в самом деле, в самом деле, есть «что-то», почему оно кажется гордым.

«Смиранный вид солнца»? — Не подходит. «Уничиженный вид» — тоже нет.

Но «гордый»?

Странно. Удивительно до странности. Но в самом деле оно «спокойно и величественно обтекает землю»... Тьфу: — «земля обтекает его» по астрономии.

И восход, и заход так прекрасен.

* * *

СОЛНЦЕ

И еще, и еще... Раза 2 я видал, как молодая мать погибала от многочисленных родов («привычный выкидыш») и родители *не сожалели* или вернее не жаловались, не огорчались, не скорбели на мужа дочери? Раз это было, что муж все играл в карты, в летнем общественном саду, — и был сам врач, глупый, грубый и пустой. И все спрашивали: «Ваша жена умирает от чахотки?» — «Да. Умирает». И не было жалоб даже от отца и от матери молодой женщины. В свете окна которой вечно горела лампадка. По «лампадке» я ее и знал, а самую — не видал. И вот это тоже «солнечный тип». И «венчик святой», поклонившийся — и с родителями своими — Ваалу и Астарте.

Не удивительно ли. А в семье духовной (она) и христианской.

* * *

СОЛНЦЕ

Музыки, музыки, музыки...

.....

.....

Разве вы не слышите, как звенит солнце.

И лучи его тайно несут везде мелодию.

.....

.....

И входят музыкою в цветок.

И в человека тоже музыкою.

.....

Впрочем, есть уродливые люди, вовсе без музыки.

.....
.....

Музыка входит в свет лица. И в тембр голоса входит. И эти-то люди имеют «венчик около головы». Это — святые христианства. Что они суть в то же время просто «солнечные люди», на это указывает именно то, что неведомо для себя «как и почему», все начали окружать голову их солнечным сиянием, называя его «венчиком святых».

На самом же деле такие люди, «с солнцем в себе», — были во всех религиях. И везде их изображали не иначе, и также не зная сами, «за что и почему». Это — утешение рода человеческого.

* * *

СОЛНЦЕ

Не видно ли из этого «постоянного *состава* Солнца» и *единства* вида его, как и из неизменности t° его, — что оно организм и, значит, «живет»? Ну, — организм совершенно исключительный? Но ведь мало ли что есть на свете? «Подсолнечной — не измерять». Не все — «как на земле».

«Постоянство *состава*» очень странная вещь. Вообще-то говоря, «состав *не* меняется» — если его стягивает в единство какое-нибудь лицо. Как лицо умирает — в могиле начинается разложение, брожение, хаос. «Солнце» ли «могила»? Фу, какая мысль: прямо чувствуешь отвращение. Отвращение, страх, «лучше бы умереть». — «Нет, если что уж не могила, то — Солнце».

Но тогда оно — жизнь?.. Чудовишно. «Как жизнь — больше земли целой, больше — Африки?» Невероятно.

Странно. Странно и необъяснимо.

«О, Солнышко! Скажи же о себе. Прошепчи о себе».

Жизнь льется из него. Но это, может быть, химия?

Единство состава. Ультрафиолетовые лучи. Вообще какое-то странное единство образа. Не «обстоятельство образа действия», а как будто лица...

Фу, чары, колдовство...

«Луна» колдует («сомнамбулизм», лунатики). Солнце совершенно ясно, просто. Лучезарно, — о, какие лучи...

И льет их, вечно льет... Господи, если бы *погаснуть* ему, то ведь уже давно было бы время.

* * *

СОЛНЦЕ

Попробуйте распять солнце.

И вы увидите, который Бог.

ОДНО то, что неприлично — одно это только и прекрасно, возвышенно, религиозно.

Все прочее — пусто и не представляет никакого интереса.

* * *

СОЛНЦЕ И ЕГО ТЕНЬ

Так ярко горит. И — чем ярче, светлее, светозарнее — тем гуще его ТЕНЬ.

Что такое? Господи. Отнимается разум. Но еще страшнее:

Чем РАДОСТНЕЕ жизнь... о, как радостна она, милая, прелестная, такая теплая и задушевная, тем ужаснее, чудовищнее — СМЕРТЬ.

Смерть. Гроб. Могила. О, что «молчание», век молчать бы, но, однако же, — НЕ УМИРАТЬ.

Но приходит именно смерть. Ужас ужасов.

Тогда разобьем последнее. Стрела. Две стрелы. Остриями напротив. Тогда не есть ли последний ужас: вот именно, именно то одно, о чем и всегда задумывался, что это не понятно и САМОМУ БОГУ.

Если тень идет из солнца, и как-то жизнь коронуется смертью, то уж не «смешать ли шашки» в последнем безумии, заподозрив:

А, может быть — ЗЛО: это и есть
ДОБРО.

Притом — самое первое, избранное, и это-то и есть окончательное и абсолютное —

ЗЛО.

Господи: но ведь что-то есть «в этом роде». «В этом роде» уже страшные мелькания: например, что «легкомысленная жизнь» в то же время не очень отяготительна, не очень зла, тяжела и вообще «ничего себе». А как «побольше трагического», побольше «героического», побольше вообще «идеального», так она начинает зазубриваться, шипы входят в тело наше, в душу нашу. И мы кричим и вопием.

О, идеал, как ты — ТРУДЕН.

«Идеал» труден, но ведь «идеал» должен быть именно «легок»: на что же он именно и «идеал», если бы ему не быть «легкому».

Да. Но солнце «бросает тень». И если человек «против солнца», то вот — и ТЕНЬ его.

Черная, нехорошая.

ГРЕШНАЯ.

Все спутано. Безгласны. Не понимаем. О, я же сказал: «Не понимает сам Бог».

Полнота.

Да. И вот странно: если «человек с тенью», то он и «полный», а без ТЕНИ человеку чего-то не хватает. Не хватает именно ТЕНИ: как странно. И, может быть: «не хватает греха». Как странно, еще удивительнее: «если человеку не хватает греха — то он *не полон* и в конце концов — он даже *уродлив*.

Это прямо ошпаривает.

Нужно «несколько упасть» — чтобы «несколько подняться» и «не сойдя несколько ступеней вниз» — нельзя подняться «на несколько порожков кверху». Перемена «низа» и «верха». «Зенит» и «на заре», и если бы «не было надира», то и никакого и «зенита» тоже никогда бы не было. А еще есть какой-то «азимут», но вообще-то говоря — переходит «в какие-то вращения» и что «мир подвижен», что в нем как-то все «убегает» — а не стоит «столпом» и недвижно: но вот эта «бегучесть» и «скользкость мира» вытекает именно из «тени» и его «солнца», или — тогда: из «солнца и его тени». Но главное-то, главное — «грехи» и его «Бог». Где же «низ» и «верх». Что хуже, что «лучше». Но ведь и в самом деле «Бог сотворил *добро...* и его *зло*. Как *тень и жизнь*». Да и зло есть *тень* и... *жизнь*. Жизнь? А что же может быть *слаще* жизни: и вот, посмотрите в какие же дебри заходим: что в самом деле без deminuent'ности зла как-то нет и *жизни*.

Что должно стать «что-то поменьше» — и тогда вот выйдет «жизнь», а не одна столпообразная добродетель. «Зло» таким образом входит в *гибкость* жизни, глупость жизни: и конечно же это есть *благость* ЖИЗНИ. «Живое лицо жизни». «Без порока нет добродетели»... Тени. Опять — тени. И опять «солнце» и против него «стоит человек». И вот — грехи и Бог. Тогда, переходя к любимейшей моей жене, не обратим ли мы внимания на странность, что «тогда как нет благотворнее ее ничего» — нет вместе и ничего «скрывае-е-е ее»... И «всем нравится», от всех «сокрыто».

* * *

СОЛНЦЕ И ФИЛОЛОГИЯ

Поразительно в истории воображений человеческих и филологии человеческой сохранение суждения человеческого, — очевидно, вытекающей из вечной истины:

что ведь мы сравниваем Христа с солнцем...

а солнца с Христом — никогда не сравниваем.

Но то, к чему что-нибудь другое приравнивается — выше приравниваемого; приравниваемое лишь достигает до него, или пытается, хочет, вожделеет достигнуть.

И, таким образом, в филологии и памяти людей сохранилось (читаем в «Ирмосах» и «Кондаках» церковных песнопений) и не отвергается, что Солнце выше, идеальнее и законченнее Христа.

Действительно, — закончено.

О, если уж что «закончено», так это солнце.

Держит землю.

Планеты, мир.

И эти чудесные около него вращения.

Чудо. Могущество. И благо.

Благое солнце! благое солнце! благое солнце!

Как люди забыли!

Как неблагодарные они долго не вспоминали.

Грусть о Солнце. Можно ли грустить? Попробуем.

«Солнышко зашло и что-то грустит к вечеру?»

Вполне возможно.

О, будем говорить.

И будем немножко скакать к солнцу. А уж согреть-то христианские руки в нем — непременно.

* * *

СОЛНЦЕ — РАСТЕТ

Главная, *самая главная* тайна Солнца, что оно — еще *растет!* Кто мог это думать, не только разгадывать, но даже и загадывать. Между тем и в этом *только* живут все его необъяснимые, поистине *сверхъестественные* тайны: что оно столько *работая* — не истощается, не истощимо!! Буквально, как и «отец», который только «радуется» рождая, а не устает, не меркнет, не ослабевает. Солнце вечно «с новым годом», с «новым счастьем»... Отсюда — зори, радость, «восход». Вся картина «утра». И сотворил Бог «утро» и сотворил «вечер», «день первый». Откуда — *утро-то?* А — есть. Солнце объясняется из «картин» его, из «целого»... Из синтеза и мудрости, а не из анализа и глупостей. Из благости и благотворности. Объясняется из того, что у меня есть «огород» и я «пашу». А не из Коперника и Лапласа. Оно — *вырастает* и вот *энергия-то роста*, «больше» и «больше» самого солнца, массы его, света его, тепла его, и делает его, что оно не худеет, не бледнеет. Это «завтра» солнце и идет на *работу*, оно вечно «с брюхом», «брюхато» и потому не тухнет и не может потухнуть. Будь солнце «во времени» и оно потухло бы как всякая «временная вещь»: но оно — не «во времени» и вот его еще тайна оно в ЕСТЬ, и его ЕСТЬ — вечность, непрерывность, «сый». Именно оно — отец: побольше всякого отца, однако с качествами настоящего отца: с рождаемыми лучами, с рождаемыми детьми и «духом святым». Какой чистый дух — утро. Чуждый еще пыли и суеты. И — утреннее дыхание. И дает «ночь», «сон» — усталому человеку. «Сон» и бодрствование. Что тут знает Коперник: больше знает старая бабуш-

ка. Так вот что значит: t° «не может быть выше» для существа в его *объекте*, но не для существа в его *субъекте*. В «субъекте» жизнь может быть бесконечно горячего и не сгореть: как и страсти пламенеют, но человек «не стареет». Так вот почему растения поднимаются к солнцу; и человек «радуется на солнце». И вообще опять — «вся картина», синтез.

* * *

Социализм заключается в мужестве убить и в мужестве ограбить.

И только тот, кто имеет эти два мужества, — делается социалистом. «До-селе он поросенок», управляемый полицией.

~

Да что же такое написал Тургенев, этот «изящный Тургенев», этот «примерный Тургенев», как не ту же матерщину, обсмеявшую русскую улицу, которую написал в «Что делать» Чернышевский.

И когда Чернышевский «на правах детей» заехал в рыло Тургеневу, то ведь это было по существу и исторически основательно. Тургенев «по обязанности учителя» и молодого человека — извинился. Я видел его извиняющимся студентом в 1881 (или 79 году) в Москве. Он сюсюкал. Он долго и со счастьем сюсюкал перед студентом-медиком Викторовым, помню его гимназистом симбирской гимназии, в 1871—72 годах. Адмирал Дубасов (или Шестаков?) сидел в первом ряду кресел, и нервно двигал ногой. «Но ничего нельзя было поделаться» Историческая минута.

Доблестные потомки татар: КАРА-мзин, АКСА-ков, КИРЕЕВ-ский еще не приходили Или — уже ушли в могилу. По-видимому, суть спасения России заключалась в том, чтобы «татары окончательно победили» и, победив, вошли ВНУТРЬ РУСИ Они же остались на стороне, в Золотой орде: добродетельные, чистые, невинные, БОЖНЫЕ. Тургенев же и Чернышевский — это обычное русское слюнтяйство и нигилизм.

Жуковский благородный — это тоже сын помещика и *пленной турчанки*. Благородное на Руси — все от татар. Славянская кровь — вонюча. Ах, так вот откуда: «придти и владейте нами». Русские были покорены татарами раньше, чем родился первый татарин. «An und für sich», «для себя и в себе» Русь — ничто.

* * *

СПАСЕНИЕ МИРА

Благоговение, благоговение, благоговение...

Вот что очистит мир и от недостатка мир крушится, цивилизация гниет.

Все загрязнено... все оподлено нашим цинизмом к миру. Спасение начнется с «Величит душа моя Господа и обрадовался дух мой о Боге Спасе моем», и — с церковного: «Горе имеем сердца»...

- Человек, взгляни на **Солнце**.
- Человек, взгляни на **Мир**.
- Подними вообще очи, — о, подними!!
- Не опуская никогда их!!!
- Выше, выше, выше, в гору, в гору, в гору!
- Древние храмы, языческие, и строились обыкновенно *на горах* (Парфенон, храм в Самосате малоазийской).
- Сущность религии — в поклонении, в *преклонении*. В том, чтобы *стать на колени*.
- Вот, вот, вот: *на колени*, человек, иначе ты не спасешься.
- Загниешь, сгниешь.

Но где же «начало мира», «начало Космоса». Это — Отец... Вообще — Отец... «Рождение». *Initium*, начало, и — «начало начал»..

Отсюда-то, именно отсюда — величие обрезания; и — крепость, несокрушимость его. И — что евреи живут, а христиане проваливаются. «Никакой еврей не вздумает порнографить о поле», а христиане только и делают что порнографят о нем (уличная брань).

* * *

СРЕДОТОЧИЕ

Между ТОРОЮ (книги Моисеевы) и АПОКАЛИПСИСОМ Евангелие расплющивается в совсем ледяную книжку.

«Вышел сеятель»... «сеяти притчу»... и «посеял» или «не посеял» — ей-ей это все равно.

Это все интересно для Григория Спиридоновича Петрова и для графа Толстого, — с их педагогическими упражнениями.

— «ЕГДА ИЗРЫГАЛ МИРЫ»... а — это ДРУГОЕ... И Синай — дрожал. И народ — В СМЕРТЕЛЬНОМ УЖАСЕ. Совсем, совсем иное.

Евангелие все как-то сделано, скомпоновано иначе. Что-то именно чувствуется уж очень человеческое. Даже не взрослое, несовершеннолетнее.

ЗАЖАТОЕ между Апокалипсисом и Моисеевыми книгами — Евангелие не представляется таким значительным. Нет СОТВОРЕНИЯ МИРА. Тогда как не только в ТОРЕ, но и в Апокалипсисе даже чувствуется то НАПРЯЖЕНИЕ МЫШЦ, как вот именно СОТВОРЯЕТСЯ МИР, сотворится ЕЩЕ ВТОРИЧНЫЙ МИР (Апокал.).

Рев. Гроза. Страх.

Тут именно и лежит та тайна (и это, конечно, тайна *ужасного беззакония*, в таком случае), что Христос мог именно произвести *пертурбацию* в планете, «потрясти мир»: но что он совершенно был, однако, бессилён РАЗРУШИТЬ МИР, РАСКОЛОТЬ ДО НЕБЫТИЯ ПЛАНЕТУ.

Собственно, он именно «отнял Израиля» у «человечества» — рассеял их, разъединил их. Отнял «израильское утешение» у человечества и собствен-

но самого Израиля подверг побоям, погромам. Но больше он был бессилён что-либо сделать. Израиль все вытерпел, все снес — увы, нельзя сказать: «Снес ради возлюбленного своего человечества». Ах, так вот почему «понесут народы на плечах его». И — понесут. Конечно понесут. Боже, какая судьба! Как все рассеивается и «долготерпение святых» и «Аз — последние и первый», «Альфа и Омега» (Бог о СЕБЕ).

* * *

Странно, дико и непереносимо для страны с таким прошлым, как Россия, во время даже войны 1914—15—16 годов совершенно лишена национальной и государственной журналистики и прессы, — т. е. *народ русский и история русская* никак в печатном слове не выражены.

Между тем не только в простонародье, но и в образованных классах у нас есть люди глубочайше преданные России, русской вере, русскому быту, всей русской жизни. Эти люди не имеют чтения и не имеют места, где сказать свое слово.

Русь без языка. С умом, с характером, с судьбою — но без языка.

Языком русским звонит заграница, инородцы; евреи, евреи и еще евреи, и — немцы.

Это положение не только гнусно само по себе, но оно со временем может стать и опасно. Да оно опасно уже и теперь. У России есть материальные интересы, торговые, промышленные. У нас есть неисчисляемые естественные богатства. Все это переходит более и более не в русские руки и оправдание себе находит в том, что уже вся Россия стала какою-то нерусскою.

Школа, самое управление России — все это находится под каким-то обаянием Запада, в частности и особенно — Германии и евреев. Хотя евреи — азиатская раса, однако они внешним образом ухватились за европейские шаблоны и именно стали пропагандистами их; опошлители и затем пропагандисты.

На Россию ежедневно валится громада не русских впечатлений, не русских мыслей, не русского сердца и часто внешним образом, захватив в свои руки печатные станки, эти впечатления и мысли решительно одолевают русскую душу.

* * *

СТРАННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Нужно обратить внимание на то, что хотя и само собою разумеется, однако же многим совершенно не приходит на ум: что мир управляется со времени «Вознесения Христова» вовсе не Богом, а Христом. Как о чем вопрос, как если что решить потяжелее и задумчивее, посерьезнее и глубже, так спрашивается об одном: «Как же Он думал», и даже просто: «как Он сказал?» Отчего и самый мир называется «христианским», а самая наша цивилизация именуется не «Божией цивилизацией», что было бы очень возможно фило-

логически и хорошо по смыслу, не — «Божьим миром человеков», что просто похоже на рай и как будто обещает рай, а — «христианскою цивилизацией». Она включает в себя королевства, империи, — включает много законодательств и юристов, удобно и неудобно толкующих законы, — для одних удобно и для других неудобно, и вообще очень много «не-Божьего». Хотя нельзя сказать и никто не говорит, чтобы в то же время это было «не похристиански». Нельзя сказать «Божий юрист», но можно сказать — «христианский юрист». Гладков, 67-ми лет юрист, всю жизнь занимается переложением и истолкованием Евангелия, и я еще вчера читал его.

Также М. П. Соловьев всю жизнь рисовал сюжеты миньятюры «на евангельские темы», а он был юрист. Победоносцев — тоже юрист. Целая школа юристов занимается, — и воздвигла, — церковное право, церковные законы. И вообще, принято и установлено и так все согласились, что «юриспруденция и евангелие», «юриспруденция и христианство не совместимы».

Но — «Божий юрист»: как-то странно. Странно в словопроизношении и в понятии. Даже более: «Божий мир» может быть, а «Божьей цивилизации» не может быть. «Цивилизация может быть только христианской». И в этом-то все и дело. Невероятно, что если бы вся тянулась тавтология «Божий мир», — все тянулась, все тянулась, еще тянулась: то, может быть, она и дотянулась бы даже до нашего времени. Мужчины ходили бы без панталон, а женщины в одних рубашках. Т. е. цивилизация была бы нага и безбоязненна и ерсо, этим одним, была бы не цивилизация, а один «Божий мир», «скотье царство». «И бе люди невинны и чисты якоже и скоти».

Но «пришел Христос», «вознесся», — и когда «вознесся», то началось это странное явление, которое мы и называем «цивилизацией». И одною из разительных особенностей которой является то, что «людей Божьих» вообще мало. «Юристов много», «панталон очень много», а людей «невинного скотьего образа» — странно мало.

И еще одним из последствий того, что «Божий мир» начал именоваться «христианским миром» — явилась гордость, уединение и противоположность другим. Например, Иов: неужели он не верил в Бога? Да он видел Бога, знал Его. И — Сатану и всех ангелов и аггелов. Однако с тех пор, как появились христиане, они начали «захватывать всю веру себе», «всю религию себе». «Мы», а «до нас — ничего». Это — постоянное чувство христиан. Еще Иова они «захватывают», допускают: однако по смешному основанию, что Книга Иова переплетается или берется за один корешок с Библиею, а через это и за один корешок — с самим Евангелием. На самом же деле Книга, в которой изложены несчастья и жалобы Иова, хотя она написана, правда, еврейскими буквами, но там рассказано вовсе не об еврейском человеке и не еврейское событие. И в Иегову или Адоная, «Бога Израилева», Иов не верил и его не знал. Но как еврей еще не знал христианства, они не были «христианами»: то и не затруднились нисколько счесть Иова как бы «своим человеком» и «веру его» признать «своею верою», хотя он Иеговы, — *сознательно для самих евреев*, — не знал. Я сказал, что для Иова мы делаем исключение, но

собственно — по исключению, сделанному евреями. Но уже Пасху мы не хотим есть в одно время с евреями, даже несмотря на то, что Христос ее ел в еврейском доме и вместе с евреями. Но зато, кроме Иова, мы о всех вообще других людях земли учим и чувствуем, что они «не знали истинного Бога», и почти в этом смысле, что «у них не было Бога», они «не имели Бога». Между тем это скорее мы с юристами и плиссированными юбками не знаем Бога, чем соседи Иова в южной Аравии, или чем моавитянка (т. е. тоже несколько не поклонявшаяся Иегове) Руфь.

Таким образом, — странным образом начиная с «вознесения Христова» потерялся мир народный. Мир ласковый, скотий, Божий. «Цивилизованные люди» стали всех других считать «безбожниками», «дурными» и т. д. — и, оглянувшись, «безбожники», право, могли бы ответить:

— Это вы потому, что в панталонах и юбках. Но ей-же-ей, не в одних панталонах и юбках нравственность, добро и вера.

В самом деле:

Руфь.

Иов.

* * *

СТРАННЫЕ ВОПРОСЫ

От пороков Ипполита Курагина, смешного и жалкого лица в «Войне и мире», ничего особенного не произошло. И от бессмыслицы его — тоже ничего особенного. «Одним дураком больше — что за беда». Но от добродетели Толстого затрещала Россия. И от ума Толстого Россия тоже треснула.

Что за диковины. А диковины эти — реальны. «Вот — щупаем».

~

Пороки христианские часто бывают отвратительны. Но чего совершенно нельзя вынести — это добродетелей христианских. Вечного хныканья и вечной филантропии.

~

И замечательно: чем больше кормят голодных, тем голодных больше и больше. И чем больше основывается больниц, тем больных еще больше. Вот-вот: и христианство все обратится в один сплошной лазарет. С мелькающими сестрами милосердия, в довольно изящных костюмах; и — в Лазаря болящего, в которого обратится мир.

Замечательно, что чем мир христианский больше усиливается к добродетели, тем он становится гниlostнее и зараженнее. Таинственно, что «Христос так благ», но из благодати Его растет одно зло. Ну, что лучше Нагорной проповеди? Но, поистине, блаженно ухо, которое ее не выслушало.

Но отчего? Отчего? Отчего «Единый безгрешный» прошел по миру: и мир странным образом зачах.

* * *

СТРАННЫЕ
МЫСЛИ
СТРАШНЫЕ

«Посредничество» есть не только не низменное дело, но гениальное из гениальных. Что такое «торговля», как не «посредничество» между производителем и покупателем, — и всемирная, всякая, и оптовая, и мелочная торговля. «Везет из страны в страну», «из Буэнос-Айреса» в «Испанию», «выменивая на слоновую кость у негров» ту «красную материю», лоскуток ее в полтинник, которая так нравится черному голому дикарю. И финикияне, которые задумали быть первыми «посредниками», — связали все страны, — связали все между собою народы, и были первыми (однако после уже Деметры) цивилизаторами земли (планеты).

За ними — евреи.

И принесли богатство всем народам, обогатившись первыми сами, конечно. И отлично. Это есть величайшая гармония между эгоизмом и братством, — без отрицания эгоизма и без отрицания братства, — прекрасная, благородная, тихая, — не то, что подлое нищенство, где нищий Лазарь, кланча на дороге, «лежит на плече ближнего своего». Всякое нищенство есть подлая эксплуатация и всякий нищий есть эксплуататор.

Теперь, что же сделал Христос? Ведь он был «Примиритель» — по идее. «Донде не придет Примиритель» (пророчество). Так и принимают, и принимали. Но это — мечта и обман. Однако — продолжим свою мысль. «Посредничество», и настоящее, есть, конечно, в то же время факторство. Конечно. О, слишком конечно. И Христос был или показался «фактором между небом и землею».

«Если бы»... о, грустное «если бы». Так это и вытекало из смысла финикианства и преемственно еврейства, что «придет некогда фактор, который соединит небо и землю, соединит, примирит, обогатив землю — небом и небо еще прекрасною, тоже обогатив, землею-планетою». «И станут небо и земля жить как одно». На самом же деле со скопчеством, с Лазарем, он поссорил землю и небо и противоположил их. Противоположение «земного» и «небесного».

Именно, древний-то мир был гармониею неба и земли, откуда и происходила эта чудесная небесность античной жизни, как и Эдема евреев.

Сейчас же уже об Эдеме, о *первом рае для человека*, сказано: «И золото той земли хорошо». «Гам оникс и камень бдолах». Как бы показано, с первых слов сотворения и в первых строках Священной летописи человечества (Библии): «поторгуй ими», «обмени бдолах на оникс и обогатись сам». (Как

и потом, в пророчествах, пророки вечно заботятся о верной мере зерна, о правильной уплате.) И вот, как бы принимая оборванную нить в руки, Апокалипсис (какая разница с Лазарем!!!) еще безмерно утолщает ее: уже не «золото той земли (рая) хорошо», а самые стены «Небесного Иерусалима» соделаны «из золота», и ворота — «из жемчуга». И это — в гармонии, смотрите, читайте. Если сказано о рождающей жене: «под ногами ее — луна, и вокруг ее — двенадцать звезд», и сама она «облечена в солнце», то продолжением и дальнейшим развитием служит:

«И вознес меня, — говорит Тайнозритель, — в дух на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога

Он имеет славу Божию. Светило его это подобно драгоценному камню, как бы камню яспису кристалловидному.

Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот.

С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот.

.....
Стена его построена из ясписа, и город был чистое золото.

Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями. Основание первое — яспис, второе — сапфир, третье — халкидон, четвертое — смарагд, пятое — сардоникс, шестое — сардолик, седьмое — хризолиф, восьмое — берилл, девятое — топаз...

Прямо как слышишь: «Поторгуй! поторгуй!.. Нет, слышишь мелодическое, призывное, от Сидона и Тира, от Александрии: «Торгуй и *обогащайся* торгом; ты и сыны твои, и братья; и — обогащайте и прочие народы...»

«Десятое — хризокрас, одиннадцатое — гиацинт, двенадцатое — аметист...

А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин. Каждые ворота были из одной жемчужины, улицы города были чистое золото.

Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель — храм его.

И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильники его — Агнец.

Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою.

Ворота его не будут запираются днем; а ночи там не будет.

И принесут в него славу и честь народов.

И не войдет в него ничего нечистое, и никто преданный мерзости и лжи...»

Теперь-то, после этих испепеляющих слов о «Лазаре» — мы уже можем сказать — о «лжи Иисусовой».

« а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни

И показал мне [Ангел] чистую реку воды жизни, светлую как кристалл, исходящую от Престола Бога и Агнца

Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз в год приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья его во исцеление народов.

*И ничего уже не будет проклятого, но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить ему
И узреть лице Его, и имя Его будет на челах их
И будет царствовать во веки веков»*

«Небесный» (Иерусалим), *потому что* и «земной»... И чем *гуще*, чем *крепче* врос в землю, тем *крепче и выше* врос, поднялся в небо... Единые, *свинченные* небеса и земля... *Неразрывные*; а неразрывность-то и продиктована в обрезании, знаке и как бы «зарубке» на древе жизни: «*Помни, израиль*»; но... «*помните и все народы, если хотите спастись*» ..

О, не худоба народов, — не счахлость, не зачахлость их нужна небу: а чтобы и самые и племена, *все народы и все племена* .. расцвели в полный сок и жизнь... Как и сказано при заключении завета.

«И выведя ночью Авраама из шатра его, сказал Бог: «Потомство твое будет как звезды на небе, как песок на берегу моря ..»

«И вот кто *этому* поверил, *крепко поверил*, — тому уже не была соблазнительна убогая песнь о Лазаре, собирающем по дороге милостыню. .

Как все падает одно в одно: скопчество и Лазарь; «камень бдолах» (рай), обрезание, «Небесный Иерусалим из золота».

Правое, левое...

И «они» — направо... Мы же, плачущие и скорбные, мы же *в тайне завидующие, и друг другу, и богатым особенно*, — и кажется с завидованием смотрящие и на цветущий сад, и на всякое *крепкое* дерево, и на эти рассыпанные с неба звезды... О, до чего мы «левые»...

И все «левее и левее» кривит колесо... Вот упадет, упало, кончено

«И свернулось небо как свиток», — говорит Апокалипсис. И попадали «*святые наши*», как груши с засохшего дерева. И не обрызнет их «*вода жизни*», — вода, от которой они же отказались, которую они же проклинали...

* * *

СЫН

МИР и есть Дите Божие, как свидетельствует об этом Апокалипсис, в словах, не допускающих сомнения в них.

Нельзя не обратить внимания на то, что для того, чтобы родиться сыну — необходимо и неизбежно, чтобы отец нечто не довершил; чтобы он что-то недоделал, и вообще не имел ПОЛНОТЫ в себе.

В сынах человеческих так это и происходит: сын, дочь — если они не окончательно безличны и странно <безличны> — всегда не походят на отца. Мысль о тавтологии с отцом, не отличимости от него, противоречит вообще закону космической и онтологической целесообразности. Повторение вообще как-то глупо и не нужно. Оно онтологически невозможно.

По сему кто сказал бы: «Я и отец одно», вызвал бы ответом недоумение: «К чему?» — «Зачем повторение?» Нет, явно, что сын мог бы прийти только чтобы *вспомнить отца*, как несовершенного, лишённого полноты, и вообще недостаточного. Без онтологической недостаточности отца не может быть сына, хотя бы отец и был вечно рождающим и даже только в сути своей именно рождающим. Но он рождает мир и наконец имеет дар, силу и красоту рождения, без выражения ее на земле или в истории. Вернее, именно рождает мир, соучаствует всем тварям без исключения в родах их; составляет нерв и нить их родов. Но чтобы «появился сын» как имянность и лицо, то это могло бы быть только, чтобы сказать что-то новое земле и совершить на ней тоже новое. Без новизны нет сына. Сказать *иное* от отца и именно *отличное* от отца — вот для чего мог бы прийти сын. Без противоречия отцу не может быть сына.

Так это и было: «Древние говорят... *а (но)* я говорю». На самом деле это говорили не древние *люди*, но *закон* их, шедший от отца. Возьмем же «око за око» и «подставь ланиту». «Око за око» есть основание онтологической справедливости и наказуемости. Без «око за око» бысть преступление и нет наказания. А «наказание» даже в упрек совести (и в ней сильнее, чем в физике) — оно есть. Оно доходит до муки, до самоубийства. Что легче физика, лоза, показывают между прочим странные слова Ап. Павла: «Бедный я человек, кто избавит меня от сего *тела смерти*». Это прямо слова Каина, и относятся они к вине отмены обрезания. Но вообще говоря, при отмене наказания и «ланите» людям было бы не только не легче, а страшнее, печальнее жить. Справедливость и наказание есть норма, уравновешение и «обыкновенное» жизни, то «обыкновенное», прочное и вечное, что именно характеризует «полноту» отца и его вечную справедливость. Попытка или скорее посягновение поправить «ланитою» справедливость и верное воздаяние привела только к сантиментальности и истерике, в сущности перебурилив и перепутав человеческие отношения, притом совершенно бессильно.

Никто не может отрицать той самой главной тайны «сыновства», что он уже, конечно, никогда не может быть «отцом». Так это выражено слишком очевидно в жизни и поведении «Сына Единородного». «Сын предвечный» — согласимся *со всем богословием* — есть *eo ipso* «Предвечный скопец». Беззерность есть следствие беззёрного рождения. Безсеменное зачатие могло передать вид, форму человека, но беззёрного же. Вечный скопец; нет, больше, опаснее: предвечный скопец. Что же в смысле РОСТА, БУДУЩЕГО — содержит он? Он именно и специфически не содержит роста и будущего. Т. е. в смысле истории? Могила истории. Могила, которая *пуста*. В которую не легла куколка. И в которой вообще нет самого *обещания*. Вспом-

ним мотылька, куколку, гусеницу. Гроб, который пуст. «И пришла к гробу (которая-то из мироносиц), и увидела, что он — был ПУСТ». Это — именно ничего. Это — ноумен евангельской истории. Что же такое самая эта история? Пустота уже и при жизни, или — при кажущейся жизни: как не сказать. Отсюда — изнеможение. И что Христос «жил и умер» как «изнемогший». В сущности — Он вечно умирал. Но почему? но как? Безсеменное зачатие, нет «зерна». Предвечное скопчество. Кто вообще не может быть отцом, в ком сыновство дано не в феномен, а в ноумен — естественно может ли что-нибудь породить? И он ушел «не для рождения». Какие же «последствия»? Странно, «какие». Да — никаких. Бесплодность, пустота. «Христианской истории» — и не может быть: раз «история» — значит антихристово. «Нет истории» — вот это тогда «Христово». *Ens historicum*¹ — Анти-Христово; *ens* Христово и *anti-historicum*. Т. е. христианской истории не только нет: ее предвечно и быть не может: и уже по этому одному

— Бесшумно несутся миры, —

ее и не было. Все, что было когда-либо на почве Европы — все, все, все это было «анти-христово» в ноумене. Все же что было «христовым», было вкапыванием в Землю.

* * *

ТАИНСТВЕННЫЕ СООТНОШЕНИЯ

Берегу как «зеницу ока» прекрасную, даже прекраснейшую книгу Иллюстрова: «Русский народ в его пословицах». Прочел о сборнике «Русских сказок» Смирнова статью Крючкова в «Книжном угле». Там же в *первую* голову названным прочел об Ончукове, собиравшем, должно быть, «Онежские былины». Ончукова я лично знал. Работал в «Нов. Времени». Молоденький, — и лет 6—8 назад, когда он мне подарил как компатриот, по газете, он не имел бороды и усов и выглядел совсем мальчиком. Задумался... и сказала мне страшная вещь: «Э, народ болтун. Праздный, бездельный народ». Подпирает эту мою мысль наблюдение, сказанное мельком у нас за чайным столом Вас. Вас. Андреевым: он ездил с оркестром балалаечников в Англию, как бес умен и <...> песен и выписывает музыку из-за границы. Зато какие чудовищные станки. Фабрики. И вся стоит на каменном угле.

— Золотая земля. Бриллиантовый народ. У них и Бэкон и его «*Instauratio magna*», «*De augmentis scientiarum*» и «*Novum Organon*»². «Да, это уж не «*О понимании*» Василия Васильевича». Я плакал.

И царство наше свалилось также, как не появилось философии.

— Лучина моя лучина.

— Лучина березовая.

¹ Историческая суть (сущность) (лат.).

² «Великое восстановление <наук>», «Об успехах наук», «Новый Органон» (лат.).

И дымит, дымит она. Пока прядет пряжа шерсть, чтобы связать чулки мужу. Вонючие. «Нет, Селиваном от Руси с Владимира Святого пахнет». Я плюнул.

Плевое царство. Плевая история. Я вспомнил книгу Чаадаева в великолепном издании Гершензона и в более скромном издании А. И. Кошелева, которое купил еще студентом под Сухаревой (главный, *прелестный* «Книжный угол» в Москве, теперь верно уже секвестированный). Впрочем, это я *Киреевского*, Ив. Вас., купил, в издании славянофила же А. И. Кошелева. И смешал с Чаадаевым, так как Гершензон же издал и Киреевского в «Пути». Все — путаю, путаный философ и путаный писатель. Ну, так как же: Чаадаев, Киреевский. Явно, Чаадаев прав *с его отрицанием России*, которая умеет только пускать сопли на ту дудку, которую держит во рту.

Цыля дудка моя
Да уж я ..

Вспомнил я великолепную музыку Вас. Вас. Андреева.

— Все русское — дым (Тургенев).

И я вспомнил *физиологически* отвратительную фигуру этого господина, как видел его единственный раз в зале Московского дворянского собрания (реквизирована?): это было в 1883 (или около того) году Тургенев «оправдывался» перед студентами, а студент Викторов, медик, с чудовищно большим венком, стоя задом к Тургеневу и напирая на него этим задом, говорил «к публике речь», миря его с этою публикою.

Все зрелище было до такой степени отвратительно, за студентов до того было стыдно, что если они не сумели выбрать никого «для сей торжественной минуты» лучше, чем этот неделикатный Викторов с его крикливой, пошлой, глупой речью...

— Кто его выбирал? Кто его выбирал? — спрашивал я мучительно вокруг.

Никто не знал. Без сомнения, он «назначил сам себя», как хвастун, как нахал, — и затем какой-нибудь кучке политиканов-медиков предложил «утвердить себя». У нас нет «*Habeas corpus*», «*Magna charta*» etc.¹, мы в истории только «бедные импровизаторы», как и эти нищие итальяшки («Египетские ночи»).

Физиологически отвратительное Тургенева заключалось в том, чего совершенно не видно на портрете, как известно — скорее поразительной красоты, гармонии и изящества: его крупная голова сидит не только на более крупном, но — неизмеримо более крупном теле, которое точно все распухло как у покойника-утопленника. Тело его, фигура его до того огромна, точно это какая-то мебель, а не живой, настоящий человек; точно это «простран-

¹ «Закон о неприкосновенности личности» <1679>, «Великая хартия вольности» <1215> и т. д. (лат)

ство человека», а не его обычная, нам привычная фигура. «Этот человек мне застит глаза», «этот человек мне застит солнце», — «позвольте, мсье Жан, мне за вами ничего не видно», должна была говаривать Виардо, особенно в приемные дни, когда она должна была рассматривать, видеть и следить за гостями.

И вот этот пухлый господин сделал столько же зла, сколько и тощий Чернышевский. Оба били в одну точку, разрушали Россию. Но в то время как «Что делать» Чернышевского пролетело молнией над Россией, многих опалив и ничего, в сущности, не разрушив, «Отцы и дети» Тургенева перешли в какую-то чахотку русской семьи, разрушив последнюю связь, последнее милое на Руси. После того, как были прокляты пампушки у Гоголя и Гончарова («Обломов»), администрация у Щедрина («Господа Ташкентцы») и история («История одного города»), купцы у Островского, духовенство у Лескова («Мелочи архиерейской жизни») и наконец вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Этот самозабавляющийся прощельга и произвел революцию? «Что же мне *делать*, что же мне *наконец* *делать*». «Все — *вдребезги!!!*»

Отсюда и произошла революция.

* * *

ТАЙНА

Бессеменно-зачатый,

мог ЛИ
нужно ЛИ

и для какого бы ДЕЛА нужно было

И САМОМУ Ему иметь В СЕБЕ, заключать В СЕБЕ,

НОСИТЬ семя. Нет, если уж что, то семя не может быть ПУСТО, ДЛЯ пустого, оно не может быть для «НЕТ». Семя для «нет»? Чудовищное «нет», подьемлющее волосы страхом кверху. Ужасы, ужасы; ноумены, ноумены. Знаете ли, что «ГНИЮТ НОУМЕНЫ» в подобной мысли. А ноумены ли гнили? Поколебались бы ОСНОВАНИЯ ЗЕМЛИ...

Таким образом, «слова Его о скопчестве странны, страшны. Поистине, сказать можно всячески и о всяком. Положи себе ОБЪЕКТОМ и ГОВОРИ О НЕМ. О, нет, нет, нет. Не это страшно, не это странно. Но поистине, в целой космогонии, вот если даже и залететь за Сириус, и пролететь по всем пространствам уже вокруг Сириуса, и пролетать целую вечность, то мы не встретим ВТОРОЙ ТАКОЙ ЖЕ книги, как Четвероевангелие, как все ЧЕТЫРЕ, как бы по странам горизонта устроенные и всем странам горизонта трубящие весть, что

семени больше НЕ НУЖНО

у семени нет больше никакого ДЕЛА

и что в сущности и в тайне вещей семени больше и НЕТ,

что оно только ПОКАЗАЛОСЬ,

а на самом деле оно-то именно и есть ТЕНЬ, небытие.

Не странно и не страшно, — продолжаю я свою мысль, что скопчество взято ОБЪЕКТ'ом слова Его: но поистине страшно и во всей космогонии единственно, что есть такие четыре книги, целых четыре, САМАЯ ТКАНЬ СЛОВЕС КОТОРЫХ бессеменна совершенно, бессеменна полно, бессеменно и абсолютно. Какое бы-нибудь ВОСКЛИЦАНИЕ — и мы узнали: «ЕСТЬ семя». Кто бы-нибудь упал, свалился — и мы бы опять узнали: «а, тут — семя». Это — случай, «малое», «быть». «Слава Богу», «наше», «земное», «здешнее». Ничего — здешнего, ничего в сущности космогонического. И вот это-то и СТРАШНО, и СТРАННО. Что четвероевангелие есть совершенно А'КОСМИЧЕСКАЯ КНИГА, чудом залетевшая из какой-то МГЛЫ, ТЬМЫ. И что собственно поставлен вопрос: МИР ли есть тень... о, БОЖИЙ мир... Или есть, наоборот, тень ЕВАНГЕЛИЕ и тот таинственный ХРИСТОС, которого оно облегает...

« — Кто из вас не имеет греха — пусть первый бросит камень в нее». Нет, лучше, проникновеннее, пронизательнее до сердца человеческого:

«Иисус же чертил что-то на песке. И когда опять спрашивали Его книжники и фарисеи: «сия женщина (замужняя жена) взята в прелюбодеянии: что скажешь сделать с нею?» — То вот он, «чертивши» — и «начертал золотое слово», которое поднявшись на фон христианского неба — образовало в нем лучший бриллиант и звезду.

О, какой бриллиант... о, какое милосердие...

.....
.....
.....

И пришел юноша богатый ко Христу. И сказал:

«Господи: я исполнил ВЕСЬ ЗАКОН. Даю нищим... Милосерд... кроток... ЧТО МНЕ СДЕЛАТЬ ЕЩЕ?»

Иисус же, отвечав, сказал ему: «раздай ВСЕ ИМУЩЕСТВО бедным...» И *опечалился* юноша. И отошел от Иисуса. Он же, посмотрев вслед ему, изрек:

«Истинно, истинно говорю вам: легче верблюду войти сквозь игольные уши, нежели БОГАТОМУ ВОЙТИ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ».

Ученые же стали комментировать: понимает ли под «верблюдом» *животное* верблюда, или — *канат из верблюжьего волоса*, грубый и толстый.

И не заметили: что Сострадающий к прелюбодеянию *замужней* женщины и Непощадивший человеческого благосостояния, двумя всплесками серной кислоты выжег два глаза человеческого счастья.

Мирный покой домов, мирное счастье семьи человеческой, образовав на месте ее — клоаку, вонь и заразу так называемой «христианской семьи».

И — завидующие глазки «христианских соседей».

* * *

Так. образом, ко времени пришествия Христа, — по точному предсказанию Даниила, Иерусалим был наполнен вовсе не «мессианскими ожиданиями» (суждения наших богословов, истолкователей Священного Писания), а, напротив: полон был ужаса о предреченной гибели города от анти-Мессии. Ждали — анти-Мессию. И когда в Иоанне Крестителе появилась первая проповедь, что дерево не приносящее доброго плода, — порубается, и вот секира уже лежит у ног Иерусалима: то Иерусалимляне содрогнулись первым смертным содроганием: «Вот приходит наша гибель». И затем, когда также хныкая, — пришел он со словами: «Я пришел для погибших овец дома Израилева», то осталось только бежать от стен города, бежать как можно дальше, как можно поспешнее, вот сейчас, эту минуту, эту ночь. Не доделывая дел своих, не надеясь на «завтра». Всякое «завтра» уже исчезло для Иерусалима.

Все это до того очевидно, что «Владыке-Христу» надо было кинуть на поприще истории совершенно свежую волну народа, а лично себе набрать в Апостолов и учеников людей рыбного промысла, ничего не сведущих в Писании и никогда им не занимавшихся: дабы одних и других убедить и себя, что Он был «страдалец, погубленный злым народом», а не наоборот: что он пришел на народ, очищенный от греха страданием, — дабы во всей чистоте, поистине в белой одежде невинности — погребсти его под развалинами города. Вообразить, что «Иерусалим» должен был принять за «Мессию» разрушителя этого самого Иерусалима, и разрушителя самого племени священиков — это до того «вселенски»-глупо и «кафолически» глупо — что только... «прекращением жертвы» и можно объяснить такие ошибки.

Дифирамбы, дифирамбы, дифирамбы...

Восстает из гроба Иуда. Пробуждается и Ветхий деньми Египет.

Все новое. Сгибнет Европа. И уже погибает. О, не надо ее. Не надо этого чудовищного безбожия. Священный лотос благоухает. Руфь моавитянка вновь собирает зерно на полях Вооза. И где-то кто-то срывает папирус между Иорданом и Нилом.

* * *

ТЕНИ

Стою за службою в церкви Красного Креста. Стою, слушаю, вижу. И мне кажется, что ничего этого — *нет*, как нет

$A = \text{НЕ-}A,$

т. е. по логике — нет, а следовательно — и исторически тоже нет этого. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

Прежде всего, нельзя не поразиться, что на монетах Константина Великого, коих сохранилось так много, что ими можно мостовую мостить, нет ни

одного, — так-таки решительно ни единого «христианского символа», как равно и на монетах с изображением Св. Елены. Везде (т. е. у Константина) — *solı invicto*, т. е. культ Митры. Наконец, есть монеты *погребальные*, но и там — два изображения: одно — в грустной траурной тоге, но — совершенно языческое; другое: как он, подобно Илье Пророку, уносится в небо на колеснице. Везде, однако, изображения языческие: это — квадрига, четырехконная языческая колесница, уносящая в небо императора, который по сумме монетных изображений как будто и не становился никогда христианином.

Что же такое и о чем написано у Евсевия? Принятия христианства как будто никогда не было.

Затем, меня прямо томит эта мысль: что принятия христианства никогда *и не могло быть*, что это религия, что называется, «не статочная».

Прежде всего, когда я шел еще в церковь послушать этот праздник, то мне представилась совершенно кощунственной самая мысль, будто Бог мог быть так безжалостен к человеку, чтобы оставить его вовсе без религии, вовсе — «не открыть Себя» целых 4000 лет, т. е. дольше, чем сколько тянется христианство? Возможно ли это, и мыслимо ли по жалости Бога к человеку, возможна ли такая бессмыслица? Но и затем Меня в самом деле смущает мысль: а как же физиология? Христианство — оно все «чистенькое», «книжка», и в нем ни испражнений, ни роженицы — нет. А «Отец» — Он Бог, т. е. «тот Единый Бог, Который и есть», будем ли мы изображать Его в гиматие и со скипетром, и с орлом у ног, как греки, или как египтяне — в виде Озириса-Онуфрия, т. е. сидящего и одетого, но тоже «на престоле» (очевидно, это то Озирис-Онуфрий, «уже без физиологии», и послужил источником и началом и Зевса-Этофора, и Юпитера у римлян, т. е. «сидящего и одетого»): но в основе-то, мы знаем, у египтян, как и у греков, с римлянами вслед их, Бог имеет изображение именно физиологическое, рождающее как Свое «первозданное». Бог — он ОТЕЦ, и это — ПРЕЖДЕ ВСЕГО. Что же мы видим у христиан? Бог у них именно — НЕ отец, и это — прежде всего. «Бог есть Дух», с этого начинаются все катехизисы. «В Боге — крови нет», «Бог — бескровен», вернее — Он «обескровлен», и именно у христиан, у христиан у первых. Не понимаю: или я сплю и вижу все во сне, или христиане все спят и все видели только во сне и увидели какого-то странного Бога — бескровного. Откуда же кровь, первое начало мира, из которого все и рождается. Ибо уже из крови — семя, или точнее — семя есть энтелехия крови: кровь *есть*, потому что *будет семя*, кровь создана, чтобы потом *породиться семенами*. Явно, что Бог не только кровен, но и слишком кровен, полно-кровен. Бог именно — Семя, как и изобразили первые египтяне, «*cum phallo in statu ejectionis*», как их открытый Озирис. Да иначе и быть не может, потому что откуда же иначе взялась жизнь? Что же христиане нам проповедуют о «БОГЕ ДУХЕ СВЯТОМ»: он — не только не «Святой», а это есть просто *мнимость*, т. е. его просто — нет. Христианство есть именно «мнимо», а не «религия». И это в конце концов не только космологически, но и нравственно: в

самом деле, что за «отец», который гнушается своей «рождающей дочери»? Это — не Отец, а чужой, посторонний, проходящий мимо человек. Очевидно, в безфизиологического Иисуса христиане поверили как «в проходившего мимо человека» вследствие какой-то красоты слов. Христос совершенно чужд миру и идет мимо его, идет именно «в погибель», как и речет Апокалипсис: так как это «Дух», т. е. одни «разговоры». Акосмический, афизиологический Христос миру просто не нужен, и если бы он «пришел», то «не знаю, зачем приходил». Христианство именно — марево, мираж. И его — не может быть. Это

не-А,

которое вздумало быть

А.

Не только не «Альфа» и «Омега», но даже никакая из промежуточных маленьких букв.

Что же такое совершилось и что такое христианство? И вот эта обедня, которую я слушаю. Я слушаю ее и берусь за руки, пробуждая себя, думая: «Не сплю ли я?» Но — нет, не сплю. Значит, «все спят люди и ничего не видят». Кажется, христианство приснилось и только приснилось человечеству: как и речет Апокалипсис.

Хорош «Отец», который не хочет видеть рождающей дочери. Это именно монастырь, и Христос основал монастырь. Вот для них он и пришел, «сын погибельный». Тогда понятно, что он акосмичен, что Он есть «Дух». И вообще христианство объяснимо. Конец, точка, смерть. Тогда — Димитрий Сергеевич. Тогда зачем же говорить о Христе, когда можно говорить о Димитрии Сергеевиче и Зинаиде Николаевне, — людях ясных и наших дней литераторах. Это — очевидно и уже никого не может смутить. «Проходите, люди добрые; нам вас не нужно, и вас просто нет».

Дву-заветие возвращается к едино-заветию и, как говорит опять Апокалипсис, возвращается к «песне Раба Божия Моисея», которую поют Апокалиптические человеки. Дело-то в том, что право именно язычество, и ноумен всего его — мозаизм: все возвращается к едино-Божию, после которого неведомо что настало. И вот царство, наисильнее всего поверившее в то, «неведомо что настало»:

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Оно первое, именно первое, и разрушилось. Но оно есть начало падения вообще всей европейской цивилизации. О которой можно поистине сказать, что она «как бы была», а на самом деле «не была». Тенность. Тень. И не более. Посмотрите на монеты. Какая роскошь — там; скудость воображения — здесь. И Аннибалы, и Рим. Гомер и Фемистокл. А Людовики, как и Алек-

сандры и Николаи, — пробежали, как мыши. Только еще Дарвин да Спенсер, да телефоны с телеграфами. «Проходит лик мира сего» (Достоевский) Проходит и уже воистину «прошел». «Будет все новое» (Апокалипсис). Вот — оно и настало. Пришли солдатушки-ребятушки. И начался опять *trivium* и *quadrivium*¹. Расколотили царство и начали опять эпоху средних веков. «Все — новое и сначала».

Бунт Апокалипсиса с этого и начинается. Он начинается с афизиологизма христианства. Бросает этот афизиологизм в Преисподнюю, говоря, что «и история пойдет вслед за этим», что если где нет физиологии, — то какая же будет и история? И вот смотрите, престол Божий:

«И вот — Престол на небе, и на Престоле был сидящий, и сей сидящий был видом похож на камень яспис и сардис, и радуга вокруг Престола, видом подобная смарагду. . И от Престола исходили молнии и громы² и гласы и семь светильников огненных горели перед Престолом И посреди Престола и вокруг Престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади: и первое животное было подобно льву, и второе животное подобно быку, и третье животное имело лицо как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей, и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая «свят, свят, свят Господь Вседержитель, Который был, есть и грядет» И когда животные воздают славу и честь и благодарение сидящему на Престоле и поклоняются Живущему во веки веков, и полагают венцы свои перед Престолом, говоря. «Достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено» (глава 4)

А кончается все родами женщины:

«И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения И другое знамение явилось на небе: вот — дракон. . Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Он стал перед женою, имеющею родить, — дабы, когда она родит, пожрать ее младенца».

Здесь все связано, все понятно. Мир — подставка для человека. А человек — для вечной жизни, вечного бытия.

Новый Иерусалим... Как все понятно. Как все гороскопично. Поистине, Апокалипсис — гороскоп человечества. Опять — тривиум и квадравиум. И милые монеты античности.

¹ три пути и четыре пути (лат)

² Все это, — все символы грома и молнии, как равно символы топора, секиры и копья, — по объяснению мне одного известного психолога, — суть обычные в древности фаллические символы.

* * *

«ТЫ ЕСИ БОГ, ТВОРЯЙ ЧУДЕСА»

— у нас это собственно поется риторически и по подражанию древнееврейским псалмам, «для пущего украшения литургии», но не зная, что и к чему относится.

Между тем «творяй чудеса» относится к беременному животу женщины, который есть первое и ясное ЧУДО в зачатии своем, в беременности, плодоношении, кормлении. Сознавший это человек, конечно, кричит и далее: «творяй, творяй И ДАЛЕЕ». «Продолжай творить МНЕ». И вот в пустыне, с евреями: «Бог шел впереди народа, в виде столба огненного ночью, чтобы освещать путь народу; и в виде облака — днем, чтобы защищать от зноя». Как все — «творяй чудеса». Потом — манна; потом — «перепелы прилетели». Но все это — совершенно естественно, и человек может хотеть и хочет ЧУДА ОТ БОГА

«По чуду» я «узнаю Бога». Это — всеобщий признак, по которому мы узнаем «не машину», а «[живого] Бога». Ибо Он — смотрит, ибо Он — видит. Это — разница. Машина не видит, и сотворяет собственно фокусы, а не чудеса («благо МНЕ и МОЕМУ»).

И вот — я требую и ожидаю. Я вовсе не покорен Богу, а требую, потому что люблю Его. Тут любовь — там требование. «Ты — мамка мне». Если «отец», то и «мамка».

Ну, где же Христос? Он и не в «мамку» и не в «папку». Он именно всех учит. Да что мне «наука», если в брюхе хлеба нет.

* * *

ФИЛОЛОГИЯ ИЛИ ОНТОЛОГИЯ?

Нельзя не удивиться, что, когда мы высказываемся о движении светил небесных, мы всегда неизменно говорим *о движении их «вперед»*, хотя ведь есть такое же точно сказать о движении «назад»...? Ибо где же тут «вперед» и где же тут «назад», когда вообще в нескончаемостях пространственных нет ни «вперед», ни «назад», ни «вправо», ни «влево», ни «вниз», ни «вверх»? Итак, правильно и уравновешенно было бы говорить хотя о $1/2$ светил небесных, что они двигаются «назад». Но — никогда не говорим. Почему?

Тут является сомнение: одна ли это филологическая односторонность или есть нечто и от мира? Почему это, летя по эллипсу вокруг солнца, земля будто бы летит *все вперед и нисколько ни назад*? Разгадка, — онтологическая или внутри нас — душевная, — по-видимому, заключается в видении Иезекииля, где, говоря о странных и страшных колесах, пророк тоже высказывает, что они «шли *все вперед*», «на лице свое не оборачиваясь». Видение это,

конечно, выражающее космогонические движения, говорит нам о том, что суть всего движущегося заключается в вечном «вперед», в каком-то *онтологическом*, а не пространственном «вперед»; и что есть какой-то будто «грех», если бы какая-нибудь вещь «оглянулась назад себя», посмотрела «под ноги себе» и вообще узнала нечто «обратное» (жена Лота, обернувшись назад и тотчас обратившаяся в соляной столб).

Вообще, это из загадок, *почему и как возникло «лицо вещей»?* И еще: *почему возникла спина и всяческое спинное расположение вещей?*

По-видимому, в спине *меньше зрения*. Спина — тупее, неощущаемее. Спина — она глухая. «Вперед» планета летит, потому что «нужны глаза», чтобы «знать, куда летишь», «выбрать, определить *путь*». И хотя, конечно, «у планеты *нет же глаз*», но как-то, с другой стороны, все-таки планета и не совершенно лишена зрения. Ну, «нет глаз», но ресницы-то уже наметились?

Фу, чудовищная мысль. Что же, это — воздух? Лучеиспускание, которое есть и у планеты? Или — магнитные ее токи?

Глубокое, глубокое: «невемы».

* * *

<...>филологов. Они говорили: «Элогим» множественное число, но о предмете одном: как «небеса» говорится об одном «небе»: но ведь тогда как же сказуемое? «Небеса светятся», а не «небеса светится», «небеса нас видят», а не «небеса нас видит». Вот чего они не приняли во внимание; но «чета сотворила», оно — и одно, и не одно. Вот это-то и уловлено в еврейском таинственном выражении Тени «грозная и розовая», — потом переливающиеся то грозой негодования, то нежностью утешения к еврейскому народу, всегда в двух тонах, мужском и женском, никогда — в одном. Поразительно, что и ведет через пустыню евреев «облако днем», «столб ночью», опять удвоение, две «тени», ни одного даже очертания: хотя огненное облако так же могло светить, как и столб. И Авраам, когда изготовил жертвы, — то ведь «напал на него ужас и мрак великий... когда же наступила тьма — дым как бы из печи и пламя огня (два образа) прошло между рассеченными животными. В этот день Господь заключил завет с Авраамом (гл. XV «Бытия»). И т. д.

Теперь тема лермонтовского стихотворения уже чрезвычайно приблизилась к нам. Почти понятна, почти прозрачна. Он — атавист, со дна души которого поднялись чрезвычайно древние «сны». Но можно сказать и более: со дна души которого поднялась чрезвычайно древняя истина. Ее увидел и Соловьев: «Розовая тень! розовая тень!» Лермонтов увидел грозный палец. Смутился. И испугался, и умилился. А Страхов, качая седой головой, мог бы сказать им:

— Тут есть какая-то истина. *Generatio aequivoca*¹ — отвергнуто. Цольнер высказался, что единственная возможность объяснить органическую

¹ Самопроизвольное зарождение (лат.)

жизнь на земле заключается в предположении, что когда-нибудь первая живая клеточка упала на землю с метеором, т. е. уже упала из живого же другого мира.

— Не бейте таранами в стены. Храм Озириса нельзя разрушить: ибо если он упадет, то вселенная не устоит, говорили египетские жрецы римским воинам.

Стены дрожали. Пали. Забыты. Но около них росли пальмы. В каждом их листе был озирис (с маленькой буквы), а в пальме, в роще, в звезде, в римляне-воине и египтянине-жреце был Озирис (с большой буквы). «Этого нельзя разрушить: если это разрушить — вселенная упадет». Наш атавист-поэт вдруг запел об Озирисе.

* * *

ХИЛЬПЕРИКС

Собственно в момент как было узно, что все эти социалисты продавали Россию Германии, — все эти Веры Фигнер, Екатерины Брешковские, Пешехоновы и Струве (ввоз «марксизма») должны были *из чести* повеситься. А если они не честны, как оказалось, то их должно было удавить рукою палача.

Но «мертвые сраму не имут». И что произошло бы в благородных европейских странах, — в благородной Англии, рыцарственной Испании, великой Италии, честной Германии, тому зачем же делаться в России, где одни «мертвые души» с их подло истинных живописаний...

А если прибавить еще и Щедрина, то удвоенно: зачем же вешаться.

«Вот и Дим. Серг. говорит, что не надо вешаться».

А не повеситься ли славянофилам? Вот, в самом деле, кому пришел черед повеситься.

«О, родина»...

Проклятая родина. Вы, терпеливые, вы, трудолюбивые, берите же ее, немцы и евреи.

Меровинги и Каролинги. Был какой-то последний Меровинг Хильперикс. «Он, как и все его божественные предки, не стриг волос и ездил в колеснице, запряженной белыми мулами. И мулы эти тоже были священными. И ореол священный окружал прекрасный древний замок, в котором обитал этот последний король, священный отпрыск священной линии родов. Но он уже ничего не делал, а только ездил на мулах. И по-детски улыбался, когда подданные снимали перед ним шляпу. Между тем время было трудное. На Францию шли гунны. Карл Мартел («молот») разбил их на Каталлаунских полях, близ Шалона на Марне. Он был майордомом, т. е. «управляющим имениями» этого самого Хильперикса. Тогда сын его, Пипин Короткий, предложил вопрос римскому папе, который как первосвященник Европы — имел авторитет для всей Европы. Он спросил его: «Кто есть *подлинно* король: тот ли, что сидит на тро-

не, или — кто *правит* судьбами отечества, защищает его, любит *землю свою*». Папа ответил, что, конечно, *последний и есть король*. Тогда Пипин обрил волосы последнему Меровингу и заключил его в монастырь. Так началась династия Каролингов.

Все это рассказано у нашего Иловайского. Только «хильперики» — то — все мы. Все вообще русские, племя слабое, ничтожное. Племя глупое и варварское. «Земля наша велика и обильна», но чумичка, обетовавшая на ней, не умела ни пахать земли, ни разводить садов, ни ухаживать за скотом. Она, видите ли, все «молилась» и под предлогом молитвы ничего не делала. Любили же тучную землю одни колонисты, пришельцы, — евреи, немцы, латыши, татары. Эти — любили, уважали. Потому что эти тучно удобряли ее, а она давала им «сам-сто», когда у русских давала «сам-полтора». И вот, пришел черед предложить ужасный вопрос, но не Папе, а Судьбе: «Кто истинное дитя отечества, тот ли, кто вечно жил на ней — только гадил свою землю, гадил и ругал, гадил и *проклинал...*»

Стихи из *Печерина*.

Из Некрасова:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть...

или: кто подвязывал тихо ягодку-малинку к ягодке-малинке, собирал грибы благочестивые, копил сметанку милую, творог делал, доил коровку, холил лошадку. Это — евреи, немцы, латыши. Это Гершензон, родоначальник «Вех», это трудолюбивый Венгеров. А не Пешехонов, не Мякотин и вся эта гиблая сволочь. Не дурак Милюков и не подлец Родзянко. Не купчишки лиг омерзительных. Вообще это не гг. Александровы и господа Ивановы. Так вот мое слово им, слово последнее, слово проклинающее: уберите же вы к черту с русской земли, Ивановы и Александровы, и отдайте ее Генрихам и Соломонам. Ибо они одни были честные в русской земле. *Эй, берите землю, немцы, — и гоните русскую сволочь.*

* * *

ХРИСТИАНАМ

К вопросу о силе своей

Да что такое бессеменное, да почему бессеменное? Если вы хотите ЭТИМ сказать, что «ОСУЖДЕНО семя человеческое», то я вам скажу, что все «кресты» разлетятся к черту, и все Голгофы полетят к черту же, а уж оно и не пошатнется, и не погаснет, и не потухнет.

И, значит, — у вас НЕПРАВДА.

В СИЛЕ своей. И значит — у вас БЕСсилье. В глубине и мысли своей: — значит, у вас пустота и безмыслие.

О, Онуфрий... о, Озирис. Онуфрий, приди и защити нас.

О, ЗЕРНО! О, вечное ЗЕРНО!!

Приди и расколоти эти вечные голгофы.

Пади на Голгофу. И раздави Голгофу.

Ведь ты же можешь.

Ведь ты же слепо.

Без тебя ни хлебушка, ни совокупления.

Озирис — и лесок и суд их.

* * *

ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Что же, что же такое, явно — особенное, явно — выделенное, и вместе — обширное и как бы «заволакивающее все небо» какой-то цивилизации, какого-то веяния и нового духа, о чем или о ком было сказано *это* еще нигде не встречающееся и даже нигде еще не повторенное слово, единственное, исключительное, ударное?

«Ибо ты не холоден и не горяч. О, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты не холоден и не горяч, а только тепел — то изблюю тебя из уст моих» («Апокалипсис», глава <3>; о <Лаодикийской> церкви).

Никогда не было известно, к чему, собственно, это относилось; главным образом — к кому. Глагол прожег сердца людей, но был не ясен комментарий. Между тем совершенно явно, что это-то и есть та гордость христиан, тот особый вымпел и флаг, под которым они покорили весь мир, завоевали весь мир. Это-то и есть так называемая вновь объявленная Христом «любовь христианская», всех милующая, ни на кого не сердящаяся, равномерная во все стороны и ко всем лицам. «Любовь к ближнему своему». — «Все люди братья», без выделений, без обособлений. «Нет греха», но в сущности нет и правды, и все смешалось в тепленькую кашу.

И вдруг — стрела. Нет, это молния, которая пронзила и убила сердце христиан. «Да вы только — тепленькие». «И что из этой любви?» Нет, *польза, применение* — здесь последнее качество. Первое — художество. Просто — гадко. Гадкое тело, гадкое сердце, гадкая душонка или душа. И вот — как понятны «огни» Апокалипсиса, «горящие уголья» жертвенника; и вообще — этот *горящий, пылающий мир*? Ведь он «пылающий», читатель? Ну, *почему бы*. Почему не лежать ему холодно или равнодушно, — так, тепленьким.

Но, значит, «существо-то Божие» — именно пламя. И еще — со «взлизом», лижущим языком пламени. И не нужно, не нужно, не нужно миру этих

«лепт вдовицы» и этого «поворачивающегося с боку на бок» Лазаря, которыми хотел Христос заморозить людей и отвлечь от поклонения Отцу, который есть весь роскошь, блеск и сверкание.

«И золото той земли — хорошо» (о рае).

Золото. Уголь. Солнце. А «не нищенская сума христиан».

Берегись, человек. О, берегись этих «вдовиц» и лепт. «Богатый юноша» — зову тебя: и богатый, еще больше богатый — и тогда Отец Небесный прижмет тебя к груди.

Nike! Nike! Victoria!! Побеждай, побеждай. Вакх и опьянение, а не какое-то «общество трезвости». Вон!!!

* * *

ХРИСТИАНСТВО

Почему падает европейская цивилизация?

Она не имеет контрфорсов.

Противо-налеганий, противо-упоров. И противо-упоров лишил ее Христос. От этого она падает от Христа. Тихое веяние любви все уложило в длинные нежные волокна. И тихость-то без бури и была причиною, что все загнило. И от «тихости», когда она выражает.

Могилу и тлен и небытие, заревел «в конце времен» Апокалипсис. Словия... одни озабочиваемы, другие о них заботятся...

— Вы можете торговать, но не должны заботиться быть богатыми.

— Войны могут существовать: но позорно быть победителями. «Ника» и «Виктория» умерли перед Христом.

— И охота может быть, но без убитого Зайца.

В сущности — все выстрелы холостые, эта цивилизация холостых выстрелов умирает за бессмыслицей. Бабочка-античный мир положила яичко и умерла.

Это «мирное яичко» и было Европою.

Теперь выходит гусеница: и рев Апокалипсиса — перед прогрызением гусеницы скорлупы яичка.

Нельзя было — в намерениях сохранить жизнь, — проповедать принципа столь истинного, столь всеобщего, столь безусловного, как любовь: «любовь — это жизнь будущего века» — и тайна ее. И открыв «тайну будущего века» раньше времени — Христос тем самым подсек корень условий земного бытия.

Христианство истает от Христа, как воск от солнца. Она пытается и не может жить при столь высокой температуре. Я — умираю: «как я могу всех любить, когда я должна столько ненавидеть, как я могу всем простить, когда в мире столько вины».

* * *

Христианство есть абсолютная бесполость и, след., абсолютный атеизм.

Только как такового — евреи, которым дан был абсолютный пол и абсолют же религии — и поступили с ним как поступили. Потому что иначе они бы должны переходить во что-то «не евреев». А в «не-евреев» им было строжайше переходить: Авраамом, Исааком, Иаковом, Моисеем и *всеми* пророками. Не невозможно или не бессмысленно сказать, что евреи были созданы еще раньше мира; но *уменьшительно* созданы, а не феноменально. И трагедия пришествия Христа заключалась в попытке переступить этот абсолют мира. Но не удалось. Евреи сохранили «свое». При этом они не могли *иначе* поступить со Христом. Он их не одолел, а только на 2000 лет *принизил*. Апокалипсис («поют вновь песнь Раба Божия Моисея») говорит о торжестве евреев или, вернее, еврейского принципа: и вот мы видим — Европа проваливается, а Апокалипсис и евреи — торжествуют. Отсюда — брюхо рождающей женщины, которая ни в каком уже случае не есть Евангельское зрелище. А противоевангельское — конечно, есть.

Апокалипсис предсказан собственно уже книгою Бытия, где говорится, что «зло попытается одолеть семя жены», но не одолеет. И она поразит его в главу. «Терновый венец» и есть поражение в главу.

Мы своих же книг не узнали.

* * *

ХРИСТИАНСТВО КАК МИРОВАЯ ОСЕНЬ

Нельзя не обратить внимания на то, что все «спасение рода человеческого» совершилось в каких-то достаточно осенних красках, осенних тонах, в какой-то таинственно осенней температуре. И нельзя не связывать этого с *ноуменом* всего христианства — *бессеменным зачатием*, как тайну всей Библии — с слишком «семенным» «сотворением мира». Немного увеличив дело, смотря на него «в лупу», мы бы сказали, что Христос «спасал» человечество «чудесами *не-хотя*», и своими притчами (что за манера суждения, высказывания) как бы в «пол-оборота», не становясь «прямо к лицу человека», не гремя на него с Синая, и не «рыкая» с неба — яко лев. Ни Синая, ни Апокалипсиса — этих *тонов* мы нигде в Евангелии не услышим. Небо рвется в Апок., Синай дрожит под Иеговою: а Христос все «тихо ходит», и кажется, ничто, ни сама Смерть — не заставит его побежать, вообще не заставит его уторопиться. Ни туда, ни сюда. Еще более возьмем лупу, еще увеличим объект зрения, и мы увидим, что все «спасение рода человеческого» проходит в каких-то странных кисло-сладких тонах: как будто Христу «хочется спасти человечество», но и с другой стороны — «не очень хочется». Именно — «в пол-оборота» спасает. Не прямо. Не к лицу. Отсюда «притчи»

— этот странный тон и образ чего-то нерешительного, безвольного, «не хотя». Очень все благоразумно, но уж очень все спокойно. «Вышел сеятель сеять», и вот мы ощущаем, что будет «дальше». Где здесь: «не убий», «не укради», «не прелюбы сотвори», «не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна». Все — в пол-оборота. Все как бы с интонацией, уж если брать на смеху: «не любо — не слушай...» И все это как-то, как-то очень мало божественно. Все действительно говорит о человеке, или о полу-*daimone*, но не о Боге. «Жгущего, испепеляющего» — ничего в Евангелии. Тихий свет луны. И нет пополающего огня солнца.

* * *

ХРИСТОС

В тайне > лежит тайна мира.
А Христос основал ее на тайне < .

~

О, о, о .. Вот, вот, вот Стонайте, народы, стонайте...

~

О, скопчество, безумие скопчества. Деминуентность. Когда весь мир хочет, орет *maximantno* 'сти...

~

О, черные ужасы.
Черные ужасы христианства.
Погаснут. Погаснут, не светит — горит, мгла.
«Господи: но какой же ты тогда «друг человечества». Ты — и не друг. Ты — мгла. Ты — ноумен зла ночи.

* * *

ХРИСТОС И ГЕРМЕС

Христос запретил промышленность и торговлю. Он запретил ее не только изгнанием «торгующих из Храма БИЧЕМ», т. е. оттолкнул это в оттенках негодования и презрения, но, не оставляя никакого сомнения и о *внехрамовых отношениях*, об обыкновенном базаре, о лавочке, сотворил ответ «богатому юноше», покрыв самый принцип богатства таким уничижением, после которого поистине не «заторгуешь»: «Истинно, истинно говорю вам», — обратился он к народу, к весьма торговому израилю, — «что легче верблюду пройти в игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное». Пос-

ле чего комментаторы закомментировали, следует ли под «верблюдом» разуметь животное пустыни или «канат, сделанный из верблюжьей шерсти». Канат толстый и грубый. И оставив *мысль Спасителя* или так называемого «Спасителя» вне критики и освещения. «Кто же сомневается в мысли Спасителя», «если Он спас нас *от греха*».

Между тем Иов, до несчастья, был богат, и Бог сказал о нем облетевшим Вселенную ангелам, которые прилетели к Престолу его в вечерний час молитвы всех смертных:

«Заметили ли вы», т. е. с особою силою замечания, *«раба Моего Иова. он богобоязнен, благочестив»*, и вот за *это-то*, конечно, Бог и наградил его богатством, стадами, множеством всего...

Как Авраам был тоже очень богат и избран «в завет с Богом». Он — единственный, он исключительно.

Рассказ в Библии о «Товии, сыне Товита», один из потрясающих красотою, трогательностью, нежностью. И нисколько этому не мешает и не расхолаживает, что он начинается с того, что отец посылает сына «взыскать в Экбатану Персидскую долг и должника».

Так в тихих веяниях утра, без уторопленности, без бури, утверждался столп бытия человеческого.

Если я дал тебе жизнь, то дам и украшение ее — богатство. Чтобы дитя Мое множилось, плодилось. Ходило в больших стадах с золотым руном»; «ты же только молись и будь праведен».

Так произошел молочный скот около человека и святая лавочка.

Поразительно, удивительно: «торговое сословие» до сих пор, до нашего даже времени, *продолжает храниться наиболее устойчиво*, наиболее складно, наиболее ладно. «Семьи торговые» наиболее благообразны среди картины крушения прочих наших состояний и сословий: «Папочка! папочка!» — выкрикнула дочь лет 17-ти, — и едва она взглянула в гроб длиннородого купца, как не в силах будучи удержать крика, — повторяла его на всю церковь. Это было лет семь назад, в Петербурге, во Владимирской церкви (угол Загородного проспекта). Я был поражен. Такого зрелища скорби, именно вот *этого* по остроте и размерам, как-то я не встречал на Руси. Крики неслись долго, панихида была долга, я вышел — и все мне «в спину» неслись одни: «Папочка, дорогой мой папочка». Было, очевидно, что-то нежное, глубокое, долгое, многолетнее. Был тот «мир и лад», слаще которого нет в гнезде-семье.

И вот вопрос, удивительный, — и которого никогда никому не приходило на ум: «в сети товарообмена», в бездне «торговых сделок», которые мелькают *ежедневно*, есть, по всему вероятно, и даже несомненно «что-то», заметное только *глазу самого купца*, самого лавочника, — *ему одному в тихих думах открывающееся*, по которому он в общем итоге и окончательно и богатеет. Это не будет «купец ложный банкрот», «купец-выжига», «купец-немилосердный»: непременно и непременно это будет купец, «с покупателями обходительный», вежливый, приветливый, торгую-

щий без лютости, без жадности, но — сообразительный. «Купец в аккурате», плательщик долга по оказанному кредиту *в срок*, и вообще все, что «подобаает купцу», но — именно *как купцу*, без убавки и в полном расчете. Видал я и «неплательщиков», «ложных банкротов». Эти бывают окаянно злы. Но разве «в общем-то» торговое сословие живет ладно, складно. то «что-то у них *есть*», замечаемое только «глазом купца», — к «золотому руно», к «богатству Иова», к «обильным стадам Авраама». И он строит церкви, золотит купола. «Купец — всегда ктитор церкви»: — идет, в длинном кафтане и «в медали» на красной ленте, собирать «с блюдом» на «украшения Храма Божия».

Красивый быт. Прекрасная жизнь. Кто же этому *помогает*? Христос так проклял это. И купцу никак не приходит на ум, что за плечами у себя он носит «проклятие христианское». Об этом знают богословы: но «проповедники христианские», кажется, не распространяются об этом богословии с «амвонов» и «по тетрадке».

Гермес (Меркурий) не был многозначущим в составе Олимпийцев (капитолийцев), и в Библии, у торгового израиля, это было решительнее, прямее: «будь *богат*». Эстеты же эллины и немного тупоголовые римляне этого не понимали. Они не понимали именно «руна», именно — «золота»: тогда как «Апокалипсис и Рай *первых и невинных* человеков залит им. Он залит по чрезвычайно ясному мотиву, что без *деятельного*, энергичного «товарооборота», без «упора в точку», земля «не процветет» в сад (Рай), а останется довольно вяленькой. Евреи единственно и гениально это поняли, выразили, соделали. Они прикинули «на *руно*, на «богатство». сказав смело, открыто, добросовестно — «чем *мы* богаче, тем богаче и *мир*». «И о семени твоём благословятся *все народы*». Здесь — все в гармонии, *планета* целая. Смотрите: *серебряная* луна, *золотые* звезды.

Христос побежден. Как он и везде побежден, когда «дело» доходит до «угла», а не до фразеологии его притчей. Из-под «хитона» его смиренного выбивается прекрасная нагота Гермеса, а лучше, правильнее — «длинные одеяния» Ветхого Денями. Он только сжал человека: принудив его и в лавочке лгать, как он лжет в семье, в браке, в дому. «Аще кто любит отца и мать и детей своих и дома свои паче Меня — несть Меня достоин». «Аще кто не возненавидит *самую жизнь свою* ради Меня — несть Меня достоин». Столько «*не-любви*» «ради Христа». Но я кончу — о лавочке.

Вот он идет, Любим Торцов, пьяненький. Живет на подаяние брата, в дому брата, и — *его же ругает*. Так преобразуется «Лазарь» притчи в хулигана действительности: как его «брат» стал богат, как он мог «расторговаться»: ведь богатство — так *низменно*...

Богатство прежде всего *благочестиво*, это — *правда* земли и о земле: а что оно «правда» — взгляни на небо: оно все — *золотое*. И алые зори, утренняя и вечерняя — обещания, обещания.

* * *

ХРИСТОС И ЛЮДИ

Христос своротил всем людям «рыло на́-сторону» и в том заключается Его «спасение».

Есть правда исключения в «венчиках», — святые; «угодники Божии». Но именно оттого, что в «венчиках» — мы узнаем, откуда они черпнули силу и вдохновение. «Венчик» — солнечный ореол. Почва, благословенное рождение. Труд родителей, благородная генерация. Помимо же этого Собакевичи, Плюшкины — «повытчики-кувшинное *рыло*». Неужели, неужели фриз Парфенона и письменная «Илиада», т. е. и скульптура и слово, не говорят одинаково, что «до Р. Х.» лицо стояло прямо, а «после Р. Х.» души, лица, фигуры полезли «на́-сторону».

(поспоривши с Фл. об «Апокал.»)

* * *

ХРИСТОС И МИР

Христос нарушил СТАТИКУ мира. И тем разрушил мир. Мир — рухнул. Не стало в нем — кости. «Чем же держаться?» Твердого — нет. Отпора — нет. Упора — нет.

Все мягкие части. Сердце, легкие, нервы, мускулы. «Везде сердце бьется», «множество сердец», «множественность сердца». «Весь организм дышит», точно «весь организм — одно обширное легкое». «Нерв — везде». Мускулы — вялые. «Кость — вовсе недопустима». «В кости нет *благодати*», от нее «жестко и не хорошо». Тихое веяние любви все побеждает; любви, кротости и прощения. Все — затуберкулезивается.

Бациллы — это «нет мягче ничего». Все — створаживается, сваливается, мякнет, свереет. Это — не «розовая любовь» Достоевского и Толстого (упрек им К. Леонтьева), а просто деформация всего организма, валящегося *на одну сторону* за недостатком какого-либо упора. «Действие должно быть равно противодействию» (Ньютон); тогда «система может стоять и мир держаться». Вот эти-то упоры, отпоры, контрфорсы и вынуты Христом, который поистине оставил мир в развалинах, хотя к мигу смерти Его еще и ничего не покачнулось. Но уже все разрушилось, внутренне все разрушилось, — и должно было разом и все начать падать: империи, силы, власти, законы. Падать все — под влиянием любви и благодати, решительно не допускающих отпора никакому злу. «Прости им грех их, — не ведут бо что творят». «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем».

Это так туберкулезно и такой творог небытия и разрушения, что визги инквизиции, вихри свиста ее — должны были раздаться. Они-то и правы, одни — они. Разве Толстой со своим «непротивлением злу» не разъяряет-

ся, как пароксизмами, безумным «противлением» (его «Не могу молчать»); разве около «розовой любви» и «Зосимушка! Зосимушка» (старец Зосима) Достоевский не являет в то же время «жестокого таланта» (упрек ему Михайловского) с сладострастием к мучительству. Но все это — гораздо глубже и восходит к древности. Апостол нищеты и простоты, Франциск Ассизский, был современником папы Иннокентия III, который осветил Европу кострами инквизиции. И момент инквизиции есть центральный узел христианства. Чем явнее бессилие к упору, безволие к отпору, чем могущественнее «тихое веяние любви» и начинают появляться везде «цветочки Франциска Ассизского» (ведь такой «цветочек» и Старец Зосима, со своими «конфетками», которыми он кормит детей и женщин), тем явнее, что «пришел конец миру», что последняя кость вываливается из гнилого мяса, из прогнившего насквозь мяса «тела христианского»: и последним усилием, испуганным отчаянием — врывается вихрь казни, казней, еще казней и опять казней, бесконечно — казней. И вот — Христос, таинственно ликующий среди казнимого человечества (христианское представление ада), — Дант и его «Аид», воистину проклятый и огненный его Аид; кстати: он современник Франциска Ассизского и папы Иннокентия III. Но — больше, сильнее, могущественнее: а что же, что же такое «фиалы», изливаемые Апокалипсисом на землю; что такое эта «терзающаяся тварь» всей земли, как не еще одно усиление «Ада» Данте, — усиление тысячекратное. Да это прямо сцены из «Ада»: туберкулезы, туберкулы, которые только и можно выжечь огнем. Выжать, прижечь и умертвить. «Ничего с этой Христовой любовью нельзя больше сделать», — «как противопоставив ей архинелюбовь», «архиненависть», «архи-ярость», — не Достоевского или Толстого, а вот — Апокалиптическую: «Гори небо, пылай земля»; «извивайтесь в муках, люди: и только через это вам указывается, что члены ваши не всеобщее охватил еще антонов огонь, что еще — не везде некроз, творог гнилой, створоженность всего бытия, створоженность Древа Жизни, наконец... Наконец-то похолодевшего по мысли Христа.

«Ледяное море», — кажется, о льде упоминается в Апокалипсисе. Во всяком случае — это есть: «И когда будет проповедано Евангелие по всей земле — тогда охладет любовь».

ОТЧЕГО же??? Книга, в которой (казалось бы) столько любви. Но Апокалипсис знал что знал.

* * *

ХРИСТОС И РЕВОЛЮЦИЯ

Вся наша революция — именно наша, в ее невыразимой вонючести, — есть пот, обернутый в евангельскую страницу; есть разбойник злой, одевший агничую шкуру. Это есть Лазарь, прославленный Христом, которому надоело сидеть при дорожке и получать в шапочку, и в одну темную ночь,

дождливую ночь, русскую ночь — он напал со спины и зарезал того «богатого», который по простодушию своему, — по *языческому простодушию*, все время клал ему «в шапочку».

* * *

ХРИСТОС И РЕВОЛЮЦИЯ

Сначала и долго кажется, что «Христос» и «революция» исключены друг от друга. Целую вечность — кажется. Пока открываешь, и уже окончательно «вечно», что революция исходит от одного Христа.

Он уничтожил контрафорсы в системе миродержавств мира... Все «одна любовь», которая «побеждает всякий гнев». Гневного, яростного начала — нет. «Все волосы легли под одну гребенку»... «Волос к волосу лежит». Нет «ералаша». Между тем должен быть «ералаш». Нет устойчивости мира. Представьте мировую систему без противоборства центростремительной и центробежной сил: все планеты бы упали на солнце и сгорели, а не упали бы, то разнеслись во все стороны. Но «тихая любовь Христа» все победила. «Евангелие проповедуется всем тварям». И вот, при этой поколебленности действительно связей мира, «оснований земли» («поколебались основания земли», Евангелие) — раздался оглушительный рев Апокалипсиса и понеслись бури над крестом.

* * *

ЦЕРКОВЬ

Эврика! эврика! эврика!

Церковь однопола. Единопола. Напротив, Библия — обоюдопола. Двупола. И не только нет между ними соединения, продолжения, «дальнейшего развития» или «завершения», как ложно, не понимая или софистически, научали об этом «отцы церкви» или уж придется теперь так говорить — «*так называемые* отцы церкви», но — совершенно наоборот. Библия совершенно прервалась, перервалась, поглотилась. И на проглоченном месте начала вырастать церковь. Не только не соединенная с нею, как горизонтальная линия не соединима с вертикальнойю. «Криво» и «не туда».

Ничего общего. Совершенно ничего единого, родственного.

Всех обмануло и ото всех это осталось две тысячи лет сокрыто: потому что ведь все видят: Павел, Петр, Закхей, и с другой стороны — Марфа, Мария, «дщерь Клеопова», «хананеянка у фонтана» и вообще «множество народа». — «Как же не оба пола? В хитонах с одной стороны и в туниках — с другой». Зрелище так убедительно, что не о чем спорить, невозможен спор. Да никогда его и не начиналось, потому что невозможно было самое подзрение.

Между тем глубочайшая разница между Евангелием и Библиею заключается именно в этом, что между тем как в Библии действует везде Элогим, т. е. Элоах восполняемый *Шехиною*¹, — в Евангелии этот источник совершенно прекратился, перервался именно — перервался, разрушился, как бы поглотился бездною, провалился (о, и «потряслись ОСНОВАНИЯ ЗЕМЛИ»: и начали расти и расти бесконечно в высь, в идеал, но уже каждый *едино, едино* поставленный, выросший, назначенный). До того: как бы другого пола, «и матери, сестры Клеоповой» — вовсе никогда и не существовало. А напротив, для «сестры Клеоповой» как бы никогда не было ни Нафанаила и никого.

Это до того поразительно и до того несомненно, и что это — не «просто», а — «именно», можно видеть из того, что это в сущности «сокрыто». И что «сокрыто» действительно хорошо и глубоко — можно видеть из того, что никто и никогда об этом не догадывался. Между тем это-то и составляет ВСЕ. Не что-нибудь, а — ВСЕ. И, пожалуй, тайна, что евреи не приняли Евангелия, заключается только в этом. «Куда же мы пойдём от отцов наших, их *продолжая*, когда мы вообще уже не можем *продолжаться*, и, в сущности, нам *не от кого родить* и *НЕ от кого родиться*».

Эврика, эврика, эврика!

В этом все, в этом все.

Нашел. Наконец-то нашел.

Самые люди суть единополоы. Ничем нельзя было бы так оскорбить, задеть, извратить Евангелия, как если бы начав показывать в нем хотя какое-нибудь лицо, хотя «служку в храме», вообще «индифферентного и третьего», начавшим хоть сколько-нибудь влечься к другому полу *обоюдному* с ним (Элоах, Элогим). «Переглянулись» — и вдруг все Евангелие исчезло, все и разом, все и до строки. Это до того странно. Вот уж именно не «Элогим». Да что, да почему, ведь — «бывает». Ну, картина всей жизни. «Ведь благословил же в Кане Галилейской». Между тем именно это чудо — особенная загадка. В странное вино там превращается какая-то особенная вода. Можно сказать, что это была какая-то особенно созданная вода и какое-то особое, поистине «новое вино», с человеческими и земными не имеющие ничего общего. О, как это удивительно, о, как это изумительно. Собственно, есть только на браке «гости». Вот и «мать Клеопова». Все как будто — «как следует». Между тем на самом деле это все суть таинственные и стран-

¹ «Шехина — Божество»; по краткому «перечневому» указателю к 1-му тому перевода г. Переферковича к Талмуду Я так был поражен, прочтя, в первый же год выпуска Талмуда, когда любезный переводчик прислал мне этот том «для рецензии» в тогда издававшейся «Торгово-промышленной газете» — «ЕВРЕИ-ТО УЖЕ СВОЮ РЕЛИГИЮ ПОНИМАЮТ». «Вероятно, не хуже, чем Отцы Церкви православия, католичества и лютеранства» Но *все и всякие* «Отцы Церкви» решительно ВСЕГО ХРИСТИАНСТВА ни одним словом не обмолвились ученикам своим, — гимназистам, студентам и просто читателям своих книжек или уже придется на этот раз сказать книжонок: что в Библии Божество полагается *обоудо-полым, двуполым*

ные гости. Наверное, если бы там были также жених и невеста, было бы что-нибудь и в смысле «переглянуться», и общий план и дух Евангелия таким образом нарушился. «Разорвалась бы завеса новозаветная от низа и до края», и ничего бы вообще в смысле «другого начинания и другой эры» не произошло. «А должно было начаться». И вот, чтобы избежать этого, как натурального факта и возможности, — жениха и невесты вовсе нет. И все они, т. е. гости, стоят. Но — как столпы. Един, единый. И никто уже друг на друга не смотрит, в сущности — не чувствует. Да, гости: но таинственно женский пол есть именно женский пол, и — мужского вовсе не чувствует. И таинственно мужской пол — вовсе не чувствует женского. «Не нужно». И такой особенной, тоже таинственной «ненадобностью», что схватываешь себя в страхе за волосы и спрашиваешь себя: «да что такое?»

«Как будто бы ничего». И вот это особенно страшно, что так скрыто, и невозможна придирка. «Да — нет: вам показалось, померещилось. Они люди как люди: посмотрите — в хитонах, посмотрите — в туниках». Да, но кто в тунике — тому совершенно нечего делать с тем, кто в хитоне. И кто в хитоне — тому совершенно нечего делать с тем, кто в тунике. Страшно, мурашки по коже бегут.

Таким образом, все и безусловно все «евангельские люди» суть какие-то странные. Никто не заметил, что они необыкновенные люди. «Царство Божие с усилием берется». Как-то «нужно стать таким». И, можно сказать: «уже евангеликом» — никто не рождается. Изречение комического славянофила (кажется — Ив. Аксакова в «Руси»), что «каждый человек уже рождается христианином» не только не верно: но есть действительно «благодать Евангельская», и только через нее, как через *новое из нового*, люди становятся христианами. «Меньший в Царстве Божием» (Моем, «евангельском»), — изрек высокомерно Иисус, «больше величайшего из детей Отца Моего», из «детей Ветхого Завета». То-то... «Аз смиренен сердцем и не имею ничего против стригущего Меня». И... «Аз проливал кровь за грехи мира»...

Я сегодня (сентябрь) занимался долго, до 4-х часов ночи, — должно быть. И на куполе Троицы вдруг ударили. Этот неизмеримо красивый гул пронесся. Я понял, до чего неизмеримо Православие. Вот революция. Советы депутатов. 4 часа. И этот звук — долгий, до того красивый, — безумно. Он долго, долго гудел. И замирал так, что я плакал. Нет лучшего великого. Минуты 4 прошло. И когда уже все, до иточки замерло, то вот погода еще минуту — чтобы закончилось безумное «solo» — ударил другой. Два. И он замирал и умирал также долго. «Как Эндимон в гробу». Это было до такой степени величественно, неизъяснимо, что все сердце, вся душа кинулась: «туда! туда!»

И когда он также хорошо и нежно замер (чудный колокол). то вот, продержав также полную минуту, стали «ударять», «вообще и кэе-как», и вообще — «по-нашему».

Так вот эти-то два звука — «в Кане Галилейской». Таинственный новый мир. А те, что «часто» — «мы», «Элогим». «По образу и подобию». Нет, это именно и «не по образу» и «не по подобию». А — «новое» и «благодать». Это до того странно и немного страшно.

ХРИСТОС ПЕРЕТВОРИЛ ПО-НОВОМУ ЧЕЛОВЕКА... ВОЗМУТИВШИЕСЯ СОТВОРЕНИЕМ ОТЦА СВОЕГО.

Это-то и есть ноумен Евангелия. И зачем пришел на землю Христос

Отсюда именно, что все евангельские люди, в сущности, чувствуют людей единственно своего пола и совершенно не знают, не видят, не обоняют и не осязают никаких людей другого пола иначе как деловым образом, напр. чтобы «накормить 5-ю хлебами», вытекает, что все «церковные люди», вот что «особенно стремятся к ней» (к церкви), — люди тоже «единого удара» влекутся необычайно к ней и соделали всю в сущности церковь, до последней интонации в ней голоса, до ораря, фасона и подобного. «Толпы — нет в церкви». Это — ошибка. Толпа чужда и совершенно чужда ей; толпа, связанное, переглядывающиеся. «Ничего подобного». Церковь до невероятности «другое явление». Церковь именно «не от мира сего». Только скрывает. Она делает вид, что «от мира сего». Венчает, пускает народ. Но собственно — «в себя она приходит», когда уходят все, — все эти повенчанные, толпа, до которой ей никакого дела нет.

В сущности, она какой-то бесконечно страшный эгоизм, гордость и одиночество. И опять: это — в *одном* поле, который только *себя* чувствует. И — в *другом* поле: и он опять только *себя* — *solo* чувствует.

А «хоры»... Ах, никакие вообще «хоры» христианству не нужны. Черный, темный — сидит кречет на скале (и, кажется, отсюда выросло и папство).

Люди, которые «приходят молиться в храм», ничего этого, собственно, не чувствуют. И молятся весело, думая: «вот — *наше*». Страшная тайна: что, в сущности, — вовсе не «наше». Мы здесь гости, и хозяину как-то хочется, чтобы они поскорее все ушли.

Библия же: о, она наша и наша! Вот уж — «наше». Элогим. И вот от этого, именно от этого — евреи и уперлись так крепко, опустив головы в землю. «Не хотим!» «Не понимаем, что такое — но не хотим... и немножко боимся».

Мысль Христа: разъединить человека. *Разъять его*. Solo — solo. В сущности — поправить Бога из Элогим в Элоах. Монашество — *поправка к творению*. «Не — так! Не — Он». «Я творю — нового Адама». И что Христос был *противником-Существа-Божия* — это несомненно такую несом-

ненностью, такую особенною и исключительною несомненностью, что всякий спор об этом есть что-то смешное.

«Творю все ПАРНО, растения, животных, человека..»

«И вот что ПАРНО — чтобы никакого об этом сомнения не было — сопровождаю ЗЕМЛЮ — ЛУНОЮ...»

«СОЛНЦЕ — ПЛАНЕТАМИ...»

«НЕБО — СОЗВЕЗДИЯМИ...»

«Никакого — АТОМИЗМА, НЕРАЗЛАГАЕМОСТИ».

«В самых ЧИСЛАХ — непрерывные ДРОБИ, ДРОБЛЕНИЯ».

«Вместе — ПАФОС природы...»

~

«Аз — ЭЛОГИМ... ВСЕ-Держитель... в ИМЕНИ Моем — ВСЕ...» «Оно волшебное, чудно...»

~

Вдруг мерный колокол звука:

БОМ

и — НИЧЕГО.

«Зачатие»... О, это проклятие зачатия. Пусть же оно будет БЕЗСЕМЕННЫМ... От — одной МАТЕРИ...

И — замирание, дрожжание... О, это медленное замирание. «Тихая, прекрасная кончина мира».

«Мир умер». «Я — победил».

* * *

«ЧИЧИКОВ» П. П. ПЕРЦОВА

О двух вещах, о богатстве и о деторождении, Христос выразился как Сын тьмы и гибели, а не сын света и блага. Я не вникаю, были ли слова его добродетельны или порочны: но что здесь он прямо, резко и повторяя несколько раз — разошелся с Отцом Небесным — это неоспоримо совершенно: «и золото той земли — хорошо» *повторно* слышится в Библии. И ни разу нигде не сказано порицания ни золоту, ни богатству; а *богатейшие* люди — Иов, Авраам, Иаков — были *друзьями* Божьими. И т. к. быть «другом Бога и Отца *нашего*» (говорю о себе, но, думаю, и о людях вообще), то мы предпочтем быть Апостолами богатства и деторождения, нежели как он назвал 12 апостолов — «друзьями своими».

Так как в причины гибели европейской цивилизации и нашей несчастной России входит особенно уничтожительное учение Христа о богатстве («удручен ношей крестной»), то я прошу обратить внимание, что согласно и Библии монеты древние чеканились *в храмах* (Juno-monesta), и что чичиковых там не бывало. «Чичиковы идут именно от Христа». Петр Петрович не разобрал: Чичиков — обманщик и плут (как я выразился, «все русские не-

множко сутенеры, и живут на чужой труд», а революция показала, что они и *народно* — воры (таковые индивидуально). Хозяин крадет у рабочего, рабочий недорабатывает хозяину. Вообще «свои люди сочтемся»: омерзительная литература Островского, с его любимцем Любимом Торцовым, пьяницей и, конечно, сутенером своего брата, идет от «притчи о богатом юноше»: это сгорбленное, скорченное стремление к богатству, это — трусость в богатстве.

* * *

ЧУДЕСА ЕВАНГЕЛЬСКИЕ

Всякий кусок земли над зерном пшеницы.
И всякая матка женина над семенем своего мужа...
СОВЕРШАЕТ БО́ЛЬШИЕ ЧУДЕСА,
чем все эти «укрошения волн» на Генисаретском озере.
И «я утону», — «нет, ты не утонешь»,
И даже нежели «Воскресение Лазаря».
— Он уже три дня в гробу.
— Господи, уже смердит.

.....
«И вышел в пеленах из гроба».

Но:

«целую осень, и зиму, под пушистым снегом лежало».

И вот: Солнышко. Апрель.

«Травка выбежала в поле».

Осанна! Осанна! Осанна грядущему солнцу.

6000 лет оборачивающегося на пути своем. И воскресающему его землю.

* * *

ШАКАЛ

Если бы я был старец Гомер и имел его прекрасные гекзаметры на кончике языка, то пел бы не «Ахиллесов щит», сделанный из металла Гефестом, а вот этого живого шакала, который выше всех сделанных «щитов», — потому что они не рождены и мертвы, а шакал жив, и египтяне в самую медь умели перелить жизнь, бившуюся в нем...

Еще раз смотрите на него... О, вот что значит «почитать животных».

Лапы не доделаны. Да и не нужно. Хвост какой-то странный, прямо, вероятно «не похожий». Не нужно. Не нужно. Одни «почитатели животных» могли схватить медь и бросить весь кусок ее в одну точку: «как в эту минутку сидит шакал».

В эту минутку. В эту минутку. «В минутке — весь человек». Они сделали чудо, — позвали сказать — «и не снившееся грекам», ни их деревянному Гефесту. «Для этого надо было почитать животных». Египетское искусство, несмотря на недоделанность «лап и прочее», — несравнимо с греческим, и именно — по превосходству у египтян могущества, экспрессии. И, я бы сказал: по преобладанию у них «центра» над «все», тогда как у греков «все» (лапы, «каждый пальчик») господствует над центром и даже заливают его, даже «центра» вовсе не видно.

Они не делали: «лапа», потом «шея», а вот наконец и «хвост», где пушинка к пушинке и виден каждый волосок. «Все кончено» и мертвое произведение искусства «упоет посетителей музеума».

Не таков египтянин. Он музей еще не знал. Но он знал лучшее: «поклоняться животному». И долго-долго, бродя в полях, в садах, в щелку забора или иначе он наблюдал «божественного шакала».

И был умилен. И был восхищен: «смотрю на шакала и кружится голова». И долгие годы он видел шакала и каждый нерв его был ему понятен.

У него был дар, — делать, лепить. Не пользовался он им.

«Еще искусств ведь не возникло». Но внутреннее заговорило. И помолвившись тому же шакалу, — он вылил массу расплавленного металла «в эту минуту священного животного». Смотрите ребра — «чуть-чуть». Шакал вечно голоден и жиру неросло. Но что я притворяюсь и пишу о ребрах, когда они ничуть меня не занимают. Но от кончика хвоста до кончика носа пронзает его «стрела Амура» — и вот в этом все дело. Что он «Амур», я не думаю, а оттого сказал, что он «со стрелой»: а в шакале я вижу «единую стрелу», проходящую от хвоста до носа. И вот он весь создан, сотворен «по этой стреле».

В нем нет «двух минут», — одна минута. В нем нет «вчера» и «сегодня»: он весь — «сейчас». Смотрите на его шею, в ее таинственных истончениях. И смотря на него, я думаю: «египтяне не даром боготворили шакала».

И вот эти недоделанные хвост и лапы — они все «в стреле». И вы чувствуете, что если бы художник стал отделять «пушок в хвосте», он вынул бы стрелу из тела и все тело повисло бы.

«Мертвое тело». Его египтяне и не выносили, как и евреи в своем богослужении.

«Не хочу мертвого». И они зажимали нос. И вот случился шакал: тогда египтянин бросил его всего «к жизни». И поистине, он свою медь также «бросал к жизни», как отец и мать зачиная шакала — бросали семя — «в вечную жизнь»... Ах, так вот откуда пирамиды и мысль «о вечной жизни тела». Да, они «сеяли семя» не как мы. Помните в Библии о сотворении мира: «и сотворил Бог деревья, — каждое сеющее семя, но вижу его и по подобию». Шакалы, деревья, — все размножалось в Египте по этому способу, закону Библии, как бы бросая семя «в вечность», в «нескончаемость времен». Искусство египтян — зернисто. Оно рисует не формы, а «зерно» дела, существа, существ. Искусство египтян — центрально, искусство греков пе-

риферично. И египтяне могли бы сказать им, как и о всем: «Вы занимаетесь только пустяками».

Уши. Глаза. «Что ты скажешь мне, шакал. О молчи: потому что все сказали твои формы, и речь была бы тавтологией.

Скажите, о которой Венере можно было бы сказать, что она «слушает»? Они все глухие, «глухонемые врожденно». Жалкие подобия существа. Но бронзовый шакал — это уже не «подобие», а сам «существо». И ни один зритель не скажет: «Я не знаю, слушает он или нет».

Но это — везде у египтян. Смотрите кошку: и вы не скажете, что она подумывает, «куда бы ей лечь и помурлыкать». Это не русская кошка, которая «мурлыкает», а египетская, которая есть «бог».

И вот этот мальчик¹. У египтян — везде одно: тело также все собрано в «стрелу», все соединено проходящим через тело огнем, как вы не увидите ни у одного из обвислых Аполлонов, которые как бы держатся за плечи ма-тушки родной, со словами: «Зачем же ты меня такого безжизненного роди-ла?». Каждая фигурка Египта говорит: «Я проживу 3000 лет», как каждая фигура уже века Перикла говорит: «Вот скоро придет Александр и все это «объединит» или разрушит». Вечность жизни. Короткость жизни. И корот-кость жизни дышит в самых великих мраморах Афин.

Посмотрите шаг мальчика: ноги его также поставлены, как шея у шака-ла. Все «ждет», все «в будущем». Посмотрите, как сжаты кисти рук: предме-та нет в них, а хочется что-то сжать. И одна рука поставлена иначе, чем дру-гая. Нет повторений — «из бутона — цветок». Все — «в завтра», все — «в жажде». Люди, животные и, наконец, цветы точно пьют воду и не напьются, дышат воздухом и не надышатся. И к ним, как и ко всему ветхому Египту, приложимы слова:

В те дни, когда мне были *новы*
Все впечатленья бытия...

Везде — Озирис: бог древний, бог первый, и, по задачам своим («рас-тить и множить из себя»), бог юный, юнейший. Вечный «бутон» мира, как и его «могила».

* * *

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И «ТЕНИ» ПЛАТОНА

Как шум океана за холмом...

За лесом...

Гул его не прерывается, а только затихает.

¹ Деревянная статуя «принца Эвибора», в Каирском музее; взята из «Истории Египта» Д. Г. Брэстеда; увеличена мною в 5 раз.

И так не надолго. На день, на два...
И уже на 2-й день опять начинается прибой.
И обнажается берег из-под него, а там шевелятся моллюски.
Крабы, странные рыбы.
И на берегу показывается янтарь, древняя смола окаменевших сосен...
Окаменевших от действия соленой воды...
И если потереть его сукном: то вот странность — он притягивает гуттаперчу.

И вот «электрон», откуда — электричество.
Которое горит в молниях, и ее дали древние в руку Зевсу.
И ею гордился Юпитер.
Так эти «прикосновения», получившие позорное имя, которое я не хочу повторять.

Потому что оно гнусно.
(Потому что люди выразили гнушение свое им. А оно совсем не то.)
На самом же деле эти дотрагивания открывают янтарь пола.
И что «гуттаперча тогда притягивается», и что есть «электричество»...
Не о нем ли говорил Платон, как о «пещерных тенях», и что мы «не видим прямо вещей», в сущности — НЕКОТОРЫХ вещей, отнюдь — не всех...
И что «узнаем солнце только в капле воды», а — прямо взглянуть на солнце нам *не дано*...

Как и мы «дотрагиваясь» только и следя за «электричеством», — узнаем: отчего же люди рождаются. Рождаются *со светлую душою. С Богом и «врожденными идеями».*

* * *

Я

Я созываю вас, птицы, рыбы, злаки, деревья, о коих всех сказано (слово о их сотворении, Библия, II) и говорю, взываю, вопию апокалипсическим языком — смотрите, нет Его: к двум разбойникам приложился третий, худший из всех, злейший из всех. Это — СЫН, отложивший от ОТЦА, и провозгласивший «СУД МИРУ СЕМУ»: но не Отец, Альфа и Омега, первый и ПОСЛЕДНИЙ, низложен: а он окаянный Каин, треклятый Хам, посмеявшийся Отцу своему и вот — НЕТ Его, прах и ничтожество.

* * *

Я введу эту мистерию «целование руки у мужчины женщиною», что у нас сохранилось только в составе литургии, когда, иерей и иерей обмениваются зажженными восковыми свечами, или когда диакон священнику подаст зажженную же свечу, — и все это уже «рудиментарный орган», «не нужный» более в ткани гордой современной цивилизации... На *самом же деле* это есть древний, древнейший остаток прекрасных, нежных, — нежнейших

и деликатнейших, — цивилизаций Востока. О, какая нежность везде в Египте. Рассматривая атласы ученых экспедиций туда, — сколько раз мне заплакать хотелось от умиления.

И вот это — осталось... Только на литургии. «Не нужное». Нужно ли? «Не» нужно ли? «Не плюй в колодезь — придется напиться», — мудрое предупреждение уже судьбы и уже вообще. «Не плюй», — «плевок», «оплевание» — это и есть нигилизм; наш русский в частности нигилизм.

Но ведь и вся Европа «нигилистична», — дерзка, нагла, и вот *кто ее этому научил?* Нет, кто ее выучил этому? Потому что «дерзости» и «наглости» нужно именно выучить. Самому и просто и естественно как-то не придет на ум. «Обыкновенное человеческое обхождение», — ну, грубоватое. Грубоватое и миловатое. Но где же взяться дерзости, заострению? «Не придет на ум», — именно на ум не придет.

И так, кто же *первый?*

«Мужайтесь, ныне я *победил мир*»... Вот первые *гордые слова*, — и Восток, покорный и послушный, — или Восток весь — нежный при любви, — как сорван.

*Сорву тебе звезду с Востока
Тебя украшу той звездой...*

Кто это сказал, где это сказано. И вот он украл эту «восточную звезду» и «украсил» ею Запад. Запад, даже «западничество» Чаадаева и Герцена. «Се раба Господня»... «Вот, я *раба* у твоих ног, говорит Руфь-нищенка, богачу Воозу. И — ни капли зависти, завидования, «ревности» к его богатству и о его богатстве. «Еще никакой революции», которая, конечно, зарождается прежде в сердце и уже потом в событиях, в истории. Руфь же, как и ее свекровь Нозминь, были обе сиротки-нищенки, и так и признавали себя (хотя богатство лучше, уже потому, что оно счастливее): «Поди, приоденься получше (*покрасивее*), — и ляг на гумне в поле Вооза. Он тоже туда придет, уже усталый от работы и забот: и, может быть, ты найдешь в нем благоволение». Вот до чего дошло у бедной Нозмини; «если одеться получше» — то, может быть, и «найдет». Но это уже напоминает совет Екатерины Ивановны Соне Мармеладовой. «Не плюй в колодезь — придется напиться». Руфь не «плюнула» и вышла в лучшую «Звезду Востока» своим смирением, своею деликатностью.

Кто же их нарушил первый?

«Мужайтесь — ныне я *победил мир*», — это до того ново ДЛЯ ВОСТОКА, что, конечно, это говорит не «Мешеах» (Мессия) Востока, а «Мешеах» Запада и западных вообще цивилизаций, *личных*, дерзких, гордых. Вот вам и «против стригущего его не имеет ничего соделать»... «Блеющий невинно ягненок, агнец, Агнец». Но ныне шкура его разорвана, и показано, *кто он*...

Байрон, «демон», — байронические зовы, байронические и угрозы... О, это не то, что Отец и Творец всего, который не только у египтян, — есте-

ственных и натуральных людей, устроил их ласки и нежность, но и натуральных же кенаров и кенареек — мне Каптерева — вдова рассказывала — устроил, что, пока жена кенара сидит на яичках, то кенар, все гнездо ее увив пушком, волосками и соломинками, кормит ее из своего клюва, размягчив зерно в нем (из клюва значит в клюв!!), но потом, когда детеныши выйдут из яичек, вылупятся (какое симпатичное слово!), то кенарка зовет, призывает мужа своего «каким-то особым клохтаньем» (ее слова), и вот они оба сидят и любуются на детей: и он глядит, любит на детей то одним глазком, то другим. И вот — опять кормежка: кенар приносит молодой матери корм — уже для сына своего, для «Горуса-Гарпократа», скажем египетскими понятиями и выражениями, — и вот, таков-то наш батюшка, Отец Вселенной: он устроил у птицы, естественно не выделяющей *молока*, приспособление в зобу, через которое пища твердая (зерна), попав в зоб *молодой матери*, именно — не «самца» и не *в какое-нибудь другое время у матери*, отпрыгивает из ее зоба чем-то вроде тепленького молока, и им она питает малютку. Негодяй Дарвин вот это бы «объяснил», перед этим *фактом* осмелился удержаться воскликнуть: «Как *благ* творец и *мудро* устроенье Им природы!» Да. Тот Старец, тот Ветхий Деньми — не то, что Дарвин, не то, что Байрон и «стилизующийся под отца Сын». Но мы возвращаемся к Достоевскому.

Он *первый начал Восток у нас*¹. Что такое конфузливый, скромный, застенчивый Макар Деушкин, как не Руфь Запада. Опять скромность, опять тихость. Опять не спорчивость, это проклятое, *личное*, самолюбивое начало европейских цивилизаций. «Какой же это Пизарро?» — он только переглядывается с девушкой за занавескою, и *пишет ей умиленные* и глупые записочки. Между тем в записочках этих более новизны, нежели во всей остальной литературе России. «Вот я раба у ног твоих, Вооз», «вот я чиновничек около своей *vis-a-vis*». Конечно, ничего подобного на Руси не бывало, — и не только в литературе, но и *самолюбивые чиновники в русских губерниях ничего такого и ничего аналогичного собою не представляют* Пререволюционные господа, и давно разыгрывали революцию на гитаре. Это — *фантастика Достоевского*, показавшаяся так болезненно и уродливою Тургеневу и Кон. Леонтьеву. Достоевский всю свою деятельность, — воистину прекрасную и воистину великую деятельность, совершил вне всякого собственного понимания того, что он именно совершает, делает.

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала, край чужой.

Так и он, покидал уже обреченную революции Россию, как новый Эней отплывал на Восток, забрав своих Деушкиных, Соней Мармеладовых,

¹ Нельзя не кинуть мысль читателю, что Свидригайловым, Ставрогиним, Карамазовым и вообще сущностью, делами и «делишками» Карамазовых он открыл «фалл в России», т. е. начало фаллическое, культ.

Свидригайлова, Ставрогина. Куколки. Но эти куколки построят новую цивилизацию.

Загорит, заблестит луч денницы
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню,
Понесем в Старый Дом, в Палестину

О, Достоевский полон новых чаяний. Все уже на Западе было ему не нужно. Восток, восток: и он наш русский Эней, высаживается где-то около Сидона, около Тира, около Иерусалима, около Дамаска, около Гелиополиса, — египетского-ли, сирийского-ли. Там все были Гелиополисы и Иерополисы, в чине старшинства, и иерархии. «Звезда — бо звезде свет падает» И угасает Звезда запада. И восходит звезда Востока.

* * *

Я не хочу зимы в христианстве, я не хочу зимы в христианстве, я не хочу зимы в христианстве.

Я хочу вечной весны. Только весны. Мая. И — именно первого мая.

Что такое?

А есть и зимний Христос. Вот я с ним-то и разрываю. И он, поистине, не может ничего сказать против «стригущего Его»: а я его остригаю — острыми ножницами, не такими — как Он остриг человечество, из мягкой не закаленной стали, да еще опутанно! В волну ягненка...

«Предвечный Агнец», закланный «за грехи мира».

Да какой «особенный грех», уж не это ли... совокупление? «Аще соблазняет тебя *глаз твой* — вырви глаз» и «аще соблазняет правая рука» — не помню — должно быть «сломай правую руку» Но если любишь музыку — то «проткни барабанную перепонку».

И вот, без ушей, без глаз и без «правой ноги» — ковыляет «христианин» к Твоему убежищу — которое есть воистину могила...

«И кто не оставит отца и матери — несть Меня достоин».

«И кто не оставит жены — несть же достоин Меня...»

«И не оставит домашних своих»... «*Враги* ибо человеку — *домашние его*»...

Дверь распахнута. «Куда идти? Куда бедный человек тебе идти?» Ты — беглец, от родных, от родного крова.

Странник. Странничество (секта).

Кто же ты? Один, solo. И провожает тебя бедный путник, никогда, ни разу за 33 года не улыбнувшийся...

И провожает... странно... в огонь неугасимый, уготованный диаволу. Ангелом Ея.

.....
И Силен румянорогий.

* * *

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО

Если вы уберете в сторону хвостовство, и вычтете из «христианской цивилизации» — Грецию, Рим и Вавилон, Египет и евреев, то велик ли выйдет «остаток». Ей-ей, остатка не будет, а еще придется «позаимствоваться единицами»:

- 1) скульптура как никогда в Европе;
- 2) беспримерная философия — Платон, Аристотель.
- 3) Да нет, вся жизнь, простая, благородная, ясная.
- 4) Жизнь добрая, воистину добрая.

Разве хоть об одном городе там была пословица как у нас о Москве: «Москва слезам не верит».

О, о, о...

О, ужасы.

Слезам, человеческим слезам (как не верили, когда я замерзал в Сергиевском Посаде).

Какое же преимущество «Благодать Господа нашего Христа»:

Канцелярия.

Революция.

Степан Парамонович да Пугачев.

Да шлейф Екатерины и ее 101 любовников.

* * *

...ЯКО В ВЕК МИЛОСТЬ ЕГО

Кто бы он ни был и какой бы ни был, так именуемый: «Бог Израилев», — и всякий израильтянин это чувствует у себя под подушкой, и когда засыпает к ночи, и когда пробуждается к утру, так что «еврею достаточно сжать пальцы», чтобы сказать: «Бог мой тут и хранит меня», — ибо «он хочет быть богатым» и — «вот уже богат», «быть хочет властным» — и «вот уже во власти», быть хочет «плодушим» — и «вот у него и *дети*» и до такой степени, что «распоряжается миром как сам Бог», и неизвестно «где Бог, а где еврей», — так что он «всех своих пороков» достигает через «порочного своего Бога», — подобно этому, но в другую сторону, «христианин при всех усилиях никак не может открыть у себя Бога»: хочет быть добрым — и «зол»; всякий израильтянин непрерывно и ежечасно и ежелично чувствует, что он «с ним» и хочет ли он быть богатым, он и делается богат, хочет ли быть во власти — и делается во власти, хочет ли быть знаменитым — и становится знаменит, что как будто он у него лично и поименно в дому, ближе — под подушкой, еще ближе — «взять его»: а просыпается ли он к

утру или засыпает к вечеру, и засыпает он и просыпается с уверенностью, больше — с ощущением, что стоит ему «зажать палец» — и все «Бог сделает по его желанию».

Поразительно, что даже сама Церковь «в славе Своей» «хочет быть Христовою»; а *осуществляется* в «анти-Христовстве» — насколько она именно «в славе», «в богатстве», «во власти». Неуловимо, *неудержимо* христианство переходит в свою антиномию: а антиномия христианства, конечно же, есть «Анти'Христово царство». И вот выходят «христианские *газеты*», когда существо газеты — мелочь, дребедень, не душа, а душа — та, конечно же, «антихристова». И выходят «журналы *христианские*» — и конечно, это тоже по существу дела и *духа* — антихристианства. В Риме — (Коллеж) «De propaganda fide»¹, — и неужели это не анти'христианство. Тайна лежит в том, что уже все учение и сама бытность Христа, Лик Христа — глубочайше антиномичны: и Сам же «взял 12 апостолов, сказав им: идите — и научите языки», «идите — благовествуйте Царствие Божие». Но что же это значит, как не: «Я хочу признания Себя»...? Между тем это вовсе не всегда и не вечно, вовсе *из существа земли не вытекает* евреи *не пропагандируют*, да и «язычество Афин» никогда не искало перекинуться к персам. Все древние религии лежат в самих себе. Но вот — Птолемеи в Египте: и *сейчас же строят Храмы и аписам*. Они как-то — нежились, и как-то — перекидывались. Притеснения нигде не было. Между тем уже Ап. Павел, написав «гимн любви христианской» — потеснил Апостола Петра: во грех не только «гимну», но и словам достопамятным: «Мне *в вас* (чистых) тесно, а вам во мне — не тесно. Наоборот: «Христианину и всяким тесно», и он ждет всякого «преобразить *точь-в-точь в себя*». В католичестве религиозные ордена ссорятся друг с другом, доминиканцы с францисканцами, францисканцы с доминиканцами, иезуиты — со всеми. Где «Христос» — там и «распря». Ничего подобного не было в мире, и — никогда не было. Станным образом «религия *любви*» в силу антиномичности общего духа Христова — решительно сделалась религиею *ненависти*. Вражда, ссора... Злоба, неумолимая злоба... Зависть, о, какая!.. Жадность («Богатый юноша» — т. е. притча о нем — тоже антиномична).

И вот — ЭТА война. О, как она понятна в антиномическом христианстве.

¹ «О распространении веры» (лат.).

О ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

В конце августа 1917 г. Розанов с семьей перебирается из Петрограда в Сергиев Посад. Здесь, «около церковных стен», т.е. неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, во время голода и разрухи, он пишет завершивший его литературное творчество «Апокалипсис нашего времени».

Поначалу замысел книги был несколько иной. Розанов хотел назвать ее «Троицкие березки». Судя по наброскам предисловия, тон «березок» — при всех отличиях от «Уединенного», «Опавших листьев», «Мимолетного» и т. д. — заставил бы читателя вспомнить именно эти книги. Только теперь Розанов не собирался держать рукопись в своем архиве, как «Сахарну» или «Мимолетное». «Троицкие березки» должны были небольшими выпусками выходить в свет.

К середине осени Розанов погружается в душевную смуту. Он поражен «скупостью богословов» Сергиевого Посада, у которых «зимой снега не выпросишь». На личное разочарование в церковной братии наложилась «политика»: 1917 год был воспринят Розановым как катастрофа: «Русь слиняла в два дня». Тема «антихристианства» и тема гибели России пересеклись в «Апокалипсисе». И обе они соединились с давними мотивами творчества писателя: пол, семья, Ветхий Завет, Древний Египет. Современный мир гибнет потому, что — как заметил Розанов в уведомлении к первому выпуску — он «проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания». Именно на древность, ветхозаветную и египетскую, и пытается опереться Розанов в последние годы жизни.

Еще в октябре 1917-го он продолжает «Последние листья». Они завершаются записью от 3 ноября 1917 г.:

«Эту ночь мне представилась странная мысль: что, мож. быть, все мое отношение, — все и за всю жизнь, — к России — не верно. Я на все лады, во все времена ее рассматривал с гражданской стороны, под гражданским углом. У меня был трагический глаз. А, м.б., ее надо рассматривать с комической стороны»¹.

¹ Розанов В. В. Последние листья. М., 2000.

Здесь писатель довольно мягко проговорил то, что в «Апокалипсисе нашего времени» зазвучит совсем по-иному: с болью, гневом и отчаянием.

Но, несмотря на многие «несходства» «Последних листьев» и «Апокалипсиса», жесткую границу между этими книгами провести не так просто.

Действительно, жанровый переход от «Последних листьев» к «Апокалипсису» не был резким. В нескольких номерах журнала «Книжный угол» за 1918 г. Розанов публикует (совершенно в духе «Апокалипсиса нашего времени») отрывки с названиями: «Запущенный сад», «Гоголь и Петрарка», «Апокалиптика русской литературы», «Солнце», «Таинственные соотношения», «Из последних листьев», «Последние листья». Вне всякого сомнения — это разные главки единого целого, некоего печатного варианта «Последних листьев». В архиве многие из этих фрагментов мы находим не только среди рукописей с одноименным названием¹, но и в материалах «Апокалипсиса нашего времени»². Более того, многие статьи Розанов перемещал из «Последних листьев» в «Апокалипсис» или, наоборот, из «Апокалипсиса» в «Последние листья». Об этом говорит и содержимое книг (разные варианты одной статьи можно обнаружить и там, и здесь). Об этом говорят и пометы вверху листа, над заголовками некоторых статей («Столпы и труха», «Солнце» и т. д.): Розанов планировал их включить то в «Апокалипсис», то в «Последние листья». Наконец, о родстве этих книг говорят и сами рукописи, запечатлевшие процесс работы писателя.

Вероятно, в архиве Розанова сохранились не все части «Апокалипсиса». Тем не менее, если и не всегда можно по рукописи восстановить, когда писался тот или иной фрагмент, то можно увидеть, как рождались эти фрагменты. Первоначальный набросок мог уместиться на крошечном листке блокнота, на случайно подвернувшемся бумажном клочке, на обрывке конверта (т. е. так, как записывались розановские «листья» и ранее). Запись, которая особенно «задевала», переписывалась более разборчивым почерком на отдельном листе. Но, как правило, Розанов не долго выдерживает режим «чистописания». Почерк часто становится все более «скомканным»: рука убыстряет свое движение, не поспевая за развитием мысли, строчки изгибаются, задираются вверх, ложатся с края листа. Сам лист поворачивается, ложится на бок, иногда — переворачивается «вверх ногами»...

Часто такие отрывки снова переписывались «набело». Но и на этот раз переписывание могло превратиться в переработку: в голову могли прийти новые мысли, появиться иные «изгибы» уже запечатленных идей. Совпадая поначалу с предыдущим фрагментом, новый все более менялся, превращаясь еще в один черновой вариант и обретая при этом все большую смысловую «многомерность».

¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 230.

² Там же. Ед. хр. 232—235.

В целом черновая рукопись «Апокалипсиса нашего времени» — это и первоначальные «кочки», иногда всего в несколько строк, и более подробные и длинные отрывки, начало которых похоже на беловую рукопись, а конец — на беглый и часто трудно читаемый черновик. Наконец, есть и рукописи, предельно приближенные к чистовику. (К сожалению, некоторые листы рукописи сохранились не целиком, с утратой отдельных мест.)

И все же и в этом, иногда вполне «черновом» виде заметно движение жанра, ранее открытого Розановым в «Уединенном», в сторону традиционной статьи. Разумеется, «Апокалипсис нашего времени» включил в себя уже не статьи в собственном смысле слова, но, скорее, «куски статей». Розанов как бы выбрасывает все лишнее, пассажи, которые могли бы связать вместе разные мысли, предпочитая оборвать одно рассуждение и тут же начать другое, близкое или, напротив, контрастное по тону, по теме.

Здесь обнаруживается близость «Апокалипсиса нашего времени» еще одной розановской книге, вышедшей с 1916 г. отдельными выпусками, — «Из восточных мотивов» (более поздний вариант названия — «Возрождающийся Египет»). Большая часть этой работы также осталась неопубликованной. Некоторые из составивших ее рукописных статей (например, «Шакал», «Моисей и Египет», «О поклонении Аписам») находятся и среди рукописей «Апокалипсиса нашего времени», и в неопубликованных материалах «Восточных мотивов». Отдельные очерки этого большого труда Розанова датированы летом 1918-го, т. е. писались они, когда работа над «Апокалипсисом нашего времени» была в полном разгаре.

В сущности, с конца 1917 г. Розанов разрывался между двумя замыслами. То, что «Восточные мотивы» (отрывки более «созерцательные») были оттеснены огненными строками «Апокалипсиса нашего времени», во многом объясняется теми трудностями, с какими должен был столкнуться Розанов, готовя в безденежное время книгу о Египте со множеством иллюстраций. Но это предпочтение выдает и душевное состояние писателя, его смятение, его отчаяние.

Лишь по внешности Розанов выглядит отступником, проклиная христианство, вернувшись к давним излюбленным темам: «Иудаизм» и «Египет». Слишком уж с болезненным воодушевлением он порочит Новый Завет, противопоставляя ему Завет Ветхий. Его «Обращение к евреям» в октябре 1918 г., которое он хотел сделать предисловием к одному из выпусков «Апокалипсиса», выдает и тайную, горестную причину «озлобления» Розанова: внезапная смерть сына, в которой он готов видеть карающую руку Провидения.

Но, в сущности, любое высказывание Розанова в «Апокалипсисе нашего времени» — не окончательно. Позднее «антихристианство» писателя опровергается не только его христианской кончиной, но и самим тоном его горестной книги, той разорванностью мысли, когда, например, писа-

тель готов уверить читателя, что, отталкивая от себя самый дух Евангелия, он вовсе не отрицает подвига русских святых.

Не случайно в это же время он пишет Эриху Голлербаху ставшие знаменитыми строки: «До какого предела мы должны любить Россию? ... до истязания; до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до «наоборот нашему мнению» ...»¹

Сказанное писателем в последней его книге — это его «мнение», которое не может стать последним словом, поскольку этим последним словом была его любовь к России.

Антихристианский пафос «Апокалипсиса нашего времени» и христианская кончина Розанова говорят не столько о незавершенности внутренней тяжбы Розанова с самим собой, сколько о ее неразрешимости. Есть интереснейший отзыв П. А. Флоренского (письмо М. И. Лутохину), где он объясняет причину розановских нападок на христианство: приюти и накорми Розанова какой-либо монастырь, он бы, по своей впечатлительности, «с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений... — все монастыри вообще». И «он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по проникновенности лирики», хотя это была бы хвала христианству «не за христианственность, а за некоторые нейтральные черты в нем». Но в Сергиевом Посаде Розанова встретили бедствия послереволюционных лет, а помноженные на его прежние семейные проблемы — они вылились в эти резкие выступления².

В сущности, говоря об «Апокалипсисе нашего времени», Флоренский сказал об особенностях мышления Розанова как такового: Розанов чувственное впечатление возводит в ранг конечных обобщений. Но, поскольку впечатления человеческие изменчивы, меняются и обобщения. Длительная работа от эмпирического «опыта» до теоретического суждения в Розанове происходит быстро, иногда мгновенно, ему легко думается, и от этого сами впечатления не становятся достаточной основой его выводов. Самый долгий и основной его жизненный опыт — его собственный семейный вопрос, невозможность развода с Аполлинарией Сусловой, тайное венчание с Варварой Дмитриевной Бутягиной, знак незаконнорожденности на его детях и т. д. — и стал главной темой его философии: пол, семья, религия и др. В целом, при изменчивости его впечатлений, он как бы проделал работу множества мыслителей (от опыта до обобщения), а философское творчество его — насквозь диалогично. Розанов находится в вечном споре с самим собой (даже когда его высказывания носят утвердительный и, казалось бы, непреложный характер), и на каждый вопрос у него есть множество враждующих друг с

¹ Розанов В. В. Письма В. В. Розанова к Э. Голлербаху. Берлин, 1922. С. 125.

² См. Василий Розанов. Pro et contra. Спб., 1995. Т. 2. С. 317.

другом ответов. Он оставил разработки множества тем: пол, религия, история, монархия, нигилизм, революция, культура, педагогика и т. д., — почти везде давая самые разноречивые суждения, доходя часто в них до крайности, и — если охватить его творчество в целом — оставаясь в непрекращающемся диалоге с собой, самой «неокончателъностью» суждений еще более заостря поставленный вопрос. И потому тот же «Апокалипсис нашего времени» может быть прочитан как новый «христорческий» порыв Розанова, новая атака на христианство. Но в большей мере это все же не книга «против». Это отчаянный («с руганью») плач по родине с ее «хождением по мукам».

Сергей Федякин

Комментарии и указатель имен

КОММЕНТАРИИ

В настоящем томе сохраняются те же принципы комментирования, что и в вышедших ранее томах Собрания сочинений.

ВЫПУСКИ № 1—10

Печатается по изданию, вышедшему в Сергиевом Посаде в ноябре — декабре 1917 г (№ 1 и 2) и в 1918 г (№ 3—10) в типографии И. Иванова (склад издания в книжном магазине М. С. Елова). Общая пагинация выпусков (всего 148 страниц) была призвана подчеркнуть целостность замысла всей книги. Неточности цитирования не исправляются и не отмечаются. Строчки отточий в тексте присутствуют в первом издании.

С 5 *«я все забыл» в Московском университете* — Учение в Московском университете, который он окончил в 1882 г (историко-филологический факультет), не наложило на Розанова заметного отпечатка. Он всегда считал, что «вовсе не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни» («Опавшие листья». Короб 1-й).

С 6 *Прав этот бес Гоголь* — Розанов видел в Гоголе «гениального, но извращенного» писателя, мастера сатиры, смех которого отрицает Россию

«Детский мир» (1861) — хрестоматия К. Д. Ушинского для первоначального чтения в школе. Розанов пародирует текст хрестоматии. Ср. запись во втором коробе «Опавших листьев»: «Мы учили по Радонежскому или Ушинскому: «Я человек хотя и маленький, но у меня 32 позвонка и 12 ребер...»

Песнь Моисея — Откр. 15, 3.

«Новое время» нельзя было закрыть . — Газета «Новое время», издававшаяся в Петербурге с 1868 г., в которой сотрудничал Розанов, была закрыта решением военно-революционного комитета при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 г.

С 7. *Алпатыч* — управляющий в имении князя Болконского Лысые Горы (*Толстой Л. Н.* Война и мир).

Литвинов Ирину и Лежнев Лизу . — герои романов И. С. Тургенева «Дым» и «Дворянское гнездо». Неточно. Вместо Лежнева (роман Тургенева «Рудин») имеется в виду Лаврецкий.

С 8. *Полабские славяне* — группа западнославянских племен, населявших до XII в. территорию от Эльбы (Лабы) до Одера, в дальнейшем большая часть их была германизирована.

«Дневник лишнего человека» (1850) — повесть И. С. Тургенева; *«Жизнь ненужного человека»* (1908, полностью 1917) М. Горького. Далее обыгрывается название повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

«Уж сам жаждущий, когда сам утолился...» — Мф. 5, 6.

С. 9 *«Должны победить»* — 26 и 27 июля 1914 г. «Новое время» опубликовало статью М. Меньшикова *«Должны победить»*, в которой говорится о встрече Николая II в Зимнем дворце с представителями народа

И вот еще не износил революционер первых сапог — перефразировка слов Гамлета («и башмаков не износив») У Шекспир *«Гамлет»*, действие I, сцена 2.

«волчцы и тернии» — Быт. 3, 18

С 10 . *даже Леонид Андреев ничего не выплюнул* . — Розанов весьма скептически относился к творчеству Л. Андреева, видя в его книгах «бесстрастие и равнодушие», «отсутствие простоты, отсутствие глубины».

С 12 *«Итальянские впечатления»* (1909) — книга Розанова; написана на основе его поездки в мае 1901 г. в Италию и летом 1905 г. в Германию. Речь идет о заключительной главе книги, где Розанов писал: «Германия явно рвется и, вероятно, достигнет гегемонии в сонме европейских.. держав; но «гегемонии» такой, которой некуда им (немцам) девать и нечего из нее сделать. Нет, мне кажется, народа менее с «всемирным» призванием, чем немцы»

Deutschland, Deutschland über alles — первая строка песни немецкого поэта А. Г. Гофмана фон Фаллерслебена (1798—1874) — «Германия, Германия превыше всего» (1841), использованной позднее в качестве националистического гимна Германии и фашистского рейха.

«с мечом, исходящим из уст его», *«как из камня сардиса и халкедона»* — Откр. 2, 16 и 15.

С. 13. ... *«облечение в белые одежды»* — Откр. 3, 5.

.. *«земли новой»* и *неба нового*. — Откр. 21, 1.

. *«древо жизни»*, *«источники вод»* — Откр. 22, 2 и 14; 21, 6.

С 14 *«Евангелие будет проповедано всей твари»*. — Мк. 16, 15.

. *«падающих звездах»* и *«небе, свившемся как свиток»* — Мк. 6, 13 и 14

Рог — это слово, употребляемое в Библии как эмблема могущества, чести и славы (Втор. 33, 17, Лк. 1, 69).

Патмос — остров в Эгейском море, где, по преданию, Иоанн Богослов получил повеление записать виденное

С 15. *«красоту полевых лилий»*. — Мф. 6, 28.

С 16. *«Учитель, хлеба!»* — вариация на тему Евангелия от Матфея, 14, 17—21.

«Ты — ходил в Саду Божиим...» — Иез. 20, 13.

«Ты был первенец Мой...» — Исх. 4, 22.

Иегова (Яхве) — бог в иудаизме, произнесение имени которого было под запретом и точное произношение осталось неизвестно.

С. 17. ... *«мир проходит»* — 1 Ин. 2, 17.

С. 18 ...о *«мартовских»* днях — то есть о свержении самодержавия (Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 г. по старому стилю).

Лысый, с белой бородою... — цитируется стихотворение И. С. Никитина *«Дедушка»* (1858).

С. 19. ...о *скифах и Вавилоне*. — В 4-й книге *«Истории»* Геродота дано первое в античной литературе описание жизни и быта скифов. Содержит также рассказ о походе персидского царя Кира на Вавилон (539 г.).

юная вдова, подбирающая колосья — сюжет из библейской Книги Руфи.

- С. 20. *Хроника о Меровингах* — «История франков» готского латинского писателя Григория Турского (ок 540 — ок 594) послужила главным источником для «Рассказов из времен Меровингов» Огюстена Тьерри (1795—1856)
«Зачем он бежит от меня? Он — брат мой» — 3 Цар 20, 29—32
Ассирияне шли как на стадо волки — цитируется стихотворение Байрона «Поражение Сеннахериба» (1815) в переводе (1856) А. К. Толстого
- С. 21. *...вдыхает туки своих жертв* — Лев 17, 6 и др
- С. 22. *«Аз есмь путь и жизнь»* — Ин 14, 6
- С. 23. *«Там оникс и камень бдолах»* — Быт. 2, 12.
«Аз и Отец — не одно» — ср · Ин. 10, 30 · Я и Отец — одно
..столбом огненным — ночью освещает путь — Исх 14, 19—20.
- С. 24. *Христос же сказал...* — Лк. 20, 34—35
- С. 25. *сотворена была Вселенная от Элогим* — Пятикнижие (т. е. первые пять книг Ветхого Завета — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) богословы считают цельным произведением, записанным Моисеем непосредственно со слов бога Яхве. В Пятикнижии рассказ ведется от Бога, именуемого то Элоха (во множественном числе Элохим), то Яхве. В русском синодальном переводе Библии Элохим обычно передается словом «Бог», а Яхве — словом «Господь»
Радость, ты — искра небес — Ф Шиллер К радости (1785) Пер. В Г Бенедиктова
Хорошо, «через кого соблазн входит в мир» — Розанов полемизирует с евангельским текстом, «Горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф 18, 7)
..один старец Востока . — в книге «Библейская поэзия» Розанов называет этого старца — проповедник Агиба.
И долго на свете томилась она — из стихотворения М Ю. Лермонтова «Ангел» (1831).
- С. 26. *«ад и скрежет зубовный»* — Мф 8, 12
«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда» — «Не поведаю тайны Твоим врагам, не дам Тебе лобзания как Иуда». Из молитвы Божественной литургии.
« нравственный закон» он уже принес — согласно Библии, на горе Синай Бог дал Моисею закон — 10 заповедей (Исх. 20).
- С. 27. *инженер-технолога Трофимова* — имеется в виду книга: *Трофимов А И* Научный социализм, или Учение о прибыли как ренте, поможет ли нам выйти из великой разрухи? М., 1918.
- С. 28. *Приидите володеть и княжити* — запись в изначальной русской летописи «Повесть временных лет» в год 6370 (862) о призвании варягов. Составителем ее считается монах Печерского монастыря Нестор (начало XII в.).
«Всю тебя, земля родная ..» — из стихотворения Ф И. Тютчева «Эти бедные селенья» (1855), которое особенно любил и постоянно цитировал Ф М. Достоевский («Дневник писателя», «Братья Карамазовы»).
.. «как в Риге» — 21 августа 1917 г. немцы заняли Ригу и установили там свой режим.
Покорение России Германиею будет... — эту идею Розанов подробнее развивает в статье «Возле «русской идеи»...» (1911).
- С. 29. *Величайший из древних...* — имеется в виду библейский пророк Моисей. «И сказал Моисей Господу: о Господи! человек я не речистый .. я тяжело говорю и косноязычен» (Исх. 4, 10).

С 30. *Град Салима (Соломона)* — имеется в виду Иерусалим, в котором царь Израильско-Иудейского царства (965—928 гг. до н. э.) Соломон осуществлял широкое градостроительство. Иерусалим (в том числе и Иерусалимский храм) был разрушен в VI в. до н. э. вавилонским царем Навуходоносором II, затем отстроен вновь. Окончательному разрушению подвергся в I в. н. э. в ходе Иудейской войны — восстания Иудеи (римской провинции в Южной Палестине) против протектората Рима

Павел — один из апостолов. Распят по своей просьбе головой вниз был, однако, другой апостол — Петр, о чем свидетельствует христианский теолог и философ Ориген (ок. 185—253/254).

начавшие торговать в Парагвае — колонизацию Парагвая возглавили иезуиты, создавшие там в начале XVII в. свое государство (1610—1768).

. . «*Я и Отец — одно*» — Ин. 10, 30.

И сделал что Сатурн с Ураном — в греческой мифологии бог неба Уран был оскроплен и свергнут собственным сыном Кроносом (Сатурном в римской мифологии).

«*. со свечечками и закопавшись*» — Речь идет о самокапывании сектантов в Бессарабии, о чем Розанов писал в книге «Темный лик» (1911), раздел «Русские могилы»

«*Егда вознесусь — всех привлеку к себе*» — Ин. 12, 32

кто воскресил Лазаря. — Речь идет об одном из чудес Христа — воскрешение умершего Лазаря (Лк. 10, 41—42).

«*потрясающий небо и землю*» — Агг. 2, 6.

. «*отрок Иеговы*» — т. е. Израиль (Лк. 1, 54).

С 31 «*Там будет огонь неугасимый*» — повторяющийся библейский мотив

Мария — сестра воскрешенного Иисусом Лазаря и Марфы, которая, когда Христос пришел в их дом, «села у ног Иисуса и слушала слово его» Когда Марфа посетовала на то, что сестра не помогает ей приготовить угощение, Иисус ей ответил «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10, 41—42)

«*И дам тебе все царства мира*» — искушение Христа дьяволом (Мф. 4, 8, Лк. 4, 5).

С 32. *народы понесут вас на плечах своих* — Ис. 56, 7

С 34. «*Ефа за ефу*» — Иез. 15, 11. Ефа — мера сыпучих тел (около трех ведер)

Песнь Деворры — Суд. 5, 1—31

Сестра Моисея — Мариам. «И воспела Мариам пред ними: пойте Господу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море» (Исх. 15, 21)

О, фараон, ты ввергнулся в море — Исх. 15, 4.

«*. мы — рабы Твои*» — Езд. 5, 11.

С. 35. «*Величит душа моя Господа*» — Лк. 1, 46.

«*Бог отнял у нас землю..*» — Повесть временных лет. М., 1978 С. 101.

И раз я на пароходе . — Летом 1907 г. Розанов путешествовал по Волге на пароходе.

На реках вавилонских — Пс. 136

С. 36. *Самсон* — библейский герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Поддавшись страсти к коварной Далиле, он был тайно лишен ею волос, источника его силы, и попал в плен к филистимлянам (Суд. 13—16).

Стена плача — остатки западной стены Иерусалимского храма, разрушенного римлянами в 70 г., место молитв и траура у евреев.

С 37 *Дело Панченко* — Панченко Владимир Кириллович и Обриен-де-Ланси Патрикей Петрович — осужденные к каторге за отравление в 1910 г гвардейского офицера В. Д. Бутурлина (запись судебного процесса издана отдельной книгой *Дело об отравлении В. Д. Бутурлина*. М., 1911)

С 38. *Муразов* — персонаж второго тома «Мертвых душ»

С 39. *Кит Китыч* — так в комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856) называют купца-самодура Тита Титыча Брускова. Цитата контаминирована из произведений Островского.

. «льна курящегося не погаси» и «трости надломленной не переломи» — Ис 52, 3, Мф. 12, 20.

С. 40. «Дай, я умою ноги тебе» — ср 12 Ин. 13, 5.

« надо пощупать кожу его» — Иов 2, 4—5.

Свобода, братство, равенство (обычно. Свобода, равенство, братство) — фраза, ставшая лозунгом французской революции XVIII в., приписывается Б. Франклину Письменно зафиксирована в постановлении парижского клуба кордильеров 30 июня 1793 г.

«Около тебя раба твоя, Руфь » — Руфь 3, 9.

«И будет мне по глаголу твоему» — Лк 1, 38.

С 41 *Агарь* — служанка, родившая родоначальнику евреев Аврааму сына Измаила (Быт 16).

С 42 «подставь ланиту ударившему тебя» — Лк 6, 29

«Бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти» — Рим. 7, 24

Приказ № 1 — имеется в виду первый после победы Февральской революции приказ по гарнизону Петроградского военного округа 1 марта 1917 г, принятый на объединенном заседании рабочей и солдатской секций Петроградского Совета Приказ № 1, выработанный комиссией под председательством офицера Н. Д. Соколова, наделял солдат гражданскими правами, отменил титулование офицеров «ваше благородие»

С 43 *генерал Бетрищев, пишущий «Историю генералов отечественной войны»* — имеется в виду эпизод из второго тома «Мертвых душ» (гл. 2), где говорится, что Тентетников писал историю о генералах 1812 года.

С. 44 *О чем ты воешь, ветр ночной.* . — начало стихотворения Ф. И. Тютчева (1836)

Наль и Дамаянти — герои эпоса народов Индии «Махабхарата».

С. 45 *о Храме явно сказав, что Он его разрушит...* — Мф 24, 1—2, 26, 61, Мк. 14, 58, Ин. 2, 19.

.. «вышел сеятель сеять в поле» — Мк. 4, 3, Лк. 8, 5.

С. 46 «Как лань желает на источники вод » — Пс. 41.

.. «молитва мытаря» — Лк. 18, 13—14.

.. «попав в чрево китово» — Ин. 2, 2

Арфа Давида — в русском переводе Библии царь Давид играет на гуслях (Цар. 16, 23).

Марсий — фригийский пастух, игравший на флейте, согласно мифу, вызвавший на состязание Аполлона. Музы решили спор в пользу Аполлона, игравшего на кифаре. Тогда Аполлон повесил Марсия на сосне и содрал с него кожу.

«Мыслю, следовательно существую» — выражение французского философа Рене Декарта (1596—1650) из его книги «Начала философии» (1644)

С. 47 *первые да будут последними.* — Мф. 19, 30; 20, 16; Мк. 10, 31; Лк. 13, 30

«Пошли серп твой на землю ..» — Откр. 14, 18.

И земля была пожата. — Откр. 14, 16.

С. 48. *И спросил его Иоанн* — Ин. 13, 25—30.

С. 50. *Императорская Публичная Библиотека* — ныне Государственная национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, учреждена в Петербурге в 1795 г. и открыта в 1814 г. *British Museum* (Британский музей) — основан в Лондоне в 1753 г., открыт в 1759 г., включает в себя одну из крупнейших библиотек мира. *Университет в Саламанке* — старейший университет Испании. Основан в 1218 г., один из крупнейших культурных центров Европы. *Амвросианская библиотека* — находится в Милане, основана в 1609 г., названа по имени миланского епископа Амвросия (340—397).

... «цветочки» *Франциска Ассизского*. — После смерти Франциска Ассизского (1182—1226), учредителя названного его именем монашеского ордена, появились рассказы о нем — «Цветочки» (русский перевод публиковался в 1904 г. в журнале «Новый путь», где печатался Розанов).

«*Подражание Фомы Кемпийского*» — морально-философский трактат нидерландского монаха Фомы Кемпийского (ок. 1380—1471) (О подражании Христу) (ок. 1418).

«*Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы избежать*» — девиз позитивизма, сформулированный Огюстом Контом (1798—1857).

С. 51. *Константин Великий* — казнил сына... — В 326 г. по обвинению его жены Фаусты его старший сын Крисп был сослан, а затем умерщвлен. Убедившись вскоре в невиновности Криспа, он приказал казнить Фаусту.

«*планета не пощадила создателя своего*» — вариация на тему «Легенды о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского

это сборища бесовские . — Откр. 2, 9.

«*И поколебались основания земли*» — Мф. 27, 51.

Есть упоение в бою — А. С. Пушкин. Пир во время чумы (Песня Председателя)

Арей (Арес) — бог войны в древнегреческой мифологии. Ему соответствует римский Марс.

С. 52. *Каптерев Павел Николаевич* — сотрудник журнала «Богословский вестник» (1892—1918), издававшегося Московской духовной академией в Сергиевом Посаде. С 1913 г. редактором журнала стал П. А. Флоренский (1882—1937), философ и ученый, друг Розанова.

Энтелехия (греч. — завершенность, осуществленность) — понятие философии Аристотеля, означающее осуществление какой-либо возможности бытия.

С. 53. *Когда волнуется желтеющая нива*. . — вольно цитируется стихотворение М. Ю. Лермонтова (1837).

«*Бог взял семена из миров иных*. » — Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Ч. II. Кн. 6. Гл. 3.

С. 54. «*Восточные мотивы*» — в 1916—1917 гг. вышло три выпуска книги Розанова «Из восточных мотивов», отразившей его интерес к Египту.

Весна идет, весна идет... — Ф. И. Тютчев. Весенние воды (1830). Вторая строка стихотворной цитаты — вариация на тему «Зеленый шум» (1863) Н. А. Некрасова.

Серапеем — в древности название храма египетского бога Серapisа. При храмах были склепы, где хоронили трупы священных быков Аписов.

С. 56 «*Домострой*» — памятник русской литературы начала XVI в., свод житейских правил и наставлений, построенный на принципах патриархального быта; обработан протопопом Сильвестром (ум. ок. 1566), который дал книге ее заглавие: «Книга глаголемая Домострой...»

С. 57. . *жить «одному»* — Быт. 2, 18.

.. *«тривиум» и «квадривиум»* — циклы из трех и четырех предметов в средневековой школе.

С. 58. *...пора Бейлиса несчастная.* — В связи с судебным процессом в Киеве осенью 1913 г. над приказчиком кирпичного завода М. Бейлисом по обвинению в убийстве с ритуальной целью мальчика Андрея Ющинского Розанов выпустил сборник своих статей «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (1914)

Не поймет и не оценит.. — неточно цитируется стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

С. 59. *Холодно, странничек, холодно ..* — Н. А. Некрасов. Коробейники (1861)

«Помяни мя, Господи, егда приидеши...» — Лк. 23, 42, 39.

С. 60. *О Нобеле никто не писал.* — Нобель Эммануэль — шведский промышленник. Его отец Людвиг Нобель в 1876 г. вместе с братом Альфредом (учредителем Нобелевской премии) основал нефтепромышленное предприятие в Баку. После смерти в 1888 г. Людвиг его сын возглавлял Товарищество братьев Нобель, ставшее крупнейшей нефтефирмой в России. В начале 1918 г. бежал в Швецию, переодевшись крестьянином.

плутяга Некрасов — Некрасов оценивался Розановым весьма неоднозначно. Он считал, что некрасовские стихи увлекли юношество в революцию студентов «науськал Некрасов» («Опавшие листья»), а его стихотворение «Отведи меня в стан погибающих» «поистине все омочено в крови» («Уединенное»).

Что ему книжка последняя скажет. . — Н. А. Некрасов. Саша. Гл. IV.

ТЕКСТ «АПОКАЛИПСИСА...», ПУБЛИКУЕМЫЙ ВПЕРВЫЕ

Печатается впервые по рукописи РГАЛИ. Фонд 419. Ед. хр. 234 и 235. Рукопись не была подготовлена Розановым к печати, и в ней встречаются повторы и варианты черновиков, которые нами не публикуются. В указанных единицах хранения («Статьи для сборника «Апокалипсис») находятся также автографы записей, вошедших в десять опубликованных выпусков «Апокалипсиса нашего времени». Отдельные записи, включенные в настоящую публикацию, находятся в единицах хранения 230 и 233 (предисловия к «Апокалипсису») того же фонда РГАЛИ.

В архиве записи В. В. Розанова для «Апокалипсиса нашего времени» расположены по алфавиту заглавий или первых строк. В настоящем издании рукописный материал разделен редакцией на две части. В первую часть включены записи, имеющие даты (расположены по хронологии). Вторую часть составили записи, в которых Розановым даты не были указаны (расположены по алфавиту заглавий или первых строк)

В изданных десяти выпусках «Апокалипсиса» Розанов, как известно, перешел от публикации по хронологии записей (как то было в «Мимолетном 1914 года», «Мимолетном 1915 года», «Последних листьях 1916 года» и в «Последних листьях 1917 года») к заметкам с названиями. Публикуемые новые материалы отчасти отражают этот переход.

С. 67. *Ал Ив. Грибоедов* — нарочитое небрежение к имени Александра Сергеевича Грибоедова.

С. 73. *«Даяй деу в брак»* — 1 Кор. 7, 38.

С. 77. *в Рыбнице* — речь идет о поездке Розанова в Сахарну (Бессарабия) летом 1913 г.

С. 78. *«Сеятель и его Серна»* — Деян. 9, 36.

С. 79. *«Иди — и впредь не греши»* — Ин. 8, 11.

С. 84 *Брак в Кане Галилейской* — Ин 2, 1—11.

С. 85. .. *«зайца пищащего не вкушайте»* — Втор. 14, 7

«Аще не вкусите» — не внидите в Жизнь Вечную» — ср. Лк 14, 15.

С. 86. ... *«же-можяху»* и *«же за ны»* — словосочетания из церковной службы, непонятные для народа, которые Розанов неоднократно приводил во втором коробе «Опавших листьев» и в «Сахарне»: *«Распятого же за ны при Понтийстем Пилате»* (Символ православной веры); *«Христе Боже, показавый ученикам Твоим славу Твою, якоже можяху»* (Тропарь Преображения)

С. 89. *Иамнийское собрание* — синедрион, верховный суд Иудеи, местопребыванием которого с 73 по 117 г служил портовый город Иамния (ныне Иевна).

С. 93. .. *у Овидия в передаче мифа о Мирре* — Овидий. *Метаморфозы*. Кн. 10

Ну как не порадеть родному человечку — А. С. Грибоедов *Горе от ума* II, 5

С. 95 *«Кровью твоею живи»* — ср. Иез 35, 6.

С. 96. *Не ешьте никакой крови* — Лев. 17, 14

С. 97 *Черемис* — устаревшее название марийца.

«О семени твоём благословятся все народы» — Быт. 22, 18

С. 102 . *описание Воспитательного дома* — имеется в виду долговая тюрьма Маршалси в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит» (1857).

С. 104. *Шир Гаширем* (Шир га-ширим Зитва) — в иудаизме комментарий к Песни Песней.

С. 106 *Ерман с его филологической школой* — немецкий египтолог Иоган Адольф Эрман (1854—1937), профессор Берлинского университета, директор Египетского музея в Берлине, основатель берлинской школы египтологов, имевшей филологическое направление (изучение египетского письма)

С. 113 *Солнце из выпуска III* — речь идет о книге Розанова «Из восточных мотивов» (Пг., 1917. Вып. 3), где на с. 84 дана трехцветная фотография солнца, 7 египтян и двух жуков

С. 116. ... *«камень, на коем утверждаюсь»* — Мф 16, 18

С. 117. *«144 000 из колена ..»* — в «Откровении от Иоанна» (7, 4—8) указано 144 000 из всех колен Израилевых и затем перечисляются 12 колен по 12 000 каждого.

С. 122. *Я <ценю> их гений...* — в рукописи вырвана часть страницы.

С. 123. *С тех пор...* — в оригинале рукопись обрывается.

«Как мертвые воскресают» — вероятно, Розанов имеет в виду пьесу Г Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899), шедшую в МХТ.

С. 124. *«Св Русь»*, *«Отрок Варфоломей»* — картины М. В. Нестерова «Святая Русь» (1901—1906) и «Видение отроку Варфоломею» (1889—1890).

Тень несозданных созданий... — В. Я. Брюсов. *Творчество* (1895).

С. 125. *У Мережковского это как-то лучше...* — речь идет о стихотворении Д. С. Мережковского «Дети ночи» (1894).

С. 126. *Блаженны нищие...* — Лк. 6, 20.

«Кто любит жену или отца...» — Мф. 10, 37.

С. 127. *«Так сострадательно к Марии»* — см. Лк. 10, 39—42.

...«о скопчестве Царства ради Небесного» — Мф. 19, 12.

- С 128. ... «гобзовитое богатство». — И. Т. Посошков в книге «О скудости и богатстве» (1724) так пишет о взглядах ачилиийского философа Т. Гоббса (1588—1679)
 . «легче верблюду пройти в игольное ушко » — Мф. 19, 24
 .. «новые звезды, новое небо» — ср. Откр 21, 1
 И мор, и болезни, и потопления — ср. Мф. 24, 7
 «кусания языков» — ср. Откр 16, 10
- С 135. *Связь вещей* — При этой записи помета Розанова о том, что далее должна следовать запись «Ты еси Бог, творяй чудеса»
- С 138. *Мелинит* — взрывчатое вещество (пикриновая кислота), применявшееся во время Первой мировой войны.
- С 139. *Вайя* — лист пальмы
 1 апреля 1918 г — данная запись сделана 10 марта 1918 г.
- С 147. «Талифа куми» — «Девица, встань» (Мк 5, 41).
 «И дам ему звезду утреннюю» — Откр 2, 28
- С. 148 «Вы не знаете, какого вы духа» — Лк 9, 55
 ... «мерзость запустения .» — Дан. 9, 27, 11, 31, 12, 11
- С. 152 *Музыка*. — Хотя все записи Розанова расположены в архиве по алфавиту заглавий, иногда встречаются авторские пометы относительно того, где должна находиться запись. При данной записи написано: «После «Сокровища смиренных» (см далее)
- С 154. *Тришатов* — музыкант в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»
- С. 156. *Карнак* — комплекс храмов (20 в до н э.), главное святилище в период Нового царства в Египте (16—11 вв. до н э.), достраивался в римский период
Лукзор — древнеегипетский храм (15—13 вв до н э.), отличающийся грандиозностью пространственной композиции
- С. 157 . «великим писателем земли русской» — почетное наименование Л Н Толстого в письме И С Тургенева (июнь 1883 г.) к Л Н Толстому.
- С. 158. «Проходит лик мира сего» — 1 Кор 7, 31
 «стучащимся в двери историй четвертом сослови» — Ф М Достоевский Дневник писателя за 1880 г. (гл III, 3)
 «Приидите ко Мне все труждающиеся» — Мф 11, 28
- С. 160. *Деминуентно* — неологизм Розанова от de-minuo — уменьшать, делать уменьшительным (лат)
 «Раздай твое имущество и будь нищим» — Мф 19, 21
 «Богатый и Лазарь» — Лк 16, 19—31
 «И кто любит отца и мать больше Меня » — Мф 10, 37
 слова о скопчестве — Мф. 19, 12
- Libertin, либертен* — представитель свободомыслия, враждебного церкви и религиозным догматам. На протяжении XVII в. либертинаж как философия подвергался гонениям со стороны властей и церкви.
- С. 161 «Я победил мир» — Ин 16, 33
Шел в комнату, вошел — в другую — неточная цитата из «Горя от ума» (1, 4) А. С. Грибоедова.
- С. 162. ...«полевые лилии» — Мф. 6, 28.
- С. 166. *Неудавшееся христианство* — слова Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 г. (март, гл. 2, III).
- С. 169. «Цветы невинного юмора» (1864) — статья Д. И. Писарева.
 ...«гг. Ташкентцы» — цикл сатирических очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» (1869—1872).

- С. 172. *Нос и ноздри, тянущие запах, пот* — запись в рукописи обрывается.
- С. 173 *«Бог насадил сад на землю»* — Ф М Достоевский. Братья Карамазовы. Ч. II Кн. 6 Гл. III.
- . *«всякому человеку надо куда-нибудь пойти»* — Ф М Достоевский Преступление и наказание Ч. I. Гл. II.
- С 174 *3 октября* — В черновике записи проставлен год: 1918
- И месяц, и звезды, и тучи толпой* — М. Ю. Лермонтов. Ангел (1831).
- С. 175. . *«мир — во зле лежит»* — 1 Ин. 5, 19
- . *«ляжет овца против льва . »* — ср. Ис. 11, 6.
- суть «мадонны» совпадает с «Содомским идеалом»* — Ф М. Достоевский. Братья Карамазовы. Ч. I. Кн. 3. Гл. III.
- «И соделал им кожаные одеяния»* — Быт. 3, 21.
- С 177 *в поразительном некрологе Эрна* — Флоренский П Памяти Владимира Францевича Эрна // Христианская мысль. 1917 № 11—12 С. 69—74
- С. 178. *Надя* — дочь писателя, родилась 9 октября 1900 г.
- На Мойке, как я изобразил. .* — речь идет о статье Розанова «Жид на Мойке» в журнале «Новый путь». 1903. № 1. С 133—137.
- С. 182. . *описан в «Письм Страхова»* — т. е. в книге Розанова «Литературные изгнанники» (1913), с. 249, пояснения Розанова к письму Н. Н. Страхова от 13 сентября 1890 г
- С 185 *Содрогающая судьба М. О. Меншикова...* Публицист М. О. Меншиков был расстрелян в г. Валдай 20 сентября 1918 г
- С 190 . *узнал о смерти сына* — Сын Розанова Василий (1899—1918) умер от «испанки» 9 октября 1918 г. в Курске по пути на Украину «за хлебом» для голодающей семьи Розановых.
- С. 192 *Цитаты из Рагозиной и из молитвенника* — помета Розанова для будущего издания книги.
- С 194 *Обнесенный ношей крестной* — неточная цитата («Удрученный ношей крестной » Ф И Тютчева)
- С. 206. *«Я Иоанн, брат ваш. .»* — Откр., гл. 1—7.
- Халколиван* — расплавленная медь, производящая ослепительный блеск
- С 207 *научил Валака ввести в соблазн сынов израилевых* — Откр. 2, 14.
- С. 208. *Аминь* — одно из наименований Господа.
- Отвне* — снаружи (устар.).
- С. 213. *«О, Иерусалим, Иерусалим! Сколько раз хотел Я »* — Мф. 23, 37
- С 214. *«И показал мне великий город...»* — Откр. 21, 10 — 22, 5
- С. 227. ...*«я плачу и рыдаю»* — Мих. 1, 8.
- «все тело его было исполнено очей спереди и сзади.. »* — ср. Откр. 4, 6—8
- С. 228. *..ездил хоронить в Киев Столыпина* — 6—14 сентября 1911 г Розанов был командирован от «Нового времени» в Киев в связи с убийством премьер-министра П. А. Столыпина.
- С. 232 *«Великое в малом»* (1903) — рассказы о встречах с современными подвижниками благочестия публициста Сергея Александровича Нилуса (1862—1929). Во втором издании книги (1905) Нилус опубликовал анонимную рукопись «Протоколы сионских мудрецов» о способах достижения мирового господства, о чем и пишет Розанов.
- С. 233. *«Курс физики» Гано* — «Полный курс физики» Альфреда Гано (1804—1887) неоднократно переиздавался (9-е издание в 1898 г.).
- Люблю грозу в начале мая...* — Ф. И. Тютчев. Весенняя гроза (1828).

С 237. «Сон смешного человека» (1877) — повесть Ф. М. Достоевского.

«Выпрямила» (1885) — очерк Г. И. Успенского.

С 238. «Я обвиняю» (1898) — письмо Э. Золя к президенту Франции в защиту А. Дрейфуса.

С 240. *Брожу ли я вдоль улиц темных* — у А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных..» (1829)

С. 241. «Храм Тезея» — В 476 г. до н. э. останки легендарного афинского царя и героя Тесея были перенесены с острова Скирос и торжественно погребены в Афинах. Сохранившийся дорический храм к северу от афинского акрополя считался Храмом Тесея, где поклонялись его костям, однако археологи отвергают это предположение о могиле героя.

С. 244 «*Ветхозаветный храм*» — книга профессора Киевской духовной академии А. А. Олесницкого (1842—1907) «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (СПб., 1889)

С. 248 «*И голени его не были перебиты ..*» — Ин. 19, 33.

«*кость Его бысть цела*» — Ин. 19, 36; Числ. 9, 12.

С. 250 *когда мы странствовали на Кавказ* — летом 1907 г. Розанов с семьей отправился по Волге на Кавказ (из Астрахани в Кисловодск).

О, закрой свои бледные ноги — моностих В. Я. Брюсова (1894).

С. 251 «*Вот дом ваш оставляется вам пуст*» — Мф. 23, 38.

Коммагена — северная часть Сирии, между Евфратом и Аманскими горами
Мория — гора к северо-востоку от древнего Иерусалима, где Соломон выстроил храм, а Давид видел Ангела и принес Богу умиловительную жертву

С 252 «*Смерть, где твое жало?*» — Ос. 13, 14, 1 Кор. 15, 55.

С. 254. .. *лично знавал и дружил с Карлом Марксом и Энгельсом* — С. Н. Булгаков (1871—1944) в 1898 г. был направлен в двухлетнюю заграничную командировку (Германия, Франция, Англия), где познакомился с К. Каутским, А. Бебелем и др. К. Маркса и Ф. Энгельса к тому времени в живых уже не было

С 255. *Всяким вольным впечатлениям* — Н. А. Некрасов. Песня Еремушке (1859): «Жизни вольным впечатлениям...»

«*Тихие думы*» — философская книга С. Н. Булгакова вышла в Москве в 1918 г., она состоит из статей 1911—1915 гг. и посвящена П. А. Флоренскому.

«*Свет невечерний*» — книга С. Н. Булгакова вышла в Москве в 1917 г. с подзаголовком «Созерцания и умозрения».

С. 256. *Из разговоров с одним немцем* — речь идет об Э. Кейхеле, переводившем статьи Розанова на немецкий язык. Сохранилась характеристика Розановым Кейхеля: «Станный господин. Тигранов (и другие) даже подозревают, не шпион ли?» (Литературоведческий журнал. М., 2000. № 13—14. Ч. 1. С. 108).

С. 258. «*Путешествие на Гарц*» («Путешествие по Гарцу») (1826) — первая часть «Путевых картин» Г. Гейне, посвященная его путешествию пешком по горному массиву Гарц в Германии.

...*знаменитый школьный учитель* — слова лейпцигского профессора географии Оскара Пешеля (1826—1875), появившиеся 17 июля 1866 г. в издававшейся им газете и ставшие популярными в Германии: «Прусский школьный учитель выиграл битву при Садовой» (где 3 июля 1866 г. прусские войска Вильгельма I разгромили австрийцев).

С. 259. *Ферейн* — объединение, союз (нем.).

Ницше . распределил понятия Диониса и Аполлона — имеется в виду работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872).

описанной еще Тацитом — «О происхождении, положении, нравах и народах Германии» (98 г. н. э.) римского историка Тацита (гл. 14 о воинских наклонностях германцев)

С. 260 *Иаков боролся с Богом* — Быт 32, 24—28.

С. 261. *едва въехав в Лавру* — т. е. в Троице-Сергиеву лавру, в Сергиев Посад Розанов с семьей переехал из Петрограда в конце августа 1917 г.

С. 264 *..о походах Сезостриса в Азию* — Сезострисом древние греки называли египетского фараона XIX династии Рамзеса II (конец 14 — середина 13 в. до н. э.), который вел войны с хеттами, в результате чего за Египтом были закреплены Палестина и Южная Сирия.

..о войнах Нехао — египетский фараон Нехо II (правил в 609—595 гг. до н. э.) захватил Сирию и Иудею, но после поражения в битве при Кархемише (605) был вытеснен оттуда вавилонским царем Навуходоносором II.

С. 267. *Доброе вижу и сочувствую, но влекусь к иному* — Овидий *Метаморфозы* VII, 20—21

Киликия — область в юго-восточной части Малой Азии, вблизи Сирии *Тарс* — главный город Киликии.

С. 268 *колесо Иезекииля* — Иез 1, 15—21

С. 272 *«Кулак»* (1854—1857) — поэма И. С. Никитина.

Печально я гляжу на наше поколение — М. Ю. Лермонтов *Дума* (1838).

«была джурсейка» — в повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» (1887—1889) — «джерси»

С. 274 *Провента (proventus)* — успех (*лат.*)

Зембрих — о польской певице Марчелле Зембрих, гастролировавшей в России, Розанов написал статью в «Новом времени» (7 апреля 1909), вошедшую в его книгу «Среди художников» (1914). Об итальянском певце А. Мазини см. в той же статье

Дункан — об американской танцовщице Айседоре Дункан Розанов писал в статьях «Танцы невинности» (Русское слово) 1909 21 апреля), «Дункан и ее танцы» (Новое время 1913 16 января) и «У Айседоры Дункан» (Новое время 1913. 19 февраля) Все три статьи вошли в книгу «Среди художников»

«Монтионовская премия» — присуждается Французской академией за добродетельные сочинения с 1782 г.; названа по имени учредителя Жана-Батиста-Антуана Монтиона (1733—1820).

С. 276 *Главковерх* — великий князь Николай Николаевич Романов, верховный главнокомандующий с 20 июля (2 августа) 1914 по 23 августа (5 сентября) 1915 г.

«Мы сделали луну сами» — перефразировка слов «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге» (Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего. 1834).

С. 277. *«глаголом жгли сердца людей»* — ср. А. С. Пушкин *Пророк* (1826).

С. 278 *Думбадзе* Иван Антонович — главноначальствующий Ялты с 1906 г., известный своими незаконными действиями и высылкой из города корреспондентов столичных газет, в которых появлялись статьи об этом

«Литература и жизнь» — постоянный ежемесячный раздел в журнале «Русское богатство», который в 1893—1903 гг. вел Н. К. Михайловский и в котором появились его критические статьи против Розанова.

атака миноносцев на знаменитую эскадру адмирала Рожественского — 14—15 мая 1905 г. в Корейском проливе у острова Цусима во время русско-японской войны вторая русская Тихоокеанская эскадра под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского была разгромлена японским флотом

«Рыцарь на час» — заглавие стихотворения Н. А. Некрасова (1863). Выражение употребляется как характеристика слабовольного человека.

Оямо Ивао (1842—1916) — японский принц из древнего самурайского рода. Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. главнокомандующий сухопутными армиями Маньчжурии.

С. 280. . *в одном псалме сказано* — имеется в виду псалом 41

С. 283. *«В жизни будущего века и не женятся»* — ср. Мф. 22, 30

С. 286 *Удрученный ношей крестной* — Ф. И. Тютчев «Эти бедные селенья» (1855)

С. 287. *«О лиссабонском землетрясении»* (1756) — поэма Вольтера о лиссабонском землетрясении 1755 г., в которой высмеивается религиозное учение о предустановленной мировой гармонии

С. 288. *«И разрушит храм»* — Деян. 22, 28.

С. 290 *собирается смешной собор в Москве?* — поместный собор Русской православной церкви 5 (18) ноября 1917 г. восстановил патриаршество в России и избрал патриархом Тихона (Белавин)

Кельтиберы — племена северо-восточной Испании, образовавшиеся от смешения иберов с кельтами. С 195 г. до н. э. Кельтиберия входила в состав римской провинции Ближняя Испания

Краниум — город в Фессалии (Греция)

С. 292 *Покройте попоной, мохнатым ковром* — А. С. Пушкин *Песнь о вещем Олеге* (1822).

С. 293. . *по поводу заметки моей о лучшем обращении с животными* — 23 сентября 1902 г. в «Новом времени» Розанов напечатал заметку «О сострадании к животным», а в журнале «Новый путь» (1903 № 6. С. 170—172) статью «О милости к животным». Обе работы вошли в 1906 г. в его книгу «Около церковных стен»

С. 296 *Ну, тащися, сивка* — А. В. Кольцов *Песня пахаря* (1831)

С. 297 *В армяке, с открытым воротом* — Н. А. Некрасов. *Влас* (1855)

.. *«жезл Аарона, проросший миндалинами»* — Числ. 1, 8.

... *«перепелы, прилетевшие»* — Исх. 16, 13.

.. *«источение воды Моисеем из скалы»* — Числ. 20, 8—11.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром . — М. Ю. Лермонтов. *Бородино* (1837).

С. 298. .. *«кто не оставит отца и мать свою»* — Мф. 19, 29.

С. 302 *«Взяли щипцами уголь»* — Ис. 6, 6

...*исполнено очей спереди и сзади* — Откр. 4, 6

С. 306. .. *«гимн любви»* — 1 Кор. 13, 4—8

... *«сказавший ближнему своему — рака .»* — Мф. 5, 22.

.. *«вы порождения ехиднины»* — Мф. 3, 7; Лк. 3, 7.

С. 308. *«Биографический словарь» под ред. Игнатова* — очевидно, речь идет о шести выпусках «Бесед о русской литературе» Ильи Николаевича Игнатова (1858—1921), изданных в Москве в 1918 г.

С. 313. *Вулкан Лысая . и «Мартиники не бе»* — имеется в виду действующий вулкан Монтань-Пеле (букв.: Лысая гора) на острове Мартиника и катастрофическое извержение его в 1902 г., уничтожившее город Сен-Пьер

- С. 315. *Милоть* — одежда из овчины.
- С. 317 *Панглос* — оптимистический философ в повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759).
- С. 321. *...вечно чуждый тени...* — М. Ю. Лермонтов. Спор (1841).
- С. 322. *Природа*. — В рукописи авторская помета: «После «Грозовые явления».. *Улетает до весны* — вариация на тему строк А. С. Пушкина из поэмы «Цыганы»: «Птичка Божия не знает...»
- С. 327. *Кибела* — в греческой мифологии богиня природного плодородия В Риме культ Кибелы введен в 204 г. до н. э. и слился с представлением о богине посевов и жатвы Опс. Лукреций в поэме «О природе вещей» (II, 600—643) рисует картину шествия Кибелы, именуемой идейной матерью, дарующей плоды земли.
- С. 328. «*Ходила, чтобы оплакивать свое девство*» — Суд. 11, 37
- С. 329. *Шеин Павел Васильевич* (1826—1900) — русский и белорусский фольклорист, этнограф, автор сборников «Русские народные песни» (1870), «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (1887—1902. Т. 1—3).
- С. 331. *Тиру* — пророк — см. пророчества о Тире у Исаии (гл. 23) и у Иезекииля (гл. 26).
- С. 336. *Ирмос, кондак* — церковные песнопения.
- С. 337. *.. гимназистом симбирской гимназии* — Розанов учился в симбирской гимназии в 1870—1877 гг.
- «*Величит душа моя Господа...*» — Лк. 1, 46.
- С. 340. *Аггел* — церковно-славянская орфография слова «ангел».
- С. 341. *Странные вопросы* — на рукописи помета Розанова «После «Небо здесь и там».
- С. 342 «*Донде не придет Примиритель*» (Доколе не придет Примиритель) — Быт. 49, 10.
- «*Золото той земли хорошо*» — Быт. 2, 12
- С. 344. *Сын* — расширенный вариант краткой записи в «Апокалипсисе нашего времени». Вып. № 4.
- С. 345. «*Древние говорят .*» — в черновике фраза прояснена. «Древние (собственно, не «древние» вовсе, а Отец Ветхий) говорили: око за око, а я говорю — подставь ланиту».
- С. 346. *Сборник «Русских сказок» Смирнова* — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издание Алексея Матвеевича Смирнова. Пг., 1917. Вып. 1.
- Прочел статью Крючкова в «Книжном угле»* — см.: Крючков Д Московское любомудрие // Книжный угол. 1918. № 2.
- об Ончукове, собравшем .. «Онежские былины»* — см.: Крючков Д О делах сказочных // Книжный угол. 1918. № 3. Речь идет о Н. Е. Ончукове (1872—1942), авторе сборника «Печорские былины» (1904).
- Компатриот* — соотечественник (устар.).
- «*Об успехах наук*» (1623) — в русском переводе книга Ф Бэкона вышла под заглавием «О достоинстве и усовершенствовании наук». СПб., 1874 (пер. П. А. Бибикова) в качестве первого тома его собрания сочинений.

как бес умен и — в оригинале рукописи пропуск одной страницы

С. 347. *Я вспомнил книгу Чаадаева ..* — Сочинения и письма П. Я. Чаадаева под ред. М. Гершензона. М.: Путь, 1913—1914. Т. 1—2.

Киреевский Ив. Вас. — имеется в виду «Полное собрание сочинений» И. В. Киреевского под ред. А. И. Кошелева М., 1861 Т. 1—2 и «Полное собрание сочинений» И. В. Киреевского под ред. М. О. Гершензона М. Путь, 1911 Т. 1—2.

С. 351. *Митра* — в древневосточных религиях бог дневного света, чистоты и правды.

Гиматий — верхняя одежда древних греков, состоящая из четырехугольного куска шерстяной ткани

С. 352. *Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна* — Мережковские

С. 355 *«Невемы»* — не ведаем

«Розовая тень! розовая тень!» — см.: В. С. Соловьев Три свидания Поэма (1898)

С. 356. .. *«мертвые сраму не имут»* — по словам летописца Нестора, князь Святослав обратился к своим воинам перед битвой с греками в 970 г. «Да не посрамям земли Русския, но ляжем костьми ту мертвыи бо сраму не имут» Использовано В. А. Жуковским в стихотворении «Певец во стане русских воинов» (1812) Далее Розанов приводит начало известной строки из этого стихотворения «О, родина святая, какое сердце не дрожит, тебя благословляя?»

Хильперикс — последнего из королевской династии Меровингов звали Хильдерик III (правил 743—751), он был свергнут Пипином Коротким

Каталаунские поля — равнина в северо-восточной Франции (вблизи современного Шалон-сюр-Марна), где в 451 г. произошла «битва народов», в результате которой римские войска и их союзники (бургунды, франки, аланы, вестготы и др.) разгромили полчища гуннов во главе с Атилой, что положило предел продвижения гуннов в Европе Глава Франкского государства Карл Мартелл (715—741) жил тремя веками позднее и разбил арабов при Пуатье (732)

С. 357 *То сердце не научится любить* — Н. А. Некрасов «Замолкни, муза мести и печали» (1856)

«Вехи» — сборник статей, выпущенный в Москве в 1909 г. группой русских религиозных мыслителей (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, С. Л. Франк, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский)

С. 363 *Любим Торцов* — промотавшийся брат богатого купца в комедии А. Н. Островского «Бедность не порок» (1853)

С. 364. *«повытчик кувшинное рыло»* — персонаж в седьмой главе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя *Повытчик* — делопроизводитель в повытье, отделении в канцелярии

упрек им К. Леонтьева — имеется в виду статья К. Н. Леонтьева «Анализ, стиль и веяния» (1890)

«Прости им грехи их, — не ведают бо, что творят» — Лк. 23, 34

С. 365 .. *«жестокого таланта»* — речь идет о статье Н. К. Михайловского «Жестокий талант» (Отечественные записки 1882 № 9, 10) о Достоевском

С. 368. *«Русь»* — газета, издававшаяся в Москве И. С. Аксаковым в 1880—1886 гг.

«Эндимон в гробу» — в греческой мифологии прекрасный юноша Эндимон был взят Зевсом на небо, где пытался овладеть Герой, супругой Зевса, за что последний обрек его на вечный сон в пещере горы Латмос.

С 370. *Петр Петрович* — Перцов, друг Розанова.

С. 375 *совет Екатерины Ивановны Соне* — речь идет о романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

С. 376. *Для берегов отчизны дальной ..* — начало стихотворения А. С. Пушкина (1830)

Загорит, заблестит луч денницы. . — стихи Н. В. Кукольника из драмы «Князь Даниил Васильевич Холмский» (действ. 2, сц. 2), которые Ф. М. Достоевский цитирует в «Дневнике писателя» за 1877 г. (март, гл. 2, III).

«Аще соблазняет тебя глаз твой. .» — Мф. 5, 29.

С. 378. Степан Парамонович — так Розанов именуется Степана Тимофеевича Разина.

А Н Николюкин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон, в Ветхом Завете первосвященник, старший брат Моисея — 184, 297
- Авраам, ветхозаветный патриарх, считающийся родоначальником евреев — 41, 80, 85, 89, 94, 109, 132, 136, 140, 142, 143, 148, 154, 163, 171, 180, 183, 184, 211, 212, 224, 268, 269, 287, 316, 344, 355, 360, 362, 363, 370
- Август (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император (с 27 до н. э.) — 201, 251, 263, 290—292
- Августин Аврелий (354—430), христианский церковный деятель, теолог, философ, писатель — 49, 81, 102, 104, 309
- Авель, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убитый своим братом Каином — 9, 108, 248, 251, 263
- Агамемнон, в греческой мифологии царь Микен, предводитель греков в Троянской войне — 180, 225
- Агарь, в Ветхом Завете рабыня-египтянка, наложница патриарха Авраама — 41, 136
- Агриппа (Ирод Агриппа II) (ок. 28—93/100), иудейский тетрах, царь Галаунитский и Халкидский (с 49/50), в Новом Завете его называют «царь Агриппа» — 91
- Агриппа (ок. 63—12 до н. э.), римский полководец, сподвижник Августа — 292
- Адонай («мой Господин»), одно из имен Бога, употребляемое как описательное вместо Иеговы (Яхве), когда произносить последнее было запрещено — 340
- Адонис, в финикийской мифологии бог плодородия — 76, 114
- Адриан (76—138), римский император (с 117) из династии Антонинов — 267
- Акиба бен Иосиф (50—132/135), иудейский теолог и проповедник (законоучитель) — 46, 89, 90, 154
- Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, поэт, общественный деятель, издатель — 297, 337, 368
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель — 184
- Александр III (1845—1894), российский император (с 1881) — 111, 276
- Александр Македонский (Александр Великий) (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.), полководец, завоевал территорию до реки Инд — 68, 70, 94, 149, 153, 373
- Александров Анатолий Александрович (1861—1930), публицист, поэт, литературный критик, издатель — 242
- Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918), генерал от инфантерии, март — май 1917 — верховный главнокомандующий, после Октябрьской революции возглавил Добровольческую армию — 243

- Алкивиад (ок 450—404 до н. э.), афинский стратег (с 421) в период Пелопоннесской войны — 287, 316, 318
- Алкмена, в греческой мифологии жена тиринфского царя Амфитриона, родившая от Зевса Геракла — 180
- Аман, в Ветхом Завете (книга Есфирь) сановник персидского царя, пытавшийся устроить заговор против иудеев, но поплатившийся за это жизнью — 94
- Амвросий Оптинский (Александр Михайлович Гренков) (1812—1891), иеросхимонах, старец Оптиной пустыни, духовный проповедник, канонизирован — 331
- Андреев Василий Васильевич (1861—1918), организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов, был в дружеских отношениях с Розановым — 346, 347
- Андреев Леонид Николаевич (1871—1919), писатель — 10, 242
- Андрей Уфимский (князь Александр Алексеевич Ухтомский) (1872—1937), епископ Уфимский и Мензелинский (1913), расстрелян — 6
- Андрей Константинович — см. Драгоев А. К.
- Андромаха, в греческой мифологии жена Гектора — 68
- Анна, иудейский первосвященник, назначенный римлянами (6 до н. э. — 15 н. э.) — 119, 205, 212
- Аннибал (Ганнибал) (247/246 — 183 до н. э.), карфагенский полководец — 352
- Антей, в греческой мифологии великан, сын богини земли Геи, от которой черпал свою силу — 53
- Антиох IV Эпифан, царь Селевкидского государства в 175—164 до н. э. — 94
- Антиохи, сирийские цари из династии Селевкидов (с III по I в до н. э.) — 205
- Антоний Марк (ок. 83 — 30 до н. э.), римский полководец — 292
- Апис, в древнеегипетской мифологии священный бык, почитавшийся как земное воплощение бога Пта, покровителя искусств и ремесел — 54, 111, 247, 292, 294, 295, 379
- Аполлон, в греческой мифологии бог-целитель, прорицатель и покровитель искусств — 46, 113, 259, 288, 373
- Апулей Луций (ок 125 — ок 180), римский писатель — 301
- Арей (Арес), в греческой мифологии бог войны — 51
- Аристид (ок 540 — ок. 467 до н. э.), афинский полководец — 251, 263
- Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 52, 83, 84, 149, 170, 171, 237, 251, 263, 271, 291, 309, 318, 378
- Артаксеркс, один из царей государства Ахеменидов (V—IV вв до н. э.) — 94, 252, 263
- Асклепий, в греческой мифологии бог врачевания — 218, 219
- Астарта, в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви — 111, 218—220, 222, 331, 332
- Атис (Аттис), в греческой мифологии бог фригийского происхождения, связанный с оргиастическим культом Кибелы — 279
- Атила (ум 453), предводитель гуннов (с 434) — 143, 144

- Афродита, в греческой мифологии богиня любви, красоты, ей соответствует римская Венера --- 226
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт, член палаты лордов (с 1809) — 277, 321, 375, 376
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), революционер, теоретик анархизма — 36
- Балабан М., автор работ по истории евреев — 70
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942), поэт, критик, публицист, переводчик, с 1920 — в эмиграции — 146
- Беатриче (Беатриче Портинали) (1265/1267—1290), флорентийка, идеальная возлюбленная Данте — 77
- Бейлис Менахем Мендель Тевье (ок 1874—1934), приказчик кирпичного завода в Киеве, обвиненный в ритуальном убийстве подростка Андрея Ющинского, на процессе (1913) был признан невиновным — 58, 140, 184, 185, 192, 319
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик, публицист, общественный деятель — 272, 277, 278, 330
- Белый Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев) (1880—1934), писатель, теоретик символизма — 125, 146
- Беляев Александр Дмитриевич (1872—1919), профессор догматического богословия Московской духовной академии, религиозный писатель, автор книги «О безбожии и антихристе», 1899 (докторская диссертация) — 213
- Беляев Андрей Андреевич, священник, в доме которого жил Розанов в Сергиевом Посаде в последние годы жизни — 10, 27, 44, 66, 184, 308
- Бен Иокай (Иохай) (Симон бен Иохай) (ум. 170), иудаистский теолог и проповедник (законоучитель) — 46, 154
- Бернфельд С., немецкий историк, специалист по истории евреев — 70
- Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815—1898), князь, первый рейхсканцлер Германской империи (1871—1890) — 11
- Бичер-Стоу Гарриет (1811—1896), американская писательница — 97
- Блан Луи (1811—1882), французский политический деятель, придерживался социалистических взглядов — 276
- Блейхрöder Самуил, глава банкирского дома, основанного им в начале XIX в. в Берлине — 299
- Блок Александр Александрович (1880—1921), поэт и публицист — 146
- Блох М., польский историк, автор работ по истории евреев — 70
- Бобринский Алексей Григорьевич (1762—1813), граф, побочный сын Екатерины II и Григория Григорьевича Орлова — 140
- Боккаччо Джованни (1313—1375), итальянский писатель — 311
- Бокль Генри Томас (1821—1862), английский историк и социолог — 65, 171
- Боссюэт (Боссюэ) Жак Бенинь (1627—1704), французский церковный деятель, теолог, писатель — 317
- Браудо Александр Исаевич (1864—1924), историк, общественный дея-

- тель, член Еврейской демократической группы (1905—1906), вице-директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге — 70
- Брем Альфред Эдмунд (1829—1884), немецкий зоолог, путешественник, популяризатор — 169
- Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934), политическая деятельница, сначала примыкала к народникам, затем — в руководстве партии эсеров, в 1907—1917 — в тюрьмах и ссылке, с 1919 — в эмиграции — 356
- Бруно Джордано (1548—1600), итальянский философ и поэт — 160
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), римский республиканец, один из руководителей заговора против Юлия Цезаря — 169
- Брэстед Д. Г., автор книги «История Египта» — 373
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924), поэт, прозаик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель — 125
- Будда (букв. «просветленный»), имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 до н. э.) — 149, 309
- Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944), экономист, философ, богослов, публицист, с конца 1922 — в эмиграции — 254, 255
- Буслаев Федор Иванович (1818—1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства — 254
- Бутягина (урожд. Руднева) Варвара Дмитриевна (1864—1923), вторая жена Розанова — 308
- Бутягина Елизавета Павловна, родственница Бутягиной В. Д. — 140
- Бэйль (Бейль) Пьер (1647—1706), французский философ и публицист — 92, 95
- Бэкон Фрэнсис (1561—1626), английский философ и политический деятель — 346
- Ваал (Баал, Балу), древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны, почиталось в Финикии, Палестине, Сирии — 16, 218—221, 223, 268, 331, 332
- Вагнер Рихард (1813—1883), немецкий композитор, дирижер, реформатор оперы — 258
- Вакх, в античной мифологии одно из имен бога Диониса — 152, 244, 359
- Валаам, в Ветхом Завете провидец (прорицатель) — 207, 270
- Валак, в Ветхом Завете царь моавитян, боровшийся с израильтянами — 207
- Варламов Константин Александрович (1848—1915), актер Александринского театра — 274
- Василий Великий (Василий Кесарийский) (ок. 330—379), христианский церковный деятель, теолог, философ, епископ г. Кесария (Малая Азия) — 102
- Вахштейн Б., австрийский историк, автор работ по истории евреев — 70
- Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), историк русской литературы, библиограф — 124, 134, 357
- Венера, в римской мифологии богиня любви и красоты, соответствует греческой Афродите — 145, 373
- Вермель, автор работ по истории евреев — 70

- Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918), историк литературы — 254
- Веста, в римской мифологии богиня домашнего очага — 247, 249, 288
- Виардо-Гарсия Полина (1821—1910), французская певица и композитор — 348
- Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), писатель, мемуарист — 28
- Вигиницер М Л, автор работ по истории евреев — 70
- Викторов, студент-медик — 337, 347
- Вильгельм I Завоеватель (ок 1027—1087), английский король (с 1066) — 11
- Вильгельм I (1797—1888), прусский король (с 1861), германский император (с 1871) из династии Гогенцоллернов — 258
- Вильгельм II (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918) из династии Гогенцоллернов, внук Вильгельма I — 11, 63, 256, 257
- Вильгельм-Фридрих (Фридрих Вильгельм IV) (1795—1861), прусский король (с 1840) — 6
- Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), историк — 254
- Владимир I Святой (ум. 1015), князь Новгородский (с 969), великий князь Киевский (с 980), ввел в качестве государственной религии христианство (988—989) — 347
- Воль Ассир Лазаревич (1860—1900), гебраист, составитель еврейского молитвенника — 319
- Вольней Константин Франсуа де Шасбеф (1757—1820), французский писатель, философ, востоковед — 179
- Вольтер (наст имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ — 277, 287, 317, 318, 321
- Вооз, в Ветхом Завете (книга Руфь) муж Руфи, прадед царя Давида — 95, 188, 190, 350, 375
- Востоков (наст. фам. Остенек) Александр Христофорович (1781—1864), филолог и поэт — 28
- Всехсвятская Муза Николаевна, жена Н. Д. Всехсвятского — 193
- Всехсвятский Николай Дмитриевич, знакомый Розанова в последние годы его жизни — 193
- Галатея, в греческой мифологии изваянная скульптором Пигмалионом статуя девушки, которая по его просьбе была оживлена Афродитой — 328
- Гано Альфред (1804—1887), автор «Полного курса физики» — 233
- Гарнак Адольф фон (1851—1930), немецкий протестантский теолог, историк христианства — 45, 65, 71, 104, 154—156, 228, 302, 327
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ — 168, 326
- Гезиод (Гесиод) (VIII—VII вв. до н. э.), древнегреческий эпический поэт, первый известный по имени — 52
- Гейне Генрих (1797—1856), немецкий поэт и публицист — 258
- Геккель Эрнст (1834—1919), немецкий биолог, сторонник учения Ч. Дарвина — 321
- Гектор, в греческой мифологии троянский герой — 180

- Геракл, в греческой мифологии герой, наделенный необычайной силой — 241
- Гераклит Темный (Гераклит Эфесский) (кон. VI — нач. V в. до н. э.), древнегреческий философ — 326
- Гермес, в греческой мифологии вестник богов, бог торговли и прибыли, покровитель пастухов и путников, в римской мифологии ему соответствует Меркурий — 361, 363
- Геродот (490/480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк — 19, 80, 109, 294—296
- Герцен Александр Иванович (1812—1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель, с 1847 — в эмиграции — 36, 39, 272, 330, 375
- Гершельман Сергей Константинович (1851—1910), московский генерал-губернатор (1906—1908) — 278
- Гершензон Михаил Осипович (1869—1925), историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик — 69, 134, 186, 347, 357
- Герье Владимир Иванович (1837—1919), историк, один из создателей системы высшего женского образования в России, член Государственного совета — 134, 254
- Гессен Юлий Исидорович (1871—?), писатель, автор исследований по истории евреев в России — 70
- Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 53, 277
- Гефест, в греческой мифологии бог огня, покровитель кузнечного ремесла — 371, 372
- Гея, в греческой мифологии богиня земли — 54
- Гиббон Эдуард (1737—1794), английский историк, автор труда «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788) — 227
- Гиллел (Гиллель) Старший (ок. 60 до н. э. — ок. 10 н. э.), иудаистский законоучитель, председатель синедриона — 238
- Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872), историк-славист и фольклорист — 28
- Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824—1887), публицист, философ, историк, издатель — 97
- Гиппиус (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869—1945), писательница и литературный критик — 124, 352
- Гладков Борис Ильич (1847—?), присяжный поверенный, религиозный писатель — 340
- Гладстон Уильям Юарт (1809—1898), английский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 318
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 6, 36, 43, 121, 127, 128, 195, 348
- Голиаф, в Ветхом Завете филистимлянский воин-великан, убитый Давидом — 166
- Гомер, полулегендарный древнегреческий эпический поэт — 52, 148, 180, 181, 251, 263, 309, 352, 371
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891), писатель — 348
- Горский, товарищ Розанова по Нижегородской гимназии — 279
- Горус (Гор), в древнеегипетской мифологии сын Осириса и Исиды, бог солнца, покровитель власти фараона — 157, 183, 264, 376

- Горький Максим (наст имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), писатель, литературный критик, публицист, общественный деятель — 66
- Гракх Гай (153—121 до н э), римский народный трибун — 94
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855), историк и общественный деятель — 272
- Грибоедов Александр Сергеевич (1790/1795—1829), писатель и дипломат — 36, 67
- Григорий Богослов (Григорий Назианзин) (ок 330 — ок. 390), христианский церковный деятель, поэт, теолог, философ, епископ г. Назианза (Малая Азия) — 102
- Григорий VII Гильдебранд (1015/1020—1085), папа римский (с 1073) — 160, 174, 238, 239
- Григорий Турский (ок 540 -- ок 594), епископ г Тур (Галлия), автор «Истории франков (до 591)» — 20
- Григоровский Георгий. автор работ по семейному праву — 70, 71
- Гримм, братья Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859), немецкие филологи и фольклористы — 329
- Гурлянд А А, автор работ по истории евреев — 70
- Гутман И, венгерский историк, специалист по истории евреев — 70
- Гуттенберг (Гутенберг) Иоганн (1394/1399 или 1406—1468), немецкий изобретатель книгопечатания — 170
- Гучков Александр Иванович (1862—1936), крупный капиталист, лидер октябристов, председатель III Государственной думы (с 1910), во Временном правительстве военный и морской министр, с 20-х гг - в эмиграции - 67, 276
- Гюдеман Мориц, австрийский историк, автор работ по истории евреев - 70
- Д А Ж — см Жданов Д А
- Давид, царь Израильско-Иудейского государства (ок 1004 — ок 965 до н э) — 46, 129, 141, 144, 166, 168, 180, 200, 207, 208, 236, 251, 262, 263, 268, 280, 288, 296, 315, 330
- Давыдов Владимир Николаевич (наст имя и фам Иван Николаевич Горелов) (1849—1925), актер Александринского театра, педагог -- 274
- Далила (Далида), в Ветхом Завете возлюбленная богатыря и судьи Самсона, выдавшая противникам тайну его силы — 36
- Даль Владимир Иванович (1801—1872), писатель, лексикограф, этнограф - 28
- Дамаскин (Иоанн Дамаскин) (ок 675 -- до 753), византийский богослов, философ и поэт — 297
- Дамаянти, в индийском эпосе жена царя нишадхов Наля — 44, 68, 225, 240, 328
- Даниил, ветхозаветный пророк — 64, 148, 188, 212, 213, 310, 350
- Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт — 77, 196, 197, 277, 321, 365
- Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель — 83, 170, 172, 318, 321, 353, 376
- Дарий I, персидский царь государства Ахеменидов в 522—486 до н. э — 64, 94, 188, 252, 263
- Дафна, в греческой мифологии нимфа, преследуемая Аполлоном и пре-

- вратившаяся в лавровое дерево — 180
- Девора, в Ветхом Завете пророчица и судья (правительница) — 34, 35
- Декарт Рене (1596—1650), французский философ, математик, физик, физиолог — 271
- Деметра, в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия — 54, 85, 181, 182
- Демосфен (ок. 384—322 до н. э.), афинский оратор — 318
- Дернов Александр Александрович (1867—?), протоиерей Петропавловского собора, публицист, сотрудник церковных изданий — 92
- Джекобс Дж., американский историк, автор работ по истории евреев — 70
- Дионис, в греческой мифологии бог плодородия сил земли, виноградарства и виноделия — 113, 259, 317
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель и мыслитель — 7, 18, 51, 140, 154, 157—159, 161, 173, 175, 176, 183, 237, 263, 310, 311, 353, 364, 365, 376, 377
- Драгоев Андрей Константинович, знакомый Розанова — 185, 192
- Дрепер Джон Уильям (1811—1882), американский естествоиспытатель и историк — 65
- Дризен (Остен-Дризен) Николай Васильевич (1868—1935), барон, театральный деятель, историк театра — 60
- Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), московский генерал-губернатор (1905—1906) — 337
- Думбадзе Иван Антонович (1851—1916), генерал, административный деятель, главноначальствующий в Ялте (1906—1915) — 278
- Дункан Айседора (1877—1927), американская танцовщица — 274
- Евгения Ивановна (Апостолопуло, урожд. Богдан) (1858—1915), бессарабская помещица, знакомая Розанова со времен Религиозно-философских собраний в Петербурге, в ее имении Сахарна он отдыхал летом 1913-го — 192
- Европа, в греческой мифологии дочь финикийского царя, похищенная Зевсом, превратившимся в быка — 180
- Евсевий Кесарийский (260—340), историк церкви — 317, 351
- Ездра, в Ветхом Завете иудейский священник, возвратившийся в 458 до н. э. из вавилонского плена, чтобы восстановить храм и «Моисеев закон» — 198
- Екатерина II Великая (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 140, 378
- Елена (ок. 244—327), мать римского императора Константина I Великого — 351
- Елисей, ветхозаветный пророк — 315
- Еловы М. С. и Н. М., книгоиздатели и книготорговцы в Сергиевом Посаде — 5, 66, 242
- Ерман (Эрман) Иоганн Адольф (1854—1937), немецкий египтолог, филолог — 106
- Ефрем Сирийский (ок. 306 — ок. 373), христианский теолог, проповедник, поэт — 102
- Жданов Дмитрий Адрианович, дядя жены Розанова В. Д. Бутягиной — 314

- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, публицист, переводчик — 6, 169, 337
- Закхей, в Новом Завете главный сборщик податей (пошлины) в Иерихоне — 366
- Зверев Николай Иванович, профессор государственного права в Московском университете, затем главноуправляющий по делам печати в Петербурге — 254
- Зевс, в греческой мифологии верховный бог — 84, 108, 113, 114, 180, 181, 295, 317, 351, 374
- Зембрих (Зембрих-Коханьская) Марчелла (Марцелина) (1858—1935) — польская певица — 274
- Зинин Николай Николаевич (1812—1880), химик-органик, основатель русской научной школы — 254
- Золя Эмиль (1840—1902), французский писатель — 238
- Иаков, в Ветхом Завете патриарх, родоначальник двенадцати колен (племен) Израилевых — 74, 115, 140, 184, 260, 268, 269, 360, 370
- Иамврий и Ианний, в Новом Завете (послание Павла) египетские прорицатели, которые пытались помешать Моисею вывести израильтян из Египта — 202
- Иафет, в Ветхом Завете сын Ноя — 316
- Иван IV Грозный (1530—1584), первый русский царь (с 1547) — 56
- Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт и теоретик символизма, с 1924 жил в Италии — 259
- Игнатов Илья Николаевич (1858—1921), публицист, критик, один из редакторов газеты «Русские ведомости» (1907—1914), автор пособия «Беседы о русской литературе» в 6 вып (1918) — 308
- Иегова (Яхве) (в рус. переводе Суший), в Ветхом Завете имя Бога, которое он дал сам себе — 16, 30, 180, 192, 204, 205, 272, 287, 340, 341, 360
- Иевфай (Иеффай), в Ветхом Завете судья (правитель) — 328
- Иезекииль, ветхозаветный пророк — 16, 61, 95, 153, 154, 268, 302, 354
- Иеремия, ветхозаветный пророк — 148, 153, 154
- Изида (Исида), в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, охранительница умерших — 183, 264, 267
- Иисус Христос — 12—16, 22—24, 26, 27, 30—33, 42, 45, 46, 48—51, 54, 57, 59, 64, 68, 69, 71, 73, 74, 78, 79, 83, 85, 102, 110, 114—117, 121—123, 127, 128, 131—133, 135—138, 148, 153, 155—158, 160, 161, 163, 166, 167, 171—176, 179—183, 186—189, 191, 193—195, 197—205, 210—213, 215—217, 224, 225, 232, 237—242, 250—253, 260—263, 268, 271, 278, 285—289, 297, 298, 306, 309—311, 314, 318, 322, 324—326, 331, 335, 336, 338—343, 346, 348, 350, 352, 354, 358—361, 363—366, 368—370, 377—379
- Илия, ветхозаветный пророк — 315, 351
- Иллюстров, автор книги «Русский народ в его пословицах» — 346
- Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), историк и публицист — 357
- Именей, в Новом Завете (послание Павла) христианин, отступивший от истины — 200, 201

- Иннокентий III (Джованни Лотарио, граф Сеньи) (1160/1161—1216), папа римский (с 1198) — 365
- Иоанн, в Новом Завете апостол и евангелист — 48, 206, 232
- Иоанн Златоуст (344/354—407), византийский церковный деятель, проповедник, епископ Константинопольский (398—404) — 49, 102
- Иоанн Креститель, в Новом Завете предвестник прихода Христа, его предшественник — 350
- Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, оратор, проповедник, канонизирован — 71
- Иов, ветхозаветный праведник — 14, 34, 38, 57, 68, 69, 82, 83, 89, 94, 95, 118, 136, 141, 196, 197, 221, 222, 260, 261, 268, 269, 323, 324, 340, 341, 362, 363, 370
- Иона, ветхозаветный пророк — 46, 91
- Ионафан, еврейский раввин, законоучитель и писатель, автор трактата, входящего в Талмуд — 141, 238
- Иринеи Лионский (ок. 130 — ок. 200), христианский писатель, один из отцов церкви, теолог, епископ, погиб мученической смертью — 212
- Исаак, в Ветхом Завете патриарх, сын Авраама — 140, 184, 268, 269, 360
- Исаакий Далматский (ум. 383), игумен монашеской обители, христианский мученик — 180
- Исаия, ветхозаветный пророк — 16, 32, 34, 69, 95, 104, 148, 153, 154, 209
- Иуда, в Новом Завете апостол, предавший Иисуса Христа — 26, 48, 71, 212, 350
- Кан С., историк, автор работ по истории евреев — 70
- Кагаров Евгений Георгиевич, египтолог, филолог-классик — 241
- Каиафа Иосиф, иудейский первосвященник, назначенный римлянами в 18—37, зять бывшего первосвященника Анны — 119, 166, 205, 212
- Каин, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — 9, 42, 108, 120, 248, 251, 263, 345, 374
- Кальвин Жан (1509—1564), французский деятель Реформации в Швейцарии, основатель кальвинизма — 160
- Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 96, 150, 170, 271
- Каптерев Павел Николаевич, сотрудник журнала «Богословский вестник» (1892—1918), знакомый Розанова по Сергиеву Посаду — 52, 54, 55
- Каптерева, знакомая В. В. Розанова — 376
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель — 169, 277, 337
- Каринский Михаил Иванович (1840—1917), логик и философ — 71
- Карл Мартелл (ок. 688—741), фактический правитель Франкского государства при последних Меровингах (с 715) — 356
- Каролинги, королевская (с 751) и императорская (с 800) франкская династия, после распада империи Карла Великого (843) правили в Италии (до 905), Германии (до 911), Франции (до 987) — 356, 357
- Каронин (наст. имя и фам. Николай Елпидофорович Петропавловский) (1853—1892), писатель — 277
- Касеуто И., итальянский историк, занимался историей евреев — 70

- Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35 — ок. 96), римский оратор и теоретик ораторского искусства — 81
- Кибела, богиня фригийского происхождения, носящая имя «великая мать богов», почиталась в Малой Азии, Греции, во всей Римской империи (с 204 до н. э. на государственном уровне), культ ее имел мистериальный, оргиастический характер — 279, 327
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), философ, литературный критик, публицист — 337, 347
- Кирилл Александрийский (ум. 444), христианский церковный деятель и теолог — 317
- Киттель Р., немецкий историк, автор работ по истории евреев — 70
- Клавдий (10 до н. э. — 54 н. э.), римский император (с 41) из династии Юлиев — 201
- Клемансо Жорж (1841—1929), французский политический деятель, премьер-министр (1906—1909, 1917—1920) — 318
- Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215), христианский теолог и писатель — 317
- Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк — 254
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), историк, юрист, социолог — 254
- Ковнер Аркадий (Альберт) Григорьевич (1842—1909), публицист, вел переписку с Достоевским и Розановым — 69
- Колпинский, религиозный писатель, публицист, проповедник Евангелия — 79
- Колумб Христофор (1451—1506), испанский мореплаватель, родом из Генуи, открыл Западное полушарие — 144
- Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842), поэт — 296
- Коноплянец Александр Михайлович (1875—?), публицист, биограф К. Н. Леонтьева — 314
- Константин I Великий (ок. 285—337), римский император (с 306) — 50, 51, 226, 268, 269, 291, 350, 351
- Конт Огюст (1798—1857), французский философ и социолог — 50, 318
- Конфуций (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н. э.), древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства как этико-политического и религиозного учения — 149, 309
- Коперник Николай (1473—1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира — 22, 24, 50, 118, 119, 336
- Кориолан, согласно древнеримскому преданию, патриций и полководец V в. до н. э., перешедший на сторону врагов-вольсков — 94
- Коц (Кац), автор работ по истории евреев — 70
- Кошелев Александр Иванович (1806—1883), общественный деятель, издатель — 347
- Кракау Э., немецкий историк, специалист по истории евреев — 70
- Краусс С., австрийский историк, автор работ по истории евреев — 70
- Крез (595—546 до н. э.), последний царь Лидии (Малая Азия) (с 560 до н. э.), славился своим богатством — 279
- Кремье А., французский историк, специалист по истории евреев — 70
- Крисп (299/301—326), сын императора Константина I Великого, правитель

- Галлии (с 317), был убит по приказанию отца — 51
- Кромвель Оливер (1599—1658), деятель Английской революции, лорд-протектор (военный диктатор) Англии (с 1653) — 251
- Крючков Д., фольклорист, исследователь сказок — 346
- Крючков Кузьма Фирсович (ум. 1919), казак, участник Первой мировой войны, первый полный Георгиевский кавалер — 9
- Ксеркс I (ум. 465 до н. э.), царь государства Ахеменидов (с 486 до н. э.) — 252, 263
- Кучинен Доминик Доминикович, знакомый Розанова — 140
- Куштнел, автор работ по истории евреев — 70
- Лазарь, в Новом Завете брат Марии и Марфы из Вифании, воскрешенный Христом — 15, 30, 193, 286, 371
- Лазарь, в Новом Завете персонаж из притчи о бедном Лазаре и богаче — 69, 116, 118, 132, 136, 160, 162, 187, 215, 222, 235, 341—344, 359, 363, 365
- Лаплас Пьер Симон (1749—1827), французский астроном, математик, физик — 26, 27, 318, 336
- Левиафан, в Ветхом Завете огромное морское чудовище как воплощение мирового зла — 72, 180, 196, 199
- Левитан Исаак Ильич (1860—1900), живописец — 134
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), немецкий философ, математик, физик, языковед — 62, 183
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), политический деятель и теоретик марксизма, основатель партии коммунистов и Советского государства — 12, 34, 71
- Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик — 174, 364, 376
- Лепсиус Карл Рихард (1810—1884), немецкий египтолог — 106
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт и прозаик — 6, 330, 355
- Лернер Николай Осипович (1877—1934), литературовед — 69
- Лесков Николай Семенович (1831—1895), писатель — 348
- Либер М., французский историк, специалист по истории евреев — 70
- Лобанов, знакомый Розанова в последние годы его жизни — 192
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк, общественный деятель — 233
- Лот, в Ветхом Завете племянник Авраама, спасшийся со своими дочерьми после гибели Содома — 68, 89, 90, 92, 93, 136, 355
- Лютер Мартин (1483—1546), немецкий религиозный реформатор — 102, 260
- Мазини Анджело (1844—1926), итальянский певец — 274
- Маймонид Моисей (Моше бен Маймон) (1135—1204), еврейский философ — 96
- Малинин Александр Федорович (1834—1888), педагог, вместе с Константином Петровичем Бурениным (ум. 1882) составил ряд учебных пособий по различным разделам физи-

- ко-математических знаний, в частности «Руководство по физике» — 233
- Мамай (ум. 1380), будучи фактическим правителем Золотой Орды, организовал ряд походов на русские земли, после поражения в Куликовской битве, потеряв власть, был убит — 297
- Мариам, в Ветхом Завете старшая сестра Аарона и Моисея — 190
- Мария, в Новом Завете жительница Вифании, сестра Лазаря, последовательница Иисуса Христа — 15, 31, 74, 75, 127, 135, 193, 366
- Маркс Карл (1818—1883), немецкий мыслитель, основатель коммунистической теории, названной его именем — 158, 159, 254, 255
- Марновский, директор железнодорожного департамента при Государственном контроле — 274
- Марс, в римской мифологии бог войны, соответствует греческому Арею — 51
- Марсий, в греческой мифологии сатир или силен, вызвавший на состязание в игре на флейте Аполлона и наказанный им — 46
- Марфа, в Новом Завете жительница Вифании, сестра Марии и Лазаря — 46, 74, 135, 366
- Маслов (псевд. Бежецкий) Алексей Николаевич (1852—1922), генерал, писатель — 123
- Матфей, в Новом Завете апостол и евангелист — 48, 163, 171
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), химик, разносторонний ученый, педагог, общественный деятель — 254
- Мендельсон, сыновья немецкого философа Мозеса Мендельсона: Иосиф (1770—1848) и Абрам (1776—1853), отец будущего композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, основали в начале XIX в в Берлине банкирский дом — 299
- Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918), публицист, сотрудник газеты «Новое время», расстрелян — 185, 274
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941), писатель, публицист, философ, общественный деятель, с 1920 — в эмиграции — 124, 125, 259, 352, 356
- Меровинги, первая королевская династия во Франкском государстве (кон V в — 751) — 20, 356, 357
- Метерлинк Морис (1862—1949), бельгийский драматург и поэт — 123, 124
- Мещерский Владимир Петрович (1839—1914), писатель и публицист, издатель газеты-журнала «Гражданин» — 274, 276
- Мильтон Джон (1608—1674), английский поэт и политический деятель — 77, 196, 197, 321
- Милюков Павел Николаевич (1859—1943), историк, публицист, один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК (с 1907), депутат III и IV Государственной думы, после 1917 — в эмиграции — 67, 276, 357
- Митра, в древнеиранской мифологии бог солнца, дневного света, мира между людьми, его культ был распространен по всей Римской империи — 351
- Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, брат Николая II, расстрелян — 34, 35

- Михайловский Николай Константинович (1842—1904), социолог, публицист, литературный критик, общественный деятель — 278
- Моисей, в Ветхом Завете предводитель израильтян, основатель иудаизма, пророк — 6, 32, 34, 56, 62, 70, 74, 78, 85, 96, 122, 141, 148, 175, 178—180, 184, 197, 198, 204, 205, 227, 248, 249, 251, 260, 262, 263, 281, 289, 297, 318, 320, 338, 360
- Моммзен Теодор (1817—1903), немецкий историк — 251
- Мурахина (урожд. фон Цеппелин) Любовь Алексеевна (1859/1860—1919), писательница, переводчица — 240
- Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910), юрист, публицист, один из лидеров кадетов, председатель I Государственной думы — 254
- Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937), историк, публицист, один из редакторов журнала «Русское богатство», председатель ЦК народно-социалистической партии (энесов), в 1922 выслан из страны — 357
- Навуходоносор II, вавилонский царь (605—562 до н. э.), разрушил Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен его жителей («вавилонское пленение») — 68
- Наль, в индийском эпосе царь нишадхов — 44, 225, 240, 328
- Напалкова, знакомая Розанова, выражавшая сомнение в святости Библии — 89, 90
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март — июнь 1815), основатель династии Бонапартов — 11, 96, 167, 225
- Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808—1873), французский император (1852—1870), племянник Наполеона I — 127
- Нафанаил, в Новом Завете один из первых учеников Христа — 367
- Нахамкис — см. Стеклов Ю. М.
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877/1878), поэт, прозаик, общественный деятель — 58, 60, 146, 224, 255, 357
- Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943), режиссер, писатель, драматург, педагог — 59, 60
- Непенина, жена управляющего хозяйственной частью газеты «Новое время» — 7
- Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), живописец, был в дружеских отношениях с Розановым — 123, 124, 192, 281
- Нестор (XI—нач. XII в.), древнерусский писатель-летописец, монах Киево-Печерского монастыря — 133
- Нехао II, египетский фараон XXVI династии, 610—595 до н. э. — 264
- Никитин Иван Саввич (1824—1861), поэт — 272
- Никодим, в Новом Завете фарисей, член синедриона, интересовался учением Христа, участвовал в его погребении после распятия — 195
- Николай I (1796—1855), российский император (с 1825) — 6, 275
- Николай II (1868—1918), российский император (1894—1917) — 18, 125
- Никольский Николай Михайлович (1877—?), историк, автор трудов «Царь Давид и псалмы», «Древний Израиль» и др. — 69

- Никон (Николай Иванович Рождественский) (1851—1918), епископ, редактор «Троицких листков», неоднократно полемизировал с Розановым — 261
- Нилус Сергей Александрович (1862—1929), писатель, публицист, публикатор «Протоколов сионских мудрецов» — 232
- Ницше Фридрих (1844—1900), немецкий философ — 259
- Ноеминь, в Ветхом Завете (книга Руфь) свекровь Руфи — 95, 375
- Нобель Эммануэль (1859—1932), шведский промышленник, владел нефтепромыслами в России (до 1918) — 59, 60
- Новоселов Михаил Александрович (1864—1938), религиозный мыслитель, писатель, расстрелян — 235, 239
- Ной, ветхозаветный праведник, избранный Богом к спасению во время всемирного потопа — 152, 173, 272, 316
- Ньютон Исаак (1643—1727), английский математик, механик, астроном, физик — 77, 183, 326, 364
- Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н. э. — ок. 18 н. э.), римский поэт — 93
- Одиссей, в греческой мифологии царь острова Итака, славившийся умом и хитростью — 180
- Озирис (Осирис), в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, покровитель и судья умерших — 85, 98, 149, 152, 157, 162, 167, 176, 177, 179, 183, 190, 192, 195, 241, 264, 273, 294, 295, 298, 304, 320, 351, 356, 358, 373
- Олесницкий Аким Алексеевич (1842—1907), профессор Киевской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии — 244, 249
- Олсуфьев Михаил Юрьевич, сын графа Ю. А. Олсуфьева — 185
- Олсуфьев Юрий Александрович (1869—1939), граф, юрист, искусствовед, специалист по иконописи и церковно-прикладному искусству, друг Розанова — 184, 185
- Онуфрий (ум. 1829), основатель секты беспоповцев (аароновщины), выступавших в защиту брачной жизни — 351, 358
- Ончуков Н. Е. (1872—1942), сотрудник газеты «Новое время», собиратель печорских былин — 346
- Ориген (ок. 185—253/254), христианский теолог, философ, филолог — 92, 93
- Орфей, в греческой мифологии фракийский певец, славившийся среди богов и людей своим пением и музыкой — 317
- Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург — 36, 348, 371
- Ояма Ивао (1842—1916), японский принц, главнокомандующий сухопутными войсками в Маньчжурии в русско-японскую войну 1904—1905 — 278
- Павел, в Новом Завете апостол — 30, 32, 42, 49, 72—75, 121, 180, 183, 200, 201, 206, 224, 231, 267, 306, 328, 345, 366, 379
- Павел I (1754—1801), российский император (с 1796) — 7

- Панченко Владимир Кириллович, врач, приговорен в 1910 к каторге за соучастие в убийстве — 37
- Паскаль Блез (1623—1662), французский математик, физик, философ и писатель — 74, 81, 104, 140, 154, 238
- Пенелопа, в греческой мифологии жена Одиссея — 68
- Передольский Владимир Васильевич (1869—?), публицист, археолог — 255
- Переферкович Наум Абрамович (1871—1940), филолог, переводчик, комментатор Талмуда — 97, 141, 367
- Перикл (ок. 490—429 до н. э.), афинский стратег (главнокомандующий) — 373
- Персефона, в греческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых — 152
- Перцов Петр Петрович (1868—1947), публицист, литературный критик, издатель — 370
- Петр, в Новом Завете апостол — 50, 58, 72, 73, 166, 180, 306, 366, 379
- Петр I Великий (1672—1725), российский царь (с 1682, правил с 1689), первый российский император (с 1721) — 6, 7, 194, 297, 330
- Петрарка Франческо (1304—1374), итальянский поэт — 311
- Петров Григорий Спиридонович (1868, по др. данным, 1866—1925), священник, публицист, депутат II Государственной думы, в 1908 был лишен сана, с 1921 — в эмиграции — 45, 78, 79, 154—156, 338
- Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885), поэт, философ, филолог, с 1836 — в эмиграции — 357
- Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933), экономист, публицист, член редколлегии журнала «Русское богатство», министр продовольствия Временного правительства, с 1922 — в эмиграции, консультант советского торгпредства в Прибалтике (с 1927) — 276, 356, 357
- Пигмалион, в греческой мифологии скульптор, царь Кипра, влюбившийся в созданную им статую Галатеи — 328
- Пизарро (Писарро) Франсиско (1470/1475—1541), испанский конкистадор — 376
- Пилат Понтий, римский наместник Иудеи (26—36), согласно Новому Завету, при нем был распят Иисус Христос — 119, 205, 322
- Пиндар (ок. 518—442/438 до н. э.), древнегреческий поэт-лирик — 180
- Пипин Короткий (714—768), франкский король (с 751) — 356, 357
- Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), публицист, литературный критик, ведущий сотрудник журнала «Русское слово» — 146, 169
- Питт Уильям Младший (1759—1806), английский политический деятель, премьер-министр (1783—1801, 1804—1806) — 318
- Пифагор (VI в. до н. э.), древнегреческий философ, религиозно-политический деятель, математик — 81, 304
- Платон (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 72, 74, 77, 104, 122, 149, 177, 237, 251, 263, 271, 291, 304, 309, 318, 373, 374, 378
- Плющик-Плющевский Яков Алексеевич, директор петербургского Литературно-артистического кружка, чиновник министерства внутренних дел — 123

- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), правовед, обер-прокурор Синода в 1880—1905 — 340
- Порция (ум 42 до н. э.), римская республиканка, дочь Катона Младшего, жена Марка Юния Брута — 68
- Посошков Иван Тихонович (1652—1726), экономист и публицист — 128
- Протасов Николай Александрович (1799—1855), обер-прокурор Синода (с 1836) — 6
- Прудон Пьер Жозеф (1809—1865), французский экономист, теоретик анархизма, социалист — 121
- Птолемеи (Лагиды), царская династия в эллинистическом Египте (305—30 до н. э.) — 379
- Пугачев Емельян Иванович (1740/1742—1775), донской казак, предводитель крестьянского восстания в 1773—1775 — 378
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт и прозаик — 6, 51, 52, 242, 267, 275, 278, 330, 331
- Ра, в древнеегипетской мифологии бог солнца, считался царем и отцом богов — 90, 107, 111, 328
- Рагозина Зинаида Александровна, автор книг по истории Древнего Востока — 192
- Радко-Дмитриев, военный деятель, участник Первой мировой войны — 243
- Рачинский Сергей Александрович (1833—1902), ботаник, деятель народного просвещения — 75, 78, 281
- Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892), французский филолог, историк, писатель — 50, 65, 238, 327
- Репин Илья Ефимович (1844—1930), живописец — 329
- Рихман Георг Вильгельм (1711—1753), физик, академик Петербургской Академии наук (1741), исследовал атмосферное электричество, во время эксперимента погиб — 233
- Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), крупный помещик, председатель III и IV Государственной думы (1911), с 1920 — в эмиграции — 6, 67, 250, 276, 357
- Родичев Федор Измайлович (1853, по др. данным, 1854—1933), юрист, земский деятель, член ЦК партии кадетов, депутат I—IV Государственной думы, с 1919 — в эмиграции — 251
- Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909), вице-адмирал, командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой, которая была разгромлена в Цусимском сражении (1905) — 278
- Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — 10, 27, 35, 66, 122, 179, 180, 182, 184, 225, 233, 346
- Розанов Василий Васильевич (Вася) (1899—1918), сын писателя — 182, 185, 190
- Розанов Дмитрий Васильевич (1852—1895), брат писателя — 314
- Розанова Варвара Васильевна (Варя) (1898—1943), дочь писателя — 182
- Розанова Вера Васильевна (1848—1867/1868), сестра писателя — 233
- Розанова Вера Васильевна (Вера) (1896—1919), дочь писателя — 122, 303
- Розанова Надежда Васильевна (Надя) (1900—1956), дочь писателя — 178, 182
- Розанова Татьяна Васильевна (Таня) (1895—1975), дочь писателя — 182
- Розенблюм Аркадий Ефимович, врач в Луге — 37

- Ротшильд, глава банкирского дома — 70, 299
- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894), пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель — 134
- Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881), пианист, дирижер, музыкально-общественный деятель — 134
- Руманов Аркадий Вениаминович (1878—1960), публицист, заведующий петербургским отделением газеты «Русское слово» — 134, 186
- Руфь, в Ветхом Завете прабабка царя Давида — 34, 40, 57, 89, 94, 95, 188, 190, 341, 349, 375, 376
- Рцы, псевдоним Ивана Федоровича Романова (1861—1913), писателя, публициста, друга Розанова — 72, 73, 140
- Самсон, в Ветхом Завете судья (правитель), обладавший богатырской силой — 36
- Сара, в Ветхом Завете невеста и жена Товии — 69, 153
- Сара (Сарра), в Ветхом Завете жена Авраама — 76, 136
- Сатурн, в римской мифологии бог, отождествлявшийся с греческим Кроносом, пожирившим своих детей — 30
- Саул, первый всеизраильский царь (примерно до 1004 до н. э.) — 236
- Сезострис, мифический египетский правитель, завоевавший значительную часть мира, законодатель, в его облике угадываются черты некоторых реальных фараонов, прежде всего Рамзеса II и Шешонка (библейский Сусахим) — 264
- Селиванов Кондратий Иванович (ум. 1832), крестьянин, основатель секты скопцов — 167
- Сеннехерим (Сеннахирим), царь Ассирии в 704—681 до н. э. — 205
- Серафим (Яков Мещеряков) (1861—?), епископ Острожский, религиозный писатель, автор книги о прорицателе Валааме — 270
- Серафим Саровский (Прохор Сидорович (Исидорович) Мошнин) (1754, по др. данным, 1759—1833), православный подвижник, канонизирован — 71
- Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616), испанский писатель — 277
- Сервет Мигель (1509/1511—1553), испанский мыслитель, врач, был обвинен в ереси и сожжен — 160
- Сергий Радонежский (Варфоломей Кириллович) (1314/1321—1392), православный подвижник, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря — 297
- Силен, в греческой мифологии демон плодородия из свиты Диониса — 377
- Силуан, в Новом Завете сподвижник апостола Павла — 216
- Сильвестр (ум. ок. 1566), священник, известен своей редакцией книги «Домострой» — 56
- Сим, в Ветхом Завете один из сыновей Ноя — 173, 316
- Симеон Богоприимец, в Новом Завете старец, встретивший на пороге храма младенца Христа — 119
- Симон I Праведный, иудейский первосвященник в период между 300 и 246 до н. э. — 46, 154, 238
- Симонсен Д., датский исследователь истории евреев — 70

- Скворцов Василий Михайлович (1859—1932), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, публицист, редактор и издатель ряда церковных изданий — 239
- Скублинская Марианна, польская акушерка, убивавшая новорожденных детей (преступление раскрыто в 1890) — 87
- Слонимский Людвиг Зиновьевич (1850—1918), публицист, сотрудник журнала «Вестник Европы» — 134
- Смирнов Алексей Матвеевич, издатель сборника русских сказок — 346
- Смирнов Капитон Иванович (1827—?), автор учебника по географии — 179
- Соколов Николай Дмитриевич (1870—1928), адвокат, социал-демократ, после Февральской революции один из авторов приказа № 1 по армии, который подорвал ее регулярный характер — 43
- Сократ (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ — 57, 58, 149, 197, 264, 271
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), философ, поэт, публицист — 16, 125, 255, 355
- Соловьев Михаил Петрович (1842—1901), начальник Главного управления по делам печати, писатель, публицист — 340
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк — 254
- Соломон, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — ок. 926 до н. э.) — 30, 41, 67, 74, 129, 177, 180, 251, 263, 268, 315, 330
- Сосницкий Юлий Осипович, управляющий книжным магазином и складом газеты «Новое время» — 185
- Софокл (ок. 496—406 до н. э.), древнегреческий драматург — 84
- Спенсер Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 168, 318, 353
- Спиноза Бенедикт (Барух) (1632—1677), голландский философ — 57
- Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театрального искусства — 59, 60
- Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович (1873—1941), публицист, историк, политический деятель, репрессирован — 34, 35, 69, 70
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), министр внутренних дел и председатель Совета министров (с 1906), руководитель разработанной им аграрной реформы -- 228
- Стороженко Николай Ильич (1836—1906), историк западноевропейских литератур, профессор Московского университета — 254
- Страбон (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.), древнегреческий географ и историк — 294
- Страхов Николай Николаевич (1828—1896), философ, публицист, литературный критик — 36, 182, 266, 271, 355
- Струве Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, философ, историк, публицист, общественно-политический деятель, после 1920 — в эмиграции — 356
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист и издатель, с 1876 выпускал газету «Новое время», в которой сотрудничал Розанов — 185, 274, 312

- Суламифь (Суламита), в Ветхом Завете возлюбленная из книги Песнь Песней — 39—41, 68, 69, 74, 75, 97
- Сулла (138—78 до н. э.), римский полководец, консул (88), диктатор (82—79 до н. э.) — 237
- Сумароков Александр Петрович (1717—1777), писатель — 28
- Сусанин Иван Осипович (ум. 1613), крестьянин Костромского уезда, заведший поляков-интервентов в непроходимые болота, где был замучен — 325
- Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — ок. 117), римский историк — 19, 259
- Тимофей, в Новом Завете сподвижник апостола Павла — 200, 201, 203, 216
- Тит (39—81), римский император (с 79), в Иудейскую войну разрушил Иерусалим (70) — 208
- Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), литературовед и археограф — 254
- Товит, в Ветхом Завете отец Товии — 69
- Товия, в Ветхом Завете главный персонаж книги Товита — 153, 198, 362
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875), граф, писатель — 20
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель и мыслитель — 7, 43, 154, 157, 158, 238, 239, 243, 272, 273, 338, 341, 364, 365
- Трофимов А. И., инженер-технолог, экономист — 27
- Тураев Борис Александрович (1868—1920), востоковед — 149, 241
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 272, 337, 347, 348, 376
- Тьери (Тьерри) Огюстен (1795—1856), французский историк — 20
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт, публицист, дипломат — 28
- Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф, политический деятель и мыслитель, министр народного просвещения (1833—1849) — 275
- Уран, в греческой мифологии бог неба, был свергнут сыном Кроносом — 30
- Успенский Василий Васильевич, профессор Петербургской духовной академии — 261
- Успенский Глеб Иванович (1843—1902), писатель — 237
- Устьянский Александр Петрович (1854/1855—1922), протоиерей из Новгорода, друг Розанова и его многолетний корреспондент — 239
- Фаррар Фредерик Уильям (1831—1903), английский писатель и теолог — 45, 154, 155
- Фауста (ок. 290—326), жена римского императора Константина I Великого — 51
- Фейербах Людвиг (1804—1872), немецкий философ — 327
- Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), афинский полководец и политический деятель — 251, 263, 288, 352
- Феодорит Кирский (387/393—457/460), христианский церковный деятель, богослов, агиограф — 212
- Феофан Затворник (Георгий Васильевич Говоров) (1815—1894), церковный деятель, епископ, отшельник (с 1872), богослов, религиозный писатель, переводчик — 102, 103

- Феофил, религиозный писатель, автор книги «Сивилла-прорицательница» — 317
- Фигнер Вера Николаевна (1852—1942), революционная народница, писательница — 356
- Фидий (нач V в. — ок 432/431 до н э), древнегреческий скульптор — 288
- Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), церковный деятель, митрополит Московский (с 1826), богослов, философ, историк, проповедник — 5, 6, 261
- Филипп II (ок. 382—336 до н. э.), царь Македонии (с 359 до н. э.), отец Александра Македонского — 318
- Филиппов Третий Иванович (1825—1899), директор Государственного контроля, общественный деятель, публицист, знаток церкви — 274
- Филит, в Новом Завете (послание Павла) христианин, отступивший от истины — 200, 201
- Флексер (псевдоним Волынский) Аким Львович (1861, по др данным, 1863—1926), критик, историк и теоретик искусства, философ — 69, 134, 266
- Флиндер, автор рисунков на темы египетской мифологии — 113
- Флоренский Павел Александрович (1882—1937), священник, религиозный философ, ученый, инженер, репрессирован — 52, 55, 111, 122, 140, 177, 185, 239, 255, 279, 314, 364
- Фома Кемпийский (Фома Гемеркен) (1379/1380—1471), немецко-нидерландский мистик — 50
- Фон-Визин (Фонвизин) Денис Иванович (1744/1745—1792), писатель и социально-политический мыслитель — 36
- Фохт Карл (1817—1895), немецкий философ и естествоиспытатель — 82
- Франс Анатоль (1844—1924), французский писатель — 50
- Франциск Ассизский (наст имя и фам Джованни Бернардоне) (1181/1182—1226), итальянский проповедник, религиозный поэт, основатель ордена францисканцев — 50, 160, 263, 286, 297, 309, 365
- Фридрих II (1712—1786), прусский король (с 1740) из династии Гогенцоллернов, полководец — 287
- Фукидид (ок. 460—400 до н. э.), древнегреческий историк — 19
- Хайес Т. П., историк из Триеста, специалист по истории евреев — 70
- Хам, в Ветхом Завете второй из трех сыновей Ноя — 272, 316, 374
- Хеттура, в Ветхом Завете жена Авраама — 163
- Хильперикс (Хильдерик III), последний король из династии Меровингов, ум 755, правил в 743—751 — 356
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), философ, писатель, публицист, общественный деятель — 238, 239
- Цезарь, титул римского императора — 127
- Цезарь Гай Юлий (102/100—44 до н э.), римский диктатор, полководец, писатель — 68, 237
- Цельнер Иоганн Карл Фридрих (1834—1882), немецкий астрофизик — 355
- Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1859), политический деятель, депутат II Государственной думы, министр Временного правительства, с

- 1918 — в правительстве Грузии, с
1921 — в эмиграции — 276
- Цибела — см. Кибела
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856),
мыслитель и публицист — 347,
375
- Чернышевский Николай Гаврилович
(1828—1889), писатель, публицист,
критик, философ, общественный
деятель — 337, 348
- Чертков Владимир Григорьевич (1854—
1936), друг и единомышленник Л. Н.
Толстого, издатель его произведений
— 154
- Чупров Александр Иванович (1842—
1908), экономист, статистик, публи-
цист, общественный деятель — 254
- Шампольон Жан Франсуа (1790—1832),
французский египтолог — 106
- Шацман Лейзер, автор письма к Розано-
ву — 18
- Шейн Павел Васильевич (1826—1900),
фольклорист и этнограф — 134, 329
- Шекспир Уильям (1564—1616), англий-
ский драматург и поэт — 277
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805),
немецкий поэт, драматург, теоретик
искусства — 277
- Шлейермахер Фридрих (1768—1834),
немецкий протестантский теолог и
философ — 286
- Шперк Федор Эдуардович (1872, по др.
данным, 1870—1897), философ,
поэт, критик, друг Розанова — 88,
89, 182
- Штёкер Адольф (1835—1909), немецкий
пастор и политический деятель —
71, 228, 302
- Штраус Давид Фридрих (1808—1874),
немецкий теолог и философ — 65,
327
- Шубинский Сергей Николаевич (1834—
1913), журналист, историк, издатель
журнала «Исторический вестник» (с
1880) — 184
- Щедрин Н. (наст. имя и фам. Михаил
Евграфович Салтыков) (1826—
1889), писатель, публицист, издатель
— 28, 36, 169, 326, 348, 356
- Щербатов Сергей Александрович (1875—
1962), искусствовед, коллекционер
— 123
- Щусев В. П., инженер, изобретатель ско-
ростных поездов — 228
- Эдип, в греческой мифологии сын царя
Фив Лая, который по неведению
убил своего отца и женился на ма-
тери, узнав правду, он ослепил себя
— 76, 84, 85
- Энгельс Фридрих (1820—1895), не-
мецкий мыслитель и политичес-
кий деятель, соратник К. Маркса
— 254
- Эндимион, в греческой мифологии пре-
красный юноша, взятый Зевсом на
небо, усыпив его, Зевс сохранил тем
самым ему вечную молодость и кра-
соту — 368
- Эней, в греческой и римской мифологи-
ях сын Анхиса и Афродиты (Вене-
ры), ставший родоначальником
Рима, легенды об Энее получили
окончательную обработку в «Энеи-
де» Вергилия — 376, 377
- Эос, в греческой мифологии богиня ут-
ренней зари — 181, 267, 286—288

Эразм Роттердамский (1469—1536), гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель — 169, 170

Эрн Владимир Францевич (1882—1917), философ, историк философии, публицист — 177

Эфрон (псевд Литвин) Савелий Константинович (Шеель Хаимович) (1849—1926), писатель, мемуарист — 97, 192, 319

Эфрос Ревекка Юльевна, знакомая Розановых — 185

Ювенал Децим Юний (ок 60 — ок. 127), римский поэт-сатирик — 294

Юлий Африканский (II в), учитель церкви, христианский мученик — 212

Юпитер, в римской мифологии верховный бог — 351, 374

Юстиниан I (482/483—565), византийский император (с 527) — 68, 204

Юсупов Николай Борисович (1750—1831), князь, министр департамента уделов, член Государственного совета, директор императорских театров, владелец и строитель усадьбы Архангельское, меценат — 275

Янжул Иван Иванович (1846—1914), экономист, статистик, профессор Московского университета — 254

Ярославна (Ефросинья Ярославна) (2-я пол XII в), жена князя Новгород-Северского Игоря Святославича, дочь князя Галицкого Ярослава Владимировича Осмомысла — 68

Составитель *В М Персонов*

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫПУСКИ № 1—10

№ 1

К читателю. — 5 Рассыпанное царство — 5. Как мы умираем? — 8.

№ 2

Мое предвидение. — 11. Последние времена. — 12.

№ 3

Кроткая — 16 Что-то такое случилось. — 17 Зачем они звонят? — 17
Дед — 18. «Москва слезам не верит» — 18 Об одном народце. — 19
Ежедневность — 21 Солнце — 22

№ 4

Правда и кривда — 22 Из тайнств Христовых — 26 Сын — 26 Сол-
нце — 26

№ 5

Немного и радости. — 28. Опасная категория. — 29 Огонь Христов — 30
Тайны мира — 30. Испытание в пустыне — 31 Солнце — 31 Religio — 31
Туфля. — 32.

№ 6—7

Переживание. — 33. Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погро-
мов? — 34 Еще о «сыне» в отношении «Отца». — 41 Приказ № 1 — 42

№ 8—9

Христианин. — 44 La Divina comedia. — 45. Странность — 45 Perturbatio
aeterna — 47. Надавило шкафом. — 49 Три гороскопа. — 50 О страстях
мира — 51

№ 10

Солнце. — 56. Корень вещей. — 56. Древность и христианство — 56. Домо-
строй. — 56. Христос между двух разбойников. — 58. Как падала и упала
Россия. — 59. Совет юношеству. — 60

ТЕКСТ «АПОКАЛИПСИСА...»,
ПУБЛИКУЕМЫЙ ВПЕРВЫЕ

К читателям 61

К предисловию 64

Предисловие ко второму изданию первого выпуска 66

I

В сумерках нашего бытия. — 67. В твоих судьбах, Израиль... — 67. Мистицизм, а не физиология пола. — 70. Апокалипсис <6.VII 1917>. — 70. Апокалипсис (14.VII. 1917). — 80. Первоначала. — 81. Звуки пустые. — 86. И все-таки они «гои»... — 88. Жизнь. — 98. Существует эта особенная, та таинственная .. — 100. Вся христианская литература... — 101. Окаянная... — 101. Христианство есть грех. — 101. И входящий гость думает... — 103. Сокрытая Шир Гаширем. — 104. Ах — СЛОВО, ПРОКЛЯТОЕ слово. — 105. Бог и человек. — 105. Солнце. — 107. Прикосновения. — 107. Пороки. — 110. Сперматозоиды тянутся из Солнца. — 110. «Не нужно более обреза́ния. .» — 110. Что такое «астартический принцип»? — 111. Перед запертою дверью — 111. Причина обезумения человеческого. — 113. Столпы и труха — 114. Козел. — 119. Неси, Розанов, судно для человечества. — 122. Апокалиптика русской литературы <декабрь 1917 г.> — 123. Усни, наша мамочка... — 122. Ταζις — порядок. — 129. «В вечном рассеянии». — 133. Связь вещей. — 135. «Эос». — 135. — Печаль. — 136. Няня. — 137. Псевдомессия. — 138. Или мир потухнет... — 138. Перехожу в еврейство. — 139. Пыль. — 143. Primum movens. — 145. Venus. — 145. Хрящевые рыбы. — 146. «За грехи мира...» — 146. Между... — 147. Вяленькая. — 147. Начало эры. — 148. Сокровище смиренных. — 149. Музыка. — 152. Еврей и его лавочка. — 153. Клубок. — 153. Апокалиптика русской литературы <6 июля 1918 г.>. — 157. Богатство. — 161. Вифлеемская ночь. — 163. Мир — 164. За теньями вечера. — 165. Возраст цивилизации. — 165. Голиаф и Давид. — 166. Море. — 166. Неудавшееся христианство. — 166. Небо и земля. — 167. Тайна. — 168. Большевики... — 169. Бывает... — 169. Скромнее! Скромнее! . — 171. «Елины, во Христа креститесь...» — 171. Христос провонял семью человеческую. — 172. Мир есть несомненно семя. — 173. «Поперек». — 173. Озирианская мистерия. — 174. Болит душа о всем мире... — 176. ...вся слава цветущих лесов... — 177. Все святые православия... — 178. Я теперь радуюсь каждому жидку... — 178. Идеей зерна раскалывается весь христианский мир. — 180. Я достиг, наконец, того, чтобы взять звезду в руки... — 182. Обращение к евреям. — 184. В «раздвоении», а не «два». — 190. Одно было золото — сердце, ум. — 192. Общая концепция. — 193.

II

Антихрист. — 200. Апокалипсис. — 203. Апостола Павла Второе послание к Фессалоникийцам. — 216. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа» и кредит. — 217. Бог и боль. — 223. В безмолвии растений... — 224. ...<в>евреях же — страшная самостоятельность... — 224. «Вечная пахучесть» Египта... — 225. Вечное

афродизианство. — 226. Вечное благословение. — 227. Вечное разделение — 227. Вопросы о вопросах... — 228. Время человека. — 231. . . все думаю, все думаю. . — 231 Все затянуло социал-демократией. — 232. Господин Нилус в известной книге... — 232. Государи давно сделались... — 232. Грозовые явления. — 233. ...да ведь и в космогонии устроено. — 235. Да ведь почему собственно врата-то адавы не одолеют? — 235. .. да Лазарь *с идеалом его* .. — 235. Давид и Саул. — 236. Девушка и солнце. — 236. Достоевский первый у нас заговорил... — 237. Древность. — 237. Дырявые небеса. — 237. Евангелисты. — 238. Европа — гусеница. — 239. Египтяне не спешили... — 240. Единственное, единственное, единственное. — 240. Ежедневное («И вот тащит кусочек сахарину...»). — 241 Ежедневное («С базара идешь...»). — 242. Если бы вместо того, чтобы называть в литературе Леонида Андреева... — 242. Еще о пустынноуединении Христа. — 242 Еще почему жизнь «не угасает»? — 244. Живое солнце в графическом изображении египтян... — 246. Загадка без разгадки. — 246. И вот выходит лев на ловитву. — 247. И вот — исход (уже от Египта!!!)... — 247. «И голени его не были перебиты...» — 248. И еще, и еще. — 250. Иерусалим. — 251. Из глубин евангельских. — 252 Из глубин Христовых. — 252. Из жизни, мечтаний и действительности. — 254. Из разговоров с одним немцем. — 256. Из таинств Христовых («Не удивительную ли сторону...»). — 260 Из таинств Христовых («Удивительно, что в то время как. .»). — 261 Из тайн Христовых. — 262. Из чего сплавилось христианство. — 262 Именно — она? — 264. Исторические пропорции. — 264. К миру, к читателям, к людям . — 265. К портрету Страхова. — 266. К психологии Ап Павла — 267 Киликия. Тарс. Адриан. — 267 Когда царица бывает похожа на горничную? — 267. Колесница Иезекииля и «белые одежды» — 268 Корень. — 269. Космогония. — 270 Cultus falli. — 270. «Любите ближних ваших» — 271. Магия — 271. Мессия. — 273. Механизм падения русского царства. — 273. Мне иногда кажется, что Бог. — 276. Мне как-то пришлось прочесть... — 277. Моему другу Павлу Фл. . — 279 Может ли «возродиться», что никогда не жило? — 279. Моисей и Египет — 281. Мотылек — 282. Мотыльки. — 283. На объяснения социал-демократии и марксизма. — 284. Наше содержание. — 284. «Не тот! Не тот!» — 285. Не хочу действовать на лжи. — 285. Небеса строги. — 285. «Небо» там и здесь — 289. Нужно Справедливости хартию небесную разодрать... — 289. Нумизматика — 290 О поклонении аписам у древних египтян. — 292. О ты, который любишь Себя... — 296. «Обрезание Господне». — 298. Одна Русь молится. — 299. Он и умер за «грехи мира» .. — 299. Онтология. — 299. Opens («Детородильная религия...»). — 302. Oriens («Ничего не делай за поцелуй...») — 302. Отец. — 303 Отец и небытие. — 306. Первая пища! Первая пища! — 307. Песни одиночества. — 308. Планетный ум. — 309. Полем восстания против Христа делается Россия. — 310. Порнография. — 311. Почему сотворено и зло. — 312. Почему так моментально произошла и кончилась революция? — 312. Предатели — политики. — 313. Предчувствия первых христиан о конце мира и об Антихристе. — 314. Природа. — 322 Проблема: каким образом из ощущения... — 324. Псевдообрезание. — 324. Путанные небеса. — 325. Пьяная, мутная... — 326. Разрушение мира. — 326. Religio. — 327 Репин. — 329. Решительно надо бы собрать не *серьезные* пословицы .. — 329. Род, род, рождение, из камня... — 329. Россия. — 330. Свеча. — 330. Смерть и жизнь. — 330. Содом — 331. Солнце («...боже мой, боже мой, боже мой .»). — 331

Солнце («Гордое солнце ») — 332 Солнце («И еще, и еще . ») — 332 Солнце («Музыки, музыки, музыки ») — 332 Солнце («Не видно ли из этого ») — 333 Солнце («Попробуйте распять солнце ») — 334. Солнце и его тень — 334 Солнце и филология — 335 Солнце — растет — 336 Социализм заключается в мужестве убить — 337 Спасение мира. — 337 Средоточие — 338 Странно, дико и непереносимо для страны — 339. Странное разделение — 339 Странные вопросы — 341 Странные страшные мысли — 342 Сын — 344 Таинственные соотношения — 346 Тайна — 348 Так, образом, ко времени пришествия Христа — 350 Тени — 350 «Ты еси Бог, творяй чудеса». — 354 Филология или онтология? — 354 < > филологов Они говорили — 355 Хильперикс — 356 Христианам — 357 Христианская любовь — 358 Христианство — 359. Христианство есть абсолютная бесполость . — 360 Христианство как мировая осень. — 360 Христос. — 361 Христос и Гермес — 361 Христос и люди — 364. Христос и мир — 364. Христос и революция («Вся наша революция ») — 365. Христос и революция («Сначала и долго кажется ») — 366 Церковь — 366 «Чичиков» П П Перцова. — 370. Чудеса евангельские — 371 Шакал — 371 Электричество и «тени» Платона — 373 Я. — 374 Я введу эту мистерию — 374 Я не хочу зимы в христианстве — 377 Язычество и христианство 378 яко в век милости его. — 378

С Р Федякин О последней книге Василия Розанова 380

КОММЕНТАРИИ 387

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 403

Василий
Васильевич
Розанов

Собрание сочинений

Апокалипсис нашего времени

На суперобложке — репродукция
гравюры А. Дюрера
«Апокалипсис» (1498)

Заведующий редакцией
М. М. Беляев

Ведущий редактор
П. П. Апрышко

Редакторы
Ж. П. Крючкова и Т. В. Исакова

Художественный редактор
О. Н. Зайцева

Технический редактор
Е. Ю. Куликова

Корректор
Т. И. Радина

ЛР № 010273 от 10.12.97

Сдано в набор 24.05.00

Подписано в печать 27.11.00

Формат 60x84^{1/16}

Бумага офсетная № 1

Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная

Усл. печ. л. 25,11 Уч.-изд. л. 28,53

Тираж 5000 экз. Заказ № 5966

Электронный оригинал-макет
подготовлен в издательстве

Издательство «Республика»
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7

ОАО «Типография «НОВОСТИ»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РЕСПУБЛИКА»

Выпускает

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В. В. РОЗАНОВА

В 1994—2000 гг.

вышли следующие тома:

Т. 1 — Среди художников

Т. 2 — Мимолетное

Т. 3 — В темных религиозных лучах

Т. 4 — О писательстве и писателях

Т. 5 — Около церковных стен

Т. 6 — В мире неясного и нерешенного

Т. 7 — Легенда о Великом инквизиторе

Ф. М. Достоевского

Т. 8 — Когда начальство ушло...

- Т. 9 — Сахарна**
Т. 10 — Во дворе язычников
Т. 11 — Последние листья
Т. 12 — Апокалипсис нашего времени

**Подготовлены к выпуску
следующие тома:**

- Т. 13 — Литературные изгнанники
(Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев)**
Т. 14 — Возрождающийся Египет
Т. 15 — Семейный вопрос в России
Т. 16. — Философская публицистика